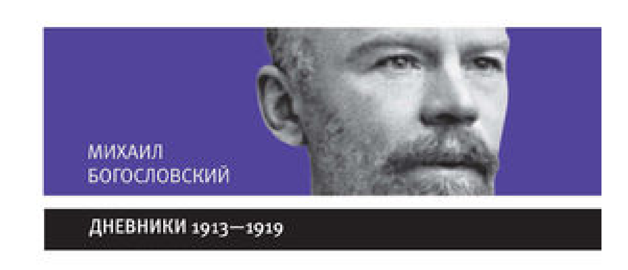
Михаил Михайлович Богословский

Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея

Время; Москва; 2011
ISBN 978-5-9691-0653-6

Аннотация

Дневники М. М. Богословского (1867–1929), одного из виднейших представителей московской школы историков, ученика и преемника В. О. Ключевского на кафедрах русской истории в Московском университете и Духовной академии, впервые публикуются в полном объеме. Основу составляют ежедневные записи с июля 1915 г. по ноябрь 1917 г., публикуются также сохранившиеся фрагментарные записи 1913 г. и дневник за два месяца 1919 г. Многочисленные сведения о событиях и лицах, с которыми М. М. Богословского сталкивала судьба, стремление вписать свои наблюдения в контекст русской истории делают его дневники ценнейшим историческим источником, важным для понимания университетской и интеллигентской среды в эпоху кризиса всех традиционных ценностей. Дневниковые записи позволяют также лучше понять внутренний мир крупного ученого, его мировоззрение, оценить его вклад в историческую науку и вместе с тем ощутить обаяние его личных, человеческих качеств. Для историков и всех интересующихся отечественной историей.

Содержание

Михаил Богословский Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного Исторического музея

Дневник московского историка и его особенности

С недавнего времени дневниковые записи, эпистолярия и мемуары стали для многих особо привлекательным чтением. Интересующимся историей это помогает отойти от навязчивого схематизма и одноцветности в изображении и истолковании явлений прошлого. Заметное усиление тяги ученых историографов к такого типа документации показывает изменение представлений о предмете и задачах историографии – отрасли исторической науки, изучающей ее историю, развитие исторической мысли. Ранее, в советские годы, внимание историографов сосредоточивалось преимущественно на концепциях исторического процесса (в целом и в частностях), общественно-политических воззрениях историка и проявлениях его активного участия в общественной жизни. Ныне, осознавая все в большей мере, что всякое творение отражает натуру своего творца, стремятся ознакомиться и с источниками, позволяющими познать особенности образа мысли и поведения историка, приемы его каждодневного труда, его внутренний мир и его взаимосвязи с научным и иным окружением. Тем самым, дневники, письма, мемуары историков стали восприниматься как существенная сфера их творческой деятельности; и численность документальных публикаций подобных исторических источников и трудов (статей, а теперь уже и книг), основанных на их изучении, неизменно увеличивается.

Историк Михаил Михайлович Богословский (1867–1929) – профессор Московского университета, а также Высших женских курсов и Московской духовной академии, в 1921 г. ставший членом Российской академии наук – одна из самых заметных фигур в сфере научно-просветительской жизни Москвы первой четверти XX столетия. В наши дни творческое наследие ученого вызывает возрастающий интерес; все более осознаем и значимость содеянного им для развития нашей исторической науки. В монографиях Богословского «Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–1727 гг.» и «Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.» (в основе которых магистерская и докторская диссертации историка) исследуется повседневная жизнь, показаны информационный потенциал источников ее изучения (прежде всего документов делопроизводства) и методические приемы выявления таких данных, как история повседневности, микроистория, локальная история – проблематика, особо привлекательная в последние десятилетия для историков всего мира. Монументальный труд М. М. Богословского «Петр Великий: Материалы для биографии» остался незавершенным (биография доведена до 1700 г.), но признается самым выдающимся образцом исследования биографии государственного деятеля изо дня в день.

Выпускник и профессор Московского университета, с 1911 г. заведовавший кафедрой русской истории, возглавлявшейся до того В. О. Ключевским, сыграл особо заметную роль в формировании исследовательского и преподавательского мастерства тех виднейших историков советских лет, которые старались сохранять и совершенствовать славные традиции нашей исторической науки – знаменитые профессора Московского университета академики Н. М. Дружинин, В. И. Пичета и М. Н. Тихомиров, учителя уже моего поколения историков, подчеркивали значение именно семинариев профессора Богословского предреволюционного десятилетия в становлении их творческих навыков и напоминали о дорогом учителе, обращаясь к молодежи. Наставничеству Богословского обязана формированием уже в 1920-

е годы (когда профессора истории – «спецы» дореволюционных университетов усилиями М. Н. Покровского были отлучены от преподавания в вузах) и школа исследователей – музейных работников в Историческом музее, к которой восходят достижения нашего современного музееведения. Богословский немало сделал для выработки программы краеведческой работы 1920-х годов, развития архивного дела и его взаимосвязи с наукой.

М. М. Богословский скончался 20 апреля 1929 г. Пораженные этой утратой историки сразу же попытались написать тексты некроложного стиля, выступали с воспоминаниями. Готовился сборник статей памяти ученого. Но с фальсификацией ОГПУ «академического дела» историков и арестом академиков С. Ф. Платонова (в Ленинграде) и М. К. Любавского (в Москве) и ученых из окружения их и академика М. М. Богословского работа эта прервалась. Как явствует из следственного дела, Богословского старались изобразить руководителем московских участников сфабрикованного ОГПУ монархического заговора. Публикация его сочинений прекратилась, подготовленный С. Ф. Платоновым для академического издания некролог тогда не увидел свет.

В середине 1930-х гг. оставшимся в живых потерпевшим по «академическому делу» дали возможность вернуться к научной работе. К тому времени отступились и от официально навязываемого М. Н. Покровским и его «школой» вульгаризаторского социологического схематизма и национального нигилизма в изображении прошлого России. «Государственнические» воззрения по существу находили отражение в официальной программе создания произведений искусства (прежде всего кино) и художественной литературы, долженствующих противостоять внушавшимся ранее представлениям Покровского об этом периоде истории. Решено было готовить и издание незавершенного многотомного труда Богословского о жизни и деятельности Петра Великого. Этим занялась верная ученица Богословского Н. А. Бакланова[1]. Правда, в издание этих пяти томов внесена была конъюнктурная цензурная правка – изменения и в заголовке и в тексте[2].

В учебном пособии профессора Н. Л. Рубинштейна «Русская историография» (вышедшем в 1940 г.) – лучшем обобщающего типа историографическом труде советской эпохи – в емкой характеристике написанного М. М. Богословским отмечено, что историк ставил перед собой задачу «восстановить конкретную историческую картину», воспроизвести «конкретные отношения реальной жизни».

Но еще в 1948 г., когда развернулась безобразная кампания «разоблачения» вредоносности якобы методологии и общественно-политических взглядов виднейших ученыхгуманитариев начала XX века и в академических научных изданиях появились статьи такой направленности об историках А. С. Лаппо-Данилевском и А. Е. Преснякове и филологе А. А. Шахматове, писали, что в книгах Богословского о Петре I высказываются «откровенно… реакционные взгляды». И первые печатные труды, специально посвященные Богословскому, могли появиться только после посмертной реабилитации осужденных в 1931 г. академиков и возвращения им этого звания в 1967 г. Автор первой обстоятельной статьи о Богословском, напечатанной в 1974 г. в 93 томе «Исторических записок» академик Л. В. Черепнин (сам в молодые годы пострадавший по «академическому делу») использовал широко и архивные материалы, ознакомив и с фрагментами дневниковых записей историка. Использовала эти

[1] О ней см.: *Бакланова Н. А.* // Московская энциклопедия. Т. 1. Лица Москвы. Кн. 1. А—3. С. 117–118 (автор А. В. Мельников).

[2] *Мельников А. В.* К истории публикации труда академика М. М. Богословского «Петр Великий: Материалы для биографии» // Источниковедение и краеведение в культуре России. Сб. к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 444–447; *Шмидт С.* О. Труд академика М. М. Богословского «Петр Великий: Материалы для биографии» //Материалы и исследования Государственного Историко-культурного Музея-заповедника «Московский Кремль». Вып. XIII. Петр Великий: реформатор России. М., 2001. С. 12–24. Перепечатано в кн.: *Шмидт С.* О. История Москвы и проблемы москвоведения. М., 2004. С. 403–414.

записи и Л. А. Черная во вступительной статье к подготовленной ею книге избранных сочинений М. М. Богословского (часть которых ранее не публиковалась) «Историография, мемуаристика, эпистолярия», вышедшей в 1987 г. Книга усилила интерес к историографическим трудам ученого, а его воспоминания «Москва 1870—1890-х годов» стали перепечатывать в москвоведческих изданиях.

Деятельность Богословского привлекла внимание Т. И. Халиной (Калистратовой), писавшей о преподавании истории в вузах и подготовке научных кадров в послереволюционное время. С конца 1990-х гг. всеохватным исследованием наследия академика (прежде всего архивного) занялся выпускник Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета А. В. Мельников – ныне старший научный сотрудник Археографической комиссии и Архива РАН, член редколлегии Археографического ежегодника и Московской энциклопедии. Он составил список печатных трудов историка и литературы о нем, опубликованный в Археографическом ежегоднике за 1999 год. Именно А. В. Мельников выявил цензурную правку при издании труда Богословского о Петре Великом в пяти томах в 1940–1948 гг. и начал подготовку академического издания этого фундаментального исследования, соответствующего авторскому тексту. Первый том вышел уже с авторским заголовком «Петр Великий: Материалы к биографии». В 2005 г. Мельниковым же подготовлены к печати две книги трудов историка «Российский XVIII век» (изданные в 2008 и 2010 гг.): в первой объединены работы о времени Петра I, во второй – о периоде истории России после правления Петра I. Его усилиями достоянием читателя стали обзор воспоминаний о Богословском и напечатанных в России и за рубежом его некрологов, а также некролог, написанный его ближайшим другом последнего десятилетия жизни академиком С. Ф. Платоновым. Во втором томе издания «Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками» его переписка с Богословским – ценный источник изучения образа мысли элиты интеллигентов-гуманитариев Москвы и Петербурга – Петрограда – Ленинграда). Жизни и творчеству крупнейшего московского историка посвящены уже в нынешнем столетии диссертации, статьи, документальные публикации, Археографической комиссией РАН организованы к годовщинам со времени кончины историка научные конференции – в 1999 г. и в 2004 г., материалы которых напечатаны в Археографических ежегодниках за 2000 и 2004 гг.[3]

В Археографическом ежегоднике за 2000 год опубликована и статья сотрудников Отдела письменных источников Государственного Исторического музея Е. В. Неберекутиной и Т. В. Сафроновой «Дневник М. М. Богословского». Фрагменты дневниковых записей напечатаны ими в журнале «Вопросы истории» (№ 2 за 2009 год) и вызвали живой интерес и у историков и у широкого читателя.

Статья Е. В. Неберекутиной и Т. В. Сафроновой сравнительно небольшая, но она дает представление об основном содержании дневниковых записей, преобладающей там тематике и о стиле авторского изложения. Приводятся умело отобранные фрагменты таких записей. И потому целесообразно привести цитаты из начальной части статьи: «Ценность любого дневника – непосредственное воспроизведение действительности. Своеобразие дневника Богословского в том, что историк стремился по горячим следам вычленить значимые события и процессы. Он вел дневник в период первой мировой войны и двух революций 1917 г. Бурные события этих лет в той или иной степени нашли отражение на страницах

[3] В Археографическом ежегоднике за 2000 год (М., 2001) напечатаны «Вступительное слово» С. О. Шмидта (с. 247–253), статьи Е. В. Неберекутиной, Т. В. Сафроновой «ДневникМ. М.Богословского» (с. 271–279) и А. В. Мельникова «М. М. Богословский в воспоминаниях современников» (с. 280–300). В Археографическом ежегоднике за 2004 год (М., 2005) – «Вступительное слово» С. О. Шмидта (с. 171–175), статьи В. А. Муравьева «М. М. Богословский. Выбор проблемы реформ» (с. 175–180), Е. Н. Швейковской «М. М. Богословский – историк русского Севера» (с. 180–191), Е. В. Неберекутиной «Заступникрода исторического». (Деятельность М. М. Богословского в Экспертной комиссии ЦЕКУБУ)» (с. 190–206), Н. М. Осиповой «Личный фонд М. М. Богословского в Архиве РАН» (с. 206–207).

дневника. Иногда историк просто сухо перечисляет факты, но, как правило, записи представляют собой попытку осмысления и оценку происходящего. Богословский неизменно пытается вписать дневные наблюдения в общий контекст русской истории.

Спектр проблем, волновавших Богословского, чрезвычайно широк. Наиболее полный материал дают дневниковые записи для изучения таких тем, как наука и научные интересы автора; его преподавательская деятельность, политические взгляды. Интерес представляют, кроме того, взгляды и суждения Богословского по вопросам воспитания детей, в том числе в средней школе, образования…

Присутствующие в дневнике философские рассуждения Богословского о вопросах бытия помогают понять его как личность. "Раскрывается" он на страницах дневника и как любящий заботливый отец; много теплых строк посвящены любимому сыну Михаилу – Мине, "Каплюшечке".

Богословский выступает и как художник-бытописатель: в дневнике имеются интересные описания, например, типов мелкого торгового люда, "словно вышедшего из 17 века", и даже пейзажные и жанровые наброски. Эстетические взгляды Богословского в некоторой степени выявляются по записям о его впечатлениях от посещений художественных выставок, театров и концертов».

Верным представляется и утверждение: «Консерватор по убеждениям, Богословский не мог принять не только Октябрьскую, но и Февральскую революцию. Записи его дневника наполнены критикой деятельности и Государственной думы, и Временного правительства, и большевиков. Но наибольшее раздражение Богословского вызывала даже не смена государственной формы правления, а полнейшая неспособность Временного правительства распоряжаться полученной властью, в результате чего Россия переставала существовать как государство»[4].

В издаваемой книге впервые публикуются целиком все выявленные дневниковые записи историка. Допустимо, однако, предположить, что это – лишь дошедшая до нас часть массива дневниковых записей. Записи 1913 г. кажутся отрывком, обрывающимся незавершенной фразой. По принципу отбора материала для изложения и стилистике они схожи с записями 1915–1917 гг. И Богословский вел их тоже и в Москве и в Сергиеве Посаде, где преподавал в Московской духовной академии («Пишу вечером у Троицы»). Записи же 1915–1917 гг. выглядят как продолжение текста, не имеют никакого зачина с мотивировкой цели и значимости ведения дневника, хотя и завершаются суждением общего порядка, как бы суммирующим сформулированное на предыдущих листах дневника. Правда, в записи от 16 июля 1916 г. Богословский отметил: «Сегодня исполняется ровно год, как я стал вести эти записи, не пропуская ни одного дня». Но возможно, в этих словах указание на определенные блокноты или на то, что записи впервые оказались столь регулярными – в дневнике 1913 г. пропуск в три дня (между 9 и 13 сентября). Впрочем, это может быть и отражением – не невольным ли? – приемов научной работы автора именно в то время, когда он буквально поденно восстанавливал биографию Петра Великого.

Записи 1919 г. специфического характера, и могли быть сделаны и тогда, когда Богословский перестал следовать обычаю регулярной фиксации впечатлений прошедшего дня. В октябре 1919 г. ученый оказался в санатории, в необычном для себя положении: едва ли не впервые за многие годы лишен был привычной возможности и обязанности работать – писать свои сочинения или читать сочинения других историков и из дома взял книги, по тематике не относящиеся к ведущемуся им изо дня в день исследованию о Петре Первом. К тому же в санатории (точнее сказать, загородном стационаре) историк очутился в обществе незнакомых ранее лиц и в комнате, где обитало еще несколько человек. Обязанный под-

[4] Археографический ежегодник за 2000 год. С. 272, 278.

чиниться «порядку растительно-жвачной жизни», историк решил фиксировать такой образ существования.

Если в предположениях о массиве дневниковых записей имеется доля обнадеживающей истины, следует пытаться обнаружить в архивах недошедшие до нас дневниковые записи и найти объяснение тому, почему они оказались не включенными в документацию, предназначенную для передачи на хранение в Исторический музей. Возможно, что записи именно 1915–1917 гг. Богословский поспешил запрятать в архивохранилище Музея с обязательством не вскрывать пакеты с документами без его разрешения в связи с обострением наступления на «спецов» – профессоров истории еще дореволюционного времени. В ту пору, в 1928 г., М. Н. Покровский – глава партийного «исторического фронта» – не раз и писал и говорил о «научном кладбище бывших ординарных, экстраординарных и в особенности заслуженных профессоров», о «запахе тлена, идущем от остатков "школы Ключевского"»[5]. И И. В. Сталин уже инициировал активизацию борьбы с людьми «непролетарской» идеологии и теми, кого до 1917 г. относили к господствовавшим («эксплуататорским») классам, объявляли в массе своей «лишенцами», т. е. лишенными избирательных и других гражданских прав. А именно в записях 1916 и особенно 1917 гг. явственно обнаруживается антиреволюционный настрой автора и откровенно негативные характеристики большевиков и их лидеров[6].

Пока неясно, вел ли Богословский дневник с намерением использовать его в дальнейшем в работе над мемуарами. Совершенно очевидно, однако, что он рассчитывал на ознакомление впоследствии с этими записями сына. 27 ноября 1915 г., сообщив о покупке ему подарка – «печаточки», замечает: «Радость необычайная, когда он ее получил», и затем такой текст: «Милый мой "Каплюшечка", если будешь читать эти строки, вспомни, какя любил тебя!». Наличие небольшой правки позволяет полагать, что автор считал важным отражение непосредственных ощущений и возникавших тогда соображений с возможной точностью, также как и уточнение примет описываемого момента, тем самым облегчая понимание текста и использование его в дальнейшем – и показательно, что правка вносилась преимущественно в «строки» рассуждений и оценочных характеристик.

Это обуславливает еще большее доверие к дневниковым записям историка тех, кто будет обращаться к ним при комментировании других документальных публикаций об этих периодах истории Москвы и России, и развития исторической науки.

* * *

Знакомясь с дневником историка, убеждаемся в том, что в основе запечатлеваемого в каждодневных записях – исторический контекст (если исходить из основного смысла латинского слова contextus – сплетение, соединение): ко многим явлениям настоящего Богословский подходит со сложившимися уже представлениями о ходе, особенностях и конкретных чертах исторического процесса, а представления о прошлом углубляются наблюдениями о взаимосвязи с современностью. Это заметно и в отборе отмечаемых и характеризуемых явлений прошедшего дня, и в широком социолого-философском подходе к другим явлениям. Наблюдаемое Богословским обретает под его пером исторические приметы, начинает вос-

---

[5] Подробнее см.: *Шмидт С.* О. Доклад С. Ф. Платонова о Н. М. Карамзине 1926 г. и противостояние историков // Археографический ежегодник за 1992 год. М., 1994. С. 66–68.

[6] Остававшиеся дома дневниковые записи за другие годы могли быть и уничтожены или переданы вдовой историка другим лицам, когда с конца 1929 г. начались аресты историков из ближайшего окружения Богословского (не раз упомянутых и в публикуемых дневниковых записях). Возможно, все-таки что-то уцелело и, лишенное опознавательных данных, осталось невыявленным и потому не атрибутированным в архивных материалах родных и знакомых Богословских?

приниматься как источник познавания описываемого им времени, его своеобразия, типологии.

Для восприятия и оценки Богословским происходящего в современной России характерны (особенно, если явление большой значимости) исторические аналогии, ассоциации, сопоставления, сравнения. Причем не только из русской истории (из периодов которой историк чаще всего вспоминает о «Смутном времени» начала XVII в.), но и из всемирной истории (античности и раннего средневековья, реформации в Германии, Английской революции XVII в., Французской революции конца XVIII в., политических переворотов в Западной Европе конца XVII – первой половины XIX вв.). Подобные реминисценции объясняются и тем, что Богословский полагал, что «в истории основное бывает сходно с различиями в частностях» (запись 29 октября 1917 г.).

4 января 1917 г. у прозорливого историка уже возникли ассоциации с событиями, предшествовавшими свержению короля Карла I: «Происходит нечто подобное тому, что Англия переживала во второй четверти XVII в., когда все общество было охвачено религиозной манией. С тою разницей, что у нас мания политическая. Там говорили тексты из Библии и пели гнусавыми голосами псалмы. У нас вместо текстов и псалмов – политические резолюции об ответственном министерстве и политические клеветы, высказываемые гнусными голосами, и надежды на переворот, с близорукими взорами в будущее…» (подчеркнутые слова написаны над строкой – показатель редактирования текста – вероятно, сразу или вскоре после написания, чтобы уточнить формулировку, характеризующую позицию автора, и совершенствовать литературную стилистику записи). И вслед за этим выразительное суждение: «Не понимают, что революции в цивилизованных странах проходят по-цивилизованному, как в 1688 г. (в Англии. – С. Ш.) и 1830 (во Франциию – С. Ш.). А ведь у нас политическая революция, как в 1905, повлечет за собой экспроприации, разбои и грабежи, потому что мы еще не цивилизованная страна, а казацкий круг Разина и Пугачева. У нас и революция возможна только в формах Разиновщины и Пугачевщины».

4 марта, под первым впечатлением об отречении царя, взволнованная запись о будущем России, исходя именно из историко-географического контекста: «…неотвязчивая тяжелая дума о будущем России все время владела мною и давила меня. Чувствовалось, что что-то давнее, историческое, крупное, умерло безвозвратно. Тревожные мысли приходят и о внешней опасности, грозящей в то время, как мы будем перестраиваться… как бы нам не оказаться не великой, а второстепенной державой, слабой республикой между двумя военными империями германской и японской. К чему приводили перестройки государства по теориям, мы видим по примеру Франции в течение XIX века. Не дай нам боже только последовать примеру польской республики!».

А 5 марта, исходя из общих представлений, основанных на осмыслении опыта всемирной истории, Богословский провидчески предположил: «Мне думается, что течение пройдет теперь по гегелевской схеме, т. е. после тезиса (старая монархия) наступит антитезис (республика) и только уже потом, когда антитезис себя исчерпает до дна, наступит синтез. Посмотрим». Богословский действительно смог «посмотреть», дожив до зловещего в советской истории года «великого перелома».

Историк почти сразу же после Февральской революции уразумел ее особую историческую значимость и предсказал грандиозность последствий. 8 марта 1917 г. он записал: «Переворот наш – не политический только, не революция июльская или февральская. (Имеются в виду революции во Франции, точнее даже в Париже, в июле 1830 г., когда свергли Бурбонов – короля Карла X, и февраля 1848 г., когда свергли короля Луи-Филиппа. – С. Ш.) Он захватит и потрясет все области жизни и социальный строй, и экономику, и науку, и искусство, и я предвижу даже религиозную реформацию». И далее с тревогой и самоубеждающей надеждой о едва ли не самом заветном для историка: «В частности наша русская

история испытает толчок особенно сильно: новые современные вопросы пробудят новые интересы и при изучении прошлого, изменятся точки зрения, долго внимание будет привлекаться тем, что выдвинулось теперь, будут изучаться с особенным напряжением революционные движения в прошлом. Положительное, что сделано монархией, отступит на второй план. Надолго исчезнет спокойствие тона и беспристрастие. Разумеется, со временем все войдет в свое спокойное русло, но вопрос, как долго ждать этого. Наука наукой останется и после испытанной встряски. Методы не поколеблешь общественным движением. Наука – одна из твердых скал среди разбушевавшегося моря». (Цитата эта справедливо приведена как итоговая в статье Е. В. Неберекутиной и Т. В. Сафроновой, пораженных «провидческим даром» Богословского[7].)

Ссылки на историю – и российскую, и зарубежную (Франции, Польши, Северной Америки) – ив политологическом рассуждении, завершающемся заключением: «Из абсолютной монархии прямо в "демократическую республику" не прыгают». Запись 27 июля 1917 г. начинается так: «Опыт пережитого выясняет мне с большой убедительностью два заключения. 1) Монархия в России не доделала своего, м. б., жестокого и неблагодарного, но необходимого дела, которое было доделано ею ко времени революции во Франции. Она не закончила еще слияния частей России в одно национальное целое. Части эти только и держались монархом… 2) Русский народ не приобрел еще такого характера, выдержки и развития, чтобы те партии, на какие он теперь распадается по взаимной своей борьбе, могли обойтись без "верховного арбитра", голос которого был бы уже окончательным и безапелляционным…»

Богословский, однако, продолжает еще использовать и терминологию писавших о России зарубежных авторов XVIII, обозначавших термином «революция» переворот 1762 г.: «Революция роскошь, которую могут позволить себе лишь развитые общества, не вчерашние рабы. Революция 1762 г. была благодетельна потому, что на место дурака посадила замечательную умницу, которая и процарствовала во славу России 34 года (Имеются в виду Петр III и Екатерина II. – С. Ш.). Революция 1917 г. плохой порядок, но все же порядок сменила беспорядком и развалом, и потому может быть для нас гибельна» (12 мая 1917 г.).

А19 июня фиксирует такое умозаключение: «Был старый, старый сколоченный веками из разных пристроек и частей дом. В последние два века дому старались придать единство фасада. Но фасад не объединил составлявших его частей. Разразилась небывалая в мире гроза, и дом не выдержал, треснул и готов совсем развалиться. Пока он был цел, люди, жившие в нем, чувствовали стыд и уважение к старому дому: когда он стал рассыпаться, исчезла и нравственная сдержка, и обитатели дали волю самым низменным инстинктам. Вот сравнение, пришедшее мне в голову при мысли о том, что творится в России». (Подчеркнутые слова – свидетельство авторского редактирования.)

Знание истории (а также художественной литературы) и личные впечатления («вспоминалось») определяли и представление об «истинной цене» «купецкого либерализма» и о том, что у купечества «с прогрессивными повадками» «та же алчность к наживе, с которою облапошивали и дедушки в смазных сапогах» (записи 27 мая и 6 сентября 1916 г.).

Нередки ассоциации с конкретными событиями и лицами русской истории. 18 июля 1917 г. историк пишет: «Россия в начале XVII в. видала единоличных самозванцев, в начале XX в. увидела самозванцев коллективных и столь же темных. За три века мы не исправились. У нас все то же тяготение к самозванщине».

Богословский замечает схожее в отечественной истории и более нового времени – 8 сентября 1917 г., указывая на удивляющую быстроту изменений в высшем военном руководстве, пишет: «Таких кувырк-коллегий у нас со времен Павла Петровича (т. е. Павла I.

[7] Археографический ежегодник за 2000 год. С. 279.

—С. Ш.) не бывало». 9 ноября 1916 г. такая запись историка: «Буря против Штюрмера и обвинения его в измене напоминают очень травлю Сперанского в 1812 году. С тою разницею, конечно, что Штюрмер не Сперанский; но основательности в обвинении, вероятно, столько же. В его измену, взяточничество и т. п. я совсем не верю… Бог его знает, кто такой этот Штюрмер, но измена его мне ничем не доказана». И прибавляет к тому соображение, объясняющее противоштюрмеровский настрой общества: «Неудобно, конечно, ставить во главе правительства теперь человека, носящего немецкую фамилию». Для нашей темы существенно то, что между этими фразами, начинающими и завершающими рассуждение о председателе Совета министров той поры, соображения, объясняющие характерное не только для человеческой натуры Богословского, но и его источниковедческих приемов историка: «Есть два способа подходить к неизвестным людям. Первый способ: подлец. Докажи, что это не так. Второй способ: порядочный человек, и только после очень тщательно проверенных и взвешенных доказательств можно изменить мнение и признать его подлецом. Я подхожу к людям по второму способу. Чтобы поверить обвинению, мне нужны обязательные и бесспорные доказательства».

Рассуждая 29 января 1916 г. о Распутине замечает: «…не новое, а давнее сектантское движение, уродливое выражение сильного религиозного чувства, вышедшего за церковную ограду и блуждающего на распутии. Те же явления, что при Александре I в кружке Татариновой, позже в кругу почитательниц Иоанна Кронштадтского, также признававших в нем Бога-Саваофа». К исторической ассоциации обращается Богословский – человек глубокой религиозности и, сетуя о происходивших перемещениях в высшей церковной иерархии – 24 ноября 1915 г. пишет: «…не сами ли эти иерархи своим низкопоклонством и угодливостью довели себя до такого положения, когда обер-прокурор может ими швырять? Когда Синоду предложили поставить в епископы Варнаву, безграмотного человека, почему же Синод, считая его неспособным занимать епископское место, все-таки поставил его и не нашел в себе мужества выступить с возражением? Пришлось бы пострадать, но почему же забыли о митрополите Филиппе (осмелившемся в годы опричнины выступить против царя Ивана Грозного. – С. Ш.)? Вступили в сделку с совестью; поэтому и покатились по наклонной плоскости и теперь пожинают плоды. Иерархи о церкви менее всего думают; главною пружиною их деятельности является личное честолюбие: повышение, награды, доходы… Сделались чиновниками, так и подвергайся всем неудобствам судьбы, между прочим и перемещениям».

Об А. Ф. Керенском – 24 июля 1917 г., в описании, как «выходил на три часа в отставку, потом по челобитью всех вновь взял бразды правления», восклицание: «То ли не Борис Годунов». (Это, пожалуй, уже историко-литературная ассоциация, восходящая к пушкинской драме. Не раз цитируются и стихи А. К. Толстого исторической тематики и сатирического жанра.)

Переживая начавшийся распад Российской империи, в связи с «Украинским съездом в Киеве», Богословский восклицает 6 апреля 1917 г., обращаясь к четырехсотлетней теории: «О Русская земля, собранная столькими трудами великорусского племени! Неужели ты начинаешь расползаться по своим еще не окончательно изгладившимся швам! Неужели нам быть опять Московским государством XVI в.!».

В записи 2 августа 1917 г. параллель уже с историей Западной Европы: «Наши верховоды играют теперь во французскую революцию XVIII в., о которой они кое-что почитали. Но народ наш еще не французы XVIII в., а немцы эпохи Реформации XVI ст., когда, переставая верить в иконы и мощи, выволакивали их из церквей и всячески надругались над ними». Это реакция историка на известие об отправлении царской семьи в Тобольск; и то же в сопоставлении с данными о свергнутых европейских королях нового времени: «Зачем-то понадобилось переводить царскую семью в Тобольск! Ведь это лишнее издевательство

в угоду разным советам! Потеряв веру в икону, недостаточно снять ее из переднего угла. Но надо еще надругаться над нею! Вот они, дикари! Почему же Иаков II, Карл X, Людовик Филипп, да и теперь греческий король Константин могли уехать за границу и жить себе там – но это в цивилизованных странах».

Размышляя о событиях в связи с ростом цен, в записи 5 февраля 1917 г., он обращается уже к древней истории, напоминая о том, что происходило тогда перед Пилатом: «Толпа коллективно чувствовать может, а рассуждать нет». А 26 мая 1917 г. после разговора с М. К. Любавским и другими профессорами о «современном положении» и «об ожидающих нас перспективах» допускает сравнение происходившим в период распада Римской империи и образования первых «варварских» государств: «Это прямо какая-то мрачная, потрясающая симфония. Гибель промышленности, финансовый крах, армия в виде гигантского трупа, сепаратный мир, развал России на отдельные части, возвращение войск при демобилизации, бурное, беспорядочное, стремительное, перед которым побледнеют все ужасы переселения народов и т. д. и т. д.».

При описании явлений бытового обихода у Богословского тоже возникают ассоциации с прошедшим, иногда и о личном памятном – после посещения 27 июля 1917 г. дома сельского священника такая запись об «уютном домике»: «комнаты с чистыми полами, "дорожками" по ним и цветами у окон напомнили мне квартиру Ключевского». (Попович из Пензы, став знаменитым профессором, по-прежнему уютнее себя чувствовал в привычной с детства обстановке, и Богословскому это явно импонировало.) В записи 6 января 1916 г. под впечатлением прогулки в Замоскворечье, когда «видел большую толпу народа на набережных и местах против Кремля в ожидании крестного хода», характерное наблюдение: «В Замоскворечье древнемосковского духа сохранилось больше, чем в других местах. В толпе, к которой я присматривался, много типов – из мелкого торгового люда, которые не ушли еще из XVII века, и если бы их переодеть в платье того времени, совершенно могли бы вдвинуться в толпу XVII столетия, также присутствующую при выходе государя на крещенское водосвятие». А в записи 15 августа 1916 г. о приходе на их дачу вечером «двух баб, продающих кур и масло», отмечено: «поднялся при этом необычайный крик. Вот они "бабы-торговки", о которых писал Петр Великий, предписывая сенаторам вести себя пристойно, не подражая им».

Фиксируются изменения, особо примечательное и для историка, в манере поведения и взаимоотношениях социальных групп (запись 28 сентября 1915 г.: «Маляров удалось достать не без труда. Теперь времена совершенно изменились: не рабочие кланяются господам, а господа рабочим, и кланяются, пожалуй, ниже первых»), в жизненном обеспечении (рост цен, исчезновение продуктов и товаров). Не раз указывается на активизацию евреев в общественной и особенно политической жизни – приходится, к сожалению, признать, что в воззрениях историка была и доля антисемитизма (запись 6 июня 1916 г. и др.), что свойственно было (судя по дневникам московского историка Ю. В. Готье и супруги петроградского историка С. Ф. Платонова), впрочем, и некоторым другим лицам его профессорского круга.

С. В. Бахрушин, вспоминая о Богословском, верно заметил, что он «как художник» «не понимал, не мог понять исторический факт вне живой обстановки, вне того быта, которым он был окружен в действительности»[8]. Но, переносясь мыслью вглубь веков, Богословский учитывал то, что его умственный взор – взгляд человека научной культуры уже XX века, чего-то уже не способного понять в прошлом, и в то же время усматривающего то, о чем (или о наименовании чего) не подозревали современники изучаемых исторических явлений. И как раз в связи с докладом именно Бахрушина об Остяцком княжестве XVII в. сформу-

---

[8] *Мельников А. В.* Богословский в воспоминаниях современников // Археографический ежегодник за 2000 год. С. 285–286.

лировал в записи 18 ноября 1916 г. тонкие источниковедческие наблюдения: «Явления первобытной культуры надо изучать методами этнологии», но «рассматривать их для XVII в., приходится через бумаги Сибирского приказа, следовательно, сквозь призму изображения наших подьячих XVII в., едва ли подготовленных для этнологических изысканий».

В записях иногда прослеживается, как частное наблюдение подводит к предположению, даже выводу общего характера: так, убедившись в том, что проходившее под председательством великого князя Николая Михайловича заседание Русского исторического общества (на которое его и Любавского пригласили специально приехать), «ни к чему, конечно не придя, было закрыто» и «все это было так беспорядочно», Богословский пишет: «Возможно, что таким же манером идут в разных наших высоких совещаниях и дела большой государственной важности» (запись 24 мая 1916 г.).

Наблюдения Богословского социолого-психологического порядка (если можно так выразиться) – это тоже рассуждения историка, думающего о характерном для народа, прошлое которого изучает: «Душа русская – драгоценность, но оправа в ней дрянь». (Это в записи 2 июля 1916 г. заключительная фраза разговора с деревенскими мальчишками, нарочито злоупотреблявшими в своей речи матерным лексиконом: увещания Богословского они восприняли, к удивлению его, «серьезно».) Выразительна и запись 4 ноября 1917 г. о Москве сразу после Октябрьского переворота, по возвращении с «прогулки по переулкам нашего района», т. е. Пречистенской части: «Много следов от пуль, много разбитых стекол. Есть дома, где почти все стекла выбиты и повреждены снарядами стены. Какое варварство, какое дикое преступление!» И вслед за тем умозаключение-восклицание общего порядка и наблюдение над местными жителями: «Глубина русского дикаря, кто изведает тебя! Встречались обыватели интеллигентного вида унылые, испуганные, хмурого вида люди с поникшими головами». Знаменитый юрист Н. В. Давыдов, близкий знакомый Л. Н. Толстого, и один из кумиров московский интеллигенции рубежа XIX и XX столетий, в мемуарах своих характеризовал именно район переулков Приарбатья (т. е. Пречистенской и Арбатской частей) как «средоточие московской интеллигентской обывательщины»[9]. Ее-то внешний облик в те дни и запечатлен в дневнике Богословского.

Наблюдение над явлениями современности побуждает историка формулировать соображения историко-психологического плана, даже источниковедческого. Записывая в Сергиеве Посаде 12 сентября 1916 г. рассказанное там его другом и коллегой по преподаванию в Московской духовной академии профессором И. В. Поповым, историк замечает: «Он мне передал красивую легенду, возникшую в Посаде по поводу пожара в Троицком соборе. В соборе 13 августа ночью затлелась вата в ризе преп. Сергия. И вот пошли рассказы о том, что некоторые видели как преп. Сергий ушел из собора и монастыря. Не иссякает народное творчество в области легенд». И далее о разговорах с местными крестьянами: «С большим трудом стоило мне расспросить этого очевидца… о происшествии: он все сбивался на разные вводные, побочные рассказы, и это не в нем одном. То же и у матроса на пристани… – все какие-то околесицы». И вслед за этим предположение ученого: «Русский человек не привык ходить прямою шоссейною дорогою, за ее неимением, а все пробирается окольными проселками, оттого и не скажет никогда ничего прямо». Показательны и соображения, возникшие в связи с отъездом его жены 6 августа 1917 г. с дачи в ближний к ней город Рыбинск посмотреть на выборы в городскую думу: «Объекты женского любопытства меняются, но существо остается тем же: прежде ходили "посмотреть" на чужую свадьбу, теперь мода на политику, значит, надо смотреть на выборы». Или наблюдение, важное в плане размышлений историка, занятого написанием именно биографии: «Люди в очень зрелых годах остаются такими же, какими приходилось знать их на школьной скамье». (Запись 23 июля 1916 г.

[9] *Шмидт С.* О. Арбат в истории и культуре России // Арбатский архив. Вып. 1.М., 1997. С. 31.

о малодостойном поведении видного политика В. А. Маклакова, с которым учился в одной гимназии.)

Богословского о многом побуждают задуматься и возникшие сразу после Февральской революции соображения, тоже основывающиеся на опыте наблюдений историка – 24 марта 1917 г. он записал: «Есть люди, для которых революционная деятельность была приятна своею таинственностью и опасностью. Как же они теперь будут себя чувствовать? Чем займутся, раз уже ни подпольной, ни опасной деятельности не будет? А между тем, этот род людей едва ли сразу исчезнет; он нарождался столетием».

Вероятно, дневниковые записи историка будут использовать в этой связи преимущественно в трудах по общественно-политической истории. Однако там немало – и именно в данном контексте – небезынтересного в плане развития культуры и науки. Для Богословского сильным переживанием стал урон, наносимый дорогим ему традициям русской культуры, ее православным основам и русскому языку. Он опасался последствий изменений в привычном бытовом обиходе.

После осмотра наследственной усадьбы Теляковских 23 июня 1917 г. записал: «Сколько вкуса, тонкого и изящного! И неужели все эти уголки теперь должны исчезнуть перед пропотелым "спижаком" товарища Семена и все должно быть заплевано подсолнечной скорлупой». Еще ранее под впечатлением поездки на пароходе на дачу под Рыбинском 6 июня писал о «подсолнухах, в колоссальных размерах поедаемых нашей демократией, загрязняющей их скорлупой все места, где она находится. При грызении подсолнухов выражение лица делается необычайно тупым и бессмысленным, а челюсти в непрестанном движении и работе. В зерне подсолнуха должно быть зерно нашей "свободы"». И под впечатлением от усадьбы Теляковских социологического плана соображение: «У барина в усадьбе, у священника в его домике, у мужика в его избе есть своя ему именно свойственная и им созданная обстановка, его именно отражающая. А "товарищ" в этом отношении ничего пока не создал».

Не раз повторяются свидетельства устойчивости историко-эстетических (если можно так выразиться) предпочтений Богословского – когда он пишет о красоте и смысле церковного пения, особом душевном настрое, возникающем в небольших малолюдных храмах, о прелести «нестеровского» пейзажа подле Сергиева Посада и «всей красоте верхней, чисто великорусской Волги с ее тихими берегами, с белыми церквями, расположившимися на берегах сел» (запись 28 мая 1917 г.). Или об очаровании старинных дворянских усадеб – 16 сентября 1916 г., купив книгу графа П. С. Шереметева о подмосковных Вяземах, написал: «К таким изданиям я неравнодушен, как и к самим этим усадьбам. Хорошо, что принялись теперь за их описание: скоро на месте этих садов и парков, возбуждавших у лучших наших поэтов их поэтические вдохновения, появятся салотопенные и иные всякие заводы».

А в записях уже осени 1919 г. (которые вел «на тумбочке у постели», что разъясняется автором – «записываю коекак и далеко не все, что хотелось занести») подчеркивается и историческая основа эстетическо-этических пристрастий: в записи, сделанной в воскресенье 3 ноября, читаем: «В церкви темно, только мерцание немногих лампад и свечей. Какая дивная поэзия в этом предрассветном богослужении и в этом возгласе "Слава Тебе, показавшему нам свет", когда действительно свет показывается. Высокие сущности, вечные и незыблемые, – человечество облекает в различные, меняющиеся, но всегда поэтические формы. Это и есть поэзия религии. В поэзии нашей религии меня привлекает ее красота и ее древность. Последняя связует поколения. То, что мы теперь видим и слышим, в храме видели и слышали наши предки XVII, XVI [веков] и еще более далекие предки».

Богословского коробила «порча русского языка в устах ученых». Это отметил даже, описывая докторский диспут семейно близкого ему Д. Н. Егорова 28 февраля 1916 г. и привел как примеры: «некоторые крылатые слова… показывающие» это: «"инфериорная масса"

вместо "низший слой населения", "дорога хорошей обстроенности и большой протяженности", "засвидетельствованность" и т. д. Где ты, язык Тургенева!». 18 августа 1917 г. горестное восклицание о языке СМИ – средств массовой информации (как сказали бы мы сегодня): «Какая масса запошленных выражений наполняет теперь газетные столбцы и как быстро благодаря усиленной всеобщей болтовне испошливается всякое новое выражение!» А 20 октября уже и резкое осуждение: «Господи, на каком безобразном интернациональном воляпюке говорят эти товарищи-большевики. Совет рабочих и солд. депутатов начинает издавать "декреты" и выражается так: "Принимая во внимание, что предприниматели, саботируя производство, провоцируют стачки, совет декретирует" и т. д. Что станется с русским языком после таких упражнений. Уже эта одна порча языка есть их великое преступление против России» (подчеркнуто автором).

Дневник показывает широту исторического кругозора Богословского, способность масштабного видения исторического процесса в его развитии и свойственное ему умение выявить конкретные и исторически типологические приметы и прошлого и настоящего. Вероятно, такой образ мышления делал для него особо привлекательным изучение повседневной истории и ментальности – ив массовой документации, и в бытовом обиходе и выдающихся личностей (по дарованию, положению в обществе или совмещению этого как у Петра I, В. А. Жуковского, В. О. Ключевского и др.), и обычных людей. Помогало Богословскому усмотреть это и в памятниках материальной культуры (что особенно проявилось позднее в его направляющей деятельности в Историческом музее).

Дневник историка Богословского убеждает в том, что нельзя, изучая историю такой сферы науки, как историческая психология, довольствоваться ознакомлением с сочинениями ученых, именуемых психологами, и только тех историков (а также литературоведов, искусствоведов, языковедов), которые сами декларируют, что заняты такой проблематикой. Немало ценного для представлений о сфере исторической психологии и инструментарии историко-психологических наблюдений можно выявить не только у Богословского, но и у других ученых, которых определяют просто как «историки» или «историки культуры», в том числе и у знаменитых предшественников московского профессора – у Н. М. Карамзина, Ф. И. Буслаева, С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, И. Е. Забелина, В. О. Ключевского, А. П. Щапова.

Е. В. НеберекутинаиТ. В. Сафронова справедливо утверждают в своей статье, что для Богословского «наука и научные интересы, работа – главное в жизни». И, действительно, именно об этом больше всего и подчас детализированно написано в дневниках 1915–1917 годов, а также и 1913 г. И потому особенно заметно, как возрастает из месяца в месяц, а затем и изо дня в день внимание историка к вызывающей все большую тревогу общественно-политической ситуации в России.

Богословский сознательно уклонялся от активного участия в общественно-политической жизни, не склонен был к сближению с лицами, находящимися у вершины властной иерархии; он явно неблагосклонно относился к партийной активности других историков, даже относительно близких ему (показательно замечание о стиле выступления на заседании Ученого совета Университета профессора А. А. Кизеветтера, возвращенного к преподаванию там после Февральской революции, видного деятеля кадетской партии – «говорил с митинговыми замашками, без которых, очевидно, уже не может говорить» – запись 27 мая 1917 г.).

Богословский был неустанно и заинтересованно занят научной (или научно-преподавательской) работой, отмечал в дневнике не только дни, но и часы, когда не удавалось отдаться любимому делу. В записи 28 июля 1917 г. соображения более широкого плана: «Для меня большая отрада, что, работая, живу 1697 г. в Голландии, и таким образом хоть на несколько часов в день могу покидать русскую действительность XX века с ее "товарищами", "эсе-

рами", "линиями поведения" и всем этим прочим словесным навозом и с ее небывалым позором». Схожие формулировки в записях и предшествовавших и последующих дней. 18 июля замечает: «Мысли о событиях, от коих только и отрываешься за работой, когда начинаешь жить в Голландии в 1697 г.». А 2 ноября, т. е. уже после Октябрьского переворота, написал: «Когда работу прекращаешь, смысл бытия теряется».

Запись о происходившем в этот день начинается словами: «Шестой день сидим в осаде, и этот день под жесточайшим обстрелом». И далее: «совершенно отрезаны от всего мира и ровно ничего не знаем». Но отмечено: «Все утро и до 4 часов я работал над биографией (Петра I. – С. Ш.), занимаясь днем 7 марта 1698». А непосредственно перед фразой, приведенной первой, характерное и в том или ином варианте повторяющееся не раз наблюдение: «Только и отрады, что уйти в прошлое и жить в Лондоне весной 1698 года».

Однако Богословский был не из тех ученых, которые замыкались в своих «научных интересах». Он неустанно думал о современных событиях, волновавших его – особенно переживал, что «из-за внутренних событий» может быть проиграна военная кампания (запись 29 февраля 1917 г. и другие), затем все более о происходящем в самой России. Это очень тревожило Богословского и как знатока истории, опыт которой научил его предвидеть и пагубные для общества последствия творящегося вокруг, и как семьянина, заботящегося о будущем своих близких.

Дневниковые записи, начатые в первом блокноте 16 июля 1915 г., краткие, в одну-две фразы о прошедшем дне. Но уже 19 июля – не о своем лично и семейном: «Годовщина объявления войны. Вспоминались прошлогодние события». И о следующем дне – 20 июля первая фраза: «Лиза (супруга историка Елизавета Петровна. – С. Ш.) от нетерпения получить газеты ездила за ними в Песочное…». Далее записи становятся все пространнее. И акцент на фиксировании событий, так сказать, внешнеполитических – положении на фронте – перемещается все в большей мере на внутриполитические. И все это в собственно историческом аспекте.

В записи 24 июля об оставлении Варшавы рассуждение: «Варшава нам за нашу историю ничего кроме зла не приносила и неизвестно, что выйдет из обещанной Польше автономии, может быть, повторение истории 1830 и 1863 годов (т. е. восстаний в Польше. – С. Ш.), но все же жаль отдавать ее немцам. Лично меня гораздо больше тревожат известия в газетах о подступе немцев к Риге и об ее эвакуации. Ригою мы спокойно и беспрепятственно владели с 1710 г. Это – приобретение Петра Великого, и потому должно быть прочно нашим. В такие моменты речи некоторых думских ораторов и необходимости сейчас же проводить реформы местного управления и всякие другие реформы нашей внутренней жизни похожи на разговоры и соображения о перестройках и переделках в горящем доме, когда прежде всего надо заняться тушением пожара». И уже в записи следующего дня 25 июля – соображения социологического и историко-психологического, даже политологического планов: «Не понимаю тех, кто складывают всю вину на управление. Может быть, оно у нас и худо, но потому только, что и вообще мы сами худы. Каждый народ достоин своего управления. Разве мы в своей ежедневной, обыденной жизни умеем так много, так постоянно, точно и отчетливо работать, как иностранцы: французы, немцы, англичане? Мы все делаем кое-как, спустя рукава, смотрим на работу как на досадную помеху и стараемся отбыть ее как попало. Все это наследие у одних бездельного барства, у других принудительного тягла и крепостной неволи. А вся наша безалаберщина! У нас нет двух семей, которые бы обедали и ужинали в одно и то же время, у всех все по-своему и в полном беспорядке. Что же удивительного, что и управление у нас такое же, как мы сами! Ведь оно из нас же самих и пополняется…» (Историк опирался, рассуждая так, и на личные впечатления, так как имел привычку выезжать ненадолго за границу, где и знакомился с памятниками истории и культуры, и наблюдал жизненный обиход различных западноевропейских стран.)

В записи 13 августа 1915 г. еще некоторое недоумение, и вместе с тем характерное для последующего текста дневников совмещение размышлении о современнейших политических обстоятельствах с экскурсами в прошлое: «Писалась глава о второй поездке Петра на Белое море. Работа не шла: мысль почему-то все направлялась (подчеркнуто мною. – С. Ш.) к городам и территориям, покинутым нашими войсками. Что переживало при этом эвакуируемое и оставшееся население? Мне как-то особенно реально представлялась картина эвакуации Москвы, если бы такая эвакуация случилась, а чего теперь не может случиться! Как уйти из города двухмиллионному населению! Какая была бы сумятица, смута и беспорядок на вокзалах! В 1812 г. дело было гораздо проще: запрягали своих лошадей с обозом, в сопровождении челяди уезжали в свои деревни».

И далее уделяется все большее внимание тому, что происходит в политической жизни страны. А в записи 8 марта 1917 г. буквально крик души: «Мысль идет к текущим, или вернее, к мчащимся событиям, к бурно мчащимся».

11 мая 1917 г. запись: «Государство мне всегда не казалось привлекательным учреждением: всегда я видел в нем необходимое зло. В моем представлении оно неразрывно соединялось с казармой и тюрьмой. Теперь тюрьма раскрыта, казарма пустует или буйствует, и государство обратилось в какой-то грязный трактир…» (Вслед именно за этой записью ранее цитированная запись следующего дня со сравнением «революции 1762 г.» и «революции 1917 г.».) И уже 22 мая 1917 г. историк формулирует: «Размышлял о наших социалистах, возводящих на престол "пролетариат". Западные специалисты стремятся достигнуть равенства, сравнявшись с богатыми людьми, разбогатев, наши желают равенства, разорив богатых и сведя их на положение пролетариев».

Информацию о современных событиях историк черпал из газет (особенно тех, на которые подписывался – «Русских ведомостей» и «Русского слова»), из разговоров (прежде всего с коллегами, и семейных), из услышанного и увиденного вне дома. Он явно не разбирался в различиях социал-демократических течений, не знал их истории – показательно, что о лидере меньшевиков он пишет 18 июля 1917 г.: «Большевик-писака Мартов (тоже псевдоним, вероятно)…». Но стремился узнать побольше и об этом – в записи 11 мая 1917 г. о разговоре у него дома с А. А. Кизеветтером: «Много говорили о "товарищах", которых он изучил в совершенстве». Не так давно и кадеты казались Богословскому опасно левыми, и 23 августа 1915 г. он констатировал: «Побеждая, мы правеем, терпя неудачи, левеем». С начала 1917 г. все больше пишет о «социалистах».

А в записи 25 октября особо откровенно прорывается у историка то, что он сам обозначает как «здоровое национальное чувство», характерное для его восприятия и русской истории и своих обязанностей определенным образом знакомить с отечественной историей, воспитывать отечественной историей.

В записи за предыдущий день – 24 октября – где отмечено, что в работе «над Петром» «удалось кое-что сделать», описываются заседания факультетское в Университете и в Археологическом обществе памяти ассириолога М. Н. Никольского, где выступали и приехавшие из столицы Н. П. Лихачев и Б. А. Тураев. Можно полагать, что с ними был разговор о событиях в Петрограде (тем более что в последнем абзаце записи за этот день нет обычной ссылки на газеты). Абзац этот начинается так: «В Петрограде явный мятеж гарнизона против правительства, поднимаемый "товарищем" Троцким, выпущенным из заключения под залог и безнаказанно ведущим свое дело. И нет у правительства силы пресечь это беззаконие! Канатный плясун (А. Ф. Керенский. – С. Ш.), ходивший все время на задних лапках перед товарищами, дотанцовывает свои последние дни… Что же это делается с русской землею? И неужели не явится избавитель?».

И вслед за тем едва ли не единственная запись в этом дневниковом массиве об особой актуальности занятий биографией Петра Великого именно в это время и значимости

такой работы для развития исторического знания и общественного самосознания россиян в будущем. Приведем полностью начальную часть записи 25 октября. «Среда. Утро за работой над Петром. Биография Петра получает для меня новый смысл: в то время, когда мы так позорно отдаем все то, что при нем приобреталось с таким упорным трудом и с такими потерями, отрадно остановиться на этих славных страницах нашего прошлого, когда Россия проявляла в Петре свою бодрость, энергию и мощь. Это была не дряблая, гнилая, пораженная неврастенией и разваливающаяся Россия, которую мы теперь видим. Может быть, если моя работа когда-либо увидит свет, она будет небесполезна в годину унижения и бед, показывая нашу славу в прошлом. Может быть, она посодействует нашему возрождению, внеся в него крупицу здорового национального чувства. Но это, конечно, мечты» (подчеркнуто мною. – С. Ш.). Знаменательно, что такое именно признание, по существу предопределившее и объясняющее позицию Богословского-историка в последующие годы советской власти, сделано было именно в день Октябрьского переворота, когда ученый осознавал уже масштаб и направленность происходившего в столице, и возможные последствия этого для России (ибо прямо вслед затем написано: «События в Петрограде развертываются. Восстание началось открыто…»).

Дневниковые записи Богословского за 1916 год и особенно за 1917 г. становятся уникальным историческим источником, позволяющим проследить в развитии, причем буквально изо дня в день, общественно-политические настроения московской элитарной интеллигенции с обострением революционной ситуации. Запечатлены слова и мысли и видных тогда политических деятелей (не только Москвы, но и Петрограда), не выявленные пока в других исторических источниках. Изучение этих ценных данных должно стать темой специального исследования. И можно не сомневаться в том, что цитаты из публикуемого дневника окажутся в разнообразного жанра сочинениях о России и особенно Москве в революционном 1917 году.

Это – дневник не столько историографа, желающего, чтобы составилось определенное представление о нем как видном историке своего времени, а историка, более всего заинтересованного в том, чтобы сохранилось объективное представление о времени его жизни, о России этих лет.

* * *

Конечно, дневниковые записи Богословского содержат информацию, важную для занимающихся проблемами историографии. И тут тоже обнаруживаются поразительные конкретность и ясность исторического мышления, умение обозначить приметные детали явления и на основании этого создать цельный и значимый образ его.

Предмет историографии предопределяет многообразие задач и интересов историографа. Это – и изучение накопления знаний, а следовательно, и освоения исторических источников, расширения источниковой базы историка; изучение развития методики источниковедческого исследования; изучение развития исторической мысли, т. е. осмысления исторического процесса в целом и в частностях, что включает, естественно, характерные черты проблематики исторических трудов, истолкование исторических явлений, отражение изменений в методологии и методике исследования; история создания и бытования исторических трудов, влияние явлений общественно-политической жизни, науки, культуры на творчество этих лиц; история научных учреждений, учебных заведений и общественных

объединений, занятых разработкой вопросов истории и хранилищ памятников истории и культуры; воздействие исторической мысли на общественное сознание[10].

Дневники Богословского – уникальный по богатству резервуар разнообразной историографической информации. Там множество конкретных фактов и имен, суждений, существенных для историографа, и наблюдения более общего характера. И если в соображениях такого рода собственно исторических Богословский опирается на обширные познания о прошлом и опыт осмысления и изложения хода истории в своей профессорской деятельности, то соображения историографического плана свидетельствуют о всесторонней эрудиции в сфере научной литературы – и предшествовавшего времени, и новейшей – и об опыте размышлений и о приемах и результативности труда и исследователя, и преподавателя.

Богословский – убежденный сторонник крепкой организации властвования, консерватор в своих понятиях о жизненном укладе (и в бытовом обиходе, и в государственном масштабе), был поборником новаторства в сфере научной работы – и исследовательской, и преподавательской. Однако новаторства основательного, опирающегося на овладение приемами «ремесла» историка, серьезную источниковую базу и являющегося результатом больших трудовых усилий.

Главным своим делом историка в те годы Богословский считал создание «Петриады» (как он, используя литературный шаблон XVIII века, называл иногда готовящуюся фундаментальную биографию Петра Великого). Богословский занят был «Петриадой», неустанно работал в охотку, но, видимо, далеко не все получалось при писании с первого раза – 1 июня 1916 г., переехав на дачу и вернувшись к прерванной работе, заметил: «Трудно заводить эту машину после перерыва. Пришлось многое перечеркнуть и переделать». Ученый сетовал на то, что вряд ли хватит сил и времени завершить задуманный труд и приходится отвлекаться другой работой. Об этом много в записях разных месяцев: 17 февраля 1916 г. записывал: «Занимался очень интенсивно Петром… Наконец-то дорвался до возможности заниматься наиболее интересным для меня делом»; 3 марта 1916 г. запись: «Наконец, я вернулся к Петру. И, как всегда при таких возвращениях, разводить остывшие котлы и приводить в ход остановившуюся машину бывает нелегко». А уже 28 апреля того же года отмечает: «Началась моя страда – чтение кандидатских академических сочинений (т. е. сочинений выпускников Московской духовной академии. – С. Ш.) с горьким сожалением о необходимости на некоторое время прервать работу над Петром». Схожие формулировки повторяются не раз. В записи 23 ноября 1916 г. даже такой возглас: «…главное, досадно отрываться от Петра. На каждом шагу препятствия для работы! Хорошо бы уйти в какую-нибудь келью и работать над биографией в иноческом затворе».

На самом же деле Богословский не мог ограничиться занятиями своей «Петриадой». И отнюдь не потому только, что обязан был, как ответственный и заботливый глава семьи, обеспечивать ее материально. Историк ощущал потребность в атмосфере общей научной жизни – в общении с коллегами-профессорами и теми, в ком видел «будущих профессоров», в ознакомлении с широким кругом научной проблематики, не мог сосредоточиваться надолго лишь на определенной исторической тематике. Широта научных интересов, отзывчивость на новую мысль в основе его творческой натуры. Не способен он был и оставаться безучастным к происходившему в общественно-политической жизни. Человек большого ума и редкостной исторической памяти, Богословский был человеком искренней религиозности и большой души с внутренним убеждением в своей обязанности общественного служения. Высокое чувство собственного достоинства, врожденные доброта и деликатность не позволяли ему делать что-либо без должной ответственности, кое-как, и уклоняться от ожи-

---

[10] *Шмидт С.* О. Размышления об «историографии историографии» // Исторические записки. Т. 8 (126). М., 2005. С. 301–302.

даемого от профессора, и в то же время побуждали его к прямоте в выражении своего мнения (и публично, и в дневнике), даже если оно не во всем благоприятно и о близких и симпатичных ему историках своего же круга.

В записях подкупает столь нечастая в среде так называемой «творческой интеллигенции» способность радоваться чужим достижениям, вхождению в клан ученых молодых и многообещающих. Не только нет проявлений завистливости, но даже, так сказать, местнических понятий и, соответственно, ощущения что в чем-то обойден и недооценивают твои заслуги. При этом сам Богословский замечает это в поведении даже особо уважаемых им коллег – в этом плане любопытно написанное о С. Ф. Платонове, которого не включили в Особую комиссию Русского исторического общества, организованную для празднования юбилея Александра II: в описании заседания Общества: «с этой минуты лицо Платонова приняло насмешливо-скептическое выражение, хранившееся им до конца заседания» – запись 24 мая 1916 г.; о том, что Платонов «очень уязвлен» этим (и, видимо, шел разговор на такую тему при посещении квартиры Платоновых им и Любавским) – в записи 25 мая. В записях Богословского не заметно ни мелочной обидчивости, ни выпячивания своей роли, и, конечно же, ни чванства, ни злорадства.

В описании проявлений благодарственного отношения к нему студентов и особо уважительного коллег-профессоров весной 1917 г., когда Богословского временно «отрезали» (по его определению) от Университета, обнаруживается не только душевная растроганность, но и некоторое недоумение. Правда, в записи 26 апреля, на следующий день после избрания Богословского снова профессором, причем единогласно (а это – как отметил 25 апреля – «случай редкостный»), с некоторой горечью зафиксировано: «В газетах ни звука о вчерашнем факультетском избрании. Мне всегда удивительно несчастливилось на газетные известия. Редко когда какое-либо из моих выступлений отмечалось. Так и теперь. Об увольнении моем было сообщено несколько раз; а о единогласном избрании не сообщается».

Отсутствует и самолюбование, хотя и ощущается потребность подчеркнуть правильность своего поведения в случае, когда в обществе не установилось общепринятого мнения – так, 12 марта 1917 г., после того как он и другие профессора, назначенные после 1905 г., были уволены из Университета, коллегам, собравшимся для редактирования «Исторических известий», счел нужным заявить: «…совесть моя чиста и ни в чем меня не упрекает. В 1911 г. я остался в Университете, потому что считал уход совершенно неправильным и прямо не мог уйти: я поступил бы, если бы ушел, против совести», и тем самым, заняв кафедру, «сохранил для московской кафедры традиции главы нашей школы В. О. Ключевского, сберег (это слово написано вместо зачеркнутого «сохранил». – С. Ш.) их в чистоте и этим имею право гордиться».

Редкостно работоспособный историк с подлинной ответственностью относился ко всякому исполняемому им делу и не склонен был лишь «значиться» занимающим какое-либо видное положение. Показательна запись 16 февраля 1916 г. о предложении возглавить Археографическую комиссию при Археологическом обществе: «…наотрез отказался, сославшись на множество и тяжесть дел, когда сказали, что я могу и не действовать активно, а нужно – имя, я ответил, что иконой мне быть еще рано и что я должен еще работать».

Выявленные А. В. Мельниковым воспоминания об историке теперь можно рассматривать в контексте с его дневниковыми записями, и становится еще более понятным, что особое уважение вызывали и притягивали к Богословскому не только его эрудиция, научная одаренность, занимаемое им положение в мире науки и в московском обществе, но и привлекательные достоинства его личности.

Записи Богословского очень информативны, но обычно немногословны, без претензий на эффектную красивость. Здесь те же отмеченные академиком С. Ф. Платоновым в некро-

логе Богословского «свойства простоты и безыскусственности, которые так талантливо сказывались в его ученых произведениях»[11]. Во всем скромность и внутреннее достоинство.

В Дневнике немало наблюдений, помогающих составить представление о видных деятелях науки и политиках той поры, особенно о манере поведения, стиле речи его коллег по преподаванию (иногда и малоприятных для них). Подмечал Богословский и ценил и остроумие собеседников (а также и выступавших с докладами и в прениях). И особо понравившееся записывал для памяти – 4 октября 1917 г. профессор философии Л. М. Лопатин при встрече с тонким остроумием сказал: «Я и не думал, чтобы русский народ был до такой степени монархичен. Как только монарха не стало – всякий образ и подобие потеряли!» (подчеркнуто автором).

Научные заседания, защиты диссертаций – явно интересовавшая его сфера жизни. Историк готовился к ним, знакомясь с новой литературой по теме и перечитывая ранее известную ему. Для него праздником становились особенно удачные заседания, доклады, и, сдержанный обычно в выражении своих чувств, он эмоционально передавал впечатления. Особенно если открывал для себя даровитость молодых ученых. Даже в волнующее политическими обстоятельствами время, когда доклад В. Ф. Ржиги о Максиме Греке оказался «очень интересен и подал повод к оживленным прениям», написал: «Мы все оживились в возникшем споре, и заседание надо признать на редкость удачным» (запись 5 октября 1917 г.). Вероятно, небезлюбопытно было бы проследить, что и в какой связи Богословский писал о своих современниках, вызывающих и поныне интерес историков.

Богословский скуп на пространные характеристики каких-либо лиц, но обычно указывает на черту, во многом определяющую существеннейшее в человеке. Так, он написал о М. К. Любавском, отметив, что тот «сделал весьма здравую характеристику» историка В. И. Герье: «У Любавского вообще много здравого великорусского смысла, и это лучшее свойство его ума» (запись 3 декабря 1915 г.). И Богословского коробило то, что на заседании памяти академика Е. Ф. Корша «был обрисован Корш – лингвист, ориенталист, знаток литературы, классик и т. д. Но совершенно остался не изображенным Корш как цельная личность: и отдельные характеристики остались не только не объединенными, но и не связанными» (запись 17 февраля 1916 г.). Сам Богословский сумел, узнав о кончине профессора Московской духовной академии историка церкви С. И. Смирнова, дать емкую характеристику и личности покойного, и значения такой утраты: «Ушла научная сила из Академии, редкая среди того хлама, который ее наполняет. Честный, прямой и добрый человек, талантливый труженик и строгай хранитель традиций, оставленных его учителями Голубинским и Ключевским» (запись 6 июля 1917 г.).

Известно, что у Богословского установились дружественно-доверительные отношения в 1920-е гг. с академиком С. Ф. Платоновым. В наибольшей мере благодаря Платонову он стал 4 декабря 1920 г. членом-корреспондентом Академии наук и уже через четыре месяца, 2 апреля 1921 г., академиком. Платонов, приезжая в Москву, стал останавливаться у Богословских, а Богословский, оказываясь в Петрограде-Ленинграде, – в квартире Платоновых. О близости двух самых выдающихся в те годы историков России свидетельствует их переписка (более пятисот писем), некролог, написанный Платоновым, даже следственное дело Платонова (1930–1931 гг.)[12]. Такое сближение закрепилось в послереволюционные годы, но дневник Богословского помогает уяснить предпосылки этой редкостной дружбы. В 1911 г. Богословский не оказался еще в ряду московских историков, принявших участие в сборнике к юбилею Платонова, подобно ученым его круга С. Б. Веселовскому, Ю. В. Готье, М. К.

[11] С. *Ф. Платонов.* Неизданный некролог М. М. Богословскому (Публ. А. В. Мельникова) // Археографический ежегодник за 1998. М., 1999. С. 389..

[12] Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб, 1993.

Любавскому, А. И. Яковлеву. В дневнике 1915–1917 г. о Платонове упоминается чаще, чем о ком-либо из иногородних историков, и неизменно уважительно – и о встречах в Москве и Петрограде, и об общественном настрое Платонова, и о письмах к нему и его. Показательно и то, что зафиксировано о разговоре при посещении в Петрограде академика А. С. Лаппо-Данилевского с хозяином квартиры и тоже пришедшим к нему членом Государственного совета бароном Икскуль-фон-Гильденбандтом: «Досталось также и Платонову; но так как я при попытке его бранить хранил упорное молчание, то выпады против него не были продолжительны» (запись 25 мая 1916 г.). Выразительно оценочного характера запись 19 января 1916 г.: «Получил открытку от С. Ф. Платонова в ответ на посланный ему оттиск статьи о Судебнике: „Многоуважаемого М. М. очень благодарит за присылку ему статьи об Устьянском кодексе преданный ему С. Ф. Платонов“. Последними словами об „Устьянском кодексе“ дается мне понять, что прочел статью. Какая завидная вежливость и какая тонкость!» (В статье 1915 г. «Еще к вопросу о Судебнике 1589 г.» Богословский обосновывал мысль о составлении его в Устьянских волостях и отражении в нем правовых норм Северного Поморья.)

Думается, что не только печатные труды Платонова, но и его устная речь соответствовали представлениям Богословского о талантливом ученом: «Признак таланта – умение изложить самую сложную вещь в самой простой и ясной форме» (Это написано Богословским 13 декабря 1915 г. после того, как математик, профессор Университета П. К. Млодзеевский «изложил» ему одну из теорий высшей математики «с большим воодушевлением… замечательно просто, ясно и красиво»).

Сопоставляя дневниковые записи Богословского с письмами Платонова (опубликованными в первом томе издания «Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками», вышедшем в 2003 г., и с подготовленной к печати перепиской Платонова с Богословским и А. И. Яковлевым для второго тома этого издания), обнаруживаем несомненную близость суждений и вкусов обоих историков и в сфере исторической науки и преподавания в высшей и средней школе, и в общественно-политических воззрениях, даже, если можно так выразиться, в историко-культурных пристрастиях: в любви к облику старинных древнерусских городов, к усадебной культуре дворянских гнезд. Обоим свойственно и возрастающее с годами преклонение перед Пушкиным – об этом и в дневнике, в записи 13 января 1917: «Вечером читал Мине "Капитанскую дочку" с величайшим наслаждением. Чем больше и больше читаешь Пушкина, тем больше удивляешься колоссальности этого дарования. На закате жизни он еще более нравится, чем в юности». Эта мысль будет повторена в 1920-е гг. Поздравляя Платонова с тем, что он стал во главе Пушкинского дома, Богословский писал ему 6 марта 1924 г.: «…С каждым годом жизни все более и более люблю Пушкина и все пушкинское. Отдыхая у Вас (т. е. в квартире Платонова. – С. Ш.) с величайшим наслаждением перечитал некоторые его стихи, найдя в них все новые и новые красоты, прежде не замеченные, потому ли, что их пропускал случайно или потому, что для каждого возраста в нем открываются свои красоты, не заметные для возраста более молодого»[13]. Платонов же во второй половине 1920-х гг. не только способствовал изданию пушкинского наследия, но и напечатал статью «Пушкин и Крым» и книжку краеведческого уклона «Далекое прошлое Пушкинского уголка, Исторический очерк». Богословского интересовало и восприятие Пушкина в прошлом: 25 сентября 1915 г. отмечено, что вечером читал с А. П. Басистовым письмо о Пушкинских торжествах 1880 г. (Друг его юности, Басистов, был сыном видного педагога, члена комитета по организации пушкинского праздника в Москве в связи с открытием памятника.)

Богословский испытывал потребность знакомиться с новейшей литературой и не только по отечественной истории, но и всеобщей, а по тематике, близкой к его профессор-

[13] Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585 (С. Ф. Платонова). Оп. 1. Д. 2324. Л. 5–6 об.

ским занятиям, считал своим долгом. Полагал нужным обратиться и к литературе прежних лет, если в свое время не сделал этого.

Богословский почти всякий раз указывал, что читал в вечерние часы – чаще всего это была новейшая научная литература. Характеристики и оценки прочитанного обычно лапидарны: больше о произведенном впечатлении, причем почти в одинаковых выражениях в дневниках 1915–1917 гг. и 1919 г. Но иногда, зафиксировав первое впечатление, возвращался к характеристике той же книги, уточняя ее: подчас усиливая негативное в оценке или, напротив, выявляя привлекательное, свежее, ранее им не отмеченное.

Любопытны суждения о книге М. Н. Покровского «Очерки истории русской культуры» (том первый куплен был им 24 октября 1915 г., что отмечено в Дневнике). Богословский одновременно с ним обучался у В. О. Ключевского, посещал домашние семинарии профессора всеобщей истории П. Г. Виноградова. В записи 14 ноября: «Вечер за книгой М. Н. Покровского… где много остроумия, знания, легкомыслия и марксистского схематизма». 16 ноября – о Покровском: «распластывается в ней по заранее заготовленным шаблонам, весьма банальным»; а в записи 19 ноября как бы суммирующее заключение: «…все оригинальное и индивидуальное: люди, события и идеи – стерто, и показываются только одноцветные, одинаковые для всех времен и народов классовые шаблоны». Тут явное противопоставление приемов подхода к историческому материалу и толкованию его – конкретно-исторического метода Богословского, устанавливающего в каждом историческом явлении и общее и особое, индивидуальное, и ищущего тому объяснения, и схематизма методики Покровского, достигшего в советские годы уже вершин вульгарного социологизма с примесью дешевого политиканства в книгах «Русская история в самом сжатом очерке» и в лекциях «Борьба классов и русская историческая наука», вышедших отдельной книгой в 1923 г.

Богословский строго судил сочинения и манеру поведения и близко знакомых ему историков из постоянного круга своего общения. Так, о труде С. Б. Веселовского в двух томах «Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства» отзывался «с досадой»: «…И во II томе он то же, что и в первом. Из-за мелочей нет представления о главном, из-за деревьев не видно леса. Умеет изображать только приказное делопроизводство и не способен на более широкий размах. Нет полета мысли, копается в скрепах и справах…» (запись 28 июля 1916 г.). На следующий день, 29 июля: «Прочел 5 листов Веселовского, все более убеждаясь в том, что не способен к конструкции книги. Его книга – это комментарий к трем томам Актов писцового дела, не Акты – приложение к книге, а книга – комментарий к Актам» (имеется в виду издание «Акты писцового дела Московского государства для истории землеустройства и прямого обложения в Московском государстве 1587–1649»). 7 августа снова запись: «Я кончил чтение книги Веселовского. Заключительная глава, которая должна бы, подводя итоги, давать резюме, вкратце излагать всю книгу– образец неясности».

Возвращается – и несколько раз – к книге историка, близкого и по университетскому и по домашнему общению А. И. Яковлева «Приказ сбора ратных людей». Богословский полагал, что Яковлев за свои заслуги и в научной и в преподавательской работе, безусловно, достоин получить докторскую степень, но тема для докторской диссертации выбрана незначительная, особенно для ученого такого дарования. 26 августа 1916 г., «вернувшись в Москву» и застав подаренную ему книгу, написал о ней как о «неоконченной». 29 августа отмечает: «Начал читать диссертацию Яковлева, и она стала меня подкупать рассыпанными там блестками таланта». 2 сентября передает разговор с зашедшим к нему Ю. В. Готье об этой диссертации: «Вот пример гибельного влияния Веселовского на Яковлева. Ну стоило ли тратить столько времени и сил на этот ничтожный Приказ сбора ратных людей, о котором написана его диссертация! Ведь это предмет для небольшой статьи – не более того». 24 сентября по прочтении книги Р. Ю. Виппера «История Греции»: «Приветствую такую книгу

общего характера, на которой отдыхаешь после чтения специальных монографий». И уже непосредственно о книге Яковлева «Прекрасная вылитая по последнему слову артиллерийского искусства пушка, скорострельная и сложная, палит по ничтожному воробью. Бывают покушения на хорошие цели с негодными средствами, а здесь покушение с великолепными средствами на ничтожную цель».

Еще жестче и откровеннее оценки трудов более молодых историков. Не раз Богословский выражал недовольство книгой киевского историка А. М. Гневушева о новгородском населении в XV в., по писцовым книгам – «громадный том с таблицами, и таблиц больше, чем текста». Судя по его же записи 28 октября 1916 г., даже «резко несдержанно отозвался о таком способе писания». И именно в этой связи наблюдения историографа о новейших трудах (видимо, не только учеников киевского профессора М. В. Довнар-Запольского, но и некоторых своих младших коллег по Московскому университету): «Во всех этих огромных томах по русской истории редко встретишь не только мысль, но и хоть бы мысленку: все материалы и материалы, мелочь, гробокопательство. Досадно! Маленькая книжка С. М. Соловьева, статья К. С. Аксакова были куда более значительны, чем теперешние фолианты, в которых печатаются груды сырья, по большей части ни на что не нужного». Возможно, в этих словах прорвалась досада Богословского и на самого себя, поскольку он, написав монографического масштаба дипломное сочинение о писцовых книгах, так и не обработал эти материалы хотя бы в статью постановочного плана.

Богословский позволял себе формулировать и очень резкие отзывы, даже о написанном авторами, получившими признание в академических кругах – так, об избранном в 1912 г. членом-корреспондентом Академии наук профессоре Новороссийского университета (в Одессе) И. А. Линниченко написал 20 декабря 1915 г.: «Прочел пошлейшую брошюру, присланную мне Линниченко о Перетятковиче. Нет Гоголя, чтобы изобразить эту провинциальную профессорскую тину». К Линниченко у него было устойчиво негативное отношение, сложившееся еще в студенческие годы, когда ему не понравилась его манера чтения лекций (лекциями по истории Польши «именно учил тому, как не надо читать лекции», писал Богословский 20 октября 1915 г. вспоминая то время).

Чаще всего находим краткие, даже кратчайшие оценочные формулировки: о книге Б. Д. Грекова «Новгородский дом св. Софии. Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины» – «превосходная книга» (запись 24 мая 1916 г.); о книге И. В. Попова «Личность и учение блаженного Августина» – «книга, которую читаю с наслаждением» (запись 18 мая 1917 г.); об оттиске статьи А. Н. Савина «Два манора», «превосходно, точно, ясно и красиво написанной» (запись 19 апреля 1916 г.). 20 августа 1916 г. написал о чтении «очень интересной книги»

Н. А. Скворцова «Археология и топография Москвы». Этот изданный в 1913 г. курс лекций. Богословский взял с собой на время летнего отпуска, вероятно, в связи с написанием биографии Петра I. Число подобных примеров можно и умножить.

Характеризуя и оценивая печатные труды и устные выступления (научные доклады, слово при обсуждении их, лекции), он обращает внимание на систему организации материала (и введения в научный оборот новых данных и приемы обоснования своих выводов) и литературную форму его обработки. Вдумчивый педагог, опытный автор трудов и научно-исследовательских, и научно-популярных, и учебных, Богословский задумывается и над тем, в какой мере автор учитывает возможности восприятия свершенного им читателем (или слушателем – очень часты указания на плохое чтение заранее заготовленных текстов и докладчиками и оппонентами диссертаций). При этом Богословский строг, оценивая и свою деятельность. Написанное Богословским и о других и о себе помогает, конечно, познаванию натуры самого автора, его образа мышления и темперамента, его воспитанности, нравственного кодекса.

Богословский понимал, что даровитость, наклонность к самостоятельному творчеству проявляются еще в юные годы, и справедливо полагал, что для студента, избравшего научные занятия по призванию, сочинение, тем более дипломное, становится исследовательским трудом на его уровне научной подготовки, накопленных знаний и навыков. Это ясно выражено в его отзывах на сочинения многообещающих учеников, в частности, выпускников Московской духовной академии[14]: в дневнике он особо выделяет, надеясь увидеть его оставленным затем при Университете, Б. И. Иванова – автора работы монографического типа о Кирилло-Белозерском монастыре. (Источник невысоко оценивал подготовку и обсуждение научных работ Академии, где все проникнуто «бумажным формализмом» – запись 15 марта 1916 г.)

В дневнике ощущается неослабевающее внимание к студентам Московского университета и особенно к оставленным там для подготовки к профессорскому званию (т. е., употребляя современную терминологию, аспирантам). Богословский заботится об этом «молодом рассаднике», хлопочет о получении некоторыми из них именных стипендий, упоминает о встречах и беседах с ними. Особенно отрадно было найти среди этих лиц тех, кого я знал уже профессорами – и одного из моих преподавателей по Среднеазиатскому университету в Ташкенте в годы войны И. И. Полосина, и старших коллег по преподаванию в Историко-архивном институте В. К. Никольского, А. А. Новосельского, В. К. Яцунского. Имя В. К. Яцунского, ставшего затем историком широкой проблематики, ведущим специалистом и по исторической географии России и зарубежья и по социально-экономической истории России XIX в., и замечательно заботливым педагогом, Богословский упоминает не единожды, а по прочтении «прекрасно написанного реферата о столкновении царевны Софьи с Петром» отметил: «Талантливый человек, смелый и ясный ум» (запись 28 января 1917 г.).

Думается, что отношение Богословского к своим ученикам и приемы его преподавания во многом формировали этих будущих профессоров и определяли и их критерии в оценке трудов уже собственных учеников. Академик М. Н. Тихомиров, когда к нему в год празднования 200-летия Московского университета обратились с просьбой выступить в университетской многотиражке, написал (или продиктовал?) небольшую статью «Дорога в историческую науку», где назвал фамилии трех своих университетских учителей: здравствовавшего еще тогда девяностопятилетнего академика Р. Ю. Виппера, руководителя своей дипломной работы С. В. Бахрушина (умершего членом-корреспондентом Академии наук в 1950 г.) и М. М. Богословского – «Среди профессоров того времени выделялись такие люди, как Р. Ю. Виппер, М. М. Богословский и др.». И далее: «Замечательные просеминарские занятия по изучению Псковской Судной грамоты вел профессор М. М. Богословский. Вероятно, тогда-то и зародился во мне тот повышенный интерес к источниковедению, который я проявлял всю жизнь». Небезлюбопытно, что Богословский, записывая о работе своего семинара в Университете 6 октября 1916 г. (в период, когда Тихомиров готовил уже дипломное сочинение о Псковском мятеже 1650 г. в семинаре у Бахрушина) передал впечатление от работы младшекурсников: «Довольно оживленно разрабатывается Псковская правда (т. е. та же упоминавшаяся ранее Псковская Судная грамота. – С. Ш.). Некоторые студенты вошли во вкус толкования памятника: не оставляют без внимания, можно сказать, ни одной буквы»[15].

Удачей в моей судьбе было то, что в сентябре 1939 г. первокурсником я попал в семинар исторического факультета МГУ, руководимый М. Н. Тихомировым, и он затем предложил заниматься под его научным руководством. Полагаю, что, комментируя с нами «Русскую Правду», Михаил Николаевич опирался и на воспринятое от Богословского, и для

[14] Неопубликованные отзывы М. М. Богословского о кандидатских сочинениях выпускников Московской духовной академии 1916–1977 гг. // Археографический ежегодник за 2004 год. М., 2005. С. 516–526.

[15] Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967. С. 7.

меня и некоторых других это тоже оказалось школой возбуждения «повышенного интереса» к источниковедению и археографии. Думаю даже, что М. Н. Тихомиров, следуя примеру именно Богословского, руководствовался, созидая свою знаменитую научную школу, едва ли не правилами времени столь глубоко изученного и Богословским, и Бахрушиным, и им XVII столетия, когда только изготовление подмастерьем шедевра своего ремесла давало право претендовать на положение мастера.

Однако в своих воззрениях Богословский иногда и устойчиво консервативен. Так, он остается по-прежнему убежденным в том, что из женщин не может выйти крупных ученых. 24 января 1916 г. записал: «Для ученой деятельности нужно творчество: эта деятельность не есть пассивное усвоение, а творчества нет у женщины. Нет женщин-композиторов, нет поэтов, нет живописцев – не может быть и крупных ученых, хотя могут быть и нужны и должны быть очень образованные. Мы работаем на Высших курсах над повышением уровня женского образования, над вооружением женского труда знанием, а не для выработки женщин-ученых». Между тем, Мария Склодовская-Кюри к тому времени уже дважды была удостоена Нобелевской премии (по физике – в 1903 г., по химии – в 1911 г.), широко известно было о математике Софье Ковалевской, в России уже творила скульптор А. Голубкина, выдающийся петербургский историк-медиевист и палеограф О. А. Добиаш-Рождественская получила степень магистра (в 1918 г. она станет и доктором наук), уже проявили себя и Анна Ахматова и Марина Цветаева, называемые сегодня в ряду великих русских поэтов.

Ожидают пристального внимания методистов преподавания истории и тех, кто сам занят преподаванием в вузах, наблюдения Богословского о своих лекциях и руководимых им семинарах («семинариях», «просеминариях» по терминологии тех лет) – как дополнять «старый курс» выписками из «вновь прочитанной литературы, как «возбуждающе действует» на лектора «полная аудитория», побуждая говорить без всяких записок и др.

Из записей узнаем, что особенно не удовлетворяет Богословского при совмещении исследовательской и преподавательской деятельности. Запись 9 ноября 1915 г.: «Я плохо читаю, между прочим и потому, что читаю два разных курса и веду четыре разных семинария, а мысль всецело направлена на "Биографию" (Петра Великого. – С. Ш.). Внимание рассеивается. Так разбрасываться нельзя». За пять дней до того, 4 ноября написал: «Преподавательская работа мешает научной работе, а научная работа отвлекает внимание от преподавания: вот тягость профессорства». Незадолго до того, 24 октября 1915 г., записывает: «Я повторяю старое, а как бы хорошо было бы на каждой лекции сообщать что-либо новое и составлять ее заново. Но для этого надо бы читать всего 3–4 часа в неделю, т. е. служить в одном только Университете». Но концентрация подобных мыслей выявилась лишь на нескольких страницах дневника и объясняется, можно думать, недовольством тем, что не мог в это именно время заниматься и «Петриадой» (ибо 4 ноября записал: «Удосужился несколько заняться биографией Петра, которая совсем за последнее время не двигалась»).

Богословский серьезно обдумывает и наиболее полезную систему чтения лекций, и планы подготовки к печати своего лекционного курса русской истории. 30 марта 1916 г. размышляет: «Утром продолжал подготовлять курс для печати. Совсем это не то, что следовало бы. Нормально было бы издать нечто вроде обширного обязательного учебника, а в курсах ежегодно разрабатывать какие-нибудь отдельные темы, каждый год новые». Но каких бы трудов и какого бы количества времени и сил это потребовало!». А 10 сентября 1910 г., назвав прочитанное «для курса древней истории, который», думал «значительно дополнить», продолжает: «Начав в нынешнему году с древней истории, я имею намерение в течение остающихся мне до 25-летия (преподавания в Университете. —С. Ш.) 3-х следующих лет прочесть последовательно весь курс русской истории, дополнить, исправить и таким образом подготовить к печати».

События в России 1917 г. стали препятствием для дальнейшей работы в этом направлении. Но в личном архиве Богословского имеются материалы такого рода. Издававшиеся и переиздававшиеся как раз в период публикуемых дневниковых записей его учебники русской истории для школьников остаются, кажется, пока еще недооцененными методистами преподавания. Не выявлены еще и черты сходства и различия с университетскими литографированными курсами профессора. Возможно, научно-перспективным окажется и сопоставление этих учебных трудов заведующего кафедрой Московского университета Богословского с такого же назначения книгами заведующего кафедрой Петербургского университета С. Ф. Платонова. Не выявится ли и здесь близость, но уже в методических подходах?

Этой сфере деятельности Богословского уже посвящаются специальные труды[16]. Но пока еще детально не рассматривается это в контексте новых исследований о выдающихся историках – современниках Богословского как педагогах и трудов А. Е. Иванова об университетах предреволюционных десятилетий. А в дневнике Богословского, письмах его и другой исходящей от него документации много интересного не только о содержательной стороне преподавания русской истории, но и о понятиях его о служении профессором. А для человека таких нравственных устоев преподавательская деятельность была не работой, обеспечивающей определенное жизненное положение, а именно служением.

При подготовке новых исследований такой тематики желательно обратить внимание на все формы преподавательской и учебно-методической деятельности Богословского – преподавание во всех учебных заведениях, печатные труды, предназначенные для учебных целей, начиная с первых статей, подготовленных именно для преподавателей средних учебных заведений, и учащихся, особо интересующихся историей. Представления самого Богословского о призвании и обязанностях учителя образно выражены в его лекции о В. А. Жуковском-педагоге 1902 года[17].

Использовать можно и издания и материалы делопроизводства учебных заведений и личного делопроизводства Богословского, отложившиеся в его архиве. Богословский считал нужным оставлять какую-то информацию о сочинениях своих студентов – 30 октября 1916 г. его посетила курсистка, «разыскивающая свое сочинение», которое он «читал в 1908 г.», и утерянное затем, когда она дала этот текст другому профессору в период государственных экзаменов. И Богословский отмечает: «Благодаря справке в моей записной книжке дело уладилось». Это – показатель не только ответственности, с которой Богословский относился к своим обязанностям преподавателя, но и высокой степени организованности в самой системе этой работы и отчетности о ней.

Мудрость и опыт педагога сказываются и в его записях о воспитании и обучении сына, во вдумчивом подборе литературы – и русской классической, и Ж. Верна на французском языке – для чтения ему вслух. Обосновывая свой взгляд, что «единственное средство воспитания – убеждение и главное – хороший пример», Богословский употребляет терминологию, принятую в методике высшей школы – «большой запас принципиальности», «педагогическая выдержка» (запись 13 августа 1915 г.). Соображения Богословского о детском воспитании и обучении, наблюдения, относящиеся к нежно любимому сыну, следовало бы также свести воедино. И рассмотреть их в контексте с написанным в то же примерно время о воспитании и обучении мальчика Петра Первого.

Дневниковые записи Богословского – уникальный по информационной насыщенности и откровенности самовыражения исторический источник (во всяком случае, среди сочи-

---

[16] *Пивоварова* О. Г. Историко-педагогическая деятельность М. М. Богословского // Отечественная истоия. 2005. № 5. С. 151–158.

[17] *Шмидт С. О.* Лекция историка М. М. Богословского 1902 года «В. А. Жуковский как воспитатель Александра II» // Жуковский и время: Сб. статей. Томск, 2007.

нений других источников). Обогащаются представления исследующих и историографическую проблематику, и общественное сознание русской интеллигенции кануна революции и в революционный 1917 год и то, что происходило в Москве той поры. Дневник, несомненно, окажется особенно интересным психологам. Написанное профессором русской истории нескольких высших учебных заведений и автором пособий для средних школ, блюстителем московской православной старины, выпускником 5-й гимназии, где принято было учиться сыновьям профессоров Московского университета, становится значимым источником и для познания образа речи, языка – и литературного, и разговорного – московской интеллигентской элиты тех лет и ее отношения к вносимым в эту речь изменениям и новациям.

Ознакомление с дневниковыми записями историка показывает, что уже при их составлении формировался тот стиль изложения, который так пленяет нас в предназначенных автором для печати воспоминаниях о Москве своей юности и о коллегах-москвичах[18].

Особенно много дает публикация дневниковых записей М. М. Богословского для размышлений о специфике дневников историков. Теперь, когда за последние десятилетия становятся достоянием читателей издания дневников, писем и мемуаров выдающихся историков первой трети XX столетия и трудов, этому посвященных, все более очевидно, как значима такая историческая документация для изучения не только развития науки и культуры, но и общественного сознания этой эпохи.

Сигурд Шмидт

[18] *Богословский М. М.* Историография, мемуары, эпистолярия. (Научное наследие) / Сост. Л.А. Черная. М., 1987.

1913 год

6 *октября.* Воскресенье. Диспут приват-доцента Харьковского Университета *Кагарова:* «Культ фетишей в древней Греции»[1]. Вопреки моим ожиданиям сравнительно много публики, так что весьма поместительная 6-ая аудитория была достаточно полна. Возражали Новосадский довольно формально и сухо, и Соболевский С. И. – блестяще. Неоднократно вызывал он простодушно-остроумными замечаниями дружный смех аудитории и надо сказать сокрушил Кагарова, доказав, что никаких фетишей у греков в Европе уже не было, с чем и диспутант принужден был согласиться, так что пришлось отнести греческий фетишизм к тем временам, когда греки не появлялись еще в Европе. Третьим возражал Грушка: но был уже седьмой час в исходе, а диспут начался в $1^1/2$ – и я ушел. Кажется, с 1906 г. не было диспута по классической филологии, и наши классики с накопленными свежими силами набросились на бедного магистранта, как голодные на желанную и давно жданную добычу. Диспут доставил мне большое удовольствие, и я отдыхал на нем душой, вспоминая свои[2]. Параллельно с этим филологическим состязанием должно было идти напыщенно-дутое чествование «Русских ведомостей». С. И. Соболевский начал возражения с указания, что в книге много ссылок – приблизительно по 10 на каждой странице, а так как страниц 300 с лишком, то ссылок, следовательно, более 3 000! и если добросовестному читателю хотя бегло их проверять, то понадобилось бы 50 дней при 10-часовой работе в день! Затем указание на тексты таких писателей, которые не заслуживают доверия, или на такие тексты, которые ничего не доказывают. Много ошибок и в передаче текстов. Не обошлось и без ошибок в грамматических формах.

7 *октября.* Понедельник. День проведен дома, т. к. для студентов Академии устроена экскурсия в Москву в Музей Александра III[3]. Лечил зубы, ходил гулять с Каплюшечкой[4], и сделали вместе довольно большую прогулку. За обедом разговор на французском языке о скандале, которым завершилось вчерашнее празднование или вернее самопразднование «Русских ведомостей». Как нередко бывает с русскими торжествами, дело кончилось полицейским протоколом. Пишу вечером у Троицы[5].

8 *октября.* Вторник. Лекция в Академии[6] – читал плохо: вяло, без оживления. Читал текст давно написанный и при этом чувствовал, что надо бы давать что-нибудь новое – но когда же это новое приготовишь? То ли дело бывало, когда был всего один час в неделю и когда целую неделю к нему подготовляешься. И теперь нормально было бы читать хоть четыре часа, но отнюдь не больше. Тогда можно было бы серьезно подготовляться к ним. Курс в Академии «XVIII-й в.» вообще как-то идет у меня вяло. Из Академии попал в Университет на факультетское заседание, на котором единогласно решено возвести Герье в почетные члены. Следует только удивляться, как этого не случилось гораздо ранее. Это уже не первое единогласное решение факультета за начавшийся год. Наступили, по-видимому, времена мира.

9 *октября.* Среда. Читал утром Шимана[7]. Вечером у меня бывший мой слушатель Черепнин.

13 октября. Воскресенье. Диспут П. Н. Сакулина, о котором так много говорили в Москве за последние дни[8]. Факультет решил отступить от установившегося в последнее время порядка выпуска на большие диспуты…

1915 год

16 *июля.* Четверг. Ездили утром с Миней[1] на лодке в Песочное[2] за посылкой (учебник[3]) и за припасами. Вечером с ним же гулял.

17 *июля.* Пятница. Пишется жизнь Петра за 1692 год[4].

18 *июля.* Суббота. Большая прогулка через Глинино и Панино на Остров. Какие тихие и успокаивающие места. Прибытие вечернего парохода из Рыбинска.

19 *июля.* Воскресенье. Годовщина объявления войны[5]. Вспоминались прошлогодние события.

20 *июля.* Понедельник. Лиза[6] от нетерпения получить газеты ездила за ними в Песочное, но лодку пришлось оставить там и вернуться на пароходе вследствие сильного ветра. Статьи по поводу годовщины войны. После обеда прогулка на Остров. Вечером чтение газет.

21 *июля.* Вторник. Занятия биографией Петра. Начат 1693-й год. После обеда поездка в Песочное за лодкой и припасами. Написал 4 письма. Вечером чтение газет с отчетом о думском заседании 19 июля. Сильная гроза.

22 *июля.* Среда. Продолжаю писать 1693-й год. После обеда дождь, продолжавшийся и вечером. Окончание думских прений в газетах. Отступление к северу от Люблина и Холма[7].

23 *июля.* Четверг. Писался 1693-й год и очень усердно. Лил все утро октябрьский постоянный дождь. Затем стало проглядывать солнце, но целый день дождь.

24 *июля.* Пятница. Целый день ровный, совсем осенний дождь, и мы точно в осаде. Утром я жил в 1693 г., который и кончил. После чая удалось погулять в парке. К вечеру принесено с соседней дачи известие об оставлении нами Ивангорода и Варшавы[8]. У нас уныние. Горько и тяжело, но что же делать, раз это было неизбежно. Есть что-то похожее на то, когда в доме тяжело, безнадежно больной, приговоренный к смерти. Смерти его ждут, и все же она является ударом. Варшава нам за нашу историю ничего кроме зла не приносила, и неизвестно, что выйдет из обещанной Польше автономии[9], может быть повторение истории 1830 и 1863 годов[10]. Но все же жаль отдавать ее немцам. Лично меня гораздо более тревожат известия в газетах о подступе немцев к Риге и об ее эвакуации[11]. Ригою мы спокойно и беспрепятственно владели с 1710 г. Это приобретение Петра Великого, и потому должно быть прочно нашим. В такие моменты речи некоторых думских ораторов о необходимости сейчас же проводить реформы местного управления и всякие другие реформы нашей внутренней жизни похожи на разговоры и соображения о перестройках и переделках в горящем доме, когда прежде всего надо заняться тушением пожара.

25 *июля.* Суббота. Опять целый день беспрерывный, монотонный осенний дождь и довольно холодно. За обедом горе Капл [юшечки] по поводу случая с котенком, которого чуть было не раздавила в сенях Лена.

Вечером газеты, подтверждающие оставление нами Ивангорода и Варшавы со взрывами мостов. Жаль этого великолепного моста через Вислу. Все же как-то легче, точно нарыв, давно назревавший, прорвался. Год кончился для нас печально! Что-то даст нам следующий? Не понимаю тех, которые складывают всю вину на управление. Может быть, оно у нас и худо, но потому только, что и вообще мы сами худы. Каждый народ достоин своего управления. Разве мы в своей, ежедневной, обыденной жизни умеем так много, так постоянно, точно и отчетливо работать, как иностранцы: французы, немцы, англичане? Мы все делаем кое-как, спустя рукава, смотрим на работу как на досадную помеху и стараемся отбыть ее как ни попало. Все это наследие у одних бездельного барства, у других принудительного тягла и крепостной неволи. Мы еще не поняли цены труда в свободном состоянии,

как иностранцы, прелести труда самого по себе. А вся наша безалаберщина! У нас нет двух семей, которые бы обедали и ужинали в одно и то же время, у всех все по-своему и в полном беспорядке. Что же удивительного, что и управление у нас такое же, как мы сами! Ведь оно из нас же самих пополняется. Что жаловаться на нарушение закона губернатором? А сами мы соблюдаем закон? У нас стоит вывесить где-либо какое-либо объявление, например, в вагоне или трамвае, все мы намеренно станем его нарушать или, по крайней мере, обходить: в вагоне для некурящих – мы ведь всегда закурим!

26 *июля.* Воскресенье. Нет дождя, хотя и пасмурно. Но и в пасмурные дни есть своя особая, величественно-печальная красота на Волге. Обрадовавшись возможности двигаться, мы с Лизой довольно много ходили и сделали прогулку по берегу и по новой лесной и красивой дорожке из усадьбы Лучинской в Позделинское. Было только сыро, и промочили ноги. Рожь совсем уже пожелтела и от дождей наклонилась к земле; на одной из полос часть была сжата и сложена в скирды. Тишина и мир в деревне. Вечером опять небольшой дождь. У нас догорел последний запас керосину, и мы погрузились во мрак. После ужина ходили на пристань. Капл [юшечке] очень хотелось там остаться для встречи 10-часового парохода из Рыбинска. Насилу увели с большой обидой и слезами.

27 *июля.* Понедельник. Поездка утром в Песочное на почту и за припасами. Отправил экземпляры учебника[12] в Казань преосвященному Анатолию и проф. Н. Н. Писареву, а также ответ студенту о сочинении. Но с припасами дело обошлось плохо – фабрика была закрыта по случаю праздника св. Пантелеймона и водосвятия, на котором мы и присутствовали. После чаю ходили в Кораново. Беседа с женой сапожника о войне. Дожигали последние капли керосина.

28 *июля.* Вторник. Великолепный солнечный день с осенней прозрачностью воздуха. Вода в реке как зеркало; пароходы и барки отчетливо отражаются в этом зеркале. Вид поразительно красивый. Наконец состоялась наша экспедиция в Песочное за продуктами. Вечером лампы были наполнены керосином и засияли. Можно было читать с комфортом отчаянно плохую книгу Максимейки о Русской правде[13].

29 *июля.* Среда. Ездил в Рыбинск. На пароходе разговор с генералом, который убежден, что окружить нашу армию на передовом театре военных действий немцам теперь уже, раз мы оставили Варшаву, не удастся. Он удивлялся, как немцы бросились сразу на такую сильнейшую первоклассную крепость, как Ковно[14]. Сообщил о маленьком десанте русских войск из Владивостока в Дарданеллы, перевезенном на французских кораблях.

30 *июля.* Четверг. Утро в писании 1694 года моей «Петриады»[15]. После обеда прогулка до Острова. Вечером с Лизой быстро на 4 веслах сплавали в Песочное. Один из красивейших закатов на Волге; при таком освещении наш берег, высокий и лесистый, дивно красив.

31 *июля.* Пятница. С 12 часовым пароходом прибыли из Рыбинска все пятеро Богоявленских[16], что доставило нам большую радость. К сожалению, погода пасмурная, мелкий дождь.

1 *августа.* Суббота. У обедни и на водосвятии на Волге. После обеда большая прогулка на лодке с Богоявленскими.

2 *августа.* Воскресенье. Туман, не помешавший нам, однако, сделать путешествие по окрестным деревням и полюбоваться архитектурою домов и отпечатком зажиточности.

3 *августа.* Понедельник. Продолжается туман. Мы с С. К. [Богоявленским] и с детьми прогулялись на Остров. Много разговоров о войне. Поездка в Песочное.

4 *августа.* Вторник. Утром прогулка за Кораново. Уговорили Богоявленских пробыть до завтра.

5 *августа.* Среда. Отъезд Богоявленских. Слезы Каплюшечки при расставании. И мне было грустно. Возобновил работу. Кончил книгу Максимейки – очень плоха.

6 *августа.* Четверг. Писал статью о Христоматии Владимирского-Буданова[17]. Прогулка Глинино – Панино – Остров. Нет газет, т. к. все держится туман, и пароходы идут неаккуратно.

7 *августа.* Пятница. Продолжал статью о Судебнике 1589 г. Газета с печальным известием о взятии немцами западных Ковенских фортов. Вот уже три месяца, как ни одного сколько-нибудь радующего известия с войны. А в Думе договорились до такой нелепицы, что у нас и крепостное право было созданием немцев! (Родичев)[18]. И такой вздор несет все же образованный человек! У нас можно разрешить какие угодно вопросы: польский, еврейский, армянский, но немецкого не разрешить: до такой степени за двести с лишком лет немцы вошли в нашу жизнь и слились с нами. Немецкие фамилии у нас среди интеллигентного круга на каждом шагу. У нас на факультете из 16 профессоров три немца: Брандт, Виппер, Мальмберг – но разве они немцы? После этого и Кизеветтера надо считать немцем.

8 *августа.* Суббота. Продолжает стоять туман. Писалась статья о Судебнике. Ходили за грибами. Пришла почта за несколько дней с давящими известиями о входе немецких судов в Рижский залив, об оставлении нами Ковно и о тяжелом положении Новогеоргиевска[19]. Чаша, доставшаяся нам на долю, становится горше и горше.

9 *августа.* Воскресенье. Утро и после обеда до чаю за статьей о Судебнике, которая значительно подвинулась. Затем прогулка с Миней в Кораново. День солнечный, но такая густая мгла, что солнце кажется красноватым диском, на который нетрудно смотреть. В газетах, полученных при возвращении с прогулки, еще более тяжкие известия о Рижском заливе[20], об очищении Ковно и о взятии фортов Новогеоргиевска. На пристани распространился слух о взятии союзниками Дарданелл[21], будто бы сообщенный из Почтовой конторы соседнему помещику Теляковскому – управляющему театрами. Как бы хорошо, хоть бы единственный светлый луч в этой беспросветной тьме, окутывающей нас с апреля!

10 *августа.* Понедельник. Продолжает стоять мгла, еще более густая – дым от горящих где-то лесов. Как и следовало ожидать, слух, принесенный с пристани нашей «педагогичкою», оказался вздорным. Утро за статьею о Судебнике. Разыгрываются грозные мировые события, а я сличаю разночтения списков Судебника! Что ж из того. Живут люди в Италии на самых вулканах, собирают виноград и занимаются самыми прозаическими делами. Получена корректура 2-го издания первой части учебника[22], для чего плавали в Песочное с Лизой. Вести с войны все хуже и хуже. Вечером корректура.

11 *августа.* Вторник. Наконец прояснилось, и дым, окружавший нас со 2-го августа, исчез под действием южного ветра. Утро за статьею. Получено письмо от Елагина о 1-ой части учебника. Прогулка с Лизой за Кораново при надвигавшейся с юга туче. От сильнейшего ливня укрылись в сенном сарае Теляковского, где работали пленные из поляков. Прошли через его усадьбу, замечательную видом довольства и благоустройством. Вечер за корректурами. Светлая лунная ночь. Состояние духа все время войны такое, как будто в доме кто-то тяжело больной. Тяжело болеет – Россия, родина.

12 *августа.* Среда. Окончена статья о Судебнике, и приятно то, что в положенный срок. Можно опять вернуться к Петру. Промелькнула черточка света в газетах: удачное наше сражение в Рижском заливе, вследствие которого немецкий флот принужден уйти[23]. Хотя это, конечно, и не надолго, но все же отсрочка. Написал ответ Елагину с указанием опечаток. Утро солнечное, затем дождь, и сильнейший, под который мы попали. Ночь ясная, лунная. Прогулка по берегу.

13 *августа.* Четверг. Необыкновенная ясность и прозрачность воздуха. Вода в Волге как зеркало; леса на том берегу заметно подернулись желтизною. Чувствуется что-то осеннее. Вновь принялся за Петра и писал июль и август 1694 г. После обеда прогулка до Острова,

затем ездили на лодке в Песочное. Вечер за газетами: прения о подоходном налоге[24]. Что угодно будем платить, только бы водки не было.

14 августа. Пятница. Писалась глава о второй поездке Петра на Белое море[25]. Работа не шла: мысль почему-то все направлялась к городам и территориям, покинутым нашими войсками. Что переживало при этом эвакуируемое и оставшееся население? Мне как-то особенно реально представлялась картина эвакуации Москвы, если бы такая эвакуация случилась, а чего теперь не может случиться! Как уйти из города двухмиллионному населению! Какая была бы сумятица, смута и беспорядок на вокзалах! В 1812 г. дело было гораздо проще: запрягали *своих* лошадей и с обозом в сопровождении челяди уезжали в свои деревни.

У нас большой разлад с Л[изой] во взглядах на значение наказаний в системе воспитания детей. Уже читая курсы уголовного права, я поражался чем-то ненормальным, противоестественным, присущим наказанию, в особенности же этим хладнокровно-научным обсуждением жестокостей, совершаемых одними людьми над другими, классификациями этих жестокостей и т. д. Но там хоть дело идет о взрослых сознательных людях, и притом злодеях! Но дети? На мой взгляд, семья – не тюрьма, дети – не преступники. Наказания в педагогии – это отрыжка доброго старого времени, когда педагог именно смотрел на ребенка как на преступника, из которого надо выбивать прирожденное ему зло. Единственные средства воспитания: убеждение и главное хороший пример. Разве уж, в крайнем случае, если, по словам Феофана Прокоповича, окажется «детина непобедимой злобы»[26], можно допустить и какое-либо быстрое воздействие, но непременно быстрое, чтобы вызвать реакцию в совершающем проступок. Наказание вообще должно следовать непосредственно, сейчас же за преступлением, связаться с ним одною неразрывною связью, сделаться его логическим последствием. Тогда оно объяснимо, по крайней мере, как месть за причиненное зло, как отражение злодеяния. Если на моих глазах кто-либо убьет безоружного человека, ребенка – я могу в раздражении убить убийцу. Но наказания, отделенные долгим промежутком от преступления, когда все взволнованные чувства улеглись, когда все уже наполовину забыто, когда и сам злодей сидит в цепях и за железной решеткой, хладнокровно взвешиваемые и определяемые, отвратительны. Надо, чтобы наказание и в мысли преступных или склонных к преступлению элементов неразрывно связалось с преступлением, стало необходимым, неизбежным последствием преступления: убьешь – значит, сам будешь убит или пойдешь в каторгу, украдешь – неизбежно будешь сидеть в тюрьме, так чтобы «убить» и значило в то же время «быть убитым или каторжником» и «украсть» значило бы сидеть в тюрьме. Тогда в наказании будет смысл страха. Отделенное от преступления временем, оно все-таки есть, что бы там ни говорили, насилие одного человека над другим. Тем более недопустимы отсрочиваемые наказания в педагогии, как в былые времена в школах за все проступки, совершенные в течение недели, пороли по субботам. Настроение и состояние духа ребенка быстро меняется. Сейчас грубый и резкий, он через полчаса бывает тихий и кроткий и совсем забудет о сделанном раньше. И вот подвергать его наказанию, когда уже он совершенно переменился, – неразумно и несправедливо, а давить на его психику ожиданием наказания прямо вредно. В особенности, если ребенок самолюбивый. Вообще, по-моему, наказание есть злодеяние, могущее быть оправдываемым раздражением мстящего за причиненное ему зло. Хладнокровно предпринимаемое, оно есть гнусность. Самое слово это в устах педагогов мне отвратительно. Грустно, что меня не понимают!

Раздражение и злобу в детях вызывают обыкновенно сами большие своими бестактными поступками по отношению к ним. Осторожным, умелым и тактичным обращением, хорошо, конечно, узнав нрав ребенка, можно совершенно избежать этих моментов раздражения и злобы, и тогда, мне думается, злые чувства, имеющиеся в душе каждого ребенка,

будут, так сказать, атрофироваться вследствие неупражнения. Это, конечно, не так просто, тут надо иметь большой запас принципиальности, педагогической выдержки, спокойствия и любви к детям. Не всем такой талант дается. Нельзя к хрупкому предмету прикасаться грубою и порывистою рукой.

С. К. Богоявленский прислал мне «Двинскую летопись»[27].

15 *августа.* Суббота. Ездили к А. В. Щукину в его имение Сыровежино[28], второй раз. Были угощены с истинно русским гостеприимством и изобилием. У него работают трое пленных русин[29]. Так как все русские работники или призваны на службу, или ушли, то он остается с одними пленными. Первые слова Щукина были: «Да, как бы из Москвы-то не погнали, вот что!» Издали видел слепого старца, зятя Щукина, В. А. Лобанова, осторожно идущего с палочкой. При поездках в Сыровежино в юности я знал его молодым человеком и с тех пор не видал. По возвращении у себя нашел болтливое письмо Грена с довольно пустыми стихами.

16 *августа.* Воскресенье. Утром работал над Двинскою летописью, присланною С. К. Богоявленским. У нас собрание детей, целый день играющих с Миней в пароход. После чая прогулка с Лизой по деревням: Кораново, Болоново, Погорелки, Починки. Красивые великорусские места, пейзажи совсем в нестеровском стиле. Финал прогулки печальный. Когда мы подходили уже к дому, нам подали газеты с известием об оставлении Бреста[30]. Тяжко.

17 *августа.* Понедельник. Великолепная жаркая погода при восточном ветре. Довел изложение событий биографии Петра до сентября 1694; дальше нужны новые материалы, которых со мной нет (записки Желябужского[31], статья Корниловича[32]). Остановился на распутии. Думы все о войне и все время ощущение, как будто в доме тяжело больной, которому стало хуже. После обеда одинокая прогулка по окрестным деревням, куда ходили и 16-го. Вечером ездили на лодке все в Песочное за провиантом и на почту.

18 *августа.* Вторник. Утром над дневником Гордона[33] до чаю. Затем прогулка под дождем. Вечер за книгой Флоровского[34]: читается с удовольствием.

19 *августа.* Среда. Утро ясное и жаркое, с обеда пасмурно и дождь, вечером опять ясно. Неприятно на меня подействовало известие в газетах о собрании в Москве у депутата Коновалова, на котором были Маклаков, Новиков, Челноков и Н. Н. Щепкин, «по военным и политическим вопросам». Собрание постановило воевать до окончательной победы и добиваться коалиционного министерства[35]. Итак, кадетское собрание пользуется нашими поражениями, чтобы добиваться осуществления своей программы – парламентаризма, и это при Думе, где 22 партии и никакого определенного устойчивого большинства! В душе эти господа, вероятно, рады нашим неудачам, ибо при удачах о кадетской программе не было бы и речи. Немцы им выходят лучшими союзниками. Лицемеры. И что такое за специалист Н. Н. Щепкин по военным вопросам. Тоже полководец!

20 *августа.* Четверг. Утром намеревались переплыть реку, направляясь в Песочное, но отказались от поездки вследствие сильного противного ветра. Прогулка к крановскому сапожнику. После обеда чтение новой книги Флоровского – диссертации. Вот и последствия частных совещаний: Московская дума выступает с постановлением о необходимости иметь во главе правительства лицо, пользующееся общественным доверием. Это, разумеется, сигнал, по которому заголосят и другие думы. Назначать такое лицо – прерогатива монарха. Дума выступает из берегов. Правда, все это облечено в очень почтительные формы, но все же это похоже на 1905 год. Вечером плавали в Песочное при тихой и ясной погоде. Идут разговоры, когда уезжать, 23 или 26. Жаль расставаться с природой.

21 *августа.* Пятница. Утро за Флоровским и после обеда. После чая прогулка с Л[изой] по берегу и по полям нашей помещицы[36]. Пасмурно, хотя и тепло: грустный осенний вид. Вечер за газетами. Вечером Миня стал жаловаться на насморк и простуду и лег в постель по собственной инициативе, чего здоровый он никогда не делает. Жаль, если что-нибудь серьезное – вся летняя поправка пропадет. В газетах известия с войны более, кажется, благоприятные. Но наши успехи незначительны, и может быть опять плохой оборот. За Московской думой последовала Нижегородская, затем Московское купеческое общество и Биржевой комитет[37]. Партитура разыгрывается.

22 *августа.* Суббота. Продолжение Флоровского. После обеда прогулка с Лизой в Кораново за обувью. Затем вечером поездка на лодке вниз по реке до дачи Стахеевых. Тихая, теплая, ясная осень. Болезнь Каплюшечки оказалась насморком, он в течение дня был на ногах.

23 *августа.* Воскресенье. Утром большая прогулка в Мартюнино и дальше по лесу, где много пожелтевшей березы. Осень. Заходил на обратном пути в церковь, но к обедне уже опоздал. Затем чтение Флоровского. Отъезд педагогички. С обеда дождь и пасмурно. Вечер – длинный дома за газетами. Итак, нами продолжают вертеть немцы. В мире с нами они уклонили наш курс вправо; в войне они поворачивают нас влево. Побеждая, мы правеем, терпя неудачи, левеем.

24 *августа.* Понедельник. У нас начался полный разгром – сборы в Москву. Утром я все же прочел несколько следующих листов Флоровского. После обеда начался дождь, и весь день вообще стоял туман, так что было темно. После чая мы с Л [изой] сделали последнюю прогулку через Позделинское – проститься с берегами Волги, пользуясь перерывом дождя. С невеселыми думами приходится уезжать. Вечером укладка.

25 *августа.* Вторник. Мы тронулись с 12 час. пароходом в Ярославль, везя с собою около 40 вещей, что для меня было прямо ужасно. Утро было ясное; мы с Миней погуляли, вновь прощаясь с приютившими нас местами. В пути полил сильный дождь. В Ярославле комическая сцена с укладкой нашего скарба на ломового, лошадь которого оказалась пугливой. Долго пришлось сидеть на вокзале, куда приехали в 6 ч. вечера в ожидании поезда, отходившего в 11 ч. ночи. Л[иза] распоряжалась с нагрузкой, разгрузкой, сдачей в багаж вещей со способностями главнокомандующего.

26 *августа.* Среда. Отлично спали в дороге и были разбужены, когда подъезжали к Пушкину. На станции опять возня с багажом. В буфете узнали весть о перемене в Верховном командовании[38] от подававшего кофе лакея и были крайне взволнованы этим известием. Момент, переживаемый страною, потрясающий. На меня особенно тревожно действуют эти бесконечные раздоры и препирательства партий в то время, когда надо объединиться для единственного теперь важного дела. Целый день я был сам не свой при мысли о совершающихся событиях. Гроза во много раз величественнее и страшнее 1812-го года.

27 *августа.* Четверг. Я ожидал, что весть о перемене командования вызовет панику на бирже. Ничуть не бывало; наоборот, биржа ответила повышением ренты с 77 на 78. Значит, были серьезные и имеющие благоприятное значение основания для такой перемены. Был в факультетском заседании, на котором уже участвовал и Юра Готье. Возвели Иконникова в почетные члены Университета. Любавский объяснил причины перемены командования. В. кн. [Николай Николаевич (младший)] после поражений упал духом и, кроме того, не соглашался расстаться с Янушкевичем, оказавшимся не на высоте назначения, и заменить его талантливым генералом Алексеевым, который теперь назначен начальником штаба Верховного главнокомандующего. Грушка поднял вопрос об участии филологического факультета в обороне страны. Студенты наши, конечно, могут найти где-либо приложение своих молодых сил, но мы, филологи и историки – профессора, куда годны? Разве на топливо, которого

в Москве недостаток. Начали плести вздор о выточке каких-то шомполов или о делании ящиков на случай, если придется вывозить библиотеку.

28 *августа.* Пятница. Был в университетской библиотеке за книгами для академической речи, которая, впрочем, неизвестно, состоится ли[39]. Затем в конторе «Русских ведомостей»[40] менял адрес. Вечером у нас Миша и Шурик[41].

29 *августа.* Суббота. Совещание у М. К. Любавского, предварительное перед Советом, по поводу участия Университета в обороне. Бодрящее действие произвели сообщения профессоров, состоящих членами военно-промышленного и военно-технического комитетов[42], об успехах деятельности этих комитетов. Оказывается, Московский комитет выделывает уже около 3 000 снарядов в сутки. В совершенно достаточном количестве добываются необходимые для военной техники азотная и серная кислота. Проф. Снегирев сообщил утешительные сведения о тульских оружейных заводах, работа которых ему хорошо известна. Эти доклады подняли настроение, вначале довольно подавленное. Возвращался с Челпановым и Грушкой.

30 *августа.* Воскресенье. Ездили в Пушкино к Богоявленским, где пробыли целый день.

31 *августа.* Понедельник. Утро за речью. В Москве нет дров – готовим на керосинке. Это пустяки теперь, когда тепло, но что же будет дальше! Встретил Котляревского, признает положение очень серьезным, и замечает, что «претерпевый до конца спасен будет»[43]. Вечер у Богословских[44].

1 *сентября.* Вторник. Рано утром ездил к Троице[45] на Совет в Академии. Здесь веяние войны меньше заметно. Секретарь [Н. Д. Всехсвятский] вычитывал накопившиеся за лето указы, как будто ни в чем не бывало. Ехали с П. П. Соколовым, очень мрачно смотрящим на положение. Совет бессодержательный. Принято в Академию небывалое число – 130 человек. Без экзамена – оттого и наплыв.

2 *сентября.* Среда. Занимался в университетской библиотеке Полным собранием законов[46], извлекая материалы для академической речи. По дороге в нее встретил М. К. Любавского, который воскликнул: «Как это вы можете заниматься теперь П. С. З.!» Он опасается смут по поводу роспуска Думы[47]. Я ответил, что никаких смут не будет. Газеты, действительно, всячески раздувают этот вопрос, стараясь вызвать раздражение в читающем обществе и неправильно употребляя термин «роспуск», когда дело идет лишь о перерыве занятий. Вечером мы с Л[изой] были у Готье, где разговор о войне и Думе. Пока работаешь в тиши библиотеки – есть силы и самообладание, но затем чувствуешь, что нервная система изрядно расстроена.

3 *сентября.* Четверг. Утро до $2^1/_2$ в университетской библиотеке за Полным собранием законов в читальном зале, где занимался также А. Н. Савин. Пришел И. И. Иванов, зачем неизвестно, и, увидев Савина, вступил с ним в продолжительный разговор, чем немало мешал мне. Около 2-х я пришел производить полукурсовой экзамен в новое здание[48], где меня ждал Г. К. Рахманов, пригласивший обедать в «Прагу»[49]. В деревне в одиночестве он очень приуныл и очень взволнован текущими внешними и внутренними событиями и ищет ободрения. На экзамен явилось всего три студента. В 7-м часу я отправился в «Прагу», и втроем (с М. К. Любавским) мы пообедали, обсуждая дела. Газеты продолжают волховать словом: «роспуск», «роспуск», «роспуск» и ведут совершенно спортсменскую агитацию: «распустят – не распустят». М. К. [Любавский] сообщил слух о поражении будто бы немцев у Дубно[50] на Юго-Западном фронте и о плене принца Иоахима – не оправдавшийся. Нам привезли $^1/_4$ сажени дров – целое событие.

4 *сентября.* Пятница. День рождения бабушки[51], которой исполнилось бы 73 г. и какие страдания пришлось бы ей переносить все лето и теперь, если бы она была в живых. Роспуск Думы – совершившийся факт. Последствием является забастовка московских трамваев, остановившихся на моих глазах. Мы были с Лизой на Петровке у Мюра[52], затем прошли по Никольской и по Александровскому саду. У Манежа вагон трамвая № 31, не доехав нескольких аршин до места обычной остановки, вдруг стал, точно споткнулся. Лиза села в него, а я пошел пешком. По дороге я увидал, что все вагоны стоят на тех местах, где каждый был захвачен перерывом тока. У меня мелькнула мысль о забастовке, и это оказалось верным. Вечер – дома. Распропагандированные рабочие электрической станции – всегда начинали трамвайные забастовки. Мало смысла в этих головах. Если за этой забастовкой последуют другие, более связанные со снабжением армии, – наше дело проиграно. Большая доля вины на газетах, создававших тревогу по поводу перерыва занятий Думы и взвинчивавших настроение.

5 *сентября.* Суббота. Заседание университетского Совета. Началось избрание выборщиков для избрания членов Государственного совета от Академии наук и университетов[53].

Я вошел в момент подачи записок и тотчас же написал три имени: Любавского, Филиппова и Митропольского. Затем при оглашении записок я услышал, что эти имена упоминались наиболее часто. Они и были действительно избраны. Затем М. К. Любавский прочел, в виде перехода к докладу о деятельности Университета по государственной обороне, записку декларационного характера с заявлением, как Университет смотрит на текущие события. Здесь дана энергично и сильно написанная характеристика войны, германской жестокости и германских политических вожделений и ярко указаны перспективы немецкой победы, когда под немцем нам будет хуже, чем под татарином. В виду этой опасности надо напрячь все силы и действовать дружно, всякое разъединение было бы гибельно для России. Записка была покрыта шумными аплодисментами. Поднялся проф. Снегирев и в коротких, но горячих словах предложил прибавить к записке, что Университет считает всякую забастовку во время войны изменой и предательством. Заявление вызвало бурные аплодисменты, но вызвало, к сожалению, разногласие. С. А. Котляревский просил предварительно устроить частное совещание, где он расскажет, насколько положение серьезно, и сообщит какие-то военные тайны, которые оглашать в официальном заседании Совета он не находит возможным. Его поддержал Д. Ф. Егоров, красноречие которого, сравниваемое проф. Челпановым с вязаньем чулок, всегда на меня неприятно действует. Л. М. Лопатин нашел термины Снегирева слишком резкими, советовал не вносить раздражения, ссылаясь на то, что и объявление градоначальника [Е. К. Климовича] составлено в мягких выражениях, и предлагал оставить без прибавок первоначальный текст Любавского. Затем полились потоки красноречия, настоящего профессорского, с рассмотрениями вопроса с одной стороны и с другой стороны, с анализами и т. д., еще раз меня убедившие, что нет элемента более непригодного для политики, чем профессора. Остроумно по поводу этих грозивших затянуться до бесконечности дебатов проф. Ив. Ив. Иванов сказал о русском обывателе, готовом спорить ночи напролет о самых метафизических вопросах, боящемся назвать вещи своими именами и выйти на бой по-рыцарски, с оружием в руках и с обнаженной грудью. До чего все-таки все нервно настроены, мне показал следующий разыгравшийся в Совете эпизод. Услыхав на улице какой-то шум и подумав, не возобновили ли движение трамваи, я подошел к окну, за мной двое-трое других, и затем все члены Совета бросились к окнам. Оказалось, что довольно быстро провозили мимо Университета какие-то военные повозки. М. К. Любавский умно поступил, сказав, что никаких частных совещаний устраивать не нужно, и предложив оставить свой текст, несколько его усилив, что и было принято. Далее делался доклад об участии медицинского и физико-математического факультета в военных работах, с чем я был уже знаком по сове-

щанию у М. К. Любавского. В 6 я ушел после глупости того же Ив. Ив. Иванова, предложившего Университету издавать во время войны журнал с описанием войны и деятельности Университета для войны. Трамвайные вагоны стоят на тех местах, где вчера остановились.

6 *сентября.* Воскресенье. Трамваи не ходят. Не вышли и газеты. «Товарищи» продолжают глупить вовсю и показывать полное отсутствие всякого политического смысла. У меня студент Академии Протодиаконов, с просьбой принять его в кандидаты, писать мне сочинение на тему об отношении правительства Николая I к сектантству, которое он должен был подать доценту Ремезову, ушедшему в военное училище. Затем И. Н. Бороздин, пришедший за учебниками, А. П. Басистов, разрушивший мое намерение идти к Ст. Ф. Фортунатову. Вечером Л. И. Львов и Липушата[54].

7 *сентября.* Понедельник. Должен был ехать в Академию начинать лекции, но не поехал, потому что трудно добраться до вокзала: трамваи не ходят, извозчики вздули невероятные цены 3 и 4 рубля, да утром извозчика и не найдешь. Пешком же идти под лившим все время дождем мне не хотелось. Писал речь. Выходит так, чтобы только была готова и отделаться. Вижу, что ничего порядочного из нее не выйдет, так как она рассчитана была первоначально на 25–30 минут на юбилейном собрании, и я вовсе не готовил исследования, какое принято давать обыкновенно в актовых речах. Выходил только утром, а затем весь день дома из-за дождя. Вечером у нас Маргарита[55], возвестившая о возобновлении трамваев. К чему же, следовательно, этот трехдневный самовольный праздник? Наказана городская казна на трехдневный убыток от трамвая, т. е. тысяч на полтораста-двести. Из газет появились только понедельничная «Молва»[56], которая и расхватывалась. Известия неважные, окружается Вильна, и неизвестно, удастся ли оттуда выйти сражающейся там армии[57].

8 *сентября.* Вторник. Вышли газеты. Вчера открылись в Москве одновременно два съезда: общегородской и земский[58], и первый день отведен общеполитическим дебатам. Те же *слова,* слова и слова, что и в Государственной думе, о министерстве общественного доверия и об амнистии; *дела* для армии отложены на следующий день. Выступал и А. И. Гучков с речью; с одной стороны, нельзя не сознаться, с другой – нельзя не признаться. Изволите видеть: надо бороться с властью и в то же время не надо колебать престижа власти[59]. Говорилось о преступлениях и о «безнаказанности» власти – словом, власть стала у нас подсудимой. Разыгрывается партитура 1905 г. Уже «товарищи», руководимые присяжным поверенным, собираются в Думе «для обсуждения создавшегося положения»[60]. Челноков отказывается участвовать в их собрании, но ведь сам же и начал все это дело. У нас говорить против власти есть признак гражданских чувств, а соблюдать верность власти в тяжкие для государства минуты считается недостойным гражданина. Вечером был Вл. Ал. Михайловский, настроенный крайне пессимистически.

9 *сентября.* Среда. Утром почувствовал тошноту и головокружение, до завтрака лежал. Весь день дома, читал книгу Флоровского.

10 *сентября.* Четверг. Утром на прогулке встретил М. М. Покровского, недавно женившегося, и поздравил его. Жена его, оказывается, третью неделю лежит очень больна. Утро за речью. Затем был на экзамене в Университете. Было довольно много плохих ответов, хотя курс мой уже издан[61]. Из Университета вернулся по людным улицам: по Тверской и бульварам. Вечером опять много ходил, наслаждаясь движением после вчерашнего лежания и неподвижного сидения дома. Съезды вынесли резолюции все с теми же требованиями о министерстве. Вот идолопоклонство. Ну что такое Горемыкин? Председатель без портфеля, вероятно, очень формально исполняющий свои обязанности по открытию и закрытию заседаний. Министры правят каждый своим ведомством, самостоятельно докладывают и некоторые пользуются полным доверием общества, как Поливанов, Сазонов, Игнатьев, Щербатов,

Григорович. Нет, непременно сделай перемену формального председателя! Наивно думать, что от этой тени, какою мне представляется Горемыкин, зависят наши неуспехи, а вот посади другого – будет победа и все пойдет как по маслу. Психоз, объясняемый еще тем, что к съезду примазались зачем-то журналисты, представители Бог весть каких городов и земств: кн. Е. Н. Трубецкой, Милюков и еще кликуши в юбках. В газетах весть о мобилизации Болгарии[62].

11 *сентября.* Пятница. Утро за перепиской речи, также и с 4 до 6. Затем отправился обедать к Богоявленским пешком. Лиза с Миней ездили в мастерскую Россолимо[63].

12 *сентября.* Суббота. Все утро за перепиской и отделкой речи. Затем на заседании Совета, где выбирали проректором энергичного и способного к административным делам С. В. Позднышева. М. К. Любавский докладывал о ходе совещания в Петрограде по университетской реформе[64]. Возвращался с Юрой Готье. Вечер за изготовлением тем для семинария. Сегодня надо бы начать лекции, но отложил из-за речи, о чем и сообщал декану.

13 *сентября.* Воскресенье. Утро за речью. У меня были А. А. Фортунатов, просивший поддержать в факультете его ходатайство о продлении ему срока оставления при Университете для сдачи экзаменов. Его требуют на военную службу, но какой он солдат – только для умножения госпитального материала. Затем студент Саарбегян[19], просящий карточки к проф. Митропольскому; он добивается перевода его с естественного факультета на медицинский. Затем беженец юноша Борухин, присланный ко мне Ф. А. Уховым с просьбой оказать ему содействие в поступлении вольнослушателем в Университет, типичный иудей из Белостока. После завтрака были двое моих оставленных, Новосельский и Рыбаков, с которыми пробеседовал час и подарил им свою книгу и оттиски статей. Приехала Маня[65] с детьми, я отправился к Гершензону, с которым философическая беседа о значении войны и текущих событиях. Мы с ним сходимся в ненависти к верхоглядству нашей так называемой интеллигенции и к ее стадности. Я же еще развивал тему о ее идолопоклонстве. Все идолы: положительный кумир [в. кн.] Н[иколай] Николаевич (младший)], отрицательный – Горемыкин, кумир – Государственная дума. Это за последнее время. Прогулявшись и занеся В. М. Хвостову учебники, вернулся домой. У нас обедали все Богоявленские и Холи[66]. Вечер с ними.

14 сентября. Понедельник. Лиза с Миней после завтрака уехали к Богоявленским. Я в три ч. отправился к Троице. На пути случилось происшествие. Около Мытищ повстречали воинский поезд. Из мелькавших вагонов неслись крики. Вдруг – бац! и окно того отделения, где я сидел один, разбилось вдребезги. Меня прямо засыпало осколками битого стекла. В тревоге прибежали пассажиры соседнего отделения. Пришли кондукторы, заявившие, что и вчера был подобный же случай озорства новобранцев. У Троицы почему-то масса народа на вокзале. Новая гостиница, где я обыкновенно в течение 6 лет останавливался, отведена под лазарет. Пришлось останавливаться в старой, менее удобной. Был большой наплыв постояльцев, так что я должен был занять первый попавшийся неуютный и темный номер. Когда я подъехал к гостинице, вдруг погасло электричество. Вот уж не знамение ли, вроде как в «Слове о полку Игореве». Устроившись, вечер провел у проф. Шостьина, чтобы дать указания его сыну, поступившему на наш факультет.

15 *сентября.* Вторник. Читал лекцию вступительную о значении древнерусской истории, импровизируя. В Москву вернулся к факультетскому заседанию. Переизбрали проф. Грушку в деканы 13-ю голосами против 5. Эти пять, конечно: Сперанский, Щепкин, Поржезинский, [М. М.] Покровский и, вероятно, Савин или Брандт. Устроил стипендии своим оставленным: Львову – Володи Павлова в 700 р., Рыбакову – Соловьева в 600 р., Новосельскому – Иловайского в 500 р.[67] Экзаменовали Лукина, магистранта всеобщей истории, – по

[19] Правильно: Саарбекянц.

русской истории, отвечал о земских соборах очень хорошо, и, наоборот, нашего магистранта Панова – по всеобщей истории. Бестактно держал себя И. И. Иванов, стараясь показать свои познания и предлагая экзаменующемуся вопросы из того круга, который, очевидно, им не был приготовлен. Вечером прогулка.

16 *сентября.* Среда. Утром прогулка. Затем приготовлял темы для просеминария по эпохе Александра I. В $3^1/_2$ ч. отправился в Университет, где встретился с Поржезинским. Так как мой просеминарий совпадает с обязательным для всех студентов нашего факультета курсом введения в языковедение Поржезинского, то я нашел у себя в аудитории всего человек 20, и то половину второкурсников. Этому нельзя не порадоваться, так как в прошлом году при 60 участниках просеминария приходилось иногда прочитывать до 5 рефератов к заседанию. Вечером был в бане, где служитель Василий Иванович, беседуя со мной, вместо обычных политических разговоров, жаловался на то, что он находится в крепостном праве у хозяина. На улицах расклеено объявление градоначальника, в котором говорится, что 14-го на Страстной площади произошли беспорядки, и призывается благомыслящее население к спокойствию. Нервное настроение, тревоги, связанные с войной, науськивания либеральной печати, дороговизна, недостаток то того, то другого из необходимых предметов – все это создает такое напряженное состояние, которое ежеминутно готово разразиться вспышкой. Произошла свалка толпы с полицией из-за того, что городовой по указанию кондуктора высадил из трамвая пьяного солдата. Были убитые и раненые.

17 *сентября.* Четверг. Утром направился в университетскую библиотеку за книгами для Петриады. Анучин (старая лисица) с таинственным видом меня спрашивает, буду ли я сегодня читать лекцию. Я сказал, что буду в 4 часа, и что вчера читал. «Да вчера-то читали, а сегодня-то, будете ли» – и сообщил, что среди студентов волнение по поводу слухов о том, что в числе пострадавших на Страстной площади 14-го есть и студенты. Видел А. И. Яковлева, сказавшего, что у него на просеминарии было всего 3 человека. Пророчество Анучина как будто подтверждается. Доставши почти все нужные книги – что редко бывает в университетской библиотеке, вернулся домой и читал статью Корниловича о Кожуховском походе[68]. В $3^1/_2$ ч. отправился в Университет. Нашел там Орлова А. С. и Готье. Оба, уйдя в аудитории, тотчас же вернулись за неимением слушателей. Я думал также скоро освободиться, но, к удивлению, нашел человек 18, так что изложил программу семинария и прочитал темы. На обратном пути встреча с Н. Н. Готье. Вечером Лиза на именинах, я дома и читал записки Шишкова[69]. Сегодня посылали Миню поздравлять с днем ангела Веру Серг[еевну] Карцеву; он прибежал оттуда с грушей, виноградом и сливами. В Университете видел четвертого своего оставленного Фокина, только что вернувшегося из своего имения в Дорогобужском уезде. Рассказывал о невероятной тесности на железных дорогах. По Александровской дороге попасть в поезд из Смоленска невозможно. Ему пришлось ехать 70 верст до Вязьмы на лошадях, затем в Калугу и оттуда уже в Москву. Едут на крышах вагонов. Тяжко. Невеселые думы. Бьет 11 ч. вечера, и ложусь спать.

18 *сентября.* Пятница. Утром прогулка. Великолепное ясное утро. Затем работал над биографией Петра: 1694 г. Кожуховский поход. В четвертом часу отправился на Высшие женские курсы[70] отдать просмотренное сочинение Веселовской. Любовался обширным сквером Девичьего поля с обильной растительностью, теперь ярко-желтою, в особенности вчера при солнечном свете. Встречи с А. И. и затем с М. С. Елагиными. Затем отнес учебники своей бывшей ученице Э. К. Быковской в Старо-монетный переулок на Полянке за Москвой-рекой. После такого путешествия вечер за записками Шишкова. Звонил по телефону М. С. Елагин с приятным известием, что 2-я часть учебника быстро расходится и остается только 500 экземпляров.

19 *сентября.* Суббота. Утро за подготовкой к лекции – весьма не интенсивной, так как думал, что не будет студентов, по слухам, решивших бастовать три дня, и досадовал на эту бессмыслицу. Однако же, придя в аудиторию, нашел там достаточный комплект – человек 50–60, а может быть и больше. Читал по запискам характеристику Павла I. Чувствовал все же угрызения совести, что не изготовляю новых лекций, например, для нынешнего раза следовало бы составить общий обзор XIX века. Но тогда пришлось бы отказаться от работы над Петром, которая меня более интересует. Скрепя сердце, решаю читать старый курс, немного дополняя его выписками из вновь прочитываемой литературы, как сегодня сделал с выписками из записок Шишкова. Читал, кажется, вразумительно, но закончить, по обыкновению, не умел. Домой шел далеким путем, зайдя на Никольскую, по Александровскому саду, наслаждаясь опять золотистыми тонами осени, хотя уже сегодня пасмурно. Встреча с М. А. Голубцовой на Пречистенском бульваре. Только что вернулся домой, как пришел Д. Н. Егоров, которого очень рад был видеть: пили чай, а затем удержал его обедать, и проговорили до 9 час. Затем газеты. Сейчас бьет 11 час. вечера. Миня спит, Лиза на собрании в своем очаге[71]. Тишина.

20 *сентября.* Воскресенье. Утром, пройдя на Девичье поле, встретил Д. Н. Егорова, идущего смотреть на игру в теннис своей дочери Адочки, а затем в лазарет. Дивная погода, золотая осень. Сквер на Девичьем поле особенно красив благодаря обилию растительности. Вернувшись домой, готовился к завтрашней лекции в Академии. За завтраком у нас новобрачные: Лизина племянница Таня с мужем, инженером на одном из уральских заводов, а также Маргарита и Надя[72]. Призывала меня В. А. Карцева познакомиться с живущим у них беженцем, священником из Холмской епархии.

Батюшка очень стар, апостольского вида. Много говорил о падении нравственности, о необходимости знать Слово Божие и излагал свои проекты об учреждении в каждой епархии двух архиереев: одного архиерея – администратора и одного архиерея – миссионера, который будет поучать администратора. Все это было тягостно-скучно и несуразно. Я возражал из вежливости, но при первой же возможности бежал. К 6-ти мы с Миней отправились к Липушатам обедать и вернулись оттуда к 10 часам.

21 *сентября.* Понедельник. Отправился к Троице с поездом в 10 ч. 30' прямым и скорым. На платформе меня ожидал юноша Шостьин с просьбой передать его отцу, если тот станет тревожиться, что он в забастовке участия не принимал, цел и невредим. В вагоне я нашел А. Н. Алмазова. Лекцию думал читать по записке, но так как аудитория была полна, а это действует как-то возбуждающе, то говорил без всяких записок о географическом положении и природе России и о племенах, населявших ее в IX и X веках. Обедал у себя, а затем сделал большую прогулку к Черниговской[73]. Ходил в одном пиджаке, настолько теплая и ясная погода. Любовался красивым видом скита среди пожелтевших густых куп растительности и отражением золотых глав в зеркальной воде. В картине этих маленьких монастырьков среди леса и полей – что-то совсем нестеровское! Вечер весь у себя за чтением записок Дмитриева[74].

22 *сентября.* Вторник. Утром лекции. Выяснил вопрос об акте; его не будет, и речь моя пусть лежит еще год, но всетаки хорошо, что она готова. Возвращаясь из Посада, был задержан в Хотькове в течение $1^1/_2$ часов, так как путь занят был слишком длинным воинским поездом, которого не мог дотащить паровоз, так что на выручку посылался другой паровоз. Погода сегодня резко изменилась. Пасмурно и холодный ветер. Благодаря опозданию поезда, я опоздал на факультетское заседание, однако пропустил только текущие дела. Главными вопросами были: о философских магистерских экзаменах и об ассистентах. Накопилось так много держащих экзамен по философии, что решительно не хватает заседаний. Философы признавали положение безвыходным, прочие же члены факультета потешались,

видя, как они варятся в собственном соку. Я указал, и довольно резко, на перепроизводство оставляемых по философии. У нас уже 13 приват-доцентов, человек 6 кончило экзамены в прошлом году, и вот еще 8—10 держат экзамен теперь. Где же эта масса найдет приложение своим знаниям? К удивлению, меня поддержал не кто иной, как Л. М. Лопатин, который обрушился на своего коллегу, оставляющего множество молодых людей при кафедре для дарового обслуживания Психологического института[75]. Надо полагать, что Челпанов поймет, что факультет не одобряет его приемы, и умерит свои оставления. Ассистентами у нас решено считать трех преподавателей, восполняющих пробелы в профессорском преподавании: Брауна, Ушакова и кого-либо из приват-доцентов по всеобщей истории с тем, чтобы преподавал вспомогательные исторические науки: палеографию и прочее. Пообедав дома в одиночестве (Лиза с Миней были у Карповичей), я отправился в заседание Военно-исторического общества[76], где штабс-капитан Троицкий делал сообщение о ходе войны за 14 истекших месяцев. Был очень любезно встречен вице-председателем проф. Д. В. Цветаевым. Редко когда слушал что-либо, чем этот доклад[20]. Вернулся домой в 12-м часу ночи.

23 *сентября.* Среда. Утро с 10 до 2 в Университете в стипендиальной комиссии с Челпановым. Позавтракав дома, опять в Университет на просеминарий, где собралось множество народа, так что моя мечта вести занятия в малом кружке исчезла. Из Университета заходил в разные магазины за покупками. Вечер дома.

24 *сентября.* Четверг. Ошеломляющее известие об отставке Венизелоса одновременно с разрывом отношений с Болгарией[77]. Война становится все сложнее и все разгорается. В $11^1/_2$ в Университет; по дороге встретился с Грушкой, и беседовали о газетных известиях. Прослушал две пробные лекции молодого Виппера, очень хорошо прочитанные с волшебным фонарем. Поздравил с успехом и отца и сына. Затем у меня экзамены и коллоквиум, затем семинарий, где пришлось повторить сказанное в прошлый четверг, т. к. явилось много новых студентов, не бывших в прошлый раз из-за забастовки. После семинария опять экзаменовал до 7. Пришел домой порядком измученный и ни к какому уже делу неспособный. Сейчас немного прошелся, как будто и освежился. Рассматривали с Миней иллюстрированное издание Фруассара[78].

25 *сентября.* Пятница. Утро за биографией Петра. Получил от Е. Н. Щепкина из Одессы оттиск его работы «Варяжская вира»[79]. После завтрака ездил в Сберегательную кассу отдать имевшиеся у меня три золотых, дабы этой лептой умножить золотой государственный запас. Оттуда на Курсы, где открыл семинарий по Екатерининской комиссии[80]. Собралась очень большая аудитория; если не уменьшится, то прочитывать письменные работы будет тяжко. Среди слушательниц была О. И. Летник. Затем после семинария заходил в библиотеку отдать III часть учебника и распорядиться относительно пособий для семинария. Беседа с О. А. Алферовой. Повидал также Марью Егоровну[81], неустанную труженицу. Сильно похудела и вид истомленный. После обеда у нас весь вечер А. П. Басистов; с ним читали письмо о Пушкинских торжествах 1880 г.[82]

26 *сентября.* Суббота. Утром прогулка по Девичьему полю. Затем над биографией Петра. Помешал мне явившийся из Казани оставленный там при университете С. А. Пионтковский, державший государственные экзамены в бытность мою в Казани председателем комиссии[83]. Он и тогда показался мне весьма недалеким и оставлен был ради того, что сын профессора: «по отцу и сыну честь»[84]. Сегодня я еще более убедился в этом. Он разошелся с женою, весьма миловидною и умненькою особою, прекрасно одновременно с мужем дер-

[20] Так в тексте.

жавшею те же экзамены, много лучше мужа. Он хочет жить в Москве и просил позволения посещать семинарии. Представления о магистерском экзамене у него смутны. Битый час, как и в Казани, я ему разъяснял наши требования. Семинарии посещать ему, конечно, может быть полезно. Только что он ушел, явилась m-me Фомина, готовящаяся так же к магистерскому экзамену по русской истории. Это очень точный ум и, кажется, светлая голова. Вслед за ней, только что было наладилась моя работа, явилась одна из курсисток, вчера бывшая на семинарии, но не понявшая, в чем дело, и пришла расспрашивать и переспрашивать; а в сущности – не знает, куда девать время. Все же удалось, просидев до 6 часов, кое-что сделать. Затем прогулка до Мерилиза[85] за этими листками. Вечер за статьей Щепкина и за записками Шишкова. Миня за завтраком расплакался, что не удалась прогулка с Богоявленскими в Сокольники.

27 *сентября.* Воскресенье. Утро после прогулки и подготовки к завтрашней лекции за биографией Петра. Миня уехал с Богоявленскими в Пушкино, и сколько было радости при отъезде. Мы завтракали вдвоем с Лизой. До чаю я опять писал биографию и закончил Кожуховский поход. К чаю пришел С. Б. Веселовский, по обыкновению очень пессимистически настроенный, и изрекал самые мрачные перспективы: теперь передышка, а весной напор немцев, война еще два года и т. д. Разговор вертелся, впрочем, больше около главного известия нынешнего дня – ухода в отставку из обер-прокуроров Самарина[86], а из министров внутренних дел Щербатова[87]. Самарин взялся не за свое дело и за борьбу, в которой оказался бессилен. Я это предсказывал. Здесь и Победоносцев оказался бы едва ли в силах. За чаем и обедом у нас Марг[арита] и Надя. Потом я ездил к Богоявленским за Миней. Свежая, но ясная погода.

28 *сентября.* Понедельник. Были разбужены малярами, которые начали с 7 ч. утра вставлять рамы. Маляров удалось добыть не без труда. Теперь времена совершенно изменились: не рабочие кланяются господам, а господа рабочим, и кланяются, пожалуй, ниже первых. Еще маляры милостивы, но вот ломовые извозчики – совершенно неприступны и ни на какие поклоны не обращают внимания. В Академии читал о расселении славян. В профессорской горячие разговоры тоже об уходе Самарина и о епископе Варнаве. В газетах слухи о том, что иерархи собираются фрондировать. Но почему же соглашались ранее делать В[арнаву] епископом, видя ясно его непригодность! Теперь пожинают посеянное. После обеда гулял до скита[88]. Ясно и свежо, лист уже почти облетел. Вечер одиноко в гостинице за чтением журналов, и книги Дорна («Каспий»)[89], и живо написанной Кареевым статьи о Дантоне[90].

29 *сентября.* Вторник. Утром лекция о родовом быте у славян в Академии и занятия. По приезде домой нашел Миню больным: жар до 39°. Кажется, засорение желудка. Вечером первое в этом году заседание ОИДР[91]. Читал Готье, на редкость плохой доклад о ликвидации местных учреждений перед Екатерининской реформой 1775 г.[92] Как раз он обратил внимание на самые неинтересные стороны вопроса: о сдаче старыми учреждениями новым дел, о переходе из одних в другие подьячих и канцелярских служителей и т. п. и совсем не коснулся вопросов о выборах членов от сословий в новые местные учреждения, об образовании самых губерний. Это было ему замечено мной и М. К. Любавским. Нет, положительно не талантлив, нет ни искорки дарования. Ну, ничего, образованный человек, и то хорошо. После заседания пошли ужинать в ресторан «Россия» в Охотном ряду. Были Белокуров, Любавский, Веселовский, Готье, Писаревский, Сухотин и я. Разговор об отставке Самарина, которому, как я и предвидел, не удалось одолеть Распутина, и о новом министре внутренних дел Хвостове. Степ. Бор. Веселовский по обыкновению ныл. Сухотин передавал об удрученном настроении в среде московского дворянства.

30 *сентября.* Среда. Вот и прошел сентябрь месяц. За весь месяц немцам не удалось ни на шаг подвинуться вперед. Что ни говори пессимисты, а это одно уже громадная заслуга

нашей армии. Московская городская дума все вчерашнее заседание посвятила церковным делам. По открытии собрания в 7 час. вечера, Дума тотчас же устроила «частное совещание», и совещалась по поводу выхода обер-прокурора Синода три часа, затем в 10 час. вечера началось открытое заседание, которое и ограничилось чтением резолюции, выражающей сожаление по поводу ухода А. Д. Самарина и ущерба, причиненного его уходом православной церкви. Городские же дела из-за синодских были отложены до следующего заседания, они могут и подождать. Уход Самарина, не смогшего одолеть «темную силу» Распутина, вызывает чувство сожаления в русских людях. Но на выражение *чувств* можно было истратить ровно десять минут, а не 3 часа, и уже ни в каком случае не откладывать из-за этого выражения городских дел. Дума, руководимая кадетом Челноковым, всецело ушла в политику, а город остается без дров, без сахару и без разных других предметов первой необходимости. Извозчики сделались сущими разбойниками, а город и не помышляет о таксе. О ломовиках и говорить нечего. Вопрос о предельной высоте домов все продолжает лежать под сукном. Конечно, где же заниматься этими делами, когда часы уходят на словоизвержения о Синоде и Распутине. В Думе немало атеистов и людей, глубоко равнодушных к православной церкви, а тут, изволите видеть, как эта церковь вдруг стала всем дорога. При общем нервном настроении такого рода демонстрации вносят в общество еще больше смуты и недовольства и пришпоривают тех, кто без этих выступлений были бы спокойны. У нас гражданином считается лишь тот, кто бурлит, суетится, всячески выступает, критикует и протестует, а не тот, кто делает свой вклад на общую пользу бесшумно. Дума обнаружила гораздо больше гражданского сознания, если бы в переживаемое тяжелое время занялась удовлетворением острых нужд города и оставила бы всякие политические выступления. От ее прямой деятельности на пользу города и государству было бы больше пользы, чем от резолюции. Среди «отцов города» немало таких, которые, благородно негодуя и подписываясь под политическими резолюциями, тою же рукой, которою делают подпись, «придерживают» разные товары, чтобы повысить цены, скупают их, укрывают запасы в качестве членов правлений и советов разных банков и вообще под шумок ловко обделывают свои темные и корыстные делишки. В Думе заседают четверо Бахрушиных[93], из них А. А. Бахрушин, меценат и основатель Театрального музея[94], откровенно говорил В. А. Михайловскому, что летом 1914 г., почуяв неминуемое приближение войны, они, Бахрушины, «скупили» всю кожу и «придержали» ее до высоких цен. И это говорилось без всякого стыда! Вот и цена этим либеральствующим «гражданам».

Заходил на семинарий, где давал разные объяснения. В профессорской видел Грушку и Поржезинского. Вечер за книгой Поссельта о Лефорте[95].

1 *октября.* Четверг. Забастовка трамваев! Говорят, что причиной служит неуплата трамвайщикам жалованья за три дня забастовки в сентябре. Каждый день – новый сюрприз. Живем изо дня в день. Прожили сегодня, а за завтрашний поручиться нельзя. Читал Поссельта. Чай пил у Ольги Ив. Летник. Очень скорбит о двоюродном брате, убитом на войне. Издерганы нервы войною. Вечером у Карцевых; у них в квартире —17° тепла и сахару запасено 10 пудов. День проведен бесплодно.

2 *октября.* Пятница. Забастовка трамваев вызвана тем, что трамвайщикам управа не выдала жалованье за 3 дня сентябрьской забастовки. Сегодня некоторые трамваи уже ходят. Утром прогулка и чтение Posselt'а. Затем был на Курсах, где встретился с Петрушевским, Розановым и Сторожевым. Последнего несколько обидел, сказав, когда он стал смеяться над петербургскими отношениями Петрушевского, что ведь и сам он, Сторожев, в 1913 г. замечен был во дворце со Станиславом в петлице[96], да еще прибавил, что, должно быть, и орден за социал-демократическую деятельность получил. Это было ему, как я заметил, неприятно, потому что он трус неимоверный и свою социал-демократию скрывает. Каюсь, что, может

быть, слишком был резок. Но уж очень мне его поведение с его юбилейными купеческими изданиями[97] и высокопарными и подхалимными предисловиями кажется подлым. На Курсах был опять в библиотеке, отдал библиотекарше О. А. Алферовой 1-й том издания Вергилия, два тома которого брал у меня покойный Протопопов, и с его книгами они попали в курсовую библиотеку. По дороге с Курсов встретил В. И. Репина[98], сообщившего мне последние сплетни. Вечером читал Поссельта и опять гулял. Погода все время свежая без ветра. Из газет узнал, что наша Академия избрала А. Д. Самарина почетным членом". Об этом беседа с С. И. Соболевским при встрече на вечерней прогулке.

3 *октября.* Суббота. Утром был в Университете, читал лекцию о законодательстве Павла I и о его смерти. Народу много, поэтому читал оживленно: большая аудитория как-то возбуждает. Лекция кончилась аплодисментами, цена которым невелика, но, действительно, читал, должно быть, недурно. Видел Виппера и Поржезинского, а затем Брауна, Мюллера, Ланна – разговор о войне, ругательства по адресу Болгарии. Затем в библиотеке, где взял мемуары Массона[100]. Домой через Александровский сад: великолепная, свежая, слегка морозная, но солнечная погода. Наших не было дома, наслаждался тишиною. В парикмахерской Пашкова, куда ходили с Миней, получил марки вместо серебряной монеты[101]. Вечер за Поссельтом и не выходил.

4 *октября.* Воскресенье. Такой же великолепный день, несколько морозный, но тихий, ясный, солнечный, как и вчера. Утром гуляли с Миней по Девичьему полю. У нас за чаем О. И. Летник. Вечер у Богоявленских, где были Холи и Егоровы. Сегодня Москва объявлена на военном положении – и давно пора было это сделать.

5 *октября.* Понедельник. В газетах указ о снятии опеки с вел. кн. Михаила Александровича[102], вероятно, это признак, что ему поручено будет управление государством, пока государь будет командовать войсками. Утром обычная прогулка – погода такая же ясная. Затем чтение Поссельта. Лиза с Миней после завтрака уехали в кинематограф, а у меня был оставленный при Киевском университете Яницкий, принесший мне труды киевского историко-этнографического кружка, три тома, в которых напечатаны удостоенные медали сочинения киевских студентов[103]. Дивлюсь энергии Довнар-Запольского и умению его устраивать дела и выхлопатывать субсидии на издания. После обеда отправился к Троице, зяб в вагоне. Пишу в номере. 11 ч. вечера.

6 *октября.* Вторник. Утром в Академии. Д. И. Введенский сообщил, что скоро на нужды военного ведомства отберут и старую гостиницу. Вот мы и останемся без крова! Известие не из приятных – придется искать приюта. Ну да что же делать; для войны надо всем жертвовать. Под влиянием тревожных разговоров лекцию читал не очень сосредоточенно. После лекций отправился на вокзал; оказалось, что не проходил еще скорый поезд, сильно запоздавший. Подождав его несколько, я с ним и отправился в Москву в тепле и без остановок: в обычном поезде вагоны пока еще очень плохо отапливаются. С вокзала на факультетское заседание, где надо было решить вопрос о рецензентах на присланную книгу Флоровского. Назначены я и Ю. Готье. Вернувшись домой, узнал о приглашении Рахманова в театр на «Хованщину»[104] с Шаляпиным, куда и поехали. Миня долго не возвращался из мастерской Россолимо, что повергло Лизу в большую тревогу. Вечер в опере; после ужинали с Лизой в «Праге».

7октября. Среда. Манифест о войне с Болгарией[105]. В Москве совсем нет сахару – подлецы спекулянты. Утром подписался на журнал «Старые годы»[106]. В 4-м часу ходил в Университет. День и вечер за Поссельтом.

8 октября. Четверг. Утром исправлял многое в написанном о Петре по материалам Поссельта. После завтрака пренеприятный спор с Лизой о том, пора ли или нет учить Миню,

составив для него группу из детей. По двум неудачным опытам с ним: хождение в детский сад два года тому назад, возбудившее у ребенка только отвращение, и глупейшие уроки ритмической гимнастики в прошлом году, также возбуждавшие в нем недовольство, я боюсь, как бы и третий не оказался столько же неудачным. Слезы и упреки, мало, впрочем, как-то меня затронувшие. По дороге в Университет завел Миню в мастерскую Россолимо, куда он ходит с удовольствием – этим и надо пользоваться. В Университете виделся с Савиным и Юрой [Готье]. Разговор о неудачных пробных лекциях Захарова и об основании Потребительского общества служащих в Университете. Затем беседа со студентами, пишущими рефераты.

Возвращаясь домой, зашел за Миней, и домой пришли вместе. Вечером у нас Вл. Ал. Михайловский.

9 *октября.* Пятница. Утро над главой об Азовском 1-м походе[107]. После завтрака был в Архиве иностранных дел[108], отнес учебник VI класса в подарок. Взял несколько книг и купил указатели к Дворцовым разрядам[109], к Актам историческим[110] и прочее. Затем ходил опять за Миней в мастерскую Россолимо. Вечер на государственном экзамене по русской истории в Университете. Виделся с Грушкой, М. К. Любавским, Соболевским и Алмазовым. Экзаменовалось у меня 8 человек: 4 в[есьма] удовлетворительно] и 4 удовлетворительно].

10 *октября.* Суббота. Лекция в Университете; читал как-то вяло, и слова не шли на язык. В результате недовольство. Был затем в библиотеке, где нашел издание походных журналов Петра Великого[111]. Вечер за «Записками» Шишкова. По дороге из Университета на Никитском бульваре встретился с П. И. Беляевым, теперь членом Окружного суда в Москве.

11 *октября.* Воскресенье. Несколько продвинул биографию Петра. Был на концерте Шора, Крейна и Эрлиха, сыгравших три бетховенских трио.

Играли великолепно; давно я не слыхал хорошей музыки, прямо наслаждался. Вот времена: приходится Бетховена в афишах называть «знаменитым нидерландским композитором ван Бетховеном», это уже лишнее. С Миней проводили Мусеньку [Летник] домой и побыли с час у О. И. Летник. Вечером чтение газет и беседа с дворником о закупке дров. Небольшая прогулка с Лизой.

12 *октября.* Понедельник. Был в Посаде. Утром невеселые вести в газетах о новом наступлении немцев к Риге. В купе, в котором я ехал, сидел офицер. Когда вошел еще пассажир, какой-то действительный статский советник в форменном пальто с золотыми погонами о двух звездочках и в фуражке с красным околышем, оказавшийся знакомым офицера, этот последний на вопрос, что в газетах, выразительно сказал: «Ничего хорошего». Слова эти вызвали у меня тяжелое чувство. После обеда делал прогулку в скит. Мертвая, поздняя осень в лесу. Сильный ветер и резкий холодный ветер с пылью на дороге; так всегда бывает перед снегом. Весь вечер в номере в одиночестве за чтением «Каспия» Дорна.

13 *октября.* Вторник. Читал о норманнской теории и вышло довольно оживленно. Выпал снег и довольно большой. Дома по приезде нашел присланную Елагиным карту (корректуру) для второго издания 2-й части учебника. У нас Н. Н. Готье. Вечером заходил к Карцевым по дровяному вопросу.

14 *октября.* Среда. Утром писал последние два месяца 1694 г., ожидая привоза дров. Томительное ожидание, что вот-вот застучат по мостовой двора воза с дровами, продолжалось до четвертого часа, но – увы! Дворник Василий пришел ни с чем. Оказывается, что был вагон дров, но некому его было разгружать. Досадно. Был в Университете для руководства занимающихся в просеминарии. Вечером, после обеда, заходил к Карцевым отдать деньги, выданные ими дворнику Василию для покупки наших дров. А. А. Карцев мне сообщил, что на бирже был слух о взятии немцами Риги[112]. Скверно. От Карцевых отправился к Елагину отнести исправленную карту для 2-го издания второй части учебника. Там оживленный разговор о войне.

15 *октября.* Четверг. Утром опять ожидание дров и разочарование. Василий позвонил по телефону, что дрова есть, но сырые и мелкие, и вернулся домой ни с чем. Слух о Риге оказался неверным, хотя обыкновенно, начиная с прошлой весны, все скверные слухи оказывались верными. Но зато Сербия почти разбита и висит на волоске. Как мне и казалось, высаженные в Салониках[113] французские и английские силы слишком малы, чтобы защитить Сербию. В палате лордов лорд Лендсдаун[21] говорил прямо о том, что Сербия сопротивляться далее не может, а союзники будут еще изучать вопрос о способах помощи и вырабатывать соглашение[114]. В томто и беда, что союзников много и нет единства команды, а Вильгельм командует и своими, и австрийцами, и турками один. День ото дня тяжелее. Заходил в Архив МИД узнать о заседании ОИДР. Беседа об ожидаемых переменах в МИД. Затем был в библиотеке, передал библиотекарю от Карцева экземпляр «Сборника в честь Ключевского»[115]. В Университете разговор с Грушкой о книге Шамбинаго[116]; он просил быть готовым сказать о ней мнение в случае нападок на нее со стороны Сперанского. С $2^1/_2$ ч. дня до $4^1/_2$ производил коллоквиум студентам; до $5^1/_2$ давал объяснения участникам семинария. Вернулся домой совсем утомленный, с неприятным сжиманием в сердце. Вечер дома и ничего не мог делать. День – мало продуктивный.

16 *октября.* Пятница. Было первое собрание семинария на В. Ж. К.[117] Из 4-х докладов 2 очень хороших, и два плохих (один даже совсем безграмотный; девица пишет: «правельный», «социальный», «L'esprie de lois»[22], «Екатериновская комиссия». Вот какие экземпляры попадают на Курсы!). Вечером заседание Исторической комиссии в память В. С. Протопопова[118]. В воспоминаниях о покойном много и неверного. Опять в Москве трамвайная забастовка – уже третья за последние полтора месяца.

17 *октября.* Суббота. Привезли, наконец, нам дрова, сажен 12–14, купленные по бешеной цене – рублей по 22 за сажень. Трамвайная забастовка продолжается, ходят только немногие вагоны, совершенно перегруженные. До $5^1/_2$ ч. вечера я оставался дома. Писал январь и февраль 1695 г., затем читал сочинение С. Голубцова, хорошо написанное. Лиза с Миней ушли с утра к Богоявленским на рожденье. В $5^1/_2$ я отправился к ним же пешком и там обедал. Оттуда шли пешком, извозчики ломили прямо-таки фантастические цены. От угла Тверской и Газетного до нас – 1 рубль, от Арбатской площади до нас 80 коп. Большего безобразия в Москве давно не бывало. Спасибо вам, кадетский городской голова Михаил Васильевич Челноков. Вот плоды вашего политиканства, помышлений об ответственном министерстве и полного пренебрежения городскими делами. И трамваи, и извозчики уже не дело правительства, а ваше дело. Если вы не умеете сладить с этими малыми делами, куда же вы лезете в большие! Трамвайщики бастуют потому, что им не уплатили за три дня политической забастовки в сентябре. Но политическую забастовку вызвали вы своими политическими резолюциями!

18 *октября.* Воскресенье. Утро за подготовкой к лекции в Академии. После завтрака был опять на концерте Шора, Крейна и Эрлиха – еще три бетховенские трио. По дороге купил только что вышедший № «Кремля Иловайского»[119] с выпадами против жидо-кадетов и немцев. Многое, однако, совершенно верно. Вечер дома – никуда нельзя пойти без трамвая.

19 *октября.* Понедельник. Трамваи хотя и идут, но очень немного. Вагоновожатые, одетые не в форме, охраняются жандармами. До Арбатской площади шел пешком, там нанял извозчика на вокзал за $1^1/_2$ рубля. После лекции в Академии и обеда зашел к Голубцовым

---

[21] В современной транскрипции – Ленсдаун.

[22] Правильно: «L'esprit des lois» – «Дух законов» *(франц.)*.

повидать Сережу и взять у него curriculum vitae[23], необходимое для оставления его при Университете. Ольга Сергеевна [Голубцова] меня очень благодарила. Затем у себя за чтением Срезневского о языческом богослужении у славян[120].

20 *октября.* Вторник. Приехав в Москву, от вокзала до Университета шел пешком, т. к. трамваев не было, и на заседание факультета немного опоздал. Провел представление о С. А. Голубцове. М. К. Любавский показывал мне письмо Линниченко, в котором он выражает желание перейти в Московский университет сверхштатным профессором. Будет совсем лишний и ненужный. Величина не из таких, какие желательно бы приобретать. Я, между прочим, его ученик, на что он и указывает в письме. Он нам читал историю Польши, но именно учил тому, как не надо читать лекции. Вечером был в бане.

21 *октября.* Среда. Весь день над биографией Петра и выходил только полечить зуб к женщине-врачу Буткевич на Пречистенку, причем встретился с О. П. Островской. Вечером ко мне заходил Лоллий Львов, который, однако, по программе за два месяца житья в Москве ничего еще не сделал.

Трамваи все не ходят. Статьи по этому поводу, с выпадами против городской управы, и в «Русском слове»[121], и в «Русских ведомостях». Управские дельцы с Челноковым во главе компетентно критикуют правительство и требуют на министерские посты людей «общественным доверием облеченных», а сами, будучи людьми именно общественным доверием облеченными, выдают себе testimonium paupertatis[24], показывая свое полное бессилие в таких малых делах, как трамваи, извозчики, ломовики.

22 *октября.* Четверг. Именины Лизы. Миня приготовил ей очень трогательный подарок. Накануне весь вечер рисовал «океанский пароход» и лист с этим рисунком положил к себе под подушку. Лиза должна была получить сюрприз, и поэтому работа держалась в тайне. Ночью он проснулся, сложил бумагу, прибежал к нам в спальню и положил сложенный рисунок на столик перед постелью. Ночи он спит очень крепко; но тут, с вечера задумав проснуться, он действительно и проснулся. У нас были гости: Богоявленские – все кроме Котика[122], пришли пешком и таким же способом отправились обратно, Лизины сестры[123]. Наиболее живым предметом разговора – трамвай и вообще городские дела.

23 *октября.* Пятница. Семинарий на Курсах, кажется, довольно оживленный. Разбирали дворянские наказы[124] и делали их свод. Вечером у меня Сережа Голубцов. Из Сербии печальные вести: сербы потеряли Крагуевац[125], центр их оружейных заводов, но речи Бриана и Асквита[126], а также падение греческого министерства[127] несколько сглаживают впечатление.

24 *октября.* Суббота. Лекция в Университете о Сперанском – все еще много студентов. Я повторяю старое, а как бы хорошо было на каждой лекции сообщать что-либо новое и составлять ее заново. Но для этого надо бы читать всего 3–4 часа в неделю, т. е. служить в одном только Университете! После своей лекции был на пробном чтении молодого Огнева о Шеллинге. Он читал, волнуясь и слишком быстро, без пауз, а содержание было такое трудное и сложное, что требовало бы более медленного и ясного изложения. Со временем этот недостаток может исчезнуть. Виделся и беседовал с И. Ф. Огневым, бывшим на лекции сына. Затем виделся с приват-доцентом Шамбинаго, жаловавшимся на М. Н. Сперанского, задерживающего вот уже целый год его диссертацию. Заходил в книжный магазин Карбасникова, где встретился с Гидуляновым, но такая масса народу и так мало приказчиков, что ушел в магазин Спиридонова, где встретился с М. Н. Сперанским. Купил «Историю культуры»

[23] Послужной список, жизнеописание *(лат.).*

[24] «Свидетельство о бедности» *(лат.).* Здесь – признание слабости, несостоятельности в чем-либо.

Покровского[128] и «Записки» Соловьева[129]. Вечер дома. Отчаянно плохая погода, мокрый снег и дождь. На улицах двигаться можно только с трудом. Глубокая осень, темно, сыро.

25 *октября.* Воскресенье. На последнем концерте бетховенских трио. Миня с Лизой были на «Синей птице»[130] в Художественном театре; я зашел за ними к театру, и возвращались вместе. В седьмом часу ко мне зашел Д. В. Цветаев и пробыл до девяти. Разговор об описании его архива[131] и об издании актов, о войне и политике, о Д. И. Иловайском. После его ухода читал книгу Шамбинаго. Надо быть готовым, т. к. с ней, видимо, будет в факультете не совсем гладко.

26 *октября.* Понедельник. В Академии, затем день проведен в одиночестве обычным порядком. После обеда прогулка до скита по лесу, опушенному снегом, при значительном холоде – 10°. Лесная тишь, виды монастырей, свежий воздух – отдыхаешь от московской сутолоки. Весь вечер от 5 часов за книгой Шамбинаго, а под конец за интереснейшей статьей Лукьянова о молодых годах Владимира Соловьева[132], где много говорится о 5-ой гимназии. Чувствую угрызения совести, что не написал еще о ней воспоминаний к юбилею[133].

27 *октября.* Вторник. Лекция в Академии. На обратном пути купил у Суворина[134] два выпуска трудов Дунаева по архитектуре северных городов: Вологды и Устюга[135]. Дома нашел сюрприз – новую лампу на письменный стол. Прислана корректура 2-го издания 2-ой части учебника. Весь вечер за корректурой.

28 *октября.* Среда. Утро за просмотром превосходного реферата студента Болыцова: «Характеристика Александра I». Очень выдающийся молодой человек. Затем корректура, прерванная приходом несуразной и нелепой девицы Шацких с ее архивной работой. Голова, совершенно неспособная мыслить последовательно и ясно. Держала меня целый час и своей непоследовательной трескотней утомила совершенно. Припоминал рассказ Чехова о чернильнице, брошенной слушателем в писателя[136]. Затем просеминарий в Университете. Вечер дома за корректурой. Получил журнал «Старые годы».

29 *октября.* Четверг. Все утро за исправлением очень плохого реферата Новодережкина «Раннее детство Петра Великого» и за корректурой. Семинарий, затянувшийся до 7 час. Вечер у Богоявленских с Егоровым, видимо тоскующим по Университету[137]. Вернувшись, нашел у себя давно желанную корректуру статьи о Судебнике 1589 г. из редакции Ж. М. Н. Пр.[138]

30 *октября.* Пятница. Утром корректура учебника и поездка с Лизой за новой лампой к Мерилизу. Окончил последние листы и отнес их к Елагину по дороге на Курсы. На Курсах виделся с Петрушевским, Грушкой и Романовым. О. И. Летник находится все время в профессорской и кокетничает со всеми упомянутыми лицами, а меня изводит бесконечными рассказами о своих государственных экзаменах. Вечером заседание Общества истории и древностей [российских] с рефератом Белокурова о новом неудачном издании Уложения, сделанного в 1913 г. государственной канцелярией[139]. После заседания заходили в ресторан «Россия»: Любавский, Белокуров, В. И. Покровский с сыном, Готье, Сергей Константинович [Богоявленский], Рождественский, Писаревский и я. Неумолчные и скабрезные разговоры Писаревского надоели. Вернулся домой поздно, в 1 час ночи.

31 *октября.* Суббота. Не выспался и чувствовал себя неважно. Читал в Университете все-таки довольно живо, но это стоило немалой затраты сил. Погода все эти дни отчаянно плохая, тает, туман и весь день темно. Вечер дома за корректурой статьи о Судебнике. Ну, вот и конец октябрю.

Дела наши на фронте, кажется, лучше – и здесь больше спокойствия.

1 *ноября.* Воскресенье. Окончил корректуру статьи о Судебнике. Продолжается отчаянно дурная погода, и поэтому весь день сидел дома. Заходил к Карцевым отдать деньги.

Карцев сообщил несколько сенсационных новостей: о движении наших войск в Болгарию через Румынию[140], о том, что в Москву пришли 3 вагона с сахаром, адресованные городской управе и оказавшиеся принадлежащими почтенному академику В. И. Вернадскому – чему я не поверил. Вечером у меня мои оставленные: Фокин, Рыбаков и Голубцов С. Без меня заходил Д. Н. Егоров и принес II-й том «Мекленбургской колонизации»[141] – огромный томище с картами.

2 *ноября.* Понедельник. Поездка к Троице. На трамвае настоящая пытка. Выйдя из дому в 9 ч. 10' утра я простоял минут 20 на остановке трама. Несколько вагонов прошли перегруженные с публикой, висящей на подножках. Наконец, я влез на площадку с опасностью быть раздавленным. О люди, «общественным доверием облеченные», в Московской управе и думе. И туда же вы кричите о правительстве. Сучок в глазе брата видите, а бревна в своем не замечаете. Трамваи – полный хаос, а кричите о железных дорогах, занятых военными грузами и перевозкой войск. В Академии большие споры о положении дел. Весь вечер, вследствие отчаянно плохой погоды, в гостинице. Прочел статьи В. Ф. Миллера[142] и Б. М. Соколова[143] о книге Шамбинаго. С увлечением прочел повесть Боборыкина в «Вестнике Европы»[144] «Повелительница»[145]. Затем читал новую книжку Ж. М. Н. Пр.

3 *ноября.* Вторник. В профессорской Академии продолжение вчерашних оживленных разговоров. Из Академии я приехал на заседание нашего факультета, где произошли два бурных столкновения: во 1-х, по поводу заявления М. М. Покровского, жаловавшегося на стипендиальную комиссию, обидевшую будто бы некоего студента Раппепорта классика и не давшую ему лучшей (педагогической) стипендии. Эта ламентация продолжалась $1/_2$ часа. Т. к. я член обвиняемой комиссии, то принял горячее участие в бое и защищал единственный правильный порядок распределения стипендий – конкурсный. Я указал на пример такого порядка при приеме слушательниц на Высшие женские курсы. Если мы будем еще припутывать к этому рекомендации профессоров – не будет никакого порядка в распределении и это вызовет нарекания со стороны студентов. Раппепорт имеет всего 13 отметок, тогда как другие его товарищи, получившие лучшие стипендии, имеют 29 отметок. Я указал далее, что заявление Покровского несвоевременно, т. к. комиссия своевременно докладывала факультету, факультет не возражал и все распределение утверждено попечителем. Декан [А. А. Грушка] извинился в своем промахе, что допустил обсуждение этого дела, и снял его с очереди. Вторая стычка была с М. Н. Сперанским, затянувшим представление отзыва о книге Шамбинаго более чем на год, тогда как по трем циркулярам министра, крайне категорическим и, надо сказать, вполне справедливым, отзывы о диссертациях должны представляться в шестимесячный срок. Сперанский начал юлить, ссылаясь на соглашение с С. К. Шамбинаго. Я выразил удивление, как можно распоряжения министра, акты публичного права, уничтожать частными сделками. Декан объявил, что поставит отзыв о Шамбинаго на повестку следующего заседания. Сперанский стал говорить, что он один профессор по своей кафедре, что он перегружен занятиями, что он поэтому отзыва представить через две недели не сможет. (Это после 2-х лет, как он держит в руках книгу Шамбинаго! в двух ее редакциях.) Декан поставил вопрос на баллотировку. Наши «левые», давая ответы при баллотировке (открытой), лукавили с разными «если» и «с одной стороны нельзя не» и т. д., но дело было слишком очевидно, и вопрос решен огромным большинством. Сперанский стал говорить, что пусть лучше его уволят от составления отзыва! М. К. Любавский совершенно его ошельмовал, сказав, что как ректор может дать ему отпуск на 8 дней, если он действительно перегружен занятиями. Надо только подать прошение. Это Сперанский и согласился сделать.

4 *ноября.* Среда. Удосужился несколько заняться биографией Петра, которая совсем за последнее время не двигалась. Преподавательство мешает научной работе, а научная работа отвлекает внимание от преподавания: вот тягость профессорства. В просеминарии плохие

рефераты. Вечером у меня В. А. Михайловский, С. Конст. Богоявленский и Д. Н. Егоров; разговор с ним, нельзя ли подействовать на Герье с целью возрождения Исторического общества[146]. Накопилось не мало молодых историков: приват-доцентов, оставленных при Университете, молодых преподавателей истории, окончивших В. Ж. К. девиц – и нет места, где бы они могли развивать научную деятельность, и им приходится искать приюта в Исторической комиссии[147], в каком-то отделении Чупровского общества[148] и т. п. Егоров сочувственно отнесся к моей мысли.

5 *ноября.* Четверг. Отнес Елагину последнюю корректуру II-й части учебника. В Университете семинарий с очень дельным докладом студента Леонова «Первые занятия Петра Великого». Вечером у меня Саничка Карцев в военной форме, уполномоченный одного из санитарных отрядов. Рассказы о его пребывании в армии.

6 *ноября.* Пятница. Утром по приглашению И. К. Линдемана, инспектора 11-й гимназии, был в этой гимназии на уроке Линдемана по истории. Он звал меня, чтобы посмотреть, как ученики V класса справляются с моим учебником. Представил меня директору, почтенному старцу с немецким акцентом, Гобзе, бывшему раньше долгое время директором 1-ой гимназии. Мы разговорились с ним о В. П. Басове, с которым Гобза служил в Смоленске. Затем мы с Линдеманом пошли на урок. Гимназия помещается в наемном доме; помещение тесно и в высшей степени неудобно. Нет совсем залы, куда бы гимназисты могли уходить из классов во время перемен. Коридор узкий, учительская в низеньких антресолях. Мы считали 5-ю гимназию тесной, но та просто дворец перед 11-й. Войдя в класс, Линдеман представил меня ученикам, и когда они сели, вызвал одного из них и в течение получаса вел с ним очень живую беседу, начав ее с урока о княжеской дружине. Мальчик отвечал бойко и на большую часть вопросов верно. Остальные поглядывали на меня с благодушными выражениями лиц. По временам Линдеман спрашивал то того, то другого из сидящих, а иногда обращался с вопросом ко всему классу. Все время поддерживалось внимание и бодрое настроение, никто не дремал. В заключение он предложил мне спросить ученика, с которым он вел беседу, и тот очень удачно ответил на мой вопрос о князе Святославе в Болгарии. Урок кончился рассказом учителя о запустении Киевской Руси, но эта часть была слабее. Осталось уже слишком мало времени, и преподаватель принужден был рассказ скомкать. Уходя, я спросил класс, не трудно ли им учиться по моей книжке, на что они отвечали, что очень легко, тем более что в V классе они проходят курс IV класса. Урок этот доставил мне большое удовольствие, и я очень благодарил Линдемана. Был на В. Ж. К. на семинарии. Там целое общество профессоров. Вечером у нас Рахмановы.

7 *ноября.* Суббота. Читал в Университете о присоединении Финляндии[149] и о войне 1812 г. На все на это слишком мало времени, а можно бы сделать только из этих двух тем целые курсы. Вообще, следовало бы каждый год приготовлять что-нибудь совершенно новое для чтения, а прочитанное печатать. Это было бы идеально. Увы – если бы можно было преподавать только в одном Университете. После лекции беседа с И. И. Ивановым о нашей внешней политике XIX в., а затем заседание Совета, на котором М. К. Любавский докладывал о своей поездке в Петроград по делу о топливе. Ему там было во всем отказано. Гензель – помощник П. И. Новгородцева по заведованию топливом[150] – в дополнение изобразил печальную картину: в лесах дрова есть, но нельзя их оттуда вывезти, т. к. нельзя кормить лошадей – весь овес реквизирован. В Донецком бассейне избыток каменного угля, но он оттуда не вывозится, т. к. нет вагонов. Есть и злоупотребления. Слушая эти речи, проф. Розанов сказал, что ему становится холодно. Впрочем, температура зала, нагретая присутствием 51 человека, не превышала 12°. Но все же все это как-нибудь в конце концов «образуется».

Бывают отчаянные положения, кажется, вот уже совсем безвыходные, и, смотришь, человек из них все-таки как-то выпутывается. Так и с Университетом. Куплены уже 6 лоша-

дей, и Университет сам будет возить дрова со станций. Вечером дома, чувствовалась усталость.

8 *ноября.* Воскресенье. Утром занялся несколько биографией Петра, но успел написать немного. Пришел А. П. Басистов и принес нам с Миней по пирогу, подумав, что мы именинники. Он у нас завтракал и рассказывал подробности о заседании у попечителя по поводу реквизиции учебных заведений и о резкой речи Иванцова[151]. После его ухода я опять работал над биографией. Затем гулял и занес Яковлеву два своих курса и третью часть учебника[152]. Вечером у нас Богословские. Миня воевал со «своей мамой» из-за подаренного ему А. П. Басистовым пирога. Холь сообщил известие, впрочем, неизвестно откуда взятое, о том, что будто бы Румыния не пропускает наших войск.

9 *ноября.* Понедельник. Пишу в гостинице в 11 час. вечера после плохо прочтенных лекций и работы над «Выходами царей»[153] для биографии Петра и чтения Барсукова о жизни Строева[154]. Дивная погода, белый снег, лунная ночь и тихо. Я плохо читаю, между прочим, и потому, что читаю два разных курса и веду четыре разных семинария, а мысль всецело направлена на «Биографию». Внимание рассеивается. Так разбрасываться нельзя!

10 *ноября.* Вторник. Читал утром лекцию о Галицкой земле, и несколько лучше. В профессорской обсуждалось известие о победе сербов[155], но главный интерес в этой среде теперь, кто будет Киевским митрополитом на место только что скончавшегося Флавиана. И в самом деле, передвижка епископов, открывающаяся со смертью митрополита, может, и очень серьезно, задеть Академию, если будет перемена и на московской кафедре. Приехав в Москву, шел домой пешком по линии бульваров. Вечером у нас Маргарита с мужем – теперь уже подпоручиком – и много рассказов о войне. Ко мне заходил Фортунатов по поводу программы его экзамена.

11 *ноября.* Среда. Удалось утром поработать над Петром – редкий случай за последнее время. Должен был ехать на совет Академии, но послал письмо, что не буду. Вечером после семинария дома, а затем ради великолепной погоды – большая прогулка. Получены книжки «Старых годов» и «Русской старины»[156].

12 *ноября.* Четверг. Утро опять удалось посвятить Петру, и никто не мешал. Днем с четвертого часу у нас – идеал женственности Л. С. Живаго с Таней. Рассказывала о своей поездке в августе в Гомель через Брянск. Вечер за чтением Д. Цветаева. В газетах – трамвайная катастрофа на Трубной площади.

13 *ноября.* Пятница. До 2 час. дня читал «Дворцовые разряды»[157], совсем как бы перенесясь в жизнь XVII столетия. Был очень оживленный семинарий на Высших женских курсах, где разбираем дворянские наказы. Вечер опять за «Дворцовыми разрядами».

14 *ноября.* Суббота. Все утро за «Дворцовыми разрядами» с редкой интенсивностью. Приходил, впрочем, Марков, кончивший Духовную академию и издавший переписку Победоносцева с Субботиным в Чтениях ОИДР[158]. Это издание он представил в Академию в качестве магистерской диссертации. Если бы дело шло о степени магистра для Победоносцева или Субботина – другое бы дело! Но работа Маркова выразилась только в комментариях исключительно справочного характера. Я говорил Громогласову и Покровскому, чтобы посоветовали ему взять диссертацию обратно, что кто-то из них, видимо, и сделал. Нас это избавляет от неприятнейшей обязанности писать отрицательный отзыв и отвергать книгу. После завтрака я завел Миню в мастерскую Россолимо и отправился в Университет на заседание стипендиальной комиссии с Челпановым, М. Н. Розановым и Софинским. Распределяли так называемые «стипендиальные пособия» студентам, по 50, 30, 20 и 15 рублей единовременно. Что это за деньги теперь, когда пара калош стоит 4 р. 50 к.! Из Комиссии я снова зашел за Миней, и мы к величайшей его радости отправились в писчебумажный магазин

Аралова заказать штемпель с нашим именем, отчеством и фамилией. Туда и обратно до дому шли пешком. Вечер за книгой Покровского М. Н. «Очерк истории русской культуры» – где много остроумия, знания, легкомыслия и марксистского схематизма.

15 *ноября.* Воскресенье. Весь день, не выходя, за «Дворцовыми разрядами», которые кончил. Вечер у Богоявленских, куда отправился пешком. Сильный мороз и ветер.

16 *ноября.* Понедельник. Поездка к Троице на лекции. Сегодня великолепная, тихая, ясная, морозная погода. 2 академических часа в Академии состоят из 70', и для этого надо было затратить $31/_2$ часа в вагоне да $1^1/_2$ ч. в трамвае. Впрочем, на обратном пути сесть на трамвай не удалось, т. к. в них была какая-то задержка, и всю дорогу от вокзала до дома я прошел пешком, наслаждаясь морозным воздухом. Вечером намеревался идти в заседание Юридического общества[159] на доклад П. И. Беляева о крестьянском прикреплении[160], но все же от путешествия почувствовал значительную, хотя, впрочем, и приятную усталость, и остался дома за чтением книги Покровского. История культуры распластывается в ней по заранее заготовленным шаблонам, весьма банальным.

17 *ноября.* Вторник. Длинное заседание факультета. М. Н. Сперанский читал около часу свой отзыв о книге Шамбинаго, написанный туманно, расплывчато и водянисто, с неоднократными утомительными повторениями, однако содержавший указания [не только] на отрицательные стороны книги, чего мы ожидали, но и на положительные, и последних было немало. От заключения, т. е. заслуживает ли книга быть допущенной, он странным и глупым образом воздержался. Второй отзыв приват-доцента Орлова также продолжался более 50 минут, но был составлен ясно, конкретно и дельно и хорошо прочтен. Затем началось обсуждение. М. Н. Розанов обратил внимание на положительные части отзыва Сперанского и указал, что противоречия между отзывами нет. Далее я говорил о трех различных элементах книги: разборе текстов песен, исторических комментариев и гипотез. Третьим выступил Брандт, передавший свои впечатления от книги весьма благоприятные и сообщивший отзывы В. Ф. Миллера. Готье сказал два слова об отличии второй редакции книги от первой, заключающемся в умножении подстрочных примечаний. Любавский очень тонко и дипломатично перекинул Сперанскому золотой мост, сказав, что М. Н. [Сперанский], конечно, воздержался от решительного заключения из сознания лежащей на нем ответственности и из уважения к факультету. По мере всех этих речей Сперанский, сидевший вначале нахмурившись, стал все более расцветать, пришел в благодушное настроение и казался уже самым расположенным к Шамбинаго другом. Так все кончилось с этой книгой благополучно. Разумеется, что, если бы Сперанский встретил в ком-либо поддержку, он наклонился бы в отрицательную сторону своего отзыва. Вот удобство таких отзывов и за, и против без определенного решения. В том же заседании выбрали секретарем факультета С. И. Соболевского, причем шестеро наших левых положили ему черные шары, при 13 белых. Домой я пришел в 8 часу, утомленный. Была мысль о том, как ввиду этого утомления провести вечер, как вдруг позвонил по телефону Д. Н. Егоров и пришел к нам. Он что-то раздраженный и озлобленный и в глубине души, я все более ясно это замечаю, тоскующий по Университету – единственному учреждению, где его талант действительно мог бы быть приложен с пользою.

18 *ноября.* Среда. Работал над Петром. После завтрака отправился подписаться на новый военный заем[161], удачно попал в Сберегательную кассу, когда было уже немного публики, и подписался на 2000 рублей. Капля в общем море, но ведь и море составляется из капель. Таким образом, всего моих денег в военных займах 5000 рублей. Это единственное, чем я непосредственно участвую в войне, памятуя завет Петра Великого: «Денег, как возможно, собирать, понеже деньги суть артериею войны»[162].

Из кассы возвращался бульварами – дивная немного морозная тихая погода. Заходил за Миней к Россолимо. Вечер дома за книгой Покровского.

19 *ноября.* Четверг. 4 реферата в семинарии отняли все утро. Студенты мои начинают входить во вкус исследований о Петре, и поэтому были оживленные дебаты. Зайдя домой из Университета и пообедав, пошел на В. Ж. К. на заседание факультета, чтобы содействовать делу выражения благодарности В. И. Герье за его пожертвование капитала на премии[163], которое и проводил по мере сил, настояв, чтобы благодарность была выражена вскоре же, не дожидаясь официальной бумаги из Городской управы и через депутацию. Читал превосходный отчет о занятиях М. А. Голубцовой (во время заседания). Ожидание директором Курсов [С. А. Чаплыгиным] официальной бумаги с уведомлением о пожертвовании, когда директор, как гласный Думы, был в заседании и даже говорил там по поводу этого дара – не то же ли это самое, как отказ одного генерала принять заявление о снарядах, очень выгодное для казны, потому только, что на заявлении не было требуемой гербовой марки? Та же бюрократия.

20 ноября. Пятница. Семинарий на Курсах и беседа с А. Н. Савиным о возможности возрождения Исторического общества, к чему он относится не сочувственно, высказывая ту мысль, что всеобщая история – область слишком обширная, что здесь не сойдется и двух специалистов по одному и тому же вопросу, которым было бы интересно обменяться взглядами. С Курсов заходил в писчебумажный магазин Аралова за заказанной печатью для Мини, но она еще не готова. Дома по этому случаю большая грусть. Вечер за книгой Покровского, где все оригинальное и индивидуальное: люди, события и идеи – стерто и показываются только одноцветные, одинаковые для всех времен и народов классовые шаблоны. Большой разговор с Л[изой] о психологии детей, по поводу того, нужно ли принуждать Миню читать, когда ему это не хочется, и нужно ли настаивать на таком принуждении. Я против раннего обучения. Главное для ребенка – здоровье, свежий воздух, движение и бодрое настроение. Все то, на усвоение чего в пятилетнем возрасте нужно шесть месяцев, в восьмилетнем усвоится в два и без всяких затруднений. Что может быть печальнее этих шестилетних ребят, сидящих за книжками и тетрадями, с бледными личиками и с испорченными нервами! С началом правильного ученья ребенок попадает в рамки расписания, и эта жизнь по расписанию продолжается потом до гробовой доски, так к чему сокращать свободу золотого детства! Ее не вернешь никогда впоследствии! Одна из прелестей детства – незнание, и что может быть противнее пятилетних профессоров, поражающих обширностью своих ни к чему не нужных знаний и чахлым видом. Учиться надо начинать серьезно, относиться к ученью как к делу, а не как к игре и забаве, и поэтому следует начинать учиться как можно позже.

21 *ноября.* Суббота. На открытии нового великолепного читального зала в Румянцевском музее[164]. Зал вместимостью на 450 человек. Вечер у Холей с Шестаковыми.

22 *ноября.* Воскресенье. Годовщина обоих моих диспутов 22 ноября 1902 г. и 22 ноября 1909 г.[165] У нас завтракали супруги Живаго. Обедал я у Г. К. Рахманова в обществе Любавского, Кизеветтера, П. И. Новгородцева, Н. И. Романова, Лейста, С. И. Чижова. Разговор благодаря присутствию Новгородцева вертелся вокруг топлива. Кизеветтер рассказал, что Новгородцев, недавно говоря с кафедры в Коммерческом институте[166] о трехчленной формуле Гегеля, сказал «трехполенная» формула Гегеля. Новгородцев отрицал это.

23 *ноября.* Понедельник. В Академии. Сильнейший ветер помешал прогуляться на чистом воздухе, и я весь длинный вечер в гостинице за книгами. Читал, между прочим, статью М. М. Ковалевского о шеллингианстве и гегельянстве у нас в 30-х и 40-х годах в «Вестнике Европы»[167]. Статья составлена, видимо, без всякого участия пера, а только при помощи ножниц и клея – вся из выдержек из переписки и чужих слов, плохо подобранных.

24 *ноября.* Вторник. В профессорской Академии оживленные толки по поводу принесенных «Русским словом» вестей о перемещениях в высшей церковной иерархии. Митрополит Петроградский Владимир назначен митрополитом Киевским, и случай этот небывалый – Владимир первый, кто таким образом занимает три кафедры: Московскую, Петроградскую

и Киевскую[168]. В Академии выражается как будто недовольство, насколько оно может там выражаться, что так «швыряют» митрополитами; но не сами ли эти иерархи своим низкопоклонством и угодливостью довели себя до такого положения, когда обер-прокурор может ими швырять? Когда Синоду предложили поставить в епископы Варнаву, безграмотного человека, почему же Синод, считая его неспособным занимать епископское место, все-таки поставил его и не нашел в себе мужества выступить с возражением? Пришлось бы пострадать, но почему же забыли о митрополите Филиппе? Вступили в сделку с совестью, поэтому и покатились по наклонной плоскости и теперь пожинают плоды. Иерархи о церкви менее всего думают, главною пружиной их деятельности является личное честолюбие: повышения, награды, доходы и т. п. Нечего и протестовать в таком случае. Сделались чиновниками, так и подвергайтесь всем неудобствам чиновничьей судьбы, между прочим и перемещениям.

25 *ноября.* Среда. На просеминарии от 4 до 6$1/_2$ вечера, а затем в заседании Общества истории и древностей российских. Янчук сделал очень интересный доклад о знаменитом екатерининском архитекторе Баженове. Но доклад был слишком длинен; автор читал его ровно два часа. Я был особенно утомлен, потому что был голоден. После заседания зашли ужинать в ресторан «Россич»: Белокуров, В. И. и К. В. Покровские, Рождественский, Долгов, Писаревский и я. Писаревский сидит без денег, а ему надо ехать к месту назначения, т. е. в Ростов-на-Дону, читать там лекции в Варшавском университете[169]. Вечный бурш! К 12 часам ночи приехал М. К. Любавский. Разошлись в 1 час.

26 *ноября.* Четверг. Все утро был занят чтением выдающейся работы студента Штрауха о стрелецком бунте 1682 г.[170], очень большой по объему. Она и была предметом семинария сегодня. С семинария я намеревался пойти на чтение французских профессоров; но по настоянию Егорова отправился на В. Ж. К. на заседание советской комиссии[171] все по тому же делу о благодарности В. И. Герье за его пожертвование Курсам. Так как историко-философский факультет уже принял решение поднести адрес В. И. Герье, то директор [С. А. Чаплыгин] попал в неловкое положение: факультет будет благодарить, а Совет нет. Для улаживания этого дела и созвана была комиссия с приглашением в нее лиц, избранных историко-философским факультетом для поднесения адреса. Директор, открыв заседание, объявил, что советская комиссия в заседании 24 октября постановила не выражать благодарности, до получения официальной бумаги из Думы. Об этом постановлении наш факультет, кстати сказать, ничего не знал, и Хвостов принес повинную в том, что не осведомил об этом факультет, так как позабыл о постановлении комиссии. Произошел горячий обмен мнений. Противником немедленного принесения благодарности оказались Давыдовский и нелепый М. Н. Шатерников, мне ставший неприятным с истории 1911 г., когда «выходили» из Университета профессора и приват-доценты[172]. Я с одинаковым уважением отношусь и к ушедшим, и к оставшимся. Раз решали уйти, то и надо было или уйти, или оставаться. Оказалось, однако, несколько экземпляров, которые сумели в одно и то же время и уйти, и остаться, получив овации с ушедшими и сохранив выгоды с оставшимися. Шатерников ушел как приват-доцент, и был восхвален газетами и почтен адресами, – и остался как ассистент, получив возможность доканчивать свои работы в лаборатории. С тех пор он стал мне противен, и в прениях в комиссии я не удержался по его адресу от резких нот. Говорил резко и против формалистики и официальной бумаги. Директор обещал уладить дело, созвав в скорейшем времени совет, а для удовлетворения бюрократического вкуса Шатерникова достать, по крайней мере, копию с журнала заседания Думы. О прогрессивные головы – в душе своей вы еще более бюрократы, чем вся наша бюрократия, на которую вы так нападаете!

27 ноября. Пятница. Начал читать сочинение «Вопрос о происхождении крестьянской общины в исторической литературе», представленное под девизом «Les documents ne peurent

jamais fournir que des fragments etc.» (Seignobos)[25] на соискание премии Володи Павлова[173]. Обширная и, кажется, дельная работа. Был на В. Ж. К., где у меня семинарий. В профессорской оживленный разговор по поводу вчерашнего заседания советской комиссии. Сторожев сначала выражал чувства негодования по поводу того пути, которым Герье направил свой дар, т. е. через город, но под натиском возражений М. Н. Розанова тотчас же сдался и согласился, что благодарить, конечно, надо, и чем скорее, тем лучше. С Курсов я отправился в Леонтьевский переулок в писчебумажный магазин Мине за «печаточкой», о которой не переставал думать всю неделю. Радость необычайная, когда он ее получил. Милый мой Каплюшечка, если будешь когда-нибудь читать эти строки, вспомни, как я любил тебя! Вечер весь опять за сочинением.

28 *ноября.* Суббота. Лекции в Университете о мистицизме Александра и прочее. Вечером от 7 ч. до 12 государственный экзамен на Курсах. Я спросил человек 16 – и по большей части ответы были очень неважные: неточные и неясные. Иногда заметно было отсутствие самых элементарных сведений. Объясняя это пренебрежением к такого рода сведениям в «высшей школе», как сказала М. К. Любавскому одна из курсисток, я задавал вопросы теоретического характера, но и на них получал ответы мало удовлетворительные. Вернулся домой пешком в первом часу ночи.

За последние дни вести с Балканского полуострова крайне плохи. Сербии более не существует[174], французы с англичанами отступили под натиском болгар[175], греческий король Константин в беседе с представителями английских газет упрекал союзников в отсутствии плана и системы, и, по-видимому, это и действительно так. Дело дрянь. Может быть, союзникам и совсем придется уходить с Балканского полуострова, а у немцев уже прямое сообщение с Константинополем[176]. Опять появляется такое же подавленное чувство, как летом при наших поражениях.

29 *ноября.* Воскресенье. Продолжал утром и после завтрака чтение конкурсного сочинения, написанного плохим почерком и без пагинации. За завтраком Миня расшалился и несколько вышел из себя. Но затем, будучи предоставлен самому себе в своей комнате, пришел кротко просить прощения и получил обратно взятую у него «печаточку». Все тотчас же было, конечно, забыто. В 3 ч. пришли Холь с Мишей и пили у нас чай. Рассказы о беженцах, среди которых немало и жулья, и всякого рода проходимцев. Вечером у нас В. А. Михайловский, все более пессимистически настроенный и ноющий, Богоявленские, Егоровы и Готье. Дм. Ник. Егоров все ждет какой-то Варфоломеевской ночи, со стороны правых. О ней будто бы и совещаются на их съездах. Готье рассказывал о стремлении возродить падающее Археологическое общество[177], ради чего, между прочим, мы с Егоровым избираемся туда членами. Я опять поднимал речь о возрождении Исторического общества.

30 ноября. Понедельник. Морозы, довольно сильные, стоявшие несколько дней, сменились оттепелью. Сегодня 2° тепла, тает и льет. Посад утром был окутан туманом. Может быть, на фронте нам оттепели полезнее морозов. Дела наши, в общем, конечно, неважны и гораздо хуже, чем в июле 1914 г. Тогда была опасность Сербии быть раздавленной; за нее и вступились. Теперь Сербия все равно раздавлена, но, кроме того, раздавлена Бельгия, мы лишились целого края: Польши и Литвы, французы лишены части Франции, а Болгария и Турция стали немецкими провинциями. Стоило ли ради этих результатов вести войну? Остановиться на таком положении, разумеется, нельзя.

1. *декабря.* Вторник. Вернувшись из Посада, часть пути шел пешком по Ильинке и Никольской, торговому нашему центру, вспоминал типы романов Боборыкина. В Александровском саду залюбовался на ученье отряда молодцов – на подбор – должно быть, школа

[25] Шарль Сеньобос «Документы всегда приводят только фрагменты» *(франц.).*

прапорщиков. На Воздвиженке встретил Л. С. Живаго, рассказавшую об отъезде Петра Ивановича [Живаго]. Дома с 5 ч. до 11 за сочинением на премию Володи Павлова.

2. *декабря.* Среда. Утром писал отзыв о прочитанном сочинении. Затем рефераты о плане Сперанского и другое сочинение на премию Володи Павлова, хотя и под девизом, но автора я знаю – студент Троицкий, работавший у меня в семинарии в прошлом году. Отчаянно скверный почерк и недостаточное знакомство с буквой «Ъ». По дороге в Университет встретил В. М. Хвостова, и с ним беседа об адресе Герье и о благодарности. Хвостов бранил Егорова. Затем, простившись с ним, я встретил Егорова, который проводил меня до Университета. Егоров бранил Хвостова, называя его «формалистом». Семинарий о плане Сперанского прошел очень живо, так как, начиная от плана, приходилось доходить до современного нам строя. Я распространился о радикализме нашей интеллигенции и этим задел за живое молодежь. Много спорили. Вечером за сочинением Троицкого.

3. *декабря.* Четверг. Чтение рефератов для семинария, а также сочинения Троицкого до самого ухода в Университет. После семинария прошел на В. Ж. К. в заседание исторической группы для обсуждения адреса Герье. Адрес составлен Егоровым и написан очень задушевно и тепло, красиво и учено, но все же несколько вычурно. При обсуждении М. К. Любавский, возражая на сомнения Хвостова, можно ли признавать у Герье *широкое* понимание задач высшего женского образования, сделал весьма здравую характеристику В. И. Герье, который руководился в устройстве Курсов чутьем действительности при той обстановке, которая была до 1905 года. У Любавского вообще много здравого великорусского смысла, и это лучшее свойство его ума. Егоров с некоторой обидчивостью уступал и изменял выражения текста. Вернувшись домой, я вновь за сочинением. Троицкий принес его окончание.

4. *декабря.* Пятница. Все утро за сочинением Троицкого. Затем семинарий на Курсах. Получил на понедельник 7-го приглашение на чай со слушательницами, окончившими государственные экзамены. Вечер за сочинением и прогулка. За обедом получил бумагу об избрании меня членом Археологического общества.

5. *декабря.* Суббота. Я лег спать 4-го декабря в половине 12-го ночи, удивляясь продолжительному отсутствию Л [изы], отправившейся в родительский клуб и обыкновенно возвращавшейся оттуда в 11-м часу. Проснувшись около двух часов ночи, я увидел, что ее еще нет, и терялся в догадках о причинах. Она явилась в 4-м часу, взволнованная и рассказала, что собрание в клубе полиция сочла незаконным, т. к. реферат о кооперации не соответствовал уставу клуба. Поэтому чтение его не было допущено, а собравшиеся были переписаны, и эта переписка тянулась очень долго. Совершенно не выспавшись ночью, я читал лекцию, с трудом владея собой. Днем у нас было много разговоров о происшествии. Справлялись с уставом клуба – реферат действительно уставу не соответствует; устав допускает только доклады и лекции по педагогическим вопросам. Виновата всецело администрация клуба, подвергшая членов таким неприятностям. Весь день я был очень взволнован. Отдых нашел только вечером у Богоявленских, где, кроме меня, были Егоровы и Алексей Павлович [Басистов]. Серг. Конст. [Богоявленский] угощал нас редким теперь напитком – пивом, подаренным ему кемто из его приятелей. Мы приносили ему живейшую благодарность и поднесли титул «отца отечества». По дороге туда встретил Белокурова и беседовали о следующем заседании ОИДР.

6 *декабря.* Воскресенье. Утро (и с довольно раннего часа) посвятил переписке отзыва о сочинении на премию Володи Павлова. В двенадцатом часу был у меня Вл. Анат. Панов посовещаться о своих пробных лекциях, которые я советовал ему прочесть поскорее. Во втором часу я относил сочинения и отзывы А. А. Грушке; от него отправился в Университет на второе собрание по открытию университетского потребительского общества. Было очень мало народу, но собрана уже сумма достаточная для открытия дела и А. И. Елистратов,

председательствовавший в собрании, объявил, что лавка будет открыта 18 декабря. Я взял два пая – 20 руб. Вернувшись домой, написал письма с благодарностями: графине Уваровой за избрание в Археологическое Общество, Ив. Ал. Лебедеву за присылку его книжки о Н. А. Найденове[178] и в Петроград Веретенникову. Вечер с Алексеем Павловичем [Басистовым] провели у Холя.

7 *декабря.* Понедельник. В Академии. Лекция о возвышении Москвы. Вечер в одиночестве за статьею Лукьянова о Соловьеве и за книжкою Шимона Аскенази о Царстве Польском[179]. («Ашкенази» – значит еврей, живущий в Германии, как сообщил мне сегодня проф. Воронцов.) Книжонка крайне плохая, слишком краткая и в то же время полная совершенно ненужных подробностей. Множество, например, собственных имен разных политических деятелей и администраторов без всяких характеристик. Мыслимо ли запомнить этот ненужный адрес-календарь, ничего не говорящий ни уму ни сердцу? Имена лиц можно приводить только тогда, когда даются их характеристики, иначе это пустые звуки. Много ошибок и плохой язык, например: дефицит «подскочил» до стольких-то тысяч. Удивляюсь, в чем состояло редактирование этой книги Кизеветтером и почему он расхваливал эту книгу!

8 *декабря.* Вторник. Последние лекции в Академии. Приехав в Москву, был на заседании факультета, где читали отзывы о сочинениях, представленных на медали и премии. Мои оба получили по 400 руб. премии Володи Павлова. Когда присуждение состоялось, я указал на внешний вид сочинений: у Троицкого отчаянный почерк, нет оглавления и полный произвол с буквой Ъ: «бЪседа», «нововведЪние», «живейший»[26] и т. д., у Яцунского не было пагинации, я сам должен был нумеровать страницы. Против безграмотности горячо ратовал И. И. Иванов, после того как и М. Н. Розанов указал в своем отзыве также на безграмотность сочинения по всеобщей литературе. В этом отношении в Академии куда лучше. Там кандидатское сочинение по внешнему виду – всегда безукоризненно. Не есть ли эта небрежность в Университете отражение общего студенческого разгильдяйства: сидеть в аудитории как-то раскорячившись, на экзамене сидеть непременно развалясь и т. д. Вернувшись домой, узнал приятную новость: статья о Судебнике помещена в декабрьской книжке Ж. М. Н. Пр.[180] и мне прислан гонорар – 64 р. 75 к.

9 *декабря.* Среда. Подготовлял одну из глав «Петра» для реферата в ОИДР. Был в Университете для производства коллоквиумов, но явилось только 2 студента, из коих один отвечал очень хорошо, другой – Моравский – известный мне по прошлогоднему просеминарию, не знал ничего. В профессорской встретился с Н. Г. Городенским, преподающим историю в гимназии Лебедева. Он хвалил мой учебник. Купил на обратном пути XVI и XVII тома Полного собрания летописей. Вечер за книгой А. И. Покровского о соборах в первые три века христианства[181], перенесся в 1-й век.

10 *декабря.* Четверг. Из трех рефератов, представленных к сегодняшнему семинарию, очень хорош реферат Абрамова – обстоятельная, подробная и точная хронологическая канва жизни Петра Великого за 1683—88 годы[182]. Но на семинарии было уже очень мало народа. Занятия в Университете замирают. Вечер за книгой А. И. Покровского. Стоят сильные морозы. Сегодня -19°.

11 *декабря.* Пятница. Утро за Петром – для реферата в ОИДР. К 2-м часам отправился на диспут Шамбинаго. Диспут происходил в Богословской аудитории, очень полной: было немало публики и на хорах. Сперанский был отчаянно скучен и неудачен. Читал в течение часа свои возражения, как плохой дьячок старого времени шестопсалмие, по листочкам и по листам, без пауз, без выражения, прочел все возражения сразу, путая их и комкая. Нельзя было уследить никакой нити. Кончив чтение, он собрал в кучу все свои листы и листки и

---

[26] Правильно: «бес□да», «нововведение», «жив□йший».

поднял очки на лоб. Естественно, что и ответ Шамбинаго был вял и бесцветен. Трудно было уловить что-нибудь у Сперанского, на что бы возражать. Плох очень был и второй оппонент Орлов. Та же манера, как и у Сперанского, – прочесть все возражения сразу, так что никакого обмена мнений не произошло. Но зато блеснул молодой оставленный при Университете Б. М. Соколов, возражавший из публики горячо, но дельно, и даже с изяществом. И Шамбинаго оживился и удачно ему отвечал. Только в это время и был действительно настоящий, живой диспут. Вечером был на обеде у виновника торжества и сказал среди других речей несколько слов о перевороте в новом изучении исторических песен.

12 *декабря.* Суббота. Читал последние в этом полугодии, а кто знает, может быть и вообще последние, лекции: о тайных обществах при Александре I. В 2 часа было заседание факультета, о том, что есть свободные министерские стипендии, и мы решили представить на них наших оставленных. Затем в 3 заседание Совета о разных текущих делах. Вечером у Д. Н. Егорова, где были Готье, Савин, Айхенвальд и Богоявленские. Разговор об адресе Герье и о депутации завтра, об Историческом обществе, о театре и др. Присланы оттиски статьи в Ж. М. Н. Пр.

13 *декабря.* Воскресенье. К $10^{1}/_{2}$4ас. депутации, которые должны были поднести адрес от Курсов В. И. Герье, собрались у В. М. Хвостова: Чаплыгин, Млодзеевский, Фохт – от Совета [Высших женских курсов], Любавский, Савин, Грушка, Егоров, Розанов и я – от факультета, и двинулись к В. И. [Герье]. Во время чтения адресов В. И. [Герье] был очень взволнован и, как мне показалось, заплакал. Ответил прекрасной речью. Поблагодарив нас, В. И. [Герье] сказал, что ему пришлось пережить два тяжелых момента: «первый, когда Курсы были закрыты, второй – когда они были закрыты для меня»[183], что теперь он счастлив, потому что с нашим появлением он опять вступает в соприкосновение с Курсами. Деньги, которые он передал Курсам – не дар, и благодарить его не за что. Капитал образовался из взносов от слушательниц первых Курсов, «это не дар – а приданое, накопленное первыми слушательницами для своих будущих младших сестер». После этих речей он предложил нам великолепный завтрак, за которым Млодзеевский, сидевший рядом со мной, по моей просьбе с большим воодушевлением изложил мне замечательно просто, ясно и красиво одну из теорий высшей математики: о трансфинитных числах[184]. Вот признак таланта – умение изложить самую сложную вещь в самой простой и ясной форме. Когда математики ушли, я обратился к Герье с предложением, не найдет ли он возможным, ввиду того что теперь в Москве накопилось много молодых историков, наших же учеников, которым негде главу преклонить в их занятиях, восстановить деятельность Исторического общества при Университете. Другие поддержали эти мои слова, и было решено собрать у Герье в следующее воскресенье оставшихся членов, чтобы возобновить общество. Мысль моя, сообщенная мною Д. Н. Егорову, пущена, таким образом, в ход. В пятом часу дня я был с визитом у графини Уваровой поблагодарить ее за избрание в Археологическое общество и был принят очень любезно. Застал ее в кабинете, пишущую очерк истории археологических съездов. Разговор о приготовлениях к Псковскому съезду[185], прерванных войной. Вечер за книгой А. И. Покровского.

14 *декабря.* Понедельник. Поездка к Троице на Совет. Я думал, что будет читаться отзыв об А. И. Покровском; но отзыва не было, а было только распределение премий. Мухановские премии[186] вызвали опять немало пререканий, кому их давать: вновь ли поступившим в Академию, или старым, ждущим их уже пять лет. Из-за премий ездить не стоило. Вечер дома за «Записками» С. М. Соловьева.

15 *декабря.* Вторник. Утро в подготовке реферата для ОИДР очень производительно. После завтрака предпринял целую экспедицию по разным отложенным за недосугом делам хозяйственного характера и, между прочим, получив гонорар в Университете[187], подписался

еще на тысячу рублей военного займа в Сберегательной кассе. На возвратном пути зашел за Миней в мастерскую Россолимо. Весь вечер опять за рефератом.

16 *декабря.* Среда. Начались сильные морозы. Сегодня -19°. Утро за рефератом. Вечером у Ю. В. Готье на большом собрании ученых мужей, где были Д. Н. Егоров, Шамбинаго, Ушаков, Орлов, Богоявленский, Яковлев, Веселовский, Сухотин, Любавский. Говорили о возрождении Исторического общества. Матвей Кузьмич [Любавский] сказал мне, что на пост товарища председателя по русской истории он имел в виду меня. Я ему ответил, что имел в виду его, т. к. он как ректор был бы очень полезен Обществу, в особенности на первых порах по разного рода материальным делам, а кроме того, если бы возникли какие-либо шероховатости при появлении «левых историков», например, Мельгунова и Сторожева и т. п., то у него будет достаточно силы все это прекратить. Действительно, он был бы очень желателен в качестве товарища председателя. Самой природой указанным секретарем является Д. Н. Егоров. Веселовский в пять минут наговорил, по крайней мере, пять известий о войне, одно мрачнее другого: и армию из Одессы не знают куда девать[188], и с Румынией дело плохо[189], и Макензен опять в Галиции подготовляет удар на Киев[190] и т. д. Вот тип унылого «слякотника», как называют таких в газетах. За ужином я, сидя рядом с Егоровым, говорил о его возвращении в Университет. Эта мысль, видимо, его все более занимает. По дороге домой он меня спрашивал, имею ли я в виду что-либо реальное, и с обидой говорил, зачем его не сделали [доктором] за одну первую книгу[191]. Это уже слишком!

17 *декабря.* Четверг. Подготовка к докладу в ОИДР. Стоит сильный мороз -24°, так что я выходил на короткое время, купил на Арбате в книжном магазине 2-ю часть 1-го тома Забелина «Быт русских царей» – посмертное издание[192]. Вечером у меня оставленные по русской истории: Рыбаков, Фокин, Голубцов, Новосельский, и пришел также Ю. В. Готье. Наши теперешние магистерские программы стали непомерно велики. Например, вопрос о Екатерининской комиссии 1767 г., для которого 20 лет тому назад надо было познакомиться с 3–4 томами Сб. Р. И. О.[193], теперь разросся так, что требуется уже 13 томов, и все в таком же роде. Что-нибудь надо сделать для разгрузки.

18 *декабря.* Пятница. Мороз убавился, деревья опушены инеем – сказочная красота. Утром подготовлялся доклад для ОИДР; многие страницы его пришлось переписать. Вечер за чтением Поссельта. Миня ходил с Л[изой] в магазин купить себе на 20 коп. белой бумаги; обладание этой бумагой доставляет ему великую радость.

19 *декабря.* Суббота. Вечером читал доклад в ОИДР[194]. Кажется, выслушан был не без интереса. После заседания ужинали в ресторане «Россия» – бывшая «Вена» – в Охотном ряду. Много говорили о войне – сегодня как раз год и пять месяцев войны. Веселовский опять пессимистически ныл, за что и был отчитан. В. И. Покровский, наоборот, от своих родственников-офицеров, приезжавших к нему с фронта, передавал самые бодрые известия.

20 *декабря.* Воскресенье. День посвящен был полному отдыху от книг. Утром я был у М. Н. Буткевич, пломбировал зубы. Затем было собрание у Герье по поводу возобновления Исторического общества. Были: Любавский, Савин, М. Н. Розанов, Егоров и я. Обсуждались подробности этого дела, намечен состав будущих членов, состав бюро и т. д. Егоров проявляет всю присущую ему энергию, что очень кстати. От Герье мы перешли к нему и посидели у него до 6 ч. Затем я предпринял путешествие к Богоявленским за Миней, и вернулись домой к 10 часам вечера. Прочел пошлейшую брошюру, присланную мне Линниченко, о Перетятковиче[195]. Нет Гоголя, чтобы изобразить эту провинциальную профессорскую тину!

21 *декабря.* Понедельник. Заходил к Л. М. Сухотину в дом губернского теперешнего предводителя Базилевского, где он живет, но не застал, отдал ему учебники. Оттуда отправился к П. И. Беляеву, который заходил ко мне вчера, но неудачно перед самым моим уходом

к Герье. Живет на Бронной, постуденчески. Пили чай и беседовали по поводу его работы о прикреплении крестьян[196]. Вечер за книгой Поссельта о Лефорте.

22 *декабря.* Вторник. Тяжелые были эти дни в прошлом году! Все вспоминались прошлогодние события. Опять, кажется, начинаются военные действия – идет движение в Буковину[197]. Сегодня был в Университете за жалованьем, встретил Готье, с ним заходили в Рум[янцевский] музей, и он мне дал книги для разбора диссертации Флоровского. Вечер за Петром Великим и за Поссельтом. Дома.

23 *декабря.* Среда. Годовщина смерти М[атери]. Вспоминался живо прошлый год. Миня утром долго плакал, говоря, что ему жаль бабушку. Были в Донском монастыре с Миней[198]. Затем Богоявленский и Холи завтракали у нас. Вечер за книгой Поссельта.

24 *декабря.* Четверг. Все утро над Петром. Переделывал страницы об учебных занятиях Петра. На улицах большая сутолока перед праздником. А там – где-то к западу совершается что-то великое, грозное и тяжелое! В 6-м часу Миня зажигал свою разукрашенную елку. Вечер мы провели у Богословских.

25 *декабря.* Пятница. Рождество. До пяти часов за работой над страницами о Кожуховском походе. Радостное чувство, что можно заняться своим делом. Обедали у Богоявленских.

26 *декабря.* Суббота. Утром удалось хорошо поработать над Петром. С часу дня у нас непрерывный поток посетителей. Первым пришел Бороздин, разнюхивавший о возрождающемся Историческом обществе и сказавший, что он туда «запишется». Я не решился ему ответить, что туда «не записывают», а выбирают. Выведывал о ходе моей работы над Петром. За завтраком была Маргарита. Затем явились Холи. Через полчаса Осип Онуфриевич [Карпович] с сыном, затем Д. Н. Егоров – и так мне пришлось разговаривать с 1 ч. до 9 ч. вечера без перерыва. Звонил еще приехавший из Петрограда, где он находится в училище, В. С. Бартенев, сообщивший об общем наступлении. То же сообщали и другие. Д. Н. Егоров рассказал о приключениях офицера-болгарина на русской службе, бежавшего из немецкого плена в болгарском мундире, который ему удалось достать подкупом. Вырвавшись из лагеря пленных, он в болгарской форме отправился в Берлин, где бывал и раньше по делам болгарского военного ведомства, прожил там пять дней и делал визиты. Из Берлина он поехал в Вену, где также прожил несколько дней, оттуда направился в Болгарию и из Болгарии уже бежал в Россию. По словам этого офицера, в немецких войсках бодрое настроение и энтузиазм, но в гражданском населении полное уныние от жизни впроголодь. Л[иза] чувствовала себя нездоровой, к вечеру t поднялась до 38°, и она слегла в постель.

27 *декабря.* Воскресенье. День за работой в тишине семьи. В противоположность вчерашнему – сегодня у нас никого. Сделали последнюю прогулку с Миней по Пречистенке и Поварской. Л[иза] чувствовала себя слабой. Вечер за Поссельтом. На фронте наступление, но именно только южное.

28 *декабря.* Понедельник. Утром после прогулки работал над Петром. 1-й Азовский поход двигается и доведен до 29 июня 1695 г. После завтрака был у Богословских с поздравлением по случаю дня рождения M-me[199]. Вернувшись, читал Поссельта в тишине, т. к. Л[иза] с Миней были на елке в [очаге][200]. Вечером у меня П. И. Беляев, Д. Н. Егоров, Яковлев и Готье. П. И. Беляев любит специальные разговоры по вопросам русской истории и русского права, его занимающим. Мне тоже интересно поговорить с ним о Русской правде и о крестьянском праве. Но нашу ученую публику трудно занять чем-нибудь кроме сплетен, пустых и глупых, и у нас с П. И. [Беляевым] долгое время был только диалог, на который прочие не обращали внимания. Только за чаем одно время разговор о новейших работах по феодализму сделался общим. Жалею, что не мог быть по болезни С. Б. Веселовский. У него научные интересы живее.

29 *декабря.* Вторник. Проснулся с пренеприятным ощущением давления и тяжести на сердце, подумал, что барометр упал, и оказалось верно: барометр упал так, что стрелка опустилась левее «бури». Весь день был от этой тягости сам не свой. В газетах прочел печальные известия: о гибели броненосца «Эдуард VII»[201], – хорошо, что экипаж спасен, об эвакуации Галлиполийского полуострова[202]. Работа шла не особенно успешно. Во время прогулки был свидетелем ужасной сцены. Когда я, возвращаясь по Тверскому бульвару, шел от памятника Пушкину по направлению к Никитским воротам, по проезду бульвара пронеслись сани без седоков, запряженные в одну лошадь. Лошадь, должно быть, чего-нибудь испугалась и бешено мчала с невероятной быстротой. Кучер, совершенно растерявшийся, не владел уже ею и только кричал встречным: «Легче, легче!». Затем послышались еще какие-то крики и чем-то сильный удар. Все это совершилось в один момент, некоторые из публики, шедшие по бульвару, бросились бежать к дому градоначальника. Я тоже поспешил туда. Оказалось, что лошадь попала под встречный трамвай и была задавлена, кучеру разбило голову, а другие говорили, что его убило. Я, следовательно, видел, как человек несся на смерть, видел его за минуту до ужасной смерти. Тяжко. Весь вечер ничего не мог делать.

30 *декабря.* Среда. Не выходила из головы мысль о вчерашнем происшествии. В газетах о нем ничего пока нет. Осаду Азова продвинул мало. Гордон быстрее продвигал свои траншеи, чем я изучение его деяний под Азовом. Визит после завтрака к О. И. Летник по поводу переданного ею мне проекта программы для ее предполагаемого магистерского экзамена. Программа, по ее словам, составлена ею с А. А. Кизеветтером, но выражает явное стремление пройти коротенькими узенькими переулками к тому, к чему другие идут широкою дорогой. Хотя я и глубоко убежден, что из всей этой затеи ничего не выйдет, так как в 40 с лишком лет приниматься за экзамен на магистра поздно; но все же против характера программы протестовал, чем и вызвал большое и запальчивое недовольство с ее стороны. Для нее все эти экзамены – один из приемов кокетства и ничего более. От О. И. [Летник] я проехал на Земляной вал к Маргарите Викторовне Флинт, владелице Шашкова, вручить ей задаток за дачу на 1916-й год, ту же, на которой мы жили в нынешнем году. Это дочка В. Н. Пастухова и внучка знаменитого издателя «Московского листка» Н. И. Пастухова[203]. Не от предков ли и в глазках ее какой-то алчный к наживе огонек? От нее вернулся домой пешком по линии бульваров. Вечер за «Записками» С. М. Соловьева.

31 *декабря.* Четверг. Чувствую себя неважно. Видимо – переутомление. Надо бы отдохнуть денька три на свежем воздухе, вдали от книг. Утром я опять осаждал Азов, следя за осадой день за днем и как бы переживая ее. Вечером встречали с Миней новый год. Об этой встрече он целый день говорил, она заключалась в том, что, заснув в 10-м часу, он проснулся в 11-м, оделся, мы откупорили бутылку грушевой воды Ланина[204] и выпили ее за столом, поставленным в детской возле елки. Затем он опять разделся и заснул крепким сном беззаботного детства. Я также не мог дождаться нового года и лег спать в 12-м часу. Итак, прощай 1915.

1916 год

1 *января 1916* г.[27] Пятница. Я пишу цифру нового года и ошибаюсь: вместо 1916 рука написала 1695 – год Азовской осады. Это и показывает, где витают мои мысли. Впрочем, начал также подготовлять и книгу Флоровского[1] для диспута. На прогулке после завтрака встретил на Никитском бульваре С. А. Котляревского, с которым разговор о Забелине. Вечером у нас Холи и С. К. Богоявленский. Читали речь Гучкова, обращенную весьма нагло и бестактно «ко всей русской армии»[2]. Ко всей армии со словом может обращаться в России один только человек – государь, ее верховный вождь.

2 *января 1916.* Суббота. Печальные вести из Черногории. Австрийцы захватили гору Ловчен, господствующую над всей Черногорией, и тем самым завладели всем этим маленьким государством[3]. Жаль. Вечером у Алексея Павловича [Басистова], где были В. А. Михайловский, Холь и С. К. Богоявленский. Собираемся так уже 5-й или 6-й раз. Придя домой увидел у себя на столе письмо Елагина о присылке 100 экземпляров 2-го издания 2-ой части учебника[4] и копию с рецензии Сивкова из «Детского воспитания»[5].

3 *января.* Воскресенье. Довольно сильная вьюга. За последнее время по поводу нового года сначала по новому, а затем по старому стилю, приходилось читать много речей и телеграмм союзных государей, министров, военных людей и т. д. Все они звучат очень бодро и говорят о победе в уверенном тоне. Однако – весь Балканский полуостров в руках немцев; им принадлежит Сербия, Черногория, Болгария и Турция. Стали ходить прямые поезда Берлин – Константинополь. Но не будем унывать.

Был у нас за чаем Д. Н. Егоров по некоторым делам Исторического общества (будущего) – с тем, чтобы устроить первое заседание большим, открытым и публичным, и с тем, чтобы я на нем выступил с докладом о Петре. Ему хочется, как я заметил, выступить также и самому с докладом о своей книге. Я отказался, и, по-моему, лучше возобновить деятельность общества с обыкновенных заседаний.

Обедали мы у Шестаковых в очень большом обществе, согреваемые обычным радушием и гостеприимством Сергея Сергеевича [Шестакова]. Можно было отдохнуть душой.

4 *января.* Понедельник. Утро за работой над Гордоном. Затем книга Флоровского. Принесли мне гонорар от Сытина за второе издание учебника для V класса – 1 625 рублей.

5 *января.* Вторник. Ночь спал очень плохо; опять неспокойное состояние сердца – сильный ветер. Однако такого реагирования на падение барометра у меня давно уже не было. Ясно, что сказывается переутомление. Ограничился небольшим количеством работы и предпринял большую прогулку. Часов в 7 пришел А. П. Басистов, с которым беседовали о значении философии. В это время позвонил по телефону Егоров и звал к себе: он тоже жалуется на переутомление и на ощущение тоски. Это нашло во мне живой отклик, я отправился к нему: А. П. [Басистов] все равно уходил к Леденцовым. У Егорова был С. К. Богоявленский, и мы провели вечер в задушевной беседе. Был у меня утром Н. В. Лысогорский, который был также и вчера. Он приходил с просьбой представить его книгу «Единоверие на Дону»[6] на премию митрополита Макария в Академии[7]. Сегодня он принес самую книгу. Он жаловался на материальное положение, и, действительно, он давно уже на службе, скоро и доктор – а все еще доцент, получающий 1 200 руб., что по-теперешнему не более 600 рублей прежнего.

6 *января.* Среда. Я старался дать себе полнейший отдых от всякой умственной работы. Утром сделал большую прогулку в Замоскворечье, видел большую толпу народа на набе-

[27] «1916 г.» – исправлено из написанного: «1695».

режных и мостах против Кремля в ожидании крестного хода. Блуждал затем по Замоскворецким улицам и переулкам, вспоминая топографию Москвы XVII века. Была великолепная морозная, но тихая и ясная погода. В Замоскворечье древнемосковского духа сохранилось больше, чем в других местах. В толпе, к которой я присматривался, много типов – из мелкого торгового люда, которые не ушли еще из XVII века, и если бы переодеть их в платье того времени, совершенно могли бы вдвинуться в толпу XVII столетия, также присутствующую на выходе государя на крещенское водосвятие.

После обеда Л [иза] ушла к Л. Н. Коржевиной[8], а мы с Миней занимались на дворе постройкой крепости из снега. Получив через форточку приглашение от В. С. Карцевой к ним пить чай, отправились туда и провели часа $1^1/2$ в беседе с В. С., А. А. и Верой [Карцевыми]. Вечером я был у Холей в обществе А. П. Басистова и С. К. Богоявленского. Так удалось целый день провести без умственной работы.

7 *января.* Четверг. Был в Архиве МИД, чтобы посмотреть Журнал Азовской осады, найденный С. К. Богоявленским в Турецких делах[9]. Это – недоброкачественное произведение, составленное в XVIII в. в Иностранной коллегии[10], вероятно, по поводу каких-либо переговоров с Турцией, может быть, при Екатерине II. Когда я возвратился из Архива, был у меня Д. Н. Егоров, испытавший весьма неприятное разочарование. Он также до меня заходил в Архив, чтобы посмотреть книжку с уставами академических премий. Оказывается, что для его книги как раз подходит премия Котляревского 1 000 рублей – раз в три года[11]. Но, увы, книга должна быть представлена *в декабре,* а было уже 7-ое января! Досадно! Печатание стоило ему больших денег, а финансы его плохи. От войны большая часть русского народа, как это ни странно, в выгоде. Крестьянство благоденствует от а) притока денег в деревню в виде пайков женам и детям запасных, Ь) от значительного (вдвое и втрое) возвышения заработной платы, с) уничтожения водки и пьянства. Деньги, которые целиком уходили в кабак, теперь остаются в семьях и идут в разного рода сберегательные кассы. Недаром же вклады в сберегательные кассы за декабрь 1915 г. оказались *в 5 раз* больше вкладов за декабрь 1914 г. Далее. Все призванные на военную службу в офицерских чинах получают усиленное жалованье; многие сохраняют места, которые занимали прежде, и получают прежнее жалованье в целом или в половинном размере. Множество лиц, работающих в Городском и Земском союзах[12], в разных отрядах и т. п., получают большие содержания. Крупные жалования получают лица, занятые на заводах, обслуживающих снаряжение армии и состоящих в ведомстве военно-промышленных комитетов. Купцы и промышленники наживаются грабежом и разбоем—200 %, 300 %, а может быть, и выше. И вот только остается небольшая полоса людей, теряющих от войны, – это чиновники, преподавательский персонал. Это уже в полном смысле небольшой островок обдираемых, среди множества дерущих.

8 *января.* Пятница. Продолжал работу над Гордоном[13] и над книгой Флоровского. Занес М. К. Любавскому последний выпуск учебника и статью из Ж. М. Н. Пр.[14] Вечером во время прогулки встретил В. И. Репина. По дороге думал о том, как создалась наша интеллигентщина.

9 *января.* Суббота. Получил письмо от Флоровского из Одессы. Он, оказывается, ждал допущения своей книги в факультетском заседании перед Рождеством, а диспута – в 20-х числах января. Это письмо заставило меня с тяжелым чувством отложить работу над Петром и усиленно приняться за книгу Флоровского. На прогулке встретил А. А. Кизеветтера, с которым говорил об учебниках. Вечер у Богоявленских, где был Лопухин[15]. О Черногории – совершенно противоположные известия. Король Николай прекратил переговоры с Австрией[16]. Совершенно неожиданный оборот. На Кавказе наши войска гонят турок к Эрзе-

руму[17]. Насколько это движение прочно? Уже и в начале войны мы были под Эрзерумом и брали Кеприкейские позиции[18].

10 января. Воскресенье. Утро ушло на подготовку к академической лекции завтра, так что на Флоровского осталось времени очень мало. Во время завтрака появилась к нам Ел. Ник. Елеонская, с которою мы встречаемся на Курсах по пятницам. Был очень оживленный разговор о народной словесности, о положении кафедры истории русской литературы в Московском университете, об их Обществе истории литературы под председательством Сперанского[19] и о многом прочем.

К трем часам дня я отправился в Университет на открытие нашего Исторического общества. Шел пешком. Во дворе Университета меня окликнули С. К. Богоявленский и Готье, и мы вместе вошли в Университет. В плохом и неуютном помещении литературного семинария мы застали уже немало публики: самого Герье, Новгородцева, В. М. Хвостова, Любавского и др. Были и старые члены общества, сильно, надо сказать, постаревшие за то время, пока общество не действовало: Грунау[20], Тарасов[21], И. К. Линдеман и др. Герье открыл собрание речью, которую начал с упоминания об умерших членах комитета: Корелине, М. С. Соловьеве, Трубецком, Ключевском. На Соловьеве он запнулся, забыв его имя, и получилась томительная, долгая и довольно жуткая пауза. Затем он развивал натяжку, что общество, прекратившее свои собрания с 1904 г. вследствие революционных событий, отъезда его, Герье, на два года за границу и потом в Петербург по случаю назначения членом Государственного совета, – все-таки продолжало свою деятельность в виде издания общедоступных брошюр по истории, которых было выпущено в свет 18 000 экземпляров[22]. Вл. Ив. [Герье] говорил далее, что теперь для возобновления деятельности общества есть два благоприятных обстоятельства: во 1-х, имеется много молодежи, будущих научных работников, окончивших Университет и Высшие женские курсы и оставленных при кафедре истории; во 2-х, начат уже и библиографический журнал[23], который общество может продолжить и развить. Начало этому журналу положено Д. Н. Егоровым его указателями литературы по всеобщей истории на русском языке, издававшимися в приложениях к «Русской мысли»[24]. После Вл. Ив. [Герье] говорил Матвей Кузьмич [Любавский], начавши свое слово с указания на то, что из прежнего комитета осталось в живых всего 4 из 11, именно Герье, Виппер, Виноградов и он, Любавский[25]. Так что прежде всего предстоит возобновить состав комитета, а для того, чтобы это сделать, надо избрать новых членов, пополнить самое общество. Был предложен затем составленный уже нами на предварительном совещании список, и все в нем обозначенные были признаны членами общества, а затем записками был избран и комитет 11-ти, также по заранее составленному списку. Когда Егоров, исполнявший секретарские обязанности, подсчитал число голосов и объявил, что проф. А. Н. Филиппов, не входивший в список, получил 2 голоса, последний очень обиженным голосом запротестовал и говорил, что получил 3 голоса, а не два. После этого комитет удалился в соседнюю комнату и распределил между собою обязанности, избрав товарищами председателя А. Н. Савина и М. К. Любавского, казначеем Горбова, кажется богатого коммерсанта, секретарем конечно Д. Н. Егорова, библиотекарем Готье. Матвей Кузьмич [Любавский] указывал, что товарищем председателя по русской истории следует быть мне, но я решительно это отклонил на том основании, что для Общества будет очень выгодно иметь во главе своей ректора Университета, который может оказать Обществу на первых порах очень существенную материальную поддержку. Да и сношения с Герье лучше вести М. К-чу [Любавскому], который к нему близок и хорошо умеет с ним обходиться. Вернувшись в залу заседания, М. К. [Любавский] провозгласил такое распределение должностей, искусно упомянув, что Герье остается бессменным председателем. Эти слова были встречены громкими аплодисментами,

которыми старик, видимо, очень был растроган. Передав председательство М. К-чу [Любавскому], Герье при новых аплодисментах удалился. Так возродилось Историческое общество, и прежние несогласия, из-за которых оно бездействовало, были забыты.

После ухода Вл. Ив. [Герье] М. К. Любавский в речи очертил организацию русской науки вообще, а в частности в области истории – отсутствие критико-библиографического осведомительного журнала. Такой журнал общество и должно издавать. Слово передано было Д. Н. Егорову, и тот сделал обзор библиографических указателей, начиная с XVI века. Это было немножко слишком, но мне нравилось увлечение, с которым он читал свой доклад, вооружившись привезенными в Университет старинными книгами, которые показывал присутствующим, но которых, впрочем, никто не смотрел. Избранием редакционного комитета, куда мы включили Филиппова, чтобы несколько смягчить причиненную ему, хотя и помимо воли, обиду. На том первое заседание было покончено. Чувствуя потребность пройтись, я отправился провожать С. К. Богоявленского; к нам примкнул и герой дня Д. Н. Егоров, шедший с нами по линии бульваров до Петровских ворот. Я зашел к С. К-у [Богоявленскому], чтобы взять находившегося там Миню, но у Богоявлен[ских] же оказалась и Л[иза], и мы в 8-м часу покинули их и половину дороги сделали пешком при невозможности сесть в трамвай. Стоит скверная, давящая и грязная оттепель.

11 января. Понедельник. Я поехал утром к Троице начинать лекции с некоторой боязнью не попасть на поезд, если будет наплыв пассажиров, едущих в Петроград через Вологду, т. к. Николаевская дорога для пассажирского сообщения закрыта. Но поезд, с которым я езжу, как оказалось, идет только до Ярославля, и мест в нем было много. Только что я вошел в переднюю Академии, как мне сообщили, что сегодня в 9 ч. утра скончался проф. Шостьин, давно уже болевший. Жизнь его в течение осеннего полугодия несколько раз была в опасности. Жаль сына, только что вступившего на наш факультет, тихого, скромного, но, кажется, очень работящего юношу. Прочитав одну лекцию, мы были на панихиде в академической церкви. Ни ректора, ни инспектора не было[26]. Я вернулся в Москву, чтобы быть завтра в Университете.

12 *января.* Вторник. Давящая оттепель продолжается, и у меня какая-то неприятная тяжесть на сердце и бессонница. Одевшись в мундир – что и делается раз в году – отправился в университетскую церковь, которую 12 января я посещал еще гимназистом. Тогда был обычай от каждой гимназии посылать в этот день по несколько учеников в университетскую церковь, и эти депутации являлись во главе с директорами. Тогда богослужение в этой церкви совершалось более чинно: публика стояла, разделяясь – мужчины на правой, женщины на левой стороне. Прекрасно с большим достоинством держал себя ректор Н. П. Боголепов, стоявший невозмутимо впереди у амвона, ни разу не оборачивавшийся и только выходивший к дверям церкви встретить генерал-губернатора князя Долгорукого, когда ему докладывали о его приезде. Теперь в церкви гораздо менее порядка. Боголюбский сказал проповедь о материализме немецкой машинной и бездушной культуры. Говорил, не владея интонациями голоса и как будто с фальшивыми нотами. Перейдя в старый университет[27], мы напились чаю. Я сидел в обществе Белокурова, Мальмберга и директора Архива МИД Мансурова. Затем начался акт. Филиппов $1^3/_4$ [часа] морил публику речью о неполноте Полного собрания законов. Исследование его очень интересно и ново, но все же так нельзя злоупотреблять человеческим вниманием. В зале стоял говор, кашель, и однажды, когда Филиппов сделал паузу, сделана была попытка аплодировать, но, увы, он продолжал бесконечную речь. Вечер на обеде в «Праге». Собралось человек 60. Наш факультет за одним из концов длиннейшего стола. В 11-м часу я был дома.

13 *января.* Среда. Утром часов в 10 позвонили мне по телефону из Сергиева Посада, и юный печальный голос студентика Шостьина сказал мне: «Мама велела просить вас на

отпевание и поминовение» (А. П. Шостьина). Заносил проф. Филиппову свой курс по истории XVIII в., учебник VI класса и оттиск о Судебнике[28]. Погода отчаянная, давящая, оттепель, мокрый снег хлопьями, на мостовых какое-то черное месиво. Весь рабочий день прошел за книгой Флоровского. Попытка прогулки вечером была неудачна, потому что нельзя совсем двигаться по обледеневшим тротуарам. В. И. Репину отнес вечером учебник, давно ему обещанный. Миня с понедельника лежит в постели из-за кашля; температура, впрочем, нормальная.

14 *января.* Четверг. Встал в половине седьмого в темноте и отправился в Посад на похороны Шостьина. Над гробом были произнесены две речи: проф. Глаголевым и архиепископом Алексием Владимирским, товарищами А. П. [Шостьина]. Последняя была художественно-красива и согрета теплым чувством. Особенно хорошо было место о сельской духовной семье, из которой вышел А. П. [Шостьин] и о старой, суровой даже жестокой духовной школе, которую пришлось им с А. П. [Шостьиным] проходить. Талантливое, простое, ненадутое и ненапыщенное красноречие, полное ярких образов! Пел прекрасно хор студентов Академии. После отпевания был обед в доме Шостьиных со всеми старыми обычаями, с заупокойной чашей, блинами и киселем, что в Москве в нашей, по крайней мере, среде уже совсем вывелось. Пахнуло отошедшей гостеприимной и радушной стариной. Шостьины – вдова и сын благодарили меня за приезд так горячо и задушевно, как будто я сделал для них что-либо важное и существенное, так что мне было даже неловко. Была большая часть академической корпорации; о распадении ее вел я речь с о. Варфоломеем на обратном пути. В Москву я приехал в конце 7-го часа и с трудом попал в трамвай. Грязь, оттепель, мокро и отчаянный ветер.

15 *января.* Пятница. Весь рабочий день над Флоровским. Отослал несколько оттисков Судебника разным лицам. Приходится на практике убеждаться, что надо вести тот образ жизни, который у меня установился путем опыта: работа утром до завтрака, после завтрака непременно прогулка, затем вновь работа от 4 до 7, до обеда, после обеда отнюдь ничем трудным не заниматься; только при таком распределении не чувствуешь усталости. Всякое нарушение этого порядка – не проходит даром.

16 *января.* Суббота. Утром составлял краткий отзыв о книге Лысогорского для представления ее на премию в Совет

Академии. Написал также письмо Флоровскому. В третьем часу экзаменовал в Университете: явилось человек 7–8. Домой возвращался далеким путем. День был солнечный, и как будто повеяло первыми признаками весны. Вернувшись, написал письмо издателю «Русской старины» [П. Н. Воронову] с благодарностью и с предложением статьи о детстве Петра Великого[29]. Вечер у Готье, где было собрание оставленных при Университете для организации библиографического отдела в будущем журнале Исторического общества. Были мои оставленные[30], а также Пичета, Панов и Бережков. Разобрали до 125 повременных изданий, за которыми обязались следить. За чаем беседа о новых явлениях в нашей исторической литературе.

17 *января.* Воскресенье. Утро проведено за подготовкой к лекции в Академии. Заходил к М. С. Елагину, отдал ему список учебных заведений, куда надо разослать учебники для ознакомления с ними. В список внес восточные округа: два сибирских и Оренбургский, к ним прибавил еще Харьковский. Не застав его дома, пошел отдать визит Е. Н. Елеонской, у которой посидел с полчаса. Вечер дома; читал Мине из «Путешествия под водою» Жюля Верна[31], с необыкновенным вниманием и интересом он слушает. Начал читать книгу Лысогорского. Ложась спать, заметил, что весь я покрыт какой-то экземой.

18 *января.* Понедельник. Несмотря на то, что покрывающая меня сыпь усилилась, я отправился все же в Посад, занял свой номер в гостинице, но, придя в Академию, узнал,

что завтра 19 января лекций не будет по случаю именин митрополита [московского Макария (Невского)]. Совсем мы забыли об этом. Читал довольно живо, в каком-то особенно нервном состоянии от экземы. После лекций заходил к ректору [епископу Волоколамскому Феодору (Поздеевскому)], хотя и в неприемный час, чтобы передать ему рекомендацию книги Лысогорского на премию, и подарил ему экземпляр учебника. Пришлось нарушить данное Шостьиным обещание побывать у них в этот вечер. Возвращался в Москву вместе с С. И. Смирновым; разговор об Историческом обществе, об Академии и о войне. Как обыкновенно, я защищал правительство от нападок, доказывал, что правительство – это мы сами, т. е. люди из той же нашей среды.

19 *января.* Вторник. Экзема, меня покрывающая, увеличилась, и, чтобы выяснить, в чем дело и что делать, я попросил к себе доктора В. А. Александрова, который и был у меня в 12 часов. Он видит причину болезни в желудке. Получил открытку от С. Ф. Платонова в ответ на посланный ему оттиск статьи о Судебнике: «Многоуважаемого М[ихаила] М [ихайловича] очень благодарит за присылку его статьи об Устьянском кодексе преданный ему С. Платонов». Последними словами: «об Устьянском кодексе» дается мне понять, что он прочел статью[32]. Какая завидная вежливость и какая тонкость. Никуда сегодня не выходил и весь день читал Флоровского, а вечером еще и А. И. Покровского. Вечером мы опять оставались вдвоем с Миней, и я ему прочел две главы из Жюля Верна, с наслаждением следя за его впечатлениями.

20 *января.* Среда. Целый день дома. Экзема моя, кажется, уменьшается, но все-таки еще довольно неприятна. За книгой Флоровского. Был у меня некто Шепелев, родственник профессора Академии Россейкина, с просьбой похлопотать за него перед П. И. Новгородцевым; дал ему письмо. Вечером у нас Липа и Миша.

Газеты принесли новость о перемене председателя Совета министров[33]. Чем это вызвано, неизвестно.

21 *января.* Четверг. Писал отзыв о Флоровском. Затем экзамен в Университете – было экзаменующихся очень мало, человек 8. Вечером у меня Ю. В. Готье, с которым прочли отзыв, и Д. Н. Егоров. Рассказы о его нижегородской поездке на открытие Нижегородского народного университета[34]. Любопытна статья в одной из левых нижегородских газет под заглавием «Пустое место», в которой доказывается, что открытое в Нижнем учреждение – ни «университет», ни «народный». По-моему, правильно, и уже во всяком случае, это не есть «университет». Это гордое название совершенно неправильно носит и наше московское учреждение Шанявского[35], которое есть не что иное, как курсы по отдельным предметам. Левые разгильдяи, вроде Б. И. Сыромятникова, любят в пустозвонных речах противопоставлять «казенный» университет «вольному» и «императорский» – «народному». У нас даже лекции Сыромятникова на окраинных московских фабриках называются «университет». Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Готье проводил прямые, фронтальные атаки на Егорова с тем, чтобы тот возвращался в «казенный» университет[36]. Получил лестный ответ от издателя «Русской старины» [П. Н. Воронова] с просьбой прислать статью.

22 *января.* Пятница. Утром выправлял статью для «Русской старины». Семинарий на Женских курсах, перед которым виделся в профессорской с Петрушевским и вел с ним беседу о работе над биографией Петра. Вечером в Малом театре на пьесе «Воевода» Островского, которую видел лет тридцать тому назад. Тогда играл воеводу Ленский, а Степана Бастрюкова – Южин. Но Садовская все та же. Видел в первый раз на сцене свою бывшую ученицу Пашенную.

23 *января.* Суббота. Приготовился к лекции и отправился в 12-м часу в Университет. Дождавшись в профессорской времени начала лекции, пошел в аудиторию – но, к удивлению моему, она оказалась совершенно пуста. Солдат, дежурящий при аудиториях, объяснил мне,

что я не сделал объявления о начале лекций, потому никто и не пришел. Я, действительно, в прошлых годах, начиная лекции после Рождества не в срок, вывешивал объявления. Теперь хотел начать в срок – но потерпел неудачу. Так порох мой потрачен был даром. Та же участь постигла И. И. Иванова, и мы, поговорив с ним некоторое время об экспериментах министра народного просвещения с отменою выпускных экзаменов[37], пошли в библиотеку. Вечер я провел у Богоявленских, куда путь сделал ради прогулки пешком.

24 *января.* Воскресенье. Утро за подготовкой лекции в Академии. После завтрака у меня была некая г-жа Терешкович, желающая подготовляться к магистерскому экзамену по русской истории, и была очень удивлена, когда я ей изложил характер наших требований. Это уже 5-я или 6-я женщина, собирающаяся в магистры, и ни из одной, кроме Островской, не выходило никакого толку. Да и книга Островской[38] только подтверждает сказанное. Для ученой деятельности нужно творчество; эта деятельность не есть пассивное усвоение, а творчества нет у женщины. Нет женщин-композиторов, нет поэтов, нет живописцев – не может быть и крупных ученых, хотя могут быть и нужны и должны быть очень образованные. Мы работаем на Высших женских курсах над повышением уровня женского образования, над вооружением женского труда знанием, а не для выработки женщинученых.

К 4-м часам мы всей семьей отправились к Готье и пили у них чай; мне надо было сдать ему дела о Флоровском. Вечер дома за разными делами, каких накопилось немало. 10 час. 46' вечера.

25 *января.* Понедельник. У Троицы. После лекции за чтением в Ж. М. Н. Пр. статьи Соболевского о Шварце и Лукьянова о Соловьеве. Статья о Шварце[39] мне особенно интересна потому, что многое, что в ней рассказывается, относится уже к временам моего студенчества (1886—90). Вечером мы с А. И. Алмазовым навестили вдову и детей А. П. Шостьина, у них нашли Туницкого.

26 *января.* Вторник. В Академии конец лекций будет 12 февраля перед Масленицей и поэтому начинается передэкзаменное настроение, вопросы, по каким пособиям готовиться и т. д. Впрочем, мы пока еще на практических занятиях занимались толкованием Русской Правды. Из Академии я приехал на факультетское заседание и читал там отзыв о Флоровском. Возвращались с Готье и Савиным. Вечером усталость и освежающая прогулка.

27 *января.* Среда. Утром звонил ко мне по телефону А. И. Покровский с известием, что в сегодняшнем Совете Академии будет читаться отзыв о его книге, и с просьбой быть на Совете. Я и так собирался туда ехать ради премии Н. В. Лысогорскому. В 3 часа я отправился в Академию и был на Совете. Отзыва о Покровском не читалось, а премию Лысогорскому испортил Туницкий, представив на нее также

Виноградова доцента и уменьшив таким образом премию вдвое. Так как Совет кончился очень рано, еще до 8 часов, то остаток вечера я провел у И. В. Попова в обществе С. И. Смирнова и Туницкого. Разговор о новейшей русской литературе, а затем об академических делах – любимая тема профессоров-академистов.

28 *января.* Четверг. Утром выехал в Москву, читая в вагоне прекрасно написанный реферат студента Яцунского о столкновении царевны Софьи с Петром. Это автор удостоенного премии Володи Павлова сочинения об общине. Талантливый человек, смелый и ясный ум. Публики на семинарии было немного, но разговор был интересный. Из семинария, окончившегося в 6$1/_2$ часов, зайдя пообедать в ресторан Empire[40], я в первый раз пошел в заседание Археологического общества. Заседание было непомерно длинно. Читались три доклада, из которых два очень большие: Линдемана о геркулесовом щите и Сидорова, оставленного при Мальмберге, о бельведерском торсе. Героем вечера был Мальмберг, выступавший с замечаниями. После докладов было распорядительное заседание, довольно безалаберное.

Графиня Уварова волновалась по поводу бездеятельности комиссии[41]. Впечатление мое не из благоприятных.

29 *января.* Пятница. Получил письмо от Флоровского с просьбой назначить его диспут 14 февраля. Отправил в «Русскую старину» переписанную Лизой статью «Детство Петра Великого». В профессорской на Курсах видел Грушку, Розанова, Сторожева, Романова, с которым беседа о волнениях по поводу Третьяковской галереи, перевешивать картины или не перевешивать[42]. На семинарии выступала с докладом о малороссийских наказах 1767 г.[43] окончившая Курсы Фомина. Доклад составлен очень ясно и обстоятельно и был, что очень редко бывает, превосходно прочтен. На мой вопрос, откуда у нее такое искусство чтения, она ответила, что была три года учительницей и привыкла читать в классе. Теплый тон доклада по отношению к Малороссии (сама Фомина – малороссиянка) вызвал оживленный, даже, пожалуй, слишком уж горячий спор между великороссиянками и малороссиянками, но звонок, к счастью, прекратил битву. Возвращаясь с Курсов, я сделал порядочную прогулку, с удовольствием после многих дней гнилой оттепели вдыхая свежий озонированный воздух после выпавшего чистого снега. По дороге заходил в две церкви, где шла всенощная, чтобы испытать поэзию полумрака храма с кое-где мерцающими лампадами. Вечером у меня был с карточкой Кизеветтера некий старец из Полтавы, хохол, бывший учитель классических языков, собирающий сведения о Петре Великом в Полтаве и Лубнах[44]. Он очень обрадовался, когда я показал ему в «Юрнале 1709 г.»[45] известие о проезде Петра через Лубны после Полтавской битвы по дороге в Киев.

Прочел книжку Пругавина о Распутине[46], выведенном под фамилией Путинцева. В книжке описывается, как великосветские дамы ездят к Распутину и веруют в него. Пругавин, видимо, точно сообщает факты – и тогда не остается сомнений, что это не новое, а давнее сектантское движение, уродливое выражение сильного религиозного чувства, вышедшего за церковную ограду и блуждающего на *распутии.* Те же явления, что при Александре I в кружке Татариновой[47], позже в круге почитательниц Иоанна Кронштадтского, также признавших в нем Бога-Саваофа. Все это может интересовать сектоведов; но не понимаю, почему наши либералы, которые должны бы, кажется, везде и во всем стоять за свободу – не дают свободы верований другим, если сами с этими верованиями не согласны, а непременно считают нужным произвести сыск, пресечь и устранить явление, им неугодное. Не есть ли это тот же деспотизм с левой стороны, еще худший, чем с правой. Кому какое дело, какая богомолка или странница сидит в задних комнатах у замоскворецкой купчихи, и что за дело, к кому ездят и во что веруют великосветские барыни. Люди, громко кричащие о «свободах» и в том числе о свободе совести, на деле являются теми же инквизиторами, испытующими религиозную совесть других. Все это партийная борьба, не брезгающая средствами. Причина таких сект – неудовлетворенность церковью; казалось бы, дело церкви бороться с такими сектами, но не преследованием, а единственно удовлетворением религиозных исканий, не находящих удовлетворения в черством и сухом формализме нашей иерархии и нашего духовенства.

На помощь ищущей и страдающей душе христианской должен придти кроткий, вдумчивый и отзывчивый пастырь церковный, а не чиновник ведомства православного исповедания в официальном вицмундире.

30 *января.* Суббота. Лекции в Университете. Читал о декабристах и характеристику Николая I. Получил от Поржезинского его новое издание «Введения в языковедение»[48]. Вечером в заседании Общества истории и древностей, где К. В. Покровский читал очень интересное сообщение об Ильине, забытом теперь драматурге конца XVIII и начала XIX века.

31 *января.* Воскресенье. Заседание комитета Исторического общества у Герье. Егоров докладывал свои планы относительно исторического журнала. Долго думали, какое дать журналу название, перебрали с десяток разных названий и наконец остановились на «Исторических известиях». Затем рассматривались списки кандидатов в новые члены. Большие разговоры возбудила кандидатура Бороздина, предложенная как-то робко и под шумок Любавским и встретившая горячий отпор со стороны Егорова. Я также был против, мотивируя тем, что нахалу не мешает дать урок. Матвей Кузьмич [Любавский] взывал к состраданию и говорил, что Бороздин, которого он встречает в Медведниковской гимназии, не даст ему теперь проходу. После Герье мы отправились к Егорову, где продолжалось обсуждение подробностей печатания будущего журнала. Был А. Н. Филиппов, крайне назойливо предлагавший напечатать найденный им документ – записку Сперанского. Что, если бы каждый совался так же со своими документами?

Вечером я съездил к Богоявленским за вином для завтрашнего нашего обеда. У них разговор о даче и намерение поселиться рядом с нами в Шашкове.

1 февраля. Понедельник. Лекции у Троицы: с поезда на кафедру и с кафедры на поезд. Крайне трудно было попасть на трамвай, у остановки которого идет отвратительный бой из-за вагона. Ехал на № 15, идущем по бульварам, и встретил А. А. Волкова[49], с которым говорили о новейшей школьной реформе[50]. Вернувшись в Москву, шел домой пешком. Свежий воздух, великолепная погода. В $7^1/_2$ час. у нас был обед, на котором были Шестаковы, Егоровы, Богоявленские, Богословские и Алексей Павлович [Басистов]; я заходил вчера его позвать. Вино, добытое Сергеем Константиновичем [Богоявленским], оказалось превосходным и привело нас в хорошее расположение духа. Разошлись около 12 часов.

2 *февраля.* Вторник. День посвящен был отдыху. Утром (великолепная погода: тихо, слегка морозно, замечательно чистый воздух) гуляли с Миней, прошли к берегу Москвыреки и наблюдали санную езду по реке. После завтрака была у меня А. С. Шацких. Я опасался повторения такой же сумбурной аудиенции, какая была осенью, и потому назначил ей определенные рамки времени 2–3 часов и, надо сказать, не без труда заставил соблюдать последовательность в изложении. Все ее попытки уклоняться в сторону и пересыпать изложение ее работы рассказами о ее столкновении с Филипповым, о ее знакомстве с Веселовским – были парализованы. Только такими мерами я добился некоторого толка. Были у нас Котик, Липушата и Лизины сестры[51] за чаем. Вечером я опять сделал прогулку, наслаждаясь свежим чистым (от нового снега) воздухом. Полный отдых.

3 *февраля.* Среда. Утром в газетах известие о взятии девяти эрзерумских фортов. С радостью читая эти телеграммы, я раздумывал, когда же будет взят самый Эрзерум, и мне казалось, что придется ждать еще несколько недель. Тем большим радостным сюрпризом было известие, сообщенное в Малом театре со сцены А. И. Южиным: «Эрзерум взят!»[52]. Публика разразилась аплодисментами и криками «ура!».

Утром с Миней случилось происшествие. Он был отведен Л[изой] на урок пения и там оставлен. За ним должна была зайти mademoiselle. Вдруг в 12-м часу звонит телефон, и его голос мне говорит: «Папа! mademoiselle за мной не пришла, я уж здесь долго жду, совсем истомился». Мое положение было затруднительно, т. к. я не знал адреса этих уроков пения, а Лизы и горничной Лены не было дома. Я отправился наудачу в Гагаринский переулок разыскивать квартиру этих курсов пения, но встретил Миню с m-lle, которая за ним все же пришла, но поздно. У меня сегодня было 4 реферата для просеминария, один больше другого. Они и поглотили весь мой день. Из просеминария пошел в ресторан обедать, там у нас назначено было свидание с Лизой, ездившей за билетами. Вечер в театре на пьесе «Стакан воды»[53]. Рядом с нами в амфитеатре оказались Сухотины – к нашему удовольствию. Превосходная игра Ермоловой, Южина и Лешковской.

4 *февраля.* Четверг. Чтение реферата для семинария. Затем семинарий, и в этом прошел день. Моя собственная работа о Петре не двигается под давлением университетских занятий. В газетах пока нет еще известий о подробностях взятия Эрзерума. Но как будто видно, что турецкой армии, его занимавшей, удалось уйти[54].

5 *февраля.* Пятница. Утро за чтением книги Зайончковского: «Восточная война 1853—56 гг.»[55]. На семинарии на Курсах оказалось несколько курсисток, явившихся совсем не подготовленными и не исполнивших тех работ, которые требовались, за что и были сделаны замечания. Весь вечер за книгой Зайончковского. Миня третий день лежит в постели: у него насморк и кашель. Погода отчаянная: оттепель, сильнейший ветер, необыкновенная сырость.

На Курсах Сторожев рассказывал о слухе, сообщенном ему его домовладелицей княгиней Куракиной, о том, что приостановка сообщения Москва – Петроград вызывается вовсе не провозом в Петроград продуктов, а вывозом из Петрограда разных ценностей, т. е. эвакуацией Петрограда. Кто это фабрикует такие гнойные, гнилые известия? А между тем они ползут и все-таки свое дело делают, уныние распространяют.

6 *февраля.* Суббота. Плохо читал (т. е. говорил) в Университете о внешней политике Николая I. Чувствовал какой-то прилив к голове, и слова не шли на язык. После лекций ждал в Университете пробной лекции Панова (3–5), частью за журналами (NB. статья пустобреха Сыромятникова в журнале «Вестник воспитания» о задачах высшей вольной школы[56], начиненная ругательствами по адресу школы «казенной»), частью за беседой с И. В. Софинским, повествовавшим мне о годах его учительства в гимназии. Панов прочел очень хорошие лекции. Первая из них, о Шахматове и его учениках, была в особенности интересна. На лекции были М. К. Любавский, Готье и Яковлев. Вечер дома за Зайончковским. На улице сильнейшая буря.

7 *февраля.* Воскресенье. Были блины у С. Б. Веселовского в 4 часа дня, на которых я встретил С. К. Богоявленского, Егорова и Яковлева. Мы были угощены великолепным медом домашнего приготовления, довольно хмельным. Ушли в 8 ч., и я отправился провожать С. К. [Богоявленского], зашел к ним за Лизой и увидел у них Марью Ипполитовну [Маркову]и Кузину, очень хваливших мой учебник.

8 *февраля.* Понедельник. Ездил к Троице читать последние лекции. Вечер провел один за чтением статьи пустозвона Сыромятникова о суде в древней Руси[57]. Пустозвон и здесь в ученом труде остается таким же. По его теории выходит, что в доисторические времена люди, связанные в союзы (родовые и др.), имевшие сакральный характер, строже соблюдали право, чем, пожалуй, теперь. Свободе и даже разгулу страстей при таком строго-правовом порядке не могло быть никакого места. Наивно и никакого чутья действительности.

9 *февраля.* Вторник. Простился со своими студентами в Академии. Был на факультетском заседании, где обсуждалась программа заседания в память Корша. Вечером заседание нашего нового Исторического общества. Доклад Егорова о его книге. Возражали А. Н. Ясинский, я и А. А. Фортунатов. После этого председательствовавший Савин сделал резюмирующее заключение. Заседание вышло таким образом весьма приличное. Мы отпраздновали возрождение Общества, зайдя поужинать в Литературно-художественный кружок[58]. Там узнали известие о посещении Государем думы[59].

10 *февраля.* Среда. День за рефератами для просеминария. Затем просеминарий: читался реферат Шостьиным, хорошо написанный. Вечером ко мне пришел А. В. Флоровский, только что приехавший из Одессы для диспута. Я уже начинал испытывать тревогу, приедет ли он, так что очень был рад его появлению.

11 *февраля.* Четверг. Приезд Флоровского заставил меня закончить подготовку к диспуту, чем я занимался все утро. В Университете семинарий с очень плохим рефератом сту-

дента Корнилова. Реферат был раскритикован другими членами семинария. Виделся с Готье, Ржигой и Гензелем. Попытка моя устроить сегодня собрание историков для знакомства с Флоровским не удалась. Вечером – прогулка. В газетах началась брехня из думской залы.

12 *февраля.* Пятница. Утро за окончательной подготовкой к диспуту. Пересматривал и приводил в порядок возражения. Был на Курсах на семинарии. Вечером у меня состоялось собрание для знакомства с Флоровским. Кроме него были Савин, Готье, Матвей Кузьмич [Любавский]. Позже приехали из заседания отделения Чупровского общества[60] Веселовский и Кизеветтер. Было довольно оживленно, несмотря на усталость большей части гостей от вечерних работ. Кизеветтер мне привез свой новый сборник статей[61].

13 *февраля.* Суббота. Мысль невольно все время направляется к событию во Франции, к громадному сражению при Вердене. Оттуда пока долетают только неясные известия. Может быть, это и перелом всей войны?[62] В Думе длинная болтовня и взаимные личные и партийные перекоры: ругаются государственные кухарки. Читал сегодня в Университете; заметна убыль студентов в аудитории. Мы с Поржезинским объяснили это явление как результат появившихся в газетах официальных известий о призыве студентов в офицеры[63].

14 *февраля.* Воскресенье. Сражение у Вердена продолжается, и все время испытываешь тревожное чувство, в какую сторону склонятся весы. У нас тоже было сегодня сражение – диспут с А. В. Флоровским. Благодаря моим стараниям на В. Ж. К. удалось вполне прилично наполнить Богословскую аудиторию: я пригласил в пятницу на диспут слушательниц моего семинария, а также вчера говорил и студентам. Диспут сошел, кажется, недурно; мы спорили в совершенно спокойном академическом тоне. Я повторил те возражения, которые сделал в отзыве, и прибавил еще два: об отношении дворянства к Комиссии[64] и о принципе сословности, проводимом Екатериной. На эстраде было немного профессоров, но разговоры между ними, возникавшие по временам, мне мешали и как-то понижали энергию и настроение, так что в общем моя речь прошла не так, как бы мне хотелось. Кроме того, и сидеть совсем около кафедры было неудобно, и это также меня очень охлаждало. Словом, вышло не то, что бы должно было быть. С диспута мы шли домой с Л[изой]; великолепная, морозная, но тихая с таянием на солнце погода. Испытывал чувство большого облегчения, что дело с Флоровским, наконец, благополучно кончилось. Вечером одинокая большая прогулка; та же морозная тишь на улице.

15 *февраля.* Понедельник. Первое, что, конечно, делаешь теперь утром – это бросаешься к газете. Положение у Вердена все еще нерешенное; все же французы как будто несколько подаются назад. Должно быть, верно то новое, подтвержденное этой войной правило: нет той крепости, которая не могла бы быть взята. Наконец-то я мог возобновить занятия над Петром и продолжить изучение первой осады Азова. Работал над этим с большим удовольствием. После завтрака при замечательно хорошей, слегка морозной, но ясной с таянием на солнце погоде сделал большую прогулку. Затем вновь принялся за прерванное чтение книги Зайончковского. Вечером у нас голубки-супруги Живаго. Миня, после промежутка около полутора недель вследствие кашля, в первый раз выходил сегодня гулять.

16 *февраля.* Вторник. Утро было проведено за работой над Петром. Продолжает стоять та же великолепная ясная бодрящая погода, ею мы и воспользовались с Миней для прогулки после завтрака по Девичьему полю. Обедал я у Юры Готье, где были Флоровский и Яковлев. Вспоминали о Гроте, явившемся в Москву из Одессы. Я рассказал о необычайном восходе в Москве этой яркой звезды и об удивительно быстром ее закате. После обеда мы пошли на заседание, посвященное памяти Корша, в Университете. Было много народа, так что Богословская аудитория была полна. Первым говорил

А. Н. Веселовский о знаниях Корша по иностранным литературам. Мне, когда я слушал его речь, вспоминались прежние времена, когда Веселовский читал в Университете.

Шахматов прочел деловитую и обстоятельную, но сухую докладную записку, именно читал по маленьким листкам, и нельзя сказать, чтобы отличался умением читать. Следовал затем Сперанский – о работах Корша по изучению «Слова о полку Игореве»[65] – читал по большим листам и читал, как дьячок шестопсалмие. В. Н. Щепкин говорил о Корше как слависте, о его знакомстве со славянскими литературами, об его отношении к славянству и о славянстве вообще – говорил нервно, с подъемом и своею нервностью заражал аудиторию. Рукоплескания, по недосмотру допущенные Грушкой – председателем, были особенно сильны после речи Щепкина. Брандт говорил о Корше как стихотворце, начав с глупости, без которой он не может никогда, – о том, что он говорит не только как Роман Брандт, но и как Орест Головнин[66]. После этих пяти докладов объявлен был перерыв. Я встретил много знакомых, среди которых В. А. Михайловского. Отозвав меня в сторону,

В. К. Трутовский сказал, что ему надо поговорить со мною, и сообщил, что в Археологическом обществе намечают меня в председатели Археографической комиссии. Я наотрез отказался, сославшись на множество и тяжесть дел, и указал на Ю. В Готье. На его слова, что я могу и не действовать активно, а нужно – имя, я ответил, что иконой мне быть еще рано и что я должен еще работать. На том и покончили. Так как был уже одиннадцатый час, а предстояло еще 4 доклада, то я бежал домой с Л[изой]. Верден еще держится.

17 февраля. Среда. Итак, во вчерашнем заседании был обрисован Корш – лингвист, ориенталист, знаток литературы, классик и т. д. Но совершенно остался не изображенным Корш как цельная личность, и отдельные характеристики остались не только не объединенными, но и несвязанными.

Занимался очень интенсивно Петром; наконец-то я дорвался до возможности заниматься наиболее интересующим меня делом. После завтрака мы сделали прогулку с Миней в Девичий монастырь – погода все продолжает быть дивной. Вечером у меня Гр. Гр. Писаревский и затем В. А. Михайловский. Писаревский рассказывал об их устройстве на новых местах в Ростове-на-Дону.

Под Верденом, по-видимому, некоторый антракт.

18 *февраля.* Четверг. Чисто деловой день. Все утро ушло на Петра и довольно производительно. После завтрака – большая прогулка. Затем чтение Зайончковского в полнейшей тишине, так как Л [иза] с Миней были у Липушат.

19 *февраля.* Пятница. День проведен так же, как и вчера. Все утро над Петром, затем прогулка с Миней туда же, к Девичьему монастырю. Погода такая же дивная, морозная, ясная, бодрящая. По возвращении книга Зайочковского. Вечером опять прогулка.

Есть тысячи причин умереть, и эти причины грозят на каждом шагу такому хрупкому составу, как человеческий организм, и все-таки почему-то живешь. Почему это?

20 *февраля.* Суббота. День проведен так же производительно, как и предыдущий и вообще как вся масленица. Я рано ложусь, рано встаю, утро за работой над Петром, вечер за книгой Зайончковского. Вот если бы такою жизнью пожить продолжительное время, можно бы кое-что и сделать! В 3 часа мы втроем отправились на большую прогулку и наслаждались чистым воздухом у Девичьего монастыря.

Передо мной на письменном столе поставлен календарь. Каждый день листочек перекладывается на нем с правой стороны на левую. По мере того как левая пачка листов утолщается, правая делается тоньше. В календаре 366 листков на нынешний год. Где-нибудь есть, может быть, листовой календарь и всей жизни: число дней-листков в нем – определенная цифра, и также, по мере откладывания прошедших дней, правая пачка уменьшается и может быть и очень уж не толста.

21 *февраля.* Воскресенье. Бой у Вердена, затихший было, возобновился и опять вызывает тревогу за исход. Опять утром с жадностью бросаешься на газеты. Был у Ст. Ф. Фортунатова, в первый раз за текущий сезон. Нашел обычную его компанию. Оказывается, Савин

предлагал его в члены Исторического общества, не переговорив предварительно с ним; он был очень изумлен, получив повестку, и членом общества быть вовсе не желает. Удивительно бестактно со стороны Савина, который не мог не знать, что С. Ф. Фортунатов когда-то был членом этого общества и затем ушел из него, и, следовательно, уже с ним-то надо было непременно переговорить. Итак, Савин предложил двух ушедших: Фортунатова, ушедшего из Общества в члены Общества, и Виноградова, ушедшего из Университета[67], в почетные члены Университета. Первое предложение закончилось скандалом, посмотрим, как кончится второе. Остальной разговор касался Высших женских курсов; упомянут был и неизбежный «Дайси»[68].

Вечером у нас были Богоявленские и Холи. Миня написал на отдельных карточках слова «Милости просим кушать» и раздавал каждому, делая все это с необыкновенной серьезностью. Много в нем радушия и, насколько это возможно в его возрасте, гостеприимства.

22 *февраля.* Понедельник. Поработав утром над Петром, заходил после завтрака в Архив МИД, где беседовал со всей компанией архивцев. Сделал некоторые разведки о том, что можно там найти для юных лет Петра. Оттуда возвращался кружным путем, проводив С. К. Богоявленского. Придя домой, узнал, что ко мне звонил Д. Н. Егоров, и оказалось, что он зовет меня обедать по случаю дня рождения моего крестника Андрюши. Мы отлично пообедали и выпили вина из того запаса, который он заготовил для угощения после диспута. Речь касалась предстоящего диспута, Исторического общества и др. Я ушел в 10-м часу. На дворе сильнейшая вьюга, резкий и холодный ветер.

23 *февраля.* Вторник. Утро над Петром, но написал мало, т. к. увлекся чтением книги об Азове Байера[69]. Факультетское заседание. Савин прочел очень большой, красиво написанный, но довольно суровый отзыв о книге Егорова. Он упрекает Егорова в непомерном оптимизме, в том, что для поставленной темы материал совершенно недостаточен, в том, что вероятное Егорову кажется достоверным. Книга

Егорова вовсе не история Мекленбургской колонизации, а только история Мекленбургского дворянства, так как нет изображения колонизующих масс. Выводы Егорова Савин излагал, прибавив в одном месте слова «будто бы». Диспут ввиду таких противоположных позиций автора книги (Матвей Кузьмич [Любавский] говорил, что он пришел совсем к противоположным выводам, чем Егоров) обещает быть очень интересным. Хочет возражать также и Поржезинский. Придется сидеть, очевидно, долго. После отзыва у нас с Любавским и Готье был разговор о курсах на будущий год. Из Университета я уходил в книжный магазин Вольфа (на Тверской) и Суворина, искал для Мини «Таинственный остров» Жюля Верна, но тщетно. Вернулся по линии бульваров и весь вечер был дома за книгой Зайончковского.

Верден все держится, хотя немцы ведут уже третий штурм, на этот раз с левой стороны Мааса[70], где имеют успех. Что бы ни было, защита Вердена отныне уже славная страница в истории этой войны.

24 *февраля.* Среда. К сожалению, должен отвлечься от любимой и главной работы другим делом – исправлением текста прочитанных в нынешнем году лекций для издания[71]. Над этим и работал до 3-х часов. Затем был в Университете, беседовал о войне с Лопатиным и Поржезинским. После просеминария заходил в 4 книжные магазина в поисках «Таинственного острова» для Мини и наконец нашел его у Сытина на Никольской. Это, оказывается, издание Сытина, и потому, должно быть, другие книжные магазины его не держат. Полная неурядица у Карбасникова – приказчики все взяты на войну, продают какие-то бестолковые девицы. Думается, что и в книжной торговле женский труд мог бы быть более высокого качества. Вечер дома над Зайончковским; у нас Маргарита. Л[иза] занялась и увлеклась соста-

влением биографии Мини за 8 прожитых им лет к его рождению. Маргарита приняла участие в подборе фотографических изображений для этого очерка.

25 *февраля.* Четверг. Продолжал с большим прилежанием подготовлять к изданию курс, и это заняло все время до 3 часов. В Университет не явился на семинарий референт студент Кочан, и так как у меня был на нынешний день только один реферат, то, к сожалению, семинарий не состоялся, и я пожалел о времени, потраченном на чтение реферата и на путешествие в Университет. Вечер за чтением Зайончковского. «Русские ведомости» сеют смуту, печатая вздорные известия о готовящихся переменах под заглавием «слухи». Но слухи совершенно противоположные: то выступление против Думы правых и таинственное совещание у Щегловитова, то, напротив, о повороте в сторону Прогрессивного блока[72] и о совещании Родзянко с лидерами блока[73]. Много несчастий терпела ты, многострадальная Русь, но не была еще никогда подымаема при помощи блоков!

26 февраля. Пятница. День рождения Мини, поэтому он еще вчера очень волновался и все говорил: «Поскорей бы проходил нынешний день, чтобы скорее наступило рожденье». Когда я вернулся домой (из Университета), он бросился ко мне со словами: «Папа! Какое несчастье! Я брал словарь из шкафа и увидал там „Таинственный остров“», – книгу, которая должна была быть ему подарена сегодня. Ночь он плохо спал; среди ночи вдруг прибежал к нам в спальню и положил на тумбочку свой сюрприз нам – тетрадку со своими «сочинениями»: «Волга», «Костер» и др. Проснулся в половине 7-го и тотчас же занялся подарками, которые были приготовлены мною под утро у его постельки на стуле. О сне нельзя было уже и думать. Я утром, вопреки обыкновению, сделал большую прогулку, заметив приступ нервного состояния сердца, видимо, от работы по вечерам за последнее время. От 3 до 5 был на Курсах, виделся с Грушкой и М. Н. Розановым, беседовали о предстоящем диспуте Егорова. За обедом у нас Маня с Миней и Липушата. Каплюшка чувствовал себя виновником торжества. Торжество наше было, однако, омрачено известием от Егоровых о том, что у них заболел и, кажется, скарлатиною, мой крестник Андрюша. Сюрприз для Дм. Ник. [Егорова] неожиданный и крайне неприятный. Каково диспутировать в таком настроении!

27 февраля. Суббота. Лекция в Университете при большом количестве слушателей. После лекции чувство неудовлетворенности или, вернее, недовольства собою за прочтение не так, как следовало бы, но все-таки приятное состояние умственного возбуждения. День солнечный, весенний. Вечером заседание ОИДР с очень неинтересным рефератом Рождественского об английском посольстве в Москву в 1604-5 гг. Боюсь, что я говорил слишком резко, упрекая докладчика за отсутствие критической оценки разобранного источника. После заседания мы ужинали в обычной компании в ресторане Мартьяныча[74], закрывающемся в 11 час. вечера. Еще до 12 я был уже дома.

28 февраля. Воскресенье. Диспут Д. Н. Егорова. Мы с Л[изой] отправились в Университет в первом часу и на лестнице встретились с самим виновником торжества. Богословская аудитория была совершенно полна. Солнечный день, лучи солнца в аудитории, озаряющие целый цветник юных слушательниц Д. Н-ча [Егорова], наполнивших аудиторию, цветы на кафедре – все это создавало светлую, красивую обстановку. При вступлении Д. Н. [Егорова] на кафедру была устроена овация. Вступительная речь была слишком длинна – $^3/_4$ часа. Диспут был длиннейшим из всех, какие я помню, начиная с 1886 года, он окончился в половине девятого, начавшись в половине второго. Был сделан на исходе пятого часа дня перерыв. Духота стояла в зале невозможная! Эстрада для профессоров была полна. Блистали отсутствием только наши профессора всеобщей истории Виппер и Иванов, казалось бы, более других обязанные быть на диспуте. Випперу, очевидно, помешала придти его обычная ото всего уклончивость, а Иванову, должно быть, отсутствие интереса к его предмету.

В речи Д. Н. [Егоров] в значительной части повторил то, что говорил в своем докладе. Возражения Савина были весьма основательны, главные из них состояли в указаниях на отсутствие материала для такого исследования, какое предпринял Егоров, и на то, что только возможное и вероятное в книге объявляется доказанным и достоверным. Но А. Н. [Савин] плохо сумел эти возражения преподнести. Они вышли у него как-то мелочно-раздробленными и распыленными и поэтому не производили впечатления. Преудачно приведя в начале возражения стихи «Подвижник сильный не боится брани» и рассмеявшись по поводу своей удачи, Савин и дальнейшие свои возражения приправлял почему-то смешками, хотя ничего смешного в них не было; все время он говорил, обращаясь лицом к публике, а к диспутанту неуклюже повернувшись спиной. Одно время в момент оживления спора из-за какой-то линии на карте, А. Н. [Савин], встав во весь рост и повернувшись совсем уже к публике, обратился к ней со словами: «Господа, правда же, здесь ломаная линия, а не прямая?», – как будто зала могла быть судьею спора. И эти слова говорились с веселым смехом, и вообще достопочтенный историк весьма напоминал на этом диспуте танцующего верблюда.

К серьезному тону вернул диспут М. К. Любавский, говоривший после перерыва. Он указал, что книга названа неправильно *колонизация* Мекленбурга, ибо никакой колонизации в смысле передвижения народных масс в книге нет, и предложил озаглавить книгу: «Мекленбургское дворянство и его роль в колонизации». Затем М. К. [Любавский] спорил с Егоровым о «локаторской доле»[75], видя в указанных в десятинном списке не доли локаторов, а ленные участки[76]. Наконец, указывал на преуменьшенное значение, с каким выставляется в книге немецкий элемент. М. К. [Любавский] подсчитал в Рацебургском списке[77] немецкие личные и местные имена и нашел их значительный %. На этом и основывал свое возражение. Колонизация с колонизаторами без колонистов, неправильное понимание значения указанных в десятинном списке земельных участков, преуменьшение немецкого и преувеличение славянского элемента, наконец, какое-то идиллическое изображение тишины и спокойствия, богатства и довольства в Мекленбурге XIII в. – pax slavica[28] – таковы были возражения Матв. Кузьмича [Любавского], весьма обстоятельно им аргументированные. Надо сказать, что Д. Н. [Егоров] отлично защищался, ни одного возражения не оставил без контрвозражения, говорил даже, пожалуй, чересчур обстоятельно и тем сам был виновником продолжительности диспута. В начале 8-го часа начал возражения неизбежный на диспутах Брандт, на этот раз, впрочем, не столь глупый, как всегда. Он упомянул несколько имен, неправильно принятых Егоровым за славянские, с чем тот и согласился; в конце 8-го часа выступил Поржезинский. По обширному и продолжительному вступлению, которое он перед своими возражениями произнес, можно было ожидать ряда убийственных выстрелов по лингвистическим промахам в книге. Возражения Поржезинского были дельны, но не губительны. Произошел в начале 9-го часа инцидент. Курсистки в зале, на $^3/_4$ уже опустевшей, начали усиленно чихать и кашлять, мешая Поржезинскому. Тот остановился и, озлясь, сказал: «Это безобразие, не дают говорить». Декан [А. А. Грушка] успокоил публику, ненаходчиво, но удачно сказав ей: «Сейчас кончится», – и тогда уже все спокойно дослушали Поржезинского. Должен был говорить еще Ясинский, но он бежал, не дождавшись конца. Чтение длинного Савинского отзыва заняло еще минут 15, и диспут кончился при громких аплодисментах ровно в половине девятого. Я отметил некоторые крылатые слова Д. Н. Егорова, показывающие порчу русского языка в устах ученых, например, «инфериорная масса» вместо – «низший слой населения»; «дорога хорошей обстроенности и большой протяженности», «засвидетельствованность» и т. д. Где ты, язык Тургенева?!

---

[28] Славянский мир *(лат.)*.

29 февраля. Понедельник. День не совсем обычный, бывающий лишь раз в 4 года. Возобновил писание Петра, а впереди еще академические семестровые сочинения, которые опять должны оторвать от этой работы. Вечером были у Холей. Стоит довольно морозная, ясная, очень приятная погода. Весна, очевидно, собирается прийти поздно. Итак, прощай месяц февраль!

1 марта. Вторник. В Государственной думе нашей все говорят, говорят и говорят. Вот уж подлинно вспомнишь гамлетовское: «слова, слова, слова»[78]. По бюджету Министерства внутренних дел записалось 30 ораторов, хотя и 3 могли бы исчерпать все дело. Сводятся партийные счеты, ругают министров. Среди этой грубой брани трудно даже уловить крупицу критики. Само собою ясно, что министр, подобрав эту крупицу, на ругань не должен обращать внимания. Явись на его место «министр общественного доверия», т. е. из блока, его так же грубо будут ругать крайние правые и крайние левые. У министра в парламенте должна быть особая психика – полное презрение к болтовне и говорунам. Прогрессист Савенко не остановился даже перед клеветой: ссылался на записку, составленную будто бы Маклаковым, Щегловитовым и бароном Таубе, записку, где они настаивают на необходимости прекратить войну. Они этот факт опровергают письмами[79]. Гнусная клевета! В пролитой в длинном, должно быть, заседании массе воды первенство в остроумии бесспорно надо отдать Маркову 2-му. Ораторы упрекали правительство в том, что оно идет позади народа. Марков 2-й ответил, что всегда управляющий находится позади: рулевой на корме лодки, кучер позади лошадей, а впереди бегут мальчишки, которые боятся, как бы кучер не вытянул их хлыстом.

Так как трамваями в Москве пользоваться почти невозможно, приходится очень много ходить пешком. От этой ходьбы за последние дни я почувствовал сегодня такую усталость, что остался вечером дома и не был на годовом заседании Археологического общества, где намеревался быть. Встретился на улице с Егоровым; он чувствует себя героем. Курсистки на лекции в понедельник после диспута устроили овацию, поднесли адрес и цветы.

Началась весна. Солнце. Тает.

2 марта. Среда. К нынешнему просеминарию у меня оказалось пять рефератов об Аракчееве – один другого больше, так что я успел за все утро прочесть из них только два. Работа Катаева содержит живую и яркую характеристику Аракчеева. После ее прочтения в просеминарии у меня был разговор со студентами об Аракчеевской премии за историю Александра I в 1825 г.[80] Заходил в два книжных магазина, спрашивал книгу Лукомского о старинных памятниках русской архитектуры[81], но ее там не оказалось, а между тем книга недавно вышла и сегодня о ней помещена рецензия в «Русских ведомостях». У нас обыкновенно что-нибудь из двух: или книга ищет читателя и никак не может его найти, или читатель ищет книгу и также не может разыскать. Вечером у меня собрание профессоров и приват-доцентов по русской истории для установления учебного плана на следующий учебный год: были Готье, Панов, Яковлев, Бахрушин, Любавский, а также С. Конст. Богоявленский и Веселовский. Одни поздно пришли, другие рано уходили, так что уютной и интересной компании не составилось.

3 *марта.* Четверг. Утро было занято составлением заявлений о курсе и практических занятиях на будущий академический год. Написав их, отнес к декану [А. А. Грушке]. С 4-часовым поездом выехал в Сергиев Посад, очень опасался, оставлен ли мне номер, в особенности когда из разговоров в вагоне узнал, как много пассажиров собираются остановиться в гостинице. Номер, однако, был предупредительно оставлен. Отогревшись от дороги и почитав несколько речь А. Н. Филиппова о Полном собрании законов, я провел вечер у С. И. Смирнова в обществе Туницкого и И. В. Попова. Много разговоров о предстоящем Совете 7-го марта по поводу диссертации А. И. Покровского. Говорили также и на политические

темы, и я подвергался нападкам за высказанное мною положение о том, что Государственный совет теперь с достоинством законодательствует, а Дума опять превращается в митинг с грязными перебранками партий.

4 *марта.* Пятница. Экзамен в Академии по русской истории. Было человек 50, отвечали в общем очень хорошо, кроме некоего Бонч-Бруевича, получившего «2». Ассистентами у меня были о. Д. Рождественский и В. П. Виноградов. Вернулся домой в 7-м часу. Вечер дома.

5 *марта.* Суббота. Утром в Университете на лекции. Перед лекцией беседа с проф. Ив. Ив. Ивановым о внутренних наших делах. Вечер на очень оживленном заседании Исторического общества с докладом А. Н. Филиппова о переселении прибалтийских крестьян во внутренние губернии. Было членов человек 25–28, присутствовала и моя оставленная молодежь[82]. Прения были очень оживленные. Я их открыл несколькими вопросами к докладчику, и дело загорелось. Выступали потом Ясинский, Матвей Кузьмич [Любавский], Линдеман, Егоров и Готье. Я думаю, что вечер должен был понравиться нашим впервые бывшим в обществе молодым людям.

У Вердена немцы, видимо, принуждены прекратить свою попытку. У всех отлегло от сердца, хотя все же может быть еще надо ждать новых ударов. А наши государственные кухарки в Думе продолжают свою бесконечную перебранку по поводу сметы министерства внутренних дел, не говоря при этом ни слова о самой смете, но выливая друг на друга целые ведра самых грязных помоев. Это есть борьба за власть, ведомая политиканами «блока». Существующая власть оплевывается, называется не иначе как преступной, смешивается с грязью. И это во время войны, когда нужно поддерживать ту власть, какая есть, лишь бы она была сильна и деятельна. Грустно за политический смысл наших представителей. А уже в особенности пошлы все эти слова «об обновлении», тысячу тысяч раз повторяемые без всякого реального содержания.

6 *марта.* Воскресенье. Читал книгу А. И. Покровского, отзыв о которой будет слушаться в Совете Академии завтра. Некоторые ее главы написаны очень живо и интересно, так что чтение доставляло мне большое удовольствие. По обыкновению, впрочем, большинства академических писателей объем этого сочинения тоже довольно раздут; можно бы излагать и покороче. После завтрака заходил к Савину за двумя томами приложений к книге Зайончковского[83], взятыми им из университетской библиотеки. Беседовали о диспуте Егорова и о военных наших делах. Жена его[84] жаловалась на нелепые придирки цензуры. Ее музыкальная школа должна давать публичный концерт в зале консерватории; но цензура не позволяет в программе называть Шумана, Моцарта и т. д. Дико. Их музыка интернациональна; это – сокровище всего человечества. Впрочем, она же рассказывала, что и у немцев запрещают называть Чайковского, а надо было его переименовывать в Теемана[85]. Вечером у нас были В. А. Михайловский, Сергей Константинович [Богоявленский] и Холи. Нам удалось достать 4 бутылки Хамовнического пива, для того гости и были позваны. Мы выпили эти бутылки с величайшим наслаждением.

7 марта. Понедельник. Чтобы приехать к началу заседания Совета Академии к 11 часам, я встал очень рано, в половине седьмого утра. Однако трамваи ходили уже весьма полные. На вокзале я встретился с проф. П. П. Соколовым, и с ним вместе сели в вагон. Говорить о предстоящем мы не могли, т. к. в других купе сидели другие профессора Академии: Алмазов и Гумилевский – и первый должен был быть героем дня. Поэтому П. П. [Соколов] лег и заснул, а я погрузился в чтение кандидатского сочинения некоей курсистки об удельном княжестве. В 11 часов я был уже в квартире ректора [епископа Волоколамского Феодора (Поздеевского)], и началось заседание. Произошло столкновение из-за премии митрополита Макария. Я представлял на эту премию только что вышедшую книгу Лысогорского о Единоверии на Дону, печатание которой обошлось ему около 1 000 рублей на свои средства, и типогра-

фия требует с него уплаты. Н. Л. Туницкий представил на ту же премию труд также доцента В. П. Виноградова – несколько его статей, соединенных в одну брошюру. Эти представления были сделаны еще в январском заседании, и хотя мне такая конкуренция была не особенно приятна и прямо досадна, однако я с ней примирился ввиду указания на прежние случаи дележа премий между двумя соискателями и так и сказал Лысогорскому. Однако в Совете раздались голоса, что справедливее будет отдать всю сумму (и всего-то 482 руб.) Лысогорскому, в возмещение хотя части его расходов. Тогда я счел своим долгом всецело поддерживать своего кандидата. Было продолжительное словесное состязание, читалось положение о премии, и прочтены были опять наши отзывы. За Виноградова говорили Туницкий и особенно С. И. Смирнов, справедливо указавший, что бедственному положению Лысогорского лучше бы всего помочь проведением его в экстраординарные профессора на имеющееся уже долгое время свободное место. Это было резонно; но раз он не профессор, помочь ему надо было хоть премией. Мне пришлось голосовать против моих друзей Смирнова и Попова, и мой кандидат получил большинство в 3 или 4 голоса и, таким образом, премия была признана за ним.

Затем читался отзыв о диссертации Покровского, представленный юным доцентом Протасовым. Отзыв распадался на две части: в первой составитель его бичевал автора диссертации за недостатки, во второй восхвалял его за достоинства, причем в значительной степени то, что в первой части считалось за недостатки, во второй оказывались достоинствами. Ровно в 1 час чтение 1-го отзыва кончилось и началось чтение второго самим его автором А. И. Алмазовым. Он начал с весьма невразумительных вещей, доказывая, что книга Покровского написана не по каноническому праву, а по церковной истории. По каноническому праву надо было писать, оказывается, систематически: т. е. время собора, состав, кто созвал, деятельность, заключения, обнародование заключений и т. д., а не хронологически. При этом вычислялось, что в диссертации 400 с чем-то страниц исторических, а столько-то канонических и т. д. Изложение этой схоластической мысленки заняло, однако, целый час. Объявлен был перерыв для обеда и выяснилось, что прочтена была всего еще часть одной тетради, а предстояло еще прочесть 3 или 4 таких тетради; ректор заявлял, что чтение их займет часа 3–4, и хотел было назначить возобновление заседания в 7 час. вечера; но живущие в Москве, надеясь возвратиться вечером домой, попросили назначить заседание раньше, и оно было назначено в 3$^{1}/_{2}$ ч. Я обедал с П. П. Соколовым в его номере в старой гостинице и, сообразив толщину показанных тетрадей отзыва, а также и что будут прения и что мне с последним поездом в 8 ч. 16' вечера уехать не удастся, попросил оставить за мной номер, тем более что мой номер 12-й был как раз свободен. Устроившись в нем, отправился в Академию. Заседание в 3$^{1}/_{2}$ часа возобновилось, и Алмазов опять начал чтение бесконечных тетрадей. Читал он крайне быстро, волнуясь, ожесточаясь, повышая иногда голос и выхлебывая стакан за стаканом воды. Прошел час, прошел другой, он все читает и читает с такими же выкриками. Критика заключилась в изложении главы за главой этой обширной книги и в переворачивании изложенного при помощи риторических вопросов: «Позволительно спросить А. И. Покровского, что означает эта тирада» или «после этого спросим себя, доказана ли А. И. Покровским эта мысль?». Следить становилось трудно. Подали чай, несколько освеживший силы. Алмазов все читает и читает, и только еще быстрее. День стал склоняться к вечеру. Подали чтецу две свечи. Часы отбивали часы и получасы, и эти промежутки стали мелькать как-то удивительно быстро, а он все читает и читает. Подали второй чай; я почувствовал голод и с жадностью съел две баранки. Ректор принес пакет карамелек от Абрикосова[86] и стал ими угощать, а чтение все продолжается и продолжается. Началось что-то кошмарное; все сидят бледные, с усталыми осовелыми лицами, сам лектор уже как-то шамкает, иные слова произносит беззвучно, но все читает, читает и читает. К концу он пришел в какой-то раж, увидел в перечислении имен академических профессоров сервилизм

Покровского, и наконец, уже прямо неистово вопя, при догорающих свечах в одиннадцатом часу после 8-часового чтения кончил отказом Покровскому в степени. Я думал, что он тут же и скончается, потому что он вообще жаловался на сердце, но нет, остался жив. Произошла пауза и после нее довольно бессвязный обмен мнений. Начала робкая душа С. С. Глаголев словами: «А. И. [Покровский] ведь как пишет! Ведь он и книгу пишет, как летучую статью». Его прервал С. И. Смирнов, указавший, что раз он, Глаголев голосовал за книгу Арсеньева[87], недобросовестную компиляцию, так теперь этим самым обязан признать и эту книгу. Вообще началось с личных взаимных уколов. Более спокойно говорил И. В. Попов, доказывая, что источники для соборов первых трех веков так скудны, что единства в их толковании быть не может и поэтому вполне допустимы различные мнения. Говорили еще и другие, между прочим, и я. Я указал, что раз книга касается такого юридического института, как соборы, так она вполне может считаться исследованием историкоюридическим, и сослался на пример нашей литературы о земских соборах. Ректор торопил с голосованием. Инспектор архимандрит Иларион сказал, что в первой части книги много недостатков, но во второй со времени Киприановских соборов[88] – он был приятно удивлен широтой размаха и большей основательностью и поэтому будет голосовать за присуждение докторской степени, несмотря на недостатки, потому что эта степень за последнее время крайне унижена. Это была пилюля по адресу ректора и тех наших сервилистов, которые весной подносили степень митрополиту Владимиру. Итак, были не прения – а большие личные перебранки. При голосовании Покровский получил 9 «за» и 8 «против». Ректор заявил, что он подаст особое мнение, что книга может быть опасна, так как в ней проводится мысль об участии мирян на соборах, «мысль, за которую ухватятся в Государственной думе и в демократических кругах», и закончил эту рацею словами: «Может быть, и кто из членов присоединится к этому мнению?», на что поп Гумилевский с поспешной готовностью откликнулся: «Я».

Так кончился этот, по выражению нашего секретаря, «день 18 мучеников». В половине 12-го ночи мы вышли из монастыря, жадно глотая свежий воздух и радуясь движению. Нам с П. П. Соколовым удалось встретить в коридоре гостиницы буфетного служителя, и мы попросили его принести нам холодной рыбы, хотя буфет был уже закрыт.

8 марта. Вторник. Ночь я плохо спал. Все время в голове мелькали отрывки фраз из алмазовского отзыва. Буквально вчера Алмазов совершил три преступления: самоубийство и убийство не только Покровского, но и всех слушателей. Утро провел в каком-то разбитом состоянии за чтением газет и журналов, взятых в академической библиотеке. После обеда сделал прогулку в скит, и только пройдя по лесу, почувствовал восстановление сил. На обратном пути меня догнал И. В. Попов, также прогулкой излечивавшийся от вчерашнего, и зазвал к себе пить чай. Пришел попик Флоренский, написавший столь знаменитую мистическую книгу[89]. Он показался мне человеком умным, по крайней мере, высказывал некоторые общие сентенции, обнаруживавшие в нем обширную философскую подготовку. Он дал объяснение, почему вчера голосовал против Покровского. Книгу его он считает не лучше и не хуже других книг, но самого автора считает человеком ничтожным и вредным для церкви, и поэтому, чтобы не вооружать этого церковно-вредного человека степенью доктора канонического права, он и подал голос против. Нельзя не назвать такой прием иезуитским. Это открыло мне глаза. На мое возражение, что надо судить книгу, а не человека, он ответил, что Академия не есть богословский факультет. Заметив, что он стремится меня пересидеть и имеет что-то к Ив. Вас. [Попову], я удалился восвояси, размышляя о церковно-вредных и церковно-полезных людях. При таком критерии к чему же *ученые* степени *и ученые* диссертации; тогда надо изобрести какие-либо иные титулы и иные основания для них.

9 *марта.* Среда. Был экзамен психологии у П. П. Соколова, на котором я должен был председательствовать. Глупая, скучная и ненужная церемония, показывающая, что у акаде-

мических профессоров слишком много свободного времени. Во время заседания я читал дневник Корба[90] и прислушивался к печальному, мерному звону большого лаврского колокола, в который ударяли с паузами в 2–3 минуты. В этот день хоронили бывшего лаврского наместника Товию. Во втором часу экзамен кончился, и мы устремились на вокзал. В шесть вечера я был дома и вечер провел в семейном уюте, прочтя Мине несколько глав из «Таинственного острова».

10 *марта.* Четверг. Все утро до ухода в Университет на семинарий читал семестровые работы студентов Академии. Теперь прости-прощай своя работа! Затем семинарий. Вечером не пошел на В. Ж. К., где собиралась историческая группа для установления плана занятий на будущий год. Отчаянно плохая погода: вчера была большая метель, выпало много снега. Сегодня 3–4° тепла, все льет и тает. Неотвязная мысль о происшедшем в Академии. Если одни смотрят на Академию как на высшее учено-учебное заведение, где разрабатываются и преподаются церковные науки, а другие как на иезуитскую коллегию для особой духовной дрессировки, где должны преподаваться значительно фальсифицированные предметы, можно ли совместно действовать? Можно ли даже столковаться?

11 *марта.* Пятница. Утро за подготовкой к завтрашней лекции. Времени остается мало, и приходится обдумывать, о чем еще досказать в курсе. Затем читал семестровые сочинения студентов Академии. 10 семестровых куда бы ни шло, но 50 слишком много. После завтрака за чаем была у нас Маргарита и с нею разговор о житейских делах и, между прочим, о прибавке к жалованью профессорам, о чем мелькнуло известие сегодня в газетах[91]. Был на семинарии на Курсах; отдал сочинение курсистки «Удельное княжество», написанное неважно и поданное в грязном виде черновика. Встретил и самое сочинительницу и, видимо, доставил ей неприятность своим сообщением. В профессорской Розанов и Савин расспрашивали об академическом Совете. Вечер оставался дома и опять читал семестровые сочинения.

12 *марта.* Суббота. Лекцию об отношении Николая [I] к крепостному праву, о Киселеве и об устройстве государственных крестьян – прочел вяло и плохо, и вообще она мне никогда не удавалась. Вышла книга Шпета «История как проблема логики»[92] и раздается в Университете. Разговор в профессорской с Поржезинским об Академии и о войне. У нас, кажется, завязались серьезные дела, хотя и Верден еще не кончился. Опять началось живо ощущаемое тревожное состояние. Вечером прогулка и книга Шпета.

13 *марта.* Воскресенье. Мне исполнилось сегодня 49 лет. От рождения – весьма уже далеко, а от смерти, должно быть, не весьма. Но мы ведь свое поведение и деятельность рассчитываем так, как будто обладаем патентом на вечность, редко представляя себе, что эта деятельность прервется. Это и хорошо, потому что постоянная мысль о смерти могла бы убивать энергию. Однако воспоминание о смерти иногда может, наоборот, эту энергию усиливать: мне бы очень хотелось дописать Петра, и, следовательно, надо удвоить и утроить энергию. Что же это я по поводу дня рождения задумался о смерти. Утро проведено за семестровыми. У нас были за чаем все Богоявленские и все Холи. Уже несколько лет не приходилось проводить этого дня в Москве, т. к. обыкновенно на 12–14 марта назначалось заседание И. Р. И. О.[93] в Царском Селе.

14 *марта.* Понедельник. Вот день, можно сказать, пропащий! Встал в половине седьмого утра и отправился к Троице, чтобы сидеть на экзамене по психологии. Бесполезное времяпрепровождение времени. Вернулся в Москву в 5-м часу. Погода резко изменилась. Утро было солнечное и обещало весенний день. Затем сделалось пасмурно, поднялся резкий пронизывающий ветер. Я сильно продрог, ожидая трамвая на площади перед вокзалом и затем у Ильинских ворот. Вернулся домой усталый, голодный и холодный, совсем разбитый и делать ничего не мог. В вагоне и на экзамене успел прочитать 8 семестровых.

15 *марта.* Вторник. Весь день опять ушел на семестровые; от своей работы все дальше и дальше. Только вечером я вышел на воздух с сознанием напрасно потраченной работы. Плохо еще то, что эти сочинения – как они поставлены в Академии – пустой формализм. Мне не придется уже побеседовать о них с авторами, а я должен только отправить список отметок за них ректору. Все в Академии бумажным формализмом. Был у меня В. Н. Бочкарев, получивший, наконец, утверждение приват-доцентом Московского университета Он мне рассказывал, как в прошлый четверг на В. Ж. К. Сторожев выступил с предложением вести семинарий по объяснению памятников русского искусства. Это после нелепых текстов, которыми он испортил «Историю России с древнейших времен» М. Н. Покровского[94]. Предложение его было отклонено.

16 *марта.* Среда. Все утро с 9 часов до третьего над рефератами для просеминария. Из них особенно выдающийся реферат студента 2-го курса Абрамова о мистицизме в России – целое исследование довольно обширного размера. Был очень раздосадован неудачей, постигшей меня в университетской канцелярии. Принес туда заявление о квартирном налоге с тем, чтобы, как и раньше, заплатить налог через Университет. Заявления от меня не приняли, так как, оказывается, было распоряжение правления, по которому нужно было подписать где-то какие-то бланки о желании платить через Университет до 1-го февраля. Это распоряжение нигде не было объявлено; оказывается, его объявляла какая-то барышня, занимающаяся письмоводством у казначея, которая и сообщала о нем профессорам, приходившим 20 января за жалованьем. Идиллия! Российская патриархальность и халатность! Это неприятно потому, что придется вносить через губернское казначейство, где всегда громадная толпа.

Беседа с Л. М. Лопатиным и с Поржезинским о войне и о внутренних делах. В просеминарии разговоры о мистицизме в связи с прочитанным Абрамовым рефератом. Вечер дома.

17 *марта.* Четверг. Крупнейшая новость – отставка военного министра Поливанова[95], такого энергичного организатора обороны. Совершенно неизвестны причины. Кизеветтер вечером на Курсах говорил, что это – дело акционеров Путиловского завода, который был Поливановым недавно реквизирован[96]. Жаль, если это так.

Весь день опять за рефератами для семинария. Две очень хороших работы студентов Егина и С. Каптерева. Последняя очень велика по объему. Устал. После семинария, зайдя домой пообедать, был на В. Ж. К. на заседании факультета, чтобы наблюсти за составлением плана преподавания на будущий год. Оставался там недолго; ушли вместе с Готье, с которым и возвращались. По дороге из Университета встретил профессора Академии И. В. Попова. Разговор об академических делах.

18 *марта.* Пятница. Утро за семестровыми сочинениями академиков. На В. Ж. К. видел Д. М. Петрушевского, который подробно расспрашивал о нашем Историческом обществе и будущем журнале[97]. Я подумал, не выражается ли в этих вопросах желание вступить в Общество, и спросил его, почему он уклонялся от вступления. Но он ответил, что предпочитает «оставаться частным человеком». Оказывается, что и в Петрограде затевается журнал с библиографией[98]. Вот уж, как говорится, не было ни гроша да вдруг алтын. Издавать два такие журнала непроизводительно, но мы от своего намерения отказаться не можем.

Вечером заседание ОИДР. Очень интересный доклад С. К. Богоявленского о Мещанской слободе в Москве в XVII в., полный живых бытовых подробностей. В документах, на которых доклад построен, есть ценные сведения о самоуправлении слободы, о ее сходах и выборах – все это бросает свет и на такие же, вероятно, порядки и в других московских слободах. Произошли оживленные дебаты. Мне пришлось спорить с А. Н. Филипповым о значении на языке Екатерины II слова «мещане». Я доказывал, что слово это в ее Городовом

положении" употребляется в двух смыслах: а) все городовые обыватели или средний род людей; Ь) прежние «посадские» люди. Филиппов утверждал, что термин этот имеет точный и ясный смысл, и этим показал, что не читал книги Кизеветтера «Городовое положение»[100]. После общества я поспешил домой, т. к. надо было рано вставать.

19 *марта.* Суббота. Встав в 7-м часу, выехал в Академию на экзамен по систематической философии; приехал уже к концу экзамена, т. к. Ф. К. Андреев вел дело очень быстро. Затем был у И. В. Попова, где обедал в обычной компании с С. И. Смирновым и Туницким. Разговоры все еще возвращаются к последнему Совету. Домой вернулся с последним поездом. Дождь и грязь.

20 *марта.* Воскресенье. Ужасное злодеяние немцев: нападение подводной лодки на безоружное госпитальное судно «Португалия» в Черном море[101] показывает, с каким врагом мы имеем дело и чего должны ждать в случае поражения. Для современного немца нравственного закона, очевидно, не существует. Это принцип зла, вооруженный всеми сложными приспособлениями науки. После таких злодеяний война, естественно, должна принять беспощадный характер, и конец ее, видимо, ознаменуется еще большими жестокостями, чем начало.

Было собрание «Высокого Комитета» нашего нового Исторического общества у М. К. Любавского, где шла речь о разных мерах относительно журнала, который будет обществом издаваться. Говорили за чаем об отставках военного министра и ген. Иванова, главнокомандующего Юго-Западным фронтом, получившего очень почетное назначение состоять при особе государя[102]. Вечер у Холей; был С. К. Богоявленский. Беседа с Шуриком о летописях; он к ним почувствовал какое-то влечение.

21 *марта.* Понедельник. Подписался в сберегательной кассе на новый заем[103] на 3 000 рублей, куда вошли 1 625, полученные с Сытина за второе издание 2-ой части учебника, 550 рублей академической премии[104]. Был у меня С. А. Голубцов, закончивший занятия первым вопросом своей программы. Он изложил мне ход этих занятий и произвел на меня самое лучшее впечатление. Все у него очень толково и дельно. Затем пришел Шурик, интересующийся летописями. Ему я разъяснял в доступной форме состав Лаврентьевского списка[105]. Слушал охотно и внимательно и, кажется, все понял. Был у меня также студент – издатель моих лекций с заявлением, что студенческое издательство встречает препятствия литографировать мой курс нынешнего года, а предлагает издать его в печатном виде. Хотя и рискованно печатать текущий, далеко не принявший окончательной формы курс, однако для удобства студентов я согласился[106].

22 *марта.* Вторник. Все утро убил, в буквальном смысле слова убил, потратил даром на составление разных бумаг, требующихся в Академии: отчета о пройденном, списки баллов семестровых сочинений и т. п. Сколько там этого формализма! Одну и ту же программу читаемого курса приходится писать и представлять под разными названиями 4 раза в год: проспект будущего курса, экзаменная программа, отчет о пройденном, для годового отчета 1-го октября. Все форма и бумага!

На факультетском заседании. Рассматривали сообщение министра о прибавке профессорам ввиду дороговизны до 5 и 4 тысяч рублей. Затруднения возбудил вопрос о приватдоцентах, какую категорию из них подвести под выражение циркуляра: «читающие обязательные курсы». Я энергично отстаивал С. И. Смирнова. Другое дело, долго обсуждавшееся, было письмо бывшего варшавского ректора Карского о принятии его сверхштатным профессором в наш Университет. Однако курсы, которые он предлагает, у нас уже читаются, так что нечем ходатайство о нем мотивировать. Против его привлечения говорил Щепкин, но, вероятно, из личных мотивов.

Вечером заседание Исторического общества с живым докладом молодого ученого Диесперова об Эразме, ценный множеством приведенных цитат и потому переносящий в эпоху. На меня повеяло добрыми старыми временами, лекциями В. И. Герье о гуманизме, который он нам излагал довольно подробно. Однако доклад был несоразмерно велик. После чтения в течение 1 часа 20' был сделан перерыв. Автор говорил, что ему осталось прочитать еще столько же. Было уже 10 час. вечера, и я незаметно в перерыве удалился.

23 *марта.* Среда. Я должен был ехать в Академию, чтобы присутствовать на продолжении экзамена по систематической философии у доцента Андреева. Но т. к. он экзаменует очень быстро и кончает в двенадцатом часу, а я мог приехать только без четверти 11, то решил не тратить времени на эту бессмысленную поездку вовсе. Надо слишком не жалеть времени, чтобы провести больше 6 часов в трамвае, на вокзале и в вагоне для того, чтобы полчаса посидеть в виде куклы на председательском кресле. Кончил я семестровые сочинения – всего их было 47. Есть и хорошие работы. Ну всетаки одним тяжелым делом меньше! Заходил после завтрака в Архив МИД за книгой С. В. Рождественского «История Министерства народного просвещения»[107], нужной мне для следующей лекции. Вечером экзамен в Государственной комиссии[108] по русской истории. Всего было 26 человек, и втроем мы к 11 часам покончили работу. Эта работа, однако, не для вечерних часов, и я чувствовал себя, спросив 11 человек, утомленным.

24 *марта.* Четверг. Стоит великолепная весенняя теплая погода. 13° тепла в тени. Утро было занято подготовкой к лекции о школах при Николае I и чтением рефератов для семинария. Из трех референтов, однако, двое прислали мне письма: один – о выезде из Москвы, другой – о возможном отсутствии. Третий принес реферат сегодня же в 12 часов, и я успел его прочесть; но на семинарий и этот третий студент почему-то не явился, хотя и простился со мной до 4-х часов. Так что наше заседание не состоялось; мне было крайне досадно на такое невежество, на затраченный труд и потерянное время. Что-нибудь одно: или, пользуясь отсрочкой, оставаться в университете, и тогда надо уже работать вовсю, или же отбывать воинскую повинность. У нас же, в особенности в весеннее полугодие, громадное большинство студентов только числится в университете, никогда в него не показываясь. Правда, впрочем, что жизнь в Москве по дороговизне квартир и продовольствия для очень многих из наших студентов едва ли и возможна. Из Университета я заходил в Петровские линии в издательство Кнебель и взял только что вышедший выпуск «Истории искусств» Грабаря с московской архитектурой XVIII века[109]. Пользуясь весенним днем, оттуда вернулся далеким путем по линии бульваров. Вечер дома за Грабарем. Умер М. М. Ковалевский, один из наиболее разносторонних и плодовитых русских ученых. Едва ли кто писал за последнее время больше Ковалевского. Нельзя, однако, сказать, чтобы глубина его исследований соответствовала их широте. У него была какая-то французская манера касаться до многого слегка и скользить по поверхности. Но все же в области сравнительного изучения истории права им сделано очень много. Именно широта эрудиции была ценным качеством его работ.

25 марта. Пятница. Погода вдруг за одну ночь с необыкновенной резкостью переменилась: сегодня снег, холод, сильнейший пронизывающий ветер. Весь день я провел за подготовкой к лекции о школе при Николае Павловиче, которую всю написал для облегчения издателя. Вечером была О. И. Летник со «своей магистерской программой», из которой, конечно, кроме кокетства, ничего не выйдет. Показывала письмо, полученное ею от Виппера, в котором он сообщает ей, что никого теперь не принимает, требует для экзамена по древней истории непременно знаний греческого языка и заканчивает письмо словами «а без греческого языка нет и экзамена. С искренним уважением Р. Виппер». Ничего более сухого мне никогда, кажется, читать не приходилось.

Миня с утра был что-то расстроен и раздражителен, а в середине дня почувствовал боль в горле и жар и слег. У него, очевидно, жаба. Не выходит из головы Ковалевский: какой ум и эрудиция и какое легкомыслие было с высшей школой в Париже![110]

26 марта. Суббота. Оказалось сверх ожидания довольно много студентов в аудитории, которым и читал о народном просвещении при Николае I. Читал с оживлением, потому что касался вопросов, задевающих за живое. Сознавал, что читаю в последний раз. Едва ли после Пасхи что будет. В профессорской Яковлев, Сперанский, Поржезинский – разговор о последней субботе и о ненормальной краткости весеннего полугодия. Благодаря этому мы, вероятно, выпускаем больших неучей. После лекции остался на заседании Совета. Матвей Кузьмич [Любавский] произнес небольшую речь, посвященную памяти А. С. Алексеева и М. М. Ковалевского. Затем начались длиннейшие и скучнейшие доклады математического факультета. Филиппов, Готье и я бежали, хотя и сознавали, что не исполняем обязанностей. С Филипповым по дороге домой разговор о государственности великорусского племени и об опасности ему от окраин и инородцев. Дома послелекционное состояние приятно-возбужденной усталости. Читал статью о Шварце, подаренную Соболевским. Письма Шварца интересны, но автор статьи – тоже своеобразно интересен. За три последние дня я получил много книг: новый выпуск «Старины и новизны» от гр. Шереметева[111], книгу Писаревского[112], выпуск Грабаря, книжку «Русской старины» и др. Солнечный, ясный, но холодный день. Миня все в постели.

Газеты принесли сегодня весть о смерти М. Ф. Владимирского-Буданова. О нем сказал несколько слов в Совете Филиппов. Боюсь, не содействовал ли я каким-нибудь образом ускорению его конца своей рецензией[113], которую, думаю, ему прочесть было не особенно приятно. Я, впрочем, старался написать ее в самых мягких выражениях, все время помня о его преклонном возрасте. Я намеренно и не послал ему ее – и, может быть, он, живя где-то в Полтавской глуши, о ней ничего и не знал. Тем лучше.

27 марта. Воскресенье. Был у меня некто Феменоменов[29], преподаватель одной из варшавских гимназий, подготовляющийся к магистерскому экзамену. Нельзя сказать, чтобы он производил на меня впечатление благоприятное. Что-то поверхностное и скользящее. Очень опасаюсь, как бы не провалился. Будет скандал. Весь день я подготовлял лекции для издания. Вечером у меня Н. Н. Фирсов – в весьма радостном настроении. Он получил все, чего мог только желать. Опять избран и на этот раз утвержден в Казанском университете. Он без Казани не мыслим и по Казани тосковал как по родине. Я его с этим успехом от души поздравил. Был также С. К. Богоявленский.

28 *марта.* Понедельник. Встал в седьмом часу утра и выехал к Троице на последний экзамен по философии. Опять приехал уже к концу экзамена. Дело не обошлось без инцидента. И. В. Попов, член этой комиссии, перепутал дни и опоздал к началу, пришлось за ним посылать. Доцент Андреев почему-то не решался начать этой глупой и пустой формальности один и просил ректора [епископа Волоколамского Феодора (Поздеевского)], который и присутствовал до прихода Ив. Васильевича [Попова]. Умные философы могут быть иногда странными формалистами. Я после экзамена заходил к ректору принести извинения за причиненное (по глупости) беспокойство. Действительно, в этой среде только и можно быть бумажно-формальным. По дороге читал «Кремль Иловайского». Выпады против Середонина, Сперанского М. Н. и С. П. Шестакова.

29 *марта.* Вторник. Утром работал над подготовкой прочитанного курса к изданию. Заседание факультета, в которое пошел поддержать просьбу Туницкого, желающего вступить в приват-доценты. Грушка сделал заявление о своем разговоре с Туницким, по-види-

---

[29] Правильно: Феноменов.

мому, ожидая возможных выходок со стороны Щепкина. Но Щепкин отнесся к заявлению снисходительно, сказав, что он знаком с Туницким по его книге о Клименте[114], что это работа тонкая, умная, «ювелирная», что Туницкий практически знает славянские языки, хотя школы не проходил, и поэтому едва ли будет выступать с лингвистическими курсами. Сперанский также отозвался с похвалами. Затем сказал несколько слов я о том, что Т[уницкий] в Академии пользуется успехом как прекрасный лектор. Готье, с которым я говорил утром по телефону, тоже дал краткий отзыв о книге. Так что ходатайство было встречено благосклонно. Вечер я провел дома за вторым томом Зайончковского.

Сколько богатств ежедневно топится на дно-море и уничтожается на суше в виде ни к чему не нужных снарядов, на которые идет такая масса ценного металла! Как человечество с каждым днем войны беднеет! У нас одеваться, например, можно уже только с трудом. Скоро мы все будем ходить обтрепанными и потертыми. Придется облачиться в какие-либо упрощенные косоворотки.

30 *марта.* Среда. Утром продолжал подготовлять курс для печати. Совсем это не то, что следовало бы. Нормально было бы издать нечто вроде обширного обязательного учебника, а в курсах ежегодно разрабатывать какие-нибудь отдельные темы, каждый год новые. Но каких бы трудов и какого бы количества времени и сил это потребовало! Проходя по Арбату, увидал, наконец, на окне книжного магазина книгу Лукомского «Памятники старинной архитектуры», которую так неудачно искал с месяц тому назад. Оказалось, что это уже второе издание и по более высокой цене —10 руб. Чувствовал удовлетворение, получив эту книгу в руки. В магазине видел M-me Грушка, уезжающую на этих днях в деревню до осени. Вечер провел дома за книгами Зайончковского и Лукомского.

31 *марта.* Четверг. Отчаянно плохая погода – весь день непрерывный мокрый снег, и к вечеру дождь. У меня, что бывало очень редко, появилась сильнейшая головная боль: прямо как будто весь череп готов был треснуть. Я кончил подготовку курса к печати и более уже ничего делать не мог.

Предпринятая большая прогулка облегчения не принесла. Вечером позвал меня Егоров, лишившийся совершенно голоса, посидеть с ним. Итак, мы встретились в виде двух инвалидов. Явился, однако, еще Кончаловский с мрачными вестями о войне, источником которых оказался, однако, его брат П. П. [Кончаловский] – прапорщик, в начале войны разыскивавшийся в газетах. Он и перед войной говорил, помню, что у нас все скверно и что нас вздуют. Теперь он сообщил Дмитрию Петровичу [Кончаловскому], что у нас нет снарядов. Я – и, сознаюсь, довольно резко – возразил Д. П-у [Кончаловскому], что для меня свидетельство его брата – прапорщика – не имеет значения, что прапорщики далее тех канав и кустов, где они стоят, видеть ничего не могут. Кончаловский говорил также резко, и с каким-то апломбом, что все наши генералы никуда не годятся, что (буквально!) если бы поручить вести войну им, прапорщикам, среди которых есть много талантов, дела приняли бы иной оборот. Все это бахвальство слушать было крайне неприятно, в особенности при сильнейшей головной боли – я пожалел, зачем пошел к Егорову. Да, если у нас много офицеров, настроенных так же!

1 *апреля.* Пятница. Наконец, я вернулся к Петру, и, как всегда при таких возвращениях, разводить остывшие котлы и приводить в ход остановившуюся машину было нелегко. Был на Курсах, виделся с А. Н. Веселовским, Розановым. Вечер дома за книгой Зайончковского. Вот прошла 1/4 текущего года. К концу войны мы много-много ближе, чем были 19 июля 1914 г. Но когда и при каких обстоятельствах он наступит, а ведь наступит же.

2 *апреля.* Суббота (вербная). Ясная, теплая, совсем летняя погода, так что мы с Миней ходили на вербное гулянье в летних пальто. Утро за Петром, и дело шло уже успешнее. Во время моего отсутствия заезжал ко мне П. Г. Виноградов; на визитной английской карточке его рукою сделана надпись «академик Виноградов». Этот визит меня удивил, т. к. я еще не

был у него. Вечер за книгой Зайончковского, а затем у Карцевых, которым ходил платить деньги за квартиру[115].

3 *апреля.* Воскресенье (вербное). Превосходная весенняя погода. Утренняя прогулка с чувством свободы от обязательных повинностей в виде подготовки к лекциям и т. п. Занятия Петром. Обещал сегодня быть у меня Туницкий, и мы его ждали, но напрасно. Были у нас Готье, все семейство за чаем, перед отъездом в Крым. Затем я отправился пешком к Богоявленским и по дороге зашел в «Национальную]» гостиницу[116] оставить карточку у Виноградова. Заходил также в две церкви на Мясницкой ко всенощной, но в обеих служба была без певчих. Вечер у Богоявленских; были еще Холи и Марковы.

4 *апреля.* Понедельник. Утро у обедни, и затем работа над Петром до 5 часов вечера. Путешествие в Сберегательную кассу для подписки еще на 500 рублей военного займа. В Главной кассе в этот, правда, поздний час был я один. Неужели так вообще идет подписка! У всенощной в церкви Николы Явленного[117] с Л[изой] и Миней. Вечер у Савина, где были П. Г. Виноградов, Егоров, Богоявленский, Гершензон, Гензель и Яковлев. Сначала мы выслушали обзор военных событий на Западном, Восточном, Кавказском и Балканском фронтах. Затем разговор разбился. Много повествовал Гензель о своем плену. Затем он развил теорию, что было бы выгоднее перевезти человеческий материал на Западный фронт, чем возить пушки и снаряды на Восточный. Эта мысль была разбита Виноградовым. За ужином заговорили об отмене водки[118]. Я сказал, что считаю эту реформу более важной, чем освобождение крестьян, потому что то было лишь освобождение крестьян, а это освобождение всего народа. Я сказал далее, что это великое дело – всецело заслуга императора Николая II. Виноградов почему-то с этим не согласился. Или, лучше сказать, согласился, скрепя сердце и бормоча что-то сквозь зубы. Я стал развивать мысль далее и сказал, что в стране с парламентарной формой правления, т. е. с правлением партий, отмена водки нигде не прошла бы так быстро, пришлось бы вести борьбу с кабатчиками, продолжительную и упорную, вести агитацию, и уже за это время при мобилизации все бы спились. Мое положение о том, что есть выгода в государственной форме с сильной монархической властью, вызвало почему-то скептические восклицания и почтенного академика. По его отъезде Гензель говорил весьма односторонне о том, что пьянство было вредно единственно только в финансовом отношении, тем, что вытягивало деньги из народных карманов в казну. Мы ему возражали, указывая на вред в моральном, психическом, физиологическом, экономическом отношениях и на безобразие в бытовом. Этот разговор велся уже по отъезде Виноградова. Когда все стали уходить, Егоров удержал меня, и мы просидели еще с полчаса. Он опять совершенно неосновательно говорил о продажности будто бы наших высших учреждений. Все это так с какого-то ветру, со ссылкой на «говорят» и т. д. Основой всех этих пессимистических речей служит, видимо, какое-то личное недовольство и раздражение, прямо должно быть у него финансовые дела плохи.

5 *апреля.* Вторник. У обедни были с Л [изой] в церкви Николы Явленного. Потом был на В. Ж. К., куда был вызван за получением вознаграждения за участие в Государственной комиссии осенью. Там видел А. Н. Веселовского и С. А. Чаплыгина. С последним и ехал оттуда на трамвае. С Курсов отправился в Университет за получением жалованья, гонорара и дополнительного вознаграждения по поводу дороговизны. В Казначейской хоть открывай заседание Совета – такой приток профессоров. Видел Челпанова, Виппера и несколько медиков. Денег в общем получил довольно много. Итак, занимался хождением «в полюдье», совсем несоответствующее значению дня. Весь вечер за книгой Зайончковского. Наши войска с каждым днем приближаются к Трапезунду. Его падение вероятно[119].

6 *апреля.* Среда. Трапезунд взят, но подробностей еще нету. У обедни в церкви Успения на Могильцах[120]. Затем занятия Петром и все-таки не без давящего чувства от нескольких еще не просмотренных студенческих сочинений, которые опять должны оторвать меня от

этой работы. Неожиданный визит А. С. Шацких, однако, к счастью, непродолжительный. После завтрака визит другой ученой дамы – Терешкович – по поводу ее магистерского экзамена, о котором она никакого представления не имеет. Сколько же, однако, этих будущих магистров в юбках! Этот визит был продолжителен и тягостен. Сбылось и предчувствие мое по поводу сочинений. По телефону позвонил бывший студент Бартенев, сочинение которого все еще у меня на руках. Обещал. Вечером у меня Ст. Б. Веселовский, принесший свою книгу 2-ю часть «Сошного письма»[121]. Разговор о внутреннем положении с обычным его нытьем.

7 *апреля.* Четверг. День ушел на чтение кандидатской работы Бартенева о декабристе Н. Муравьеве. Написано с большою любовью и не без таланта. Был в церкви за всенощной у Успения на Могильцах, но до конца не мог достоять из-за духоты; казалось, что упаду в обморок. Может быть, это опасение было и ложно.

8 *апреля.* Пятница. Занятия мои над Петром были прерваны пришедшими Холями. Они у нас завтракали. Затем мы отправились к Алексею Павловичу [Басистову] пригласить его к нам на завтрак и далее к ним. С ними я ходил ко всенощной в церковь Николы на Ваганькове[122], где поет великолепный хор Юхова[123] – человек 40, дивные голоса. Всенощная была исполнена превосходно. Пообедав у них, я вернулся домой уже поздно вечером.

9 *апреля.* Суббота. У обедни у Троицы на Арбате[124]. Оттуда прошли с Миней в кондитерскую Флея[125] покупать шоколадные яйца с сюрпризами, о чем он мечтал. Там я увидел М. М. Покровского, который меня тотчас же остановил и продержал за разговором минут 15–20. Был у меня артиллерист Бартенев, бывший наш студент; я ему сообщил свою рецензию на его сочинение и сказал, что не прочь его оставить при Университете. Это привело его в восторженное состояние, и он просил сделать это теперь же, не дожидаясь конца войны, как я думал. Вечером зашел Алексей Павлович [Басистов], и мы отправились к Холям, где и пробыли до $10^1/_2$ часов, слушая напевы Страстной недели в граммофоне.

10 *апреля.* Светлое Воскресенье. Как и первый день Рождества, это для меня один из тоскливейших дней. До 3 часов с половины десятого проводил его не по-праздничному в работе над Петром, так что порядочно устал. Затем отправились к вечерне к Успенью на Могильцах, но так как не было певчих, то продолжили благочестивое путешествие в Зачатьевский монастырь[126], а потом мы с Миней в Храм Спасителя[127]. Вернулись под накрапывающим дождем. Вечером опять прошелся. Читал новую книжку «Старых годов».

11 *апреля.* Понедельник. Работа над Петром все утро. У нас Маргарита и Надя за завтраком. Обедать заходил в «Прагу», где цены изрядно подняты. Вечер за книгой Зайончковского. То же как впоследствии: доблестный солдат и неспособный генерал. Второй день без известий.

12 *апреля.* Вторник. Великолепная солнечная погода. Утром работа над Петром. За завтраком у нас В. А. Михайловский. После него опять за работой, которая прервана была приходом А. Н. Филиппова. С ним о современном положении. Я доказывал, что у нас революций быть не может: революция есть резкая смена одного *порядка* другим *порядком,* старого порядка новым. У нас же может быть только смена хоть какого-либо теперь существующего порядка – беспорядком, анархией или, лучше сказать, смена меньшего беспорядка большим. Где у нас тот общественный класс, который выносил бы в себе предварительно какой-нибудь новый порядок вроде третьего сословия в 1789 г.?[128] Уж не товарищи ли Иваны?

Вечер провел у О. И. Летник в обществе С. Ф. Фортунатова, Кизеветтера и нескольких дам из круга С. Ф. [Фортунатова]. Разговор о столкновении Америки с Германией[129], а затем разговор разменялся на мелочи.

13 *апреля.* Среда. Утром Петр. К завтраку пришел Алексей Павлович [Басистов] и уговорил ввиду великолепной погоды идти гулять. Отправились за Москву-реку в МарфоМа-

риинскую обитель[130] к вечерне. Но ворота оказались запертыми, так как вечерня бывает там только в 5 ч. Ждать было долго, и мы вернулись. Вечер за Зайончковским. Идущая теперь война Германии с Англией не напоминает ли войн Рима с Карфагеном?[131]

14 *апреля.* Четверг. Все утро над Петром до 3 часов. Затем был с Л [изой] и Миней у Л. С. Живаго, откуда вернулись пешком. У Мини странные явления: через день по вечерам жар 38°. Утром все проходит. Неужели малярия?

В газетах сегодня сюрпризы о восстании в Ирландии[132] и набеге немецких крейсеров на восточный берег Англии[133]. Восстание это – пустяк, на который не стоит обращать внимания, а набег крейсеров, прорвавшихся через линию блокады, – скандал. Наибольший интерес дня или этих последних дней – как кончится конфликт Германии с Америкой. Не думаю, чтобы столкновением.

По дороге от Живаго занес И. А. Лебедеву портрет И. М. Богословского-Платонова, о чем он просил еще на диспуте Егорова.

15 *апреля.* Пятница. Был доктор Рар, нашедший у Мини железистую лихорадку (с воспалением желез на шее). У меня утром С. П. Бартенев с вопросами о своем «Кремле», описании Кремля, в которое можно вкладывать все, что угодно, всю русскую историю[134]. Он маловато понимает в исторической работе. Пишет, видимо, для того, чтобы сохранять за собой место и квартиру по дворцовому ведомству. Итак, утро было погублено. К завтраку пришел И. В. Попов, с которым об академических делах. Сделал прогулку в Донской монастырь, где был у вечерни и затем у наших могил[135]. Вечер у Егорова, дававшего обед по поводу диспута. Были М. К. Любавский, Кизеветтер, Савин, Сакулин, Гершензон, С. К. Богоявленский, я. Были дамы, шампанское в очень большом количестве и, разумеется, речи с воспоминаниями о диспуте. Все прошло очень задушевно, благодаря небольшой компании. Просидели, что называется, далеко за полночь.

16 *апреля.* Суббота. Миня все хворает, температура у него еще очень повысилась. Опять был у нас доктор Рар. Вечером температура была 40°.

17 *апреля.* Воскресенье. Можно сказать, весь день над Петром. Мине стало получше. Был у меня И. А. Лебедев благодарить за портрет. Поговорили о 5 гимназии. У нас есть старинные древние соборы, стены которых расписаны великолепными фресками. А мы, ища обновления, замазали эти фрески и наляпали на их место Бог знает что. Не так же ли и вообще с этими нашими обновлениями?

Получил письмо от Псковской Археографической комиссии с уведомлением об избрании в действительные члены.

18 *апреля.* Понедельник. Утром встретил С. П. Ордынского, жена которого умерла внезапно и 17 апреля похоронена. Убит горем; тяжело было на него смотреть. Мы дивимся тому, что тот или другой вдруг – умер, тогда как более достойно удивления, что живешь, а еще не умер. Жизнь организма такое тонкое и хрупкое сцепление частиц, такое сложное сочетание условий, что должна казаться каким-то исключительным чудом.

До 4-х часов дня опять над Петром. Затем большая прогулка. Заходил к Мерилизу купить блокнот для этих самых дневных записок. То что стоило 17–20 к. – теперь 50, выбор ограниченный, и обращение продающих самое грубое, точно делают благодеяние. На англичан все беды: восстание в Ирландии, обстрел берега крейсерами и, наконец, сдача генерала Таунсенда[30], выдерживавшего несколько месяцев осаду в Кут-эль-Амаре в Месопотамии[136]. И все-таки эти беды только усилят их энергию. Вечер провел дома, доканчивая 1-ю часть 2-го тома Зайончковского.

---

[30] Правильно: Таунсгенда.

19 *апреля.* Вторник. Истек 21 месяц со дня начала войны. Есть одно утешение: на 21 месяц мы ближе к ее концу, который когда же нибудь да должен произойти. У меня был некто доктор Лурье по делам книгоиздательства «Мир»[137]. Они собираются издавать коллективный труд по истории русского быта и меня приглашают быть редактором эпохи до Петра, а редактором после Петровского времени будет В. И. Семевский. Чтобы не отрываться от Петра, я наотрез отказался, не спросив даже об условиях, и остался тверд, несмотря на увещания. В 3 часа за мной зашел Д. Н. Егоров, и мы отправились в типографию Левенсон отнести корректуры для 1-ой книжки «Исторического журнала»[138]. По дороге зашли к Савину взять от него корректуру. Он подарил нам оттиск своей статьи в Ж. М. Н. Пр. «Два манора»[139], превосходно, точно, ясно и красиво написанной. Вечером дома за Зайончковским. Сегодня был для меня день телефона. С 9 ч. утра ко мне начали звонить по разным делам. Первою была З. П. Рожкова, с которой условились, что она придет к нам завтра вечером.

20 *апреля.* Среда. Утро ушло на чтение реферата и кандидатского сочинения. Был у меня студент Академии Баратов, по образованию архитектор, затем вице-директор одного из провинциальных банков, для разговора о своем сочинении. К удивлению моему у меня состоялся просеминарий; я уже думал, что все это растаяло, тем более что стоит великолепная весенняя, солнечная погода. Развертываются, нежно зеленея, молоденькие листочки. Вечером у нас обедала З. П. Рожкова, много рассказывавшая о мытарствах своего мужа, неугомонного социал-демократа, одного из русских сектантов, убежденного, что он прошибет каменную стену лбом[140].

21 *апреля.* Четверг. Великолепное весеннее солнечное утро с зеленеющими молодыми листочками. Такое утро было, однако, проведено за студенческим рефератом, и только немного времени мог уделить Петру. Закончил сегодня семинарий подсчетом наших заседаний и указанием на выдающиеся работы. Заседаний было 12, рефератов 25, из них выдающихся 4: Штрауха, Абрамова, Яцунского и Каптерева С. Работа Лебедева[141], прочитанная в сегодняшнем собрании о патриархе Адриане, вызвала живое обсуждение. Вернулся домой порядочно усталый. Приходили студент Ушаков, не могший подать к сегодняшнему семинарию реферата, так как застигнут призывом на военную службу, и в то же время Гр. Гр. Писаревский. Студента я утешал тем, что офицерская служба теперь государству нужнее всяких рефератов. Писаревский посидел недолго. Вечер за книгой Зайончковского, на которую не могу посвящать много времени.

22 *апреля.* Пятница. Утро над Петром. Затем семинарий на Курсах – последний. Вечером заседание Редакционного комитета у Егорова. Книжка «Исторических известий» готовится к выходу. Миня опять нездоров, боль в шейных железах и небольшое повышение температуры, так что остается в постели.

23 апреля. Суббота. Заседание Историко-филологического факультета совместное с Обществом любителей российской словесности[142] в час дня. Богословская аудитория была полна народа. У ворот Университета стояла порядочная толпа студентов и курсисток, не имевших билетов, но желавших проникнуть. В таком же положении стоял и доцент Академии В. П. Виноградов, которому я вручил оказавшийся у меня лишним билет. В профессорской я нашел уже Грушку, Южина, Правдина и несколько наших профессоров, число коих, впрочем, не было велико. Блистала своим отсутствием вся всеобщая история и русская литература. Минут 20 второго мы вышли на эстраду. Грушка сказал прекрасно составленное вступительное слово, главные мысли которого были слова Гамлета: «слава великого человека переживет ли его на полгода?»[143]. И вот слава Шекспира живет 4-ое столетие; а затем позволительно ли теперь под гром выстрелов заниматься подобными торжествами? Но надо беречь жизнь духа; наконец – несколько слов в честь Англии, нашей союзницы, с цитатой из

Шекспира: «Коль Англия быть Англией сумеет, никто на свете нас не одолеет»[144]. Эта цитата вызвала гром аплодисментов в зале. Так что Грушка имел большой успех. Довольно длинно, водянисто, слащаво, с упоминаниями хороших старых слов «правда», «добро», «красота», но с еще большим количеством разных «собственно», «так сказать» говорил тихим голосом А. Н. Веселовский, очень постаревший. В меру и ясно читал М. Н. Розанов, тоже закончивший трубными победными звуками. Лишней была бесцветная сухая речь Юрия Веселовского. Брандт внес обычную струю комизма своими словами о сонетах Шекспира и прочел несколько, очень, впрочем, хорошо переведенных им сонетов. Говорил о трудности перевода с английского, где большое обилие кратких слов. Это, однако, затруднение не столь большое, как кажется. Например, dog короче, чем *«собака»,* но если принять еще во внимание член the dog, да падежный предлог of the dog, то и это уже будет не короче, а в русском языке есть и еще более краткое слово «пес», «пса». Этим кончилось первое отделение. В антракте, выйдя в проректорскую, где был сервирован чай, я увидел М. Н. Ермолову, у которой поцеловал руку. Знаю я ее с 12-летнего возраста, стало быть, вот уже 37 лет. Но затем она удалилась в большую профессорскую и там сидела в одиночестве, видимо, готовясь к выступлению. Когда она появилась на эстраде с началом второго отделения, ей была устроена бурная, продолжительная овация. Она прочитала стихотворение Майкова «К Шекспиру» и монолог Волумнии из «Кориолана»[145] с удивительной силой, выразительностью и естественностью. Южин прочел рассказ Отелло перед Сенатом[146] и монолог из «Макбета», Правдин 2 сцены из «Много шуму из ничего» – Борахио[31] с Конрадом[147]. Все это вызывало большой восторг публики. В общем, заседание очень удалось. Мы: М. К. Любавский, Грушка, Розанов, Брандт, Соболевский, Лопатин, К. Н. Успенский и дамы: У. М. Грушка, Успенская и Лиза посидели еще некоторое время за чаем в проректорской. В 6 ч. вечера были дома. Погода и сегодня чудесная; совсем летняя жара. Вечером я сделал прогулку; встретил Сторожева, шедшего из несостоявшегося за неприбытием членов заседания в Чупровском обществе в память М. М. Ковалевского: собралось всего 6 человек; затем Кизеветтера, который почему-то счел нужным обругать заседание в Университете, где он не был, и двух братцев Соболевских.

24 *апреля.* Воскресенье. У меня был Пчелин, оставленный при Университете по истории русского права А. Н. Филипповым, и показывал мне свою программу, гораздо более простую, чем наши программы для оставленных. Вечером заседание ОИДР с присуждением Карповской премии[148] профессору Петроградской духовной академии Глубоковскому за непомерно длинное сочинение об архиепископе Смарагде[149], вовсе не настолько замечательном, чтоб о нем такую книжищу писать. Реферат был С. Б. Веселовского о составе XXV главы Уложения[150], очень интересный.

25 *апреля.* Понедельник. Чувствовал себя не очень здоровым: кашель, насморк, хрипота в горле. Никуда, несмотря на великолепную погоду, весь день не выходил и с утра до вечера сидел за работой над Петром. У меня была курсистка Бакланова по поводу темы для кандидатского сочинения. Она интересуется мелкими служилыми людьми и желает изучить их быт, службу и землевладение в XVII веке в пределах одного какого-либо уезда по архивным документам[151]. Задача, так поставленная, показалась мне серьезной и интересной.

26 апреля. Вторник. Вставши очень рано, много работал над Петром и к завтраку окончил описание 1-го Азовского похода. По пути в Университет на факультетское заседание встретил на Сивцевом Вражке Д. Н. Егорова, только что вернувшегося из Нижнего – он там состоит, как мы шутим, ректором Нижегородского университета – т. е. чего-то нарождающегося вроде Шанявского в Москве. Он сообщал о красоте Волги и о забастовке рабочих

[31] В современной транскрипции: Борачио.

в типографии Левенсон, вследствие чего книжка «Исторических известий» должна будет опоздать. На заседании ничего интересного не было. Я пошел туда, чтобы поддержать кандидатуру Туницкого в приват-доценты; но от него никакого ходатайства не поступило. Вечер дома за книгой Зайончковского. В газетах гнусное известие – бомбардировка беззащитной Евпатории[152]. Вновь происходят яростные бои под Верденом, который все еще является, таким образом, центром событий.

27 апреля. Среда. Было целых три реферата о декабристах для сегодняшнего просеминария, из них один довольно большой. Все рабочее утро и ушло на них. Затем просеминарий, последний; закончил его кратким обзором сделанного.

28 апреля. Четверг. Началась моя страда – чтение кандидатских академических сочинений с горьким сожалением о необходимости на некоторое время прервать работу над Петром. Первое из сочинений – огромная тетрадь в 310 страниц сквернейшего почерка, портящего глаза, и содержание неважное. Весь день ушел на это чтение. Вечером на факультетском заседании В. Ж. К., где должен был баллотироваться в преподаватели В. А. Панов. Странное, вдруг сделанное предложение Д. Н. Егорова об отмене кандидатских сочинений для курсисток. Он их называл «дипломными» работами. Я резко восстал. Удивительная это зуда – Егоров, совсем ребенок, совершенно как дети в играх: строят, строят какое-нибудь сооружение, потом кто-нибудь предложит: «А давайте, братцы, ломать!» Пора бы, кажется, уравновеситься.

29 *апреля.* Пятница. День совершенно пропащий, так как весь был проведен над кандидатским сочинением того же самого студента Товстухи, портя глаза и ничего более не получая. После завтрака, выйдя немного погулять, встретил В. М. Хвостова. С ним прошлись по Пречистенскому бульвару и говорили о вчерашнем заседании на Курсах с выступлением Егорова. Германия капитулирует в споре с Америкой о подводной войне. Последний ответ Вильсона написан таким языком, каким с великими державами никто никогда не разговаривал[153]. Не знак ли это, что немецкие дела плохи? Не есть ли весь план союзников – блокада Германии и терпеливое ожидание, пока осажденная со всех сторон держава сдастся под влиянием голода? То, что было преждевременно в прошлом году, может быть и наступает теперь. Если это так, надо ждать скорой развязки.

30 *апреля.* Суббота. Вот и апрель-месяц канул в вечность. Прошла 7_3 1916-го года – неужели и две остальные трети будут такие же? Неужели все еще будет тянуться бойня? Яблони в цвету, я за кандидатскими сочинениями – это ли не весна! Сочинение Товстухи окончил, написал отзыв и принялся за сочинение Протодиаконова о мерах Николая I относительно сектантов. Это хоть написано на «Ремингтоне», легче читать. Вечером заседание Исторического общества, последнее в этом сезоне. По дороге встретил А. И. Елагину, расспрашивавшую меня о государственных экзаменах, которые она держит. В Обществе доклад Савина о М. М. Ковалевском, красиво изложенный и стройно написанный. С дополнениями выступил В. М. Хвостов, видящий в Ковалевском представителя того направления, которое Кареев называет «социальной типологией». Затем после перерыва доклад проф. Новосадского о дороговизне и борьбе с нею в древней Греции – выборка отдельных известий в литературе и надписях о дороговизне, спекуляции, судах над спекулянтами, таксах и пр. После доклада с замечаниями выступил Савин, очень прицеплявшийся к референту и требовавший от него социально-экономического освещения, чего тот сделать не мог. Собрание многолюдное и довольно публики. Общество пошло полным ходом.

1 *мая.* Воскресенье. Завернула холодная погода. День за кандидатскими сочинениями. Был у меня собирающийся держать экзамен на магистра Феноменов. Впечатление лучше, чем от прежних бесед, но все же неважное. Вечер у Богоявленских.

2 *мая.* Понедельник. День пропащий: утро за кандидатским сочинением Протодиаконова о сектантах. От 3 до 6 экзамен полукурсовой в Университете. Этот экзамен заставил меня отказаться от поездки на Совет в Академию.

3 *мая.* Вторник. Кандидатское сочинение Б. Иванова о землевладении и хозяйстве Кирилло-Белозерского монастыря – очень хорошее, написанное с большим знанием литературы и актового материала[154]. Факультетское заседание, на котором читался отзыв о книге Шпета, а затем долгие разговоры возбудили два вопроса, вызванные бумагами из министерства: 1) о вознаграждении приват-доцентов по 300 и 200 р. за час[155] в зависимости от имения степени; 2) о научном сближении с Англией. Вопрос о вознаграждении приват-доцентов был поднят в Государственной думе, по-видимому, в связи с дороговизной. Министерство, идя навстречу этому пожеланию, заявило, что в особом законе по этому предмету нет нужды, т. к. распорядиться о вознаграждении может министр. Трудность заключалась в том, кого подвести под понятие приват-доцентов, читающих «по поручению» факультета. Здесь начались протекции и личные расположения. Некоторые приват-доценты читают одинаковые курсы. Я высказывался в том смысле, что бумагу министра и пожелание Думы, из которого она возникла, надо толковать возможно шире и вознаградить возможно большее число приват-доцентов, даже и читающих параллельные курсы. Факультет, сначала было наводивший разные экономии, стал потом на эту точку зрения. Вопрос о сближении с Англией вызван письмом министра [П. Н. Игнатьева] к английскому послу [Джорджу Бьюкенену] о желательности ученого сближения с Англией, и посол ответил несколькими вежливыми фразами. Все это очень искусственно. По прочтении этих материалов мы некоторое время не знали, каким положительным содержанием наполнить эту идею о сближении. Мне пришло на мысль указать, что наш факультет уже давно находится в особенно тесном ученом общении с английской наукой. Наши профессора Виноградов, Савин, Петрушевский своими работами по истории Англии оказали немалую услугу английской науке. Это было принято сочувственно. Указали еще на Ковалевского и Янжула. Затем были сделаны и более конкретные предложения: о командировках в Англию, об учреждении русского института в Англии и т. д. Избрана Комиссия для изготовления нашего ответа, который и будет внесен в Совет.

4 *мая.* Среда. Кандидатское сочинение Б. Иванова, весьма меня радующее. Уже прочитанное сочинение Протодиаконова отвез к проф. Соколову на 2-ю Мещанскую и минут с 20 посидел у него, разговаривая об Академии. Оттуда прошелся до дому пешком. Вечер опять за сочинением.

5 *мая.* Четверг. Упорное чтение кандидатских сочинений с 9 ч. утра до 7 вечера с кратким перерывом, во время которого съездил разыскивать проф. Лысогорского, живущего в Родовспомогательном заведении при Воспитательном доме[156]. Какое это громадное учреждение – Воспитательный дом! Вот памятник деятельности Екатерины II. Какая широта, поистине царственная широта размаха! Как все измельчало с тех пор! На входе в Родовспомогательное заведение надпись «Основано в 1763 г.». Лысогорского, живущего в квартире смотрителя, я не застал: он уехал в Петроград, и неизвестно когда вернется; поэтому сочинение студента Иванова, вторым рецензентом которого он назначен, я ему не оставил и вернулся домой. Вечер провел у М. К. Любавского по случаю приезда в Москву С. Ф. Платонова. Были кроме Платонова: Грушка, Готье, Филиппов, Яковлев и Веселовский. Разговор о войне в бодрых тонах, затем о петроградских диспутах, о неизбежном Бороздине и т. д. Возвращался домой пешком с Веселовским и Платоновым.

6 *мая.* Пятница. Кончил чтение кандидатских, и точно гора свалилась с плеч. За завтраком по этому случаю решили ехать гулять в Сокольники. Но пришел студент Академии Баратов для разговоров о своем сочинении; только что он ушел, явился С. Ф. Платонов. Я был весьма тронут этим вниманием. Мы могли выехать с Л [изой] и с Миней только в пятом

часу. Прекрасная погода, свежая зелень. Миня радовался свободному пространству, чувствовал себя как вырвавшаяся из клетки птица и много бегал. Вернулись в 9-м часу вечера.

7 мая. Суббота. Отослал кандидатские сочинения в Академию. Испытал разочарование. Еще перед Пасхой я заметил, что обувь моя находится в состоянии весьма неблагополучном, но зайти в магазин тогда не хотел, опасаясь толкотни перед праздником. Затем после Пасхи медлил, будучи отвлечен другими делами. Сегодня, наконец, заходил в три магазина, и оказывается, что ничего нет. Неприятно, но что же делать?! Походим и в худых башмаках, лишь бы были хорошо обуты те ноги, которым приходится маршировать по 40 верст в сутки. Зайдя в контору Джамгаровых[157] за деньгами, узнал, что один из наших с Холем билетов выиграл 1-го марта – 500 рублей. Это первый случай за все те более 50, я думаю, лет, что эти билеты находятся в руках нашей семьи. Вечер сидел дома и читал книгу Шпета «История как проблема логики».

8 мая. Воскресенье. Утром прогулка с приятным чувством свободы от кандидатских сочинений. Возобновил работы по биографии Петра. Дело, раз прерванное, приходится налаживать с большим трудом. У нас в 2 ч. Холи. Затем у меня курсистка, студент Академии Б. И. Иванов, автор выдающегося сочинения о Кирилловом монастыре. Он оканчивает вторым кандидатом и будет, как он мне говорил, оставлен при Академии по кафедре патрологии, которой тоже интересуется. Это было для меня неожиданным. Мне, именно, хотелось поговорить с ним, не поступит ли он для продолжения исторического образования в Университет. Но в Университет ему поступить нельзя, т. к. в таком случае ему грозит воинская повинность. Не осуждаю, но эти соображения в теперешнее время мне тоже не очень понравились. Симпатии мои на стороне таких, как Бартенев, вступивший в артиллерийское училище. Вечером у нас Маня, Котик и Липушата.

9 *мая.* Понедельник. Диспут Г. Г. Шпета, защищавшего книгу «История, как проблема логики». Публики в зале не особенно много, хоры были пусты. Большинство – слушательницы В. Ж. К. Защищаясь против возражений Челпанова, а затем Виппера, Шпет давал пространнейшие объяснения, тянувшиеся минут по 20–30, что делало диспут неоживленным и крайне длинным. Я ушел в половине шестого, просидев с 1 ч. 20', а между тем Виппер еще далеко не кончил своих возражений; но, как мне ни хотелось их дослушать, должен был уйти. Бежали также Лопатин, Любавский и Егоров. Многие скитались в коридорах, отдыхая от диспута. Диспут окончился, как оказалось, в 9 часов вечера, таким образом, был продолжительнее Егоровского. Заводится у нас обычай весьма плохой, и обструкции устраиваются самими диспутантами. Я спешил домой, потому что у нас были гости: Н. Н. Готье, Л. С. Живаго и [Марга]рита. Миня бегал очень оживленно по двору с Таней Живаго и Володей Готье. Вечер – дома за книгой Зайончковского.

10 *мая.* Вторник. В библиотеке Университета за добыванием книг для дальнейшей работы над Петром. Много народу. Затем полукурсовой экзамен с $2^1/2$ до $5^1/_2$ У меня обедали сегодня С. Ф. Платонов, М. К. Любавский, Готье, Яковлев и С. К. Богоявленский. Разговор о Мининских торжествах и речах[158], о Петре Великом, а затем о войне, политическом положении. Обед и по одушевлению и по материальной стороне, кажется, удался. По уходе С. Ф. [Платонова], уезжающего в Петроград, мы посидели еще за чаем, обсуждая дела нашего Университета. Миня, почему-то нашедший себе удовольствие в отпирании дверей гостям, обедал один в своей детской, не скучал и держал себя очень тихо. Он нашел остроумный способ попросить еще сладкого пирога: сбежал вниз в Зубоврачебную амбулаторию и оттуда позвонил по телефону к нам. Лиза подошла к телефону и услыхала таким образом его просьбу. С. Ф. Платонов бросает директорство в Педагогическом институте, им созданном[159], и сажает на свое место С. В. Рождественского.

11 *мая.* Среда. Был в Архиве МИД, отыскивая книги, необходимые для дальнейшей работы над Петром. Нашел Рубана «Поход боярина Шеина»[160], а первого тома приложений к «Истории русского флота»[161] не нашел. Сколько времени приходится убивать всегда на эти предварительные действия, на эту погоню за книгой. В Архиве мне указали на статью Мигулина о войне, помещенную в выдержках в «Утре России»[162], охватывающую военные действия и дающую им толкование, несогласное с другими военными обозревателями. Мигулин толкует Верденское дело как успех немцев, умевших к Вердену оттянуть силы союзников от Салоник и отвлечь подкрепления от Кавказа. Вечером у нас Вл. А. Михайловский.

12 *мая.* Четверг. Утром написал коротенький отзыв о кандидатском сочинении в качестве второго рецензента, положение которого довольно-таки нелепо. У меня была Зинаида Андреевна Баркова, окончившая Педагогический институт в Петрограде; за нее просил С. Ф. Платонов. Она едет к Троице заниматься в Лаврской библиотеке сборниками. Я дал ей еще письмо к С. И. Смирнову. К 3-м часам я отправился в Донской монастырь на панихиду по В. О. Ключевском, со дня смерти которого исполнилось уже пять лет. Были: Кизеветтер, С. Ф. Фортунатов, Готье, Яковлев, Громогласов с женой, Коновалов, И. В. Попов, брат и сестра Голубцовы[163], а также наши оставленные Л. Львов и Рыбаков. В монастыре после панихиды беседа с И. В. Поповым, сообщившим мне о доносе ректора [епископа Волоколамского Феодора (Поздеевского)] на доцента В. П. Виноградова митрополиту [Московскому Макарию (Невскому)] и о резолюции митрополита, предлагающей В. П. [Виноградову] подать в отставку. Когда же на другой день по сообщении ему этой резолюции В. П. [Виноградов] пришел к митрополиту, тот, видимо забыв о своей резолюции, очень сожалел, говорил, что ничего не имеет против В. П. [Виноградова] и т. д. Сюрпризы и чудеса в Академии! Становится, наконец, тяжело от царящей там атмосферы, и начинает мелькать мысль об исходе оттуда. Из монастыря я шел домой пешком с С. А. Голубцовым. Вечер провел дома за книгой Зайончковского, изучая трагедию Николая I в Восточную войну[164].

13 мая. Пятница. Немного написал о Петре. Был в Рум[янцевском] музее у Ю. В. Готье за книгой Елагина «История флота. Азовский период». Оттуда в Совет в Университете, на сегодняшнем заседании обсуждался вопрос «о базе научных сношений с Англией». Было водотолчение, продолжавшееся более полутора часу. Вопрос этот довольно дутый. Научное общение создается самою жизнью, а не сочиняется искусственно. Если жизнь потребность такого общения вызовет, тогда надо ему со стороны правительства прийти на помощь, а как может министерство его создать, если оно не диктуется жизнью. Мы Англию всегда изучали и знали; наоборот, Англия нас до последнего времени игнорировала. Ив. Ив. Иванов выражал даже сомнение, хотят ли такого общения с нами английские ученые. Он произнес по этому поводу весьма патетическую речь. Жаль потраченного на заседание времени! Бумага Игнатьева, поднявшего этот вопрос, – просто один из признаков увлечения Англией в наши дни.

14 мая. Суббота. Развернув газету, увидел довольно подробное известие о болезни С. Ф. Фортунатова. Оказывается, вчера на Курсах после экзамена с ним случился удар в то время, как, выйдя в швейцарскую, он подписывал поданную ему служителем повестку. Он упал, лишившись языка. Была вызвана карета скорой медицинской помощи, и он был отвезен в 1-ю Городскую больницу в клинику Dr. Готье. По сообщению «Русских ведомостей», вечером ему уже было лучше. Речь вернулась, но рука и нога поражены параличом. Известие не из приятных.

Другое тоже неприятное, хотя и не в такой степени, известие было от Барковой, говорившей по телефону из Сергиева Посада. Архимандрит-наместник Кронид не разрешил ей, как женщине, заниматься в монастырской библиотеке. Она спрашивала моего совета, но говорила по телефону неясно, и я ей ничего не мог посоветовать, ограничиваясь только вос-

клицаниями сожаления. И мне неловко перед Платоновым, которому я, положившись на уверения Туницкого, писал, что доступ женщинам наместник теперь разрешает. Но Кронид, увидев перед собою молоденькую и хорошенькую барышню, видимо, побоялся всяких возможных в монастыре сплетен и пересудов, если бы она стала работать в монастырской библиотеке. Досадно вообще, и на Туницкого в особенности. Уже не первое доказательство, что на слово этого человека нельзя полагаться. Будем впредь осторожнее.

Получил телеграмму от В. И. Саитова из Петрограда о том, что великий князь приглашает на заседание Общества 24 мая в 9 ч. вечера. Вероятно, по поводу юбилея Общества, исполняющегося 23 мая[165]. По этому поводу мне звонил по телефону Матвей Кузьмич [Любавский], и мы решили на всякий случай заказать билеты, а затем запросить Саитова о предметах заседания, стоит ли ехать. Может быть, чтонибудь настолько неважное, что и не стоит.

У меня был Н. В. Лысогорский, вернувшийся из Петрограда, где прошла его диссертация о единоверии, и он теперь, приобретя докторскую степень, остается все же доцентом, хотя у нас есть профессора магистры и есть 3 места свободных: две ординатуры и одна экстра-ординатура. Вот и порядки в Академии! Мы позавтракали втроем: он, я и Миня.

Выйдя погулять, я встретил Д. Н. Егорова, спешащего в типографию по делам журнала. В 5 часов у меня была С. Н. Нюберг, заходившая по делам Государственной комиссии на Курсах. Она ездила в Петроград к Игнатьеву делегаткой от слушательниц, держащих государственные экзамены, с ходатайством об освобождении их от экзамена по тем предметам, которые полностью сданы ими на курсах. Русская история читается и сдается ими, действительно, в очень полном виде. Игнатьев предоставил решить дело самой комиссии. Так как я не член комиссии, а только экзаменатор, то направил ее к Матвею Кузьмичу [Любавскому]. Возможно, что экзамен по русской истории и совсем не состоится, если русская история сдана всеми, а кажется, без этого не выдают диплома. Все это показывает совершенную ненужность комиссии и сдавания одного и того же экзамена двукратно.

Вечер дома, читал Зайончковского. Хорошо описана осада Силистрии[166], и, несмотря на то что это plusquamperfectum[32], тяжело читать. Стоит необычайно холодная погода весь май. Сегодня только 3–4° тепла. Мы выходим в драповых пальто. Совсем не тянет на дачу.

15 *мая.* Воскресенье. Продолжается очень большой холод. Небо затянуто облачным тентом, и получается какое-то давящее состояние. Утро над Петром. В четвертом часу ко мне пришли оставленные по русской истории Л. И. Львов и И. Ф. Рыбаков. Первый сделал довольно много, второй меньше, но очень основательно. Были также за чаем Липа с Мишей. Я отправился их провожать и вечер провел у них. Разговор с Шуриком о лермонтовском «Демоне».

16 *мая.* Понедельник. Утро над Петром, все ушло на разыскания биографических сведений о боярине А. С. Шеине, главнокомандующем во 2-м Азовском походе[167]. После завтрака заходил в Архив МИД посоветоваться с С. А. Белокуровым по поводу дела девицы Барковой, не допущенной наместником Лавры к занятиям в Лаврской библиотеке. Обо всем этом прислал мне вчера подробное письмо Туницкий. С. А. [Белокуров] обещал в случае, если понадобится, выписать сборники, нужные для Барковой, в Общество Истории и Древностей с тем, что заниматься ими она могла бы в Архиве МИД. Б. М. Соколов подарил мне свою книгу: собрание сказок и песен Белозерского края, записанных им вместе с братом и изъятых из продажи[168]. Вернувшись домой, я написал Туницкому, и только что отнес письмо в ящик, как по телефону от Троицы Туницкий мне сообщил, что дело приняло благоприятный оборот. Баркова получила от Платонова, которого она обо всем известила, телеграмму:

---

[32] Давнопрошедшее *(лат.).*

«Волжиным телеграфировано митрополиту. Допущена». Значит, С. Ф. [Платонов] съездил к обер-прокурору и выхлопотал разрешение сверху. Интересно, как поступит теперь наместник. Вечером у нас были П. И. и Л. С. Живаго.

17 *мая.* Вторник. Утро ознаменовалось большим и радостным событием: я, наконец, купил себе новую обувь – штиблеты за 22 р. 80 к. (прежде за такие платил 8—10 руб.) и большие сапоги для деревни за 22 р. (прежде цена им была 10 р.) Но хорошо, что нашел в магазине Офицерского общества. Повсюду только и разговоров о том, что обуви нигде нет. Прямо хоть поставь ее на стол под стекло, да и любуйся как редкостью.

У нас завтракал профессор Академии Иван Васильевич Попов. Миня необыкновенно радовался покупке мною сапог, надевал их и с торжеством показывал Ивану Васильевичу [Попову]. Остальной день за работой.

18 *мая.* Среда. Утром выходил по делам. Был на Курсах, отдал сочинение Николаевой и зачетный список за семинарий. Оттуда проехал в Университет в канцелярию Совета взять отдельный паспорт Лизе. Из Университета прошел в контору Джамгаровых застраховать выигрышный билет на 1 июля, что стоит уже 34 р. 50 к. Это последний раз, дальше страховка сделается непосильной. Вернулся домой в 12 час., спешил, потому что к нам хотел прийти к завтраку другой профессор Академии С. И. Смирнов. С. И. [Смирнов] был у доктора, проф. Шервинского по поводу своих немощей, Шервинский, однако, ничего у него не нашел. Разговор, разумеется, более всего об Академии.

После его ухода я принялся за Петра и поработал особенно интенсивно до 7 час. вечера, порядочно написав. Стала необычайно понижаться температура. Утром было +10°, часов с 4-х термометр начал быстро понижаться, и в 7 час. вечера было уже только + 2°. Вечером я читал Мине из «Таинственного острова», а затем сделал прогулку по холоду.

19 *мая.* Четверг. Вознесение. Продолжает стоять сильный холод. По газетам, ночью был мороз. Сегодня докончил описание 1695 г. В те дни, когда не удается работать над биографией Петра, не чувствую себя нормально. Заходил ко мне студент, сын покойного проф. Шостьина, занес мне некролог отца, составленный А. М. Туберовским. Юноша необычайной скромности. Очень доволен тем, что поступил в Университет. Говорил со мной о войне и о том, что уже над ним тяготеет возможность призыва. Он родился в 1897 г. Я его успокоил, сказав, что берут только студентов, достигших 21 года, а потом в газетах прочел, что Игнатьев вносит предложение в Совет министров брать родившихся в 1896 и в 1897 году, но не трогать студентов 3-го и 4-го курсов. Вечер дома. Читал Мине из «Таинственного острова», а затем за книгой. На театре военных действий полное затишье кроме Вердена. Что-то дальше! В Государственной думе пошлейшая речь Чхенкели[169].

20 *мая.* Пятница. Утро за работой над январем и февралем 1696 г. После завтрака заходил в Архив МИД расплатиться за шкаф из обстановки покойного архитектора Никитина, старейшего члена ОИДР, умершего в прошлом году. Его вещи распродавал Н. В. Рождественский. В архиве все служащие сидели без дела, т. к. директор куда-то уехал и увез с собою ключ от несгораемого шкафа, где хранятся ключи от всех шкафов архива, забыв их выдать. Оттуда я прошел в Сберегательную кассу, где подписался еще на 500 руб. военного займа, а всего таким образом на 4 000. По дороге встретил Ю. В. Готье, у которого сегодня умерла мать [Наталья Степановна Готье], долго болевшая. Смерти ее ожидали со дня на день.

В Кассе меня довольно долго продержали. Оттуда я заходил в магазин Аралова запастись почтовой бумагой и перьями на лето. Все это страшно подорожало – вдвое; но хорошо, что все-таки нашлось. Зашел еще в университетскую лавку за маслом. Из путешествия вернулся домой в 5 часов. Стало несколько теплее. Вечером мне позвонил Д. Н. Егоров, позвав меня к себе. У него просидел до 12 вместе с С. К. Богоявленским.

21 *мая.* Суббота. Утром был государственный экзамен на В. Ж. К. Экзаменовалось всего 6 девиц: три у меня и три у М. К. Любавского. Все державшие у меня отвечали плохо и

получили по «удовлетворительно»; все державшие у М. К. [Любавского] по «в[есьма] удовлетворительно]». Большинство, видимо, рассчитывавшее на освобождение их от русской истории, к экзамену не приготовились и отложили его до осени. На Курсах видел Пржезинского и Савина. С Курсов я проехал в университетскую библиотеку. Затем весь день дома за подготовительной работой над 2-м Азовским походом.

22 *мая.* Воскресенье. Утром на похоронах матери Ю. В. Готье в церкви Ржевской Богоматери на Пречистенском бульваре[170]. За отпеванием довольно много народа. У меня была приходившая за моими лекциями А. И. Елагина, пившая у нас чай. Беседа с Лизой о воспитании младенцев. У нас обедали все Холи, С. К. Богоявленский, Маргарита и Егоровы вместо завтрашних именин[171].

23 *мая.* Понедельник. Утром я ушел на государственный экзамен в Университет. У меня экзаменовалось человек 8, и еще несколько отставших студентов сдавали полукурсовые экзамены. К двум часам мы с М. К. Любавским и Ю. В. Готье кончили. Зайдя в библиотеку и к казначею вместе с Готье, отправились по домам. Дома полый разгром – укладка на дачу. Я должен был уложиться для Петрограда и для дачи. В конце 9-го часа я выехал в Петроград, заехав за М. К. Любавским.

24 *мая.* Вторник. Достаточно хорошо выспавшись в комфортабельном отделении 1-го класса спального вагона международного общества, подъезжали мы к Петрограду при великолепнейшей погоде, что редко бывает. Ясно, солнечно, тепло. В гостинице «Дагмара», где мы всегда останавливаемся с Матвеем Кузьмичом [Любавским], для нас была оставлена комната. Водворившись, М. К. [Любавский] отправился к А. В. Никитскому, бывшему нашему профессору, а затем попечителю Оренбургского учебного округа, который доставал нам в Петрограде обратные билеты, а я, позавтракав, пошел в Государственный архив справиться, нет ли чего в отделе Кабинета Петра Великого[172], касающегося описываемых мною Азовских походов. Был любезно принят Я. Л. Барсковым и С. А. Князьковым. Как я и ожидал, для такого раннего времени ничего, что не было бы известно ранее, судя, по крайней мере, по описям, не оказалось. Конечно, при более интенсивных поисках в самых делах могут быть сделаны и находки, и притом там, где их и не ожидаешь. Но пока пришлось довольствоваться только описями. Просмотром их я и занялся. Во время работы ко мне подошел новый, очень молодой директор Архива князь Н. В. Голицын, москвич, питомец нашего университета. От него я узнал о предмете заседания Исторического общества, в которое мы вызывались, о рескрипте на имя великого князя [Николая Михайловича], грамоте Обществу и пожалованиях. На Общество возложено поручение выработать проект чествования памяти императора Александра II по случаю столетия со дня его рождения 18 апреля 1917 г. Вместе с Голицыным и Барсковым мы говорили о том, что Общество могло бы издать в память этого дня из относящегося к императору Александру II, предполагая, что роль Общества такою издательскою деятельностью и ограничивается. В Архиве я пробыл до пятого часа, и Я. Л. Барсков был так любезен, что просидел после срока окончания занятий, чтобы дать мне возможность закончить работу. Вернувшись домой, я от М. К. [Любавского] узнал о крупных успехах наших войск на южном фронте – взято в плен около 40 000 австрийцев и несколько десятков орудий[173]. О себе лично М. К. [Любавский] узнал в Министерстве народного просвещения, где он был, о получении им ордена св. Станислава 1-ой степени[174], что было для него сюрпризом. Развернув «Речь»[175]– газету, купленную мною, – мы увидели подтверждение этого, а также и пожалование мне св. Владимира 4-ой степени[176]. Оказывается, что все члены Общества получили следующие им очередные награды. Пообедав в ресторане гостиницы, мы стали собираться во дворец к великому князю [Николаю Михайловичу], куда и отправились ровно к 9 часам. Войдя в переднюю, мы увидали самого великого князя, стоящего на площадке лестницы и встречавшего гостей. Он нас встретил словами: «Здравия

желаю! А Филиппов отчего же не приехал?» Только что мы с ним поздоровались, как какой-то господин, по-видимому, делопроизводитель Общества, подал нам запечатанные больших размеров пакеты и попросил расписаться. В пакетах заключались орден, препроводительное письмо от великого князя и № прибавления к «Правительственному вестнику»[177] с текстом рескриптов и грамот. В приемной и в гостиной в. кн. мы нашли уже значительное число членов Общества, между прочим, Платонова, Рождественского, Лихачева и др. Минут через 10 великий князь открыл заседание несколькими приветственными словами по поводу исполнившегося пятидесятилетия его деятельности, очень краткими. Ответил на это сидевший рядом с ним А. Н. Куломзин пожеланием всего хорошего великому князю как председателю. Затем великий князь сказал: «Не стану читать того, что все уже читали» (рескрипты и грамоты), хотя Матвей Кузьмич [Любавский], например, еще текстов этих актов не читал. «Сообщу еще, что я послал от имени Общества приветственные телеграммы императрице Марии Федоровне и Государю. Что императрица Мария Федоровна нам ответила на приветствие, это не удивительно, но ответную телеграмму Государя из ставки надо считать особою милостью для Общества». Далее великий [князь] прочитывал текст своих телеграмм, которые мы выслушивали сидя, и тексты ответов, при чтении которых мы поднимались. При этом он сам поднимался как-то посмеиваясь. После этих предварительных сообщений он начал речь по делу, для которого собрано заседание. «Это поручение не только почетное, но и ответственное. Я прошу вас высказываться, что кто имеет предложить, все я выслушаю и приму во внимание, для того я и собрал Общество. Подробно же разработает проект Особая комиссия», и великий князь прочел список *назначенных* им членов комиссии. Из этого списка мы узнали, что туда не вошли ни Платонов, ни Рождественский, но зато попал туда Лаппо-Данилевский. С этой минуты лицо Платонова приняло насмешливо-скептическое выражение, хранившееся им до конца заседания. Заседание комиссии назначено на 26 мая в 11 час. утра, и к нему уже приглашены министр народного просвещения [П. Н. Игнатьев] и почему-то А. Ф. Кони. Затем разные члены начали высказываться после некоторой, весьма, впрочем, продолжительной паузы. Первым сказал Куломзин, что в память столетия со дня рождения Александра I основанные при нем учебные заведения получили название Александровских, можно также основать другие учебные заведения. Сам в. кн. сказал, что ему приходила в голову мысль о медали и о памятнике, который можно бы поставить на Марсовом поле[178], обратив это поле в сквер. Но, разумеется, можно бы только устроить закладку такого памятника. Говорили еще разные лица. Барон Таубе выступил с речью систематизирующего характера и был постоянно перебиваем другими. Великий князь говорил о возможности издать мемуары Д. А. Милютина[179]. Поднялись разговоры об этих мемуарах. Были полный беспорядок и полнейшая бессистемность в прениях, так что записать их нет решительно никакой возможности. Великий князь не представил никакого определенного или хотя бы в общих чертах набросанного проекта и совершенно не руководил прениями. Держал себя фамильярно и слишком по-домашнему. Смольянинову, попросившему позволения говорить, он дал слово, сказав: «Валяйте, валяйте». Дельное, на мой взгляд, предложение сделал князь Н. В. Голицын, указав на необходимость издания в Сборниках И. Р. О.[180] дипломатических документов, относящихся к царствованию Александра II. В. кн. заметил на это, что будут препоны со стороны Министерства иностранных дел. При этом сообщил, что Сазонов не явился на заседание, потому что завтра едет в ставку, что он очень расстроен известием о гибели лорда Китченера и всей английской миссии, ехавшей в Россию[181]. «Я сейчас только, получив телеграмму, заезжал к английскому послу [Джорджу Бьюкенену] выразить соболезнование». Так мы с М. К. [Любавским], да, кажется, и большинство членов Общества узнали эту ужасную весть о гибели Китченера. Говорили еще об издании брошюр об Александре II для низшей и средней школы. Тут выступил с замечаниями М. К. [Любавский].

Последнее предложение сделано было мною: издать письма и бумаги Александра II наподобие того, как издаются письма и бумаги Петра Великого[182]. Я указал на то, что это издание начато было также по поводу юбилея со дня рождения Петра Великого в 1672 г. Конечно, нельзя рассчитывать на быстрое движение этого дела, но хорошо положить ему основание, закладку. В. кн. слушал весьма благосклонно, но потом заметил: «Это прекрасно. Но будет препятствовать ваш сосед слева» – В. В. Щеглов, заведующий собственными библиотеками Государя. Щеглов ответил, что он только хранитель и препятствий устраивать не будет, если будет разрешено свыше. На этом прения кончились, и в половине 11-го заседание, ни к чему, конечно, не придя, было закрыто. Мы вышли вместе с М. К. [Любавским], Платоновым и Рождественским. Жаль, что все это было так беспорядочно. Возможно, что таким же манером идут в разных наших высоких совещаниях и дела большой государственной важности. С такими впечатлениями мы вернулись домой пешком вдоль Летнего сада.

25 мая. Среда. Я плохо спал ночь; под влиянием, очевидно, беспорядка вчерашних прений. Утром гулял в Летнем саду довольно долго. После завтрака я отправился к 3 часам к Лаппо-Данилевскому, как мы условились. Только что мы начали с ним разговор, пришел к нему барон Икскуль-фон-Гильденбандт, также член Общества, бывший государственный секретарь, член Государственного совета. Он долго сидел, и мы вели очень интересный разговор о еврейском и польском вопросах, о войне, о занятиях в Государственном совете и пр. Барон и Лаппо-Данилевский ругали Куломзина, причем барон называл его «Анатолий». «Анатолий-то как плох! Ах, как плох!» Досталось также и Платонову, но так как я при попытке его бранить хранил упорное молчание, то выпады против него не были продолжительны. В заключение оба мои собеседника принялись ругать правительство. Я же доказывал, что правительство не хуже нас и что всякий народ достоин своего правительства. В общем, однако, Ю. А. фон Гильденбандт произвел на меня хорошее впечатление. Когда он ушел, Л [аппо]-Данилевский изложил мне проект петроградских историков об издании истории России на английском языке, приглашая меня принять участие в отделе о Петре Великом[183]. Так как я мог бы ради этой цели воспользоваться этюдом о Петре, напечатанным у Сытина в «Государях из дома Романовых»[184], то согласился, хотя прекрасно понимаю, что предприятие это едва ли удастся.

УМ. К. [Любавского] был сегодня его сын, юнкер Михайловского Артиллерийского училища, и мы вместе обедали. Вечер провели у С. Ф. Платонова в обществе Рождественского, Васенки и Преснякова. С. Ф. [Платонов] очень уязвлен тем, что не попал в Особую комиссию по юбилею Александра II.

26 *мая.* Четверг. Был в архиве Морского министерства в поисках за документами об Азовских походах. Ничего также не нашел. Матвей Кузьмич [Любавский] был у министра. Передал ходатайство о субсидии «Историческим известиям» и получил обещание. Министр сообщил ему, что депутат М. М. Новиков не раз являлся к нему с просьбой вернуть в Университет Мануйлова и Минакова. Игнатьев отвечал, что он не препятствует избранию их Университетом, но назначить их сверхштатными профессорами не считает возможным без ходатайства со стороны Университета. Тогда Новиков изобрел такую уловку: ходатайство уже было, это ходатайство, сделанное Советом тогда же в 1911 г. тотчас же по удалении. Закон не указывает сроков для удовлетворения ходатайств, и поэтому министр мог бы удовлетворить его теперь. М. К. [Любавский] указал на всю неприемлемость такого положения, т. к. состав Совета теперь совсем не тот, в каком ходатайство возбуждалось. Возвращение поднимет, несомненно, раздоры в Университете и т. д.

Вечером мы выехали в Москву с поездом в 8 ч. 25'. Вместо международного вагона нам был дан взамен вагон 1-го класса за недостатком международных. На вокзале невероятная

сутолока, и мы с трудом нашли свои места. Всегда большее удовольствие мне доставляет покидать Петроград, чем приезжать в него.

27 *мая.* Пятница. В Москве. Прекрасная жаркая погода. Дома не застал уже своих, и самому захотелось к ним в деревню. Устраивал разные дела, был на почте, у Джамгаровых, в газетах менял адреса и т. д. Устал до полусмерти. В особенности досадна была задержка в конторе «Русского слова», где из-за такого пустяка, как перемена адреса, меня задержали на 40 минут. Этим делом занята одна барышня, без перерыва стучащая на «Ремингтоне», а публики множество, и нужно было стоять в очереди и дожидаться, как в продовольственной лавке. И здесь кулак-купец, стоящий во главе «Русского слова», которое также иногда проводит либеральные взгляды и не прочь ругать правительство за непорядки, сказался во всей красоте. Я не удержался и высказал неудовольствие довольно громко, будучи поддержан своим соседом по очередной стоянке, но, разумеется, это осталось гласом вопиющего в пустыне. Заведующего отделением, которого я просил мне указать, не было, а служащие сами терпят от этой эксплуатации. Вот он, наш купецкий либерализм, и вот истинная ему цена.

28 мая. Суббота. Утро я провел за писанием дневника за время петроградской поездки. К часу дня отправился в факультетское заседание для поддержки представляемого мною В. С. Бартенева. Собрание было далеко не полным; пришлось довольно долго ждать декана [А. А. Грушку], который, страдая бессонницей, спит по утрам до 12 часов. Представления наши о Бартеневе и об Иванове-Полосине, которого рекомендует А. И. Яковлев, прошли вполне гладко. Виппер оставляет П. Ф. Преображенского, очень способного молодого человека, хорошо занимавшегося и у меня в семинарии. Это представление было также встречено сочувственно, но затем разыгралась история. М. М. Покровский представил студента Раппепорта, о назначении стипендии которому он и ранее очень хлопотал. Самого М. М. [Покровского] не было в заседании, он уже находится в Крыму. Прочитан был его довольно обширный доклад, а затем выступили с возражениями против Раппепорта Соболевский и Грушка, указавшие, что работы его ничем особенным не отличались и считать его выдающимся студентом нет оснований. Он получил, правда, в гимназии хорошую подготовку, но и ничего более. В особенности уничтожающую критику дал Грушка, рассказавший об его плохих ответах на государственных экзаменах. Дело стало принимать дурной оборот. Попытка Поржезинского защищать Раппепорта была очень слабой, он его мало знает. Можно было думать, что решение будет отрицательное. Однако принято было среднее решение: ввиду отсутствия Покровского – отложить дело до осени. Только что отрицательное отношение стало обозначаться, как произошел весьма странный и глупый эпизод: Поржезинский вынул из бокового кармана сюртука бумагу, подал ее декану. Это оказалось коротенькое, но энергичное заявление М. М. Покровского, что в случае отклонения его ходатайства большинством факультета он просит все дело переслать в министерство. Это всех крайне удивило. Покровский обнаружил полное незнакомство с элементами хода дел в Университете. М. К. Любавский объяснил, что если он недоволен решением факультета, то может жаловаться в министерство, которое само тогда вытребует дело. Факультет же по собственной инициативе дела передавать в высшую инстанцию права не имеет, и он как ректор такой передачи допустить не может. Я заметил, что заявление Покровского даже не может быть и принято, так как не основано ни на каком законе и совершенно не имеет прецедентов. Я не сказал только, что оно совершенно глупо. Было решено дело о Раппепорте отложить до осени, а бумагу Покровского считать несуществующей. Поржезинский конфузливо положил ее в карман. После этого мы стали расходиться. Пообедав в ресторане Empire[33] и наскоро уложившись, я

[33] «Ампир» *(франц.).*

поехал в $7^1/_2$ ч. вечера на Ярославский вокзал, без твердой надежды выехать именно сегодня же из Москвы. Теперь твердых надежд никаких иметь нельзя. Так оно и вышло. Хорошо еще, что удалось нанять извозчика за 2 р. 50 к. и перевезти вещи на вокзал; и то был уже большой успех. На вокзале я увидал не предвещавшую ничего доброго массу народа. Сдав вещи на хранение, я до поезда пошел к Богоявленским и побыл у них до времени, когда открывалась продажа билетов на поезд, с которым я должен был ехать. В 9 ч. 50' – за час до отхода этого поезда – мы с С. К. Богоявленским и с Котиком были опять на вокзале. У кассы стояла громадная очередь, вившаяся по вестибюлю вокзала и простиравшаяся в буфетную залу, где и пришлось стать. У дачных касс были такие же очереди. Такой наплыв пассажиров объяснялся, конечно, тем, что это был канун праздника Троицы, и многие стремились уехать из Москвы на два праздничные дня. С. К. [Богоявленский] и Котик уговорили меня махнуть рукой на поездку сегодня и, переночевав у них, ехать завтра с утренним поездом. Так и пришлось сделать. Иначе, вероятно, надо было бы ехать, стоя всю ночь в коридоре вагона. Мы посидели до 12 ч. у Богоявленских. С. К. [Богоявленский] рассказывал мне о том, что Веселовский наводит справки, не собирается ли факультет возводить его в степень доктора русской истории, что он спрашивал об этом прямо у Л. М. Лопатина, который поселяется у него в доме. Это довольно откровенно! Он же поручил Б. М. Соколову собрать «библиографию» о нем, т. е. все рецензии на его сочинения для А. Н. Филиппова, который собирается возводить его в новую степень доктора истории русского права. Если это так, пусть и возводит. Почетными докторами русской истории в Московском университете делались люди уже к концу их ученой деятельности, когда видны были большие результаты. Веселовский слишком для этого еще молод. Это было бы несправедливо также относительно А. И. Яковлева, который одновременно издал две книги, притом на разные темы. Почему же мы будем Яковлева подвергать двукратному мытарству за то же, что Веселовский получит без этих ученых истязаний.

29 мая. Воскресенье. Великолепно выспавшись у С. К. Богоявленского в кабинете, я порадовался, что не пустился в ночную поездку с риском получить место на крыше вагона III класса, взяв билет 1-го. Напуганный очередями, я попросил Котика пойти заранее на станцию занять место. К 9 часам утра мы пришли туда же с С. К. [Богоявленским] и к удивлению увидали, что у кассы совершенно никого нет. Картина вокзала та же, что и при обыкновенных моих поездках с этим поездом к Троице. Были и свободные носильщики, но вещи мне донесли С. К. [Богоявленский] и Котик. Они посидели у меня в свободном купе до 2-го звонка. Наконец я вырвался из Москвы. День был томительно жаркий. К 6 часам вечера я приехал в Ярославль. Едва нашел извозчика за 2 р. до пристани. Ничего не ев с утра или точнее со вчерашнего обеда в Empire, я осведомился о лучшем ресторане в Ярославле и направился, согласно указанию извозчика и двух городовых, в гостиницу «Бристоль». Ресторан, действительно, великолепный. Обеда я уже не застал. Мне дали рыбную солянку за 1 р. 25 к. и за такую же цену отбивную телячью котлету. Каждая из этих порций рассчитана на двоих. Всего я не мог далеко истребить. Значит, эти наши столичные цены просто искусственно взвинчены, и жалобы на недостаток продуктов вздуты. Можно еще жить в русской земле! Не думаю, чтобы в Германии где-либо можно было получить нечто подобное за такую цену!

Пешком я вернулся на пристань общества «Самолет»[185], пройдя по бульвару и по набережной, куда высыпал по случаю праздничного вечера весь Ярославль. Пароход снизу сильно опоздал и вместо $71/_2$ часов пришел только к 12. Ожидание было не из приятных. Неприятно было и то, что не удалось достать каюты. Но ночь была тихая, теплая и светлая, и я большую ее часть пробыл на палубе. Вместо 2 часов ночи к Шашкову мы подошли около 6 утра, и через 10 минут я был уже дома.

30 *мая.* Понедельник. Первый день сельской жизни. Утро я все проспал сном праведника. После обеда сделали с Лизой небольшую прогулку. Осматривали старинный барский дом, где сохранилось много старой мебели из карельской березы, драгоценной теперь. Заходили в церковь, где была деревенская свадьба. Вечером зажигали с Миней костер на берегу. Dolce far niente[34] на лоне природы. Ночь на 31 – звуки скрипки на соседней даче и дивное пение соловьев.

31 *мая.* Вторник. Последний майский день и довольно плохой. С утра пасмурно, дождливо и прохладно после духоты, стоявшей в предыдущие дни. Я возобновил, хотя и не без труда, работу над Петром Великим, написав всего $1/_2$ страницы. После обеда начал читать Пыпина «Религиозное движение при Александре I»[186]. Радостные известия в газетах о дальнейших успехах армий Брусилова. Начинаем бояться, как бы не зарвались неосторожно вперед.

1 *июня.* Среда. Все еще работа идет не так, как хотелось бы. Написал очень мало. Трудно заводить эту машину после перерыва. Пришлось многое перечеркнуть и переделать, и с этим возился до 4 ч. дня. Затем сельская идиллия, прогулка в Кораново и безмятежный вечер. Не было даже газет, чтобы нарушить эту безмятежность.

2 *июня.* Четверг. Работа шла несколько успешнее. Приехали Богоявленские. Пришли газеты с хорошими известиями.

3 *июня.* Пятница. День, как и предыдущие. Утро и после обеда за работой. Провожали в Москву фрейлейн Лину, прогостившую у нас несколько дней. Сильнейший дождь, который мы пережидали на пристани. Вечером читал Пыпина «Религиозные движения».

4 *июня.* Суббота. Утро за работой. После обеда ходили с С. К. [Богоявленским], с Котиком и Юриком в Глинино, Панино, на Остров. Вечером газеты с радостными известиями об успехах армии Брусилова. Все более крепнет во мне уверенность, что к осени война кончится.

5 *июня.* Воскресенье. Утро весьма производительно за Петром. После обеда прогулка с С. К. [Богоявленским] и беседа о разных предметах. Читал Пыпина. Никаких газет и, таким образом, полный отдых. Стоит очень холодная погода.

6 *июня.* Понедельник. Стоит очень холодная погода; у нас в комнатах утром 8–9°. До чаю работал над Петром. Заходил ко мне с соседней дачи жидок-скрипач, чтобы взять у нас лодку, принадлежащую некоей m-me Челищевой, живущей в Рыбинске, где живет и он сам. Этою лодкой мы пользовались в прошлом году. В нынешнем она рассохлась и дает сильнейшую течь. Жидочек мне сказал, что он виделся с m-me Челищевой, которая будто бы ему ее уступила. Я ему не поверил и узнал, что m-me Челищева живет в Крыму, но лодку ему отдал, удивляясь пронырливости и ловкости в обделывании дел иудейской нации, даже и той ее части, которая обладает музыкальными талантами.

После чаю гулял с С. К. [Богоявленским] за Корановым. Вечером чтение газет, прибывших за два дня. Армия Брусилова двигается уже «во Львовском направлении».

7 *июня.* Вторник. В конце первого часа дня к нам вдруг явился студент, спросивший меня. Оказалось, что это студент-филолог Иевлев[35], не успевший сдать полукурсового экзамена в мае, приехал специально ко мне, чтобы сдать этот экзамен, так как только те студенты, перешедшие на 4-й курс, освобождаются от призыва на военную службу, у которых все экзамены за 3-й курс выполнены. Юноша курс хорошо знал. Мы с ним после экзамена погуляли по берегу Волги, а затем пообедали. Он пропустил экзамены потому, что жил в Сухуме в санатории после сильного воспаления в легких. Он мне рассказал, что по дороге в Сухум

---

[34] Сладкое бездействие, приятная праздность *(итал.)*.

[35] Правильно: Иовлев.

он подвергся вооруженному нападению и грабежу. На дилижанс, в котором он ехал, напала шайка из 6 человек: у троих были револьверы, у троих – кинжалы. У публики, сидевшей в дилижансе, ничего не было. Разбойники велели им остановиться, поднять руки вверх, ограбили деньги и часы, одного пассажира сильно ранили и затем удрали. Приехав в Сухум, путешественники заявили о происшедшем полиции, но та выслушала равнодушно, очевидно, как дело обычное. Кавказ – жемчужина России, но пока еще в значительной мере разбойничье гнездо, откуда также выходят Чхеидзе и Чхенкели. Взяты Черновцы[187].

8 *июня.* Среда. С утра день был дождливый, и потому мои «утренние занятия» Петром были особенно интенсивны и продолжительны. После завтрака ходили с Л[изой] и Миней в Кораново – яркое солнце, но довольно свежий ветер. Читал книгу Пыпина. Вечером зажигали костер на берегу Волги. Вечер ясный и тихий.

9 *июня.* Четверг. Самый длинный день в году и очень дождливый. Целый день монотонно лил мелкий дождь. Благодаря этому я поработал, можно сказать, вдвое. Погулять можно было только вечером после ужина. Движение армии Брусилова встречает препятствия в сильных контратаках. Невольно боишься, не кончились бы наши столь блестящие успехи, не стали бы отодвигать нас назад. Так живы воспоминания прошлого лета! В Думе – речи по поводу «крестьянского *равноправия».* Это Маклаковская шумиха – просто несколько изменений, вызванных указом, изданным 10 лет тому назад. В речах пустота и общие фразы. Дельны были слова одного Бобринского[188].

10 *июня.* Пятница. В газетах от 9 июня – о приостановке наступления Брусилова и даже о контрнаступлении немцев на фронте Ковель – Владимир-Волынский[189]. Это известие внушает тревожное чувство. В Москве суд над живым и талантливым священником Востоковым – не сдобровать попу, судьями которого состоят его злейшие враги[190]. У нас опять целый день дождь, вследствие чего я целый день за работой.

11 *июня.* Суббота. День опять дождливый и опять весь за работой. На Юго-Западном фронте как будто лучше, но все еще нет никакого решительного перелома в этой кровавой шахматной игре. Греция сдалась на ультиматум держав в семичасовой срок[191].

Получено письмо от Д. Н. Егорова с известием о предполагаемом выходе книжки «Исторических известий» 18 июня.

12 *июня.* Воскресенье. После обеда мы с С. К. [Богоявленским] сделали попытку пойти в сторону Коранова, но вернулись, т. к. показалась большая туча. После чаю ходили на Остров и на возвратном пути недалеко уже от дома были всетаки застигнуты грозою.

13 *июня.* Понедельник. За нашей дачей – большой луг, начинающий цвести. Лиловеют среди травы целые острова колокольчиков. Я любовался этим лугом утром. С обеда пошел дождь сильный, равномерный и монотонный. Я написал Д. Н. Егорову, Елагину и эконому Академии [К.П. Любомудрову]. Вечером с С. К. [Богоявленским] ходили взад и вперед по нашей небольшой еловой аллейке, прикрывавшей от дождя. С фронта ничего решительного.

14 *июня.* Вторник. Монотонный, все время довольно сильный дождь лил без перерыва всю ночь и весь сегодняшний день. Поэтому мои «утренние занятия», как мы их называем, были особенно интенсивны, начавшись в $8^1/_2$ **ч**. утра и окончившись в пятом дня. К нам приехали Карповичи Иосиф Онуфр[иевич] с сыном; выбрали самую неудачную погоду, какую себе можно представить, слезли с парохода в Песочном и к нам пришли на лодке, насквозь промокнув.

15 *июня.* Среда. День сырой и опять с дождем. Я целый день за работой. Гости наши занимались ломкой сухих сучьев на окружающих дачу деревьях. Попытки двигаться кудалибо вследствие сырости были неудачны. Вечером зажгли костер на сырой траве.

16 *июня.* Четверг. Утром от 9 до 11 работа над Петром. Затем ездили с С. К. [Богоявленским] и с Котиком в Рыбинск по разным делам. Туда при сильном ветре, оттуда при великолепной, тихой и ясной погоде. Дивная красота на Волге вечером. Вернулись в $81/_2$ час.

17 *июня.* Пятница. День ясный, но все-таки с дождями. Я переправился в Песочное и был на почте за высланными деньгами. Затем, вернувшись, работал до 5-го часу. После чая мы предприняли прогулку в Пирогово на берегу Волги за имением Теляковского. Очень красивое место. Грязь по дорогам непролазная. Устали.

18 *июня.* Суббота. На утренней прогулке встреча и разговор с женой нашего сапожника, которая шла очень разряженная на Остров по случаю храмового там праздника. Писал о последних днях мая 1696 г. После обеда чтение книги Пыпина. День ясный, но часу в 6-м вдруг гроза с одним, но сильным ударом грома.

19 *июня.* Воскресенье. Первый солнечный жаркий день без дождя. С 9 до 1 ч. работал над Петром. Провожали на 4-х часовой пароход наших гостей – Карповичей. О. А. [Карпович] человек, достойный всяческого уважения: знающий свое дело, добросовестный и хороший работник. Лева, его сын, мальчик, в котором ничего серьезно-дурного заметить нельзя, но крайне невоспитанный по внешности. Видно, что растет на дворе в кругу уличных мальчиков. Жаль. Проводивши, гуляли с С. К. [Богоявленским], встречая препятствия, и горячо спорили об интеллигенции и о нашей государственной форме.

20 *июня.* Понедельник. Важное в нашей тишине событие: пришла первая книжка «Исторических известий». Составлена очень недурно. В добрый час! Другое важное известие принесено было Юриком: для нас с Богоявленскими есть в Рыбинске лодка. Была опять гроза, никуда двигаться нельзя было.

21 *июня.* Вторник. Ездили двумя семьями в Рыбинск за лодкой. На пароходике с пристани Черная Грязь село человек двадцать чернорабочих грузчиков, зарабатывающих, однако, как выяснилось из беседы с ними, рублей 7—15 в день. Почему-то с особенным интересом они стали рассказывать о том, что иные пьют теперь вместо водки: оказывается не только денатурированный спирт, но и бензин, причем один даже заметил: «Богачи-то на моторе ездят, а мы его пьем!» Правда, это случаи очень редкие. При торговле водкой ехать в такой компании, в какую мы попали, было бы невыносимо; теперь же отлично ехали и даже с интересным разговором. В Рыбинске лодку после разных перипетий достали. Обедали в ресторане «Централь». Обратный путь был испорчен дождем. Миня чувствовал себя на палубе парохода возле капитанского мостика и рупоров капитаном, все время перебегал от одного рупора к другому и т. д. Я познакомился с священником о. Николаем, в приходе которого селе Красном[192] жил С. Ф. Платонов. Разговаривали о нем. Вернувшись прочли в газетах телеграммы о значительном наступлении англичан и французов[193]. В 10 вечера ходили на пристань с С. К. [Богоявленским] устраивать привезенную лодку.

22 *июня.* Среда. До 4 часов за работой. После чаю ездили на лодке в Песочное.

23 *июня.* Четверг. Жаркий солнечный день и первый, кажется, совсем без дождя. Жара в Шашкове на меня действует особенно ободряющим образом, а потому работа у меня в моей прохладной комнате шла до 5-го часу особенно интенсивно. Первое купанье – и как раз сегодня [праздник] Аграфены-Купальницы. После чаю одинокая прогулка Глинино – Панино – Остров. После ужина немного катались на лодке, любуясь вечерними красками на реке.

24 *июня.* Пятница. Утром купанье, прогулка и работа. После чаю ходил в деревню Мартюнино. Вечером беседа с С. К. [Богоявленским] и газеты. Прошли наконец законы о мясопустных днях[194] и о прибавке жалованья профессорам. Воображаю, как повесили носы наши юристы перед перспективой лишения десятии двенадцатитысячных гонораров с 1-

го января[195]. Известие о том, что проклятые «Гебен» и «Бреслау» обстреливали Туапсе и Сочи[196].

25 *июня.* Суббота. С утра начался дождь и целый день продолжался с небольшими перерывами. Я работал с 9 час. утра до 1 часу, не встав с места, а затем продолжал занятия и после обеда. После чаю ходили по нашей прибрежной дорожке сначала с Л [из ой], а затем с С. К. [Богоявленским]. Беседа на пристани с матросом Ив[аном] Ивановичем] о пароходных порядках.

26 *июня.* Воскресенье. До обеда обыкновенная работа. Довел биографию до 10 июня 1696 г. После обеда с С. К. [Богоявленским] и Котиком сделали наш наиболее обыкновенный тур: Глинино, Панино, Остров. День ясный и жаркий. Подходя к дому, встретили только что приехавшую Варвару Сергеевну. Вечером она мне сообщила печальные вести о будто бы очень опасной и безнадежной болезни профессора Академии С. И. Смирнова. Грустно, если это так. Прямо не верится; так недавно он еще был у нас, и сказать, чтобы перед нами был опасный больной, совсем нельзя было. Получил ответ от Елагина об остающемся количестве учебников.

27 *июня.* Понедельник. Биография Петра доведена до 23 июня 1696 г. Целый день оставался дома. Вечером гулял с С. К. [Богоявленским]. Все время мысли о С. И. Смирнове. Надеюсь только, что это ложный слух.

28 *июня.* Вторник. Утром ездили в лодке на ту сторону в Песочное за продовольствием и на почту, причем в фабричной лавке нам сказали, что впредь отпускать чужим будут уже не все товары. Начинается таким образом частичная блокада. После обедая занимался биографией Петра, которую довел до 30 июня 1696 г. Эти занятия были прерваны приездом к нам Маргариты. Написал два письма: Елагину ответ на его письмо и Туницкому с вопросом о здоровье С. И. Смирнова. Отвез письма в Песочное. Юрик в лодке.

29 *июня.* Среда. Утром во время прогулки встретил Т. В. Щукину с племянницей и внучками, едущих на Остров. Биографию Петра довел до 16 июля 1696 г. После чаю ходили с Л[изой] и с [Марга] ритой в деревню Мартюнино, пробираясь по грязи.

30 *июня.* Четверг. Утром все-таки дождь и каждый день так. Можно бояться за сенокос в здешних местах. Работал до чаю, т. е. до пятого часу, и описал всего три дня в жизни Петра: 17,18 и 19 июля 1696 г. После чаю ходили с С. К. [Богоявленским] в Позделинское, деревню в 1 1/2 версте от нас, чтобы побеседовать с деревенскими властями об озорстве их мальчишек. Мальчишки 8–9 лет сквернословят поразительно. Весь лексикон пускается в ход в самых разнообразных сочетаниях с большим притом проявлением творческих способностей. Видели «выборного», который однако сказал, что ничего с ними поделать нельзя, что он и власти над ними не имеет, что, впрочем, он скажет родителям. Вот она школа этого деревенского хулиганства! Когда дождешься перехода на хутора и такого развития чувства собственного достоинства, при котором и на воспитание детей будет в деревне обращено внимание. С фронта известие о заминке у реки Стохода[197], об озорстве подводных лодок в Черном море[198] и о прибытии немецкой подводной лодки в Америку[199].

1 июля. Пятница. Утро и после обеда за работой. Описаны дни 20–22 июля 1696 г. Вообще до обеда я живу более в 1696 г., чем в 1916 г. К нам заходила за чаем Т. В. Щукина, направлявшаяся в Романов, и мы проводили ее на пристань.

Затем прогулка с Маргаритой, С. К. и Юриком [Богоявленскими] до Острова и обратно. Вечер за чтением газет.

2 *июля.* Суббота. Биография доведена до 15 августа включительно. Если бы можно было так работать весь год, как шла работа за этот месяц, кое-что было бы и сделано. После чаю далекая прогулка с Маргаритой к деревням Болонову и Погорелкам. Любовались ланд-

шафтами в Нестеровском стиле и пестрыми коврами цветов на полянах. Хорошо, несмотря на то что опять после дождя большая сырость.

3 *июля.* Воскресенье. Утром работа до 1 ч. После чая с Л Сизой] и Маргаритой прогулка: Глинино – Панино – Остров. День ясный и жаркий; однако все же после обеда дождь. Возвращаясь с прогулки, увидали всех позделинских мальчишек у ручейка, где мы купаемся. Говорил с ними просто и по душам, чтобы бросили дурные привычки. Удивлен был и серьезностью ответа: «Простите, больше не будем». Я ожидал в ответ дерзостей, на то и был готов. Душа русская – драгоценность, но оправа у нее дрянь.

4 *июля.* Понедельник. Утром работал с 9 до 11. Затем, простившись с Богоявленскими, уезжавшими сегодня по Волге, мы вчетвером, т. е. Л[иза], Маргарита, Миня и я, отправились в Рыбинск. Только что мы пришли на пристань, начался дождь, хотя день был с утра очень ясный. Мы было поколебались несколько, но затем все же отправились, и довольно неудачно. В ресторане, где мы и в прошлую поездку обедали, цены уже оказались значительно поднятыми. Так, порция шницеля, стоившая две недели тому назад 1 р. 50 к., теперь стоила уже 2 р., и все в том же роде. Л[иза] хотела было купить Мине новые башками. Мы зашли в первый же хороший магазин; нам показали некую невероятную дрянь и объявили ей цену в 17 р. 50 к. Идет какая-то бешеная скачка цен. Мне было поручено матросом с Кашинской пристани Гаврилой купить для починки нашей лодки предметов, о которых я имел весьма далекое представление: шпаклевки или, если ее нет, то масла, мелу и белил, а также гвоздей. Все это я исполнил, но пришлось тащить 9 фунтов в руке и разыскивать гвозди в железных лавках. $1/4$ ф[унта] маленьких гвоздиков, так называемых обойных, фунт которых до войны стоил 10 коп., теперь стоит 25 коп., да и то едва нашли. Все эти искания по жаре в грязноватой части города при страшной жаре были томительны. Л[иза] также не нашла, чего стремилась купить. Удовольствие получил только Миня, т. к. мне удалось найти сразу же для него беленькую матросскую шапку, о которой он мечтал. Вернувшись, наконец, на пристань, мы в довершение узнали, что шестичасовой хороший и удобный кашинский пароход сегодня не пойдет, а пойдет только утлая «Пчелка» в 8 ч. 15' вечера, так что нам предстояло томительное ожидание. Со всеми вещами мы потащились на Самолетскую пристань и там провели два часа на палубе стоявшего парохода за чаем, который, впрочем, достали не без труда, т. к. пароход стоял без паров. Наконец в 9-м часу мы пустились в обратный путь. Стало уже темнеть, и вечер на палубе был очень прохладный. Никакого удовольствия эта прогулка нам не доставила. На пароходе поздоровался со мною студент Духовной академии Соколов[200], пишущий у меня же кандидатское сочинение о Сперанском; он сын священника села Воскресенского, против нас на другом берегу Волги. Дома ждали меня неприятные вести: письмо Туницкого о безнадежном положении С. И. Смирнова, лежащего уже в Москве в клинике проф. Голубова. Болезнь его остается неопределенной, но он тает с каждым днем, как свеча. Грустно! Вот уже второй из моих друзей в Академии выбывает из строя. Первая потеря была в [А. П.] Голубцове. Остаются все чужие, далекие мне люди.

В Рыбинске мы узнали две вести: одну печальную о смерти Мечникова, другую весьма приятную о взятии нашими войсками города Байбурта в Малой Азии[201], пункта, по моему мнению, очень важного для снабжения и защиты Эрзерума. Теперь, должно быть, владение Эрзерумом можно считать прочным.

5 июля. Вторник. Утро за работой и все после обеда. День ясный, июльский и первый без дождя. После чаю прогулка вчетвером в Погорелки, Болоново и Кораново. Мысль о С. И. Смирнове.

6 *июля.* Среда. День жаркий, но с небольшим ветром – как раз для сена. Утро за работой – биография до 30 сентября. После чаю прогулка вчетвером в Лучинское и оттуда лесом в Позделинское. Миня, вооружившись пузырьком изпод эфира, данным ему Котиком, все искал жуков, наконец нашел двух и в полном восторге запрятал их в пузырек.

Мы отдыхали около Позделинского, сидя в тени на бревнах. Я говорил, что испытываю тревожное чувство относительно Сергея Ивановича Смирнова и уже невольно смотрю на похоронные публикации в газетах. Придя домой, мы нашли уже газеты, но публикации не было. Вечером после ужина с [Марга] ритой и Миней мы были на берегу, жгли костер. Только уже перед отходом ко сну, когда мы с Л[изой] читали газеты, она вдруг показала мне заметку в «Русских ведомостях», очень коротенькую, с известием о смерти С. И. Смирнова в понедельник 4-го в клинике. Итак, когда я получил письмо Туницкого 4-го вечером, С. И-ча [Смирнова] уже не было в живых. Умер он в тот же день, что и пять лет тому назад [А. П.] Голубцов. Всего на 47-м году жизни. Свидание наше в мае оказалось последним, и это уже не первый случай, что видишься с человеком, не думая о будущем, а оказывается, что расстаешься с ним навсегда. Жаль. Ушла научная сила из Академии, редкая среди того хлама, который ее наполняет! Честный, прямой и добрый человек, талантливый труженик, преемник и строгий хранитель традиций, оставленных его учителями Голубинским и Ключевским.

7 *июля.* Четверг. Утро за работой. После чаю провожали Маргариту, уезжавшую домой. Погода изменилась. Утро было ясное. После обеда наплыли облака. Миня с увлечением, вооружившись граблями, помогал убирать сено на лугу. Проводив М[аргариту], я пошел погулять за Мартюнино лесом и отошел довольно далеко, как вдруг совершенно неожиданно разразился сильнейший дождь. Я промок до нитки, дорога в один момент разгрязла. Под непрерывным дождем, с трудом скользя по грязи, я вернулся домой. Из газет мы узнали, что похороны С. И. Смирнова назначены на сегодня. Я послал с М[аргаритой] письмо Вере Михайловне [Смирновой].

В газетах ряд отчаянно плохих статей о Мечникове. Из рук вон плоха статья Анучина, который взялся писать, признаваясь, что мало читал Мечникова[202]. Особенно пошло произведение Борьки Сыромятникова, не нашедшего ничего более подходящего сказать о Мечникове, как изругать Кассо. Только злоба на свою глупость и больше ничего.

8 *июля.* Пятница. Утром до 3 занятия: составлял описание входа войск в Москву 30 сентября 1696 г. Я до такой степени живу в этом году, что когда пишу какое-нибудь письмо и ставлю число и год, то рука невольно изображает 1696 и приходится ее удерживать или исправлять. На прогулке встретил нашу хозяйку, жаловавшуюся на дожди, которые мешают сенокосу – и сегодня опять утром и в 5-м часу шел дождь. Приехали из плавания Богоявленские. После чаю читал статью Пыпина о m-me Криднер[203]. Вечером газеты. Получил письмо от Елагина относительно переиздания 1-ой и Ш-ей части учебника.

9 *июля.* Суббота. Прилежные занятия утром. Окончил описание входа и подготовил биографию за октябрь 1696 г. Написал письмо Елагину. После чаю с Котиком и Миней ездили на лодке довольно далеко вверх. Вечером газеты. Досадно, что в них ни слова о похоронах С. И. Смирнова[204].

10 *июля.* Воскресенье. Ездили к Щукиным, приславшим за нами лошадей. Кучерами были пленные австрийцы-поляки. У Щукина их пять человек, русских рабочих нет. Испытали вновь старинное русское радушие и хлебосольство. На эту поездку и ушел весь день. К Богоявленским в их отсутствие приехала Кузина.

11 *июля.* Понедельник. Пасмурная, довольно прохладная погода – «сиверко». Окрестные пейзажи напоминают что-то, изображавшееся под этим названием на передвижных выставках. К нам заезжали Т. В. Щукина с родными по пути на пароход. Они отправились уже в Москву. Затем я прошелся одиноко за Кораново по любимым моим местам. Газеты вечером принесли известие о целом ряде перемен в министерстве. Сазонов ушел в отставку, Штюрмер садится на его место, на место Штюрмера – Хвостов, на место Хвостова Макаров[205]. Это второй опыт с Хвостовым, на этот раз дядей – в Министерстве внутренних дел[206],

но прекратятся ли от этого «хвосты», стоящие в городах у лавок с продовольствием, обувью и прочим – неизвестно. Чем вызваны перемены – мы, далеко стоящие, совсем не знаем и потому от суждения воздержимся. Как и в прошлом году, совет министров в Ставке повлек за собою отставки.

12 *июля.* Вторник. Всю ночь лил дождь. Днем облачно и мельчайший дождь – водяная пыль. Вследствие отсутствия солнца в моей комнате темновато, и утомляются глаза. Работал до 3 часов. Немного затем гулял, но читать ничего из-за темноты не мог.

13 *июля.* Среда. Биография Петра доведена до 4 ноября 1696 г. Работал до 3 час. День вначале серый, но затем солнце. У нас за чаем Кузина, С. К. и Маня [Богоявленские]. После чаю ходил в Болоново. Вечером газеты: записка о польском вопросе[207]. Ясно, что поляки, когда мы побеждали, стояли за нас, а когда нас побеждали – были против нас.

14 *июля.* Четверг. Писал о постройке кораблей кумпанствами[208], и для самого становилось ясным многое неясное прежде. Работал до 3 часов. Купались с Богоявленскими. После чаю с Л[изой] и Миней плавали в лодке до Пирогова при ясной погоде, любуясь красотой и ширью Волги. Вернувшись домой, нашел изобильную корреспонденцию: от Липухи, от Маргариты, от Рождественского из Архива МИД и повестку о каком-то таинственном заказном письме. Письмо Рождественского касалось С. К. [Богоявленского]. В Архиве почему-то думают, что он куда-то уехал, и поэтому через меня сообщают ему о предложении директора Архива быть представителем МИД при ликвидации какого-то немецкого завода в Москве. Он написал ответ, и, чтобы скорее его отправить, мы с ним в 11-м часу быстро съездили на лодке в Песочное – туда и обратно в 25 минут.

На пристани матрос Гаврило сообщил известие о взятии города Эрдзинджана, что предвиделось и по газетам, т. к. наши войска были от него уже в 15 верстах[209].

15 *июля.* Пятница. День пасмурный и очень холодный, но без дождя. Вечером всего 7–8°. Это в середине июля. Продолжал писать о кумпанствах. После чаю прогулка в Мартюнино, Дроздово, Яковлево в компании с С. К. [Богоявленским], Л[изой], Кузиной и мальчиками Юрой и Миней. Маня оставалась дома из-за внезапной болезни младшего сына, у которого сильный жар. Разговор о предполагаемых типах средней школы. Я стоял за проект Шварца: а) реальные училища, Ь) классические гимназии, с) новоязычные гимназии и затем d) самые разнообразные профессиональные школы[210]. Вечером прибытие первого позднего самолетского парохода в 9$1/_2$ вечера. В газетах указ о начале занятий в Академиях – 16 августа – и о приемных экзаменах с 1 по 15 августа.

16 *июля.* Суббота. Когда видишь, как постарели другие, которых знал в юности – видишь свое отражение; и сам так же постарел, однако этого не ощущаешь, и все кажешься себе тем же, что и в 30 и в 20 лет. Есть что-то в нас само себе адекватное, неизменяемое в течение всей жизни. Сегодня исполнился ровно год, как я стал вести эти записи, не пропустив ни одного дня. Работал с особым рвением с 10 час. до 5-го часа и кончил кумпанства. Это тема для особого исследования. Гуляли с С. К. [Богоявленским], Кузиной и Юриком в Болоново. Юрик был очень мил, когда самым серьезным тоном сказал: «Папа едет в Москву; если он не вернется – мне придется перевозить семью».

17 *июля.* Воскресенье. Проводили С. К. [Богоявленского] в Москву с 12-тичасовым пароходом. Я работал до 5-го часу и довел биографию до 9 декабря 1696 г. Ходили после чаю с Кузиной и Юриком в Лучинское берегом и оттуда лесом. Вечером газеты с важнейшими известиями о прорыве в направлении от Луцка и о занятии Брод[211]. Это уже не очень далеко от Львова.

18 *июля.* Понедельник. Работал очень долго, до пятого часа. Принялся за новые документы о Великом посольстве 1697 года[212] и 1696-й год закончил. После чаю с Кузиной и Юриком гуляли в Глинино и Панино и вернулись через Остров, разговаривали о духов-

ной Академии, о русской интеллигентщине, о старинной архитектуре и живописи. Вечером новые известия о широком прорыве Брусилова.

Нет ничего прочного на земле. Самому полному счастью грозит несчастие быть потерянным.

19 *июля.* Вторник. Начиная с воскресенья все время сильнейший ветер юго-западный и западный и по ночам дожди, а сегодня весь день налетали темные тучи, выливались шумным, сильным дождем и проносились, уступая место яркому солнцу. Утром во время прогулки я был застигнут таким налетом дождя и основательно вымочен. Найдя новые документы в Памятниках дипломатических сношений[213], переделывал описание декабря 1696 г. в биографии. Работал много до 5 часов. После небольшая прогулка с Л[изой], Миней и Кузиной. Вечером были у Богоявленских, вспоминали 19 июля 1914 г. Два года войны!

20 *июля.* Среда. День Ильи-Пророка, настоящее лето уже прошло. Дождь, ветер, мрачно. Все это очень благоприятствовало работе над Петром. Занят был подготовкой января и февраля 1697 г. Уехала Кузина с 12-часовым пароходом, я ее также провожал. Получил письма от епископа Сергия с приложением письма С. Д. Самариной о времяпрепровождении А. Д. Самарина и от Ф. М. Россейкина с предложением написать некролог С. И. Смирнова или характеристику его как ученого. Первое мне здесь, вдали от Посада сделать трудно. Второе надо принять. Заставляли Котика писать и переписывать прошение в Университет; написал с кляксами.

21 *июля.* Четверг. Весь день очень пасмурно, без единого солнечного луча. Утомляются глаза при таком освещении за работой. После обеда гуляли с Л [изой] и М [иней] по направлению к Острову и два раза были застигнуты небольшим, правда, дождем. Миня раскапризничался, что не попал на 4-часовой пароход. Вечером газеты.

22 *июля.* Пятница. Погода из рук вон плохая. Весь день дождь. Из-за Волги надвигались громадные, темные свинцовые тучи, которыми я любовался, двигаясь по нашей береговой дорожке. Работал с 9 до 3 час. дня. Писал январь и февраль 1697 г. Получил письмо от Ив. Вас. Попова с грустным рассказом о последних днях С. И. Смирнова и с просьбой написать Платонову, чтобы походатайствовал о пенсии его семье. У Богоявленских больны Юрик и Миня, повышенная температура, и оба лежат. С 7 час. вечера полил непрерывный равномерный дождь, и так всю ночь на 23-е.

23 *июля.* Суббота. Весь день лил дождь, мерный, монотонный. Ни единого просвета. Я работал до чаю с большой энергией, а затем двигался по береговой дорожке под зонтом. Миня с своим приятелем Колей, не обращая внимания на дождь, правда очень мелкий, заняты были сооружением мола на берегу.

Люди в очень зрелых годах остаются теми же, какими приходилось знать их на школьной скамье. Со времени нашего ученья в гимназии я невысоко ставил нравственный уровень В. Маклакова (бывшего классом моложе меня). Это был мальчик, желавший во что бы ни стало себя показать, заставить говорить о себе, обратить на себя внимание, но всегда себе на уме. В Университете он был коноводом на сходках во время историй, но его родитель, профессор, вхожий к тогдашнему генерал-губернатору В. А. Долгорукову, всегда выручал его, и истории кончались для В. Маклакова благополучно, тогда как соблазненных им юношей высылали в Вологду и Вятку. Не забуду, как раз на студенческом концерте в Благородном собрании этот демагог, стоя за колоннами, выкрикивал: «Марсельезу, Марсельезу!» – тогда этот республиканский гимн воспрещался, это было еще до Франко-Русского союза[214] – и затем, выкрикнув, приседал, чтобы спрятаться. Я поэтому не удивился, прочтя в газетах письмо председателя Губернской земской управы Грузинова о махинациях почтенного кадетского оратора перед губернатором, чтобы получить для своего имения пленных, когда их не может получить и земская управа[215].

24 *июля.* Воскресенье. Серый, прохладный день; небо затянуто облаками, но без дождя. Писал до $3^1/_2$ час. Затем написал два письма: Платонову и Ив. Вас. Попову. Кажется, с делом капитана Фрайета, расстрелянного немцами за то, что, командуя коммерческим судном, потопил их подводную лодку, взаимная ярость достигла кульминационного пункта[216].

25 *июля.* Понедельник. Серый день, небо опять затянуто облаками, не пропускающими ни одного солнечного луча. Я работал до $31/_2$ очень пристально. Затем прошлись с Л [изой] до Острова и обратно. Вечером газеты. День мелькает за днем, не видишь, как летит время. Жизнь уже прожита, а все еще в голову иногда лезут какие-то воздушные замки.

26 *июля.* Вторник. Впервые после долгого перерыва нам улыбнулось солнце, хотя все же день не обошелся без дождя. Мы с Миней в 11 час. намеревались ехать в Песочное на почту, но отложили поездку из-за дождя, оказавшегося, впрочем, небольшим. Поэтому и ограничились встречей парохода на пристани. Биографию довел до 23 февраля 1697 до заговора Цыклера. Сделаю антракт для чтения книги Веселовского[217], которую уже начал. После чаю ездили на лодке с Л [изой] и Миней. Солнечно, но черная туча на востоке. Письмо от Туницкого, тоже с просьбой написать Платонову о С. И. Смирнове, что я уже и сделал.

27 *июля.* Среда. Утром ездили с Миней на лодке в Песочное за жалованьем. Там сегодня праздник, фабрика не работает и молебен. Припомнили, что и в прошлом году мы туда попали в этот же день. Читал Веселовского. От моей темноватой кельи очень утомлены глаза.

28 *июля.* Четверг. В ночь на 28 разверзлись все хляби небесные, и всю ночь шел сильный, ровный дождь. Днем порывистый холодный северо-восточный ветер, приносивший тучи, обильно разражавшиеся дождем и градом, а в перерывах между этими налетами туч сияло солнце. Нельзя было выйти и на 10 минут из дома, чтобы не попасть под дождь. Продолжал чтение Веселовского, с досадой, что оно отрывает меня от моей работы. И во II томе он то же, что и в первом.

Из-за мелочей нет представления о главном, из-за деревьев не видно леса. Умеет изображать только приказное делопроизводство и не способен на более широкий размах. Нет полета мысли, копается в скрепах и справах. Нет логической последовательности. Изложение отрывисто, бессвязно, последующее не вытекает из предшествующего. Частые обрывы со словами: «Об этом буду говорить ниже», так что пишет спотыкаясь.

29 *июля.* Пятница. День опять солнечный, но с дождями. Лето из рук вон мокрое. Скошенная трава везде вокруг лежит и мокнет. Для ржи тоже плохо, и жать еще не начинали. Но зато для овса – благодать, и он здесь повсюду прекрасный. Прочел 5 листов Веселовского, все более убеждаясь в том, что он не способен к конструкции книги. Его книга – это комментарии к трем томам Актов писцового дела[218]; не Акты – приложение к книге, а книга – комментарий к Актам. Написал епископу Сергию. После чаю гулял по берегу, а затем через лес по густейшей и мокрой траве к Позделинскому. Великолепный старый лес совершенно в диком состоянии. Оценил значение высоких сапог. С фронта благоприятные известия из Галиции, наши войска приближаются к Станиславову[219] и, вероятно, не в далеком будущем возьмут Львов[220]. Турки немного бьют нас в Персии. Куропаткин назначен ген. – губернатором в Туркестан, где объявлено военное положение – должно быть, там не совсем спокойно[221]. Главнокомандование Куропаткина на Северном фронте – не вплело лавров в его венок.

30 *июля.* Суббота. Я не записывал ничего с 30 июля по 3 августа включительно, потому что до такой степени устали глаза, что решил дать им отдых на 4 дня, и в эти дни ничего не читал и не писал. Теперь (записываю это 4 августа утром) восстановлю события за дни отдыха. 30-го приехал С. К. Богоявленский и привез с собой Н. В. Рождественского, достопочтенного актуария ОИДР. Я читал утром Веселовского.

31 *июля.* Воскресенье. Утром предложил С. К. [Богоявленскому] и Рождественскому совершить прогулку, и мы отправились через Глинино, Панино и Остров. Было ясное утро, но на дороге нас все-таки захватил дождь; я был основательно вымочен. Вечером пили чай у Богоявленских.

1 *августа.* Понедельник. Утром в церкви за обедней и потом на водосвятии на реке. Миня очень хорошо стоял в церкви, молился и затем шел в крестном ходу. Говорил мне, что ему хотелось бы прислуживать в алтаре, как другие мальчики. Затем мы с ним занимались рубкой деревьев, загораживающих свет в наши окна. Для отдыха состязались в шахматы с Н. В. [Рождественским] и С. К. [Богоявленским] весь вечер. Отчаянный дождь.

2 *августа.* Вторник. Ходили с Н. В. [Рождественским] и С. К. [Богоявленским] утром в Кораново к сапожнику, который, однако, отказал нам в просьбе взять нашу обувь в починку, т. к. прекращает производство. Мы были просителями, а он гордо отказывал. Опять среди дня страшный дождь. Вечером Н. В. [Рождественский] и Богоявленские у нас. Опять играли в шахматы. Письмо от Д. Н. Егорова.

3 *августа.* Среда. Я перебрался в более светлую комнату. Среди дня – шахматы. Вечером проводили Н. В. [Рождественского]. Миня в большом удовольствии, что был на десятичасовом пароходе.

4 *августа.* Четверг. Возобновил «утренние занятия». Читал Веселовского с тем же впечатлением. После обеда меня соблазнили идти за грибами. Мы нашли их немного. День хмурый, но без дождя – это большая редкость. Итак, у нас май – морозный, июнь и июль дождливые.

5 *августа.* Пятница. Утро дождливое. До обеда и некоторое время после читал Веселовского. Затем отправились с Л[изой] и Миней в Рыбинск на пароходе «Михаил Федорович». Миня робко подошел к капитану и попросил позволения войти на рубку и был в восторге, что ему пришлось плыть на рубке лучшего парохода. Возвращались на кашинском пароходе, и Миня опять подходил к рупорам, говорил в них команду «Вперед, до полного», «Назад самый тихий» и т. д., совершенно увлекаясь и изображая из себя капитана.

6 *августа.* Суббота. Утро за книгой Веселовского. Отвечал на письмо Егорова и на полученную сегодня же открытку от Елагина с просьбой разрешить печатание 1-ой части учебника. Гуляли с Л [изой] и Миней в Болоново. Миня на прогулке много шалил, дурачился и кривлялся. Это оттого, конечно, что ничем не был занят. С детьми прогулки надо устраивать совершенно иначе, вроде того, как я устраивал с Липушатами экспедиции на лодке в Нодендале[222]. Надо бы и в нашем случае предпринимать какие-либо экспедиции с раскладкой костра, например, вообще с какой-нибудь игрой. Но на это надо время, внимание и силы.

7 *августа.* Воскресенье. День пасмурный, небо как-то сонливо затянуто ровной завесой облаков, но без дождя – впрочем, несколько капель все же упало. Я кончил чтение книги Веселовского. Заключительная глава, которая должна бы, подводя итоги, давать резюме, вкратце излагать всю книгу – образец неясности. Вечером газеты. На фронте пока без перемен. Австрийцы сильно обороняются на Золотой Липе[223]. Турки имеют успех в Персии.

8 *августа.* Понедельник. Составил план рецензии на книгу Веселовского[224], а затем вернулся к Петру; переход на другие рельсы был не из легких, и работа шла небыстро. Получен ряд неприятных известий в газетах: Персия, как я и догадывался, оказалась в руках турок[225], ворвавшихся туда большими силами. Почему великий князь Н[иколай] Николаевич] их туда пустил – неизвестно[226]. Не могу судить, но кажется, что это ошибка. В Галиции наше наступление остановлено значительными свежими силами немцев, пришедших на помощь разбитым австриякам[227]. Маргарита в письме сообщила известия о страшно высоких ценах в Москве и, что еще хуже, об отсутствии многих продуктов. Тоже перспектива невеселая. Ну, хорошо, что у нас деревня сыта, и в ней, кроме сахару, которого нигде нет, ни в

чем не чувствуется недостатка, а деревня ведь это $^{9}/_{10}$ нашей страны. Как-нибудь потерпим. День ясный и очень жаркий с сильным восточным ветром. После чаю мы с С. К. [Богоявленским] и Юриком предприняли прогулку, хотели идти далеко, но у Коранова были застигнуты тучами, вернулись к церкви, переждали там грозу и небольшой дождь, и затем ходили в Болоново. Много говорили о книге Веселовского. Вечер закончили шахматами у С. К. [Богоявленского].

Умер, как я узнал из газет, Иван Алексеевич Лебедев, мой учитель географии и истории в 5-й гимназии, один из самых любимых моих учителей. Он преподавал географию начиная с I класса, и помню, с каким интересом я слушал его объяснения. Мне казалось тогда, что он сам бывал во всех тех странах, о которых рассказывал. С III класса он начал давать уроки истории. В IV классе его уроки прервались; он заболел чем-то очень опасным, у нас тогда говорили, что скоротечной чахоткой, и должен был отправиться в Крым. Его заменил у нас С. И. Анцыферов, бывший потом директором департамента Министерства народного просвещения. Иван Алексеевич вернулся, поправившись, и я его слушал в VI, VII и VIII классах. Он умер на 71 году.

9 *августа.* Вторник. Утром гроза и дождь. В середине дня опять гроза, без дождя. Вечером сильная гроза и сильнейший ливень. Утро я за работой над Петром, опять вошел в свою колею. Писал о заговоре Цыклера. Известия из Галиции неясны, а с Кавказа или точнее из Персии – неприятны.

10 *августа.* Среда. Все утро дождливая погода, но все же довольно тепло. Работал над биографией, продолжал заговор Цыклера. После чаю гулял по берегу в одиночестве.

11 *августа.* Четверг. Утро ясное, но прохладное. Много желтого листа, чувствуется осень. Плавали утром на лодке в Песочное на почту и за провиантом. Затем писал биографию. Часов в 5 была гроза и дождь.

12 *августа.* Пятница. Ясный день без дождя, с разлитою в воздухе осенней бодрящей, но наводящей грустное чувство свежестью. Мы стали очень рано вставать и наслаждаться ясными утрами. Я долго гулял в парке, любуясь солнечными лучами, проникающими через густую, но во многих местах уже пожелтевшую листву. Много затем работал. Вечером дважды ходил к хозяйке имения уплатить остающиеся деньги, но оба раза не застал. Газеты с известием об отставке Волжина[228]. Письмо от Егорова с энергичным требованием скорейшей присылки рецензии на Веселовского.

13 *августа.* Суббота. Утро очень ясное, опять с каким-то осенним оттенком. Я сделал прогулку дольше, чем обыкновенно. Окончил заговор Цыклера; не раз отрывали меня от работы. После обеда С. К. [Богоявленский] предложил в последний раз прогуляться, и мы отправились на Остров скопировать надписи на трех могильных плитах XVI и XVII вв., которые мы прочли еще в прошлом году. Читать их в нынешнем было труднее, т. к. плиты очень поросли мхом, и мы должны были их расчищать. Надписи эти следующие: I – «Лета 7125 [1617] августа в 18 день на память свтых мученик Фрола и Лавра преставися князь Микитина княж Еналеевича Унбошева … а во іноцех схімніца Елена»; III – «Лета 7177 [1669] июля в 24 дн на память свтых страстотерпцев русских князей дву братов Бориса і Глеба во святом крещении нареченных Романа и Давыда преставися раб Бжий Борис Козміч Берсенев пожів от рожденія своего 54 года». Князья Умбошевы – это помещики из татар, испомещенных при Грозном в Романовском уезде.

Мы вернулись домой через деревни Панино и Глинино. Началась сильнейшая гроза, и весь вечер лил дождь.

14 *августа.* Воскресенье. С утра небо очень хмурое. Я успел сделать небольшую прогулку по берегу, и затем полил дождь, сильный и непрерывный, продолжавшийся до поздней ночи. Я упорнейшим образом работал до вечернего чаю. Писал о последних приготовлениях Великого посольства. Наступила такая темнота, что дальше ничего делать было нельзя. В

газетах известия о нашем успехе на Кавказе[229] и мало вестей с Балканского фронта, теперь, мне кажется, главнейшего. На нем, должно быть, и следует ожидать развязки, если Болгария будет разбита, а Турция отрезана от Германии.

15 *августа.* Понедельник. Работал с большим усердием до 4 ч. дня, описывая окончательные сборы посольства. Уехал в Москву С. К. [Богоявленский]. Мы с Л[изой] и Миней ходили, проводив его, гулять по направлению к Острову. Вечером у нас было странное происшествие: пришли две бабы продавать масло и кур, торговались битых два часа сначала на террасе, а потом в кухне, поднимая при этом необычайный крик. Вот они «бабы-торговки», о которых писал Петр Великий, предписывая сенаторам вести себя пристойно, не подражая им[230]. Я получил очень милое и любезное письмо от С. Ф. Платонова с исполнением просьбы о семье Смирнова.

16 *августа.* Вторник. Окончил описание сборов посольства, до 9 марта 1697 г. Затем читал отзывы о диссертациях С. И. Смирнова[231] и думал о нем. К вечеру распространилось известие о том, что Румыния объявила войну Австрии[232]. Это радостный признак близкого конца войны. Болгария теперь окажется между двух огней, а Турция будет отрезана от Германии и скоро сдастся. Выступление Румынии с ее маленькой армией – капля, но капля, которая переполняет чашу.

17 *августа.* Среда. Известие о Румынии оказалось верным. Мы утром ездили в Песочное и взяли там газеты с этою приятною вестью. Должно быть, это – начало конца этого кошмара, который давит всех вот уже два года слишком. Начал писать статью о С. И. Смирнове[233], но работа как-то шла вяло.

18 *августа.* Четверг. День с утра пасмурный и дождливый; но затем ясный, совсем безоблачный и по-осеннему свежий. Уехали Богоявленские. Проводив их, я сделал большую прогулку в Погорелки и Болоново по любимым местам с нестеровскими пейзажами. Писал сегодня о С. И. Смирнове, а после обеда подготовлял материалы для биографии Петра за март 1697 г. В газетах отклики на румынское выступление. С нетерпением ждешь дальнейших событий.

19 *августа.* Пятница. Думать о своем прекращении неестественно, ждать его тяжело, но прекращаться естественно и легко. Писал о Сергее Ивановиче [Смирнове]. Дивное ясное осеннее утро. После чаю катались на лодке. Вокруг наступила необыкновенная тишина. Осень.

20 *августа.* Суббота. Окончил статью о С. И. [Смирнове] вчерне. Часов с 11 утра пошел дождь, сначала небольшой, затем сильнее и лил непрерывно весь день. На реке свирепствовала прямо настоящая буря. Сегодня в ночь уехали отсюда еще наши соседи Русиновы, а днем также обитатели двух дач по левую сторону дороги. Шашково совершенно опустело. Осень, осень! Вследствие бури через реку не переезжали, и мы остались без известий. Окончив воспоминания о С. И. [Смирнове], я с жадностью принялся опять за биографию Петра и работал до тех пор, пока это позволяла опустившаяся с 5 часов темнота. МысЛ[изой] и М[иней] гуляли затем, несмотря на дождь, в парке и порядком промокли. Вечером затоплена была печка, и за столом с моей старой лампой было очень уютно. Почитав Мине из «80 000 верст под водой» Жюля Верна, что он слушает с большим вниманием, я читал затем очень интересную книгу Скворцова «Археология и топография Москвы»[234].

21 *августа.* Воскресенье. Всю ночь лил монотонный сильный дождь. Некоторый антракт был часа на три утром, затем опять полилось, и так на весь день. Мы очень мало выходили. Я подготовлял биографию и довел до 8 апреля 1697 г. Вечером письма и газеты. Отрадные известия о румынских успехах. Наши войска перешли через Дунай и идут по Добрудже – знакомые места[235]. Который раз уже нам приходится переходить через Дунай!

Но генерал Саррайль что-то совсем не движется[236]. Неужели у него не хватает сил? Значение встречи его с русскими войсками понятно и для нас, невоенных людей.

22 *августа.* Понедельник. Дождя хотя и нет, но который уже день не видим солнца! Небо покрыто тучами, по временам летит мельчайшая водяная пыль из облаков. Очень холодно. Я много работал – до 4-х. Затем часа два гуляли по берегу. У нас началась укладка вещей, сборы в Москву. Вечером за столом с лампой у топящейся печи. Миня с большой охотой слушает Жюля Верна. Затем газеты с известиями о Греции[237].

23 *августа.* Вторник. Холодно, на дворе 6°. Успел сделать очень мало, так как утром ездили с Миней в Песочное на лодке для устройства денежных дел на почте. Поднялся сильный противный ветер, я мог грести против течения с большим трудом, несмотря на очень небольшой груз в лодке. Мы пристали, не доехав до Песочного – пристани, и ходили туда пешком. После обеда Миня меня отрывал от работы, прося идти с ним встречать пароходы. Вечером мы с ним были у владелицы Шашкова М. В. Флинт, чтобы расплатиться. Она сказала, что поступила на Курсы на медицинский факультет. Вечер, как обычно, в столовой за газетами, очень мало давшими. Письмо от Платонова с удивлением, что ходатайства от Академии о пенсии семье С. И. Смирнова в Синоде еще нет. Странная медленность!

24 *августа.* Среда. У нас сборы в Москву и укладка. Я, впрочем, продолжал утром работать и довел биографию до 19 марта 1697 г. Подсчитав, я увидел, что за лето написано более *дести* [238] бумаги. Немало. После обеда делали прощальные прогулки в Кораново и затем по берегу. Вечер за газетами. Предстоящий переезд действует на меня крайне неприятно; является какое-то волнение, мысль о том, что пароход опоздает и т. д. Итак, прощай Шашково, прощай, тихое деревенское уединение и работа без помехи!

25 *августа.* Четверг. Утро у нас прошло в сборах в путь. В даче полнейший разгром. Напоследок погода нам улыбнулась; великолепный солнечный день. Удалось немного подвигаться по моей любимой береговой дорожке и в последний раз (до какого времени? а может, и совсем в последний, все возможно!) полюбоваться Волгой. В 2 ч. дня мы были уже на пристани; но пришлось подождать парохода до $31/_2$ ч. Миня в последний раз исполнял принятые им на себя добровольно и все лето замечательно аккуратно выполнявшиеся обязанности отдавания чалки при отходе парохода. В 6-м часу мы были уже в Рыбинске. Началась скучная история с наймом ломового, перевозкой багажа и т. д. Затем железная дорога, билеты, носильщики, багажи и пр.

26 *августа.* Пятница. Утром мы в Москве с большим опозданием и с досадным обстоятельством: багаж не пришел с тем же поездом. Ночь все-таки бессонная, делать ничего не мог. Прежде вся деятельность в день переезда и состояла в разгрузке; сегодня и этого не было. Москва поразила меня своим плохим видом: пыль, перегруженные трамваи, «хвосты» у лавок, публика, еще более плохо одетая, чем раньше. Сделал непременный визит «Русским ведомостям» для перемены адреса. Вообще день пропавший. Но с войны добрые вести. Близко падение Галича. Англичане и французы медленно, но верно и неуклонно продвигаются вперед[239]. Только на Балканах какая-то заминка! У себя на столе я нашел несколько книг: диссертацию М. В. Клочкова о Павле I[240] и две книги Яковлева, обе незаконченные: «Приказ сбора ратных людей» и «Засечная черта»[241]. Первая производит – на первый, впрочем, самый поверхностный взгляд – впечатление чего-то очень сырого. Посмотрим. Все же русская история не стоит на месте. Пишу заметки за эти два дня 25 и 26-ое в Москве, 26-го вечером около 10 ч. Лиза уехала на вокзал выручать вещи, Миня спит у меня на диване полураздетый и прикрытый за неприбытием одеял старым дедушкиным халатом.

27 *августа.* Суббота. Утро прошло бесполезно, в разгрузке вещей. После обеда – визит в «Русское слово» для перевода газеты. Грустное впечатление производит Москва. Летом ремонта домов не было; все как-то потемнело, облезло, облупилось, обломалось, загрязни-

лось; все стало какое-то драное. Неприятно. Вечером оставался с Миней, читали. Так день – без всяких научных занятий. Забыл, впрочем, записать пренеприятный визит утром Е. И. Стратонова, опять лезущего с проектом держать магистерский экзамен, с которым он приходил ко мне года два тому назад. Ему теперь 44 года. Я решительно отказался руководить им и убеждал его бросить это дело, т. к. начинать его слишком поздно.

28 *августа.* Воскресенье. Утром ясная погода. Прогулка с большим наслаждением, и с грустью читал «введение» к магистерской диссертации С. И. Смирнова «Духовный отец в древней восточной церкви». Очень ясно и стройно написано. В первом часу пришел А. П. Басистов. Вечером мы с Л[изой] были у Богоявленских, где были Холи, Кузина, Д. Н. Егоров.

Разговоры о войне, об историческом журнале, о поползновениях С. Б. Веселовского на докторскую степень etc.

29 *августа.* Понедельник. Утром я отправился в участок, чтобы добыть карточки на сахар, выдаваемые полицией; но участок оказался закрыт по случаю праздника. Был затем на почте, отправлял ректору Академии [епископу Волоколамскому Феодору (Поздеевскому)] темы для семестровых сочинений. Проходя мимо церкви Успения на Могильцах, зашел туда и простоял всю обедню, восхищаясь красотою православной литургии. В первом часу ко мне приехал доцент Академии Н. В. Лысогорский и обедал у нас. Он получил уже степень доктора и все еще остается в доцентах, поэтому он и приезжал; но средств у меня помочь ему почти нет, так как очевидно, что против него имеет нечто ректор. Совет же Академии в делах, в которых ректор с ним не согласен, – пустая тень, призрак. Во время нашей беседы с ним звонил по телефону А. Н. Филиппов, просил оттиска статьи моей о Ростовцеве[242]. Ему Историческим обществом поручено составить историю освобождения крестьян, задача не из легких. Тон А. Н. Филиппова совсем минорный по поводу предстоящего уничтожения гонорара, прямо, говорит, жить нечем. Но, надо полагать, за многие годы, приносившие по 18 000, кое-что при его скромной жизни да сбережено. Эта иеремиада заставила меня рассмеяться. После ухода Лысогорского я начал читать диссертацию Яковлева[243], и она стала меня подкупать рассыпанными там блестками таланта. Вечер дома.

30 *августа.* Вторник. Все утро и после обеда до 5 час. был занят перепиской статьи о С. И. Смирнове, но не переписал и половины ее. Звонил мне по телефону преподаватель истории Зарайского реального училища с жалобой на магазины Сытина, в которых нет первой части моего учебника. 2-ое издание разошлось, а 3-е не успело поступить в магазины[244] – все же такой перерыв досаден. Он заезжал ко мне и взял у меня 15 экземпляров из моих. Вечером я был на именинах у Шурика [Богословского]. Затишье на нашем фронте, перед самым Галичем. Дня три тому назад газетчики продавцы вечерних газет выкрикивали: «Взятие Галича», но это оказалось ложным известием. В 1914 г. дело шло быстрее.

31 августа. Среда. День начался для меня весьма необычно: посещением участка, куда я ходил за карточками на получение сахара. Это мне сделали там весьма быстро и с большою любезностью. Заходил затем к Карцевым по этому же делу. Устраивал различные хозяйственные дела, и на них ушло все утро. После обеда переписывал статью о Сергее Ивановиче Смирнове. Звонил ко мне Ю. В. Готье, только что приехавший из Крыма; говорили о диссертациях Яковлева и о книге Веселовского. Вечером я опять был у Карцевых.

1 сентября. Четверг. Утро проведено также не по-обычному. Я отправился в Государственный банк, чтобы получить выигрыш, упавший на наш с братом общий билет 1 марта. Это оказалось вовсе не просто. Надо посылать билет с заявлением в Петроград и затем ждать несколько недель. В банке была масса народу, и я должен был претерпевать большие мытарства. Да все «государственное» отличается у нас большим беспорядком. В частных банках все бы устроили скорее и толковее. По дороге в банк я встретил А. Н. Филиппова, продолжающего тосковать об отмене гонорара. Он сообщил мне, что, обещав графу Ростовцеву, внуку

освободителя крестьян, мою статью об этом последнем, он принужден был, так как оттисков у меня не оказалось, купить книгу «Деятели реформы», выдрать оттуда статью и послать. Нытье Филиппова меня порядочно увеселило, и я открыто выразил ему свою радость по поводу отмены гонорара, как меры справедливой и для филологов и провинциальных профессоров выгодной. После банка я был у казначея Университета за жалованьем, а также у секретаря Совета за послужным списком для школы, куда поступает Миня. В помещении университетских канцелярий грязно, темно, тесно, все облуплено и ободрано. Грустно смотреть. От всех этих хождений по финансовым делам я очень устал, так что не сразу мог приняться за работу.

Миня сегодня был на молебне в гимназии Репман[245], куда он поступает во второй приготовительный класс. Вечером мы с Л[изой] были на именинах у Маргариты. С трудом попали в трамвай, который, двигаясь, дребезжал, как совсем разбитый. Но ничего, доехали благополучно. И все у нас дребезжит – ну, да только бы армия была крепка.

2 *сентября.* Пятница. Миня в первый раз отправился в свою школу учиться. Я никуда не выходил из-за насморка и кашля. Все утро усердно работал. Окончил переписку статьи о С. И. Смирнове и начал работу над рецензией о книге С. Б. Веселовского. Вечером у меня был Ю. В. Готье. Мы с ним толковали много о книге Веселовского, а также о диссертациях Яковлева. Вот пример гибельного влияния Веселовского на Яковлева. Ну стоило ли тратить столько времени и сил на этот ничтожный Приказ сбора ратных людей, о котором написана его диссертация! Ведь это предмет для небольшой статьи – не более того. На фронте полное затишье. Но на Балканах что-то делается, но что неизвестно, и эта неизвестность томительна, потому что ею прикрываются обыкновенно неудачи. О победах становится известным с чрезвычайной быстротой. Неужели опять ошиблись?!

3 *сентября.* Суббота. Утром подготовлялся к лекции в Академии для понедельника. Затем начал писать рецензию на книгу Веселовского, и выходит довольно резко, но, кажется, справедливо. Знакомство тут ни при чем, передаю правдиво свои впечатления.

На фронте все такое же томительное затишье, и отсутствие известий о событиях на Балканском полуострове, а несомненно, что где началось, там и кончится; там надо ждать развязки войны. В Добрудже мы, по-видимому, встретили более значительные силы, чем ожидали[246]. Ген. Саррайль медлит из-за двусмысленности и даже худо прикрытой враждебности Греции, т. е. ее короля Константина, с которым державы совершенно напрасно церемонятся. Если бы, например, нисколько не нарушая его прав, предложить ему переехать на некоторое время на французский броненосец и управлять страной с этого броненосца, результат был бы совсем другой. Дело получило какой-то тягостно-затяжной характер. Третий год войны чувствуется. Дороговизна отчаянная, цены прямо-таки бешеные. За колку сажени дров два года назад мы платили 60 коп., теперь подрядили ночного сторожа за 2 р. 50 к.!

4 *сентября.* Воскресенье. Вспоминали с Миней бабушку[247], это был день ее рождения. Миня с Л [изой] были в Донском монастыре. Я писал рецензию на Веселовского до 5 ч. вечера. Затем прогулялся, а вечером был на многолюдном собрании редакционного комитета у Д. Н. Егорова[248]. На нем были и лица, журналу довольно далекие, хотя и состоящие зачем-то членами комитета: Грушка, Розанов. М. К. Любавский рассказал о своих шагах летом в Петрограде для добывания журналу субсидии, что и увенчалось успехом, обещано по 5 000 в год на два года. Затем обсуждался состав второй книжки, обещает быть довольно полной и статьями, и библиографией. Много спорили по вопросу о том, допускать ли полемику или нет. Радушный хозяин вынул из своего запаса уцелевшую еще от обеда после диспута бутылку шампанского, и мы ее распили – по $1/_2$ маленького стаканчика. А. Н. Филиппов был забавен своей скорбью об отмене гонорара и своей жадностью, не желая уплатить 5 рублей

взноса казначею общества. Смех! Я ушел около 11 вечера, т. к. на другой день надо было рано вставать.

5 *сентября.* Понедельник. Первая поездка в Академию. Чтобы попасть на трамвай № 4, я должен был сначала на трамвае же отправиться к Дорогомиловской заставе, конечному пункту этого трамвая, и оттуда уже ехать на вокзал. Любовался красотой Москвы-реки и Бородинского моста, которого до сих пор еще как следует не видал[249]. Выросло также новое великолепное здание Брянского вокзала[250]. День был ясный, солнечно-осенний. В вагоне поезда – много пассажиров и не из приятных встреча с Алмазовым, который мне стал противен после его гнусности с книгой Покровского[251]. Я сел в другом отделении. Лекцию читал вступительную при довольно полной аудитории, но не успел сказать всего, что хотелось и что было намечено. После лекции [и] обеда прогулялся по своей любимой дороге в скит[252], любуясь дивной красотой осеннего пейзажа: желтый лист на фоне зеленой хвои, зеркальная тишина воды, далекий вид маленького монастыря. Затем зашел навестить В. М. Смирнову – и у нее просидел вечер с И. В. Поповым, которого она вызвала, как это делалось и при Сергее Ивановиче [Смирнове]. Много о нем вспоминали.

6 *сентября.* Вторник. День опять ясный, солнечный и поосеннему свежий. Утро в Академии. Читал, кажется, лучше, чем вчера. В поезде на обратном пути опять встреча с Алмазовым. Был на факультетском заседании – дел много, но все формальные, и заседание имело характер встречи после каникул. В «Русских ведомостях» сегодня статья С. В. Бахрушина, резко нападающая на духовенство, его строй, школу, нравы, отрезанность от общества[253]. Мне при чтении этой статьи вспоминалось купечество, к которому и автор ее принадлежит, с прогрессивными повадками и с тою же алчностью к наживе, с которою облапошивали и дедушки в смазных сапогах. Можно быть прогрессивным гласным и писателем и принадлежать к купеческому дому мародеров, «придерживающих» кожу, чтобы вздуть на нее цену и таким образом ограбить казну и публику[254].

7 *сентября.* Среда. Утро за книгой Веселовского. Заседание Совета Университета, в котором выбирались выборщики для избрания члена Государственного совета от Академии и университетов. Перед Советом у меня был полукурсовой экзамен. Студентов было всего человек 8, из них два потерпели крушение. Перед выборами читались относящиеся до них законы и разъяснения и собственное постановление Совета из 6 §, между прочим, и о том, что отсутствующие баллотируются и эти §§ были вновь утверждены. Затем, когда поданы были записки, оказались заявленными несколько отсутствующих. Тотчас же пришлось пожалеть о том, что приняли постановление их баллотировать, так как предстояло баллотировать и проваливать очень почтенных лиц. Несколько заявленных кандидатур были все-таки сняты по заявлению профессоров, удостоверивших, что отсутствующие больны и потому ехать выборщиками не могут. А. П. Павлова, отсутствовавшего, никто не отстоял. Наибольшее число записок получили Матвей Кузьмич [Любавский], Филиппов и Митропольский – прошлогодние выборщики. Поставлен был и ящик Павлова, и шарами он получил большее число голосов, чем Митропольский, так что и был признан избранным. Затем уже в частном собрании мы ознакомились с законом 3 июля текущего года о новых университетских штатах[255]. Закон составлен безграмотно – и это работа двух палат. Примеры: статья 1-я «Профессора избираются Советом». О факультетах ни слова. Одна из следующих статей: «Приват-доценты, если в течение 5 лет со дня утверждения в этом звании не представят магистерской диссертации, теряют право быть приват-доцентами». Спрашивается, относится ли это к лицам уже состоящим теперь более пяти лет приват-доцентами без диссертаций? Если это так, то их очень много, они ведут важные отделы преподавания, и удаление их, в высокой степени несправедливое, внесло бы большое расстройство в преподавание. Если же закон предусматривает только будущее, то какое значение имеет эта норма,

когда сам закон только временный, принятый только на три года?! Что же касается до §§ о пенсиях, то там полная неразбериха, в которой совершенно можно запутаться. Да, господа законодатели, велика ваша государственная мудрость. Политиканствовать и выкрикивать митинговые речи вы умеете, а где нужна была ваша настоящая работа, там вы обнаружили полное убожество своих сил!

8 сентября. Четверг. На утренней прогулке встретил В. М. Хвостова, шедшего на Курсы, и проводил его. Затем, выйдя вновь пройтись в 6-м часу, опять встретился с ним на Никитском бульваре. Он жалуется на признаки грудной жабы, что мне показалось едва ли вероятным. Говорили о новом законе о профессорах, и мнение его как хорошего юриста было мне интересно. Он утверждает, что статьи закона написаны столь категорически, что должны быть применены (о выборах в Совете и приват-доцентах). Говорили также о дороговизне и военных делах. Он рассказал мне, с какими злоключениями он съездил на июль месяц в Крым в Гурзуф, куда его послал доктор. Сам же он намеревался сидеть в Москве все лето, и весь июнь чувствовал себя превосходно. С 11-го часа до 5 вечера я занят был рецензией на Веселовского.

9 *сентября.* Пятница. Дождь, и с утра очень сильный. Я с 9 утра до 5 пополудни работал над рецензией и кончил ее начерно. Выйдя погулять, встретил Д. Н. Егорова. Вечером у меня Вл. А. Михайловский; жаловался на своего принципала А. А. Бахрушина, который снаружи прогрессист, а внутри спекулянт и сквалыга, как и большая часть наших прогрессистов из именитого купечества.

10 *сентября.* Суббота. У нас на фронте воюют, а в тылу воруют – так, по-моему, можно обозначить наметившееся разделение труда. Вакханалия цен и спекуляций достигла, кажется, уже наивысшей точки. Кто только может, наживает и грабит. Утешаешься тем только, что долго это продлиться не может. Конца войны я ждал к осени текущего года; но так как решительного удара на Балканах, должно быть, не будет, то, может быть, война еще продлится до осени будущего года, так, примерно, до августа. Все же осталось потерпеть меньше года, maximum 11 месяцев. Сравнительно с тем, что вынесли, это немного, хотя, конечно, последние шаги самые трудные.

Переписывал рецензию на Веселовского и читал ее Л [изе]. После чаю ходил в магазин Готье[256], купил Мине книгу Жюля Верна «Les enfants du capitaine Grant»[36]. Этот подарок вызвал в нем двойственное чувство: он и радовался подарку, и в то же время несколько жалел, что книга на французском языке, на котором он читает пока с трудом. Вечером читал статьи Надеждина по исторической географии и Голубовского о болгарах и хазарах[257], для курса древней истории, который я думаю значительно дополнить. Начав в нынешнем году с древней истории, я имею намерение в течение остающихся мне до 25-летия 3-х следующих лет прочесть последовательно весь курс русской истории, дополнить, исправить и таким образом подготовить к печати.

11 *сентября.* Воскресенье. Утро ясное, солнечное, так что не мог удержаться от прогулки по Девичьему полю. Затем подготовлялся к лекции в Академии и продолжал переписывать рецензию на книгу Веселовского. От 3 до 5 я назначил прием молодых людей, оставленных при Университете; пришли Фортунатов, Рыбаков и Новосельский, и я думал обстоятельно побеседовать с ними, как вдруг с необыкновенным шумом вошли Д. Н. Егоров с двумя своими мальчиками и с собакой. Беседа наша была нарушена. Говорили о журнале и об Историческом обществе. В виду недостатка рефератов я предложил прочесть свою статью о С. И. Смирнове, что и было принято. Вечер дома; выходили немного пройтись с Л [из ой].

12 *сентября.* Понедельник. В Академии. Обедал у И. В. Попова в обществе бывшего профессора Академии Городенского. Много говорили о дороговизне и войне. Убеждал И.

[36] «Дети капитана Гранта» *(франц.).*

В-ча [Попова] выступить в Обществе с докладом; у него есть два и, судя по его изложению, очень интересных. Он мне передал красивую легенду, возникшую в Посаде по поводу пожара в Троицком соборе. В соборе 31 августа ночью затлелась вата, находящаяся в ризе преподобного Сергия. И вот пошли рассказы о том, что некоторые видели, как преподобный Сергий ушел из собора и монастыря. Не иссякает народное творчество в области легенд. Вечер провел у себя в номере за чтением книги Корсакова «Меря и Ростовское княжество»[258], которой не имел случая прочесть раньше.

13 *сентября.* Вторник. Утро в Академии на лекции. Утро ясное, осеннее, с красотою желтого листа. По приезде в Москву устраивал денежные дела с С. К. Богоявленским, отдавшим мне долг 18 000 руб. Были с ним у нотариуса, а затем эти деньги я отнес в Сберегательную кассу и поручил купить бумаги военного займа. Возиться с деньгами для меня куда тяжелее, чем с ученой работой. Возвращаясь из кассы по Тверской и Тверскому бульвару, я любовался молодцеватым маршем Александровского военного училища[259]. Юнкера шли по четверо в ряд и растянулись на весь Тверской бульвар, шли в ногу, с бодрым видом. И все это наши – студенты, которые, надевая военную форму и приобретая военную выправку, совершенно меняют вид. Вечер я пробыл дома.

До такой степени чувствовал себя усталым, что лег спать в 10 часов.

14 *сентября.* Среда. Весь день с 9 ч. утра до 6 ч. вечера просидел над рецензией на Веселовского, которую кончил и отнес к Д. Н. Егорову. У него я ужинал и прочел некоторые места. Вернувшись домой, нашел у нас Липушат и Котика. Окончив работу, чувствовал облегчение. Можно возвращаться к Петру. У нас днем были М. М. Вагина от Троицы, а затем Маня с двумя младшими детьми. Я виделся с ними из-за работы мало.

15 *сентября.* Четверг. Наконец, я получил после более чем трехнедельного перерыва [возможность] вернуться к Петру, и все утро занят был им, делая дополнения и исправления в написанном летом. Но увы! Чтобы написать историю Петра Великого, надо самому быть вроде Петра Великого. Меня все более тревожит мысль, что эта работа мне не удастся. Был в Университете на полукурсовом экзамене – явилось человек 15. Виделся с Готье. Вечером читал книгу Михайлова о Псковской Судной грамоте[260].

16 *сентября.* Пятница. Утро за работой над Петром, но по существу довольно бесплодное. Читал в Биографическом словаре[261] статью о Соковниных, написанную В. Д. Корсаковой, женой казанского профессора, увидел, что она считает Ф. Пушкина, одного из участников заговора против Петра, зятем не Соковнина, а Цыклера. Между тем, в описании заговора я так много распространялся о родственных связях Пушкиных с Соковниными. Я должен был вновь пересматривать свой очерк, перерыл все источники и литературу и убедился в ошибке В. Д. Корсаковой. Совершенно напрасно редакция Словаря поручает ей статьи; они бездарны и вот, как оказывается, с ошибками. Было очень досадно. После завтрака был в Румянцевском музее у Ю. В. Готье, взял книги, необходимые для Петра: Bergengriin'a о великом посольстве в Лифляндии в 1697 г.[262] и Lamberty, Memoires etc.[263] Затем ходил в книжную лавку в доме графа Шереметева и купил книгу П. С. Шереметева «Вяземы» – описание старинной усадьбы князей Голицыных[264]. К таким изданиям я неравнодушен, как и к самим этим усадьбам. Хорошо, что принялись теперь за их описание: скоро на месте этих садов и парков, возбуждавших у лучших наших поэтов их поэтические вдохновения, появятся салотопенные и иные всякие заводы. Вечер дома. Продолжал чтение Михайлова. По дороге домой встретил Сторожева, с которым беседовали о войне.

17 сентября. Суббота. Война принимает вновь затяжной характер. На наших фронтах затишье. На Кавказе, очевидно, сделано все, что нужно было сделать, и цели достигнуты. Но Брусиловское наступление наткнулось, надо полагать, на значительные препятствия под Галичем и поэтому остановилось[265]. Вяло идут военные действия на Балканах, где я ожидал

решения войны. В Греции раскол и революция – может быть, державы ждут ее присоединения?[266] Утром сегодня писал некролог С. И. Смирнова для «Исторических известий»[267]. Был после завтрака в университетской библиотеке, где удалось взять все книги, которые искал для курса. Оттуда заходил в канцелярию Совета взять копию послужного списка для Мини в гимназию. Был у Карцевых поздравить Веру Сергеевну [Карцеву]. Там встретил Дувакина[268] и Володю в солдатской форме с другою его женою – у него их две. Вечер дома – кончил книгу Михайлова о Псковской грамоте.

18 сентября. Воскресенье. Утром прогулка по Девичьему полю и любованье золотою осенью. Затем готовился к лекции в Академии, а после завтрака начал было заниматься Петром, но пришли маляры вставлять окна и выжили меня из кабинета. Я достал «Русский архив» за 1879 г. со статьею Погодина, написанной им в 1875 г. и изданной уже по его смерти: «Единодержавие Петра 1689–1694 г.». Эта статья служит продолжением его «Первых 17 лет жизни Петра Великого»[269]. В ней Погодин имел намерение также следить за Петром за каждый день его жизни. Кое-что мне приходится дополнить. Итак, мне пришлось быть продолжателем замысла Погодина! На много ли я продолжу? Пока всего еще только на два года, правда, я пишу гораздо подробнее. Досадно было, что от этой работы меня оторвали маляры. Но большое счастье, что удалось их найти. Им теперь, как и вообще рабочим людям, надо 20 раз поклониться.

Часа в 3 пришли к нам Юрик с Миней Богоявленские, а затем все Холи с рассказом о свидании с С. В. Пучковым, у которого они были на Братском кладбище[270]. Они у нас обедали; было очень оживленно и шумно. Затем по их уходе воцарилась тоскливая тишина.

19 *сентября.* Понедельник. Лекция в Академии. Не знаю почему, второй мой час закончился аплодисментами. Читал не лучше других разов. Недоумеваю. Читал о норманской и антинорманской школе. После обеда сделал свою любимую прогулку в скит[271], любуясь «в багрец и золото одетыми лесами». Заходил к Шостьиным. Студент Коля [Шостьин], оказывается, взят в военную службу летом и теперь в Алексеевской училище[272]. Старшая дочь поступила на курсы Полторацкой[273]. Вернувшись к себе, читал статью Б. М. Соколова об Идолище Поганом в Ж. М. Н. Пр.[274] Талантливо написано, а затем «Мерю и Ростовское княжество» Корсакова. Пишу в гостинице в 10 ч. 35' вечера и ложусь спать.

20 *сентября.* Вторник. Лекция в Академии. Как будто замечается вновь движение наших войск в Галиции. Газеты полны статей о новом министре внутренних дел Протопопове[275], бывшем товарище председателя Думы. Вот уже, кажется, призыв человека, облеченного общественным доверием – и все же какое недовольство и брюзжание! Подай непременно кабинет Милюкова!

21 *сентября.* Среда. Утро провел за подготовкой к просеминарию и за работой над Петром. Пересматривал 1690 и 1691 годы, читая статью Погодина. От 4 до 6 был в Университете и начал занятия с первокурсниками в просеминарии, объяснив значение практических занятий и объявив темы. За мной зашла в Университет Л[иза], и мы отправились к Мюру улаживать мне лампу. После обеда я был у Д. Н. Егорова, которому отнес краткий некролог С. И. Смирнова.

22 *сентября.* Четверг. Утро после очень ранней прогулки прошло в подготовке к семинарию по Псковской грамоте и в исправлении и дополнении 1691 года в биографии Петра.

Все же статья Погодина заставила меня увидать некоторые пропуски, которые я и восполняю. В газетах прочел известие о смерти Ю. В. Бороздиной – матери нашего «Книгоглота»[276]. В 4 ч. я был в Университете и увидел А. Н. Филиппова, который мне сообщил, что он только что на происходившем сегодня заседании юридического факультета внес предло-

жение о возведении С. Б. Веселовского в докторы истории русского права honoris causa[37]. Сообщение это меня глубоко взволновало потому, что Филиппов поспешил с этим делом, не переговоривши с нами, русскими историками. Я сказал ему, что только что написал очень отрицательную рецензию на книгу Веселовского и что в Совете буду возражать против его предложения. Он очень озлобился и взволнованно сказал: «Ну, как хотите, может быть, с исторической точки зрения его книга не удовлетворительна, но с юридической…» и он не договорил, добавивши только: «Он 40 лет в архивах». От волнения спутал: Веселовскому всего около 40 лет. Я закончил разговор словами: «Значит, будем сражаться». Готье, пришедший к концу нашего разговора, был также взволнован, говорил: «Как же теперь быть! Все же хорошо, что это от нас, т. е. от историко-филологического факультета, отпало!» Я ему сказал, что раз я написал рецензию, где выражаю свое убеждение, что книга – рядовая, следовательно, я не могу смолчать и в Совете, но что Совет, конечно, станет на сторону юридического факультета, т. к. всегда Совет поддержит авторитет факультета против одного лица. Юрий [Готье] мне ответил, что он присоединит свой голос к моему. Посмотрим, будет ли это так. Я считаю книгу Веселовского полною недостатков и не вижу решительно причин проводить ее с отступлением от обычного порядка, т. е. без диспутов. И кроме того, такое отступление было бы несправедливым по отношению к нашим. Почему же мы Д. Н. Егорова и Яковлева, представивших по две книги, подвергали и будем подвергать диспутационным мытарствам. Диспут тем хорош – что это игра в открытую. Каждый может прийти и высказаться о достоинствах и недостатках книги. Зачем же с В[еселовским] действовать втихомолку? Все это меня настолько глубоко взволновало, что я с большим трудом делал вступительные замечания к семинарию. Вечером я был в заседании попечительского совета[277] по вопросу о приспособлении новых программ к курсу средней школы в текущем году. Я за 5 лет, как состою членом этого совета по выбору от Университета, в первый раз был в заседании, потому что первый случай, где голос специалиста мог понадобиться. Большое собрание господ в форменных фраках и сюртуках, все так чинно и формально. Попечитель [А. А. Тихомиров], появившись, обошел всех. Я разговаривал с А. Д. Алферовым. Встретил также С. А. Щербакова[278], своего бывшего ученика Тиличеева. Заседание шло гладко. Доклад по вопросу был составлен комиссией из специалистов по каждому предмету, и совету оставалось только его принимать. В заседании я увидел П. В. Гидулянова – декана юридического факультета, директора Лазаревского института[279]. Я счел обязанностью предупредить его о своем намерении возражать в Совете против Веселовского. Он мне сказал, что предложение Филиппова у них прошло единогласно, потому что книг В[еселовско]го никто не читал и все положились на Филиппова, что И. Т. Тарасов говорил, что с возведением надо спешить, а не то за это дело возьмется историко-филологический факультет, что Гензель и Озеров считают книгу Epoche-machende[38], видя в ней сплошь открытия и т. д. Я рассеял легенду об историко-филологическом факультете и высказал свои взгляды. Гидулянов мне ответил, что он подумает, как выйти из затруднения, и благодарил меня за предупреждение. Виделся я также с Л. М. Лопатиным. Ночь я спал плохо, все думал об этом деле.

23 сентября. Пятница. Все утро за Петром. Пересмотрел 1691-й год и дополнил его. Был на семинарии на В. Ж. К. Занимающихся у меня меньше, чем в прошлом году; но приятно было встретить в составе семинария тех же, которые работали в прошлом году. Заходил затем к М. Н. Розанову поздравить его по поводу исполнившегося 30-летия его службы.

---

[37] «Принимая во внимание заслуги» *(лат.)*, т. е. присудить ученую степень без защиты диссертации, в силу общепризнанных заслуг.

[38] Выдающийся, эпохальный *(нем.)*.

Вечером у меня Вл. А. Михайловский, зашедший с панихиды по Ю. В. Бороздиной. По его уходе я прочел статью Дорна – перевод известий араба Табари о хазарах[280].

24 *сентября.* Суббота. Утро за подготовкой к лекции. В Университете встретил Виппера, поблагодарил его за подаренную мне книгу «История Греции»[281] и сказал ему, что приветствую такую книгу общего характера, на которой отдыхаешь после чтения специальных монографий. Он, видимо, очень рад был моим словам. Слушателей у меня было много, человек 150, чего я по нынешним временам совсем не ожидал, т. к. студентов в Москве мало. Вечером у меня были С. К. Богоявленский и Д. Н. Егоров.

25 *сентября.* Воскресенье. У меня сегодня был большой наплыв посетителей сутра: Н. В. Лысогорский по своему делу об ординатуре; затем бывший студент Академии Иванов, оставленный при Академии, но желающий в то же время поступить в университет, да, кроме того, избежать еще и призыва к воинской повинности. Последнее его стремление мне как-то несимпатично, хотя осуждать я не могу. После завтрака у меня были две курсистки за темами для кандидатских сочинений. Одной я дал тему: «Столкновение Петра с Софьей», другой – «Заграничное путешествие Петра». Обе удивились тому, что темы фактические, однако взяли их с удовольствием. Была также А. И. Елагина со своим сочинением. Наконец, в 5 часов заходил ко мне С. П. Бартенев, принесший мне свой второй том «Кремля»[282]. Так, все время принимая посетителей, я ничего почти сам за день не сделал.

26 *сентября.* Понедельник. Вскоре после того, как я вчера вечером пришел с прогулки, полил дождь и лил всю ночь и утро. Было очень тепло, 11°, но затем температура стала быстро падать, дошла до +2°. Бушевал сильнейший ветер, и пошел мокрый снег. Я все утро был дома и переписывал исправленный 1691-й год. В 5 ч. я отправился к Троице для завтрашней лекции. Записываю это в гостинице в своем номере (12) в 10 ч. вечера, отогревшись за стаканом чаю. С войны ничего утешительного нет. Процесс становится тягучим. Внутри недостаток и воровство.

27 сентября. Вторник. Утром, придя в Академию, я подписал повестку, в которой значилось, что 1 октября по случаю академического праздника будет «торжественный акт»[283]. Т. к. очередная речь за мной, то я был этим известием очень встревожен. После лекции, в перерыве между лекций и практическими занятиями я отправился к ректору [епископу Волоколамскому Феодору (Поздеевскому)] для выяснения вопроса. Но оказалось, что моя речь оставляется до празднования юбилея Академии, а взялся что-то сказать М. Д. Муретов.

В Университет я попал с некоторым опозданием на факультетское заседание и не застал уже приветствия М. Н. Розанову, сказанного деканом [А. А. Грушкой], и его ответа. Всплыло дело Раппепорта. Покровский пожелал объяснить причины, по которым он предлагал оставить Раппепорта при кафедре, и очень длинно восхвалял его сочинение. Грушка возражал, заявляя, что совершенно не усматривает в сочинении тех качеств, на которые указывает, и вообще на уровень знаний Раппепорта. А кроме того, после весеннего заседания он убедился в полной некультурности его. «Убеждение» это состояло в том, что Р [аппепорт] грубо выругал Грушку по телефону, сказавши: «Я тебе разобью всю морду». Вот так кандидаты в профессора! Грушка говорил, что ему пришлось пережить минуты, каких никогда не приходилось переживать. Понимаю вполне. Затем полились, тихо журча, бесконечные слова Покровского. Пришлось положить им конец, обратившись к декану с вопросом, какое собственно дело мы сейчас рассматриваем, идет ли вопрос об оставлении Раппепорта или о чем ином, но тогда о чем именно. Грушка спохватился и пресек дальнейшее словоизлияние Покровского.

М. К. Любавский говорил мне, что А. Н. Филиппов жалуется на меня и ноет по поводу Веселовского. Я изложил ему свою точку зрения и настойчиво подтвердил свое намерение возражать в Совете. М. К. [Любавский] находит, что в таком случае вносить дело в Совет

невозможно. Он утверждал, что есть закон, будто бы разрешающий факультетам допускать к диспуту прямо на доктора и притом без экзамена. Если это так, то вот и прекрасный выход из затруднения. Чего же почетнее, как прямо докторский диспут! Он предвидит затруднение в том, что А. Н. Филиппову лень готовиться к диспуту, возражать на книгу, в которой он мало что понимает. Но что же это за аргумент! Они могут пригласить кого-либо из нас в оппоненты.

К нашему разговору стали прислушиваться Поржезинский и Лопатин. Лопатин, почему-то имеющий представление о Веселовском как о «седовласом старце», пытался меня отговаривать от выступления, приводя аргументами, что 1) наука истории русского права – ниже науки русской истории, 2) почетное докторство – ниже действительного. Аргументы, однако, никого не убедили. Поржезинский разделяет мою точку зрения. Несчастный Ю. Готье, своего мнения не имеющий, метался из одной стороны в другую.

Вечером я был дома и читал книгу Яковлева «Приказ сбора ратных людей». Прекрасная, вылитая по последнему слову артиллерийского искусства пушка, скорострельная и сложная, палит по ничтожному воробью. Бывают покушения на хорошие цели с негодными средствами, и здесь покушение с великолепными средствами на ничтожную цель.

28 *сентября.* Среда. На просеминарии в Университете. Беседа в профессорской с Лопатиным, Грушкой и Поржезинским о Филарете. В просеминарии распределялись темы работ по летописи. Из Университета я зашел домой наскоро пообедать и затем отправился в Общество истории и древностей российских на первое заседание в этом году. Читал Н. Н. Ардашев о своих наблюдениях над рукописями древнейших новгородских писцовых книг, определял их время, значение (подлинник или копия) и т. д., и разогнал публику. Один за другим члены Общества поднимались и уходили; но я прослушал доклад с большим интересом.

29 *сентября.* Четверг. Утром готовился к семинарию по Псковской правде[284], а затем держал корректуру статьи о С. И. Смирнове для «Богословского вестника»[285]. От Сытина мальчик принес мне 1 625 р. вознаграждения за 2-ое издание Ш-ей части учебника. Я их отнес в банкирскую контору Джамгаровых, имея в виду предстоящий новый военный заем. Таким образом, учебник дал мне за 1916 год 4 500 р. Это весьма недурно. На семинарии, кажется, не без одушевления разбирали первые статьи Псковской правды. Т. к. домой возвращаться мне не было времени между семинарием и заседанием Исторического общества – зашел пообедать в ресторан Empire и там немного отдохнул. Вернувшись в Университет, нашел там И. В. Попова, Д. Н. Егорова, Савина, Грушку, Розанова и др. На заседании были еще Голубцовы все трое[286], Громогласов, Коновалов, А. И. Покровский, С. К. Богоявленский. Заседание происходило в аудитории № 6, т. к. после моего доклада следовало сообщение Мальмберга с волшебным фонарем. Савин, открывая заседание, хорошо сказал о С. И. [Смирнове]. Я читал свою статью с чувством и выслушан был, кажется, внимательно. После моего чтения сделан был перерыв, во время которого я и удалился вместе с Ю. В. Готье. Говорили с ним о Веселовском, и это начало уже мне надоедать. Готье отыскал закон, по которому Веселовский может «искать степени доктора» без экзамена. Ну, и чего же лучше! Нельзя же в самом деле *искать* степени «почетного доктора», как он это делает.

30 сентября. Пятница. Встал очень рано в $6^1/_2$ ч., чтобы выехать в Академию с поездом в 8 ч. 30'. И таким ранним утром на трамваях большая теснота, а у булочных и у лавок длиннейшие хвосты. В Академию я попал в начале 12-го, когда уже Совет начался. Собственно, я поехал так рано, чтобы поддержать Лысогорского, если ректором [епископом Волоколамским Феодором (Поздеевским)] будет сделано о нем предложение, но увы, ни после того, как прочтен был указ об утверждении его в докторской степени, ни после того, как текущие дела были окончены, ректор не заикнулся ни словом, хотя дал обещание самому Лысогорскому поднять дело о нем в сентябрьском Совете. Зная от Н. Л. Туницкого о несочувствен-

ном отношении ректора к Лысогорскому, я счел бесполезным и безнадежным заговорить о нем в Совете, т. к. все равно никакое решение Совета, как мы знаем по опыту с Покровским, все равно не будет осуществлено, если «власти» противного мнения. Жаль!

Обедал я у И. В. Попова и просидел у него до всенощной. Затем был у всенощной, очень торжественной, которую служил митрополит [Московский-Макарий (Невский)].

1 октября. Суббота. Утром у обедни в академической церкви. После обедни в квартире ректора чай с закуской в присутствии митрополита. За чаепитием происходило чтение. Инспектор громким голосом читал статью из журнала «Богословский вестник» – записки студента 1824 года[287]. Чтение за трапезой – монастырский обычай. Митрополит прерывал его дважды, один раз для рассказа о видении митрополиту Филарету, когда он, отказавшись освятить Триумфальные ворота вопреки повелению Николая Павловича[288], боялся его гнева. Ему явился «благолепный старец» – Сергий преподобный, успокоивший его. «Есть, – добавил митрополит, – и другая версия той же легенды», что Николай сказал Филарету: «Вы не патриарх Филарет», на что будто бы и тот ответил: «А вы не Петр Великий».

В другой раз он прервал чтение каким-то вопросом. Но наши профессора и доценты за главным столом и за двумя другими столами довольно громко болтали, не слушая чтения. Митрополиту сегодня исполнился 81 год, но физически он довольно бодр – выстоять такие две службы и просидеть акт, казалось бы, дело нелегкое. Вид у него – святого. Есть что-то проникновенное в его взоре, не от мира сего.

На акте М. Д. Муретов плохо читал речь о браке, с выдержками из Библии о прелюбодеянии Давида с Вирсавией – тема для акта с дамами неподходяще пикантная. После акта был обед, заставивший забыть все продовольственные вопросы. В 3 ч. 15' все кончилось, и я, зайдя в гостиницу, под сильнейшим дождем направился домой. Поезд утомительно долгий. Пришлось ехать в купе с 4-мя прапорщиками, весьма некультурного и ограниченного типа, которые затевали с разными пошлыми шутками знакомство с тремя девицами из железнодорожных служащих. Домой я приехал к 8 часам. Меня, оказывается, желал видеть Д. Н. Егоров по редакционным делам. Он и пришел, принеся корректуру своей рецензии на книгу Карсавина[289], которую не советовал ему помещать в журнале Савин.

2 *октября.* Воскресенье. Утром у меня был Лысогорский, очень разобиженный и раздосадованный тем, что ректор Академии [епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский)] его обманул: обещал сделать предложение о возведении его в профессора в сентябрьском заседании и не сделал. Мне было не особенно легко его утешать в его горе, зная враждебное к нему настроение ректора. После его ухода я готовился к лекции в Академии. После чая, во время которого заходил за корректурой Д. Н. Егоров, мы с Миней сделали прогулку к Девичьему монастырю и обратно. Погода стояла прекрасная: ясно и свежо, без ветра. Л[изы] не было дома. Каплюшечка мой очень мило болтал всю дорогу. Вечером я был у Карцевых. Вера [Карцева] нападала на меня шутливо, зачем я отдал свой учебник Сытину, а не им. Из этих ее слов я заключил, что учебник хорошо шел у них в магазине.

3 *октября.* Понедельник. В Академии. Читал неважно. Плохо выспался, как-то волновался и спешил. Вечер, после прогулки, в гостинице за книгой Яковлева, в ненужности которой убеждаюсь все более с каждой прочитываемой страницей. В газетах перепечатка из румынских газет о громадных силах, сосредоточенных немцами против Румынии и о их намерении раздавить Румынию, как это они сделали с Сербией. Неужели союзники допустят это?[290]

4 *октября.* Вторник. День, очень тревожно проведенный. В 9 ч. утра я пришел в Академию и прочел, как мне показалось, недурно первую лекцию. В перерыве между первым и вторым часом в профессорскую вошел доцент священник И. М. Смирнов и объявил, что в Москве бунт, громят магазины, забастовка, что поезда стали и поезд в Посад не пришел. Это

меня поразило до глубины души. Слухи о забастовке с начала октября и в Москве усердно распространялись. Все что угодно, только не железнодорожная забастовка, которая теперь равносильна была бы проигрышу, позорному и непоправимому проигрышу войны! Перспектива сидеть в Посаде мне тоже не улыбалась. Практические занятия, взволнованный этими известиями, я провел кое-как. Затем отправился на станцию; за мной шли два студента – священники, беседуя об остановившихся поездах, о прекращении сношений с Москвою. Но по дороге я стал встречать едущих с поезда, пришедшего в Сергиев в 11 ч. 40'. Значит, известие оказалось вздорным. Поезд, с которым я обыкновенно утром езжу к Троице, пришел вовремя, и на вокзале я встретил приехавшего с ним на лекции П. П. Соколова. Успокоенный, я спросил себе позавтракать и только что успел выпить стакан чаю, как вдруг кто-то вбежал в буфетную залу с криком: «Крушение, крушение у самой станции!» Все, кто были в зале, бросились бежать на платформу, я пошел туда же, и глазам представилось жуткое зрелище. У станции, немного не дойдя до ярославского конца платформы, стоит поезд из нескольких товарных вагонов, первый из которых сплюснут и накренился набок, остальные также повреждены, свернуты крыши, сломаны самые стены. Вагоны вмиг были окружены толпой народа и солдат. Оказалось, что потерпевший крушение поезд был воинский; но, к счастью, первые вагоны шли с грузами, а не с людьми. Вагоны с людьми оторвались и покатились назад к Ярославлю. Солдаты стали выпрыгивать, причем некоторые ушиблись, но ни раненых, ни убитых, к счастью, никого не было. Настроение толпы было тревожно, с несколькими женщинами сделалась истерика. Первые подошедшие к платформе солдаты были также в сильном волнении. Несколько человек из них, увидав шедшего по платформе офицера, почему-то обратились к нему с криками: «Ваше благородие, что же с нами делают, что у них тут за порядки». Раздавались и непечатные ругательства. Офицер ничего не ответил. Не забудешь этой зловещей картины: остановившаяся громада паровоза, разломанные и накренившиеся вагоны и встревоженная охающая и ахающая толпа.

Поезд наш отошел вовремя. В моем купе сели два железнодорожника, рассуждавшие о причинах катастрофы – поезд вследствие неправильно переведенной стрелки вошел не на тот путь, куда ему следовало, и налетел на стоявший на пути паровоз – и о том, что ответит за все дежурный по станции. Они же рассказали, что вчера была катастрофа у полустанка Каллистово, где сошли с рельс вагоны. Невесело было ехать под такие разговоры.

Подходя к дому, я встретил Л [изу], и тут же подошла к нам Н. П. Хвостова, сообщившая, что В. М. Хвостов болен и находится в лечебнице, куда она и идет его навещать. У него, как сказала Н. П. [Хвостова], ангина, осложнившаяся ревматизмом ноги. Нога распухла. Известие не из приятных.

Перед обедом я пошел, несмотря на дождь, немного пройтись Пречистенкой и переулками и заходил в маленькую церковь св. Ильи[291] в одном из переулков близ Пречистенки. Только что начиналась всенощная. Церковь погружена была в полумрак, мерцали лампады и немногие свечи. Народу было всего несколько человек. Вот где можно было искать успокоения!

Вечером я был на заседании Соловьевской комиссии, присудившей премию имени Соловьева[292] А. И. Яковлеву. Комиссия, к удивлению, собралась почти в полном составе: были Виппер, Готье, Савин, Алмазов, С. К. Богоявленский от ОИДР и Бахрушин от города. Я председательствовал за отсутствием М. К. Любавского. В 9 ч. вечера мы разошлись. Я чувствовал себя очень усталым.

5 *октября.* Среда. Я только что расположился поработать над биографией Петра, как пришли Холь и Миша. Они у нас обедали в 1 ч. дня и остались из-за дождя до чаю. Дождь полил ужасный, непрерывный и обильный. По уходе Холей я все же занялся часа $2^1/_2$ —3. После ужина в 8-м часу вечера, несмотря на продолжающийся дождь, мы с Л [изой] отпра-

вились к Холям и у них провели вечер в разговорах и слушая граммофон. Холь рассказывал о своем знакомстве с семьей князей Трубецких – молодых (детей покойного князя П. Н. и С. Н.)[293].

6 *октября.* Четверг. Все утро за работой над Петром: закончил пересмотр и переработку 1691-го года. Был затем на семинарии в Университете. Довольно оживленно разбирается Псковская правда. Некоторые студенты вошли во вкус толкования памятника, не оставляют без внимания, можно сказать, ни одной буквы. Кончив семинарий в седьмом часу, я отправился пообедать в Empire, а к 8 часам вернулся в Университет на государственный экзамен. Было много экзаменующихся. В маленькой аудитории внизу сбиты все экзамены, стоит невероятный шум и гвалт, вести дело сколько-нибудь серьезно невозможно. Экзаменовались у меня, между прочим, студент Яцунский, которого я преднаметил к оставлению при Университете, а также А. И. Елагина. Кончили в 12-м часу ночи. Матвей Кузьмич [Любавский], вернувшийся из Петрограда, рассказывал слякотные петроградские сплетни о недостатке ружей и патронов, о новой будто бы Сухомлиновщине[294] и т. п. Вернулся домой я в первом часу, совершенно усталый.

7 *октября.* Пятница. Утро ушло на мытарства в Государственном банке по поводу получения нашего с Холем выигрыша. Пришлось там порядочно долго ждать. Вернулся домой только к завтраку. Был затем на семинарии на В. Ж. К. Разбор Псковской грамоты идет здесь гораздо более вяло, чем в Университете. Е. Н. Елеонская предупредила меня, что на меня готовится покушение со стороны преосв. Дмитрия, епископа Можайского, в смысле приглашения читать лекции в учреждаемых в Москве Женских Богословских курсах[295]. Дело это оборвалось в 1914 г.; теперь оно опять всплывает, кажется, в особенности благодаря тому, что находит горячую поддержку в обер-прокуроре Раеве, который сам был директором и устроителем женских курсов и питает вкус к этому делу. Известие не из приятных. Придется обороняться. Вечер я был дома.

8 *октября.* Суббота. Лекции в Университете. Виппер, которого я встретил, придя в Университет, жаловался на убыль слушателей, объясняемую происходящим призывом первокурсников. И у меня также публики было меньше, чем в прошлый раз. Говорили с Виппером и Поржезинским о вялом и затяжном характере войны. Эрн высказывал мысль, что *расстройство* продовольствия в *тылу устраивается* по преднамеренному определенному плану нашими германофилами. Это уже, что называется, у почтенного философа ум за разум заходит. Вечер я провел дома за чтением статьи Френа об Ибн-Фадлане и его известиях о болгарах[296]. Егоров звонил по телефону с упреком, зачем я не был на совете В. Ж. К., где происходили выборы директора С. А. Чаплыгина, на сей раз получившего уже 4 черняка; прежде избирался единогласно. Затем звонил Г. К. Рахманов с предложением обедать в среду.

9 октября. Воскресенье. Утром прогулка и подготовка к лекции. Затем переводил (для курса) известия Ибн-Фадлана о болгарах. В 3 часа у меня был студент Яцунский, которого я наметил к оставлению. Надо было спешить к М. К. Любавскому, и я мог поговорить с ним всего несколько минут. М. К. [Любавский] позвал к себе меня и Готье, чтобы толковать о будущем съезде 1919 г.[297] и двинуть его организацию. Но я догадывался, что у него будет А. Н. Филиппов и главным предметом разговора будет докторство Веселовского. Я не ошибся и, войдя к М. К. [Любавскому], нашел там уже Филиппова, который и выдал замысел, встретив меня словами: «Ответчик здесь, вот и истец пришел». На что я спросил: «Разве будет суд?» Разговоры о съезде он слушал неохотно и все посматривал на часы. Мы наметили членов организационного комитета и назначили собрание на 21 октября. «Ну, пора к делу», – сказал А. Н. [Филиппов] и изложил 3 пункта, по которым будто бы я его обвиняю: не посоветовался со мною, предлагает почетное докторство, а не диспут, и еще что-то. Говорил он очень волнуясь и неясно. Хватался за голову руками, кричал, что вот он на старости лет попал в дураки

и т. д., ряд жалких слов. Я ему отвечал тоже довольно горячо и резко, высказал досаду, что он действительно предварительно не посоветовался, а затем впечатление от книги Веселовского. Готье и М. К. [Любавский] искали выхода из создавшегося положения и уговаривали Филиппова предложить проведение с диспутом. Он отказался, сказав, что скоро поедет в Петроград и там поговорит с Платоновым, который обещал ему проводить В[еселовско]го в докторы. Ну и отлично!

Я зашел по дороге домой к Грушке отдать сочинения. Вечером наспех писал представление о Яцунском, а затем пришли Холь с Мишей и Егоров. Холь сообщил слякотный слух о том, что будто бы ведутся в Берне мирные переговоры, что Россия не может более воевать. Егоров кричал, негодовал, ругал немцев и приводил меня в очень раздраженное состояние. Ночь я очень плохо и мало спал. Филиппов все дело изображал так, что он тут ни при чем, что его толкнули М. К. Любавский, а затем и юристы Озеров и Гензель. Последнего особенно он выставлял инициатором. Много раз он восклицал: «Да, старый дурак, попал, как кур в ощип» и т. п.

Откуда берутся такие ползучие, гадкие слухи вроде тех, которые сегодня были сообщены? В основе негодования Егорова я вижу все ту же катастрофу 1911 года[298]. Он посылал от нас за копиями с писем Гучкова к Алексееву, начальнику Штаба Верховного главнокомандующего[299]. Мне показалось не особенно убедительно. Есть и дрязги.

10 *октября.* Понедельник. С большими мытарствами добрался на трамвае до Ярославского вокзала. Принужден был ехать сначала в Дорогомилово и оттуда уже от заставы отправиться к Ярославскому вокзалу: иначе не было возможности сесть в трамвай. Весь вечер за статьей Леонтовича о задружно-общинном быте[300]. В тишине гостиницы и читается много.

11 *октября.* Вторник. Лекция в Академии утром. Плохи наши дела в Добрудже. Опять, по-видимому, прозевали сосредоточение больших немецких сил под начальством Макензена, которые и обрушились на наши и румынские войска[301]. Грустно и досадно. В Москве заседание факультета очень долгое. Приват-доцент Рудаков подал министру просьбу о выдаче ему вспомоществования, написанную в выражениях, в каких с подобными просьбами обращаются к митрополиту бедные старушки. Просьба имеет вид частного письма. Однако министр прислал ее на заключение факультета, и по этому поводу были большие дебаты о неуместности такого обращения. Затем долгие прения вызвало прошение литератора Анатолия Александрова о допущении его в приватдоценты. Некогда он приват-доцентом был, лекций никогда не читал, потому и потерял приват-доцентское звание, с тех пор никаких научных трудов у него не вышло. Защищал его с большим красноречием И. И. Иванов. Тем не менее он торжественно провалился. Это теперь уже почтенный старец, ему лет под 60.

Покушение на меня Женскими богословскими курсами состоялось. Во время заседания меня вызвали по просьбе нашего университетского протоиерея о. Боголюбского, который это покушение и производил. Он сказал мне, что является по поручению преосв. Дмитрия Можайского, что очень меня просят согласиться, так как иначе на эти курсы лезет черносотенная сила, и звал меня на заседание к епископу Дмитрию в среду. Я сказал, что приду. В факультете мы с Готье предложили к оставлению Яцунского, Никольского и Лютша. Затем экзаменовали А. А. Фортунатова по русской истории. В этом же заседании держали экзамен по старославянскому языку братья Б. М. и Ю. М. Соколовы. Все еще они так похожи друг на друга, что я затрудняюсь их различать. Домой я пришел усталый и сделал самое лучшее, что мог сделать в таком состоянии, – отправился в баню.

12 октября. Среда. Утро за работой над Петром. Пересматривал 1692-й год. Затем в просеминарии. Студенты мне объявили, что почти весь первый курс взят в военную службу и что состав просеминария должен очень сократиться. Виделся с Грушкой и Поржезинским.

Был у епископа Дмитрия, где нашел М. К. Любавского, Боголюбского и академических: Глаголева, Введенского, Алмазова. Принимала участие также игуменья Скорбященского монастыря[302]. Шла речь о распределении лекций. Епископ – очень симпатичный на первый взгляд человек. Он уже считает меня зачисленным в преподаватели. Я не возражал ввиду того, что с 1 ноября до конца февраля в Академии будут каникулы. А дальше, разумеется, придется отказаться. Что меня крайне изумило, так это то, что преподавателем всеобщей истории архиерей называл Д. Н. Егорова. Удивление достигло высшей степени, когда я, придя домой и говоря с Егоровым по телефону о предполагаемом заседании Исторического общества, узнал от него, что никто с ним ни в какие переговоры еще не вступал и он своего согласия не давал, да и не сочувствует этому делу. Вечер дома с Миней.

13 *октября.* Четверг. День рождения Л [изы]. Мы с Миней ходили покупать в подарок конфеты. Все утро за работой над Петром. От 4 до 6 очень оживленный семинарий по Псковской грамоте. Вечером обедал в «Праге»[303] с Г. К. Рахмановым, Любавским и Лейстом. Говорили об университетских делах и о войне. М. К. Любавский сообщил слух о гибели нашего дредноута «Мария» и на нем адмирала Колчака[304]. Я не поверил.

14 *октября.* Пятница. Утром работа над Петром. Продолжал пересмотр 1692 г. Семинарий на Высших [женских] [курсах]. В профессорской по пятницам в тот час, когда я бываю, довольно много народа и живые разговоры. Толковали о несчастии с дредноутом «Мария», но никто не знает ничего определенного. У румын дела крайне плохи[305]. Общий тон наших разговоров был довольно минорный. Вечером мы с Л [изой] были у Готье, звал к себе также Д. Н. Егоров на рождение; но слово дано было уже раньше Готье, и мы остались ему верны. Нельзя сказать, чтобы получили особенное удовольствие, так как были люди нам совсем незнакомые; фамилий их при представлении я не расслышал и с кем имею честь говорить – не знаю.

15 *октября.* Суббота. В Университете читал о норманском вопросе. Заходил купить Мине детскую типографию, о которой он «мечтал» целую неделю. Дела наши везде плохи – военное счастье опять не на нашей стороне. Вечером дома за чтением новой книги Герье «Философия истории»[306].

16 *октября.* Воскресенье. Стоит великолепная морозная ясная погода. Утром большая прогулка по Девичьему полю, а затем с 11 ч. утра и до 8 вечера работал над биографией Петра с очень небольшим перерывом, когда приходил со своей магистерской программой оставленный при Университете по русской истории Иванов-Полосин. Л[иза] с Миней не были дома, уезжали к Нине Петровне на крестины, и я воспользовался окружавшей меня тишиной для работы. Пересмотрел весь 1693 год.

В Румынии дела крайне плохи, а Саррайль не движется из Солуня[307] и занимается, кажется, только тем, что боится предательского удара со стороны греков в спину[308]. Тягостное положение.

17 *октября.* Понедельник. Утро в высокой степени неприятное: пришли полотеры натирать полы какой-то мастикой, черт бы их побрал. Возились до часу дня и очень мешали. Все же я успел кое-что сделать по биографии Петра. Л [иза] с Миней после обеда уехали к Богоявленским, и я, пользуясь опять тишиной, работал до 4 часов. Затем стал собираться к Троице и вышел из дому в 5 ч. Претерпев мытарства в трамвае и иззябнув в вагоне, я добрался до гостиницы в 9 ч. вечера и, почитав книгу Корсакова, собираюсь отходить ко сну.

18 *октября.* Вторник. Читал в Академии, кажется, весьма неважно о колонизации Суздальского края. Забыл имя князя Северского, переведенного в Чернигов[309], а до лекции знал его. На практических] занятиях беседовал со студентами о преподавании истории в средней школе. Затем был диспут Чернявского, инспектора Тобольской семинарии, защищавшего

книгу о Феодосии Великом[310]. С очень мелкими возражениями, крайне неинтересными, выступали Глаголев и новый профессор церковной истории священник Лебедев, погрузившийся в одни хронологические мелочи. Было довольно томительно. После официальных оппонентов несколько замечаний, но широкого характера сделал А. И. Алмазов и говорил интересно. После диспута мы пили чай в профессорской и обедали в академической столовой. Диспутант, зная вкусы коллегии, каким-то образом достал, привез с собою две бутылки водки, и это было предметом долгого балагурства.

Вечером было заседание Совета. Я ожидал, что он будет коротким и кончится к 8 часам; но ректор [епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский)] стал подробнейшим образом излагать свое столкновение с доцентом Виноградовым и читать свои доносы на него митрополиту [Московскому Макарию (Невскому)]. Отношения между ними испортились постепенно. Поводом же к окончательному конфликту послужила выходка Виноградова в академической церкви 21 октября прошлого года. Ему как преподавателю «гомилетики»[311] было предложено произнести проповедь в царский день 5 октября. Предложение было сделано в письменной форме, бумагой за №. Виноградов обиделся и отказался по болезни. Тогда предложение было повторено на царский день 21 октября[312]. Он явился в церковь и прочел по печатному тексту одну из проповедей митрополита Макария[313]. В рапорте ректора именно вменяется Виноградову в вину, что он читал по печатному, «а не заучил текста наизусть или не переписал его в тетрадочку, чтобы прикрыть от студентов». Значит, плагиат «прикрытый» предпочтительнее откровенного чтения чужой книги. Понятия! Все это слушать было крайне тягостно. В конце заседания чуть было не сорвалось избрание Лысогорского. Предложение о нем, чтобы избрать его ординарным профессором на свободное место. Предложение было принято сочувственно. Но инспектор [архимандрит Иларион (Троицкий)], чтобы сделать шпильку ректору, заметил: «Значит, теперь политика меняется. Ведь избрание Лысогорского – против закона», т. к. устав требует, чтобы половина Совета были духовные, а половина светские лица. Ректор крайне обиделся и сказал, что если раздается голос о противозаконности, то он берет свое предложение назад. Положение сделалось критическим. Я горячо выступил, прося не брать предложение назад. Ректор настаивал на своем. Я прибег к крайнему средству и сказал, что вношу предложение об избрании, и сейчас же подал его на бумаге. Глаголев и Введенский сказали, что поддержат меня и подпишутся под предложением. Раздались сочувственные голоса и остальных членов Совета. Предложение об избрании было пущено на голоса, и Лысогорский был избран единогласно. Это доставило мне большую радость. Тотчас же необходимая формальность, т. е. бумага с предложением, была написана и подписана мною, Глаголевым и Введенским. Выйдя из монастыря, я увидел у ворот совещающихся Тареева, Туницкого и Орлова. Последние все предложили зайти к И. В. Попову. Было уже 11 часов – поздно, но, возбужденный заседанием, я имел слабость согласиться. Мы просидели до 12, живо обсуждая подробности заседания. Эти господа живут исключительно интересами своего болота. Вернувшись в гостиницу, я тотчас лег, но ночь плохо спал под влиянием возбуждения.

19 *октября.* Среда. Утром ко мне заходил Д. И. Введенский с просьбой передать пакет преосв. Дмитрию Можайскому – с программами для Богословских курсов. В двенадцатом часу я был в Москве. В вагоне просматривал рецензию свою на Веселовского, готовясь к вечернему заседанию Исторического общества. К $4^1/_2$ заходил в Университет, занеся на Савинское подворье[314] свои и Д. И. Введенского программы. В Университете давал в просеминарии объяснения относительно рефератов. Вечером заседание Исторического общества. Егоров позаботился о публике. Пришло так много курсисток, что заседание пришлось перенести снизу в аудиторию № 6. Веселовский усыпительно прочел по печатному тексту свою заключительную главу. Это было более чем неудачно. Следить за этой крайне мелочной и

специальной главой не было возможности, и, конечно, никто, не только из курсисток, но и из сидевших за столом членов общества ничего не понял. После перерыва, слишком длинного, начались прения. Я прочитал, т. е. проговорил свою рецензию, сократив ее, но намеренно усилив ее резкость. Веселовский слабо возражал. Так как было уже 12 часов, то М. К. [Любавский] предложил прения отложить до другого заседания. Я времени не замечал, но, вернувшись домой, чувствовал себя очень усталым и опять совсем плохо и мало спал.

20 *октября.* Четверг. Проснулся поздно, совсем усталый. Чувствовал себя целый день неважно. Был у Готье в Румянцевском музее за книгой «Двинские записки» о путешествиях Петра Великого на север[315]. С трудом провел семинарий в Университете. Вечером также ничего не мог делать. Лег спать в 10 час. Лиза разговаривала по телефону с Яковлевым, который говорил, что я был слишком резок. Это совершенно верно. У меня при возражениях всегда появляется какой-то чрезмерно резкий тон, а здесь я его еще намеренно усиливал.

21 *октября.* Пятница. Праздник. Дома. Буквально весь день с 10 часов утра и до 8 вечера я работал над Петром, пересматривал 1693 г. и очень устал. Выходил в 9 ч. вечера погулять.

22 *октября.* Суббота. Именины Л[изы]. Миня подарил ей картонную рамочку своего изделия, которую в свертке с плиткою шоколада и с письмом ночью тихо положил на тумбочку в нашей спальне. Утром во время прогулки я заходил к А. П. Басистову. Был уже 12-й час, но они спали, а прислуга ушла, очевидно, стоять «в хвосте». Я едва дозвонился. Со мной разговаривала, не отпирая двери, Е. А., и я просил ее передать приглашение А. П-чу [Басистову] к нам обедать. Виделся на пути с П. И. Новгородцевым, садившимся в автомобиль у своей квартиры на Зубовском бульваре. Затем я ездил к Мюру и Мерилизу купить подарок – кофейный сервиз, в котором у нас чувствовался недостаток. У нас был большой обед: были А. П. Басистов, Богоявленский, Холи, Маргарита с Надей и Вл. А. Михайловский. Последний в настроении мрачнее ночи. Этот пессимизм навевают в «Кружке»[316]. Был также Дм. Н. Егоров. Обед по теперешним временам роскошь; но все же хочется хоть изредка прерывать серые будни праздником. Было и вино, которое достали у Д. Н. [Егорова].

23 *октября.* Воскресенье. Решил несколько отдохнуть, так что все занятия ограничил только приготовлением к лекции в Академии и это сделал довольно бегло, так как предстоит читать последний раз перед роспуском на зимние каникулы. После завтрака был у О. И. Летник. Там по-прежнему бесконечные разговоры об экзаменах. У нас была Маня с Юриком и Миней [Богоявленскими], и я с удовольствием проводил время с детьми. Вечером Л [иза] уехала в театр; я читал Мине «Таинственный остров», затем сделал обычную прогулку. Итак, день бездействия.

24 *октября.* Понедельник. С бою взятое место в трамвае, злобные разговоры среди публики о беспорядках в трамвае и ругательства по адресу управы – по поводу того, что одному господину, вошедшему с передней площадки, кондукторженщина не выдала билета. Особенно волновался какой-то студент-технолог. Лекция в Академии, прочитана очень вяло. И слушателей всего человек 10: в Академии начался усиленный разъезд на каникулы. Вечер за чтением в гостинице; прочел в «Вестнике Европы» интересную статью Бузескула об Эгейской культуре[317] и затем статью иеросхимонаха Антония Булатовича о событиях на Афоне во время борьбы имяславцев с их противниками[318]. Вчера умер Ф. Д. Самарин. Всего несколько дней прошло со смерти П. Д. Самарина[319], что это за мор на них. Ф. Д. [Самарина] я не знал, но Петра [Самарина] помню в гимназии. Когда я был во II классе, он был в VIII и посылался к нам в качестве надзирающего.

25 *октября.* Вторник. Два важных известия: 1) о гибели нашего черноморского дредноута «Мария», вследствие пожара затопленного на севастопольском рейде; 2) о провозглашении Польши немцами и австрийцами самостоятельным королевством[320]. Первое –

несчастье, но что же делать! Потеря Китченера была гораздо большим несчастьем. Второе – наглость, имеющая целью хотя бы несколько юридически прикрыть рекрутский набор в Польше на пополнение немецких армий. Наши левые болтуны сейчас же набросились на правительство, виня его в том, что оно опоздало выступить с декларацией автономии Польши. Но какой смысл объявлять автономию земель, находящихся под властью немцев? Разве подобная декларация удержала бы немцев от предпринятого ими шага? Конечно, нет. Все так же они провозгласили бы Польшу королевством и стали бы производить набор. Их преимущество в том, что они фактически владеют Польшей.

Покончил лекции в Академии до весны. Забрав багаж из гостиницы, вернулся в Москву. Нашел Миню в постели: у него сильный кашель. Письмо от Модзалевского с вопросом о Петре Великом. Письму я очень обрадовался, так как надо выяснить вопрос, пишу ли я для словаря или свободно[321].

26 *октября.* Среда. Читал два реферата к просеминарию, а затем работал над биографией. В Университете беседа с Грушкой и Поржезинским о провозглашении Польши. Вечер дома за чтением брошюры Рождественского о юридической природе манифеста 17 октября[322]. Ответ на немецкую прокламацию может быть дан оружием, а не бумагой, раз Польша не в наших руках. Но этого ответа мы что-то не даем и будем ли давать? Увеличивать Германию Польшей, разумеется, нежелательно. Но и нам приобретать ее «под скипетр» тоже невыгодно: автономия будет вредным наростом на нашем теле.

27 *октября.* Четверг. Утром – биография Петра. Пересматривал 1693 г. Этот пересмотр вызван статьей Погодина в «Русском архиве» за 1879 г., не попадавшейся мне раньше[323]. У Погодина была та же мысль, что и у меня – подневного описания жизни Петра. В статье его, доведенной до 1694 г., есть за 1693-й год выписки из книги, изданной Новиковым: «О Высочайших пришествиях Петра на Двину и в Архангельск». Экземпляр этой книги, данный мне Ю. В. Готье из библиотеки Румянцевского музея, оказался принадлежавшим Погодину. В нем отчеркнуты на полях карандашом как раз те места, которые процитированы в статье. Таким образом мне виден процесс работы Погодина. Какое неожиданное преемство! Семинарий в Университете. Вечер за книгой Герье «Философия истории».

28 *октября.* Пятница. Утром несколько поработал над биографией Петра. Был в Архиве МИД, где виделся и с Веселовским. С. К. Богоявленский передал мне книгу Гневушева о новгородском населении в XV в. по писцовым книгам (древнейшим)[324] – громадный том с таблицами, и таблиц больше, чем текста. Я несдержанно резко отозвался о таком способе писания, сказав, что все эти таблицы пригодны более на топливо. Во всех этих огромных томах по русской истории редко встретишь не только мысль, но и хоть бы мысленку; все материалы и материалы, мелочь, гробокопательство. Досадно! Маленькая книжка С. М. Соловьева, статья К. С. Аксакова были куда более значительны чем теперешние фолианты, в которых печатаются груды сырья, по большей части ни на что не нужного. Был на семинарии на Курсах. Отправил ответ Б. Л. Модзалевскому, в котором изложил ход своей работы о Петре, с предложением выделить биографию Петра в особый том, который издавать выпусками. Не знаю, примут ли это предложение, вернее нет. Вечер был дома.

29 *октября.* Суббота. Читал лекцию в Университете о деятельности киевских князей X века; порядком устал. Вечером заседание ОИДР. Реферат Гр. П. Георгиевского о Походяшине, который роздал состояние на дела благотворительности под влиянием Новикова[325]. Очень интересно. Были выборы в Комиссии по присуждению премий Иловайского и Карпова[326]. Мне не хотелось в первую, но был выбран в обе. Затем случилось еще горшее. Когда в заседании Комиссии Иловайского после заседания Общества поднят был вопрос о рецензенте представленного сочинения (единственного) – Гневушева, того самого, о котором я резко говорил вчера, – Иловайский стал называть меня. Я отказывался, указывал на Весе-

ловского, Готье, Грекова, но Иловайский почему-то упорно настаивал, чтобы я взял на себя рецензию. Чтобы сделать ему, как учредителю премии, приятное, я, наконец, согласился. Белокуров убеждал меня, указывая на хорошее вознаграждение рецензенту – 300 рублей. Но свобода для биографии Петра была бы много милее. Ужинали у Мартьяныча Любавский, Белокуров, С. К. [Богоявленский], Готье и я. Матвей Кузьмич [Любавский] сообщал множество политических слухов, которым я, однако, не верю.

30 *октября.* Воскресенье. Сырая, туманная погода. Весь день не рассветает. Утро провел в работе над Петром, но успел сделать очень немного. У меня был большой прием посетителей после завтрака. Курсистка Михайлова, разыскивающая свое сочинение, которое я читал весной 1908 г. Она подала его Грушке во время последней сессии государственных экзаменов, а он его потерял. Благодаря справке с моей записной книжкой дело уладилось. Затем был некий учитель Боголепов, желающий заниматься историей, но, как оказалось, всеобщей, а не русской. Далее, кончивший Университет Федоров[327] по делу тоже о кандидатском сочинении, которое он собирается писать; магистрант Варшавского университета Добролюбов – ищущий темы для диссертации, показавшийся мне человеком весьма недалеким и необразованным; Феноменов – намеревающийся держать магистерские экзамены. Наконец, Сережа Голубцов.

Последнее явление мне было очень приятно. Он порядочно сделал по своей магистерской программе. В нем будет толк. Посещения заняли у меня время до 5 часов. Я немного прогулялся. Вечер провел дома вдвоем с Миней; все остальные ушли. Л[иза] в оперетку с Маргаритой. Миня все еще в постели, с сильным кашлем. Читал вечером книгу Герье, «Философию истории».

31 октября. Понедельник. Окончил пересмотр и переписку 1693 г. Работал упорно с 10-го часа до 2. Не поехал в Академию на диспут, именно чтобы поработать дома. У нас был доктор Рар, нашел у Мини бронхит. Велел держать его еще недели две в постели. Я заходил в Сберегательную кассу взять свою книжку и слышал разговор двух служителей: «Что уж вести войну дальше! Ослабли! Берут стариков, что они теперь сделают? Ни ходить, ни бегать не могут! Уж если с молодыми ничего не сделали, что ж теперь со стариками сделают!» Если такое настроение начнет распространяться – трудно будет вести войну дальше.

Слухи, сообщенные Матвеем Кузьмичем [Любавским], относительно взрыва пароходов в Архангельске оказались верными, но только отчасти. Взорвался один пароход со снарядами, а не 16, как он говорил. Все же катастрофа ужасная – ранено и убито на судах и на берегу более 700 человек[328].

1 ноября. Вторник. Утро за Петром. Пересматривал 1694-й год. Затем был в факультетском заседании, на котором Грушка предложил от имени факультета войти в Совет о возведении английского посла Бьюкенена в почетные члены Университета. Я не возражал, конечно, но мне это предложение было не по душе. Оно все же – порыв, а с англичанами, холодными, чопорными и расчетливыми, порывы недопустимы. Это не с французами.

Вечером заходил к Д. Н. Егорову, будучи им вызван по телефону под предлогом дела. Дела, собственно, никакого не было, если не считать встреченное им на журнальном пути затруднение. Герье написал рецензию на «Историю Греции» Виппера и хочет напечатать ее в журнале без подписи. Егоров ему доказывал, что это недопустимо. Герье возражал: «Виппер мне дальний родственник, и хотя он и поступил со мною по-свински, но все же мне не хочется нападать на него открыто».

2 ноября. Среда. Утром читал статью Голубовского о печенегах, торках и половцах[329], готовясь к университетскому просеминарию, т. к. реферат касался этих народов. Перед просеминарием застал в профессорской Л. М. Лопатина и Поржезинского, горячо обсуждавших настоящее политическое положение, между прочим, вопрос о сепаратном мире. Л. М. [Лопа-

тин] обратился ко мне. Я сказал, что слухи о сепаратном мире признаю вздорными и вредными, распускаемыми кем-то, чтобы мутить общество, восстанавливать его против правительства и таким образом сеять смуту. Доказательство, что никаких стремлений заключить такой мир ни с той, ни с другой стороны нет, я вижу в том, что: а) со стороны немцев провозглашена независимость Польши, т. е. нанесено нам тягчайшее оскорбление, которое только можно нанести. Они не стали бы раздражать нас, если бы стремились заключить с нами мир; Ь) с нашей стороны не стали бы занимать еще 3 миллиарда дома[330] и 2 миллиарда за границей, как это сейчас делается, если бы тоже стремились к миру. Слухи, может быть, и распространяются с тем, чтобы повредить успеху этих займов и на внутреннем и на внешнем рынках. Кому же охота будет давать деньги на войну, когда их можно устроить выгоднее, вложив в недвижимость или в какое-нибудь дело в надежде на мир? Дадут ли нам за границей денег на войну, зная, что мы стремимся к миру. Все это вздор, конечно.

«Русские ведомости» вышли с думским отчетом, наполовину уничтоженным военной цензурой, действующей в Москве с нынешнего дня. «Русское слово» – без белых мест, потому что напечатало отчет о заседании Думы в изложении официального агентства. Военная цензура – хорошее средство для думских болтунов, лающих на ветер именно, чтобы их далеко было слышно, и обращающих Думу в митинг. Может быть, увидев бесполезность лая, обратятся к законодательной работе.

Вечер *я* был дома. Заходил к Карцевым платить деньги за квартиру и просидел у них часа $1^1/_2$. Вера Сергеевна [Карцева] чувствует себя совсем плохо, и смотреть на нее без сожаления нельзя.

3 *ноября.* Четверг. Благодаря военной цензуре в Москве думские отчеты в газетах передаются с большими белыми пространствами. По обрывкам фраз видно, что блок[331] повел яростную атаку на правительство, желая его доконать и добиться ответственного министерства. Россия изображается стоящей на краю гибели. Крик и шум невероятный. Все это партийная тактика и партийные приемы: не считаясь со средствами, добиться своей партийной цели. Все это в особенности некстати перед займом, которому не может не повредить. Самые слухи о сепаратном мире неизвестно еще кем пускаются в оборот: немцами или нашими кадетами как средство свалить министерство.

День прошел обычно. Утро над Петром. Семинарий в Университете. Вечер дома с Миней за книгой Герье «Философия истории». Л[иза] была в театре. Вот уже третий день зима: снег и -5°R[39].

4 *ноября.* Пятница. Утром окончил пересмотр 1694-го года до того момента, до которого доходит статья Погодина, т. е. до августа этого года. Немалую работу заставила меня эта статья проделать, но и не бесполезную. Был на семинарии на Женских курсах; разбор Псковской правды благодаря трем-четырем выдающимся курсисткам идет очень оживленно. В профессорской Пичета рассказывал содержание речи Милюкова в Думе[332]. Вечер дома за чтением книги Герье. Миня все еще в постели.

5 *ноября.* Суббота. За лекцией в Университете у меня вдруг стал обрываться голос – явление, бывавшее и раньше. Глотке, инструменту, которым приходится работать, надо давать отдых. Глаза слабнут, зубы портятся, горло тоже слабнет – все признаки наступившей старости. Биографию Петра, пожалуй, не доведешь и до половины. Тягостное заседание Совета после лекции. Лейст докладывал о финансовом положении университета и о видах на 1917-й год. Специальных средств ожидается в виду убыли студентов, призываемых на войну, – всего 300 000 рублей, вместо прежних 600 000. Между тем, на одни только расходы по отоплению университетских зданий потребуется до 360 000 рублей. На все же расходы

---

[39] По шкале Реомюра, 1°R = 1,25 °С, т. е. снег и -6,25 °С.

Университета, относимые на специальные средства ввиду оплаты труда приват-доцентов по новому закону, потребуется до миллиона рублей. Таким образом, получается дефицит более 700 000 рублей. М. К. Любавский едет в Петроград – просить.

Затем скандальный доклад математического факультета о невозможности заместить кафедру физики, остающуюся свободной более пяти лет. В факультете образовались две партии по этому делу, взаимно проваливающие одна кандидатов другой. Рекомендация не дала результатов, т. к. рекомендованный кандидат Колли был забаллотирован. Объявлен был конкурс, но он не состоялся, т. к. единственный кандидат, выступивший на конкурс, действительно слишком слабый, был забаллотирован. Никто вследствие этих забаллотирований не желает выступать кандидатом, с риском быть забаллотированным. Группа математиков придумала такой выход: наметила одесского профессора Кастерина и большинством 12 против 5 голосов постановила обратиться с ходатайством к министру о переводе его из Одессы в Москву своею властью. Однако министр, противник назначения, предварительно запрашивает Совет Университета о том, все ли меры для замещения профессуры исчерпаны. Битых два часа мы слушали взаимные жалобы математиков с разоблачениями разных дрязг в факультете по этому делу. Было вполне ясно, что факультет в беспомощном положении, что он, как говорили некоторые его члены, зашел в тупик, из которого самому ему не выйти. Тем не менее, решили дело отложить до следующего заседания. Дело это доказывает необходимость наряду с выборами сохранить за министром право назначения профессоров, а также бессилие Совета разбирать факультетские дела.

Провозгласили английского посла Бьюкенена почетным членом. Душа моя не особенно лежит к этому провозглашению. Мы идем по нашей славянской экспансивности навстречу англичанам с душой нараспашку, а они сохраняют при этой встрече всю свою холодность и чопорность. С провозглашением иностранцев надо быть осторожнее. В свое время набрали немцев в почетные члены, а потом пришлось их исключать. Не случилось бы того же и с англичанами, в особенности если не дадут нам Константинополя.

Бурное, тревожное и напряженное настроение в Думе разрешилось в значительной степени неожиданным появлением двух министров, военного и морского, произнесших речи о продолжении войны[333]. Таким образом, все вздорные слухи о сепаратном мире рассеиваются. Вечером приходили к нам все Холи и принесли стенограммы речи Милюкова и совещания Протопопова с думцами[334]. В фактах, сообщенных Милюковым, много недоказанного и непроверенного.

6 *ноября.* Воскресенье. Весь день провел дома. Читал книжку Бергенгрюна «Die grosse moskowi[ti]sche Ambassade von 1697 in Livland»[335]. Был у меня В. С. Бартенев, оставленный при Университете, прапорщик.

7 *ноября.* Понедельник. Много работал утром над биографией Петра. После завтрака относил Д. В. Цветаеву бывшие у меня его книги. Вечером ходил в аптеку Феррейна за лекарством Мине, который все еще кашляет и не выходит. У немцев грандиозный проект введения всеобщей трудовой повинности, т. е. обращения всего государства в каторжную тюрьму. Во Франции и Англии следят за этим проектом и, может быть, тоже введут такую социалистическую организацию. Ну, а у нас как, с нашим барством, ленью и т. д.? Смеяться над немецким проектом не приходится: ведь немцы же изобрели и действующую теперь всеобщую воинскую повинность, и их изобретение везде привилось, и на наших днях даже в Англии. То же может случиться и с рабочей повинностью[336].

8 *ноября.* Вторник. Утром был на открытии новых Богословско-педагогических женских курсов. Большой сонм духовенства, великая княгиня [Елизавета Федоровна], обер-прокурор Раев. После обедни акт с тягуче-длинными приветствиями.

Затем обед в сводчатой длинной палате, стены и потолок которой расписаны в светлых тонах с подражанием Нестерову. Палата служит продолжением домовой церкви, которая на время обеда была закрыта. Обед был человек на полтораста и великолепный. Во время обеда хор гимназисток под аккомпанемент фис-гармонии исполнял какие-то «канты». Совсем в стиле XVIII столетия. Я сидел с Шамбинаго, Орловым, Лысогорским и Туницким. Встреча – радушная. Что-то выйдет на деле!

9 *ноября.* Среда. Утро над Петром. Семинарий в Университете. Вечер дома за сочинением Голубовского. В университете видел оставленного А. М. Фокина, привезшего из деревни большую работу по архивным источникам, собранным при местных церквях. Буря против Штюрмера и обвинения его в измене[337] напоминают очень травлю Сперанского в 1812 году[338], с тою разницей, конечно, что Штюрмер не Сперанский, но основательности в обвинении, вероятно, столько же. В его измену, взяточничество и т. п. я совсем не верю. Есть два способа подходить к неизвестным людям. Первый способ: подлец. Докажи, что это не так. Второй способ: порядочный человек, и только после очень тщательно проверенных и взвешенных доказательств можно изменить мнение и признать его подлецом. Я подхожу к людям по второму способу. Чтобы поверить обвинению, мне нужны осязательные и бесспорные доказательства. Бог его знает, кто такой этот Штюрмер, но измена его мне ничем не доказана. Неудобно, конечно, ставить во главе правительства теперь человека, носящего немецкую фамилию.

10 *ноября.* Четверг. Умер Франц-Иосиф и, кажется, на этот раз уже доподлинно умер[339]. А впрочем, может быть, последует еще и опровержение. Мы давно уже изучали его деяния в курсах истории, как дела давно минувших дней, а он, обманывавший еще Николая Павловича, все продолжал жить. Закончил царствование позорно во время пожара, в который вверг и свою империю, и всю Европу.

В Университете семинарий. Виделся с Готье, толковали с ним о юбилее Карамзина.

11 *ноября.* Пятница. В газетах опять сенсационные новости, и теперь уже газета без таких новостей пресна и скучна. Отставка Штюрмера, назначение Трепова, перерыв в занятиях Думы и Совета до 19 ноября[340]. Отставка Штюрмера – несомненная уступка Думе, и если так, то это – начало постепенного и нормального перехода к парламентарной системе. Нигде эта система не основывается на законе, а везде устанавливалась практикой. Если и впредь премьер-министры будут выходить в отставку после выражений им недоверия со стороны Думы – создастся парламентарное управление, т. е. управление партий, со всеми его дурными последствиями. Я предпочитаю сильную власть монарха, стоящего над партиями. Еще если бы у нас было две партии, как в Англии – другое дело; а то сегодня блок, а завтра его развал и случайные сочетания. Господствовать в партиях будут купцы-мародеры и жиды.

Оживленный семинарий на Курсах. Вечер дома.

12 *ноября.* Суббота. Лекция в Университете о вече и княжеской власти. После лекции беседа с М. К. Любавским, только что вернувшимся из Петрограда, а затем с П. В. Гидуляновым. Подписался на второй военный заем текущего года в количестве 3 000 р., полученных от Сытина за новые издания 1-ой и 3-ей частей учебника. Вечером у нас гости: Богоявленские, Егоровы, Готье и М. К. Любавский. Разговоры о нашем журнале, об Обществе[341], о предстоящем юбилее Карамзина.

13 *ноября.* Воскресенье. Весь день я провел дома, никуда не выходя. Утром работал над биографией. В 3 часа был у меня оставленный при Университете Яцунский по делу о своей программе. Пренеприятная история у нас случилась. В феврале, когда был здесь для защиты диссертации Флоровский, мы с ним говорили о том, что в декабре текущего года исполняется юбилей Карамзина, но потом это как-то исчезло у меня из памяти. На днях читаю в «Московских ведомостях»[342] заметку, что будто бы в Петрограде 1 декабря Академия наук

и Университет собираются этот день отмечать собраниями. Надо будет и нам что-нибудь сделать, а между тем ни у кого ничего нет. Придется наскоро приготовляться, и, главное, досадно отрываться от Петра. На каждом шагу препятствия для работы! Хорошо бы уйти в какую-нибудь келью и работать над биографией в иноческом затворе.

14 *ноября.* Понедельник. За усиленной работой весь день. В шестом часу вечера навестил В. М. Хвостова, находящегося в клинике доктора Зеленева. Он болеет второй уже месяц. Началось с горловой жабы, а затем от нее в кровь попали какие-то стрептококки, и в результате сильнейшие боли в ногах и руках. Теперь он на пути к выздоровлению.

15 *ноября.* Вторник. День экзаменов. Все утро до 2-го часу в Государственной комиссии на В[ысших] ж[енских] курсах вместе с М. К. Любавским и Ю. В. Готье. Было более 30 оканчивающих слушательниц, а всего их в списке – 60. Зайдя домой на полчаса позавтракать, я должен был идти затем в факультетское заседание, где экзаменовался по русской истории Феноменов. Отвечал отвратительно. Не имел понятия о магистерском экзамене. Держали его два часа. Решили отметки за этот экзамен не выставлять, подождать второй половины программы, о чем строго и сказал ему М. К. [Любавский]. Я так устал, что вечером уже ничего не мог делать.

16 *ноября.* Среда. Все утро в работе над биографией за время пребывания Петра в Курляндии в апреле 1697 г. Писал до чаю, до 4 ч. Затем с Миней разбирали накопившиеся у меня на столе книжные груды. Хотя печатание теперь и очень затруднительно, но книг по русской истории выходит все же очень много, и я много их получаю в дар. Вечером был у О. И. Летник.

В Румынии немцы имеют решительные успехи и отняли у румын всю Малую Валахию[343]. Все остальные фронты бездействуют. По-видимому, ей предстоит участь Сербии.

17 *ноября.* Четверг. Немцы быстрыми шагами захватывают западную Румынию, направляясь к Бухаресту. Наши войска зашевелились на Карпатах, очевидно, чтобы этим ударом несколько облегчить положение Румынии. Прочие союзники совсем затихли и как бы прекратили военные действия. С английского и французского фронтов почти нет никаких известий. Утро за работой над Петром. Вечером редакционное совещание у Егорова. Были М. К. [Любавский], Савин, Котляревский и я. Сам хозяин на таких совещаниях очень напоминает ребенка, с увлечением играющего в ученые игрушки. Но игра, впрочем, не без пользы. Есть и очень трудный и деликатный вопрос. В. И. Герье написал рецензию на книгу Виппера «История Греции», очень отрицательную, и желает поместить ее в «Исторических известиях» без *подписи.* Д. Н. [Егоров] говорил ему, что это невозможно, но он остался при своем мнении.

18 *ноября.* Пятница. Был на семинарии на Курсах. В профессорской разговоры о законе 22 октября, о прибавках служащим вследствие дороговизны[344]. Каждый закон, который теперь выходит, есть как бы задачник, собрание арифметических, алгебраических и прочих задач, так как над каждою статьей приходится ломать голову, как над задачей, и часто эти задачи неразрешимы. Зайдя домой пообедать, я затем к 7 часам отправился в Университет на государственный экзамен по русской истории. Егоров сообщил по телефону, что Герье, в его отсутствие, сам принес злополучную рецензию, которой мы так опасались. Она, действительно, без подписи и, как говорит Д. Н. [Егоров], очень слаба по существу. После экзамена мы говорили об этом с М. К. Любавским и Грушкой. Решили, чтоб сходил к Герье мягкий, деликатный и симпатичный для Герье Грушка его уговаривать.

19 *ноября.* Суббота. Лекция в Университете об общественных классах Руси в XI и XII вв., почему-то, решительно уже недоумеваю почему, кончившаяся аплодисментами. Мне же казалось, что я ее говорил довольно шершаво – такое впечатление у меня и осталось. Заходил в библиотеку за нужными для биографии книгами и, к удивлению, их нашел, что редко бывает, а книги: одна – 1697, а другая – 1705 г. У нас обедал профессор Духовной академии Ф. М. Россейкин, с которым и с Л[изой] мы отправились в заседание Историче-

ского общества. Читал С. В. Бахрушин об Остяцком княжестве Кода в XVII в. по бумагам Сибирского приказа[345]. Реферат был очень длинный, но слушался с интересом благодаря хорошему чтению. Составлен с обычными для Бахрушина свойствами: несколько шаржированно, слишком красочно – похоже на олеографию. Возражал А. Н. Филиппов об излишней модернизации доклада; автор находит у остяков государство, феодализм, федерацию, парламент и т. п. Глупости говорили Готье и Яковлев, почему-то считавшие нужным воскурять фимиам: Готье в довольно шаблонных выражениях – о том, будто бы Остяцкое княжество XVII в. подает повод к аналогиям, по мнению Готье, в Приднепровской Руси, по мнению Яковлева, у кавказских горцев. Д. Н. Егоров оба эти мнения уничтожил. С обстоятельною критикой выступил М. К. Любавский, указавший, что княжество просуществовало всего 50 лет, что до Москвы оно было во власти татар, что князья его, может быть, одичавшие татарские мурзы. Указал М. К. [Любавский] и на излишество этой красочности, к которой Бахрушин прибегает. Я не выступал, т. к. в прошлом заседании говорил слишком много. Бахрушин подходит к явлениям первобытной культуры, которые надо изучать методами этнологии. Рассматривать их для XVII в. приходится через бумаги Сибирского приказа, следовательно, сквозь призму изображения наших подьячих XVII в., едва ли подготовленных к этнологическим изысканиям, путь исследования, таким образом, очень рискованный. Мне припоминаются по поводу доклада стихи А. Толстого: «Вы скажете: станем к варягам спиной, лицом повернемся к обдорам»[346]. Заседание кончилось очень поздно, в 1-м часу ночи.

20 ноября. Воскресенье. Отчет о заседании Думы с декларацией Трепова, главное место которой – открытое заявление о том, что Константинополь и проливы уступаются России[347]. Гнусные скандалы левых, которых пришлось исключить на 8 заседаний[348]. Громовая речь Пуришкевича против Протопопова[349].

Был на диспуте Дератани, написавшего книгу о риторике в произведениях Овидия[350]. Книга на латинском языке, что не мешает магистру творительный падеж множественного числа от tristis писать постоянно tristiis[40]. У нас в гимназии за одну такую ошибку на экзамене был бы провал. Бывало, если во сне такая ошибка приснится, так просыпаешься от ужаса. Теперь же магистерская ошибка ставится только в легкий упрек.

Вечером у нас Холи и Д. Н. Егоров с М. М. [Егоровой].

21 *ноября.* Понедельник. Неожиданное и радостное известие в газетах: русские войска пришли под Бухарест и отогнали германо-болгар, подступивших к Бухаресту с юга[351]. Значит, мы помогаем Румынии.

Работал над биографией Петра. Вечером заходил навестить В. М. Хвостова, все еще остающегося в санатории доктора Зеленева. У него собралось целое общество: его сестра О. М. [Хвостова], служащая в их гимназии Е. Н. Карпова и ученик его Винавер. Слышал от них рассказ о докладе Родзянко в Ставке[352]. Когда Р[одзянко] доложил, что препятствием к согласной работе Думы с правительством является Протопопов, Государь будто бы сказал: «Вы же сами мне его рекомендовали $1^1/_2$ года назад», – слова, которые можно понимать как намек на избрание Протопопова Думой в товарищи председателя или, может быть, на личную рекомендацию, сделанную самим Родзянкой при докладе. Сознавшись в этом, Родзянко стал уверять Государя, что тогда Протопопов] был здоров, теперь же он болен.

22 *ноября.* Вторник. День навсегда для меня памятный: 14 лет тому назад в этот день был мой магистерский, а 7 лет – докторский диспут. Оба – светлые воспоминания в моей жизни.

Успехи в Румынии оказались мимолетными. Румыны опять подаются назад.

---

[40] Правильно: tristibus – творит, падеж мн. числа от tristis, e – печальный, мрачный *(лат.)*.

Утро я за работой над Петром в Митаве[353]. Заходил ко мне Новосельский со своим отчетом. Был у нас также доктор Рар у Мини, чтоб убедиться в окончании у него бронхита. Я навестил Ст. Ф. Фортунатова, который теперь живет в санатории, в великолепном барском доме, где раньше жил проф. Рот.

Я нашел его в очень хорошем состоянии. Речь правильная, изредка только как бы проглатывает отдельные слоги в словах. Он очень оживленно беседовал о текущих событиях, и я очень рад был найти у него согласие и с моими взглядами на преувеличение всяких россказней об изменах.

23 *ноября.* Среда. Сенсационный отчет о думском заседании. Марков 2-й грубо обругал Родзянку, за что исключен на 15 заседаний. Вследствие этой выходки несколько членов Думы вышло из группы правых[354]. Правая группа, очевидно, разваливается, и мы присутствуем при интересной эволюции взглядов. Теперь правой стороной Думы будут уже не люди, держащиеся за абсолютный строй в его чистом виде, а люди вроде графа В. А. Бобринского и Пуришкевича – монархисты, но признающие необходимость представительства, сторонники представительной монархии. Эта эволюция и так была неизбежна; война ее значительно ускорила, ускорив темп всей русской жизни.

Из Румынии сегодня весьма плохие известия. Немцы опять взяли верх; победа над ними, хотя и официально возвещенная, оказалась пуфом.

Утро за рефератами, довольно большими. Петру осталось немного времени. Затем просеминарий.

24 *ноября.* Четверг. Утро за подготовкой к семинарию и за биографией. Семинарий в Университете. Вечер дома. Просматривал книгу Верховского о Духовном Регламенте[355].

В Англии тоже министерский кризис. Ллойд Джордж не уживается с Асквитом, и последний, кажется, вышел в отставку. Думать надо, что этот почтенный старец своей медлительностью и нерешительностью тормозил ход дел в так называемом «военном совете», который в Англии состоит из штатских людей и ведет войну. Может быть, теперь дела пойдут решительнее[356].

25 *ноября.* Пятница. Все утро, и очень большое, потому что рано встал, занят был Петром. Развернув поздно принесенные газеты, увидел известие о падении Бухареста. Этого я никак не ожидал, хотя военные обозреватели говорят, что это давно уже предвиделось. В Англии результатом неудачного оборота румынских дел – кризис министерства. Неважно, совсем неважно идут дела союзников. Французы и англичане, действительно, палец о палец не ударили, чтобы выручить Румынию. На их фронтах военные действия совсем остановились. Печально. В профессорской В. Ж. К., где по пятницам собирается много народа, оживленный разговор о текущих событиях и мой спор с Пичетой и Савиным, доказывавшими, что в румынском несчастии виновата Россия. Оба они сообщали разного рода непроверенные слухи, против чего я очень возражал. Удивительно, как серьезные люди повторяют нелепые россказни, явно лживые! Мы, когда бываем присяжными заседателями, действуем с величайшей осторожностью и не решаемся обвинить иногда заведомого негодяя, если улики недостаточны. А клеветать, обвинять без всяких доказательств в пустых разговорах – это сколько угодно. Сказать, что такой-то, хотя бы и Ш[тюрмер], взяточник – легко; но где такому тяжкому обвинению доказательства?

26 ноября. Суббота. Занятия в Университете были отменены, как и во всех учебных заведениях, по случаю Георгиевского праздника[357]. Курс мой крайне сокращается. На Совет я также не ходил, так как вечером предстояло другое заседание, а два заседания в день – это уже слишком. Утром описывал отъезд Петра из Митавы. Затем с 12 ч. принялся за чтение отчета Л. Львова о летописях, составленного очень подробно, и читал его, далеко не окончив, до 7 ч. вечера. Вечером был в Обществе истории литературы в Историческом музее[358],

где собираются молодые историки литературы под председательством М. Н. Сперанского. Был доклад Сперанского о С. И. Смирнове как ученом. Сперанский верно охарактеризовал ученые интересы и вкусы покойного Сергея Ивановича [Смирнова]. Затем М. А. Голубцова прочла составленные одним из товарищей С. И. [Смирнова] по духовному училищу и по семинарии воспоминания о нем, очень живо написанные. Там были интересные выдержки из писем С. И. [Смирнова]. Затем объявлен был перерыв, и я, поблагодарив М. Н. [Сперанского], удалился. Общество произвело на меня наилучшее впечатление.

27 *ноября.* Воскресенье. Я встал рано и намеревался погрузиться в чтение отчета Львова. Но в десятом часу позвонил Д. Н. Егоров и с обычной своей нервностью сообщил, что накануне вечером Веселовский принес ему ответ на мою критику[359], что ответ написан очень резко, что надо собрать комитет и обсудить, можно ли такую статью печатать и пр. Он попросил меня сейчас же зайти к нему, что я и сделал. Я взял у него статью, вернувшись домой, прочел ее и вовсе не нашел столь резкой, чтобы ее не печатать. Границы допустимого в ней не перейдены. Все это выбило меня из первоначальной колеи. Мысль начала работать в ином направлении: оторвалась от летописей, которым посвящен отчет Львова, и начала работать над составлением ответа Веселовскому[360]. У меня была некая Петрова, готовящаяся к магистерскому экзамену по русской истории; но впечатление оставила вроде Феноменова. Затем был С. К. Богоявленский, которому я прочел ответ Веселовского, и он также не нашел в нем ничего недопустимого. Я опять ходил к Д. Н. Егорову, отнести статьи, а вечером он с Марг. Мих. [Егоровой] был у нас.

28 *ноября.* Понедельник. Начал чтение лекций в Богословско-Педагогическом институте[361]. Не знаю, что сказать о нем, и что вообще из этого дела выйдет. У нас обедал И. В. Попов, подаривший мне свою обширную диссертацию о блаженном Августине[362]. Он только что из Петрограда, куда ее отвозил. Он виделся с Бенешевичем и передал их негодование по поводу конкуренции, которую будто бы мы делаем им с своим журналом «Исторические известия»[363]. Вечер я провел за корректурой статьи «Детство Петра Великого» для «Русской старины».

29 *ноября.* Вторник. Все утро за корректурой статьи для «Русской старины», которую окончил и отправил. Заканчивал также чтение отчета Львова и составление о нем отзыва. Затем было факультетское заседание, на котором очень долгое время дебатировался вопрос о разрешении принимать к зачету по всеобщей истории семинарий приват-доцента Балл ода по египтологии. Протолокшись на месте около часа, решили его в положительном смысле. Вечером заседание ОИДР, на котором Иловайский сделал сообщение об отношениях Екатерины II к императрице Елизавете – по поводу переписки Екатерины с Вильямсом и дела Апраксина[364]. Читал статью, предназначенную, очевидно, для «Кремля»[365], по корректурным гранкам более часу. Удивительна бодрость этого 85-летнего человека. Была на заседании графиня П. С. Уварова, этим, очевидно, желавшая выказать свое уважение к Иловайскому. Ей тоже лет 80. По окончании чтения эти старцы, коим в сумме более 160 лет, вступили в спор об отношении России к немцам, о немецких принцессах и немцах при дворе и т. д. Уварова высказывала здравые взгляды на нашу какую-то потребность сгибаться то перед тем, то перед другим, если не перед немцами, то перед англичанами.

30 ноября. Среда. Еще с понедельника я почувствовал боль в горле при глотании. Сегодня она очень усилилась, и я весь день не выходил. Работал над биографией. Вечером у нас Маргарита с приехавшим с фронта мужем. В 11 час. вечера позвонил Г. К. Рахманов с сообщением о предложении Германией мира, сделанным торжественно канцлером в Рейхстаге[366].

1 декабря. Четверг. Мне стало очень больно глотать. Я плохо спал ночь. Никуда не выходил, делал справки для ответа на антикритику Веселовского. Вечером у меня была

повышенная температура 38°. В газетах сообщение о мирных предложениях и резкий ответ Трепова.

2—7декабря. Болел. Два раза у меня был доктор, В. А. Александров, нашедший у меня жабу. Большую часть времени я лежал в кабинете на диване. В пятницу, субботу и воскресенье читал с наслаждением, забывая о болезни, книгу Герье «Лейбниц и его век»[367]. Но доктор запретил мне такое чтение: так что понедельник, вторник и среду (5–7) я пролежал без всякого чтения.

8 *декабря.* Четверг. Первый день, как у меня нормальная температура. Но при этом страшная слабость. Ничего не мог делать, хотя, впрочем, написал часть ответа Веселовскому, и большую часть дня лежал.

9 *декабря.* Пятница. Продолжается состояние большой слабости. Заходил ко мне Д. Н. Егоров. Я читал книгу Герье. Из дому не выходил.

10 *декабря.* Суббота. Чувствую большую слабость. Выходил немного погулять. Писал ответ на Веселов[ского].

11 *декабря.* Воскресенье. Докончил переписку ответа Весел овскому. Вечером у меня были Д. Н. Егоров, Готье и Марг. Мих. Егорова с дочерью Адочкой. Л[изы] не было дома. Вечер прошел оживленно. Готье прочитал ругательную статью Мельгунова против «Исторических известий»[368].

12 *декабря.* Понедельник. Утром выходил погулять. Затем читал изящно написанный отчет Голубцова. Вечером был у меня Вл. А. Михайловский. Боюсь, как бы мирные предложения Германии, а затем Соединенных Штатов[369] не сделали бы своего дела, т. е. не вызвали бы поворота к миру. Для нас мир столь унизительный, когда даже какой-нибудь Радославов в Национальном собрании говорит о нас свысока, – был бы несчастием. Если бы в скором времени после него и не возникло войны, то все же нескольким поколениям пришлось бы жить с подавленным состоянием духа, все равно как французам после 1871 г.[370] Мы на каждом шагу будем встречать тогда препятствующую сильную лапу Германии и будем испытывать чувство бессильной злобы. Что это будет за жизнь!

13 *декабря.* Вторник. Утром я возобновил работу над Петром; но сделал очень мало, так как писал еще отзыв об отчете Голубцова. Затем отправился с этим отчетом на факультетское заседание. М. К. [Любавский] рассказывал мне о совете на Богословских курсах, где обсуждались программы и учебный план курсов. Заседание было чисто деловое. Из вопросов сверх обычного порядка был вопрос об устранении из приват-доцентов Назаревского, старшего хранителя Музея искусств[371], попавшего под суд за растрату денег музея. Решено просить попечителя [А. А. Тихомирова] об устранении его на время суда. Савин обратил внимание факультета на поползновение юридического факультета взять себе библиотеку М. М. Ковалевского, отказанную им в завещании всему Университету. Решено оказать сопротивление, причем М. К. [Любавский] выяснил скрытые мотивы этого поползновения. Профессора юридического факультета, лишаясь с 1 января 1917 г. гонорара, хлопочут теперь об устройстве при своем факультете как можно большего количества учебно-вспомогательных институтов, чтобы занимать платные должности их директоров. Размениваются на мелкую монету. После заседания Грушка рассказывал о своем визите к Герье по поводу желания последнего поместить в «Исторических известиях» его анонимную рецензию на Виппера. Дело все же еще не совсем улажено.

14 *декабря.* Среда. Утро занимался Петром. После завтрака ходил подписываться на «Русские ведомости» и на «Русское слово» и ужасно устал. Все еще я чувствую какую-то большую слабость. Государственная Дума все менее занимается законодательством и все более обращается в митинг для произнесения речей против «власти». «Борьба с властью» – это теперь всеобщий лозунг. Шингарев в заключение своей революционной речи кричит

при громе аплодисментов, что он говорит «во имя борьбы с властью»[372]. Мы дошли до величайшего разврата, крича такие слова. Власть существует для того, чтобы ей повиноваться, а не для борьбы с нею; если этого не признавать, если смотреть на «власть» как на мишень для нанесения ей ударов, то далеки ли мы до анархии? Крепко надеюсь на здравый смысл великоросса, создавшего многовековым трудом эту власть.

15 *декабря.* Четверг. Довел биографию Петра до въезда его во владения курфюрста Бранденбургского[373] 3 мая 1697 г. Был в университетской библиотеке, искал указатель литературы о Петре Великом Минцлова[374], но этой книги, увы, в нашей библиотеке не оказалось, а между тем это – издание Публичной библиотеки[375]. Вечером было собрание редакционного комитета у Д. Н. Егорова. Решено было на инсинуации Мельгунова ответить презрительным молчанием. Был Веселовский, который все же поддерживал Мельгунова.

16 *декабря.* Пятница. Над русскою землею нависла какая-то темнота. Утром до 10 часов так темно, что ничего делать нельзя. На фронте – вялое затишье, скорее с неудачами для нас, чем с успехами. Внутри гниль, уныние, дряблость и революционная лихорадка, гнилостная революционная лихорадка. Когда натиск на министерство в Думе не удался, выдвинуты были московские съезды, назначенные на 9 и 10 декабря, якобы по «продовольственному вопросу», но на самом деле для провозглашения тех же самых резолюций в еще более резкой форме. Когда съезды не удались, были запрещены, в Думе кадеты начали фокусничать, чтобы так или иначе огласить по поводу запросов революционные резолюции съездов. Министерство потребовало закрытых дверей; оглашение не удалось. Тогда Милюков, совершенно как фокусник, предложил поставить на повестку обсуждение какого-то еще в июле предложенного «вопроса» об отношении правительства к земскому и городскому союзам, чтобы по этому поводу заговорить о «московских событиях», как стали называть запрещение съездов (подумаешь!). Министры ответили отказом обсуждать теперь «вопрос»[376]. Обсуждение его назначено было на 15, но заседание в этот день ушло на исключение поляка Лемницкого[41], передавшегося Германии и действующего теперь в Варшаве против России. С гнусными речами в его защиту выступили наши левые, показавшие, что понятие «отечество» им чуждо. Речи совершенно революционного характера о «народе», который будет когда-то судить членов думского блока![377] Скверно.

Был в Румянцевском музее у Ю. В. Готье за книгами. Вечер дома за книгой Верховского.

17 *декабря.* Суббота. Утро занят был работой над биографией – переводил документы о приеме Петра и посольства в Бранденбурге, и это продолжалось до 2 час. Обедал у Д. Н. Егорова с приехавшей из Петрограда ученой дамой И. И. Любименко, очень живой и интересной особой. Мы беседовали между прочим о предмете ее занятий: отношениях Англии с Россией в XVI и XVII вв. Вечером сегодня заседание Исторического общества для продолжения прений по докладу Веселовского, но я не пошел туда, т. к. дело Веселовского мне крайне надоело.

18 *декабря.* Воскресенье. Сенсационнейшее известие об убийстве Распутина, который почему-то на эзоповском языке газет все время называется «лицом». Из намеков газет видно, что в «убийстве лица» принимали участие великосветские молодые люди и между прочим князь Юсупов, женатый на великой княжне[378]. Версии самые сбивчивые и пока неясные. Вечером я был у Богоявленских, где разговор о происшествии с «лицом».

19 *декабря.* Понедельник. Утро за работой, прерванной появлением полотеров. Чтобы уйти от этого разгрома, мы с Миней отправились покупать альбом для марок, что должно

[41] Правильно: Лэмпицкого.

составлять для него подарок к Рождеству. Только что вернулись, пришел Д. Н. Егоров с корректурой ответа Веселовскому. Он мне помог сделать перевод нескольких трудных мест из немецких документов, приложенных к книге Поссельта[379]. Я заходил к нему около 6 час. возвратить корректуру. Вечер дома за книгой Герье.

20 *декабря.* Вторник. Газеты полны подробностей об убийстве Распутина, заслоняющих все остальное. Незамеченной прошла отставка Жоффра во Франции и переход там верховного командования в руки особого «малого кабинета», состоящего в большинстве из штатских лиц[380]. Я все еще чувствую себя слабым. Сегодня прошел до Кузнецкого моста и обратно, чтобы застраховать выигрышный билет, и устал так, что после завтрака принужден был лечь отдохнуть. Вечером – заседание Общества истории и древностей с докладом Готье об одном из проектов графа П. И. Шувалова. Членов было, вероятно из-за сильного мороза, всего 9 человек. В 10 час. вечера я был уже дома и читал до 12 книгу Верховского.

21 *декабря.* Среда. Утро за работой над Петром. Заходил ко мне оставленный при Университете Рыбаков по своему делу и между прочим сообщил мне происходившее в заседании Исторического общества, на котором я не был. Оказывается, Яковлев в числе недостатков книги Веселовского указывал на то, что автор не сравнивал русского кадастра с кадастрами Диоклетиана и Карла Великого! Подобной глупости от А. И. [Яковлева], несомненно, умного человека, я никак не мог ожидать.

Весь день дома за чтением. Стоят довольно сильные морозы, хотя и не трещат. Трещит зато министерство по всем швам. Сегодня известие о выходе в отставку министра юстиции Макарова[381].

22 *декабря.* Четверг. В деле Распутина грязь состояла не в самом Распутине, а в том, что были пресмыкающиеся, обращавшиеся к нему с разного рода просьбами, и были подлецы, которые по его запискам и рекомендациям спешили эти просьбы исполнять. Если бы этого не было, он был бы безвреден. Какое кому дело до верований, до того, что находились великосветские дамы, считавшие его воплощением Бога-Саваофа?

Умер проф. Снегирев, о котором по его бодрому виду красивого старика никак нельзя было думать, что близок к смерти. Вот два старые светила медицинского факультета, ушедшие от нас один за другим: Поспелов и Снегирев. Утро за Петром. Вечером чтение Верховского.

23 *декабря.* Пятница. Годовщина смерти бабушки[382]. Мы с Миней вспоминали о ней утром.

Все утро до третьего часа за работой. Заходил затем к казначею университета занести ему мою брошюрку «Конституционное движение 1730 г.»[383], которая нужна его дочеригимназистке для сочинения. Он очень благодарил. Вечер провел у Богоявленских, где были Егоровы и Холь. С. К. [Богоявленский] достал пива, и мы с удовольствием выпили напитка, которого давно не приходилось пробовать. Разговоры, разумеется, о текущих событиях. Весьма печальная сторона в деле Распутина та, что его как «простеца» и святого человека выдвинул православный епископ, ректор Петербургской духовной академии Феофан. Другие епископы выдвигали других «простецов»: у епископа Гермогена был какой-то «блаженный Митя». Разве католический священник или епископ, заметив страдающую христианскую душу, ищущую опоры, подставит ей какого-нибудь «простеца»? Ясно, что он сам постарается сделаться ей опорой и возьмет ее в свои сильные направляющие руки. Не оттого ли наши епископы отказываются брать заблудшее овча на рамена свои, что они в сущности чиновники, подписывающие бумаги и чуждые горячего религиозного порыва?

24 *декабря.* Суббота. Читал Дройзена «Geschichte der Preussischen Politik», т. IV[384], о курфюрсте Фридрихе III, свидание с которым Петра я описываю. Затем в 4 ч. дня был у Егорова, где было собрание по случаю приезда из Петрограда проф. А. А. Васильева, византи-

ниста. Были Любавский, Савин, Готье, Пичета, Богоявленский и я, беседовали за чаем. В 6 часов у Мини была елка. Вечер по обычаю я провел у Холей.

25 *декабря.* Воскресенье. Миня получил подарок, о котором мечтал: альбом для коллекции марок. Я положил его на стуле у его кровати ночью. Весь день дома за книгой Дройзена. Звонил по телефону Д. Н. Егоров с известием, что ему предлагают профессуру в Томском университете, где образуется филологический факультет. Вечером у нас обедал Вл. А. Михайловский. Он прочел мне свое письмо в редакцию «Русских ведомостей» с протестом против произведений Андрея Белого[385].

26 *декабря.* Понедельник. Все утро и весь день до шестого часа читал книгу Дройзена. В шестом часу пришли ко мне племянники Миша, Шурик и Котик, пили чай и беседовали. Лиза с Миней были у Карповичей. Вечером стал звонить по телефону Д. Н. Егоров, чтобы я приходил к нему. Я сделал ему предложение прийти к нам с Марг. Мих. [Егоровой] и с барышнями. Это ему было очень по душе, но он все-таки нашел, что молодые люди должны первые прийти к девицам, и мы, признав этот резон основательным, отправились к нему вчетвером. Вечер провели весело: было много смеха и шуток. Отдыхаем второй день без газет. Сильнейшая вьюга, так что двигались по улице с трудом.

У меня была девица Шацких, работающая в архивах над бумагами Сперанского. Она рассказывала мне о своих занятиях и знакомствах в Петрограде.

27 декабря. Вторник. Все утро за чтением Дройзена. Кчаю пришла Маргарита, а к обеду Холи. Мальчики вступили в ту полосу умственного развития, когда спорят о том, наука ли история, и говорят о преимуществах естествознания перед словесными науками.

28 *декабря.* Среда. Всю рабочую часть дня, т. е. с утра до $51/_2$ вечера, провел дома за книгой Дройзена. Вечером обедал у Г. К. Рахманова, в обществе Н. И. Романова, Кизеветтера, Давыдова, супругов Новгородцевых, Лейста и М. К. Любавского. Обсуждались события сегодняшнего дня: отставка Трепова и назначение на его место Н. Д. Голицына и отставка Игнатьева с назначением на его место Кульчицкого[386]. Кабинет опять трещит и валится, вызывая тревоги и опасения. Кизеветтер сообщал рассказы Маклакова о подробностях убийства Распутина. Все-таки много говорилось и лжи. Теперь каждый, кто приходит или кого встретишь, непременно сообщит две-три лжи. Игнатьев – добрый, благодушный, отзывчивый человек, и в этом его привлекательные, но в то же время и слабые стороны. Он, надо сказать, порядочно пораспустил школу, и если бы так пошло дальше, может быть, она бы и совсем расшаталась. Каждый студент, провалившийся на экзамене, мог к нему поехать, он его принимал и выслушивал, а затем в университете получалась бумага из Петрограда. Он без всякой меры давал евреям всяческие разрешения. Он шел на поводу у думского кружка, считающего себя компетентным в деле народного образования и придумавшего сумбурную реформу средней школы. Он внес в Думу проект университетского устава с весьма странным параграфом о трехлетнем курсе[387]. Но он провел отмену гонорара, и за это профессора-филологи помянут его с благодарностью. Это – доброе сердце, а в Министерстве народного просвещения давно уже не было сердечной теплоты, которая чувствовалась при нем, а может быть, и никогда до него ее не было.

29 *декабря.* Четверг. Утром заходил на почту получить деньги, высланные Академией, а затем был в Сберегательной кассе, чтобы отдать эти деньги на военный заем. Итак, всего в займах у меня 33 тысячи рублей.

Читал дальше Дройзена. Вечером был в концерте, устроенном в Политехническом музее[388] в пользу какого-то общества[389]. Меня вытянула туда Л[иза], и очень сожалею. Незанимательно, скучно и очень долго. Вернулись домой в час ночи.

30 *декабря.* Пятница. Получил письмо от Б. Л. Модзалевского в ответ на мое письмо, отправленное еще, помнится, в октябре. Из этого видно, по крайней мере, что дело не к спеху.

Письмо все же выбило меня из колеи. Я ожидал отказа на мои предложения и тогда получил бы свободу издавать биографию Петра независимо от словаря. Это развязало бы мне руки, и я мог бы предаваться труду без всякой спешки. Модзалевский пишет, что великий князь [Николай Михайлович] согласен отвести на биографию Петра особый том, но против того, чтобы издавать его выпусками[390]. Это очень меня связывает и заставляет спешить. В письме далее излагается просьба прислать уже написанное, чтобы начать печатание тотчас же. И это все против моего обыкновения печатать работу только когда она вся закончена. Неприятно.

31 *декабря.* Суббота. Утро за работой над биографией. После прогулки – чтение и так до 9 час. вечера. Затем к нам собрались все Богословские, а также пришли экспромтом Д. Н. Егоров с М. М. [Егоровой], и мы встречали Новый год в оживленной компании. Не спал, был за столом и более всех суетился Миня. Вместо шампанского мы пили лимонную воду. Разошлись в третьем часу ночи. Так кончился у меня 1916-й год, в который я не пропустил ни одного дня без этих заметок, за исключением тех дней, когда лежал больной.

1917 год

1 *января.* Воскресенье. Что то даст нам наступивший год? Надо надеяться, что часть этого года будет мирной. А внутри? Всякие ползучие слухи отравляют меня и приводят в какое-то подавленное состояние. Все время ждешь, что вот-вот должна совершиться какая-то катастрофа. Я хочу даже у себя в квартире вывесить объявление: «Просят не сообщать непроверенных известий».

Никто у нас не был, и я никого не видал. Встали мы после встречи Нового года поздно. Работать я не мог; читал беллетристику в сборнике «Стремнины»[1], очень бездарную. День, надо сказать, пропащий.

2 *января.* Понедельник. Меня позвал к себе обедать С. П. Бартенев с тем, чтобы побеседовать об его издании «Кремль» – в 2 ч. дня. Обед был подан только в четвертом, так что я пробыл у них до седьмого часа, а потом отправился к Богоявленским за Миней, и вернулись в одиннадцатом часу вечера. Опять день погибший. У Бартеневых настроение подавленное – все в ожидании каких-то грядущих событий. Не верят они и в возможность скорого окончания войны.

3 *января.* Вторник. Большую часть дня был дома за книгой Дройзена, которую и кончил. Мысль все время о текущих событиях и о возможных последствиях взятого так круто поворота вправо.

4 января. Среда. Ушел военный министр Шуваев; министр финансов получил продолжительный отпуск[2]. Уж лучше бы сразу переменился весь состав кабинета, чем этот ползучий, продолжительный кризис, угнетающий и раздражающий публику. Утро в работе над биографией. Затем читал книгу Верховского[3]. Как дамоклов меч надо мной висит рецензия на книгу Гневушева[4] для ОИДР. Вечером я был у Карцевых отдать деньги и бланк для подоходного налога. Сам Карцев только что вернулся от сына с фронта, где провел несколько дней праздников, и рассказывал разные подробности о жизни в окопах и землянках. Он подряд несколько вечеров был приглашаем на разные празднества в офицерских собраниях, а Новый год встречал в штабе дивизии с шампанским. В продовольствии там поразительное изобилие. Ну и отлично, что армия так хорошо снабжена, а мы в тылу можем и потерпеть. Вся семья Карцевых настроена революционно, и это теперь общий психоз. Происходит нечто подобное тому, что Англия переживала во второй четверти XVII в., когда все общество было охвачено религиозной манией. С тою разницей, что у нас мания политическая. Там говорили тексты из Библии и пели гнусавыми голосами псалмы. У нас вместо текстов и псалмов – политические резолюции об ответственном министерстве, и политические клеветы, высказываемые гнусными голосами, и надежды на переворот, с близорукими взорами в будущее. Ослепление состоит в том, что кажется, что введи ответственное министерство – и вот устранится продовольственный кризис, и мы будем одерживать победы. Наивно! А сколько лжи и клеветы! Не понимают, что революции в цивилизованных странах проходят по-цивилизованному, как в 1688 г. или 1830[5]. А ведь у нас политическая революция, как в 1905, повлечет за собой экспроприации, разбои и грабежи, потому что мы еще не цивилизованная страна, а казацкий круг Разина или Пугачева. У нас и революция возможна только в формах Разиновщины или Пугачевщины.

5 *января.* Четверг. Биография. После завтрака заходил к нам Алексей Павлович [Басистов]. И он также политически рвет и мечет, негодует и т. д. Редко когда было такое общее единодушное негодование и недовольство, как в наши тяжелые дни. Конечно, тут имеют значение и нервные системы, расстроенные двумя с половиной годами войны и всяческими кризисами и недостатками. В «Русском слове» я сегодня прочел, что в. кн. Николай Михай-

лович «покинул» Петроград и выехал в свое имение в Херсонской губернии «на продолжительный срок». Это похоже на недобровольное удаление![6] Город Тверь оказался без хлеба – вот это обстоятельство, если то же случится и в других городах, пожалуй, всего опаснее. Читал Верховского и недоумеваю, почему Гидулянов так резко отзывался об этой книге.

6 *января.* Пятница. День как обычно. Утро над биографией. Затем книга Верховского. Вечером были с Л[изой] у Богословских. Известие об отсрочке Думы и Совета[7]. Этим только откладывается, но не устраняется конфликт. В месяц не успеют ничего сделать, чтобы приобрести сочувствие. Ну, все же, может быть, будет спокойнее; по крайней мере не будет этого истерического крика с думской кафедры.

7 января. Суббота. Хотя уже время приниматься за рецензию на книгу Гневушева, все же я не могу оторваться от работы над биографией Петра и сегодня читал описание въезда в Кенигсберг, составленное церемониймейстером Фридриха III Бессером[8]. Известие от Елагина о необходимости нового издания первых двух частей учебника. Был у нашей дачной хозяйки М. В. Флинт вручить ей задаток. Вечером читал Мине главу из «Мертвых душ» о Собакевиче. Читал Верховского.

8 января. Воскресенье. В газетах прекрасно написанный рескрипт на имя председателя Совета министров князя Н. Д. Голицына о направлении деятельности правительства: продовольствие, железнодорожное строительство и устроение, прямое отношение к законодательным учреждениям, содействие правительству земств – вот программа, развертываемая рескриптом[9]. Как будто положение начинает проясняться и сгустившиеся тучи расходятся. Утром я был на картинной выставке союза на Покровском бульваре. Кроме нескольких картин Жуковского и Средина, изображающих комнаты дворцов и помещичьих домов действительно мастерски[10], ничего мне у этих художников не понравилось. Кричащая яркость красок, мазня и плохой рисунок – вот их отличие. Краски и только краски, красочные яркие пятна, в этом, по-видимому, и заключается смысл их картин. Я всецело на стороне старых передвижников с их, может быть, и литературными, но верными картинами. Оттуда домой пешком по линии бульваров. Весь день затем дома за книгой Верховского. Чтение прервал только оставленный при Университете Лютш, приходивший со своей программой. Толку от него не жду. Может быть и обманываюсь.

9 *января.* Понедельник. Утро за биографией, от которой все не могу оторваться для книги Гневушева. Затем весь день за книгой Верховского. Получил письмо от К. Д. Чичагова с вопросами о нашем журнале, на который он подписался по публикации в «Речи». Вечером, когда я выходил прогуляться, Д. Н. Егоров по телефону сообщил тревожную весть, что будет забастовка на водопроводе, почему у нас тотчас же сделали запасы воды. Но вода все время после и всю ночь действовала исправно. Подобное может быть 12-го в день предполагавшегося созвания Думы. До чего все нервны и до чего Д. Н. [Егоров] особенно восприимчив ко всякого рода непроверенным слухам. Третий год живем в нервном возбуждении; этим такая чрезмерная восприимчивость и объясняется.

10 *января.* Вторник. Был на Передвижной выставке, помещающейся на Никитской в старинном большом барском доме графов Паниных[11]. Получил удовольствие от жанров В. Маковского и пейзажей Дубовского и Волкова. Но много и мазни в новом вкусе. Вечером было собрание редакционного комитета «Исторических известий» сначала у В. И. Герье – по поводу годовщины основания журнала и деятельности Исторического общества. Говорили о появившемся сегодня в газетах новом длинном, написанном в стиле лекции, но ясном и точном новом заявлении Вильсона по поводу заключения мира[12]. Как-никак, а в сущности переговоры о мире уже начались. Вероятно, они и придут со временем к концу, может быть, впрочем, и после какого-нибудь крупного сражения – во всяком случае, в недалеком будущем. Герье я нашел довольно бодрым и свежим, очень интересующимся политическими

новостями. После чаю у него мы переправились к Д. Н. Егорову и там просидели довольно долго, обсуждая разные журнальные дела. Сегодня вышла последняя (двойная) книжка журнала. Так первый год его существования закончен.

11 *января.* Среда. Все рабочее время с утра до 4 ч., а затем и вечером ушло на чтение книги Верховского, которую и окончил. Это около 800 страниц огромного формата и мельчайшего шрифта. В эту книгу целиком включены и некоторые прежние сочинения Верховского, издававшиеся брошюрами. Во введении дано изложение предыдущей литературы, но в обширнейших размерах. Не обойдены и историки, писавшие по общей истории Петра Великого, и даже те, кто совсем не касался церковной реформы Петра. В самом изложении обширные выписки из философов XVII века, чтобы показать влияние их идей на Петра.

12 *января.* Четверг. Празднование Татьянина дня. Облекшись, к великому удовольствию Мини, в мундир и все регалии, весьма, впрочем, немногочисленные[13], я по обычаю отправился в церковь. Профессоров в нынешнем году за богослужением было почему-то гораздо меньше, но церковь была полна народа. Акт справлялся по случаю переделки актовой залы в Богословской аудитории. После обедни до акта мы пили чай и закусывали в Большой профессорской. Опять я был удивлен нахальством Бороздина, если только можно еще ему удивляться, зачем-то и неизвестно на каких основаниях пришедшего в профессорскую и усевшегося за стол против попечителя [А. А. Тихомирова]. Сколько же преподавателей гимназий в Москве, почтенных, заслуженных, и никто не решается лезть без приглашения! Речь Лопатина была на редкость интересна. О таких старых, вечных вопросах, как бытие Бога, бессмертие души, он говорил с необыкновенной тонкостью, остроумием и ясностью. Я с наслаждением следил за его речью, что редко бывает на актах. Следовал обычный отчет М. К. [Любавского], причем при упоминании благодарности графу Игнатьеву студенческая молодежь, наполнявшая хоры, разразилась бурной овацией, аплодисментам и стучанью ногами, казалось, не будет конца. После отчета поднялся присутствовавший на эстраде преосв. Дмитрий Можайский и сказал несколько слов, довольно неожиданно, о все более замечаемом единении веры с наукою и сюда присоединил благодарность Университету за то, что некоторые профессора согласились читать лекции на Богословских женских курсах. Пропет был певчими гимн – это был момент довольно тревожный по нынешним временам; можно было ожидать какой-нибудь выходки. Но, к счастью, все обошлось благополучно. Вечером был обед в «Праге» с обычными тостами, все как и раньше, за исключением качества обеда и цены: первое было много хуже, вторая намного выше – 12 руб. Я сидел с Челпановым, Грушкой, Лопатиным, Готье, Плотниковым и Вагнером. Разговор не касался внутренней политики – и это было приятно. Виделся в общей зале с Г. К. Рахмановым, меня вызывавшим.

13 января. Пятница. Принялся за чтение книги Гневушева для составления разбора ее на премию Иловайского[14]. Это студенческое сочинение, удостоенное медали, написанное до 1905 г., по-видимому, тогда же начатое печатанием, а теперь в значительной степени устаревшее. Как раз Новгороду после его завоевания особенно посчастливилось в нашей литературе: вышли работы Грекова, Андрияшева, Курца, и все это у Гневушева, книга которого выходит после этих книг, оставляется без внимания[15]. Вечером читал Мине «Капитанскую дочку» с величайшим наслаждением. Чем больше и больше читаешь Пушкина, тем больше удивляешься колоссальности этого дарования. На закате жизни он еще более нравится, чем в юности. Начал также «Засечную черту» Яковлева.

14 января. Суббота. Утро за книгой Гневушева, работа над которой была прервана приходом Котика, принесшего мне часть Новгородских писцовых книг. У нас обедал Д. Н. Егоров, зашедший со мной повидаться. Никаких особых новостей не сообщал. Вечером опять чтение Пушкина с Миней, а затем продолжение «Засечной черты».

15 *января.* Воскресенье. Утром, поднявшись довольно рано, сделал большую прогулку по скверу Девичьего поля, наслаждаясь великолепной слегка морозной погодой. С 11 час. почти непрерывно работал до 6-го часу над книгой Гневушева, убеждаясь все более в том, какая это устарелая и плохая книга. В 6 отправился к Богоявленским за Миней. Они заняты всецело разговорами о купленном ими имении.

16 *января.* Понедельник. Звонил по телефону Феноменов, объявивший, что будет держать следующий экзамен 7 февраля. Вероятно, будет так же слаб, как и в прошлый раз. Лекция на Богословских курсах, которую прочел, т. е. проговорил, кажется, не без живости. Мне очень нравится обстановка: масса света, чистота поразительная, новое удобное здание. В зале, когда я входил, раздавались звуки музыки и пения. На втором часе присутствовал преосв. Дмитрий. Виделся с Матвеем Кузьмичом [Любавским]. После лекции был подан чай с великолепными сливками и с какими-то чистыми, белыми булочками и ватрушками домашнего печения – по нынешним временам это большая редкость. Вообще чистота, порядок и хозяйственность – вот черты Скорбященского монастыря. Так как он совсем на краю города, то поездка туда – вроде загородной прогулки. День был ясный, немного морозный. Из монастыря я сделал путь до дому пешком. Вечер провел вдвоем с Миней. Прочли три главы из «Капитанской дочки», а затем, когда он улегся и в доме настала вожделенная тишина, я погрузился в «Засечную черту». Вторая глава слишком сыровата. Это подготовка для обобщений, но без обобщений.

17 января. Вторник. Все утро за книгой Гневушева, в которой открываю чудеса, побуждающие меня думать, что она написана в пьяном виде. Был затем в Университете, где был полукурсовой экзамен. Вернувшись, опять работал до 7 часов. Вечером читали с Миней «Капитанскую дочку», а затем я продолжал «Засечную черту». Сегодня первый большой мороз -21° и порывистый резкий ветер.

1. *января.* Среда. Опять сильный мороз. Тем не менее я с удовольствием сделал в день две прогулки, дыша морозным воздухом. Проведен день, как и вчера, за дальнейшей работой над книгой Гневушева, а вечером читал Яковлева. Наш народный язык не чужд все же тех элементов, которые составляют признак декадентства: «пылкий мороз» – народное выражение, а не напоминает ли оно «звонко-звучную тишину» и не есть ли это то же, в конце концов, что и «горизонты вертикальные»?

2. *января.* Четверг. Исполнилось 2$1/_2$ года грандиозной войны. Образовалась уже какая-то привычка к военному положению. Ясного конца не предвидится, хотя, в сущности, нотами Вильсона[16] начаты мирные переговоры. Работал, как и вчера над книгой Гневушева, все более и более убеждаясь в ее негодности. Заходил ко мне оставленный при Университете Сергеев[17] для выработки программы. После чаю прогулка по морозному воздуху. Вечер за «Засечной чертой».

20 января. Пятница. Утро за Гневушевым. Первый в весеннем полугодии семинарий на Высших женских курсах, хотя еще и не в полном составе слушательниц. Перед отходом на Курсы позвонил ко мне по телефону Е. А. Сосницкий, мировой судья из Таврической губернии, бывший офицер Самогитского полка, с которым мы встречались на незабвенных «средах» у Воздвиженских[18]. Я позвал его к себе сегодня же вечером и пригласил также А. П. Басистова, к которому Сосницкий питал в те времена особое уважение и симпатию. Мы вспоминали Воздвиженских и весь тогдашний кружок. Сосницкий просил меня посодействовать ему в поступлении на юридический факультет вольнослушателем, для чего он взял отпуск.

21 января. Суббота. Опять мороз -20°. Возобновил чтение лекций в Университете при температуре в +10° и всего при 5—10 слушателях. Совсем нет еще студентов; очевидно, иногородние не приезжали в Москву из-за дороговизны, а здешние заняты разными службами в

земском и городском союзах и т. д. Все же я читал два часа в большой зале. После лекции был у казначея получить увеличенное жалованье, достигающее теперь все же некоторой ощутительной суммы – 491 рубль в месяц. В зале правления виделся с М. К. Любавским и говорил ему о Сосницком. М. К. [Любавский] делился со мной впечатлениями от книги Яковлева. Вечером у нас погасло электричество: сломались какие-то пробки, соединяющие наш провод с главным, и мы некоторое время сидели в темноте, при лунном свете, чтобы не жечь свечей, которых у нас только 4 и которых совсем нет в продаже. Вечер 8—11 я провел у Ю. В. Готье на собрании наших оставленных при Университете «друзей науки», обсуждавших разные вопросы, относящиеся до библиографического отдела журнала. Из старших, кроме меня, были Егоров и Пичета. Обсуждение шло очень живо и дельно. Возвращались домой с Егоровым и разговаривали о возвращении в Университет А. Э. Бориса[19]. Я выражал удивление, почему «Русские ведомости» не начинают обычной в таких случаях травли.

22 января. Воскресенье. То, отсутствию чего я вчера удивлялся, началось. Началась травля А. Э. Вормса за возвращение его в Университет. Кампанию открыли «Русские ведомости», где сегодня появилась статья Кизеветтера. Тут слова о том, как Вормс, «посыпав главу пеплом», возвращается в «казенный университет», что уход предпринимался сообща, что, следовательно, и возвращение должно быть не индивидуально, что Вормс должен был объяснить товарищам мотивы своего возвращения. Ушедшие ушли потому, что не могли, оставаясь, сохранять человеческое достоинство и т. д. Интересно, кто это выбрал Кизеветтера в цензоры нравов? Вот он кадетский деспотизм: не смеешь ничего предпринять индивидуально без благословения кадетского коллектива. Вот она, партия народной *свободы!* И какой вздор что «исход» предпринимался коллективно. Как можно серьезному историку так нагло лгать в газете. Уходили в 1911 г. именно индивидуально, каждый решал этот вопрос для себя. Кроме всего прочего, оказывается, что ушедшим принадлежит «монополия» человеческого достоинства. Мороз сегодня -25°. Тем не менее я с большим удовольствием сделал утреннюю прогулку. Затем весь день за книгой Гневушева, которую кончил. Вечером читал проект нового университетского устава и объяснительные записки к нему[20].

23 *января.* Понедельник. Сенсационное известие в газетах о разрыве дипломатических сношений между Германией и Соединенными Штатами по поводу объявленной Германией беспощадной подводной войны[21]. Итак, Германия – против всего света. Борьба вступает в самый напряженный и последний фазис. Читал на Богословских курсах и оттуда возвращался пешком при сильном холоде и вьюге. Дома гасло опять электричество. Вечером читали с Миней Гоголя (ссора Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем).

24 *января.* Вторник. Утро за книгой Грекова[22], которую надо сравнивать с книгой Гневушева в рецензии. Какая разница! Прекрасно написанная книга. Факультетское заседание, первое в этом году. М. К. Любавский прочел отзыв о диссертации Яковлева, в котором похвалу формулировал в казенных словах «ценный вклад в науку», а отрицательные стороны книги: перегрузку цитатами, излишнюю доверчивость к «отпискам» и совершенную необоснованность заключения – развил подробно. Я указал на необычность приемов составления книги; автор говорит не своими словами, а документами. Если исключить выписки документов – своего текста останется стр. 25–30, текста чисто механически-соединительного. В дальнейшем ничего особенного не было. Челпанов представил к баллотировке четырех приват-доцентов на различные должности в Психологический институт. М. М. Покровский по этому поводу припомнил о плохом ответе Экземплярского – одного из этих представляемых – на магистерском экзамене по латинскому языку. Челпанов обиделся и нехотя возражал, что это не имеет отношения к должности библиотекаря, на которую Экземплярский баллотируется. При баллотировке он, однако, получил 7 и 7 голосов и, стало быть, не был избран. Вечер дома. Читал Мине Гоголя, а затем опять за книгой Грекова.

25 *января.* Среда. Утро за рефератом студента Троицкого «О закупах» к просеминарию, затем читал Грекова. Просеминарий при 5 студентах и при температуре северного полюса. Беседа с Грушкой о деле Сташевского, которое поднялось в Совете Киевского университета и раздуто вновь газетами. Совет единогласно постановил предложить ему подать в отставку. Вот плоды излишней мягкости графа Игнатьева: это надо было сделать тогда же после раскрытия воровства. Теперь вышло, что человек карается за свой поступок дважды[23].

26 *января.* Четверг. Утро за подготовкой к заседанию Исторического общества: делал замечания на книгу Яковлева «Засечная черта». Семинарий в Университете в довольно полном составе, было человек 15. После семинария беседа со студентами об «Исторических известиях». Так как все это кончилось около половины седьмого, а заседание назначено было в 8, то я отправился пообедать в ресторан Мартьяныча, и, как оказалось, напрасно. Референт был столь невежлив, что явился в Университет около 9 часов, опоздав на целый час. Начал он с заявления, что очень рад в товарищеской беседе сообщить то, о чем не решился бы сообщить в официальной обстановке на диспуте, чем очень нас заинтриговал. Однако сообщение это заключалось только в коротеньком рассказе о том, как он, работая над «Приказом сбора ратных людей», наткнулся на бумаги, касающиеся Черты. Что тут такого интимного, непонятно. Самый реферат был прочитан отчаянно скучно и неумело. Яковлев своими словами, каким-то лениво-небрежным тоном изложил первую главу, а затем ничтоже сумняся стал читать по книге секретарским голосом и тоном разные документы целиком, как они в ней помещены, и такое чтение продолжалось еще и в двенадцатом часу, когда я бежал, частью от незанимательности доклада, частью из боязни, что заседание окончится часу во втором ночи и испортит мне следующий день. Пропащий вечер!

27 *января.* Пятница. Мороз опять достиг -20°, к середине дня, однако, температура повысилась до -12—13°. За завтраком у нас случилось печальное происшествие. Миня резким движением, неосторожно выхватил стул, на котором сидела Лиза. Она упала вдруг и ушибла очень больно спину. Миня страшно испугался и долго потом рыдал, думая, что «мама через два часа умрет». Не знаю, как отучить его от этих порывистых движений. Семинарий на Курсах по обыкновению оживленный, хотя это происшествие очень меня отвлекало. Вечером С. К. Богоявленский сообщил мне по телефону подробности окончания вчерашнего заседания Исторического общества. Референт после моего ухода читал еще минут 20. Затем говорили Бахрушин, Егоров, юнец Никольский и еще кто-то, и все это кончилось в половине первого ночи. Я на такие всенощные бдения теперь совершенно неспособен. Читали с Миней «Старосветских помещиков», а затем я продолжал книгу Грекова.

28 *января.* Суббота. Лекция в Университете о следствиях колонизации, об Андрее Боголюбском и Всеволоде. Студентов больше, человек 25. В «Русских ведомостях», на которые взглянул в профессорской после лекции, – заметка о петербургском Историческом журнале[24], рекламирующая. Нашему журналу этого не делали и даже по выходе едва удостоили кисленькой заметки. Из Университета заходил в школу за Миней, и прошли с ним к Храму Спасителя посмотреть на реку. Вечер у Богословских, шахматы.

29 *января.* Воскресенье. Утром ответил Б. Л. Модзалевскому с предложением сделать две редакции биографии Петра, краткую и пространную, и с тем, чтобы мне Историческое Императорское общество не препятствовало напечатать пространную редакцию на свои средства, а краткая пойдет для словаря[25]. Ответил также на письмо Пархоменко (из Сухума), спрашивавшего о замещении кафедры русской церковной истории в Академии. Был на заседании в память Карамзина по поводу 150-летия со дня его рождения. Читали Готье, Шамбинаго и Брандт. Готье составил прекрасную речь, стройную, ясную с очень интересными выдержками. Шамбинаго был бледнее и читал много хуже. Брандт указал на значение Карамзина для русского языка, причем критиковал некоторые нововведения Карамзина.

Особенно эффектна была критика слова «трогательный» (touchant), которое Брандт находил недостаточно сильным, предлагая заменить его словами «прохватный» или «задевный», что вызвало фурор в зале. Долго мы не могли успокоиться от смеха. Зала (Богословская) была наполнена далеко не вся; а жаль. Прекрасное заседание. Недолгое, ясное и содержательное. Я возвращался домой с Д. Н. Егоровым, который жаловался на тяжесть своего положения, на дороговизну, на то, что ему приходится кормить семерых, и т. д. Вечером они были у нас с Маргар. Мих. [Егоровой].

30 *января.* Понедельник. Лекции на Богословских курсах. Вечером заседание в ОИДР. Назначены были выборы председателя. Было подано 7 записок за М. К. Любавского и 3 за В. Г. Глазова. Между тем Белокуров уже списался с Глазовым и получил его согласие на баллотировку. Получилось положение весьма тягостное. М. К. [Любавский] стал энергично отказываться от баллотировки, указывая, что Глазов может быть полезен Обществу своим влиянием в Петрограде. Долго думали. Наконец нашли выход: Глазова избрали председателем 8-ю голосами, а М. К. [Любавского] на основании одного из §§ Устава – постоянным заместителем председателя. Все остались довольны. Были: Белокуров, Любавский, Рождественский, С. К. Богоявл[енский], Готье, Шамбинаго, Гневушев, Долгов, Аммон, Сторожев, Чулков, Высоцкий. Я прочел доклад о детстве Петра (статью, печатающуюся в «Русской старине»)[26]. После заседания ходили ужинать: М. К. Любавский, Богоявленский, Юра [Готье] и я.

31 *января.* Вторник. Был в библиотеке университетской, делая запас книг, необходимых для работы над Гневушевым, а затем там же в Университете с Г. И. Челпановым мы распределяли студентам пособия. Остальное время дома за книгой Грекова. На дворе бушует вьюга при довольно большом морозе. Это как раз некстати для начала усиленной торговой перевозки по железным дорогам, ради которой сокращается пассажирское движение. Весь январь стояли сильные морозы; этим в значительной степени объясняется недостаток топлива в Москве. Нет угля на газовом заводе, и улицы, освещаемые газовыми фонарями, погружаются теперь каждый вечер во мрак. Светло только там, где действует электричество, и на окраинах города, где керосино-калильные фонари. Заведующий трамваями Поливанов предлагает за недостатком топлива прекратить движение трамваев в 7 час. вечера, т. е. как раз в тот час, когда идет наибольшее движение. Глупее этого трудно что-нибудь было придумать. Я понял бы прекращение трамвая с 11 час., даже с 10 часов вечера, когда жизнь в городе замирает. И это было бы даже полезно, заставляя нас раньше кончать всякие собрания и заседания и раньше ложиться спать. Третий год войны дает себя знать.

1 *февраля.* Среда. Продолжается сильнейшая вьюга. Кончил книгу Грекова и принялся за книгу киевского магистранта Яницкого, состоящую из таблиц[27]. Был на просеминарии в Университете – на этот раз уже довольно много студентов. Вечер дома. Миня второй день в постели – у него ветряная оспа. Читал ему «Тараса Бульбу», а затем опять за Яницким.

2 *февраля.* Четверг. Утром прогулка; затем с $10^1/_2$ до 6 ч. чтение, прерывавшееся короткими визитами студента Витвера, участника моего просеминария, желающего подробнее заняться летописями, и Л. И. Львова. Я окончил книгу Яницкого – слишком юношеское произведение. Жаль, что напечатано в таком виде, следовало значительно его исправить; принялся за сочинение архимандрита Сергия «Новгородский уезд Вотской пятины»[28] и прочел его все. Вечер у Богоявленских. В газете «Русские ведомости» статья Кизеветтера с руганью против Сташевского, которого ругать теперь очень легко, и с выпадами вообще о профессорах[29]. Положительно, Кизеветтер считает себя цензором morum[42] и морализирует, как немецкий пастор. Что же он молчал тогда, два года тому назад, когда кража Сташевского

---

[42] Нравов *(лат.).*

была обнаружена и ему, Кизеветтеру, была хорошо и доподлинно известна. Вот была бы заслуга публициста – разоблачить вора. А теперь бросить в Сташевского 150-й камень – не великая доблесть. В «Русском слове» развратнейшее рассуждение о том, что бюджетная комиссия Государственной думы деловито работает над подготовкой бюджета. Газета порицает комиссию, что она занимается работой, а не выступает с речами «о создавшемся положении» или «о текущем моменте»[30]. Вот до чего можно дойти, до какого извращения понятий. Сколько вреда приносят эти развязные газетные неучи и писаки!

3 *февраля.* Пятница. Читал статью Загорского о землевладении в Шелонской пятине[31]. Семинарий на Высших женских курсах. Разговор в профессорской о предпринимательстве наших юристов, собирающихся устроить в Воронеже «филиальное отделение Московского университета». В газетах говорится и об устройстве там историко-филологического факультета. Юристы А. И. Елистратов и Котляревский, оказывается, откровенно заявляли, что это их намерение вызывается желанием восполнить потерянный гонорар. Жаль, что припутан и наш факультет к этой афере. До чего доходит лганье газет! Продолжается травля Сташевского. Вечером был у Карцевых.

4 *февраля.* Суббота. Лекция в Университете: характеристика северного удела. Студентов больше – человек 30–35. Очень тепло в Университете, +14°. Вечером заходил к А. П. Басистову, чтобы вернуть от него книжки «Богословского вестника», который просит у меня Е. П. Сухотина, говорившая вчера по телефону. А. П. [Басистова] я не застал, он ушел в Девичий монастырь ко всенощной. Затем были у Готье, где были Богоявленские, Егоров, М. К. Любавский, Яковлев и Шамбинаго. Засиделись до второго часа.

5 *февраля.* Воскресенье. У меня были: оставляемая при Курсах Кизеветтером Морозкина с программой для магистерского экзамена и Феноменов – по поводу своего второго магистерского экзамена, который он предполагал держать 7 февраля. Я его уговаривал отложить это дело до осени, а тем временем хорошенько позаняться, на что, кажется, он согласился. Утром я вел телефонные переговоры с Е. П. Сухотиной и условился быть у нее в 5 часов, к 5 я к ней пришел. Она вызвала также и Льва Михайловича [Сухотина] из «Земгора»[32], и мы провели около часу в оживленном разговоре. Они мне сообщили подробности о совещании предводителей дворянства, на котором Протопопов давал объяснения о своем разговоре с немцем в Стокгольме[33]. Е. П. [Сухотина], смеясь, называла меня «черносотенником, чернее черного». Очень красивая, интересная и умная женщина.

6 *февраля.* Понедельник. Итак, я был «в свете». А сегодня был «в монастыре» – на Богословских курсах, где читал лекцию о последствиях введения христианства в России. Морозы все продолжаются. Сегодня -19°. Из монастыря домой пешком – великолепная прогулка. В газетах начата травля обер-прокурора Раева по поводу его участия в одном бракоразводном деле. Хороши «владыки», решившие по настоянию обер-прокурора в три дня дело, которое тянулось три года. Все же нападки, видимо, неосновательные, а нужен во что бы то ни стало скандал[34]. Кончил дельную статью Загорского.

7 *февраля.* Вторник. Продолжаются морозы. Сегодня утром -19°. В Москве чувствуется недостаток хлеба. У булочных огромные очереди, и выдают очень понемногу. В очередях шумные разговоры, а иногда и толкотня. Факультетское заседание, главным вопросом которого было вознаграждение внештатных, выслуживших 30 лет профессоров. Вознаграждение это приходится брать из остатков от содержания личного состава, т. е. от свободных экстра-ординатур, и является опасность, что таким образом будет заграждаться путь приватдоцентам, получающим степень доктора, как это и происходит теперь с Шамбинаго. Деликатен был вопрос о выборе между Брандтом и Щепкиным. Решено было прибегнуть к закрытой баллотировке, которая оказалась в пользу Брандта. Но вид Брандта перед баллотировкой, когда он говорил, как он работал и как готов работать и впредь, был довольно

жалок. Вообще в этом порядке назначения вознаграждений есть чтото унизительное. Мое мнение такое: выслужил 30 лет и уступай дорогу молодым силам, тем более что, уступив такую дорогу, можно и самому преподавать с приват-доцентским вознаграждением по 300 рублей за час[35]. Читал Кауфмана – разбор сочинений Нордмана о статистике в русской истории (по Новгородским писцовым книгам)[36].

8 *февраля.* Среда. Утро до 4 час. за работой: окончил статью Кауфмана – разбор Нордмана. Особенно оригинальна и, по-моему, приемлема в ней последняя глава – о системе полеводства. Был в Центральных банях и с грустью узнал о недавней и совершенно неожиданной смерти Василия Ивановича, служителя в той комнате, «Мавританской», где раздевались я, Вальдемар, Шамбинаго, Василенко и целый ряд других знакомых. Он всех нас знал, интересовался нашими делами, был занимательным собеседником. Жаль. Опять та же мысль у меня промелькнула: как часто, видясь с человеком, мы видим его последний раз. Как осторожно и бережно надо обращаться с людьми! Сколько смертей за последнее время! Василию Ивановичу было всего 42 года; он производил впечатление здорового и жизнерадостного человека; никак нельзя было думать, чтобы он страдал такою сердечною болезнью, чтобы так скоро расстаться с жизнью. Каждый из нас носит в себе какую-нибудь тайну, недоступную для других. Если бы знать ее, осторожнее надо бы подходить к человеку.

9 *февраля.* Четверг. Утром за статьей Помяловского о своеземцах[37] – я решил перечитать все, что есть по Новгороду после его покорения. После завтрака ходил в Архив МИД за книгами архимандрита Сергия и «Историческим обозрением»[38], где помещена статья Ильинского[39]. Первой не нашлось ни в Архиве, ни у Белокурова. Был на рождении у Шурика и оттуда должен был проехать в Университет на обсуждение проекта нового устава; но меня не пускали племянники, и я не особенно сопротивлялся, не предвидя никакого толка из разговоров об уставе: едва ли этому проекту суждено обратиться в закон. По всей вероятности, и его постигнет судьба его нескольких предшественников, поэтому и разговоры должны были иметь характер академический. Мы очень падки обсуждать всякие конституции и очень плохи в их исполнении. И как обидно будет, если наши замечания не примутся во внимание при обсуждении устава в Государственной думе, если, впрочем, такое обсуждение когда-либо состоится. Травля Вормса продолжается. Сегодня в «Русских ведомостях выступил старичина Н. В. Давыдов со статьею «Профессор Вормс перед судом товарищей». Он забыл, по-моему, вставить здесь одно прилагательное – перед *«самозваным* судом». Кто дал право созывать такой суд? Кто снабдил этот трибунал полномочиями? Из статьи видно, что у Давыдова, действительно, 9 февраля собирались бывшие профессора и приват-доценты и судили поступок Вормса. Оказывается также, что часть собравшихся признала, что выход в 1911 г. был протестом против режима Кассо[40], но что так как этот режим теперь кончился, то нет причин не возвращаться в Университет тем, кто имеет возможность.

10 *февраля.* Пятница. После утренней прогулки по морозу, который все время продолжает быть жестоким, я начал статью Ильинского о новгородских городах в XVI в. и после блинов, как это ни противоречит всем понятиям о блинах, читал ее до 6 ч. вечера, пользуясь величайшею тишиною в доме, так как ни Л[изы], ни Мини не было дома. Вечером у нас была О. И. Летник, но была как-то мало занимательна и интересна. Низкая цена рубля, высокие цены на предметы необходимости – вот и причина общего недовольства. Так как это недовольство надо объективировать, то объект его, конечно, правительство, даже царь. Никто не хочет понять, что против стихийных явлений мирового рынка, мировой экономики всякое правительство так же бессильно, как против стихийных явлений в природе. Общий вопль «Распни! Распни его!»; в этом вопле только слепое чувство раздражения и столь же мало сознания и разума, как и тогда перед Пилатом. Толпа коллективно чувствовать может, а рассуждать – нет.

11 *февраля.* Суббота. Вспоминалось пережитое 24 года тому назад[41]. Вот уже и для самого меня наступила старость и близость, естественная близость смерти. Почти четверть века пронеслась с быстротою вихря. Будем доживать остаток дней. Был у меня А. П. Басистов, с которым также вели разговоры на тему о смерти. Докончил статью Ильинского: кое-что дельно, вся статистика с тысячными долями % ни к чему не нужна, т. к. основана на шатких данных. Сам автор допускал много произвола в своих выкладках. Много молодого задора в статье.

12 *февраля.* Воскресенье. Стужа все продолжается. Сегодня резкий, холодный ветер при -12°. Утро прошло за ответами на накопившиеся письма. Писал Н. Н. Фирсову с благодарностью за присланную характеристику Петра I[42]. Писал также священнику о. Николаю Яхонтову, отцу студента Яхонтова, подававшего мне кандидатское сочинение в Академии, затем поступившего в Университет (Петроградский) и покончившего самоубийством в припадке неврастении. Старик, заштатный священник в селе Милиновке Владимирской губернии, похоронил его возле своей церкви и вот, хотя прошло уже несколько лет, не может утешиться и все тоскует о сыне. Написал мне письмо с изложением дела и с просьбой подать ему утешение: он тревожится за загробную судьбу сына и спрашивает моего мнения «как мужа науки», вооруженного «философскими и богословскими знаниями». Что я мог сказать ему? Ответил попросту, что все, что совершается, совершается по воле Божией, перед которой нам всем надо только преклоняться. А так как сын его совершил самоубийство в припадке жестокой неврастении, то и не может нести ответственности за свой поступок. Не знаю, найдет ли старец какое-либо утешение в моем письме, глубоко мне его жаль. Кроме прогулок, день проведен дома за чтением.

13 *февраля.* Понедельник. Провожал утром Миню в его школу. Опять морозная погода, но на солнечной стороне улицы тает; весна все же начинает вступать в свои права. Читал лекцию на Богословских курсах, где виделся с М. К. [Любавским]. Вечером у меня были Вл. А. Михайловский, который сбежал в десятом часу в «Кружок»[43], и А. П. Басистов. Последний заражен брюзжанием по поводу продовольственных неурядиц. Я ему доказывал, что в борьбе с мировыми экономическими явлениями, с расстройством международного обмена бессильно всякое правительство, из кого бы оно ни было взято. Наивным мне представляется это сваливание вины в продовольственном кризисе на правительство. С одинаковым правом можно бы винить его за стоящие теперь морозы и за происходящие на юге России вьюги и снежные заносы. Экономические явления – такая же стихия, как и метеорологические. Спору нашему очень мешала Л [иза] со своими выступлениями, почерпнутыми из передовиц «Русских ведомостей», – эти выступления мне крайне несимпатичны и портят отношения между нами. В книжке «Богословского вестника» за октябрь, ноябрь и декабрь есть статья Глаголева о Ключевском, написанная пошлым и хамским тоном[44]. Можно было изображать и отрицательные стороны личности покойного В. О. [Ключевского], но можно было говорить не таким противным тоном. Приведенные в статье остроты и рассказы Ключевского в глаголевском изложении теряют совершенно тот букет, с которым они выходили из уст самого автора. Влад. А. [Михайловский] сообщил мне, как он выразился, сенсационную новость: Бороздин ему объяснил, что как причину моей полемики с Веселовским надо chercher la femme[43]. Попал! За последнее время я себя гораздо лучше чувствую с книгами, чем с людьми. Во-первых, нет этого озлобленного раздражения и недовольства, которое мне неприятно в последних. Я много раз ловлю себя на том, что прямо избегаю видеться с тем или другим и охотнее провожу время за книгой.

---

[43] Ищите женщину *(франц.).*

14 *февраля.* Вторник. Много работал над разбором книги Гневушева. Был в университетской библиотеке. Вечером читал Мине несколько страниц из «Мертвых душ», что он слушает с большим вниманием. Получил от Тарановского его учебник энциклопедии права[45]. У меня начался кашель.

15 *февраля.* Среда. Весь день с 9 ч. до 31/2 за рецензией: составлял комментарий к документу, напечатанному в Актах экспедиции[46] т. I, № 94 «Три списка двинских земель». Работал, можно сказать, не разгибая спины, пользуясь тишиной, царившей в доме. Был на семинарии в Университете: плохонький реферат студента VI семестра Аносова. Вечер дома. Прочел Мине несколько страниц из «Мертвых душ». Газету читал вечером: отчет о первом думском заседании. Дельная и обстоятельная речь министра земледелия Риттиха, объясняющая причины отсутствия хлеба на рынке. Все прочее – словеса[47]. Разговоры о «создавшемся политическом положении» или «о положении момента» так же пошлы, как телеграммы графу Игнатьеву[48].

16 *февраля.* Четверг. Опять все большое утро (9 до 31/2) за пристальнейшей работой по разбору и истолкованию текста Актов экспедиции, т. I, № 94. Возился с картами и разными летописями. Книги валяются на полу около стола; стол мал для такой работы. Семинарий в Университете, довольно оживленный. Вечером у нас Е. А. Сосницкий, приходивший прощаться перед отъездом. Я звал также Д. Н. Егорова, но он не мог прийти, сказал, что «люди 1911 года»[49] собираются на совещание у проф. Шервинского о том, как им быть. В газетах речи Милюкова и Керенского; первая с нападками на правительство, вторая с нападками на кадетов и октябристов и с выпадами против войны и против «империалистических планов», т. е. против захвата Дарданелл. Кто-то из депутатов, слушая эту речь, назвал Керенского «помощником Вильгельма», что и верно[50].

17 *февраля.* Пятница. С утра с 9 часов интенсивно работал над комментарием текста памятника (Акты экспедиции, т. I, № 94) до 21/2, когда отправился на Высшие курсы на семинарий. К вечеру сильно устал и, кроме газет, ничего уже не мог читать. Продолжается очень холодная погода, – 15°.

18 *февраля.* Суббота. Едва добрался на трамвае до Университета на лекцию. Пришлось долго его ждать. Вагон битком набитый, толкотня и брань пассажиров между собой и с кондукторшей. Но труднее всего было вылезти из вагона около Университета: он был, что называется, битком набит. Едва протискался и поплатился пуговицей от пальто; хорошо, что осталось цело пальто, нередко теперь рвут одежду. На лекцию значительно опоздал. У булочных длиннейшие хвосты в ожидании хлеба, которого раздают очень понемногу. Эти толпы, стоящие в хвостах, настроены все же благодушно; все время слышен оживленный говор. И только когда, за распродажею хлеба, булочную закрывают, видишь некоторых, расходящихся со вздохами и в большом унынии. Теперь, как я понимаю, вопрос о победе заключается в том, кто кого перенедоедает: союзники немцев или немцы союзников. Терпение! После лекции пристал ко мне в большой профессорской проф. К. А. Андреев, истомивший меня двухчасовым расплывчатым спором о политическом положении. Неловко было спор оборвать и уйти, но время досадно потерянное. Послал телеграмму Сытину по поводу его завтрашнего юбилея[51]. Дома никого не нашел из своих. Л[иза] и М[иня] уехали к Карповичам. Читал думские речи в большой тишине и опять очень удовлетворен второй речью Риттиха, вдребезги разбившего и посрамившего Милюкова[52]. Вечер провел у М. К. Любавского в обществе петроградских гостей: С. Ф. Платонова и Васенко, которые приехали на завтрашний диспут Яковлева. Были также наши: А. Н. Филиппов, Готье, Савин, Егоров и Веселовский. Разговоры о недостатке хлеба, о петроградских происшествиях, а затем совещались о подготовительных мерах к будущему съезду русских историков[53].

19 февраля. Воскресенье. Диспут А. И. Яковлева в 1 ч. дня в Богословской аудитории. Публики довольно много, преимущественно курсистки. Присутствовала и наша «оставленная» молодежь. Хоры пусты. Речь была прочитана А. И. [Яковлевым] по тетради как-то вяло, хотя составлена очень литературно и занимательно. В ней только напрасно пущены были некоторые эффекты из книги, оказавшиеся дутыми, как то, что в одном городе было 4 обывателя, а Разряд требовал от этого города несколько сот деловцов на постройку черты, что жители Калуги все ушли в Москву жаловаться на тяжесть повинности. Оппоненты доказали А. И-чу [Яковлеву], что все это было не так. М. К. [Любавский], прекрасно возражавший, дельно и живо, доказал, что Разряд свои требования исчислял на основании сошного письма, приходившегося на город, что воеводские отписки преувеличивали затруднения, так как воевода желал избегнуть ответственности. В особенности сильно напал М. К. [Любавский] на заключительные страницы книги, упрекнув А. И. [Яковлева] в стремлении подражать автору «Истории города Глупова»[54].

Готье обвинял Яковлева в некритическом отношении к документам и в незнакомстве со многими документами. После них несколько слов сказал С. Ф. Платонов, указавший, что книга состоит из трех частей, что первая часть (вступительная глава) написана блестяще, средняя часть – тягуча, заключительная часть – невозможна, и он против нее решительно протестует. Диспут кончился в 5 часов, продолжался в меру, к 6-ти А. И. [Яковлев] позвал на обед. Были М. К. [Любавский], Платонов, Васенко, Кизеветтер, Готье, Львов, Черепнин[55], Бахрушин. Я сидел рядом с Платоновым и Бахрушиным. Первый рассказал мне о завтраке у в. кн. Николая Михайловича, от которого мы с М. К. [Любавским] уехали. С Бахрушиным мы вели разговор о моей полемике с Веселовским; он очень ее порицает; чего я и ожидал. Было множество тостов. Веселовский сказал, отвечая на тост Кизеветтера о дружбе между московскими историками, что теперь пробежали кошки, и потянулся со мной чокаться, на что и я с удовольствием отвечал. Мне пришлось выслушивать тост А. И. [Яковлева] за Веселовского как его учителя, а Кизеветтеру пришлось выслушивать тост за Московский университет. Но, в общем, я провел время не без удовольствия и вернулся домой к 11 часам.

20 февраля. Понедельник. Поездка в Академию. Ночь плохо спал от речей и вина, да еще на беду наш кот Васька, оставшийся ночевать наверху, свалил мои любимые столовые часы в 5 часов утра. Они упали с грохотом, не разбились, но механизм, видимо, поврежден. Из дома вышел в 8$1/_2$ ч. утра, но на вокзал попал только в 10 час. На трамваях и с трамваями творится нечто ужасное: доехать до вокзала – пытка. Вагоны поезда тоже переполнены. Хлеба в Посаде нет. Цены с ноября на все подняты. Мой номер вместо двух р. стоит уже 3 р. За продовольствие, обходившееся, бывало, в 1 р. 80 к. (обед из двух блюд), и ужин (из одного) я заплатил 4 р. 50 к. Это, и по сравнению с Москвой, непомерно дорого, ибо в «Праге» обед из четырех блюд стоит именно 4 р. 50 к. Студентов пока мало. В профессорской только и разговора, что о хлебе, о муке и крупе. Прочел книжку Нордмана (статистика по новгородским книгам) и статью Лукьянова о Соловьеве (Ж. М. Н. Пр., сентябрь).

21 *февраля.* Вторник. Утром лекции в Академии о монгольском завоевании. Студентов значительно больше. Однако на практических занятиях из пяти авторов семестрового сочинения «О причинах возвышения Москвы» не оказалось в аудитории ни одного. Виделся с Ив. Вас. Поповым, с которым шли вместе до вокзала. Солнечный морозный, но уже весенний день. Факультетское заседание в Университете, на котором проф. Анучин, Сперанский и Шамбинаго читали свои отзывы о диссертации Зеленина[56]. Отзывы Анучина и Шамбинаго ясны и определенны; отзыв Сперанского, по обычаю, длинен, расплывчат и водянист. После чтения завязалось было обсуждение книги, но пошло довольно сумбурно, потому что пока часть профессоров занималась обсуждением: Поржезинский, Сперанский, Лопатин и я, другие, утомленные видимо длинными отзывами, начали громко болтать между собою.

Грушка совсем не умеет поддерживать порядка в заседании и временами сам погружается в какой-то полусон. Из других вопросов был интересен вопрос о филиальном отделении Московского университета в Воронеже. Но собрание уже окончательно разрыхлилось: одни говорили о Воронеже, другие толковали о занимающих их предметах, третьи встали и беседовали между собою стоя, четвертые прощались и уходили. Вот правдивая картина этого до крайности беспорядочного заседания.

Вечер я провел дома в очень усталом состоянии от поездки от Троицы в набитом битком вагоне и в еще более набитом трамвае и от факультетского заседания, где порядка было еще меньше, чем в трамвае.

22 *февраля.* Среда. Утро за разысканиями весьма пристальными по интересующему меня документу в Актах экспедиции, т. I, № 94. Страховал наши с Холем выигрышные билеты. Заходил за жалованьем к казначею, был в университетской лавке, где встретил двух дам: Любавскую и Грушку, ректоршу и деканшу. Оживленный просеминарий в Университете, откуда возвращался с Поржезинским. Все еще морозно: -12°, 13°.

23 *февраля.* Четверг. Читал на Богословских курсах от 1 ч. до 3, затем в Университете семинарий. На Курсы всю Долгоруковскую улицу, начиная от Садовой, прошел пешком. С Курсов пешком дошел до Университета. Из Университета отправился к Богоявленским также per pedes apostolorum[44]. Итого исходил в день верст 15, наслаждаясь морозным воздухом и солнцем, начинающим сильно греть. Почувствовал себя очень освеженным. У Богоявленских: Егоровы, А. П. Басистов, Марковы, Холи. С. К. [Богоявленский] откуда-то достал превосходного пива, чем и доставил гостям большое удовольствие. Так как никто не знал, вошло ли в силу постановление управы о прекращении трамвайного движения с 11 часов, то мы разошлись рано, в 10 ч. 45', но долго ждали трамвая.

24 *февраля.* Пятница. Все утро до самого ухода на Курсы упорнейшая работа над комментарием изучаемого памятника. Продолжил писание рецензии. Очень устал. По дороге на Курсы встреча с Е. А. Маклаковой[57] и разговор с ней. Семинарий я вел в утомленном состоянии. Вечер дома. Читал Мине «Дубровского», а затем читал летописи. Холод. Резкий ветер.

25 *февраля.* Суббота. Лекции в Университете об успехах Московского княжества в XIV и XV вв. Первый час говорил, кажется, недурно. Второй час много хуже: нужно было уложить много материала в 40 минут; чтобы справиться с такой задачей, надо хорошо владеть собою, иначе заспешишь, заволнуешься и станешь пропускать существенное и сообщать мелочи. Я не очень справился с этой задачей. В 3 ч. заседание университетского Совета, необычно многолюдное. Явился весь почти медицинский факультет – на повестке стоял вопрос о замещении кафедры А. И. Поспелова. До этого дела обсуждался вопрос об открытии филиального отделения нашего Университета в Воронеже. Юристы наши вошли уже в сношения с Воронежской городской думой и с тамошним городским головой. Арк. Ив. Елистратов сладким голосом и с ужимками изложил об этом деле; подкладка его, конечно, та, что Воронеж желает иметь у себя университет, как этого теперь желают Ярославль, Серпухов, Чухлома и другие города, а юристы наши, лишившись гонорара, ищут побочных заработков и готовы заняться отхожими промыслами. Елистратов так и говорил о трагическом положении приватдоцентов юристов. Грушка очень хорошо передал в своей речи осторожное и холодноватое отношение к этому делу нашего факультета. В самом деле, сомнительна потребность историко-филологического факультета в Воронеже, когда соседний Харьковский факультет пустует, в Киеве немноголюдно, а в Одессе число филологов исчисляется единицами, да ждет еще открытия историко-филологического факультета Саратов. Перешли к выборам сифилидолога. Декан Митропольский минут сорок или час читал доклад комиссии, произведшей оценку трудов восьми кандидатов, выступивших на конкурс. Мало кто

[44] Апостольскими стопами *(лат.),* здесь – пешком.

слушал; юристы сначала, собравшись в кружок у дивана, громко болтали, а затем совсем ушли в коридор. Ректор [М. К. Любавский] часто пускал в ход звонок. Был большой беспорядок, а между тем выслушать доклад комиссии, как показали дальнейшие события, было очень важно. Вот отношение наше к общественным делам в автономных учреждениях. Из восьми кандидатов медицинский факультет отдал предпочтение профессору Членову, которого избрал 23 голосами против 9; остальных, в том числе ученых, признанных комиссией выдающимися, приват-доцента Военно-медицинской академии Иванова, профессоров Саратовского и Харьковского университетов Никольского и Теребинского забаллотировал. По окончании чтения доклада Митропольским говорили некоторые профессора медицинского факультета – не прямо, с прикрытиями, но против Членова. Очевидно, в медицинском факультете большие нелады между большинством и меньшинством. Выступали Мартынов, Маклаков, Голубов и другие. Баллотировка, затем произведенная, дала небывалый в истории Московского университета результат. Кандидат медицинского факультета был забаллотирован 48 голосами против 26 (в том числе мой шар, так как я не считал возможным идти против факультета). Получился большой скандал для факультета. Принялись затем за толкование статьи закона, предусматривающей провал факультетского кандидата по конкурсу. Статья предписывает баллотировать в таком случае всех остальных кандидатов, заявивших о себе на конкурсе. Но они были факультетом забаллотированы, а между тем есть высочайшее повеление о баллотировке в Совете только тех, кто в факультете получил более половины голосов – повеление, относящееся, правда, не к конкурсу, а к рекомендации. Говорили об этом противоречии. Затем решали вопрос, когда баллотировать остальных кандидатов, в этом же заседании или отложить до следующего, на чем настаивал проф. Вагнер, приводя в пример случай в Киеве. Закон не говорит об этом ясно. Решили выбирать в этом же заседании. Началось чтение Митропольским curriculum vitae[45] семи кандидатов, а затем томительно долгий процесс баллотировки в семи ящиках. Я положил белые Иванову и Теребинскому. Они двое и получили большинство, первый более значительное. Все это кончилось в 8-м часу, и я уже не мог попасть на заседание Общества истории литературы, где должна была читать М. А. Голубцова. Вернулся домой до крайности усталый и голодный. Ничего не мог делать. Лег спать в половине одиннадцатого.

26 февраля. Воскресенье. День рождения Мини. Ему исполнилось 9 лет. Дня этого он долго ожидал и «мечтал» о нем. Празднование вышло удачным; были дети: Миня Богоявленский, Мусенька [Летник], Галя Карпович, Шушу Угримов. За обедом новорожденный сидел на главном месте. Пили лимонную воду с тостами. Новорожденный сам провозгласил тост «За успех наших войск» и «За наших союзников». Было много шума и оживления.

Утром я дошел до Девичьего монастыря и был там у обедни. По дороге домой встретил Виппера, каждый день посещающего могилу супруги. У себя я застал Алексея Павл. [Басистова]. Беседа с ним о тревожных вестях из Петрограда, где, видимо, бунтуют рабочие и нервничают гг. депутаты.

Рабочие волнуются из-за хлеба; кликуши вроде Родичева и Шингарева вопят против правительства. И в этом случае дельную речь сказал Риттих[58].

27 *февраля.* Понедельник. Поездка в Академию. Удачно нашел место в трамвае. В вагоне очутился с беженцами из Бреста, вспоминавшими родной край и ругавшими москвичей. Беженцы, как я узнал из разговора, покинули Брест перед его отдачей немцам, и живут теперь в Сергиевом Посаде. Жителей Москвы и Посада они называли «татарвой» и бранили за грубость и нехозяйственность. Самолюбие мое страдало, но я молчал, углубясь в лекцию, чтобы не мешать их излияниям. Живо они вспоминали о пожаре Бреста, о взрывах крепости, о бегстве по шоссе и т. д. У меня нарисовались яркие картины. Читал статью Лукьянова о

[45] Послужной список, жизнеописание *(лат.)*.

Вл. Соловьеве в январской книжке. Много гулял. Бьет 11 час. В газетах опять тревожные намеки. Невесело.

28 *февраля.* Вторник. Продолжаются сильные морозы. Перед началом лекций в Академии Д. И. Введенский сообщил новость, которую услыхал в магазине Елова: Дума распущена[59]. Газет нету[60]. Горячие дебаты по поводу этого события в профессорской – но, увы! больше с той точки зрения, что как же теперь рассчитывать на новые штаты и на прибавки! Читал лекцию об успехах Москвы в XIV и XV вв. при довольно многолюдной аудитории. Затем на практических занятиях разбирал семестровые сочинения о феодализме в удельное время. На вокзале также нет газет. В вагоне, где мы сидели с А. И. Алмазовым, начиная с Пушкина вошло много народа. Были офицеры, весело разговаривавшие с дамами, слышались шутки, смех и самые беззаботные разговоры. Две барышни говорили, что едут в Москву в театр. Только девица, сидевшая неподалеку от нас, наклонясь к двум севшим против нее железнодорожным служащим, тихо сказала: «В Москве забастовка». Я, услыхав эти слова, тотчас же подумал о трамваях и не ошибся. Выйдя в Москве с вокзала, мы с А. И. [Алмазовым] заметили, что трамваев нету. Пришлось совершать путь пешком. По Мясницкой, как и раньше при трамвайных забастовках, шло много народа, заполнявшего тротуары по обеим сторонам улицы. Чтобы двигаться свободнее, я от Мясницких ворот пошел по линии бульваров, имевших совершенно обычный вид. Только на Страстной площади мое внимание обратили на себя часовые с ружьями у Страстного и Тверского бульваров. Разговоры на улице самые спокойные и обыденные; большие хвосты с громким, оживленным говором у булочных, что также стало обычным за последние дни. Только придя домой, я от Лизы услышал грозные вести, до крайности противоречивые: что Дума была распущена, но отказалась разойтись, что два полка стали на ее защиту и вступили в бой с двумя другими полками, что Протопопов назначен диктатором, что рабочие захватили Петропавловскую крепость и Арсенал и т. п.[61] В том же роде известия сообщил мне по телефону А. И. Яковлев. Вечером назначено было заседание ОИДР. Хотя я очень устал от маршировки от вокзала до дому, все же отправился. На улице новость: зажжены фонари, не зажигавшиеся уже более двух недель. Перед заседанием такие же сбивчивые известия о происходящем в Петербурге. Наиболее правдоподобное известие сообщил М. К. Любавский, что Родзянко, ставший во главе Временного правительства, получил назначение на пост премьера и что таким образом конфликт улажен. Полная, томительная неизвестность. В Университете уже появились прокламации с призывом к Учредительному собранию[62] от социал-демократов. Несомненно, что произошла революция – но какая именно, никому в Москве неизвестно. Итак, ясно, что Москва – большая провинциальная деревня, в стороне от событий. С чувством полного бессилия как-либо участвовать в их ходе мы слушали реферат Веселовского об источниках XIX главы Уложения и разошлись в начале 10-го часа. В 10 я был дома, подавленный неизвестностью. Всю ночь и во сне даже думал об опасности происходящего, что бы ни происходило, для наших военных успехов. Неужели из-за внутренних событий кампания нами будет проиграна? Ужасно подумать.

1 марта. Среда. Опять целый день потрясающих слухов и ничего достоверного. Газеты опять не вышли. Утром я выходил на улицу посмотреть, нет ли каких-либо объявлений, но ничего не было, кроме объявления градоначальника о хлебных карточках[63], которые сегодня и введены в действие. По ним мы получили хлеба больше, чем обыкновенно получали за эти дни. Несмотря на испытываемое волнение или, может быть, благодаря ему, я усиленнейшим образом работал целый день над рецензией на книгу Гневушева. Приходил по дороге из своего училища Алексей Павлович [Басистов], сообщавший те же противоречивые слухи. На улицах масса народа; ходят солдаты с красными флагами. Войска отказались повиноваться

властям, и московские власти частию скрылись, частию арестованы. Революционное движение охватило и Москву[64].

2 марта. Четверг. Появились первые газеты с краткими известиями о событиях, об образовании комитета Государственной думы, о присоединении войск и великих князей[65], о событиях в Москве. Тревожно. Я получил приглашение по телефону на Совет в Университете к 3 часам. Шел туда с большим трудом по Воздвиженке и Моховой вследствие сильного движения народных масс. Множество молодежи обоего пола с красными бантиками в петлицах. Много солдат с такими же бантиками. Постоянно проезжают автомобили, на которых сидят солдаты с ружьями и саблями наголо, что это значит, не знаю. Здание нового Университета занято студентами, вошедшими в состав городской милиции. Мы собрались в зале правления. Все крайне взволнованы и тревожно настроены. Заседание было кратко. М. К. [Любавский] прочел речь, в которой говорится о страшной опасности, нами переживаемой, о том, как опасно было бы теперь, перед немцами, всякое разъединение и раздвоение, о том, как в начале войны существовало тесное единение царя с народом, но что затем царя обступил и окружил непроницаемым кольцом бюрократический круг, утративший всякое понимание действительности, что, так как теперь, когда представители власти ушли, единственной силой, вокруг которой можно сомкнуться, является Государственная дума. Ей он и предложил послать телеграмму с выражением надежды, что она сумеет поддержать государственный порядок. Сказал несколько слов С. А. Котляревский на ту тему, что положение до крайности опасно, что надо прежде всего думать о спасении от немцев, что для этого надо забыть всякие несогласия и поэтому в такое чрезвычайное время объединиться, а потому следует принять предложение юридического факультета, которое сделает декан. Затем Гидулянов, задыхаясь от волнения, прочел постановление юридического факультета, сделанное в экстренном заседании, о необходимости возбудить ходатайство о возвращении в Университет в качестве сверхштатного профессора А. А. Мануйлова. С таким же предложением о Минакове выступил Митропольский и о Мензбире – математический декан Лахтин. Все это принято, но без особого одушевления. Гидулянов наряду с Мануйловым сделал предложение о замещении нескольких кафедр и назвал несколько имен, из коих я уловил Гордона[66], Вышеславцева; других не удалось расслышать – до такой степени он говорил быстро и волнуясь. Последовала бестактная выходка Спижарного, предложившего вернуть трех знаменитых М.[67] как «президиум». Это возбудило единодушные отрицательные клики. Котляревский горячо заметил, что как «президиум» они сами отказались и возвращать их можно только как профессоров. Глупость предложил А. В. Мартынов: не послать ли к ним депутацию с извещением о постановлении Совета. Это также было отвергнуто, и решено известить письменно. На этом заседание и кончилось. Немного поговорили еще о продолжении государственных экзаменов, в чем является затруднение главным образом в Юридической комиссии, т. к. экзаменующихся много, а помещения заняты. Гидулянову предложили перенести экзамены в Лазаревский институт[68]. Я беседовал с Котляревским, высказывавшим правильный взгляд о том, что нужна монархия во что бы то ни стало. Тотчас же мы разошлись. Шли с Ю. В. Готье, также с тревогой взирающим на грядущее. Во мне тревожное чувство вызывается сознанием, что раз поднявшаяся волна докатится до берега. Единение в комитете Государственной думы между такими людьми, как Родзянко,

Шидловский, Милюков и др., с одной стороны, и Керенский, Чхеидзе и Скобелев, с другой, едва ли может быть прочным. Уже появились властно о себе заявившие Советы рабочих депутатов, которые включают в свою среду и выборных от солдат[69]. Что из этого произойдет, предвидеть нетрудно. Совет рабочих депутатов издал воззвание с требованием Учредительного собрания, избранного по четыреххвостке[70]. Кого же теперь избирать, когда 15 миллионов народа на войне? И когда и как производить выборы в виду неприятеля?

Такой выход едва ли привлечет к себе дворянство, земство, города и деревню. Страшно подумать, что может быть в случае разногласия и раздора! Положение продолжает быть крайне неясным и неопределенным. Где государь? Почему не двигается дело переговоров с ним о легализации совершившегося или об отречении в пользу наследника? Что-нибудь из двух должно же произойти и, вернее, последнее, но нельзя с этим медлить, нельзя быть анархией. Сегодня я был необычайно поражен, найдя у себя на столе брошюру приват-доцента Фрейбургского университета Карла Бринкмана, представляющую обширное изложение моего «Земского самоуправления»[71], отдельный оттиск из журнала «Historische Vierteljahr schrift», издаваемого в Лейпциге. Брошюра прислана через Стокгольм! На ней надпись на русском языке «Профессору М. Богословскому с глубоким уважением автора». Удивительно энергична немецкая наука. Проникает и в неприятельские страны. Да, поднялось грозное наводнение. Что-то оно унесет и принесет?

3 марта. Пятница. Я собирался пойти в Архив МИД, чтобы навести некоторые справки для рецензии на книгу Гневушева, но пришел Алексей Павлович [Басистов] «в окрылении», как он заявил, и просидел у меня до 6-го часа вечера. Затем пришли Котик и двое Липушат с красными бантиками на куртках, в страшнейшем оживлении и возбуждении, и рассказывали, как они «ловят городовых». Волна революции докатилась до детей, у которых она принимает игрушечные формы. Говорил по телефону с Вл. А. Михайловским, также пессимистично настроенным. У меня состояние духа такое же, как перед войной и в самом ее начале. К вечеру слух об отречении государя за себя и за наследника, а также и об отречении великого князя Михаила Александровича[72].

4 марта. Суббота. Слух об отречении подтвердился. Государь отрекся за себя и за наследника. Манифест составлен, не знаю кем, в выражениях торжественных, теплых и трогательных. Вслед за ним помещен и отказ в. кн. Михаила, условный, до изъявления воли Учредительным собранием. В. кн. приглашает весь народ повиноваться Временному правительству[73]. Итак, монархия Божию милостью у нас кончилась, точно умерла; если монархия возникнет вновь по решению Учредительного собрания, то она будет уже «Божию милостию и волею народа»: «Per la grazia di Dio e per la volonta del Popolo», как у итальянцев. Только, судя по крикам газет, это едва ли будет. Левые обнаруживают республиканское направление и будут по своей всегдашней прямолинейности непримиримы. Я днем работал над рецензией, но неотвязчивая тяжелая дума о будущем России все время владела мною и давила меня. Чувствовалось, что что-то давнее, историческое, крупное, умерло безвозвратно. Тревожные мысли приходят и о внешней опасности, грозящей в то время, как мы будем перестраиваться. В газетах прочел о том, как в церкви уже приняты новые выражения: «О державе Российской и ее правителях» или «О великой державе Российской». Да, опасно наше положение, и как бы нам не оказаться не великой, а второстепенной державой, слабой республикой между двумя военными империями: германской и японской. К чему приводили перестройки государства по теориям, мы видим по примеру Франции в течение XIX века. Не дай нам Боже только последовать примеру польской республики! Вечером заходил к Ольге Ивановне [Летник], пригласившей по телефону, и жалею, что заходил. Она в большом энтузиазме, идущем столь вразрез с моим скептицизмом, и совершенно разменивается на мелочи: радуется, что Мануйлов – «Мануильчик», как она все время его называла, министром народного просвещения. Он действительно министр, и наше советское постановление о трех М. я теперь считаю очень неловким. Точно, узнавши о его министерстве, оно было сделано. А может быть, юридический факультет и действительно сделал его, узнавши о назначении Мануйлова.

5 марта. Воскресенье. Утром был у обедни в университетской церкви и потом на молебне «о ниспослании Божия благословения на возрождающееся к новой жизни Государ-

ство Российское». На повестке стояло уже «Ректор университета» вместо «Ректор Императорского университета». За обедней проф. Боголюбский сказал хитроумное слово, показывающее, как батюшки могут легко приспособляться, на тему: церковь видела за 19 веков своего существования множество всяких переворотов государственных, ее этим не удивишь, она существовала при всевозможных государственных формах, будет существовать вечно, и «врата адовы не одолеют ю»[74]. Слушателям же советовал быть «мудрыми яко змии». После обедни было в зале Правления заседание Совета, которое М. К. [Любавский] открыл речью, начинавшеюся словами: «Вчера мы хоронили старую монархию. De mortuis aut bene aut nihil»[46]. Однако сказал для чего-то, что в ряду монархов за четырехсотлетнее существование монархии были фигуры мрачные, трагические, трагикомические и даже просто комические. Но монархия много все же сделала для Руси: собрала громадные земли, дисциплинировала общество, содействовала накоплению в нем большого запаса духовных ценностей. Теперь важно не растерять этих ценностей и т. д. В заключение предложил послать приветственные телеграммы новому правительству и Мануйлову. Забыл еще записать его мысль, что монархия пала, потому что обнаружила негибкость, неспособность принять формы, соответствующие новым течениям жизни. Все это верно, но изображать в мрачных и только в мрачных тонах фигуры прежних монархов было напрасно. В них были и очень светлые стороны, и историк обязан беспристрастно их отмечать. А. Н. Савин предложил выразить пожелание, чтобы вернулись в Университет ушедшие в 1911 г. Долго вырабатывалась формула этого пожелания с разными поправками и т. д. На это ушло много времени. Затем рассуждали о том, что Университет должен руководствоваться существующими узаконениями, регулирующими его жизнь. Но студенты уже «завладели университетом», как они выражаются. Все новое здание занято помещением для милиции; туда свозят захваченных городовых и приставов. В старом здании также захвачена лаборатория проф. Гулевича. По закрытии заседания Гензель сообщил тревожные известия о положении с топливом, продовольствием и работой на оборону, которая целую неделю уже не производится. Положение ему рисуется прямо отчаянным! Вернувшись домой, я нашел у себя Алексея Павловича [Басистова], все еще в энтузиастическом настроении. Сколько теперь польется слов, слов и слов! В газетах уже началась словесная вакханалия, прямо свистопляска. Каждый день появляются все новые и новые газеты. Выкрикивался сегодня какой-то «Голос железнодорожника»[75], когда мы шли с Ю. В. Готье с Совета, причем он заметил: «Кому это нужно?» Долго еще река, столь бурно вышедшая из берегов, не войдет в свое русло! В частности, в Университете в этом полугодии занятия едва ли уже будут возможны. М. Н. Розанов рассказывал, что вчера была сходка на В. Ж. К., причем одна из курсисток кричала: «Товарищи! уже студенты завладели Университетом. И мы должны завладеть Курсами». Вечер я провел у Карцевых, стоящих за монархию Михаила. Мне думается, что течение пройдет теперь по гегелевской схеме, т. е. после тезиса (старая монархия) наступит антитезис (республика), и только уже потом, когда антитезис себя исчерпает до дна, наступит синтез. Посмотрим.

6 *марта.* Понедельник. Утром получил из Академии повестку на Совет и телеграмму от ректора [епископа Волоколамского Феодора (Поздеевского)]: «Чрезвычайные обстоятельства требуют вашего непременного присутствия на собрании корпорации 6-го марта». Переговорив с С. И. Соболевским и узнав, что он тоже получил такую же телеграмму и едет, я решился ехать. В 3 ч. дня, выйдя из ворот и поскользнувшись на тротуаре, покрытом слоем льда, я упал и сильнейшим образом расшиб себе крестцовые кости. Меня поднял проходивший мимо офицер. Сделав несколько шагов, я убедился в том, что могу двигаться, и, несмотря на сильнейшую боль, пошел к трамваю. Трамваи с нынешнего дня начали ходить, но

[46] О мертвых или хорошо, или ничего *(лат.).*

без прицепных вагонов и очень редко. Прождав попусту минут 10–15, я было двинулся на вокзал пешком, но идти было больно. Встретив на Арбатской площади Миню и Лизу, я с ними вернулся, т. к. на поезд пешком все равно опоздал бы; да и с больной спиной ехать было бы рискованно. Вечер дома, работал над рецензией.

7 *марта.* Вторник. Продолжал рецензию. Выбивают из научной колеи газеты, хамски топчущие в грязь то, перед чем вчера пресмыкались. В самых оскорбительных выражениях статьи об отрекшемся императоре и членах императорского дома. Был в Архиве МИД, чтобы навести несколько справок; там как раз в это время выносили портрет государя из залы, чтобы поместить его среди других портретов. Вечером у меня Егоровы и Готье. Толки о событиях. Единодушное осуждение крайностей левых. Егоров только что вернулся из Петрограда, куда он ездил, сопровождая Кишкина, московского комиссара или генерал-губернатора[76]. Он побывал там на заседании Совета министров.

8 *марта.* Среда. В газетах продолжается вакханалия, напоминающая мне сцены из реформации XVI в., когда ломали алтари, бросали мощи, чаши, иконы и топтали ногами все те святыни, которым вчера поклонялись. Прочтешь газету – и равновесие духа нарушается. Мысль идет к текущим, или вернее, к мчащимся событиям, и бурно мчащимся. Переворот наш – не политический только, не революция июльская или февральская. Он захватит и потрясет все области жизни и социальный строй, и экономику, и науку, и искусство, и я предвижу даже религиозную реформацию. В частности наша русская история испытает толчок особенно сильно: новые современные вопросы пробудят новые интересы и при изучении прошлого, изменятся точки зрения, долго внимание будет привлекаться тем, что выдвинулось теперь, будут изучаться с особенным напряжением революционные движения в прошлом. Положительное, что сделано монархией, отступит на второй план. Надолго исчезнет спокойствие тона и беспристрастие. Разумеется, со временем все войдет в свое спокойное русло, но вопрос, как долго ждать этого. Наука наукой останется и после испытанной встряски. Методы не поколеблешь общественным движением. Наука – одна из твердых скал среди разбушевавшегося моря.

9 *марта.* Четверг. Утром работал над рецензией, а затем читал на Богословских курсах, где сказал несколько слов по поводу событий. На втором часе читал об общественном строе в Киевской Руси. С Курсов пришел домой, а к 8 часам надо было идти в Университет на государственный экзамен в круглой зале Правления, т. к. новое здание всецело занято под митинги. Никого из держащих экзамены по русской истории не явилось, и мы собрались напрасно. Грушка, Готье и М. К. [Любавский] рассказывали о вчерашнем бурном собрании младших преподавателей, на котором выяснялся вопрос об отношении к войне и о «моральном очищении университета», об удалении ставленников Кассо. М. Н. Сперанский принес весть о том, что Совет рабочих депутатов в Петрограде стремится сместить Временное правительство и уже будто бы произошло столкновение. Все были поражены. Всем услышанным я был взволнован до глубины души. Беседа происходила в ректорском кабинете.

10 *марта.* Пятница. Семинарий на В. Ж. К. Против ожидания, я нашел аудиторию в обычном составе. Начал занятия, сказав несколько слов о происшедшей перемене, и затем перешли к разбору Псковской правды, причем дело шло с каким-то особенным вниманием. Вечером у меня был Вл. А. Михайловский, также с тревогой и скептически смотрящий в будущее. С удовольствием с ним поговорили. На улицах мальчишки, продавая листки, кричали: «Преступления Николая II»!

11 *марта.* Суббота. Утро за очень прилежной работой над рецензией. Тягостное заседание Совета в Университете. Новое здание все продолжает быть занятым милицией, арестованными и т. д. Грязь в четверть аршина на полу, все скамьи и столы также покрыты грязью. Проф. Спижарный заявил, что в новом здании завелся возвратный тиф. В Богословской аудитории заседают вновь образовавшиеся студенческие организации: «Студенческий

дом» и «Совет студенческих депутатов»[77]. Все это делается «захватным правом». Университетские власти бессильны. Положение Совета самое унизительное. Решено идти навстречу, образовать общий комитет из профессоров, младших преподавателей и студентов для улаживания разных подобных вопросов. Другой вопрос был о «моральном очищении Университета», т. е. об изгнании из Университета лиц аморальных (тут подразумеваются профессора Венгловский и Статкевич, которые уже сами подали в отставку[78]). На собрании младших преподавателей назывались разные другие имена, уже не аморальные, но неугодные. Чтобы положить этому предел, у проф. Андреева собиралось совещание и написало бумагу с предложением ходатайствовать перед министром о назначении всесторонней ревизии Университета с 1911 г. Грушка произнес речь, довольно бестактную, о требованиях младших преподавателей и о проскрипционных списках, которые придется составить. Это произвело давящее впечатление. Предложение о ревизии было принято единогласно. В нынешнем заседании блеснул И. И. Иванов, красноречиво доказывавший, что уступки студентам ни к чему не поведут, что они захватили власть. «Мы не для того сломали царя, – закончил он, – чтобы попасть под тиранию толпы». Заседание было томительное. Я пришел домой совершенно усталым. Был у Карцевых.

12 марта. Воскресенье. Вот какие дела бывают на свете! Я вчера лег спать профессором Университета, а проснулся сегодня уже не профессором. Взяв в руки «Русские ведомости», я увидел распоряжение министра народного просвещения [А. А. Мануйлова] об увольнении всех профессоров, назначенных с 1905 г., и о замещении их должностей в кратчайший срок путем ускоренной рекомендации, не прибегая к конкурсам. Итак, прощай, Alma mater! Признаюсь, я прочел это известие с большим волнением. Лиза меня горячо обняла, и Миня тоже прижался ко мне. Мне, впрочем, тотчас же стало как-то легко и свободно. Кризис, которого я ожидал, совершился, быстрее ожидания; но чем скорее, тем лучше. В 11 ч. утра отправился к Егорову на редакционное собрание «Исторических известий», где были Пичета, Савин, Готье, Матвей Кузьмич [Любавский] и Грушка. Вид у меня все же был не из веселых. Мне пришлось там сказать, что мне, конечно, удар разразившийся тяжел, но совесть моя чиста и ни в чем меня не упрекает. В 1911 я остался в Университете, потому что считал уход совершенно неправильным и прямо не мог уйти, я поступил бы, если бы ушел, против совести. Раз я остался, я совершенно правильно поступил, заняв пустую, за уходом Кизеветтера, кафедру, и очень хорошо сделал[79]. Если бы я ее не занял, был бы на нее посажен Довнар-Запольский или кто-либо еще хуже и расплодил бы здесь свою школу. Я же сохранил для московской кафедры традиции главы нашей школы В. О. Ключевского, оберег их в чистоте и этим имею право гордиться. Егоров отнесся ко мне с особым сочувствием – так, как сочувствуют человеку, понесшему утрату от смерти, оставил обедать, сказав, что Марг. Мих. [Егорова] особенно этого желает. Оба были очень теплы со мною. Мы потом прогулялись до Пречистенского бульвара, где по его верхнему проезду видели движение демонстрации по случаю празднования революции. Длиннейшая толпа двигалась, неся красные плакаты с разными надписями. Нечто вроде крестного хода, только несравненно более длинного. Толпа пела визгливыми голосами «Вставай, подымайся, рабочий народ!» Вернувшись домой, я нашел у себя сюрприз – подарок по случаю завтрашнего дня моего рождения: мягкое удобное кресло и письменное поздравление от Мини с пожеланием, чтобы я прожил 10 миллионов лет и «чтобы много было трудов твоих», как заканчивалось это письмо. Вечером были у нас Богословские, толковали о моем вылете из Университета. С. И. Соболевский сообщил мне по телефону вызов в Академию на какое-то чрезвычайное собрание Совета по случаю наехавшей в Академию ревизии. В газетах известие о смерти проф. Муретова.

13 марта. Понедельник. Я встал очень рано и уже в 8 ч. утра вышел из дома, предполагая дойти до вокзала пешком, т. к. после вчерашнего социалистического праздника не

рассчитывал на движение трамваев ранним утром. До Лубянской площади пришлось действительно идти пешком. Ехали в вагоне с С. И. Соболевским, беседуя о событиях, об университетских делах. Я высказывал ту мысль, что теперь во власти факультета и Совета – ошельмовать каждого из нас, забаллотировав его при переизбрании, раз поставлен вопрос об очищении Университета от неморальных элементов. Беседовали о событиях с сидевшей против нас дамой.

То, что я нашел в Академии, превзошло всяческие ожидания. Я, заходив в гостиницу, несколько запоздал к началу заседания Совета. Когда я вошел в гостиную ректора [епископа Волоколамского Феодора (Поздеевского)], где уже все сидели в обычном порядке, я увидел за столиком секретаря вместе с Н. Д. Всехсвятским, сидящего черненького господина невысокого роста, и подумал, что Н. Д. [Всехсвятский] пригласил кого-нибудь себе в помощники ввиду продолжительности заседания. Ректор, поздоровавшись со мной, продолжал речь, начатую до моего прихода, что он признает ревизию незаконной, что по уставу ревизию назначает Синод, что Академии обер-прокурору не подчинены, что вчера произошла скандальная сцена, когда ревизор ревизовал кухню и выражал удивление, почему ректору отпускается 15 булок, а студенты, служители и повар при этом гоготали: мало ли что он берет 15 булок, что ж из этого, если он их оплачивает. Ректор стал предлагать Совету высказаться, считает ли он ревизию законной. Вдруг при этих словах маленький черненький человек, сидевший за секретарским столиком, прервал ректора словами: «Довольно! Я должен прервать Ваше преосвященство. Я являюсь здесь по поручению обер-прокурора, члена Временного правительства[80], которому все обязаны повиноваться!» Эти слова были выкрикнуты звонким металлическим тенором. Я понял, что это и есть ревизор. С. И. Соболевский говорил мне по дороге, что ревизовать Академию назначен Тесленко; я подумал, что это и есть адвокат Тесленко, но выговор на «о» и произношение «своёй», «моёй» напоминали что-то академическое.

Оказалось, что это профессор Духовной Петроградской академии Титлинов. Он произнес приветственную речь к корпорации Академии о падении старого режима, который не вернется, о новой России, о свободной церкви и т. д. Затем объявил, что это не Совет, а созванное им собрание корпорации, и что тут ректор не председатель, а такой же член, как и другие. Затем он спросил ректора, подчиняется ли он власти обер-прокурора, на что ректор отвечал, что он повинуется только Синоду. Вопрос был предложен несколько раз. Ректору, после того как он заявил, что считает ревизию незаконной, следовало бы уйти, но он остался. Началось тягостное расследование дела В. П. Виноградова, разбор пространного доноса ректора, который он уже читал в Совете осенью, и опрос ректора и членов корпорации по отдельным пунктам этого произведения. Зрелище было тяжелое; положение ректора униженное. Многие показывали против него. Был изобличен священник Гумилевский в том, что, как он признался «по иерейской совести», он был в раздражении против В. П. Виноградова[81] и потому дал такой резкий отзыв. Ревизор обращался к ректору с вопросами в бичующей форме: «Что вы скажете, Ваше преосвященство, по поводу этой части вашего доноса или этой вашей клеветы и т. д.». Ректор давал ответы иногда прямые, иногда уклончивые, иногда отказывался отвечать, сидел на диване, как затравленный зверь. Возникли пререкания по поводу журнальной записи лекций В. П. Виноградова, которую потребовал ревизор для расследования того пункта доноса, что Виноградов читал все протестантские и католические учения и обращался к текущей предосудительной литературе вроде Арцыбашева и проч. Ректор отказался выдать эту журнальную запись, ссылаясь на то, что она нужна ему для самозащиты. Ревизор настаивал на своем; наконец ректор согласился выдать ее под расписку и принес ее, но, однако, никакой расписки не дал. Все это продолжалось с 12 до 5 час. Мы страшно устали. Я был потрясен всем происшедшим. В 7 часов вечера назначено было продолжение заседания. На этот раз собрались в профессорской комнате и уже в отсут-

ствии ректора, так что расследование остальных дел, имевшихся у ревизора: о степени А. И. Покровскому[82], о Громогласове[83], – прошло быстро и бледно. Говорились вещи всем давно известные, и ревизия кончилась к 9 часам. Затем Туницкий прочел текст пожеланий от Академии на имя обер-прокурора, предлагая их обсудить сейчас же в присутствии ревизора. Но все были утомлены до крайности и решили отложить обсуждение до завтра. Из Академии я отправился к И. В. Попову, где состоялось собрание группы, которой принадлежала инициатива текста пожеланий. Тут бурные дебаты возбудил вопрос о 1-м пункте: немедленное удаление ректора. Ф. М. Россейкин и я были против этого, предвидя, что на этот пункт не пойдут зависимые от ректора священники и монахи и, таким образом, произойдет раскол. Мы предлагали вместо этого пункт просто о выборном ректоре, оставив в стороне личность. Я вернулся домой в 12-м часу. Так провел я 50-ю годовщину своего рождения. Здравствуй – Старость!

14 марта. Вторник. Утро за преждеосвященной обедней в академической церкви на похоронах Муретова. Студенты прекрасно пели. Не было никаких обычных в этих случаях речей. Видно было, что о покойном мало кто думал. Ректор обедни не служил, но вышел на отпевание. В час дня, опустив М. Д. Муретова в землю, мы собрались в профессорской для подписания протокола вчерашней ревизии. Затем решили собраться в 4 ч. для обсуждения пожеланий. По окончании чтения протокола И. В. Попов сделал ревизору устное заявление о том, что ректор потерял теперь всякий моральный авторитет и дальнейшее пребывание его в Академии невозможно. Вдруг Туницкий, вопреки сделанному постановлению, встал и прочел читанную уже вчера бумагу с пожеланиями, с включением 1-го пункта об удалении ректора. Как только монахи и батюшки это услыхали, тотчас же исчезли из профессорской, подобрав полы ряс, бежали под разными предлогами. Осталась одна наша группа. Туницкому пришлось выслушать немало укоризн. Решено все же было собраться в 4 часа и пригласить всех повесткой. Я обедал у И. В. Попова. Мы оба очень устали и мало разговаривали.

В 4 мы собрались в профессорской: большинство профессоров и доцентов. Много было пустых разговоров о форме обсуждения и решения пунктов пожеланий. Сколько драгоценного времени было потрачено даром. Наконец, решили попробовать приступить к их обсуждению. Все пункты: об автономии, о введении временных правил 1905 г. впредь до выработки нового устава, о возвращении Виноградова и др. – прошли гладко и вызвали только некоторые редакционные поправки. Первый пункт, как и надо было ожидать, вызвал большие дебаты, которые открыл я, сказав, что этот пункт не гармонирует с остальными, т. к. остальные касаются прав, общего устройства Академии в будущем или восстановления нарушенных прав, первый же пункт содержит обвинения известного лица. Заявление о потере ректором морального авторитета уже сделано вчера устно И. В. Поповым, и ректор, конечно, не останется. Наконец, мне казалось некрасивым напасть на ректора теперь, раз мы раньше молчали. Донос на Виноградова для нас не новость. Почему же мы не протестовали раньше? Мои слова привлекли духовенство, которому я бросил мост для присоединения к остальным пунктам. После разных разговоров за и против сошлись на том, чтобы первый пункт в его личной форме устранить, а ввести в 3-й пункт пожелание о немедленном введении временных правил 1905 г. «с выборным новым ректором». На этом сошлись. Для некоторых пункт 1-й был пыткой; особенно страдал друг ректора Д. И. Введенский. Вечер я провел у Туницкого в обществе И. В. Попова и Серебрянского.

15 марта. Среда. Экзамен в Академии по русской истории. Обедал у Россейкина с И. В. Поповым, А. П. Орловым и Туницким. Беседа об академических событиях, но затем общая тема – об искусстве, может ли быть какое-то социал-демократическое искусство? В вагоне по дороге в Москву я в «Русских ведомостях» прочел список профессоров, «подлежащих *удалению»* из Университета. Сердце у меня опять заныло. Домой добрался уже в 8-

м часу вечера. Лиза сообщила мне весть о единогласном сочувственном отношении ко мне в факультете во вторник на совещании факультета. Приехал

Протасов, доцент Академии, за листом с пожеланиями, который хотели вручить мне для отвоза в Москву, но мне его не вручили, т. к. не все подписи были собраны. Устал я ужасно.

16марта. Четверг. Вчера вечером, какя узнал из газет, собирались профессора и приват-доценты, ушедшие в 1911 г., и постановили предъявить Совету Университета условия, на которых они возвратятся: профессора сразу же без выборов занимают те кафедры, на которых они сидели, и Совет уже в таком обновленном составе подвергает баллотировке уволенных профессоров. Совет наш, конечно, пойдет на такие уступки, испытав новое унижение. Мое дело этим осложняется, т. к. откладывается, а мало ли что может за это время произойти? В «Русском слове» даже добавлена подробность: Новгородцев и Кизеветтер, как в свое время избранные, но не получившие утверждения, входят непосредственно без выборов «как единственно законные кандидаты на соответствующие кафедры». Все беды сыплются на меня. Вдруг звонок от А. И. Яковлева с резким упреком, что мы с Ю. В. Готье действовали по отношению к нему не по-товарищески, объявив ему, что, может быть, на следующий год из его семинариев факультет будет оплачивать один. Я всячески старался его успокоить. Вечером было заседание комиссии в ОИДР по присуждению премии Д. И. Иловайского. Я сделал доклад о книге Гневушева. Присудили премию в 1 000 рублей. Иловайский почему-то поднял вопрос об увеличении вознаграждения рецензенту и, несмотря на мое сопротивление, мне присудили вместо 300–800 рублей. Разговоры о текущих событиях и страх за грядущее русской земли. После заседания я заходил к Яковлеву и, кажется, его успокоил.

17 марта. Пятница. Утро за подготовкой к семинарию на Высших курсах. Но семинарий, однако, не состоялся, т. к. на эти часы от 3 до 5 назначена сходка слушательниц историко-философского факультета. Курсистки обратились ко мне с просьбой назначить другой день, и мы условились перенести занятия на завтра. Вечером позвал меня С. К. Богоявленский. Страшно трудно теперь сообщение. Трамваев совсем почти нет; те, которые ходят, берутся с бою, и на них виснут со всех сторон толпы. Тает; улицы в отчаянном состоянии, так что пешком идти трудно. Я все же уступил настойчивым просьбам и едва добрался частью на трамвае, частью пешком. Там был Егоров, пришедший поздно. Рассказы о его петроградской поездке.

18 марта. Суббота. Утром Лиза сообщила мне, что вчера вечером принесли бумагу из Университета с предложением подать в отставку в трехдневный срок и с предупреждением, что если прошения не подадите, то будете уволены без прошения. Хотя это и формы, но все же было тягостно и неприятно. Зато я сегодня же испытал очень радостное состояние. В час дня по телефону позвонил мне наш филолог студент Счастнев и сказал, что ко мне придут сейчас пять студентов, уполномоченных от общего собрания филологов, по очень важному делу. Это было очень неожиданно. Вскоре, действительно, явились пятеро, из коих 4 мои лучшие семинаристы: Витвер, Счастнев, Абрамов и Штраух. Пятый Камерницкий. Витвер входя держал в руках бумагу, оказавшуюся адресом, который он и прочитал. Адрес составлен в самых теплых выражениях. В нем заявляется, что одновременно с тем студенты-филологи подают заявления в факультет с просьбой принять все меры к сохранению меня среди профессоров факультета. Я был растроган до глубины души; в горле у меня очень щекотало, едва овладел собою. Я горячо их поблагодарил, сказал, что мне тяжело расставаться с Университетом, и т. д. Затем мы сели, но приветственные речи еще продолжались. Я стал протестовать против слишком лестных эпитетов. Мы потолковали еще несколько минут, и я успокоился. Прощаясь, я сказал им, что их посещение и приветствие были для меня светлым лучом среди темных туч, надо мною нависших. Такое сочувствие доставило мне большое удовлетворение. Я и не подозревал студенческих симпатий ко мне. Был на Курсах, где вел

семинарий вместо вчерашнего. Вечером в ОИДР на годичном заседании, где читал Н. П. Попов доклад о католическом влиянии на Иосифа Волоцкого. Но читать он начал поздно, и доклад был большой, полный разных деталей о рукописях, что можно было бы опустить.

Я ушел до конца. Перед открытием заседания А. И. Соболевский рассказывал о событиях в Балтийском флоте.

19 марта. Воскресенье. Работал над рецензией до 3 часов дня. Вечером у нас Холь и Миша, затем Рахмановы и, наконец, М. К. Любавский. Говорили об Университете. М. К. [Любавский] больше ректором не хочет оставаться. Жаль.

20марта. Понедельник. Утро за рецензией. Отправились с Миней в баню в 12-м часу дня. Я его взял с собою в первый раз, и для него это было важное событие, о котором он говорил не без волнения. С трудом дошли туда пешком: тает, грязь, по тротуарам двигаются солдаты с ружьями. Центральные бани бастуют. Прошли в Сандуновские, которые работают. Остальной день дома. Вечером у нас Богоявленские, очень интересовавшиеся поднесенным мне адресом.

21 *марта.* Вторник. Очень прилежно работал все утро до 3 час. над Гневушевым, пользуясь тишиной благодаря отсутствию Л[изы] и Мини. Окончил разбор первой главы. В 4 ч. отправился к Троице «пешком», т. е. до вокзала. На вокзале встретил С. И. Соболевского, с которым и ехали вместе. Я ему рассказал о событиях в Академии после его отъезда в прошлый понедельник; он мне рассказал о сегодняшнем заседании факультета, где читалась студенческая бумага обо мне. Она на Соболевского произвела хорошее впечатление. Сегодня же был и Совет, на котором решили сдаться на требования «ушедших». Все это откладывается в долгий ящик. Ну, будь что будет. Весна. Тает. В Посаде грязь отчаянная. 10 час. вечера. В гостинице.

22 *марта.* Среда. Экзамен по истории русской церкви в Академии у нового доцента Серебрянского. Очень хорошие ответы, и программа, преимущественно историографического характера, очень обстоятельная. В профессорской оживленные беседы о текущих событиях. Спорили и по вопросу о переносе Академии в Москву. Я стоял за сохранение ее в Посаде, и главный мой аргумент: лучшие занятия студентов в сельской и монастырской тиши. Я заходил было к И. В. Попову, но он, оказывается, уже трое суток не ночевал дома – находится в Москве на епархиальном съезде. Приехав в Москву, увидел у себя бумагу от ректора [М. К. Любавского] с извещением, что с 21 марта я освобождаюсь от обязанностей и увольняюсь «в заштат», что называется. Итак, оказался заштатным. На все надо смотреть философски: o fallacem hominum spem fragilemque fortunam![47] сказал кто-то. В «Русских ведомостях» заметка о бывшей у меня студенческой депутации.

23 *марта.* Четверг. Каждый № газет что-нибудь неприятное мне приносит. Сегодня официальное известие о нашей тяжелой неудаче на реке Стоходе[84]. Само сообщение признает наши тяжелые потери. Грустно! Что за причина? Неужели упадок дисциплины в армии? Утро за Гневушевым, и весь день, впрочем, за ним же до 7-го часа. Начал читать присланную мне Заозерским книгу «Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве»[85].

24 *марта.* Пятница. Усердно занимался Гневушевым до 3 час. и после небольшой прогулки до 7-го часа, так что порядком устал. Есть люди, для которых революционная деятельность была приятна своею таинственностью и опасностью. Как же они теперь будут себя чувствовать? Чем займутся, раз уже ни подпольной, ни опасной деятельности не будет? А между тем, этот род людей едва ли сразу исчезнет; он нарождался столетием.

25 *марта.* Суббота. Утром после прогулки стал продолжать работу над рецензией и порядочно ее продвинул, как пришел без телефонного предупреждения, что теперь редкость,

[47] О, обманчивая надежда человеческая и переменчивая фортуна! *(лат.).*

Алексей Павлович [Басистов], от работы меня оторвал и никакого особого удовольствия мне не доставил. Он продолжает быть в каком-то радостно-энтузиастическом состоянии, идущем очень вразрез с моим настроением. Поэтому разговаривать с ним было мне не особенно приятно. Вчера в 10 час. вечера звонил ко мне по телефону оставленный при Университете А. М. Фокин с предупреждением, что они, оставленные по русской истории, придут ко мне 25-го в 3 часа. Я думал, что придут только мои, но каково было мое удивление, когда явились ко мне все, весь наш «рассадник»: Л. И. Львов, Рыбаков, Новосельский, Сергеев, Яцунский, Лютш, Иванов-Полосин, Фокин, Никольский, Голубцов. Л. И. [Львов] прочитал мне адрес, очень тепло написанный и с сильно преувеличенными похвалами. Я отвечал несколькими словами о судьбе русского профессора, которому редко удается пройти свою стезю мирно и беспрепятственно, не потерпев аварии сверху, снизу, справа или слева. В них я вижу будущих профессоров и пожелал им работать в такой автономной школе, где бы уже никакие аварии не грозили и где бы можно было беспрепятственно служить науке. У меня сидел в это время в кабинете Д. Н. Егоров. Мы вошли в кабинет. Молодые люди начали говорить о том, что события выбили их из научной колеи, что они чувствуют потребность объединения и хотели бы над какими-либо вопросами работать коллективно. Обсуждая этот предмет, мы, однако, ни к чему не пришли. Я говорил, что разыгравшаяся буря, конечно, мешает научным занятиям, но что она все же пройдет и настанут более благоприятные условия. Подготовка же к экзамену есть все же дело индивидуальное. Так мы ни к чему и не пришли. Мы еще посидели за чаем. Я был очень тронут таким сочувствием; все же я был взволнован, хотя и меньше, чем при приеме студентов, потому что был предупрежден. Пришел Вл. А. Михайловский, и мои молодые люди стали прощаться. Я еще раз их горячо поблагодарил. После таких проявлений мое университетское злоключение как-то отошло у меня куда-то вдаль. Может быть, даже и лучше бы покончить университетскую деятельность с таким заключительным аккордом? Кто знает, что сулит будущее? Появятся у студенчества новые запросы, удовлетворять которые смогут новые молодые ученые силы, а не мы, старики. Вечер провел с Вл. А. [Михайловским], беседа с которым так мне приятна за последнее время.

26 марта. Воскресенье. Дождь и холод. Вчера у нас множество народа, сегодня – никого. Я заходил к m-me Яковлевой по хозяйственным делам. Работал усердно над Гневушевым. Вечером у всенощной. Миня первый раз был отпущен один к Угримовым[86] и один вернулся оттуда.

27 *марта.* Страстной понедельник. Работа над рецензией. У обедни и у всенощной в церкви Успения на Могильцах. Была у меня только что приехавшая из Петрограда курсистка

А. С. Шацких. Она разыскала описи всех бумаг Сперанского для Комиссии, которая занята изданием его бумаг[87], и показывала их мне. Это ценное разыскание, которое очень облегчит издание его бумаг. На улице встретил студента Витвера и еще раз благодарил его за сочувствие. Он мне рассказал о том, как они подавали заявление обо мне в «коллегию ушедших профессоров», т. е. А. А. Кизеветтеру. Вечер дома за книгой Заозерского, отлично написанной.

28 *марта.* Вторник. День прошел в работе над рецензией и в церкви у обедни и всенощной. Вечер за чтением Заозерского. В кондитерских существует такой порядок: поступающим туда на службу позволяется есть сладкое вволю; они объедаются и по большей части делаются к нему равнодушны. Я опасаюсь, как бы того же не случилось и с нашей свободой. Объедятся и потеряют к ней вкус. Но вот что касается вообще продовольствия, то дело становится прямо дрянь. Вот уже более недели, как нет в Москве белого хлеба. Питаемся черным, но еще в достаточном количестве.

29 *марта.* Страстная среда. Сильнейший постоянный проливной дождь все утро, и мы с Миней не пошли в церковь. Продолжал пристальнейшим образом работать над рецензией.

Получил очень задушевное, сочувственное письмо от В. И. Саввы из Харькова. Вечером у всенощной – тихий приют от шумящей бури.

30 *марта.* Великий четверг. Тяжелые известия в газетах. Ген. Брусилов жалуется на бегство солдат с фронта. Солдаты переполняют поезда, врываются в вагоны без билетов, чинят насилия над железнодорожными служащими. Ген. Алексеев – Верховный главнокомандующий – отрядил кавалерийские полки на большие узловые станции для ловли таких солдат и возвращения их на фронт. Разве это армия? Это просто толпы крестьян в серых шинелях, разбегающиеся домой на праздники. В Москве грабежи и убийства. Дня три тому назад ограблена и убита экспроприаторами семья

Безпаловых за 30 000 р. Сегодня известие об экспроприации в кассе Военно-промышленного комитета на 26 000 р. Явились 7 вооруженных в автомобиле, скомандовали: «Руки вверх», стащили деньги и были таковы. Много работал над рецензией. Вечером у всенощной с Миней в нашей церкви, а затем у Д. Н. Егорова за разговором о разных предметах.

31 марта. Великая пятница. Утро за работой над рецензией до прихода Богословских, зашедших за мной, чтобы идти к вечерне. Мы совершили прогулку, завтракали – увы, заплатив по 1 р. 50 к. с человека за «дежурное блюдо» рыбы, получили по почтовому листку осетрины, от которого не осталось никакого впечатления – в кафе «Централь» на Тверской. В прогулке принимал участие и Миня. Предстоят еще более трудные, последние месяцы войны! Пообедав у Богословских, мы отправились ко всенощной к Николе Явленному, куда пришел также и Алексей Павлович [Басистов]. Устали.

1 *апреля.* Великая суббота. Все утро и до четвертого часа за Гневушевым, за исключением короткого перерыва, когда приходили Богословские. В газетах прочел о разговоре Мануйлова с московскими представителями печати. Он говорит, что увольнение профессоров – мера не против личностей, а для проведения принципа. Все это так. Но дальнейшая часть беседы, где он опровергал слухи об аресте Временного правительства рабочими депутатами и серьезно говорил о согласии правительства с Советом рабочих депутатов, о [том], что для контакта между обоими «советами», т. е. министров и рабочих депутатов, – наводит тревогу[48]. Значит, действительно в России теперь два правительства, которые действуют пока согласно. А дальше? Вечером был у Богословских по обычаю, может быть, и в последний раз.

2 *апреля.* Светлое Воскресенье. Миня был с Л[изой] у заутрени. Без особого труда проснулся в двенадцатом часу. Во втором они вернулись. День прошел у нас по-праздничному, хотя я все же до 3 часов работал. Трамваи не ходят и в городе полная тишина. Вечером у нас Богословские и Богоявленские, очень оживленно и шумно. Во многихдомахни пасхи, ни кулича уже нету за недостатком продуктов. У нас все же нашлись.

3 *апреля.* Понедельник. Стоят великолепные весенние теплые дни. На солнце совсем жарко. День прошел с гостями. Утром – работа над рецензией, затем с 12$1/_2$ до 3 Алексей Павлович [Басистов], после него О. О. Карпович и Ю. В. Готье. Последний сообщил несколько университетских новостей. Вечером мы и Богоявленские у Егоровых.

4 *апреля.* Вторник. Опять превосходный, солнечный, весенний, теплый день. Утром прогулка и затем работа над рецензией до 5$1/_2$ вечера в полнейшей тишине, т. к. Л[иза] и Миня уехали к Богоявленским. В 5$1/_2$ я отправился к ним же пешком. Улицы полны народа и необычайно грязны. Масса всякого сора, тротуары прямо в иных местах загажены. Много хуже, чем в Неаполе, но там все искупается природой и морем. Видимо, эта сторона городской жизни не составляет теперь ничьей заботы. Поскорей бы все это наладилось и вошло в свою колею.

[48] Так в тексте. Видимо, имелось в виду «о контакте между обоими „советами“».

5 *апреля.* Среда. Окончил рецензию на Гневушева. Работал над нею более 2 месяцев. Появились газеты и с горькими пилюлями: ряд телеграмм о буйствах и бесчинствах солдат по Московско-Казанской дороге. В поезд влезает их человек по 500–600, бьют железнодорожных служащих, сами распоряжаются движением поездов и т. д. Есть и воззвание Временного правительства к солдатам о прекращении таких беспорядков. Но что толку в таком воззвании. Главнокомандующий Гурко[88] взывает против болтливости в письмах с фронта, открывающей неприятельским шпионам сведения о наших формированиях. Грустно. У меня завтракал проф. Академии А. П. Орлов, рассказавший мне о событиях в Академии за страстную неделю, когда студенты потребовали удаления ректора [епископа Волоколамского Феодора (Поздеевского)]. Были переговоры с ним делегатов от студентов и профессоров, и он согласился, наконец, подать прошение об отпуске и сдал управление Академией инспектору [архимандриту Илариону (Троицкому)].

6 *апреля.* Четверг. Начал перечитывать книгу Михайлова о Псковской правде с целью написать статью для «Исторических известий». Не знаю, что выйдет. Был у вечерни в Новодевичьем монастыре; там превосходно поют и читают, и при таком исполнении понимаешь всю красоту и смысл православной службы. Вечером начал читать Яковлева «Приказ сбора» и т. д.; глава I этой книги кажется мне прицепленной к остальному тексту механически. В газетах – вести об украинском съезде в Киеве, на котором раздаются горячие голоса за отделение Украйны и за провозглашение конгресса Украинским учредительным собранием, которое «октроирует» автономию Украйны[89]. О Русская земля, собранная столькими трудами великорусского племени! Неужели ты начинаешь расползаться по своим еще не окончательно изгладившимся швам! Неужели нам быть опять Московским государством XVI в.!

7 апреля. Пятница. Все утро за книгой Михайлова о Псковской правде до 4-х часов. Затем отправился на Совет на Богословские курсы. Совет происходил у игуменьи. Новое здание, чистота, порядок, масса растений в зале, чудесные пальмы, на которых ни пылинки, белая сирень в цвету. На Совете были епископ Дмитрий, о. Боголюбский, М. Кузьмич [Любавский], Челпанов и Пригоровский и несколько дам. Нам подали чай с великолепными сливками, кулич и пасху. Решался вопрос о дальнейшей судьбе Курсов и о связи их с монастырем. Игуменья говорила, что и до переворота ей трудно было поддерживать дисциплину в общежитии, а теперь будет и совсем невозможно. Решено Курсы все же оставить в монастыре, а общежитие устроить вне его стен, и притом только для желающих в нем жить. Общежитием будет также заведовать монастырь. При выходе с Совета М. К. [Любавский] сказал мне, что он решил не снимать своей кандидатуры в ректоры до подачи записок. Из монастыря я вернулся домой пешком.

8 апреля. Суббота. Все утро за работой над Псковской правдой. Так как уже третий день я чувствую резкую боль в животе, то, приложив к животу согревающий компресс, лег на диван и пролежал весь день. Боль увеличивалась, конечно, еще от прочтенных в газетах известий о стремлении наших социал-демократов во что бы то ни стало заключить мир, хотя бы и сепаратный, без всяких проливов и т. д. Заходил ко мне М. Н. Розанов, но я, к сожалению, не мог его принять. Читал лежа Виппера «Историю Греции».

9 *апреля.* Воскресенье. Начал писать статью о Псковской правде для «Исторических известий»[90] и занят был этой работой все утро. Л[иза] и Миня отправились к обедне в Новодевичий монастырь, откуда вернулись с А. П. Басистовым. С ним беседовали до 3 часов. Остальное время дома за книгой Яковлева. Грозные вести в газетах: о движении сильных отрядов немецкого флота из Киля[91] и Либавы[92] куда-то в наши воды и воззвание Гучкова о дезертирстве, разрушающем нашу армию[93]. А. П. [Басистов] сбавил тон и предвидит, что нам сильно, как он говорит, «накостыляют». Я тоже этого очень боюсь, как боялся и с самого начала революции. «О руськая земле!» Вся ты от жара поднявшихся и разыграв-

шихся страстей пришла в расплавленное состояние, а в какие формы вновь выльешься, кто может теперь предсказать это? Неужели же будет отливать тебя немец по своим образцам?

10 *апреля.* Понедельник. Усердно работал над статьей о Псковской правде до завтрака, затем заходил в Архив МИД отдать Белокурову статью о Гневушеве. Разговор о положении православной церкви, которая осталась без управления, так как церковью правил император через Синод. А может ли править через Синод Временное правительство, в составе которого могут оказаться и неверующие люди, и неправославные, и даже и совсем не христиане? На обратном пути встретил на Пречистенском бульваре Пичету, который рассказывал мне о безобразиях большевиков, повсюду действующих «захватным правом». Вечер дома. Закончил книгу Яковлева. К исследованию о ничтожнейшем из приказов, пришиты вступительная глава общего характера, представляющая собою конспект книги Веселовского[94] и такое же общее заключение о мышлении приказных. И начало, и конец книги написаны очень красиво. Вся же середина представляет собою тщательную, тонкую, скажу даже филигранную обработку материала, но материала неинтересного, ничего не показывающего. Материал этот по частям мог быть пущен в дело для других построений, но в целом, только этот материал как некоторое самодовлеющее целое не заслуживал такой тщательной, стоившей так много времени обработки. Яковлев показал себя хорошим техником, прошедшим солидную школу, но потратил силы и время даром.

11 *апреля.* Вторник. Очень пристально работал над статьей с 10 часов до 5 вечера, не заметив, как пролетело это время, и только по усталости догадался, что уже поздно. Заходил ко мне один из студентов Академии по делу о кандидатском сочинении и рассказал о визите в Академию оберпрокурора [В. Н. Львова]. Был затем студент Университета, очень жизнерадостный юноша Шифрин, принесший реферат для просеминария и спрашивавший, будет ли завтра просеминарий. Я ему сказал, что я уже более не профессор. Он мне заявил на это, что «все студенты очень жалеют о вашем уходе, собираются министру ходатайство подавать». Я поблагодарил юношу за доброе слово. Вечер провел за чтением «Истории Греции» Виппера. Встретил на прогулке Б. А. Тураева, настроенного мрачно и передавшего мне о мрачном настроении С. Ф. Платонова.

12 *апреля.* Среда. Имел я удовольствие еще раз прочесть в «Русских ведомостях» об увольнении своем из Университета. Оказывается, пришла бумага из министерства к ректору [М. К. Любавскому] об утверждении вновь вступивших профессоров. Поэтому «Русские ведомости» еще раз припомнили и уволенных. Вот и выходит, что жизнь – игра; одни выиграли, другие проиграли; завтра получится обратное отношение. Газета все же меня расстроила. Хорошо, что я взял ее в руки довольно поздно и до тех пор много успел написать о Псковской правде. Вчера доработавшись до усталости, я никак не мог сладить с концом 42 статьи. Продолжал о нем думать и вечером. Утром сегодня очень рано, в седьмом часу, проснулся с готовым решением вопроса и поспешил сесть за стол и записать пришедшее в голову решение. То же бывало еще в гимназии, когда приходилось приготовлять уроки по задачам из математики. С вечера путаешься, не можешь решить, бросишь. Утро приносит с собою решение. Потому-то народная пословица и говорит: «Утро вечера мудренее». В газетах прочел заявление комиссара Москвы Кишкина, что содержание Московского совета рабочих депутатов обходится 250 тысяч в месяц и он не знает, где взять эти средства[95]. Большую часть дня шел дождь, под который и я попал во время прогулки.

13 апреля. Четверг. Встал очень рано и усерднейшим образом работал над статьей о Псковской правде до завтрака. С $8^{1}/_{2}$ часов до часу. После завтрака встретил Савина, который сообщил мне, что, несмотря на «Русские ведомости», бумага об увольнении и о включении профессоров еще не получена, говорил мне, чтобы я не беспокоился относительно выборов. Я сказал ему, что у меня есть враги. На это он заметил: «Конечно, вы человек с углами в политике, но все же…» Пока мы так разговаривали, стоя на улице у церкви св.

Бориса и Глеба[96], вдруг показалось надвигавшееся на нас по проезду Тверского бульвара войско. Во главе ехали начальники на конях, затем двигался хор музыки, за ним шли солдаты в походной форме, заново одетые, но часть шла рядами, другие валили гурьбами по мостовой и по тротуарам, заполняя собою всю мостовую и тротуары по обеим сторонам, в беспорядке, вперемешку с офицерами. Несли красные какие-то флаги с надписями. За воинством двигались обозы с амуницией. Мне стало стыдно и больно при виде этой картины, да и Савин глядел на нее в недоумении. Воинство двинулось через Арбатскую площадь и затем по Арбату, запружая беспорядочной массой весь Арбат и оба тротуара. Спасаясь от дождя, я сел в тихо проходивший трамвай и медленно двигался за этой массой. Войско шло, повидимому, на Брянский вокзал. С музыкой, и без рядов, в беспорядке. Уж хоть бы все валили толпой! Хуже всего, что часть шла рядами, часть толпою. Тяжело!

Написал письма, между прочим, Лаппо-Данилевскому. Вечер дома. Читал Мине из «Мертвых душ», а затем Виппера. Температура стала сегодня при холодном и сильнейшем ветре быстро падать и понизилась до +1°.

14 *апреля.* Пятница. Отводил Миню в школу при холоде в 1°. Все утро затем за статьей, и довольно производительно. Был на семинарии на В. Ж. К. Зайдя в канцелярию нашего факультета, встретил В. М. Хвостова, с виду весьма довольного. Он обратился ко мне со словами: «Мой белый шар для вас». Я его поблагодарил и сказал, что переживаю тяжелое время. В ответ на это он еще несколько раз повторил о белом шаре и добавил: «Я и Александру Аполлоновичу (Мануйлову) об этом говорил, и он сказал, что положил бы вам белый шар». Вошедший при этом Поржезинский также уверял меня, что мне беспокоиться нечего. Ну, поживем, увидим. Вернувшись домой, нашел у себя замечательно теплое письмо С. Ф. Платонова с выражением сочувствия. Вечер дома за книгой Виппера.

15 *апреля.* Суббота. Утро за работой над статьей, а затем сегодня мне особая удача. Пришел завтракать проф. Ив. Вас. Попов, рассказавший об академических событиях. Ректор наш [епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский)], сильно замешанный в неудавшейся попытке митрополита Макария обратиться с воззванием к провинциальным епископам[97], куда-то скрылся, и где находится, неизвестно. Много говорили мы о предстоящих церковных реформах. К нему явился священник С. М. Соловьев, внук историка и племянник Владимира Соловьева с предложением учредить общество для исследования вопросов, касающихся соединения Православной церкви с Католической. Намечается, следовательно, и такая тенденция в нашей церковной жизни. После Ив. Вас. [Попова] у нас были Новиковы, а вечером Д. Н. Егоров с рассказами о происходящем в высших школах. В Лазаревском институте будто бы студенты не признают власти директора, а выбрали в директора студента и т. п.

16 *апреля.* Воскресенье. У обедни в Девичьем монастыре. Решил дать себе отдых от работы над Псковской Судной грамотой и весь день читал Виппера. Получил из Университета бумагу о моем увольнении: это уже третья по счету.

Строй новый, а бумагомарание остается, следовательно, прежним. Испытал только лишний укол. В газетах циркуляр князя Львова к губернским комиссарам, чтобы пресекли начавшиеся самовольные экспроприации земель, немедленно, энергичнейшим образом под своей ответственностью[98]; но что они могут сделать, и где у них средства? Это выстрел, сделанный в воздух. В Москве вчера две экспроприации в магазинах: маски с револьверами, «руки вверх» и т. д. – удавшиеся и одна, закончившаяся неудачей, т. е. поимкой одного из участников.

17 *апреля.* Понедельник. После вчерашнего перерыва в занятиях над Псковской статьей, я работал сегодня с удвоенной энергией и написал гораздо более обыкновенного. Стоит сильнейший холод, резкий северный ветер, временами падает мокрый снег. Я ходил за Миней в его школу, а затем перед обедом в облюбованный им магазин, где он и прочие гимна-

зисты такого же типа покупают редкие почтовые марки. Вечером у нас молодые люди Богословские. Наше общество, охваченное порывом, слишком увлечено революцией и верит, что с марта месяца 1917 г. наступит в России земной рай. Отрезвляющие и предостерегающие речи бесполезны. Единственным вразумителем и учителем будет опыт. Пусть сама жизнь отбросит то, что не может привиться, и удержит то, что окажется жизнеспособно. Правда, с такой философией мы дойдем до крайностей. Но что же делать, когда другие методы обучения невозможны?

18 *апреля.* Вторник. Утром гулял по переулкам, чтобы избежать толпы народа на улицах, празднующего 1-ое мая (по заграничному стилю). Издали, несмотря на раннее утро, доносилось пение: «Вставай, подымайся» и т. д. Затем до 4 часов работал над статьей и кончил § III. Был у Д. Н. Егорова, где встретил М. К. Любавского. Он очень нервничает и считает свою кандидатуру в ректоры невозможной. Вообще считает себя лишним человеком. Спрашивал меня о моих последних трудах для моей «биографии». На мой вопрос, «не для некролога ли?», он ответил, что для представления завтра в факультет на предмет выборов. Вот уж действительно никак не мог подумать, что перечень моих работ потребуется еще куда-либо, кроме некролога! Чего-чего не приходится испытать в жизни! Опять начинай сначала! Вечер провел дома за книгой Клочкова о Павле I. Читал Мине главу из «Мертвых душ». Никакого праздника 18 апреля не ощутил. Праздником для меня может быть только заключение победного мира.

19 апреля. Среда. Утро за статьей. Был в Архиве МИД у С. К. Богоявленского для получения вознаграждения за разбор книги Гневушева, которого большую часть отнес на текущий счет. Вечером у меня Вл. А. Михайловский, а затем М. К. Любавский и Д. Н. Егоров. М. К. [Любавский] звонил мне раньше своего прихода по телефону, извещая об успехе его представления обо мне в факультете. Это приятно, но к чему эта долгая процедура – ведь, кажется, не чужой человек представляется, а свой, двадцать с лишком лет в их среде пробывший. Везде уже действуют упрощенные формы делопроизводства. Университет живет еще по-старому. Позвонил мне также с рассказом и Юра Готье. Чего я уже никак не ожидал – позвонил А. Н. Филиппов с поздравлением, но я ему разъяснил, что это еще преждевременно, так как в факультете были не выборы, а только еще предварительное «оглашение». Я его приветствием был очень тронут и очень благодарил его. М. К. Любавский рассказал нам с Д. Н. [Егоровым] подробно о ходе заседания. Оно открылось речью Грушки, приветствовавшего новых членов факультета Кизеветтера и Петрушевского. М. К. [Любавский] недоволен этой речью, Грушка, по его впечатлению, перешел в проявлении своих чувств всякую меру. Действительно, он стал за последнее время что-то слишком речист, и при мне каждая его речь была неудачна. Новые члены отвечали. Кизеветтер в ответе упомянул о необходимости восстановить в правах и меня; это благородно, но иного отношения я со стороны А. А. [Кизеветтера] не мог и представить. Но затем разыгрался эпизод по поводу Д. Н. Егорова. Савин прочитал о нем представление в экстра-ординарные профессоры. Петрушевский точно сорвался с цепи, стал нелепо возражать; что за «звание экстра профессора? Егоров может быть, если хочет преподавать в Университете, и приват-доцентом». Нелепо. Его поддержал Кизеветтер, говоривший, что пробел кафедры всеобщей истории – недостаток «медиевиста» – восполняется Петрушевским и что Егоров не нужен, и предложил отсрочить дело. Савин заявил, что он может взять назад свое представление. Виппер также был против Егорова, но затем предложил сделать сверхштатным ассистентом приватдоцента Пригоровского, говоря, что некому преподавать эпохи эллинизма. На этом он был пойман Матв. Кузьмичом [Любавским], заявившим, что вот этот период эллинизма может преподавать Егоров. Словом, вышли обыкновенные профессорские дрязги, и вместо «единения», о котором говорил Грушка, вышел с первого же заседания с новыми членами полный разлад и раздор. Грустно. Д. Н. Егоров очень обижен таким отношением. М. К. [Любавский] просил меня

похлопотать ему о квартире в Сергиевом Посаде. Он решительно не выставляет своей кандидатуры.

20 *апреля.* Четверг. Отчаянно плохая погода. Дождь, мокрый снег, резкий холодный ветер. Всего 3°, а в комнатах у нас холоднее, чем зимой. Весь день дома за усиленной работой над статьей и книгой Клочкова. Миня утром очень плакал, что его не пускают еще одного в гимназию. Грабежи и экспроприации в Москве ежедневно и все больших размеров. 18-го были ограблены меблированные комнаты в Козихинском переулке. Все жильцы были согнаны и заперты в один номер. Телефонные провода перерезаны. Парадное и черное крыльцо заняты караулами. Грабители вынесли в ожидавший их автомобиль несгораемый сундук из кассы весом в 6 пудов и, полузадушив хозяйку, скрылись. И все это безнаказанно. Вот эти уголовные эксперименты с выпуском из тюрем. Свобода сказалась у нас, между прочим, и в полной свободе грабежа! В Петрограде, видимо, назревает конфликт между правительством и Советом рабочих и солдатских депутатов из-за ноты Милюкова, подтверждающей, что Россия остается верной союзным обязательствам".

21 *апреля.* Пятница. Конфликт разразился. Толпы манифестантов кричали: «Долой Милюкова и Гучкова!», «Долой правительство!». Правительство грозит коллективной отставкой, на что не имеет права, потому что оно пока не ответственное министерство, а верховная власть. Если оно уйдет в отставку и передаст власть Совету рабочих и солдатских депутатов, мы ввергнемся в бездну и хаос! Мне временами кажется, что Россия обратилась в грандиозный сумасшедший дом, в необъятных размеров Бедлам, или, может быть, я теряю рассудок.

Кончил Псковскую статью и начал ее переписку. Последний семинарий на Высших женских курсах – окончили разбор Псковской грамоты; занимались в полном спокойствии. Грушка говорил, что будто бы английский посол [Д. Бьюкенен] заявил, что, если Россия нарушит союзные договоры, он немедленно ее покинет, она будет объявлена вне закона как изменник, и будут предприняты карательные экспедиции со стороны японцев на восточную Сибирь, а со стороны англичан на Мурман и Белое море. Если это правда – каково было выслушивать подобное заявление! Можно ли дойти до большего унижения!

Временное правительство – все же некоторый последний устой и символ порядка. Но оно власть без власти. Его никто не слушает и знать не хочет. Милюков, обращаясь к толпе с балкона Мариинского дворца[100], называл ее «народом» и говорил, что правительство сильно его, «народа», доверием. Но где же этот таинственный народ? Не случайная же это толпа перед балконом? Впрочем, в «Русских ведомостях» его речь передана в иной, более разумной версии.

22 апреля. Суббота. Столкновение правительства с Советом рабочих депутатов уладилось; однако стрельба на улицах Петрограда еще продолжалась. Надолго ли этот мир между двумя нашими правительствами? В газетах я прочел еще два весьма неутешительных известия: речь Гучкова в соединенном заседании правительства с рабочими депутатами[101]. Он сказал, что при вступлении в должность смотрел на дело оптимистически; но действительность убедила его в противном. В армии идет развал (как понимать это? бегство? дезертиры?) и т. д. Другое печальное известие – о совещании послов в Петрограде, сначала одних только послов, потом они отправились в Министерство иностранных дел[102]. Так делается только в Константинополе, да разве еще в Афинах! Какая чаша унижения! Все же можно было вздохнуть свободно, что конфликт уладился. Продолжал свою работу над Псковской статьей. Был на В. Ж. К., производил зачет своим семинаристкам. Отлично занимались девицы в истекающем году, надо им отдать справедливость. Вечером был на заседании Карповской комиссии, собиравшейся у Иловайского. Старый каменный двухэтажный дом в Пименовском переулке. На улицу выходит высокий забор. У наглухо запертой

калитки мы встретились с Н. В. Рождественским. Долго звонились, но безрезультатно; наконец, решили пойти в соседний дом и позвонить к Иловайскому по телефону, чтобы отперли. К счастью, в швейцарской этого дома нашелся телефон, и, таким образом, мы проникли в уединенное жилище. Были еще М. К. Любавский и Белокуров. М. К. [Любавский] прочел свой отзыв о книге Клепатского[103], выясняя ее хорошие и дурные качества. Затем говорили о событиях дня. Все чувствуют крайнюю опасность положения. Шли от Иловайского с Н. В. Рождественским, и он мне сообщил о смерти Е. В. Барсова, случившейся еще в первый день Пасхи.

23 апреля. Воскресенье. Продолжал переписку статьи. Во время прогулки по проезду Пречистенского бульвара встретил Ю. В. Готье с женой и с сыном. Он мне сообщил, что утром собиралась комиссия филологического факультета из 6 историков для рассмотрения вопроса о вступлении Д. Н. Егорова в качестве сверх-штатного экстраординарного профессора в Университете. Комиссия не пришла к определенному решению. 3 голоса были за (Любавский, Савин, Готье), и три против (Петрушевский, Виппер, Кизеветтер). Но все же, надо полагать, дело доведено будет до баллотировки. Вечером заходил ко мне и сам Д. Н. [Егоров]. Он очень нервничает и волнуется. В Москве наступает голодное время: порции хлеба уменьшены, также сахару, никакой крупы нет. Возможен в ближайшем будущем настоящий голод. Ежедневно вооруженные грабежи. Сегодня в газетах о нападении замаскированных разбойников на квартиру фабриканта Богам. Собиралось даже какое-то совещание об улучшении «уголовного розыска»[104]; но совещания делу мало помогают. Главнокомандующий Западным фронтом [В. И. Гурко] пишет о братании с немцами, в силу которого немцы, не опасаясь за наш фронт, перебрасывают силы на запад. Над Петербургской губернией показался Цеппелин[105] – признак недобрый. Кавказские войска – отступили на Мушском и Огнотском направлениях[106]. Вот букет известий, которые пришлось прочитать сегодня в газетах. Все же как-то я нахожу в себе еще силы и присутствие духа, чтобы заниматься Псковской статьей.

24 *апреля.* Понедельник. Отчаянно плохая погода, холод, дождь, ветер. Продолжал Псковскую статью. Перезванивались по телефону с Дм. Н. Егоровым по поводу его дела. Неожиданно получил из Академии прибавки к жалованью, что при теперешнем положении не неприятно. Был на Высших курсах для производства зачетов. Вечером в ОИДР. Гвоздем заседания был рассказ Н. П. Попова о его хождении по мытарствам: его избрали от Археологического общества и от ОИДР в так называемый Комитет общественных организаций[107]. Но все попытки его проникнуть в этот Комитет остались тщетными. В особенности интересна была передача бесед его с «мандатной барыней», т. е. с девицей, принимающей полномочия от избравших обществ. Затем С. К. Богоявленский докладывал о законопроекте по охране древних памятников[108] и о Переднеазиатском обществе[109]. Заседание закончилось рефератом Долгова «Интермедия о старце».

25 *апреля.* Вторник. День достопримечательный в моей жизни! Но расскажу события по порядку. Утром на прогулке встретился с В. М. Хвостовым, идущим на Высшие женские курсы, и прошлись с ним. Говорили о политическом положении и о грозящей продовольственной неурядице. Касались и университетских дел, причем он очень ругал состав юридического факультета. Вернувшись домой, продолжал работу над статьей, прерывавшуюся визитами двух курсисток и одного студента, приходивших по зачетным своим делам.

Из курсисток одна – Морозкина, реферат которой был мною только что прочтен. Между тем приближалось время, когда должно было начаться заседание факультета, на котором назначены были мои выборы. Никакого особого волнения я не ощущал. В 3 часа звонил ко мне М. К. Любавский с вопросом, какой курс я намереваюсь читать в будущем году. В 4 часа позвонил ко мне он же с поздравлением. Оказалось, что я избран *единогласно* – случай

редкостный. Даже рука Р. Ю. Виппера не повернулась налево. Звонил также Готье. Вечером у меня были Д. Н. Егоров с Маргаритой Мих. [Егоровой], Савин и Готье. Савин рассказал о борьбе из-за Д. Н. [Егорова], занявшей значительную часть заседания. Дело отложено еще на два заседания. В заседании факультета держал сегодня экзамен Новосельский, первый из оставленных мною при Университете – и, по отзыву Ю. В. [Готье], очень хорошо.

26 апреля. Среда. В газетах ни звука о вчерашнем факультетском избрании. Мне всегда удивительно несчастливилось на газетные известия. Редко когда какое-либо из удачных моих выступлений отмечалось. Так и теперь. Об увольнении моем было сообщено несколько раз; а о единогласном избрании не сообщается. Утро за работой до 3 часов. Затем были у меня студенты, человек 15–20 для производства зачета по семинарию, т. к. я не считаю возможным являться в Университет, будучи от него отрезан. Вечером у нас Богоявленские с подарками, состоявшими из бутылки вина и порядочного куска черного хлеба, домашнего, только что испеченного. Последний имел огромный успех. Беседы на политические темы. У нас есть правительство, но без власти. Правительство провозгласило новый закон о городском самоуправлении[110], но Петроградская дума заявила, что она нового закона не принимает, а будет действовать по-старому. Петроградский главнокомандующий вызвал войска, но Совет солдатских депутатов предписал им оставаться в казармах, и главнокомандующий должен вести переговоры с делегатами Совета[111]. Общество занято разговорами и разговорами. Россия обратилась в какую-то гигантскую говорильню. Немцы нам грозят завоеванием, отхватили громадную территорию, а у нас все еще «определяют свое отношение к войне». Не все ли это равно, как «определять» свое отношение к пожару, когда дом уже объят пламенем? Ведь такую говорильню немцы без выстрела раздавят!

27 *апреля.* Четверг. Упорнейшая работа по переписке Псковской статьи до 6-го часа вечера. Очень устал. Скверные известия в газетах. Отчислен из главнокомандующих Рузский[112], неизвестно почему. Уж не по требованию ли Совета солдатских депутатов? В Москве возмутительнейшие разбои. В несколько квартир врывались вооруженные в солдатских шинелях, одна шайка грабила даже под предводительством одетого в офицерскую форму. Шайка, пытавшаяся ограбить квартиру на углу Кузнецкого и Лубянки, была изловлена, и собравшаяся толпа чуть не растерзала ее членов. Оказались солдаты из «батальона 1-го марта», сформировавшегося из каторжников, амнистированных нашими сентиментальными адвокатами. Вот и результаты, и очень быстрые. Еще новость: в собрании, где говорил о церковных делах Н. Д. Кузнецов («Русское слово» все называет его «профессором» и даже поясняет, что он «вынужден был покинуть Академию при старом режиме»!!!), вошло несколько вооруженных членов Совета рабочих депутатов и, направив на Кузнецова револьверы, объявили, что он арестован, что он занимает народ церковными вопросами, тогда как народ должен заниматься политикой[113]. Переполох в зале был страшный. Это – свобода собраний и слова.

28 *апреля.* Пятница. Утро за работой. Заходила ко мне одна из слушательниц, участвовавших в моем семинарии, взять проспект семинария на будущий год и сказала, что у них собирается сходка для обсуждения учебных планов: никогда их об этих планах не спрашивали. Я спорил с нею. Вечером собрание русских историков, преподающих в Университете. Были: Кизеветтер, Готье, Яковлев и Бахрушин. Я не хотел было идти, так как еще не принадлежу к Университету, но М. К. [Любавский] позвонил в десятом часу ко мне по телефону и убедил прийти. Я все-таки пожалел, что пошел. Мы быстро обсудили план на будущий год. Ни у кого нет уверенности, что этот план осуществится. Затем говорили о политике. Яковлев возвестил, что у них в Симбирской губернии повсюду крестьяне отняли земли у помещиков, разрушают всякие хозяйственные сооружения и т. п. Он также сообщил отчаянно дурные известия из армии, приходящей в полное расстройство. Кизеветтер высказы-

вал, что эти слухи преувеличены. В заключение произошел эпизод. Яковлев, обращаясь ко всем нам, сказал, что вот уже он 11 лет приват-доцент и, как только получит докторскую степень, желает, чтобы его сделали сверхштатным экстраординарным профессором, и потребовал, чтоб товарищи его высказались о нем, начиная с Матвея Кузьмича [Любавского]. Это заявление, как я заметил, было для всех полнейшей неожиданностью. М. К. [Любавский] нашелся сказать, что затруднение тут будет в общем вопросе, нужна ли вообще еще одна профессура. Кизеветтер говорил, что вопрос надо решать лично, применительно именно к Яковлеву и что он готов решать его положительно. Яковлев обратился ко мне, но я сказал, что я пока человек, стоящий вне Университета, и предложил высказаться Готье. Готье сказал несколько каких-то слов, видимо, был застигнут врасплох. Затем я сказал, что понимаю чувства А. И. Я[ковлева]. Сам я был 13 лет приват-доцентом, из них два года в докторской степени, и что докторская степень Московского университета, по-моему, вполне дает права на такое высокое положение. Стали было прощаться. Но Кизеветтер еще предложил один академический вопрос о магистерских программах, сказав, что мы с ним не сходимся, по-видимому, во взглядах. Это был намек на программу Ольги Ивановны [Летник], крайне нелепую, в которую я внес изменения. Мы встретились с Кизеветтером весьма дружелюбно, и я его благодарил за доброе слово обо мне. Но тут у него мелькнула какая-то раздражительность. Я его постарался успокоить, уверив, что наши взгляды на программу одни и те же. Он, видимо, страдает серьезным каким-то недугом и страшно худеет. Это теперь просто 7_3 прежнего Кизеветтера; оттого и раздражительные ноты. Все же мне от этих двух эпизодов было как-то неприятно, и я жалел, что пришел.

29 *апреля.* Суббота. Сегодня выборы мои в университетском Совете. Утром прогулка по Девичьему полю с Д. Н. Егоровым и беседа о речи Гучкова, в которой тот прямо и откровенно сказал, что «армия – разлагается» и что отечество наше не только в опасности, но и «на краю гибели»[114]. Вернувшись, докончил Псковскую статью. Только в 6-м часу узнал о результате выборов, сообщенном Готье. Я получил 66 «за» и 4 «против». Изрядное большинство! Ничего подобного я не ожидал. Вечером у нас Д. Н. Егоров. Звонили ко мне с поздравлениями Кизеветтер, Савин, Поржезинский. Ну, таким образом, горе, разразившееся 12 марта, успокоено. Миня тоже испытывал большую радость, узнав, что он переведен в следующий класс: второй приготовительный. Он все прыгал в постели, в которой лежит из-за кашля, и в восторге приговаривал: «Меня перевели в другой класс, в другой, в другой» и т. д. Мое радостное чувство отравлялось десятком разных других сомнений, ожиданий, опасений, предвидений. А это было чувство радости в настоящей его чистоте и силе.

30 *апреля.* Воскресенье. Я ничего целый день не делал, отдыхал. Утром ходил по Девичьему полю на весеннем солнце. Придя домой, читал газеты. В «Русском слове» и в «Утре России» о выборах напечатано полностью. В «Русских ведомостях» о цифрах, весьма для меня лестных, умолчано. У меня были Лысогорский и А. П. Басистов, переставший ликовать. Позже заходил Грушка, но не застал меня дома. Я занес карточки М. К. Любавскому, Кизеветтеру, Савину и посидел некоторое время у М. Н. Розанова. Вечером у нас Богословские с дарами в виде икры и сига, а затем Д. Н. Егоров и М. К. Любавский. Беседа о крайне опасном положении, которое мы переживаем.

1 мая. Понедельник. Начал читать семестровые сочинения, которых в нынешнем году очень много, и они как-то обширны по размерам. Получил повестку на Совет в Академии на 4 мая. Первый вопрос: требование студентов о немедленном введении явочным порядком автономии и о преобразовании Совета (участие студентов в Совете). Был у меня студент Академии Попов, с которым я по поводу этих требований беседовал, причем он очень конфузился. Вот и всегда так: поодиночке каждый отлично понимает всю нелепицу подобных выступлений, а все вместе действуют как стадо. Я был с визитами у М. М. Покровского и у В. К. Поржезинского. Вечером Совет на Курсах. Избрали вновь деканом Хвостова. На вновь

учрежденную должность помощника директора Курсов избрали М. Н. Шатерникова неважным большинством – 29 против 22. Слух об отставке военного министра Гучкова.

2 мая. Вторник. Чтение семестровых сочинений в течение целого дня, прерванное только визитом ко мне А. С. Шацких с рассказами о ее петроградских занятиях. Вечером у нас Богоявленские и Вл. А. Михайловский. Тяжкое настроение. Отставка Гучкова подтвердилась. В речи он выяснил ее причины. Армией управлять при разных советах, комитетах и голосованиях нельзя. Он не хочет участвовать в грехе против родины[115]. Подали в отставку Брусилов и Гурко[116]. Итак, мы без войска. Мы обращаемся в обширную немецкую колонию. До поры немцы будут поддерживать у нас анархию, чтобы мы еще больше разлагались и гнили.

3 *мая.* Среда. В течение всего дня до 5 ч. я был погружен в чтение семестровых сочинений студентов Академии и, окончив их, отправился на экзамен на Богословские курсы. Оттуда вернулся к 10 ч. вечера. Отчаянное политическое положение. Мы накануне того, чтобы стать немецким владением, мирно ими завоеванным. За отставкой Гучкова последовала отставка Милюкова[117].

4 *мая.* Черверг. Встав в 6 час. утра, я отправился в Академию. Совет созван для улаживания столкновений со студентами IV курса, требующими (накануне окончания Академии, где им остается пробыть всего несколько дней!) своего участия в Совете с решающим голосом, и также введения автономии явочным порядком. Мы просидели за этими и другими делами с 11 час. утра до 12 ч. ночи с кратким перерывом для обеда. Надо сказать, впрочем, что и в Совете большое водолейство: языки развязались, каждый говорит, предлагает «формулы» (как в Академии почему-то произносят), ставит вопросы и т. д. Все эти словесные упражнения отнимают большое количество времени. Вообще, свобода стоит гораздо больше денег и времени, чем прежний порядок. Завели в Академии тайную подачу голосов шарами; но имеется один только ящик. Мы баллотировали несколько лиц в разные комитеты и делегации, и все это по очереди, с подачей прежде записок, на что также ушло немало времени. Студенты требовали также перевода академической пятибалльной системы на университетскую трехбалльную с тем, чтобы $3^1/_2$ считалось уже за «весьма удовлетворительно», в чем им было отказано. Отказано было также и в участии их в баллотировке делегатов от Совета в Петроград в Комиссию по рассмотрению нового академического устава. Совет предложил студентам самим отдельно выбрать кого-либо из профессоров; но они от этого отказались, желая непременно участвовать в составе Совета в баллотировке. Так мы разошлись с ними. Подняты были вновь эти бесконечные академические дела о Виноградове, Коновалове, Громогласове, Покровском и т. д. В результате мы разошлись в первом часу. Пришлось ночевать в Посаде. Мы поместились в гостинице с П. П. Соколовым. Большое подстрекательство в студенческую среду внесла иезуитская записка П. А. Флоренского, в которой он доказывает желательность участия студентов в управлении Академии. Вот оборот! От ректорского самодержавия к казацкому кругу вроде кругов Стеньки Разина. Тайная цель почтенного отца, несомненно, довести такое самоуправление до абсурда.

5 мая. Пятница. Плохо выспавшись, отправился в Москву. Политическое положение несколько, кажется, уладилось составлением коалиционного министерства[118]. Социалисты, прикоснувшись к власти и государственным делам с положительной стороны, может быть, несколько и образумятся. В трамвае от вокзала видел ленинца, читавшего вслух газету «Правда»[119] своему соседу, студенту сельскохозяйственного института, а затем рабочему, раненому солдату с георгиевской ленточкой. Агитатор гнусного вида с длинными космами в широкополой шляпе внушал слушателям необходимость бороться с буржуазией, ругал

Гучкова и Милюкова. Голова рабочего, где нет никакого[49] твердого, прочного, начинялась обрывками поверхностных и звонких фраз. Так этот сумбур и распространяется по России! Вечер у Карцевых.

6 *мая.* Суббота. Началась моя майская страда: чтение кандидатских сочинений студентов Духовной академии. Почувствовав усталость от многочасового сидения, сделал прогулку пешком в Донской монастырь и обратно. Вечером был у Н. М. Горбова в заседании ревизионной комиссии Исторического общества с Аммоном. Покончив дело, мы беседовали о политике. Горбов считает дело России проигранным. Был там же Д. Н. Егоров, рассказавший мне о своих злоключениях: Петрушевский и Виппер подали особое мнение в факультет против его профессуры в Университете. К мнению присоединился и Кизеветтер. Жаль Д. Н. [Егорова], ему приходится переживать неприятные дни. Звонил ко мне А. Н. Филиппов с просьбой дать ему оттиски моих рецензий на Веселовского[120]; он их хочет приложить к своему представлению о возведении его в степень доктора honoris causa, с которым опять вошел в факультет. Очевидно, он хочет провести его, пока меня нет. Ну что ж; раз меня нет в Университете, я ни за что и не отвечаю. Да и вообще все это дело в сравнении с событиями – дрянь и мелочь.

7 *мая.* Воскресенье. Утро до $21/_2$ за чтением кандидатских сочинений студентов Духовной академии. В $21/_2$ зайдя за Д. Н. Егоровым, отправился к В. И. Герье. Мы нашли его в столовой за чаем и просидели у него с час. Разговаривая о текущих событиях, Вл. Ив. [Герье] обнаруживает присущую ему иронию; говорил о правительстве и грабительстве. От Герье я отправился с визитом к А. Н. Филиппову в сопровождении Д. Н. [Егорова]. Филиппова мы встретили на Смоленском бульваре. Я передал ему оттиски своих рецензий о Веселовском и спросил, зачем он хочет прилагать их к представлению, раз в рецензиях заключаются такие отрицательные отзывы. Он ответил, что хочет действовать беспристрастно и что в моих отзывах все-таки много положительного, в особенности в статье «По поводу ответа», что он не за «Сошное письмо» присуждает Веселовскому степень доктора, а по всей совокупности изданий и мелких статей, например, «Семь сборов»[121] и т. д. Я заметил, что «Семь сборов» – неряшливо написанная книга. Ну, кажется, черная кошка, пробежавшая между нами, теперь более нас не разъединяет. Прогулявшись с Д. Н. [Егоровым] по Девичьему полю, я отправился к Грушке, застал его дома, был радушно принят Ульяной Михайловной, рожденной Боголеповой, которую знал в ее девичестве в Ялте. За чайным столом мы ругали левых в течение часа или больше. Вернувшись домой, я почувствовал боль в горле. Боль так возрастала, глотать становилось так больно, что я с компрессом на шее принужден был лечь в постель. Каждый глоток причинял мне большое страдание. Думал о том, что для меня после таких блестящих избраний и полученных адресов самый подходящий случай – умереть. Дальше, пожалуй, покатишься по наклонной плоскости. Да и не видать бы этого смрада и разложения, в которых находится Россия. Может быть, ждет ее и светлое будущее, но, очевидно, ей надо пройти процесс разложения.

8 *мая.* Понедельник. Глотать менее больно. Весь день я провел за кандидатскими сочинениями. На улице отчаянный холод, всего +1/2° и снег, мокрый снег и завывающий ветер.

9 *мая.* Вторник. Вновь весь день за кандидатскими сочинениями. Испытываю большое удовольствие, читая сочинение священника Проталинского «Политические идеи Екатерины II», замечательно талантливо написанное. На дворе холод +1/2°—2°, мокрый снег, выпавший на большую глубину. Утром резкий холодный ветер, настоящий ураган. Ужасная погода! Ужасное и у нас творится, когда подумаешь! Когда же конец этому сумбуру и анархии?

---

[49] Так в тексте.

10 мая. Среда. Утром все покрыто снегом, сквозь который на деревьях проглядывает зеленая листва. Так бывает иногда, когда выпадет ранний снег в октябре. К середине дня показалось солнце и стало теплеть. Я весь день за кандидатскими работами и за писанием отзывов о них. Окончил этот труд только к 7 часам вечера. Но зато с кандидатскими этого года совсем покончено, и чувствуешь, что гора спала с плеч. После обеда, часов в 8 явились ко мне два студента «по очень тяжелому делу». Оказалось, что студент Троицкий, усердно занимавшийся у меня в семинарии и только что окончивший государственные экзамены, впал в тяжелое психическое расстройство. Мы раздумывали, как быть, решили позвонить М. К. Любавскому с вопросом о психиатрической клинике. Он указал, что ею заведует временно Н. С. Корсаков. Я позвонил к нему и получил самый любезный ответ. Не думал, что он меня знает. Он обещал устроить Троицкого. Во время этих наших забот пришел Д. Н. Егоров, а затем С. К. Богоявленский, и мы провели вечер в дружной беседе. Печальные вести об армии. Московские солдаты не хотят выходить в лагерь, ссылаясь на то, что там они будут лишены возможности «вести культурно-просветительную работу». Как будто государство держит их, кормит, поит, одевает и обувает не для военного дела, а для культурно-просветительной работы! Идут дебаты по этому вопросу в ротных и прочих комитетах и в Совете солдатских депутатов[122] – и это называется «армия»! Да, революция хороша, когда она сменяет старый порядок новым, лучшим; но хороша ли она, когда сменяет старый порядок полным беспорядком, полнейшим хаосом и развалом! Верховный главнокомандующий Алексеев произнес речь на каком-то, уж не знаю на каком, съезде офицерских делегатов – и речь эта прозвучала совсем уже похоронным звоном[123]. Было войско, и нет его!

11 мая. Четверг. Вознесенье. Был у обедни в Зачатьевском монастыре. Тепло и солнце после двух дней бури, холода и снега. В мое отсутствие звонили ко мне студенты, приходившие по делу Троицкого; оказывается, несмотря на карточку Корсакова, в психиатрическую клинику его не приняли, отговорившись тем, что принимают только военных. Странно. Студенты хотели мне позвонить в час дня, однако не звонили. Адресов их, равно как и адреса Троицкого, я не знаю и не знаю, чем кончились их попытки. Говорил по этому поводу с Готье по телефону. Он обещал потолковать с Шамбинаго, у которого большое знакомство среди психиатров, однако Шамбинаго уловить ему не удалось, о чем он мне сообщил вечером. Окончил чтение рефератов университетского просеминария. Были у меня за завтраком Покровский, затем за чаем Поржезинский с ответными визитами; последний с увлечением и художественно говорил о путешествиях по Волге на пароходах. Под вечер, вернувшись с прогулки, я застал у себя А. А. Кизеветтера в беседе с Лизой. Много говорили о «товарищах», которых он изучил в совершенстве. Государство мне всегда не казалось привлекательным учреждением, всегда я видел в нем необходимое зло; в моем представлении оно неразрывно соединялось с казармой и тюрьмой. Теперь тюрьма раскрыта, казарма пустует или буйствует, и государство обратилось в какой-то грязный трактир П-го разряда без крепких напитков. Было бы ужасно, если б было с крепкими напитками.

12 мая. Пятница. Революция – роскошь, которую могут позволить себе лишь развитые общества, не вчерашние рабы. Революция 1762 г. была благодетельна потому, что на место дурака посадила замечательную умницу, которая и процарствовала на славу России 34 года[124]. Революция 1917 г. плохой порядок, но все же порядок сменила беспорядком и развалом и потому может быть для нас гибельна. Сегодня, отнеся на почту утром отзывы о кандидатских сочинениях, я мог развернуть давно уже лежавшие без движения листы биографии Петра и вновь принялся за эту биографию. В 3 ч. отправился пешком в Донской монастырь на панихиду по В. О. Ключевском по случаю годовщины его смерти. Там были Кизеветтер, Готье, Громогласов и Коновалов, И. Ф. Рыбаков и Иванов-Полосин. Рыбаков привел гимназистов и гимназисток своего училища, так что вокруг могилы собралось поря-

дочно публики; без этих учеников и учениц было бы совсем мало. Борис Ключевский звал меня после панихиды к себе пить чай, я сначала отказался, но затем все же попал к нему. Передал Кизеветтеру и Готье о деле Троицкого и просил содействия. Готье суетливо и скоропалительно выступил с вопросом, как он сказал, о «Яковлевиаде», т. е. о возведении Яковлева в экстраординарные профессоры согласно его требованию. Я ответил, что не могу говорить об этом, т. к. я все еще не утвержден профессором. Кизеветтер довольно вяло сказал, чтобы Юрий [Готье] написал представление. Вообще это высказывание довольно бестактно. Отказавшись от визита к Борису [Ключевскому], я было пошел домой, но он нагнал меня на автомобиле, на котором вез Кизеветтера и Яковлева, попавшего в монастырь после панихиды. Автомобиль остановился, и они настояли, чтобы я сел. У Бориса [Ключевского] я нашел уже Громогласова с Коноваловым. Я сказал им, что Академия ходатайствует о восстановлении их в их званиях; но им, видимо, этого мало, а хочется спихнуть существующих теперь профессоров. Так, говорилось о Д. И. Введенском. Не то же ли самое в вечном круговороте вещей? Сначала А. И. Введенский изгонял Громогласова и Коновалова, теперь они будут изгонять, за небытием А. И. Введенского, его брата Дмитрия Ивановича [Введенского]. Много говорилось о разложении нашей армии, – у всех самые мрачные мысли по этому поводу.

13 *мая.* Суббота. Сделав небольшую прогулку утром в девятом часу, затем весь день до 6 ч. работал над биографией. Около 7 ч. отправился к Богоявленским, где были Егоровы и Богословские. Миша [Богословский] был в студенческой тужурке. Наша интеллигенция, в особенности, например, так называемый «третий элемент» – разного рода служащие в земствах – отличалась большим идеализмом: делать для народа, служить народу и т. д. Только и слышалось. И вот теперь этот самый народ, ради которого она отрекалась от собственных благ, ругает ее «буржуями» и преисполнен к ней самых враждебных чувств. Крестьяне и слышать не хотят о земстве и требуют уничтожения земств уездных и губернских. Где границы между идеализмом и близорукою глупостью?

14 *мая.* Воскресенье. Весь день за биографией Петра. Заходил ко мне молодой человек Добролюбов, оставленный по русской истории при Варшавском университете И. П. Козловским. Теперь Козловский состоит директором Нежинского института[125], а его кафедру в Варшавском университете занял Шевяков (?) – кто такой, мне решительно неизвестно. Добролюбов, встречая от него не совсем доброжелательное отношение, думает держать экзамен при Московском университете и беседовал со мною по этому поводу. Вечер у Богословских. Мише [Богословскому] по случаю окончания им курса я подарил сто рублей.

15 *мая.* Понедельник. Работа над Петром. Вечером заседание ОИДР, посвященное памяти Е. В. Барсова, с докладами Б. М. Соколова и слишком пространным и водянистым И. М. Громогласова. Вот что значит не готовиться к таким выступлениям. Интересное сообщение экспромтом сделал Гр. Петр. Петровский[126] о знакомствах Барсова в среде старообрядцев и, в частности, о знакомстве его с Н. А. Бугровым.

16 *мая.* Вторник. Новая тревога: в Севастополе столкновение между главнокомандующим Черноморским флотом адмиралом Колчаком и Советом рабочих и солдатских депутатов. Адмирал – гордость русского флота – просит об отставке![127] За последнее время мелькала надежда, что Черноморский флот будет зерном, из которого вырастет дисциплина в армии. Никогда Русская земля не терзалась так, как сейчас терзается, на границе бездны и позора. Был на Курсах, видел там каких-то косматых, волосатых и пейсатых молодых людей, делегатов от большевиков и меньшевиков, устраивающих там свои собрания. Остальное время дома и много работал над биографией Петра. Вечером была у меня бывшая моя ученица Менцель, но Л[изы] не было дома, так что она посидела немного. Умер внезапно К. Н. Успенский!

17 *мая.* Среда. Утром на похоронах К. Н. Успенского. Огромная церковь Николы Явленного была полна; было много курсисток. Занес карточку В. И. Герье по случаю исполнившегося сегодня его 80-летия. Вечером у меня были М. К. Любавский, Готье, Егоров и Д. П. Кончаловский, заходивший к Егорову и затем зашедший ко мне. Сидели на дворе, наслаждаясь тихим теплым вечером. Был у меня также наш приходской священник с приглашением принять участие в собрании для выборов делегата на съезд духовенства.

18 мая. Четверг. Душный, жаркий день с утра. После завтрака – первая гроза и ливень. Гроза быстро пронеслась, освежив воздух; затем опять ясное солнце. Не так над Русскою землею, где за грозой последовало какое-то длительное ненастье со слякотью. У нас завтракала моя бывшая ученица Менцель, приезжавшая на учительский съезд. Вечер дома за корректурой Псковской статьи и за «Блаженным Августином» И. В. Попова, книгой, которую читаю с наслаждением. Много работал над биографией.

19 мая. Пятница. Утро прилежно за биографией. После завтрака заходил в Архив МИД, чтобы повидать приват-доцента Сергиевского, заведующего университетской кооперацией, и попросить его о дровах. Очень спешил, боясь не захватить его в Архиве, и действительно потерпел неудачу – не застал. В Архиве вообще пустыня, и в зале присутствия я не нашел буквально никого. Впоследствии появился Н. В. Рождественский. Оттуда я прошел в магазин Аралова на Тверской купить бумаги и купил ее стопу; цены на нее растут, а качество ухудшается, и, может быть, скоро ее совсем не будет. Аралов объяснил мне причину дороговизны. Делают ее сейчас исключительно только в Финляндии, а финны требуют расплаты своими марками, которых дают 190 за 100 рублей, вместо 400. Неся большую тяжесть в виде стопы бумаги, заходил в типографию Левенсона отдать корректуру Псковской статьи, оттуда домой также пешком до Кудрина, где мог сесть на трамвай. В $6^1/_2$ я был в церкви Спаса на Песках[128] для выбора выборщиков на съезд духовенства, в каковые и сам попал благодаря должности профессора Духовной академии. Встретил там Н. И. Мурзина, нашего гимназического надзирателя, служащего в 5-й гимназии вот уже 39 лет. 40-летие исполняется 7 августа 1918 г. Если доживем, надо попомнить.

20 мая. Суббота. Кронштадт отделился от России, образовав самостоятельную республику с Советом рабочих депутатов во главе[129]. Вышел в отставку министр торговли и промышленности А. И. Коновалов, началоположник революционного движения, созывавший у себя совещание в Москве, на котором и было принято требование министерства из людей, «общественным доверием облеченных»[130]. Трубачом этого совещания, провозгласившим затем лозунг в Думе, был Челноков. Теперь Коновалов пожинает, что посеял. Отставку свою он объяснил так же прямо и искренно, как и Гучков, – полным отсутствием какой бы то ни было власти у Временного правительства и развалом промышленности. Гучков сказал о развале армии, Коновалов – о развале промышленности. Итак, развал и развал повсюду. Прочие кадеты пока держатся, но, видимо, дни их сочтены, и мы изумим мир социалистическим министерством.

Звонил ко мне П. И. Новгородцев по делу Веселовского, о чем вчера говорил со мною А. Н. Филиппов. Сегодня представление юридического факультета о возведении его в степень доктора honoris causa[131]. Но факультету нежелательно, чтобы дело это слушалось без меня, дабы не показалось, что его протащили, воспользовавшись моим отсутствием, и потому они решили ждать моего возвращения. Однако т. к. мое утверждение затягивается, то П. И. [Новгородцев] просил меня, не найду ли я возможным уполномочить его передать мою точку зрения. Я сказал ему, что, будь я в Совете, я бы дал объяснение по поводу рецензий, но в заключение все же примкнул бы к решению юридического факультета. В самом деле, теперь уже невозможно говорить о том, на чем я настаивал тогда: т. е. на возведении его с докторским диспутом, так как дело пришлось бы откладывать до осени, а Бог знает,

что будет к тому времени. Такое внимание юридического факультета меня очень трогает, да и для Веселовского приятнее избежать нареканий, что проскользнул без меня. Держал корректуру второго листа Псковской статьи и затем относил ее в типографию. Вечер дома за биографией и за книгой И. В. Попова.

21 мая. Воскресенье. Троицын день. Идя с Миней к обедне к Успению на Могильцах, увидел М. М. Покровского на крыльце дома, где он живет, в утреннем домашнем костюме, беседующего со швейцаром. Он возвестил мне, что мое утверждение состоялось, как о том заявил Чаплыгин вчера в заседании Совета. Только бумага из попечительской канцелярии не успела еще прийти в Университет. Итак, моя разлука с Университетом, продолжавшаяся с 12 марта – 2 месяца и 9 дней, кончилась. Тяжелые были первые дни, но много было получено и неожиданного удовлетворения. Известие было приятно. Был с визитами у Мальмберга и Челпанова, с которым поговорили о делах. Вечером у нас Богословские, Егоров и М. К. Любавский. Мрачные взгляды на будущее. М. К. [Любавский] передавал свою беседу с А. И. Гучковым.

22 *мая.* Понедельник. Утро за биографией. В четвертом часу я отправился на собрание выборщиков для избрания делегатов на съезд духовенства и мирян в Епархиальном доме[132]. Надо было избрать 3 священников, 1 диакона, 1 псаломщика и 5 мирян. Было много сумбура и бестолковщины, а также ораторских выступлений, вызываемых исключительно желанием поговорить. Очень бестактно держал себя бывший доцент Академии, пресловутый В. П. Виноградов, набросившийся на миссионера Варжанского[133] и вообще слишком много говоривший. Я разговаривал с двумя батюшками, моими бывшими учениками, о политическом положении. С 4 часов до $7^1/_2$ не могли еще кончить выборов; я не вытерпел и ушел, устав ужасно от этого безделья. Сколько времени тратится у нас теперь зря на это толчение воды в виде всякого рода выборов, съездов, резолюций и пр.!

23 *мая.* Вторник. Утро за биографией и за корректурой последних гранок Псковской статьи. Затем относил корректуру в типографию. Часу в 7-м ко мне зашел в крайне расстроенном состоянии профессор Академии Д. И. Введенский. Оказывается, что в Академии получена бумага, чтобы профессора, назначенные в Академию с нарушением действующего устава, подали прошение об отставке. Он опасается, как бы ему не пришлось потерять место. Я его всячески утешал и успокаивал, говорил, что я сам только что пережил тяжелые дни удаления из Университета и что я стою и буду стоять на том, чтобы всякие бывшие нарушения формальностей были исправлены, но чтобы наш состав оставался нетронутым, без всяких изгнаний. Иначе что же будет: то правые изгоняли левых, теперь левые будут изгонять правых, т. е. действовать тем же методом, которым так левые в свое время возмущались. Довольно той резни, которая произошла в Московском университете. Д. И. [Введенский] совершенно убитый человек. Жаль еще то, что ему предстоит ждать выяснения своего вопроса до августа, и он все будет думать и думать об одном. Размышлял о наших социалистах, возводящих на пьедестал «пролетария». Западные социалисты стремятся достигнуть равенства, сравнявшись с богатыми людьми, разбогатев, наши желают равенства, разорив богатых и сведя их на положение пролетариев. Вечер провел у Богословских.

24 *мая.* Среда. Русской земле, очевидно, нужно переболеть социализмом, как дети болеют корью или скарлатиной. Эта болезнь, протекавшая в скрытой форме с 1870-х годов, теперь вышла наружу. Бациллы должны, развившись, и покончиться, изжив сами себя, как это бывает с культурами бацилл. Может быть, потом и выздоровеем. Ушли Верховный главнокомандующий Алексеев и главнокомандующий Гурко[134]. Не могут мириться с развалом и беспорядком. У нас был С. К. Богоявленский. Они уже больше недели живут в деревне и наслаждаются воздухом. Утро я работал над биографией и весь день провел дома.

25 *мая.* Четверг. До 4 часов писал биографию. Затем была у меня А. С. Шацких с вопросом, как ей быть, продолжать ли начатую работу или сделаться «агитатором» кадетской партии и разъезжать по провинции. Для меня, конечно, и вопроса такого не может быть, о чем я сказал ей довольно резко. После нее пришел А. М. Фокин для совета по поводу магистерской программы. Он рассказывал грустные вещи об отношениях в деревне. Крестьяне держат себя вызывающе нагло по отношению к помещикам, всячески притесняя и оскорбляя их.

Итак, Россия болеет социализмом, как Франция в 1848 г.[135] Думается, что эта болезнь, как скарлатина, – опасна, но не должна повторяться.

Ко мне звонил правитель канцелярии попечителя с извещением, что бумага о моем утверждении сегодня пошла из

Округа в Университет. Таких извещений раньше не бывало; но бумаги ходят из канцелярии в канцелярию все так же медленно.

26 мая. Пятница. Утро за биографией Петра. Звонил ко мне по телефону из Университета служитель при кабинете ректора Батурин с извещением, что бумага о моем утверждении получена в Университете, и с приглашением завтра прийти на Совет без повестки. Вот как просто ведутся теперь сношения. А об увольнении я получил не одну, а три бумаги. Вечером у М. К. Любавского на собрании правой группы историко-ф[илологического] факультета по вопросу о выборах декана. Подсчитали, что Грушка может рассчитывать на 9 верных голосов против 8, и потому решили просить его отложить свой уход до осени, на что он (по телефону) согласился. Были: Лопатин, Челпанов, Розанов, Соболевский, Мальмберг, Новосадский, Готье и я. Потом много говорили о современном положении. М. К. [Любавский] еще раз и с большими подробностями передавал свой разговор с Гучковым об ожидающих нас перспективах. Это прямо какая-то мрачная, потрясающая симфония. Гибель промышленности, финансовый крах, армия в виде гигантского трупа, сепаратный мир, развал России на отдельные части, возвращение войск при демобилизации – бурное, беспорядочное, стремительное, перед которым побледнеют все ужасы великого переселения народов и т. д. и т. д. Тяжко. Сегодня утром я получил повестку на факультетское заседание завтра перед Советом.

27мая. Суббота. Утро за биографией. В первый раз после разлуки я отправился сегодня в Университет. Прежде всего в библиотеку – сдать несколько наиболее редких бывших у меня книг. Виделся там с Н. И. Рудневым, который меня поздравлял. Затем я пришел на заседание факультета, проходившее в аудитории № 11 внизу. Первый, кого я встретил, был А. Н. Савин. Когда я вошел, факультет уже в большом составе заседал и при моем входе приветствовал меня аплодисментами, на которые я отвечал глубокими поклонами. Этот прием меня очень тронул. В заседании происходили выборы Виноградова и Яковлева, и оба были избраны сверхштатными экстраординарными профессорами. Затем мы перешли в большую профессорскую на заседание Совета, которое длилось с 3 ч. почти до 9. Заседание было посвящено почти исключительно выборам; выбиралось 9 профессоров, большинство медики. Из наших Д. Н. Егоров и Яковлев. Утомительно длинно было чтение представлений медицинского факультета о многочисленных кандидатах; у них на каждое место устремляется по нескольку кандидатов. Прослушал я также спор о Д. Н. Егорове. Враги его совсем стушевались. Виппер не пришел. Петрушевский и Кизеветтер не возражали. Уже очень поздно А. Н. Филиппов выступил с представлением о Веселовском и начал читать свой подробнейший доклад. Никто не слушал, громко болтали. Стали к нему подходить, прося прямо о сокращении. Наконец, Новгородцев прямо прервал чтение и просил уже официально о его прекращении. Филиппов, скомкав заключение, кончил. Я выступил с заявлением, что поддерживаю предложение юридического факультета. Я вел полемику с Веселовским, в которой указывал недостатки его книги «Сошное письмо», и настаиваю на этих недостатках: книга лишена единства и цельности. Но не удавшаяся как целое, она представляет ценность как отдельные этюды. Я сказал еще, что у нас было разногласие с А. Н. Филипповым о

способах увенчания трудов Веселовского. Но теперь уже некогда думать о докторском диспуте, а осенью неизвестно что будет, и потому я присоединяюсь к предложению факультета, принятому по инициативе «старейшины» историков русского права. Встал Кизеветтер, сказавший, что тоже присоединяется и не видит в книге недостатков, которые я указываю, а напротив, видит в книге общую мысль о том, как правительство училось у народа в деле обложения. Говорил с митинговыми замашками, без которых, очевидно, уже не может говорить. Затем была баллотировка, причем, т. к. один из медицинских кандидатов – Воробьев – провалился, то перебаллотировали вновь всех кандидатов. Домой я пришел в 10 ч. и, наскоро пообедав, отправился к Д. Н. Егорову, где были Любавский, Савин, Юра [Готье] и Грушка. Выпили три бутылки вина, в том числе одну – шампанского «Абрау». Д. Н. [Егоров] был в очень радостном настроении.

28 *мая.* Воскресенье. В газетах статьи об английской и французской нотах русскому правительству, в которых на нас смотрят уже как почти на отпавших от союза[136]. Позор! Там же статьи о возможной железнодорожной забастовке. Это обозначает два дальнейших факта: голод и сепаратный мир. Вот приятные известия, которые приносят газеты – и так каждый день. И все еще живем, завтракаем, обедаем, шутим, острим, собираемся на заседания и т. д. Был у Н. И. Новосадского с визитом. Вернувшись, застал у нас Маргариту с мужем, который не мог сесть на Брянском вокзале на поезд, сколько ни просил (он офицер) заполнявших вагоны I и II класса солдат. Пришли также О. И. Летник и Капитолина Ивановна Помялова, и были оживленные разговоры.

29 *мая.* Понедельник. Отправил в Академию кандидатские сочинения. Получил письмо от епископа Сергия. Утром были с Миней в бане, а затем пока можно было работать – писал биографию. Нет газет – и все-таки хоть небольшая передышка от отчаянно скверных известий.

30 мая. Вторник. Тяжкие известия из армии о бунтах, происшедших в полках, которые за неповиновение предназначены были к раскассированию[137]. Бунт, что особенно горько, возбуждался несколькими офицерами-большевиками. В Петрограде пулеметный полк насильно освободил офицера, посаженного под арест за пропаганду «пораженческих» идей, и сделал демонстрацию, выражая сочувствие кронштадтцам за их неповиновение Временному правительству. Вот новости, которые почерпнешь утром, чтобы переваривать их в продолжение дня. Усиленная работа над биографией. Приходил Миша [Богословский], с которым мы отправились в Университет справиться о времени приема студентов. Был у меня, но на короткое время, Вл. А. Михайловский.

31 мая. Среда. Утро за биографией, очень усердно. Ездили с Миней в контору общества «Самолет» взять билеты, но, оказывается, билетов от Савелова[138] не выдают. Читал затем книгу Попова о блаженном Августине, наслаждаясь каждой страницей.

1 *июня.* Четверг. День ясный, но довольно прохладный. За работой с 10 до 4 часов. Вечером у нас обедал С. К. Богоявленский, а затем часу в десятом пришли еще Егоровы.

2 *июня.* Пятница. Неприятные новости в газетах об оставлении своих должностей главнокомандующими Юденичем и Драгомировым[139]. Особенно жаль первого, которому принадлежат все наши успехи на Кавказе. Утро за работой; в ней хоть несколько забываешься от подобных известий. Заходили с Миней в Румянцевский музей к Ю. В. Готье. Посмотрели и этнографическую коллекцию музея, наиболее для него интересную.

3 *июня.* Суббота. В Москве необычайно жарко и душно. Мы все еще сидим в городе, ожидая обещанных дров. Улицы в такой грязи, какой они, я думаю, никогда еще не видали, потому что дворники бастуют и их не метут. Валяются массы рваной бумаги и всяческого сора, и все это ветром переносится с места на место, ослепляя пылью проходящих. Утро за

работой, которую приходится прервать ввиду начавшейся сутолоки перед переездом. Заходил в «Русские ведомости» и «Русское слово» переменить адрес. Устал ужасно.

4 *июня.* Воскресенье. У обедни в церкви Успения на Могильцах. Затем весь день вследствие усталости и жары ничего не делал, сидя большую часть на дворе в беседке. У меня были Н. И. Новосадский и оставленный при Ростовском-наДону университете Добролюбов.

5 *июня.* Понедельник. Стоят тягчайшие жары, и мы совершенно понапрасну засиделись так долго в пыльной, на редкость даже и для Москвы грязной Москве, в этой страшной духоте. Устраивал утром денежные дела и перевел несколько денег в Шашково. Все это заняло время до завтрака. Затем укладывал свои вещи и более от усталости ничего не мог делать. Нам привезли, наконец, дрова.

6 *июня.* Вторник. День отъезда прошел в полнейшем разгроме. Утром я в сопровождении Мини и Левочки Егорова отнес свои рукописи в Архив МИД на хранение к С. К. Богоявленскому из опасения возможности появления непрошеных гостей в нашу квартиру летом. Затем было томительное ничегонеделание, когда уже вещи уложены, чемоданы завязываются, и существуешь уже ни здесь, ни там, а в каком-то среднем положении. Идет величайшее обдирание. Ломовому извозчику надо было уплатить до Савеловского вокзала 15 р. Дворнику, сопровождавшему воз, 7 р. 50 к. Так как мы напрасно ждали трамвая «Б», то пришлось взять извозчика за 8 рублей (вместо прежних 75–80 коп.!). Наконец, мы в вагоне, поезд тронулся, и свежий воздух ворвался в окно. Грудь давно уже не дышала таким полным воздухом! Дорога не утомительная – всего 3 часа с лишком; но перед самым Савеловым какая-то находившаяся в вагоне предвещательница возвестила, что пароходы бывают теперь, вследствие обмеления Волги, не каждый день, и этим испортила удовольствие путешествия. Она оказалась права, но только отчасти. Пароходы бывают каждый день, но вместо двух линий ходит одна, так что наша надежда попасть на более поздний пароход, отходящий в 3 ч. ночи, оказалась напрасной. Все же мы попали на пароход, и то хорошо. При взятии билетов на пристани была страшная теснота; пришлось стоять в очереди, на самую пристань впускали только группами. Каютных билетов получить было нельзя. Но все же Лиза с Миней устроились в общей дамской каюте I класса, где можно было спать. Мне же пришлось провести ночь без сна на палубе в большой тесноте. На беду, вскоре после того, как мы тронулись, налетел туман, и мы простояли на якоре целых три часа. Ехало много солдат, и здесь и там раздавались речи в духе последнего времени: большевики, меньшевики, капиталисты, буржуи и т. д. Были большие наглецы, нагло горланившие наскоро нахватанные, но уже достаточно опошлившие фразы. Особенно нахально кричал один молоденький солдат, с наглой физиономией, на ту тему, что уже будет, три года повоевали за капиталистов, нарастивших себе животы, и т. д., а сам, по всей вероятности, и на фронте не был, да и с запахом пороху едва ли знаком – тип нахала рабочего, работающего хуже всех, но умеющего нагло горланить. Так прошла ночь в тумане.

7 *июня.* Среда. Весь день на пароходе. Погода дивная, ясная, тихая. Палуба на пароходе – одном из самых плохих – открытая, и мы провели день под лучами солнца. Мне удалось отыскать себе место в общей каюте, и вообще, большинство демократической публики слезло в Калягине. Стало просторно. Палубы вымели от подсолнухов, в колоссальных размерах поедаемых нашей демократией, загрязняющей их скорлупой все места, где она находится. При грызении подсолнухов выражение лица делается необычайно тупым и бессмысленным, а челюсти в непрестанном движении и работе. В зерне подсолнуха, должно быть, зерно нашей «свободы». В Угличе, церквами которого мы любовались с берега, опять село много солдат, крайне грязно одетых. Некоторые вызывающе нагло держат себя перед офицерами. Непременно надо подойти к офицеру не иначе, как с папироской в зубах, заложив руки в карманы. Чести, разумеется, никто уже не отдает. Под вечер двое солдат, один из которых очень молодой, заспорили с капитаном по поводу того, что помощник капитана обещал

им доставить их на берег на лодке, за 15 верст не доезжая Мологи, а капитан, сменивший помощника на вахте, этого не исполнил, как он говорил, по вине самих же солдат, прозевавших свою деревню. Молодой солдат говорил капитану: «Мы рассчитывали, что вы поступите с нами как товарищ, а вы поступили как буржуй, вы бы сказали, что вы большевик или меньшевик», на что капитан сказал, что он «средневик». Молодой солдат был еще наглее и громко кричал, что «надо смахнуть», на что капитан, очень почтенного вида человек, также повысив голос, заявил, что он сам солдат, что никаких угроз не боится, в глаза смерти смотрел, а «смахнуть» и сам сумеет в лучшем виде. Да, если таких солдат на фронте много, наше дело проиграно. Вид этой разнузданности и наглости отравил все путешествие, всю красоту верхней, чисто великоруской Волги, с ее тихими берегами, с белыми церквями расположившихся на берегах сел. В малом виде в этих противных сценах отражался тот великии развал, который происходит теперь в нашей громадной армии. Эту ночь мне удалось спать, и я почти не слыхал, как мы подошли к Рыбинску.

8 *июня.* Четверг. В Рыбинске мы в 6 ч. утра пересели на знакомый нам пароход «Князь Серебряный» и около 12 ч. дня были в Шашково. Дачу нашли неприготовленной: везде валялись куски бумаги, словом, в том виде, в каком мы ее покинули. Весь день в раскладке и разборке.

9 *июня.* Пятница. Утром, после купанья, начал перечитывать книгу Веневитинова «Русские в Голландии»[140], возобновляя работу. Жара отчаянная. Вечером приходил псаломщик с предложением купить 3 пуда ржаной муки, которое я принял. Этим коренное наше затруднение разрешается.

10 *июня.* Суббота. Великолепная погода. Утром рано купанье с берега; на песке солнечная ванна. Весь день затем дома, кроме выхода на пристань за ржаной мукой. Псаломщик продал нам ее 3 пуда по 8 рублей вместо, я не знаю скольких, 2 или 3 обычных. Но, по крайней мере, будет черный хлеб. Этот мешок муки с пристани был привезен на лодке.

11 *июня.* Воскресенье. Продолжается ясная погода и жара. Кончил чтение Веневитинова «Русские в Голландии».

12 *июня.* Понедельник. Томительная жара. Ездил на почту в Песочное, привез четыре №№ газет, содержащих целый букет мерзостей: вооруженная демонстрация большевиков в Петрограде[141], заражение Севастопольского флота большевизмом и т. д. Итак, все лучшие командиры с уходом Колчака отстранились от разлагающейся армии. Правительство же наше мудро взирает на совершающиеся безобразия, исповедуя теорию непротивления злу. Даже Милюков в речи на казацком съезде начинает над правительством издеваться[142].

13 *июня.* Вторник. Вчера вечером была гроза и небольшой дождь, очень желанный для хлеба. Трава как-то повеселела после дождя, пыль на дорогах убита, и вид вокруг стал вновь отрадным после живительной влаги. Читал Posselt'а. Весь день дома.

14 *июня.* Среда. Утром гроза и небольшой, но все-таки очень полезный для хлеба и травы дождь; затем опять солнце, и весь день ясная и жаркая, прямо великолепная погода. Чтение, чтение и чтение до 7-го часа вечера. Разговор с нашим соседом протоиереем Вознесенским, законоучителем эвакуированной Ломжинской гимназии, находящейся теперь в Рыбинске. Горевали о распадении Руси.

15 *июня.* Четверг. По-прежнему превосходная погода. Купанье утром в Волге. Чтение до 6 вечера. Прогулка в Кораново. Вечер на скамейке с соседями. Приходил милиционер с предупреждением, что в окрестностях скрывается шайка дезертиров, от которой хорошего ждать нечего; они заняты облавой на нее. Сообщение, не доставившее нам удовольствия. Сегодня перед обедом в открытое окно моей комнаты влетела птичка, долго не могшая вылететь. В тревоге она летала под потолком, садилась на стены, наконец, устремилась в окно, но

ударилась о стекло, упала на ступеньки террасы и через несколько минут была уж мертва. Какой быстрый переход от полной жизни к небытию!

16 *июня.* Пятница. Такая же великолепная, ясная, жаркая погода. До обеда я работаю весьма прилежно и в бодром состоянии; но после обеда, так часу с третьего, начинаю изнемогать. После чая опять появляется бодрость. Сделал прогулку: Глинино – Панино – Остров; выйдя из дому в 5$1/_2$ ч., вернулся в 8, ни разу нигде не останавливался, но порядком и устал. Замечаю, что я очень ослабел за истекшую зиму. Что это – старость, или ухудшенное питание, или истрепанные нервы? Мы опять несколько дней не видим газет, оттого ли, что почта не доходит, или оттого, что наш почтмейстер-лавочник не ездит за ней на ту сторону каждый день, не знаю; но в этом перерыве есть своя прелесть. Можно отдохнуть от этой пены, по большей части грязной, которой полны газеты.

17 *июня.* Суббота. Л [иза] поднялась в 5-м часу утра, чтобы ехать в Рыбинск за разными съестными припасами. Утро за работой до обеда. Получено несколько газет, и опять целый ряд известий одно хуже другого, в особенности из Москвы: ограбление магазина на Б. Дмитровке с убийством двух приказчиков – убийцы уехали на автомобиле, ограбление Продовольственного союза или что-то в этом роде на

Переведеновской улице, убийство священника Лазаревского кладбища о. Скворцова и его жены. В этом случае трое убийц были задержаны и отвезены в Таганскую тюрьму. Перед тюрьмой собралась толпа народа тысяч в 10 человек, требовавшая их выдачи на самосуд. Пришлось вызывать войска, чтобы заставить толпу разойтись. Очевидно, грабежи и убийства начали возбуждать сильное негодование в народе. Вот до чего вы нас довели, гг. адвокаты, с вашими дурацкими сентиментальными уголовными экспериментами. Опубликованы в газетах списки кандидатов в гласные Московской думы от разных партий; в списках с[оциалистов]р[еволюционеров], кажется, или с[оциал]-демократов], есть такие обозначения: «NN, амнистированный с каторги», «NN, амнистированный с вечной каторги»[143]. Итак, у нас возможна и Дума бывших каторжников.

18 *июня.* Воскресенье. Утром за биографией, прерывал, впрочем, работу, был в церкви. Днем нельзя было никуда выйти, так как собиралась гроза; но дождя было очень мало, совсем не смочило землю, нуждающуюся во влаге. После обеда – полный отдых.

19 *июня.* Понедельник. Был старый-старый, сколоченный веками из разных пристроек и частей дом. В последние два века дому старались придать единство фасада. Но фасад не объединил составлявших его частей. Разразилась небывалая в мире гроза, и дом не выдержал, треснул и готов совсем разваливаться. Пока он был цел, люди, жившие в нем, чувствовали стыд и уважение к старому дому; когда он стал рассыпаться, исчезла и нравственная сдержка, и обитатели дали волю самым низменным инстинктам. Вот сравнение, пришедшее мне в голову при мысли о том, что творится в России. Украина совсем отделилась от нас. Михайла Грушевский, австрийский профессор, созвал «Центральную раду» и издал «универсал» об отделении Украины, грозя защищать ее «самостийность» (слово, которое он же и сочинил) вооруженной украинской силой. В Киеве, несмотря на запрещение военного министра, собрался украинский «вийскивый» съезд, который и поддержал Раду в ее решении. В ответ на эти угрозы оружием князь Львов обратился к «братьям-украинцам» с благодушнейшим воззванием в сентиментальном тоне[144]. Колпаки! Горемыкина упрекали за то, что он правит Россией в туфлях и в халате, а князь Львов еще и в колпаке. У правительства не только ушла из рук власть, но, видимо, и из голов их исчезло самое понятие о власти, и они полагают, должно быть, что все дело правительства в составлении разных воззваний и убеждений. Убеждать может каждый из нас, а дело власти – *принуждать* силой, когда не слушаются слов. Михайло Грушевский – ослепленный дурак-фанатик, под его командой действует только кучка лиц, по всей вероятности, не без участия австрийских интриг и денег. Смуту они производят большую, налогов украинцы не будут платить, потому что не знают,

кому их платить, Раде или Временному правительству, а правительство пишет воззвания. Ах, сочинители воззваний, академики-доктринеры в колпаках! Мы были в имении Теляковского, бывшего управляющего театрами, и любовались порядком и благоустройством этой старинной усадьбы сравнительно с Шашковым. День превосходный, ясный, но гораздо более прохладный, чем предыдущие.

20 *июня.* Вторник. Утро за работой до 4 часов. После чая ходили в Кораново, где куплен был петух за $6^1/_2$ р. Ранее это была цена теленка. Я его торжественно нес в корзине. Вечер в беседе с нашими соседями о текущих делах. Известие о нашей победе под Ковелем: взято в плен 10 000 австрийцев[145]. Отлично; может быть, это начало нашего отрезвления.

21 *июня.* Среда. Барометр сильно понижается, но погода все время сухая. Сегодня утром дождь застал меня на прогулке, но слишком недолгий и небольшой. Работа над биографией. Вечером с соседями наблюдали затмение луны. Что затмение луны перед тем затмением, которое нас теперь охватило!

22 *июня.* Четверг. Довольно прохладно, и дождь, достаточный вполне для хлеба и травы. День проведен обычным порядком. До чаю за работой: Петр в Саардаме[146], что как-то не выходит. Затем занимался рубкой дров. Получены газеты, сразу несколько.

23 *июня.* Пятница. День пасмурный и дождливый. Биография. Вечером газеты с ворохом мерзостей об анархистах в Петрограде[147].

24 *июня.* Суббота. Опять ясно. Утро и до 5-го часа за работой. Были на усадьбе Теляковского и осматривали этот старинный барский дом, кажется, в трех поколениях принадлежащий Теляковским. Сколько вкуса, тонкого и изящного! И неужели все эти уголки теперь должны исчезнуть перед пропотелым «спинжаком» товарища Семена и все должно быть заплевано подсолнечной скорлупой. У барина в усадьбе, у священника в его домике, у мужика в его избе есть своя, ему именно свойственная и им созданная обстановка, его именно отражающая. А «товарищ» в этом отношении ничего пока не создал.

25 *июня.* Воскресенье. Утром большая прогулка по солнцу, потому что день очень холодный. Заходил в церковь к обедне, оттуда возвращались вместе с соседом, о. Аркадием, беседуя о царях Александре] III и Н[иколае] II, а также о Петре Великом. Затем работа над биографией до 4 ч. Получил письмо от проф. Фирсова из Казани с выражением сочувствия по поводу моего университетского приключения и с похвалами статье «Детство Петра Великого». Он одобряет мысль о биографии и желает успеха. В газетах слух о выходе в отставку Мануйлова и Герасимова вследствие резолюции Совета солдатских депутатов, в резких выражениях осуждающей деятельность министерства как ретроградную и контрреволюционную![148] Скажите пожалуйста! Советы невежд и псевдонимов добираются, наконец, и до народного просвещения и его перефасонят по-своему, заведя и тут всю пошлость социалистических выкриков. Очевидно, еще и случай вышибить одного кадета из министерства, все хоть одним меньше. Если все это действительно так, то какое бесславное министерство фанфарона Мануйлова перейдет в историю: вступив на престол, изгнал 75 профессоров, глупо пригрозил предпринять «чистку» учителей, но учителя организовались в союз и задали ему самому чистку на съезде – попробуй-ка уволь кого-нибудь из членов союза, собрал съезд гимназистов и упразднил буквы «Ъ» и «Ъ»[149]. Вот и вся деятельность этого министерства. А сколько было трубных звуков и рукоплесканий при вступлении в министерство.

26 *июня.* Понедельник. Я ездил в Песочное за деньгами, которые плывут здесь необыкновенно. Работал мало, стал чувствовать себя плохо, во всем теле какое-то ломанье. У меня оказался жар 38,5°, и я лег в постель.

27 *июня.* Вторник. Жар у меня за ночь прошел. Я чувствовал себя слабым, тем не менее благодаря дурной погоде работал более, чем когда-нибудь. После чаю прогулка и разговор

с нашими соседями: с о. Аркадием о гимназическом образовании, с Климовым – он рыбинский лесопромышленник – об общем политическом положении.

28 *июня.* Среда. Утро за работой, весьма интенсивной и затянувшейся до 4 часов дня. Затем пренеприятное известие мы получили, проходя мимо лавки и зайдя в нее, чтобы отдать письмо: оказывается, у лавочника заболел сын, мальчик лет 8, у него, судя по описанию, скарлатина. Мы испытываем тревогу, подобно тому, как в Ассерне и в Нодендале[150]. Вечером сильная гроза. Я совершенно выбит из колеи этим происшествием. Болезнь эта и в Москве на каждом шагу грозит ребенку; но здесь мы на бивуаке и нет медицинской помощи. Были после чая в усадьбе Теляковских; но прогулка уже не доставила мне никакого удовольствия.

29 *июня.* Четверг. Петров день – большой летний праздник – был для Шашкова омрачен печальным происшествием. К нашему берегу прибило водою труп мальчика лет 12, видимо, утонувшего во время купанья. Его заметил гувернер, состоящий здесь при двух мальчиках на даче № 1, и с большим волнением сообщил об этом матросу Ивану Ивановичу [Монахову] на пристани, где были мы с Миней. Матрос принял известие более чем с равнодушием, даже со смехом: ну утонул, значит, ему на войну не идти, советовал оттолкнуть тело, чтобы его несло водою дальше, но когда это вызвало протест гувернера, то стал говорить: лес велик, зароем и т. д. В самом деле, теперь неясно, к каким властям следует обратиться в подобном случае; прежде начиналось с урядника, и затем дело шло само собою. Теперь, кажется, волость есть центр всякой сельской власти. Дом волостного правления недалеко от нас в деревне Позделинское, но в доме этом никогда никого, кроме старой сторожихи, нет. В окрестностях, оказывается, эпидемия скарлатины, и болеет множество детей. Тревога наша усилилась. Вечером приятное известие о взятии нашими войсками Галича[151].

30 июня. Пятница. С утра день пасмурный и дождливый и потому очень благоприятный для работы. Ночью за трупом мальчика, лежавшим все время на берегу, приезжал его отец из Рыбинска, откуда тело принесло, и увез его в лодке. Что испытывал он во время этой поездки? Пришли газеты с известиями о выборах в Московскую думу: из 200 гласных – 116 социалисты-революционеры (что за нелепое название партии, которая вполне могла бы называться крестьянской, земледельческой или как-нибудь в этом роде), 34 кадета, остальные – большевики и меньшевики. Выборы с точки зрения муниципальной довольно дикие: какое отношение имеет проблема социализации земли, с которой носятся эти утописты социалисты]-революционеры], мне совершенно непонятно. Из 116 имен – никто не известен. Пролезло много евреев. Но представителя московского духовенства, которое тоже заинтересовано в городском хозяйстве, – ни одного. В числе 34 кадетов – все виднейшие московские митинговые ораторы и партийные агитаторы, но каковы это будут городские хозяева, вопрос. Получил вторую книжку «Исторических известий». Журнал выходит аккуратно. Честь и слава нашему «профессору-доктору» [Д. Н. Егорову].

1 июля. Суббота. Утро за работой и до 4 ч., когда гувернер с большой дачи, ездивший в Песочное, принес газеты. Живущий в Позделинском на даче директор Ломжинской гимназии Силин отдал нам свою белую муку, полученную им по карточкам за июнь, но лишнюю для него. 11/2 пуда. У нас, таким образом, будет белый хлеб, которого мы уже давно не видали. Сахар третьего дня совсем прекратился, и достать негде: пьем чай с изюмом.

2 *июля.* Воскресенье. Мы стали жить по новому времени на час вперед[152]. Вот мера Временного правительства, которую я от всей души приветствую. Раньше будут ложиться и раньше вставать, все же некоторый плюс здоровья и большую производительность работы получат. За биографией с 9 ч. утра (по-настоящему с 8) и до шестого часу. Вечером разговор на скамейке с соседями, к которым пришел директор Ломжинской гимназии, о текущих событиях. Гроза, но с небольшим дождем, так что можно было опять несколько подвигаться.

3 *июля.* Понедельник. Продолжительная работа над биографией и тяжелые думы о том, что творят с Русскою землею наши социалисты. Все растащат по мелким кускам ради отвлеченных и неосуществимых идей.

4 *июля.* Вторник. Мы с Миней намеревались поехать в Рыбинск с пароходом, проходящим мимо нас в 3-м часу; но пароход опоздал, и, как раз ко времени его прибытия, ударила сильнейшая гроза с отчаянным ливнем, и мы остались дома. Я написал письма Фирсову, епископу Сергию, В. И. Сытину и В. М. Смирновой, последней по поводу годовщины смерти Сергея Ивановича [Смирнова]. Вследствие дождя работал особенно продолжительно. Вечером газеты с невеселыми известиями об отпадении Финляндии[153] и об уступках, сделанных правительством Украине. Уступят и финляндцам! «Несут Русскую землю розно»[154]. Тысячу лет исторический процесс шел в направлении собирания Руси и объединения. Неужели с сегодняшнего дня в угоду нескольким проходимцамбольшевикам, начитавшимся немецких брошюрок в плохом переводе, он пойдет вспять? Распадалась Русь после Ярослава, зато и была под игом татар. Дать Финляндии отделиться – отлично бы; она ничем не связана с нами; но существовать самостоятельно и отдельно она не может, сейчас же сделается немецкой провинцией, форпостом Германии перед Петроградом, а поэтому наша безопасность требует ее связи с нами. Для меня этим все сказано. Вспоминаю Пестеля с его началом «благоудобства»[155]; государственная граница не шутка; она должна быть крепкою стеною и защитою дома. Монархия сошла у нас, далеко не кончив своей исторической задачи – объединения России, – и потому я думаю, что она сошла только на короткое время. Среди социалистов – гласных Московской думы, список которых теперь опубликован, оказалось двое сотрудников бывшего охранного отделения, и потому они «выбыли», а на место их по очереди вошли другие из партийного списка[156]. Трогательно! Кого же выбирали, чего смотрели при выборах! Значит, выбирали совсем вслепую!

5 *июля.* Среда. До обеда работал совершенно спокойно и довольно много сделал. Перед самым обедом принесли газету от 4-го с потрясающими известиями: министерский кризис. Военный бунт в Петрограде! Из министерства ушли кадеты, не соглашаясь – и это делает им большую честь – на отделение Украины, на которое согласились ездившие в Киев для переговоров с гетманом Михайлой Грушевским министры-социалисты Церетели и Керенский и на все соглашающийся Терещенко[157]. Кадеты, конечно, ушли и по другим причинам, между которыми не последнее место занимает Финляндия. Все время они оставались во Временном правительстве в меньшинстве. Всегда участь кадетов – уходить и оставаться в меньшинстве! Большевики воспользовались кризисом, чтобы выступить с оружием, что предполагалось еще 18 июня. Возмутилось несколько полков, подлежавших расформированию[158]. Есть слух, что Львов (вот оберколпак!) сидит уже под арестом, Керенский избег ареста, удрав за 20 минут до него, вероятно, в Ставку[159]. Комитет Государственной думы (Родзянко и пр.) разогнан[160]. На улицах стрельба. Волна докатывается до своего левого берега, ударившись о который, неизбежно должна будет отхлынуть вправо. С этими мыслями я выехал с Миней в Рыбинск, откуда вернулись вечером. Была сильнейшая гроза, но мы укрылись от нее на пароходе, а затем тихий, красивый вечер на Волге, любуясь которым, можно было хоть несколько забыться от утренних впечатлений.

6 *июля.* Четверг. Великолепный июльский солнечный жаркий день. И для сена, и для ржи как нельзя лучше. Работал довольно лениво; жара ослабляла энергию. Вечером с соседями на скамеечке на берегу читали газету о петроградских происшествиях. 5-го идет еще бойня, а колпаки совещаются и вырабатывают текст «декларации»[161]. Диктатура нужна в таких случаях, а не декларации.

7 *июля.* Пятница. Стоит великолепная жаркая ясная погода. Работаю меньше, чем обыкновенно. Сегодня газеты принесли известия о том, что мы все давно, в особенности после разоблачения Гримма[162], знали, в чем, по крайней мере, были твердо уверены: что Ленин, анархисты и большевики находятся в связи с Германией и действуют на немецкие деньги. Теперь опубликованы документы, их изобличающие. Им переведено из Германии и лежит на текущем счету 2 000 000 руб. Посредниками в этих сношениях были все евреи. Часть их арестована[163]. Сам Ленин, конечно, скрылся. Колпаки, разумеется, все проглядели и не знали того, что было ясно как день. Советы разных депутатов паскудно стараются прикрыть попавшихся, потому что у многих из их членов, разных Цедербаумов и Апфельбаумов, выступающих под чужими именами, рыла в пуху. Раз большевики уличены, с ними надо покончить; но колпаки и здесь обнаружат присущее им непротивление злу! Побоище в Петрограде прекратилось с провалом его инициаторов, но происходят военные бунты в Киеве и Нижнем [Новгороде][164]. Разглядеть большевиков было нетрудно с самого начала, и тогда же, пока еще они не успели растлить армию, надо было принять против них меры. Наши незлобивые голуби правители все прозевали и сколько вреда принесли этим России! Вся их правительственная энергия была направлена на месть деятелям старого порядка.

8 *июля.* Суббота. Опять такой же прекрасный день. Купание. Прогулка. Работа над биографией с 11-го до 6-го часа. Затем мы отправились с Л[изой] прогуляться в Кораново, оставив Миню у соседей играть с его приятелем Колей Климовым. Это было в начале 7-го часа. Вернувшись ровно в 8 ч., мы нашли его лежащим в постели, он жаловался, что очень болит голова. У него оказалась очень высокая температура 39,3°. Ввиду эпидемии в окрестностях мы испытывали большую тревогу, не скарлатина ли это. Меня успокаивала наша соседка, жена священника.

9 *июля.* Воскресенье. У Мини, по всей вероятности, засорение желудка, не более того. Все же очень жаль, мальчик летние дни, когда надо поправляться, лежит в постели на строгой диете. Был в церкви – единственное убежище теперь, где еще раздаются слова любви и мира посреди повсеместных криков о ненависти, мести, предательстве, истреблении и т. д. Соседи получили № «Рыбинского листка» с рядом первостепенной важности известий: немцы прорвали наш фронт под Тарнополем и на 30 верст нас прогнали[165]. Это, я боюсь, создает опасность для наших у Галича. Ушел из правительства князь Львов, разойдясь с социалистами, и премьером сделался Керенский, сильно, кстати сказать, изменившийся за последнее время[166]. Он прибегает теперь к самым крутым и строгим мерам для восстановления дисциплины, которую сам же расшатал своими нелепыми декларациями. Итак, власть всецело перешла к социалистам, и теперь надо ждать опытов осуществления незрелых социалистических идей вроде социализации земли в правительственной практике. Посмотрим, что может из этого выйти. Пусть социализм, который так много обещал, маня в неведомые туманные дали, покажет себя на деле. Если это ему удастся, он упрочится и построит свой, хотя и чуждый нам порядок. Если он провалится – а провалиться может он с самыми злыми и несчастными последствиями, с разорением страны, междоусобиями, немецким игом, – он будет проклят страною так, что и само имя социалиста станет ненавистным для нескольких будущих поколений. Это учение у нас должно себя исчерпать; иначе оно все будет тлеть в подполье, противодействовать всякому порядку и постоянно угрожать пожаром. Итак, пусть делают опыт, и, может быть, страшно горький опыт. Либеральные элементы отодвинулись совсем от дел.

10 *июля.* Понедельник. Утро за работой. Заходила к нам Т. В. Щукина, уезжавшая в Романов, и мы проводили ее на пристань. Вечером письмо от Маргариты с отказом от приезда. В «Русском слове» огромными буквами озаглавлена статья «Катастрофа под Тарнополем»; корреспондент из действующей армии яркими красками изображает паническое

бегство наших войск при неожиданном ударе немцев. Все усилия наших генералов ликвидировать прорыв немцев были тщетны. Полки, развращенные большевиками, собирались на митинги и дебатировали вопрос, выступать им или не выступать, и затем разлетались как воробьи или сдавались целыми отрядами в плен. Немцы нас разгоняли, действительно, как воробьев, или брали живыми. Позор. Вот, г. Керенский, плоды вашей «Декларации прав солдата»[167] и вашего «демократического устройства армии», которыми вы хотели удивить всю Европу. Вот плоды вашего применения отвлеченного принципа свободы слова в армии, свободы слова для немецких шпионов-большевиков. Пожинайте их, несчастный идеолог! Вы больше всех виновны в случившемся, в том разложении и гниении, которое сгубило нашу армию! Вы сами теперь начинаете понимать, до чего вы довели дело, но, кажется, уже поздно! Керенский, впрочем, честный лично человек и вреден только как крайний доктринер и идеолог. А сколько всплыло наверх теперь людей и с уголовным прошлым! и прямо недобросовестных прохвостов.

Захвативший в руки власть социализм, изгнав из министерства правые элементы в виде кадетов и Львова, отмежевывается и от левых, в виде большевиков. Но в последнем случае искренно ли? Совет р[абочих] депутатов], по крайней мере, судя по статье «Русских ведомостей», вошел в договор с большевиками, обещая им безнаказанность за события 3 и 4 июля[168]. Правительство издало приказы об аресте Ленина и других, но исполнят ли их? Отмежевавшись от преступников слева, русский социализм получит полную свободу творчества осуществления своей программы. Лучшего, более выгодного положения нельзя для него и представить. Поживем – увидим.

11 июля. Вторник. День пасмурный и с утра дождливый. Миня встал с постели, отделавшись тремя днями лежания за увлечение малиной. У нас события: пришла посылка из Москвы от Маргариты с несколькими фунтами сахару, которого мы давно уже не видали. Это было очень кстати, так как к нам заходила с парохода пить чай Т. В. Щукина. Чай был обставлен хоть куда – белый и черный хлеб, сливочное масло, сахар, даже шоколадные конфеты, которых Лиза выписала 2 ф[унта] по 4$^1/_2$ руб. за фунт. Одна из этих коробок предназначена жене директора Ломжинской гимназии за снабжение нас мукою. Благодаря плохой погоде я довольно много работал. Получил брошюру проф. Бубнова по поводу дела Сташевского: провинциальные газетные и университетские дрязги[169]. Нет газет – и получаешь короткую передышку от мерзостей, которыми полон теперь каждый № газеты. Пришли только запоздалые «Русские ведомости». В Москве, первопрестольной столице и центре православия, председателем Думы избран еврей[170]. Скоро сбудется мое предсказание, что и ректором Духовной академии будет еврей. Мы не только вдохновляемся отвлеченными принципами, но доводим их до крайности. Пусть бы в Бердичеве председательствовал в Думе еврей. Нет, надо непременно в Москве.

12 июля. Среда. Либеральная часть общества, та, которая отстаивает принцип свободы, индивидуализм, собственность, осталась у нас в меньшинстве. Что ж делать! Приходится лояльно подчиняться правящему большинству – пусть правят, проводя свои принципы на благо России. Мешать, фактически, это либеральное общество социалистам не будет. Им открыта широкая дорога. Единственный случай во всей Европейской истории. Итак, в добрый час! С отделением от нас Финляндии, Польши, Литвы и Украйны и, может быть, с широкой автономией Остзейских провинций немцы добились осуществления своего плана: создать между собою и Россией группу мелких государств – буферов, всецело от них зависимых, а конечно, и Финляндия, и Польша, и даже Украйна будут в их руках – Украйна в австрийских. Неужели таково будет начало наших социалистов во внешней политике?

Катастрофа под Тарнополем получила большие размеры, чем казалось. Фронт прорван на 120 верст шириною. Пришлось очистить не только Тарнополь, но и недавно завоеванный

Галич. В руки неприятеля досталась громадная добыча из всяких запасов, до 600 вагонов, санитарные поезда и т. д. Все наше продовольствие сосредоточено теперь на фронте, оттого мы и голодаем – и вот все это без выстрела отдается немцам. Доблестно сдавались в плен целые полки с красными знаменами, на которых было написано: «Смерть буржуям», «Земля и воля», «Долой войну» и т. д., т. е. то же, что и в Петрограде 3 и 4 июля. Что, если по всему фронту так будет?

Председатель Московской думы иудей Минор произнес наглую и пошлую речь о стоне и слезах народа, ведущего войну из-за капиталистов и империалистов, о голодании и нищете деревни (!!) и пр. Тяжко. День пасмурный. Тучи и утром дождь. Северный ветер. Благодаря этому я много работал.

13 июля. Четверг. Ясный, но очень холодный день и прозрачный по-осеннему воздух. Я усердно работал над биографией. После обеда принесены были газеты. Катастрофа наша разрастается, так как паника и, главное, неповиновение охватывает и северные фронты. Напечатана телеграмма военному министру генерала Корнилова, главнокомандующего Юго-Западным фронтом, энергичная, грозная, твердая[171]. Впервые заговорили и вспомнили о России. Корнилов требует введения суровой прежней дисциплины с наказанием смертной казнью за измену и предательство на войне и высказывает упреки Временному правительству за излишнюю кротость, за допущение пропаганды в армии, за разные митинги. Вот к чему привело «самоуправление армии», введенное г. Керенским. Последний взялся за ум и согласился на меры Корнилова[172]. Положение безнадежное; слишком поздно это оздоровление приходит. Все же у меня в глубине души теплится луч надежды на воскрешение армии. Неужели же нам после трех лет войны жить лет полтораста под немецким игом? Луч, правда, слабый. Московская городская дума начала свою будничную работу с предложения большевика Скворцова отобрать в пользу города доходы и владения у московских церквей и монастырей. Какие такие доходы у церквей; многие ли их имеют? В большинстве случаев их едва хватает на содержание церкви и причта. Блестящее начало: в первое заседание выбрать председателем жида, во втором предложить меру, которая поведет к закрытию храмов в тебе, Москва Белокаменная, столица православия и сердце России. Выступление это более нагло, чем реально; надо полагать, что провалится. Мануйлов делал откровенный доклад в заседании кадетской партии о причинах ухода кадетов из правительства. Они по всем вопросам были в меньшинстве в этом правительстве непротивления злу и расчленения России.

14 *июля.* Пятница. День очень холодный. Утром + 7°. Довольно много удалось написать из биографии. Много также поработал над рубкой дров. Вечером разговор с о. Аркадием, ходили по дорожке перед дачами. К разговору присоединился проходивший мимо почтенного вида крестьянин, что-то относивший на пристань и затем вернувшийся. Он стоит за «поравнение» земли, но не знает, что такое «социализация», и думает, что это значит «правда на земле». Вот ведь, как эти понятия преломляются в крестьянских головах, а наш собеседник зарекомендовал себя весьма неглупым и начитанным в Святом писании человеком. Он очень восставал против уездных и губернских земств, которые обходятся очень дорого и разоряют крестьян, и проектирует «окружные» земства для округа из 4–5 волостей. Известия в газетах удручающие. Паническое бегство. Опубликован закон о смертной казни и военно-революционных судах (не понимаю, что значит здесь этот эпитет; ведь они все-таки должны действовать по закону)[173]. Министру внутренних дел предоставлено право приостанавливать газеты[174]. Чем же этот порядок отличается от старого?

15 *июля.* Суббота. У меня был почтовый день. Я написал Г. В. Сергиевскому, в Академию, отправил бандероль Фирсову. Ездил в Песочное на почту, где получил письмо от С. К. Богоявленского и 500 р. денег от него же. Эта поездка расстроила мои «утренние занятия»,

так что был отдых от них, за который несколько грызет меня совесть. Стоит все время холод. Приходится согреваться рубкой дров. В газетах с войны безотрадные вести; отступление все продолжается. Об этих печальных делах мы беседовали вечером с заходившим к нам директором Ломжинской гимназии В. Ф. Силиным.

16 *июля.* Воскресенье. Ездили к Щукиным, несмотря на совершенно осеннюю дождливую погоду, и были отменно угощены; были редкости по теперешнему времени: пирог и пирожки из белой пшеничной муки, каких давно не приходилось видеть. У Щукина трое племянников, один офицер и двое нижних чинов. Беседовали о войне и о политике. Пленный австрийский поляк, который нас вез, осуждал нас за упадок дисциплины в армии, за новые правила в армии, позволяющие солдату не отдавать честь офицерам и т. п. И он был прав.

Я дал ему за его труды 2 рубля; он очень расчувствовался и по польскому обычаю поцеловал у меня руку. Мы вернулись около 8 часов. Моросил мелкий осенний дождь, было сыро и темно. Остаток вечера мы провели при лампе, затопив (в середине июля!) печь, что придавало нашему жилищу уют. В «Русских ведомостях» сильные и резкие, и очень основательные статьи против Советов рабочих etc. депутатов и повинующегося им социалистического министерства. Да, повиноваться ему следует, иначе будет полный распад и анархия; но доверять ему нельзя. Повиновение диктуется сознанием долга, а доверие – это чувство веры, не зависящее от нашей воли.

17 *июля.* Понедельник. Социалисты чувствуют, что потерпели крах на войне, и сдаются перед кадетами, прося последних войти в министерство. Кадеты ставят 7 условий, которым нельзя не сочувствовать и, между прочим, удаления из министерства Чернова, с которым они работать не могут[175]. Удалению этого прохвоста, чуть было не развалившего всего нашего землевладения, подобно тому, как Керенский развалил армию, следует очень порадоваться. Я все же никак не ожидал, что социализм обанкротится так скоро, как это случилось. А каковы результаты этого опыта – ужасно сказать. В области юстиции – полное отсутствие безопасности, разбои и грабежи, воровство, какого не видала Россия. Дело начато Керенским, выпустившим каторжников в первые же дни революции, и продолжено его достойным преемником Переверзевым, устремившим всю свою энергию на месть слугам старого порядка и совершенно не заботившимся о его прямой задаче: безопасности страны. Сентиментальничанье этих адвокатов с уголовными элементами привело к невероятному росту преступности, которая стала вызывать самосуды толпы, инстинктивно хватающейся за это последнее средство самосохранения, когда она чувствует, что государственный суд никого не оберегает. В военном деле: декларация прав солдата, уничтожение дисциплины, развал армии, не так еще давно показывавшей чудеса храбрости, даже при отсутствии оружия, как в 1915 г., уход наиболее видных и талантливых вождей и небывалая ужасная катастрофа под Тарнополем, стоившая нам двух армий[176], и только ли двух! Вот к чему привела ваша деятельность, создатели «самоуправления армии». Для постов министров финансов и торговли социалисты так и не могли найти кандидатов. Почта и телеграф распустились так, что «товарищ Церетели» принужден издавать приказ об исполнении обязанностей азбучного содержания, но кто ж его будет слушать![177] О железных дорогах и говорить нечего – тут положение мало изменилось, потому что было и раньше так плохо, что не могло быть хуже. Все же начались угрозы забастовкой, неповиновение начальникам дорог со стороны каких-то «исполнительных комитетов» и т. д. Переговоры с кадетами еще не кончились. Кадеты теперь, разумеется, войдут в министерство властно – да и давно пора власти быть властью. Ленин бежал в Германию[178]. «Товарищи» большевики и меньшевики, заседающие в разных «советах депутатов», его прикрыли, а министерство юстиции во главе с фигурантом Ефремовым было, конечно, бессильно его поймать. Впрочем, и к лучшему. В тюрьме он казался бы мучеником для его приверженцев; на суде присяжных неизвестно, достаточны ли были

бы против него доказательства – а бежав в Германию, он доказал сам, с не оставляющей сомнений убедительностью, что он действовал как немецкий шпион на немецкие средства. Но его приятели продолжают заседать в «советах депутатов» и править Россией. Что же значит устранение одного Ленина, когда остаются еще их десятки! Всегда мне казались уродливыми и отвратительными эти самозваные собрания неизвестных, темных людей, на четверть жидов, на четверть агентов бывшей охранки; а теперь я слышать о них не могу равнодушно. Впрочем, что ж! Россия в начале XVII в. видала единоличных самозванцев, в начале XX в. увидела самозванцев коллективных и столь же темных. За три века мы не исправились. У нас все то же тяготение к самозванщине. День с нависшими тучами. Я много работал.

18 июля. Вторник. Опять много и упорно работал над биографией, принимающей очень обширные размеры, при которых мне ее не кончить. После чая рубил дрова. Мысли о событиях, от коих только и отрываешься за работой, когда начинаешь жить в Голландии в 1697 г. Голова Керенского наполнена была исключительно теорией и доктриной; но, соприкоснувшись с действительностью, он стал поворачивать на государственно-практический путь, и это уже не тот социалист, которым он начал, хотя все-таки выкрики бывают. В прочих головах членов советов рабочих, «батрацких» и прочих депутатов, т. е. в головах той шайки, которая ими руководит, одни узенькие теории, у иных даже простые шаблоны и никакого практического смысла, никакой способности видеть действительность. Просидев много лет в подполье, где они учились по плохоньким переводам с немецких брошюрок, они разучились присматриваться к настоящему миру Божьему и его понимать. Некоторые почитали книжек о Французской революции, например, большевик-писака Мартов (тоже псевдоним, вероятно), и жарят оттуда сравнениями. Прочие кое-что кое о чем слыхали. От кого-то. В общем, такая болтовня, такое все одно и то же, такой бедный запас терминов, что удивляешься, как можно было тянуть с ним четыре месяца. «Им имена суть многи, мой ангел серебристый, они ж и демагоги, они ж и материалисты… Чужим они, о Лада, немногое считают, когда чего им надо, то тащат и хватают» – припоминаются гениальные слова графа А. Толстого[179]. Миня ездил кататься в лодке с гувернером и мальчиками с соседней дачи.

19 *июля.* Среда. Утро за работой до 5-го часа. День ясный и не очень жаркий. После чая мы с Л[изой] ходили на Остров, а оттуда прошли по очень красивой дороге в Алексеевское училище – верстах в 2 от Острова, где купили меду. Училище это – высшее – расположено в двухэтажном здании, которое прежде было барским домом. Ходили мы туда и обратно 4 часа и сделали верст 16.

Наша интеллигенция – всегда была нигилистической: не знала ни веры в Бога, ни патриотизма. У нее не было ни одной из этих двух положительных сил. Теперь она и принуждена расплачиваться за атеизм и космополитизм; она оказалась дряблым, бессильным сбродом, который разлетается от разыгравшейся бури. Эти ее свойства способны разлагать и разрушать, а не создавать что-либо положительное. В 1612 г. нас спасли горячая вера и все же имевшийся запас национального чувства, хотя и тогда верхи общества не прочь были сблизиться с поляками. Теперь что нас спасет? Исполнилось 3 года войны. И какой позор к концу третьего года.

20 *июля.* Четверг. Ильин день. Все утро и до 5-го часа за работой. Вечером беседа с директором Ломжинской гимназии и с нашими соседями. Они передавали новость, что Верховным главнокомандующим вместо Брусилова назначается Корнилов. Итак, за 5 месяцев сменилось 4 верховных главнокомандующих[180]. Корнилов – это последняя надежда. Может быть, как-нибудь ему удастся возродить армию, положить конец всем этим бредням в военном деле и повернуть колесо военного счастья. Честь и слава ему и за то, что он единственный на всю Россию крикнул слово правды. Уже это одно – его большая заслуга. А в Петрограде опять какой-то съезд исполнительных рабочих и солдатских комитетов, на котором опять разные Либеры, Даны, Гоцы и прочая парша твердят о необходимости поддержать

«демократический строй», т. е. иными словами развал армии. Один дурак договорился там до того, что нужно *насильно* притянуть буржуазию к власти[181]. Хорошо будет властвовать тот, кто будет властвовать насильно!

21 *июля.* Пятница. Все утро за работой над биографией. Доведена до 21 октября 1697 г. Выходит очень большое описание заграничного путешествия Петра. Газеты сообщают о заседаниях членов Государственной думы, на которых, в особенности депутатом Масленниковым, солдатские и рабочие советы названы их настоящим именем, т. е. сбродом неизвестно кем выбранных проходимцев, шпионов, темных невежественных людей. О том же говорило еще несколько членов, и очень горячо. Но собирается на эти заседания всего 60–70 человек. Поднимался вопрос, чтобы собралась вся Государственная дума как властный орган. Но есть ли у нее опора? По-видимому, все-таки еще неизбежно столкновение между Думой и этими Советами.

22 *июля.* Суббота. Исключительно хороший, заслуживающий быть отмеченным день, ясный – ни облачка, тихий, не особенно жаркий с какою-то особой прозрачностью воздуха. Вода в Волге как зеркало с ясным отражением противоположного берега. Красота. Л[иза] ездила в Рыбинск. Из газеты, ею привезенной, стало известным, что кадеты не согласились вступить в министерство. Итак, будет министерство только социалистическое. Социализм у нас еще не исчерпал себя до конца; пусть исчерпает, только чего это будет стоить? Но очевидно, что правительственная его неспособность не всем еще ясна. Работал меньше, чем обыкновенно, и как-то вяло: не успел сделать того, что хотелось.

23 *июля.* Воскресенье. День пасмурный, северный ветер и к вечеру дождь. У пристани во время 12-часового парохода я встретил нашего соседа лесопромышленника еврея Городинского из Рыбинска, который развернул при мне только что полученную газету, и мне бросились в глаза зловещие заглавия крупным шрифтом: «Конфликт Временного правительства с Верховным главнокомандующим», «Кризис власти»[182], «Арест Гурко»[183] и пр. и пр. Он прочел мне несколько выдержек. Тяжко! То, что происходит в Петрограде, – это агония социалистического правительства, совершенно бессильного и разваливающегося: подал в отставку и сам глава его Керенский. Собиралось совещание вождей партий в Зимнем дворце – точно консилиум врачей у постели больного[184]. Я никак не думал, все-таки, чтобы наш социализм оказался настолько слаб и беспомощен, каким он теперь явился. На войне крах, пустая казна, полная анархия, отпадение Украины и Финляндии – вот его результаты. Партии сталкиваются, борются, стремятся достигнуть своих партийных целей и стремлений, и нет такой силы, которая бы стояла *над партиями* и хотя бы символизировала только всю Россию в целом и общем. Подумав об этом, многие станут монархистами. То, что она может беспристрастно выситься над партиями и взирать только на государство как единое общее, – есть ценное свойство монархии. Даже президент республики – все же член той или иной партии и невольно клонит в партийную сторону.

Тот же сосед рассказал мне, что он на днях по коммерческим делам ездил в Москву и попал туда в то время, когда шли переговоры с кадетами и членами торгово-промышленной группы. В торгово-промышленном мире – все оживились и были полны надежд, начались и сделки. Затем, когда переговоры постигла неудача, все повесили носы. На пути в Москву он был очевидцем происшествия, характеризующего наше теперешнее анархическое состояние. Он ехал в I классе. Вдруг ночью в вагоне раздался шум и послышалась какаято возня. Оказалось, что в одно купе, откуда только что вышли, оставив там свои вещи, два пассажира в коридор или на станцию, влез матрос-кронштадец, вещи сбросил, сам лег и заперся. Когда пассажиры вернулись и нашли дверь своего купе запертой, они обратились к кондуктору. Кондуктор, отперев дверь, получил от кронштадца грубое заявление, что всякому, кто еще попытается войти, он «расколотит морду». Когда кондуктор привел контролера в сопрово-

ждении солдата с винтовкой, матрос набросился на контролера и исполнил свою угрозу, стал бить его по лицу и разбил в кровь. Солдат, поставив винтовку в уголок коридора (тоже хорошо! зачем же и носить винтовку?), хотел взять матроса руками, но тот оказался сильнее его и в борьбе, которая завязалась, начал одолевать. Кондуктор привел еще двух солдат, и все общими усилиями вытолкали негодяя из купе и из коридора на площадку, а оттуда на всем ходу поезда сбросили из вагона. Одумавшись, все же остановили поезд, подобрали его, с израненной головой и разбитой рукой, вызвали фельдшера, сделали перевязки и повезли в Москву.

24 *июля.* Понедельник. День пасмурный и дождливый. Я много работал. После чая, т. к. от дома отходить было рискованно, гулял долго по любимой береговой дорожке, а мысль работала над текущими событиями. Вечером на пристани, встречали десятичасовой пароход. В газетах о совещании в Зимнем дворце – и кто же в Зимнем дворце: Дан, Либер и пр. и пр. Фигляр [А. Ф. Керенский] ломал комедию, выходил часа на три в отставку, потом по челобитью всех вновь взял бразды правления. То ли не Борис Годунов. Генералами-главнокомандующими швыряют хуже, чем пешками, и даже верховным. Брусилова прогнали, не предупредив его даже. Гурко посажен под арест – его легко поймали и нашли. Но с обратной стороны иное. Троцкий и Луначарский выступали в исполнительном комитете и т. д., но когда в тот же день прокурор издал приказ об их аресте – то их нигде не могут разыскать[185]. Это жалкая комедия, а не судебная власть.

25 *июля.* Вторник. Не выходит из головы генерал Брусилов и оскорбление, ему нанесенное. Должно же Временное правительство объяснить стране мотивы своего непонятного поступка! Неужели это борьба с «контрреволюцией» направо? Тогда не много останется генералов, а сколько и теперь имен первой величины не у дел? Какой же генерал может терпеть развал дисциплины в армии и не осуждать его? Брусилов прямо и откровенно называет сделанное с армией: и пропаганду, и «самоуправление» – ошибкой правительства, и разве это не так?

Дивный, теплый, ясный день при легком ветерке с юговостока, из теплых пустынь Средней Азии. Сегодня пришлось испытать неприятное происшествие. Миня утром, не желая учиться – он понемногу занимается с Л[изой], – где-то спрятался с соседским мальчиком Колей, и не откликался на все свистки, и не появлялся вплоть до обеда. Во время обеда они с Колей вбежали в столовую в масках из листьев с палками, изображая не то экспроприаторов, не то еще кого-то. Мы встретили эту выходку молча. Коля сконфуженно удалился, а Миню пришлось весь день держать под арестом дома. Арест заключался в том, что ему запрещено было выходить из дома гулять. Кажется, это подействовало.

Я ходил в Алексеевское отдать тамошнему учителю посуду, в которой он нам отпустил мед. Ходил туда и обратно, нигде не отдыхал, ровно 3 часа; значит, сделал верст 12–15.

Партия с [оциалистов] – р [еволюционеров] возникла в 70-х гг. вскоре после освобождения крестьян. Когда вся земля была в руках помещиков, а очень много крестьян находились еще во временнообязанном состоянии и вообще еще и вышедшие на волю были в большой зависимости от помещиков, имел смысл лозунг партии на ее знамени: «Земля и Воля». Но теперь, когда громадный % земель находится в руках крестьян, аза помещиками остается всего 35 миллионов десятин (что-то на 200 м[иллионов] дес[ятин] крестьянских) и когда крестьянство с отменой круговой поруки стало совершенно свободным – какой смысл имеет помахивание старой изветшавшей тряпочкой с полинялыми словами «Земля и Воля», которые, однако, дразнят аппетиты несбыточными надеждами и обещаниями, которые нельзя осуществить? Ибо что можно сделать с этими 35 миллионами] десятин? Разве хватит хоть по $^1/_{10}$ дес[ятины] на нуждающуюся в земле душу, если их разделить? Ведь никто не рассчитывает на дар чуда, при котором 5-ю хлебами можно было насытить 5 000 человек? А между тем, какое разорение культурно-хозяйственных центров повлечет за собой отобрание

помещичьих земель! Какое оскудение в скоте, молочных продуктах, хороших семенах и пр.! И какое подлое шарлатанство выступать теперь с девизами 70-х годов, которые уже выдохлись!

26 июля. Среда. День ясный и жаркий. В середине дня за чаем сильный внезапный дождь с небольшою грозою, и потом опять светло и ясно. Я очень много работал, так как вчерашней прогулки для меня оказалось достаточно и на сегодняшний день, и не хотелось двигаться.

Вечером газеты и беседа с директором Ломжинской гимназии, с которым прохаживались по еловой аллее как наиболее сухому месту. Их гимназию переводят не то во Владивосток, не то в Иркутск. У нас есть правительство и верховный главнокомандующий. В правительство вошли кадеты – второго сорта, один Кокошкин из перворазрядных. Трое – между прочим, обер-прокурор Карташев – из сотрудников «Русского слова», также и Бернацкий – управляющий министерством финансов[186]. Его статьи мне очень нравились и казались дельными.

27 июля. Четверг. Один из превосходнейших ясных и теплых дней, красящих все лето. Утром я ездил на почту в Песочное за деньгами, которые здесь плывут со скоростью, превосходящею скорость течения Волги. Для работы утро пропало. Хотел позаняться после обеда, но пришла соседка М. Л. Климина с предложением ехать на лодке на Остров за медом. Так как Л [иза] не могла ехать: Миню нельзя было покинуть из-за расстроенного желудка, а огорчать отказом соседей было жаль, то я отправился, в чем и не раскаиваюсь. Нас поплыла большая компания: хозяин лодки – ревизор Самолетского общества В. А. Кабанов – гроза самолетских капитанов с женой и дочерью, М. Л. Климина с двумя сыновьями и маленькой девочкой, внучкой батюшки, и я. Впрочем, в обширной лодке ревизора уместилось бы еще столько же народу. Мы плыли на 6 веслах, любуясь ширью Волги, красотой берегов и небом с маленькими, легкими облачками. Все было залито солнцем. Жаль, что Миня не мог поехать с нами и, в особенности, с ревизором, который является для него героем и идеалом. Бедный мальчик наблюдал наши приготовления к отплытию издали, прячась за кустами ивняка, сквозь которые мелькала синяя рубашечка и грустное его личико. Мне было его очень жаль. Ближе он подойти не решался, потому что сегодня над ним стряслась новая беда. Они с Колей в шалаше из ветвей на берегу, который они сплели, насушили какой-то травы и делали опыты курения. И мы с братом в таком же возрасте занимались тем же! Но Л[иза] почему-то страшно расстроилась. Миня был сконфужен и потому и не решался подойти ближе к нам.

На Острове мы пили чай в лавке, на воздухе, любуясь видом, а затем были в стоящем на горе новеньком, чистом, светлом и замечательно уютном домике местного батюшки, где Кабановы покупали у матушки мед. Из окон домика, а в особенности с терраски, открывается роскошнейший, необъятный вид на Волгу и на Заволжье – глаз не оторвешь. Комнатки с чистыми полами, «дорожками» по ним и цветами у окон напомнили мне квартиру Ключевского. Мы пробыли на Острове до 7 часов, а затем, усердно работая веслами, отправились вверх по течению домой и плыли ровно час. Я получил большое удовольствие от этой прогулки, изрядно поработал в оба конца веслами – и чувствовал себя отлично. Кабанов рассказывал о безобразиях, которые производятся солдатами на пароходах нижнего плеса.

В «Русских ведомостях» статья о безвыходном положении вследствие того, что партии, раздирающиеся враждой, столкнулись, ни одна не хочет уступить «и нет верховного арбитра, который мог бы разрешить это столкновение, гибельное для России». Что же это, как не воззвание почтенной газеты к монархии. Опыт пережитого выясняет мне с большою убедительностью два заключения. 1) Монархия в России не доделала своего, может быть, жестокого и неблагодарного, но необходимого дела, которое было доделано ею ко времени революции во Франции. Она не закончила еще слияния частей России в одно национальное целое. Части эти только и держались монархом, а когда его не стало – они начали раз-

валиваться. Монархия объединяла их, нередко прибегая и к принудительным, насильственным мерам, и весь odium[50] за них падал на нее. Но это дело необходимости, если мы не хотим развалиться. 2) Русский народ не приобрел еще такого характера, выдержки и развития, чтобы те партии, на какие он теперь распадается во взаимной своей борьбе, могли обойтись без «верховного арбитра», голос которого был бы уже окончательным и безапелляционным. Может быть, во Франции и Америке это можно. Но у нас, как показывает опыт, гибельно, и жизнь сама приведет нас к тому, к чему она всегда приводила при раздорах партий: или к тирании, если в народе есть спасительное чувство самосохранения, или к такой же политической гибели, какую испытала Польша. Из абсолютной монархии прямо в «демократическую республику» не прыгают.

28 *июля.* Пятница. Кроме утренней прогулки в парке, я не выходил из дома и много написал. У нас была за чаем жена директора Ломжинской гимназии. Их судьба, куда они отправятся, все еще не решена. Для меня большая отрада, что я, работая, живу в 1697 г. в Голландии и таким образом хоть на несколько часов в день могу покидать русскую действительность XX века с ее «товарищами», «эсерами», «линиями поведения» и всем этим прочим словесным навозом и с ее небывалым позором.

29 *июля.* Суббота. Л[иза] уезжала рано утром в 5 час. в Рыбинск, как она это обыкновенно делает здесь по субботам, и вернулась в 12 не только с мясом и зеленью, но и с мешком ржаной муки. Все же насколько жизнь здесь в отношении продовольствия обставлена лучше, чем в Москве! Есть, по крайней мере, все основное необходимое, и даже мясо. Все страшно дорого, но имеется, и не надо прислуге стоять в очередях, как в Москве. Но дороговизна прямо ужасающая. То, что стоило раньше 15 коп., стоит теперь 1 р. 15, и все в той же пропорции. У нас уже не рубль, а что-то меньше франка. Мне удалось много поработать. Сегодня подходил к нашей даче нищий. Я вынес ему пятак, но стал делать замечание, что теперь заработать можно и т. д. Но он мне возразил: «Плохя! Плох! Мне денег не нужно!» – и взглянул на меня такими ясными, кроткими и умными глазами, что мне стало совестно. Сколько раз давал себе слово таких замечаний просящим не делать. Рожь уже сжата. На березах кое-где появляются желтые, золотые ветки. «Помни, скоро лист желтеет, быстро твой проходит май!»

30 *июля.* Воскресенье. Засидевшись в течение недели, я сделал утром трехчасовую прогулку по обычному и любимому своему кругу: Глинино – Панино – Остров – и берегом Волги домой. К нам перед отъездом в Москву заходила Т. В. Щукина, и мы ее проводили на пароход. Весь остальной день я предавался отдыху – занятие довольно скучное. Тем более что пошел мелкий дождь. Вечером на пристани беседовали с соседом по даче – евреем о дороговизне и падении денег и с гувернером-латышом о красоте его родного города Риги, о которой и у меня наилучшие воспоминания.

31 *июля.* Понедельник. Отдохнув после вчерашней усиленной маршировки, я с особенной энергией работал над биографией, тем более что и утро было пасмурное, располагающее к работе. После чая, когда выглянуло солнце и стало ясно, катались с Миней на лодке. Письмо от С. К. Богоявленского.

1 августа. Вторник. Ночью, часу в первом, я слышал вдалеке два выстрела, показавшиеся мне револьверными, но затем наступила тишина, и не было никакой тревоги. Оказалось, что эта стрельба была в соседней деревне Позделинском, где находится дом волостного правления. Ночью шайкой бандитов, вероятно, большевиков, было сделано покушение унести хранящийся в правлении сундук с деньгами, где находилось в это время тысяч 20 денег. Разбойники связали сторожа-старика и выволокли тяжелый несгораемый сундук, прикованный к какому-то бревну. Но, заслышав голоса идущих людей, бежали, оставив на месте несколько

[50] Ненависть, предмет нарекания *(лат.).*

шляп (были в шляпах). Все это мы узнали сегодня после обедни в крестном ходу на реку. Известие не из приятных. Так как никаких властей теперь нигде нет, то никто и не преследует разбойников, и не ищет их. С 1 марта сколько было громких вооруженных нападений и экспроприаций, виновники которых даже бывали пойманы; однако до сих пор не было еще ни одного судебного процесса по этим делам. Где же суд в России? При старом порядке хоть суд, по крайней мере, у нас был порядочный. Удивительно ли, что толпа прибегает теперь к самосуду, случаи которого происходят постоянно.

Превосходный, удивительно ясный и свежий по-осеннему день. Мы катались с Миней на лодке, и я – с большим удовольствием. Порядочно удалось и поработать.

2 августа. Среда. Я стал заниматься с Миней арифметикой, так как уроки его с Л[изой] приводили к постоянным стычкам между ними. Я всегда говорил, что мать не всегда может обучать своего ребенка, хотя бы была по отношению к другим детям прекрасной учительницей. Обе стороны слишком взаимно близки, пристрастны и потому раздражительны. Итак, я обучаю его сложению и вычитанию в пределах десятков. Первый урок прошел отлично. О происшествии в Позделинском самые различные версии – вот и устанавливайте исторические факты по рассказам свидетелей. Позделинский крестьянин Бабкин, чинивший нам лодку, говорил мне, что видел 7 человек, из которых одни были в шляпах-котелках, другие в соломенных картузах. Он, заслышав их голоса и шум, выглянул в окно, увидал в доме правления свет и выстрелил дважды из берданки. Другие говорят, что это сами воры отстреливались. Бабкин говорил, что они убежали в лес; по другой версии, один из них свалился в овраг и т. д. Больших трудов стоило мне расспросить этого очевидца Бабкина о происшествии: он все сбивался на разные вводные, побочные рассказы. И это не в нем одном. То же и у матроса на пристани Ивана Ивановича Монахова – все какие-то околесицы. Русский человек не привык ходить прямою шоссейного дорогою, за ее неимением, а все пробирается окольными проселками; оттого и не скажет никогда ничего прямо. Вот почему с иностранцем иметь дело легче, чем с соотечественником. Работал умеренно благодаря великолепному, ясному, тихому и свежему дню. Хотелось побыть побольше на воздухе и на солнце. Таких дней немного. По предложению В. А. Кабанова мы плавали опять на Остров большою компанией на его двух шлюпках. Вернулись уже в 10-м часу. Газета отравила по обыкновению. Из Румынии нас гонят, а стало быть пропадает и Румыния, как Сербия и Бельгия[187]. Зачем-то понадобилось переводить царскую семью – в Тобольск![188] Ведь это лишнее издевательство в угоду разным советам! Потеряв веру в икону, недостаточно снять ее из переднего угла, но надо еще надругаться над нею! Вот они, дикари! Почему же Иаков II, Карл X, Людовик Филипп, да и теперь греческий король Константин могли уехать за границу и жить себе там – но это в цивилизованных странах. Наши верховоды играют теперь во французскую революцию XVIII в., о которой они кое-что почитали. Но народ наш еще не французы XVIII в., а немцы эпохи Реформации XVI столетия, когда, переставая верить в иконы и мощи, выволакивали их из церквей и всячески надругались над ними.

3 *августа.* Четверг. Утром занятия с Миней и биография. После обеда мы с Миней ездили в Рыбинск и оказались попутчиками Кабановым. Ревизор отвел Миню на капитанскую рубку, на которой он и находился все время. В Рыбинске на пристанях и на набережной масса поражающих грязным и неряшливым видом оборванцев-солдат, в защитных рубахах без погон, стоят без дела и грызут подсолнухи, необыкновенно тупо смотря на окружающее. Иные предлагают услуги по переноске тяжестей. И эта рвань – наша армия! Куда же ей сражаться с обученными и вымуштрованными немцами? Это тунеядцы, бездельничающие по целым дням, на которых жалко смотреть, и это, впрочем, также избиратели на городских выборах в Рыбинскую думу, предстоящих 6 августа. Я думаю, что даже турецкая армия теперь более обучена, занята и более военного вида, чем этот паскудный сброд. И пять месяцев только назад еще можно было гордиться нашим войском!

4 *августа.* Пятница. Стоит все время великолепная ясная погода. Утром занимались с Миней, затем своя работа. После обеда я стал чувствовать лом во всем теле. Чтобы размяться, я прошелся до Болонова и обратно, причем имел интересную встречу: шли несколько рабочих с завода Теляковского, мужчин и женщин; одна из последних заметила по моему адресу: «Нарядный какой, ходит один, не боится». Я спросил: «Чего же бояться?» Они все ответили: «Нынче выходили из лесу пять воров, напугали нашего пастуха». На мой вопрос, кто же это такие, они ответили: «Беглые мужики». Воровство и грабежи вокруг повсеместные. И наша дачная колония в тревоге проводит каждую ночь, ожидая посещения.

Вернувшись с прогулки, я почувствовал жар и лег в постель в лихорадке. Второй раз за лето! Плохо! Прочел в «Русских ведомостях» статью о денежном обращении, в которой доказывается, что денежное обращение после революции стало много хуже, чем было при старом порядке. За два первые года войны выпущено бумажек на 6 миллиардов, а новое правительство за 5 последних месяцев уже выпустило их на 6 миллиардов. День войны при старом порядке стоил 15 милл[ионов] рублей, теперь он стоит 70–75 миллионов руб. «Русские ведомости» остроумно указывают причину такого увеличения: страшное повышение заработной платы рабочим, работающим на казну, причем бумажки застревают у них в руках, не обращаясь в % бумаги, как это делают капиталисты с получаемыми прибылями. Оттого и создается потребность все в новых и в новых кредитных билетах.

Итак, денежное обращение – хуже, продовольственное дело – хуже, о военном деле – и говорить нечего, суда и полиции совсем нет. Что же стало лучше после переворота? Свобода? Но министры получают право закрывать газеты, запрещать съезды и собрания, и, наконец, министр юстиции Зарудный (какое имя! и кадет[189]) вносит законопроект о предоставлении двум министрам – внутренних дел и юстиции – по соглашению без суда арестовывать в административном порядке и *ссылать* в определенные местности лиц, действующих контрреволюционно или опасных для революции![190] Где же эти свободы, что от них остается и чем все это отличается от старого порядка?

5 *августа.* Суббота. У меня повышенная температура. Я чувствовал слабость и потому мало работал. Сидел на солнце в кресле и читал Диккенса. Расставаться с жизнью при нормальной температуре, может быть, и жаль, но при повышенной – довольно безразлично. Смерть при тяжелой болезни, думается, и совсем не страшна.

6 *августа.* Воскресенье. Утром я уже чувствовал себя здоровым. Был в церкви или, вернее, у церкви, так как внутри было душно от большого числа богомольцев. Здесь 6-го августа совершается невиданный мною обряд крестного хода вокруг церкви с молебнами на каждой из четырех сторон. Л[иза] уехала в Рыбинск «посмотреть» на выборы в городскую думу. Объекты женского любопытства меняются, но существо его остается тем же; прежде ходили «посмотреть» на чужую свадьбу, теперь мода на политику, значит, надо смотреть на выборы. Мы оставались с Миней, и мне удалось много поработать. Вечером мы катались в лодке с M-le и M-lle Кабановыми. Л[иза] вернулась в $12^1/_2$ благодаря опозданию парохода. Стоило ездить!

7 *августа.* Понедельник. Все время стоит на редкость хорошая, ясная и теплая погода. Утром мы занимались с Миней. Я работал затем до 6 час. вечера, и после того мы катались с ним на лодке в Лучинское; вернулись в 9-м часу. Не глядеть бы лучше в газеты! Петроградский главнокомандующий ген. Васильковский подал в отставку[191] – это уже и не запомнишь, который по счету главнокомандующий Петроградским округом уходит из-за конфликта с Советом солдатских и рабочих депутатов, в котором имеется секция, руководящая военными делами, подобно тому, как там есть секция дипломатическая и т. д. Словом, это особый параллельный государственный механизм. Отрекшегося государя везут в Тобольск, в чем я вижу исключительно издевательство над ним. Я было надеялся, что поезд направится

в Архангельск, затем на корабль и в Англию. Эх, совершенно еще мы варварская страна, на каждом шагу в этом убеждаешься. Фигляр К[еренский] кричит о равенстве и братстве, когда вокруг все хватают друг друга за горло и душат. Смешной и жалкий фигурант.

8 *августа.* Вторник. Утром занятия с Миней таблицей умножения, а затем своя довольно усердная работа. После обеда я опять стал замечать нездоровье, и, действительно, у меня опять оказалась повышенная температура, что не мешало мне усердно работать. Не малярия ли у меня начинается – с этим нельзя себя поздравить. Дамы на соседней даче с наступлением вечера начинают нервничать, испытывая страх перед нападением грабителей, и плохо спят ночи. Слухи о грабежах идут отовсюду из округи. Но и в Москве, войдя в магазин, кафе, банк, можно попасть в момент нападения экспроприаторов. Опасность одинаковая. Вот она, анархия, в ее чистом виде под управлением гг. социалистов! Наша юстиция, какая еще есть, сильно хромает влево. Генерал Гурко, против которого прокурор не нашел никаких обвинений, сидит все еще в крепости, а большевики один за другим выпускаются из заключения![192] Продолжает стоять великолепная погода, на солнце знойно, Волга тихая и спокойная как зеркало. Деревья уже сверкают желтым листом.

9 *августа.* Среда. Время до чаю за работой. После чаю предприняли далекую прогулку, целое путешествие по окрестным деревням в поисках масла, которого очень мало, и продается оно теперь по 4 р. 50 к. вместо прошлогодних 80 коп. И все так. Ужасное бедствие надвигается для городских жителей, в особенности для больших городов! Вернулись домой уже около 9 часов.

10 *августа.* Четверг. Продолжает стоять великолепная ясная погода. Вечером, однако, тучи и гроза. Был на почте в Песочном, отправил письмо Д. Н. Егорову. День за работой. Вечер на пристани в обществе В. А. Кабанова и соседей. В Москве совещание «общественных деятелей» под председательством Родзянко, на котором замечательную речь о причинах развала армии сказал генерал Алексеев, бывший Верховный главнокомандующий, и подтвердил то же Брусилов. На собрании был и Юденич – словом, цвет наших генералов, остающихся не у дел из-за этих фантазеров-социалистов.

11 *августа.* Пятница. День с утра дождливый, и поэтому работа моя вдвое интенсивнее. Осталось немного, чтобы вчерне закончить 1697-й год, очень растянувшийся у меня. К 6 час. вечера я кончил работать, порядком устав. Получил очень трогательное письмо от одного из студентов, с 1915 года находящегося на фронте и уже теперь поручика, с выражением сочувствия по поводу весенней истории. Почемуто он скрыл только свое имя. Получил также – с опозданием – приглашение на совещание общественных деятелей 8 августа – о нем в газетах. Замечательную речь произнес генерал Алексеев. Она еще не приведена целиком, т. к. он ее повторит в большом совещании.

12 *августа.* Суббота. Опять ясная превосходнейшая погода. Я много работал и закончил вчерне 1697-й год. Вечер провели в обществе соседей за политическими разговорами. Мы очень сходимся во взглядах, и с кем ни поговоришь, все говорят одно и тоже: беспорядок, разнузданность, анархия, отсутствие безопасности и т. д. и т. д. И все-таки, как мы еще бессильны. Только-только что буржуазный класс начинает как будто приходить в себя и поднимать голос.

13 *августа.* Воскресенье. День полнейшего отдыха, т. к. я чувствовал большую усталость, и работа над биографией шла как-то вяло. Погода продолжает быть превосходнейшей. У нас пила чай семья Ломжинского директора, переселяющегося во Владивосток, и разговоры об этом крае.

14 *августа.* Понедельник. Утро за работой до чая. Затем ходили в Лучинское за картофелем – насколько здесь жизнь легче, чем в Москве. Главные предметы продовольствия здесь можно достать без препятствий, заплатив, конечно, втрое-впятеро дороже, чем прежде, но все-таки все можно достать, тогда как в Москве не достанешь ни за какие деньги.

Газеты принесли известие о первом дне Московского совещания: речи, речи и речи, а в речах слова, слова и слова[193]. Керенский поносил старую власть, сваливая на нее все происходящие безобразия, выкрикивал много важных и торжественных слов: верховная власть, государственная мощь, сам он – верховный глава верховной власти, Временное правительство будет действовать железом и т. д. Он начинает, наконец, понимать, что такое государство и что правительство – не ученое собрание, воодушевленное идеей непротивления злу. Но ведь все это слова! Все только и твердят о необходимости власти, ее прямо жаждут, как воды в пустыне. Но где же она? Слова – громкие и высокие – а все мы видим, что у правительства все что угодно есть, кроме только власти. Кто же его слушается? Армия, которая бежит? Рабочие, которые не работают? Украинская рада, которая созывает украинское учредительное собрание? Финляндия, собирающая распущенный Сейм? Плательщики налогов, не платящие их? И Москва забастовкой трамваев, трактиров и других заведений в знак протеста против совещания показала, каким авторитетом пользуется в ее глазах верховная власть Временного правительства. Министр финансов [Н. В. Некрасов] приводил цифры, но цифры потрясающие. Он сказал, что ни одно царское правительство не было столь расточительным, как революционное. Содержание «продовольственных комитетов» обходится казне в 500 милл[ионов] в год; содержание земельных комитетов в 140 милл[ионов]. На пайки семьям запасных испрашивается 11 миллиардов. Бумажек старое правительство печатало меньше 200 милл [ионов] в месяц, временное по 800 милл [ионов]. Недоимочность доходит до 43 %. Хуже нельзя себе ничего представить. Дорого обошлась России свобода, и при такой дороговизне по карману ли она нам?

15 *августа.* Вторник. Прогулка утром по направлению к Мартюнину; любовался желтеющими берегами. Весь день затем по случаю большого праздника предавался отдыху и любованию природой. Есть что-то осенне-прелестное в ней в эти ясные, но уже все более короткие дни. Речь Керенского в Государственном совещании произвела на меня впечатление танца, исполненного канатным плясуном, жонглировавшим в то же время высокими государственными понятиями. Где же были ваши дела за 5 месяцев? Была ли у вас хоть капля той власти, о которой вы говорите, когда вы ходили на задних лапках перед Советом рабочих и разных других депутатов?

16 *августа.* Среда. Утром занятия с Миней, а затем за своей работой до 5 час. вечера, и удалось немало сделать. Катались с Миней на лодке; я прямо упиваюсь красотой Волги в тихие, ясные вечера. Заходили к соседу А. И. Климину, получившему газету, и он прочел вслух речи Корнилова и Каледина на Государственном совещании[194]. Обе очень сильно и решительно сказаны; особенно последняя, возбудившая целую бурю в совещании. В Москве, кажется, стало несколько крупных фабрик, в том числе и Прохоровская, так что, оказывается, уже много безработных. На безработице и вернется к нам монархия, когда эти голодные и измученные люди потребуют от своих вождей, как евреи от Моисея, чтобы вели их назад в Египет, где они были в рабстве, но ели лук и чеснок.

17 *августа.* Четверг. В так называемом Государственном совещании все тоскуют, можно сказать, стонут по власти, все взывают к власти сильной, внепартийной, неответственной перед партиями и независимой от них, одинаковой и равной для всех партий – а что ж это такое за власть, как не монархическая? Каким образом партии могут создать внепартийную и над партиями стоящую власть? Самое большее, что могут создать партии, – это власть, основанную на соглашении, на коалиции; а может ли быть соглашение прочно и длительно, это зависит от взаимоотношения партий. Власть надпартийная и явиться должна не из партий. Он может быть Божиею милостию или Божиею милостию и волею народа, но стихийною волею всего народа, а не искусственных и мелких, прямо микроскопических групп, каковы у нас партии. Государственное совещание показывает, что взаимоотношение наших озлобленных и раздраженных партий таково, что ни о каком прочном и длительном

соглашении между ними не может быть и речи. Мне яснее становится теперь, что мы именно вследствие этого раздора идем к монархии.

День прошел обычно в работе и среди природы.

18 *августа.* Пятница. Утро пасмурное, но затем с полудня день опять ясный. Я ездил в Песочное по денежным делам, а после обеда прилежнейшим образом предавался работе. После чая гуляли с Л [изой] и дошли до беседки на обрыве в имении Теляковского. Второй день не получаем газет и не знаем, «объединились ли все живые силы страны», состоялось ли «спасение революции, а кстати и страны»[195], продолжает ли отечество стоять «на краю гибели» и т. д. Какая масса запошленных выражений наполняет теперь газетные столбцы и как быстро благодаря усиленной всеобщей болтовне испошливается всякое новое выражение! Вечер теплый, тихий и лунный. На реке серебристый отблеск в переливах воды. Слышны были звуки какого-то струнного инструмента с далекой лодки. Поэзия!

19 *августа.* Суббота. Занимался с Миней. Затем усердно работал сам до 6-го часа. После плавали с Миней и с Таней [Силиной], дочкой директора Ломжинской гимназии, в лодке. Гуляли с директором, рассуждая о церковном соборе. Вечером принесены газеты – мерзость.

20 *августа.* Воскресенье. Утром большая прогулка по моему излюбленному кругу – деревни Глинино, Панино, Остров и берегом домой. Был застигнут дождем, впрочем, небольшим. Заходил в церковь на Острове, застал самый конец обедни и проповедь тамошнего священника. Когда он начал говорить, я ожидал, что, как это обычно происходит, часть народа – а церковь была полна – устремится домой, – но этого, к удивлению, не было. Все остались. Говорил он просто, образно, ясно и очень коротко. Начал с предания о двух владельцах земли, судившихся перед царем Давидом о принадлежности клада, найденного в земле, и перешел к обещаниям партий разделить чужую землю без выкупа. И тема для деревни самая подходящая, и манера проповедовать. После такой продолжительной ходьбы я затем уже оставался дома и перечитал газеты с речами на Государственном совещании. Совещание в театре с выступлением «группы русской истории», по выражению Керенского, которую составили «бабушка» и 2 «дедушки» русской революции, стало граничить с балаганом[196]. Все эти выступления напомнили мне Вальпургиеву ночь в «Фаусте».

21 *августа.* Понедельник. Окончил начисто 1697-й год в жизни Петра Великого. После чая катался на лодке с Миней и Таней [Силиной], а затем от А. И. Климина мы узнали зловещую новость о взятии Риги немцами. Как говорил Корнилов, открыта дорога к Петрограду, а без Петрограда, где все заводы, едва ли мы можем вести войну. В самом тяжелом состоянии духа мы беседовали с А. И. Климиным, двигаясь по береговой дорожке. Это состояние было несколько рассеяно встречей с проживающим здесь на даче молодым и жизнерадостным инженером В. К. Олтаржевским и его женою, с которою мы познакомились во время поездки на Остров под предводительством В. А. Кабанова. Жизнерадостность и бодрость инженера несколько разогнали тучи у меня на душе. Он верно говорил, что положение дела таково, что могло бы быть в сто раз хуже, например артиллеристы, стоящие в Рыбинске могли бы несколькими выстрелами разнести весь Рыбинск, однако все же город благополучно стоит на месте и т. д. Это очень нежная друг к другу красивая пара; на них приятно смотреть.

22 *августа.* Вторник. К нам заходила m-me Н. И. Олтаржевская; с ней очень легко вести разговор. Мы нашли немало общих знакомых по пансиону Дольник в Крыму, где она, оказывается, жила еще до замужества, весной 1914 г. одновременно с нами. Началась к вечеру плохая погода. Мы провожали о. Аркадия с братом, уезжавших в Москву. Приехали мать и дочь Кабановы. Мы, как птицы к осени, сомкнулись в стаю и всем обществом ходили на пристань к вечернему пароходу.

23 *августа.* Среда. Л[иза] с Миней собирались поехать в Рыбинск, но полил сильнейший дождь, и они остались. Развлеченный мыслью о поездке, М[иня] учился рассеянно. Я

перешел к новому отделу биографии Петра – к поездке его в Англию[197] – и работал усердно. После чая, встретив Н. И. Олтаржевскую, к которой мы шли было с ответным визитом, мы с ней гуляли по береговой дорожке, затем были все же у нее. После ужина с Кабановыми и Климиными встречали пароход. Газет не получали и благодаря этому были спокойнее. Несмотря на тяжелые времена, шутили и смеялись. Жизнь берет свое. Так трава пробивается через самым тщательным образом уложенные могильные плиты.

24 *августа.* Четверг. Утром занятия с Миней. Затем они с Л[изой] уехали в город на пароходе «Пчелка». Часов около двух начался сильнейший ветер и дождь, совсем осенняя холодная погода. Пользуясь уединением и тишиной, я усерднейшим образом изучал пребывание Петра в Англии, бросив работу, когда стало темнеть. К возвращению моих путников, неожиданно застигнутых таким ненастьем, я позаботился о домашнем уюте, затопил печь – дров, мною же нарубленных, здесь сколько угодно из сухих деревьев и ветвей. Встретил их на пристани Кашинского пароходства. Свирепствовал ветер, и лил дождь. У нас на столе, освещенном лампой, дымился суп – да еще куриный, была курица с рисом, шумел, как бы разговаривая, самовар, весело трещало пламя в очень нагревшейся печи. Мы в разговоре отметили эту картину благополучия, потому что в Москве будем голодать и холодать. Газет опять не было – и отлично.

25 *августа.* Пятница. Весь день пасмурная, дождливая погода. У нас начались приготовления к отъезду. Утром я занимался с Миней, затем до чаю вел свою работу. Вечером у нас были соседи по даче: Климины и о. Аркадий, только что вернувшийся из Москвы.

26 *августа.* Суббота. Утром я ездил в Песочное на почту за финансами. Холодно, серо, сильный ветер. Из полученных газет бросилось в глаза известие о паническом бегстве жителей Петрограда. На Николаевском вокзале[198] столпотворение. Но можно ли бежать 3 миллионам жителей! Можно ли эвакуировать такой город. Неужели сдаваться? А развязка кажется близкой. Уехали наши новые знакомые Олтаржевские, и мы остаемся только с ближайшими соседями. После обеда выглянуло осеннее солнышко. Мы с Л[изой] гуляли до чая, а после чая с Л[изой] и М[иней] ходили за грибами. Заходили в церковь ко всенощной, и были в церкви сначала только мы, а затем пришли Климины. Есть своеобразная поэзия в сельской церкви за вечерней службой «Свету Тихому»[199]. В связи с переживаемым врезался мне особенно стих псалма: «Не до конца прогневается»[200]. Господи, не прогневайся на нас до конца! На Россию.

27 *августа.* Воскресенье. На прощанье с Шашковым был дивный, ясный, осенний день. Я сделал утром прогулку по направлению к Мартюнину, а затем зашел к обедне, где увидел достопочтенного Ломжинского директора В. Ф. Силина, с которым и отправились домой вместе, беседуя о неопределенной судьбе их гимназии, переводимой во Владивосток, но все еще не получающей окончательных распоряжений от министерства. Директор крайне тяготится этим неопределенным положением. В нашей еловой аллее мы встретили идущих на пароход соседей наших о. Аркадия и Н. С. Вознесенских, уезжавших совсем уже сегодня, и проводили их. Они уехали на временное житье в Романов-Борисоглебск[201] к дочери, также в ожидании перевода во Владивосток. Вскоре после их отъезда мы провожали также Климиных, уезжавших в Рыбинск. Мы остались в Шашкове одни, самые последние. Гуляли по любимой дорожке по берегу, прощаясь с волжскими видами. Вечером был у нас В. Ф. Силин с семьею с прощальным визитом, и принесли нам в дар несколько фунтов белой муки – редкость и роскошь по теперешним временам. Вечер прошел у нас в укладке вещей.

28 августа. Понедельник. Утром – сборы в путь. Мы отправились с 12-часовым пароходом на Романов. В начале 12-го мы уже были на пристани в ожидании парохода, как случился эпизод, несколько изменивший план нашего путешествия: с пристани из корзинки удрал кот Васька и бежал в прибрежные кусты. Все попытки его найти оказались тщетны,

и прислуге пришлось остаться до 4-часового парохода, чтобы кота захватить, так как жаль было оставлять его на произвол судьбы. Итак, мы тронулись в путь не вчетвером, как предполагалось, а втроем. В Романове нас встретил на пристани о. Аркадий, сообщивший, что для нас имеется лошадь для перевоза нашего имущества на тот берег в Борисоглебск. Он звал нас непременно зайти к себе. Действительно, пристав в Борисоглебске, мы нашли лошадь и очень удобную и поместительную телегу, в которую сложили наш довольно значительный скарб. О. Аркадий нас очень этой услугой выручил, потому что в Романове совсем нет никаких извозчиков, и пришлось бы разыскивать подводу у кого-либо из жителей. Воз с нашими вещами тронулся, а мы последовали за ним. Эта процессия возбудила в тихом Борисоглебске большую сенсацию, как нечто редкостное для его мирных, никуда, очевидно, никогда не выезжающих жителей. Встречные борисоглебцы останавливались и с удивлением на нас смотрели. Один господин подошел к нам и с каким-то тревожным любопытством спросил: «Скажите, пожалуйста, вы из Петрограда бежите?» И когда мы ему разъяснили, в чем дело, он несколько раз повторил: «Спасибо, спасибо за беспокойство!» До станции железной дороги от пристани всего каких-нибудь $1^1/_2$ версты, но дорога довольно тяжелая, потому что надо брать высокую гору, на которой расположен Борисоглебск. Наконец мы достигли станции, т. е. деревянного небольшого домика, в котором не нашли ни души из железнодорожного персонала. Ветка на Борисоглебск открыта недавно: все только что еще устроено. Мало кто о ее существовании знает. Мы и выбрали ее потому, что на ней свободно можно найти место в вагоне прямого сообщения с Москвой. Так как надзора за вещами некому было поручить, то Л [изе] пришлось остаться на станции, человек, оказывается, раб вещей, а мы с Миней отправились на Романовскую сторону к о. Аркадию поблагодарить его за внимание и в последний раз повидаться. Мы переправились на буксирном пароходе, перевозящем паром, выслушивая ругань между фабричной работницей – в Романове большая какая-то фабрика – и крестьянином о том, кто теперь больше страдает, фабричные или крестьяне. Дом, где живет дочь о. Аркадия, неподалеку от перевоза на высоком берегу. Мы были очень радушно встречены и угощены. Светлая уютная квартира с великолепным видом на Волгу и на противоположную сторону, изящно обставлена. На столе – полное изобилие: чай, сахар – пиленый, мед, арбуз, виноград, белый хлеб – это в нынешнее-то время. Дрова в Романове – 28 руб. саж[ень] тогда как в Москве – 100 р. В мирной и дружелюбной беседе с о. Аркадием, его женой и дочерью мы провели с час, а затем, сердечно простившись с ними, поспешили на самолетную пристань встречать нашего беглеца. Кухарка благополучно везла его в корзинке. С ними мы переправились опять на борисоглебскую сторону на станцию, где ждали поезда. День в Романове произвел на меня самое отрадное, успокаивающее действие. Красота города, расположенного на обоих высоких берегах Волги, множество церквей старинной архитектуры, домики, утопающие в зелени садов, и красота из красот Романова – его дивный собор[202] – все это производит чарующее впечатление. Собор заслуживает не меньшего внимания, чем готические соборы в Германии и Франции, чем какой-нибудь duomo[51] в итальянском городе. Как мы хорошо знаем чужие древности и красоты и как мало знаем и плохо ценим свои! На станции пришлось подождать часа два. В ожидании поезда публика располагается со своими чемоданами и корзинами прямо на открытом воздухе, так как никакой платформы нет. Поезд стоит открытый, можно заблаговременно влезать в вагоны и занимать удобные места, что мы и сделали. Предстояло еще препятствие: у нас было множество багажа, а в газетах было уже напечатано распоряжение о сокращении багажа до 5 пудов на человека. Да и заведующий станцией сказал, взглянув на наш багаж, что он «подозрителен», теперь спекулянты провозят в багаже товары. Я ответил ему, что я не спекулянт, а профес-

[51] Собор *(итал.)*.

сор Московского университета, и он стал очень почтителен со мною. Теперь, оказывается, подвергают багаж осмотру. Мы были избавлены от этого неудобства, отлично устроились в вагоне, заняв верхние места, и в 8 ч. 15' двинулись. По дороге стали набиваться новые пассажиры, в Ярославле из-за мест происходил настоящий бой. Теснота получилась отчаянная. Слезть с верхнего места было уже нельзя. Ко мне присел молоденький офицер, свесив ноги к лицу пассажирки, сидевшей на нижнем месте. Затем он принимал все более горизонтальное положение, и мы лежали вдвоем на одной верхней скамейке, головами в разные стороны. Лицом он склонялся все к моим башмакам, я старался убрать ноги, но он просил меня не стесняться, говоря, что ему это не мешает. Коридор вагона был наполнен наглецами-солдатами, без билетов залезшими во II класс. Это зло наших дорог теперь.

29 августа. Вторник. Так в тесноте и духоте мы все же без особенных приключений добрались до Москвы. Нашли ломового извозчика для нашего багажа за 20 рублей. Напились чаю на вокзале и шли некоторое время пешком, т. к. трамваи в праздники начинают ходить только с 8 час. утра. Сели на трамвай только уже на Садовой. Сияло солнце, после ночного дождя московские улицы были освежены и не было пыли, и у меня на душе были еще впечатления от тишины и благополучия Романова-Борисогле бека. Сосед мой держал № «Русского слова» и, заглянув в него, заметил тревожные заголовки «Конфликт Временного правительства с Корниловым. Отказ Корнилова от должности». Я понял, что Корнилов вышел в отставку, и опять появилось жуткое, тревожное чувство за нашу судьбу, когда немец взял уже Ригу. Все утро мы заняты были разборкой и устройством, и только затем, выйдя с Миней прогуляться, я купил газету и прочитал потрясающие известия, что дело идет не об отставке Корнилова, а происходит открытое и вооруженное столкновение Верховного главнокомандующего с правительством[203]. Известия крайне сбивчивы, и в газетах тон выжидательный. Часов в 5 к нам пришел Д. Н. Егоров, и мы с ним проговорили до 7, обмениваясь впечатлениями после продолжительной разлуки и обсуждая события. Он убежден в успехе Корнилова, я этого не разделяю. После его ухода я часов в 9 лег спать, так как ночь все же провел без сна, и заснул как убитый. Сон отгоняет от нас переживаемые тягости и хотя бы на время дает возможность забыться.

30 августа. Среда. Я оказался прав. Восстание Корнилова не имело успеха и оказалось авантюрой. Если это так, то как можно было затевать подобное предприятие? Русский Кромвель или Наполеон не удался и только понапрасну потряс государством, и без того истерзанным. В Москве объявлено военное положение; введена военная цензура[204], и газеты выходят с пустыми столбцами, точно в последние месяцы старого порядка. Корнилов, вероятно, смог бы восстановить армию, ввести дисциплину. Кто сделает это теперь и будут ли это делать? Разного рода советы, выйдя победителями из столкновения, сильно поднимут голову. Нашими раздорами воспользуются, конечно, немцы. Дело, думается, безнадежно проиграно! Говорил по телефону с С. К. Богоявленским, приехавшим в Москву. С. И. Соболевский сообщил мне новости в Академии, куда надо ехать 3 сентября. Днем выходил по разным делам. В городе спокойно.

31 августа. Четверг. Утром – прогулка. Вернувшись, начал работу над биографией и кое-что написал, как вдруг пришли маляры переклеивать потолок у нас в столовой, прорвавшийся еще весною. Пришлось передвигать вещи в кабинет, и моя работа была разрушена. Звонок по телефону и кто же? – епископ Сергий Сухумский, с которым я не видался года четыре. После завтрака я отправился к нему на Тверскую в дом Гулаевых, и мы просидели часа два, оживленно беседуя о текущих событиях. Он мне рассказал, что Корнилов обратился за поддержкой к церковному собору, но собор колеблется и хочет благословить обе враждующие стороны[205]. Так всегда было у наших иерархов в критические минуты. Вече-

ром заехал за мною на автомобиле Холь и увез меня и Миню в Волынское[206], где мы в совершенной темноте еще несколько погуляли.

1 *сентября.* Пятница. День в Волынском на местах, где проведено было детство, и конечно, рой воскресавших воспоминаний. Газет не было, и поэтому спокойное состояние духа. Холь говорил о прекрасном воззвании Корнилова, обращенном к земству. Вернулись вследствие задержки в автомобилях очень поздно вечером, даже, впрочем, ночью.

2 *сентября.* Суббота. Утром удалось, хоть немного, позаняться биографией Петра. Пожалеешь о свободных днях в Шашкове! После завтрака отправился в Университет на заседание Совета, главный вопрос которого был о времени начала учебных занятий. Заходил к университетскому казначею за жалованьем, коего не получал за все лето. Здесь ряд пренеприятных сюрпризов: казначей отказывался мне выдавать жалованье мелкими бумажками, а предлагал взять пятисотрублевый билет, указывая на то, что мелких кредитных билетов у него нет, и только по усиленным просьбам набрал мне мелких, предупредив, что, может быть, 20 сентября совсем не будет выдаваться жалованье за неимением билетов. Приятная перспектива, нечего сказать! Затем я узнал, что с меня по случаю «поступления на службу» вычли месячный оклад – тоже приятное обстоятельство. Итак, революция, выбив меня на месяц из Университета, стоила мне двух месячных жалований, т. е. 1 000 рублей. В Совет я пришел, когда уже заседание началось. Там застал множество народа и уже очень испорченный воздух. По виду это то же собрание, что и Совет на В. Ж. К., – все те же лица. Долго читались протоколы предыдущих заседаний. Затем пошли разные мелкие дела. До главного вопроса не добрались еще и в $4^1/_2$ часа, когда я ушел, т. к. у меня в 5 ч. обещал быть преосв. Сергий Сухумский. Выходя, в коридоре беседовали с М. К. Любавским, Готье, Егоровым и И. А. Каблуковым о текущих событиях. М. К. [Любавский] махнул рукою, и мы оба сошлись на том, что погибаем. Он сильно похудел и как-то осунулся. Да и все мы похудели и постарели. Во время осады города месяц службы идет за год. И мы теперь живем день за месяц, а месяц за год. Вечером у меня преосв. Сергий, и удалось вызвать еще А. П. Басистова, так что через 27 лет собралась часть старого студенческого кружка.

3 сентября. Воскресенье. Выехал утром в Посад на заседание Совета Академии. В заседании, очень многолюдном, рассматривались новые учебные планы, текущие дела и вопрос о кандидатах в ректоры. Все с большими спорами о мелких делах, так что заседание тянулось к общему утомлению целых пять часов. Были и новые «титулярные» профессора: Громогласов, Коновалов и А. И. Покровский. Кандидатами в ректоры названы записками о. Иларион – инспектор, и протоиерей Добронравов, преподаватель Александровского военного училища. Поездка моя в Посад оказалась не из приятных. Не говорю уже о мытарствах с трамваем, которые скрасились беседой с доктором Э. В. Готье, дядей Юрия [Готье]. В вагоне II класса – солдаты без билетов. В гостинице верхний этаж занят офицерами переведенной в Посад военной электротехнической школы; теснота, и я едва нашел маленький и очень грязный номер, где и пишу сейчас эти строки. Прежде поездки в Посад доставляли мне большое удовольствие; теперь это – страдание. Все же за заседанием, в котором академические профессора с необыкновенной горячностью барахтались в академических мелочах, можно было забыться – как будто в России за академическими стенами ничего не происходит. А между тем, как вспомнишь, что делается – мороз подирает по коже. В Выборге солдатами убито 15 офицеров и в Гельсингфорсе[207] – четверо. Прямо кошмар какой-то! Видимо, немцы решили выбить таким способом через наших же большевиков офицерский состав, а куда же годится такая обезглавленная армия! Дело наше проиграно.

4 *сентября.* Понедельник. Встал очень рано, в начале 8-го часа, т. е. по настоящему 7-го. Был в монастыре и купил 2 просфоры к чаю, потому что иначе хлеба нельзя здесь, как и в Москве, добыть без карточек. Просфоры по 5 коп., величиною каждая в грецкий орех.

Продолжал чтение книги Нечаева об Ульрици[208], бывшей сегодня предметом диспута. В одиннадцатом часу отправился в Академию, зайдя предварительно в собор к обедне с Н. В. Лысогорским. Диспут начался в двенадцатом часу в актовом зале и продолжался до 7 часов вечера, причем роли оппонентов разделились крайне неравномерно. О. Флоренский возражал в течение 5 часов, разбирая крупные философские вопросы, касаясь мелочей, блестя своими познаниями по высшей математике и по философии математики. Все же такие долгие возражения утомили и Совет, и публику. Я уходил даже домой подкрепить силы привезенным из Москвы завтраком, что было уже в шестом часу. Второй оппонент говорил около часу. Мы были затем приглашены на обед в ректорских покоях. Обед, по нынешним временам, роскошный: пирог, рыба, фрукты, чай, конфеты, вино. Были сказаны речи. Диспутант, отлично начавший день речью, не был утомлен столь продолжительной защитой и хорошо говорил за обедом. В Академии вообще появилось заметное единение, и пропасть между прежними партиями исчезла.

5 *сентября.* Вторник. Начал чтение лекций в Академии с указаний на трудность занятий наукою при окружающих обстоятельствах. Еще не сформировалась и моя аудитория, теперь я буду читать церковно-исторической группе, подгруппе «В» Ш-го курса, и слушателей должно быть у меня очень немного. В 11 часов я уже освободился и отправился домой. На вокзале не мог ничего съесть, т. к. ничего нет, и поехал с совершенно пустым желудком. Мы привыкаем к голоданию. В вагон II класса влез на одной из промежуточных станций солдат, неуклюжий, неряшливый, растрепанный, с обросшими волосами, нагло развалился, облокачиваясь на спинку скамьи – все это проделывал перед офицерами, делавшими вид, что не обращают на него внимания. Не посмели спрашивать у него билета и проверявшие билеты контролеры – они, очевидно, под страхом распущенной солдатчины. Приехав в Москву, я не мог сесть в трамвай, так как на местах остановок стояли целые толпы. Я прошел – и довольно далеко от Каланчевской площади по направлению к Сокольникам – до остановки, предшествующей Каланчевской площади, но и там тьма народа. Пришлось двинуться пешком, хотя было тяжело в плаще сверх пальто и в калошах, а день был ясный и теплый. Так дотащился я до Фуркасовского переулка, где встретил А. П. Басистова, уговорившего меня сесть на трамвай № 23, что нам удалось. Я должен был быть на факультетском заседании, но уже опоздал на него и проехал прямо домой. Вскоре после моего прихода явился Холь и повел меня к попечителю округа Чаплыгину на прием в качестве одного из учредителей новой гимназии, которую собираются открыть учителя, ушедшие из гимназии Ростовцева. Учителя эти потребовали прибавки к жалованью, а Ростовцев в ответ изгнал их, и они решили открыть свою гимназию. В депутации к попечителю их было двое: словесник Гринев и историк Журавель, было еще двое родителей: офицер и дама. Приемную попечителя мы нашли полной народа и довольно долго ждали. Чаплыгин толково отвечал на вопросы, но к словам своим прибавлял слово «кажется»: «кажется, я не имею права утверждать права для учащихся», «кажется, на это надо разрешение министерства» и т. д. Это показывает, что он не вошел еще как следует в свою роль. Правитель канцелярии, важно заседавший перед кабинетом попечителя, все знает, и когда педагоги обратились за разрешением к нему, вылил на них, что называется, ведро холодной воды, сказав, что общество должно нести денежную ответственность за дефициты новой гимназии, неизбежные всегда на первое время. С ходатайством о правах надо ехать в Петроград, а каково теперь это сделать! Я вернулся домой в довольно усталом состоянии.

6 *сентября.* Среда. Утро занято было финансовыми и хозяйственными делами. Я был в Казначействе, получал университетское жалованье по талонам и платил подоходный налог в количестве 408 рублей – это только половина налога. Затем я зашел в Архив МИД, и найдя там немецкие и голландские газеты конца XVII в., погрузился в них, ища известий о заграничном путешествии Петра. Отправил о. Аркадию Вознесенскому и Ломжинскому дирек-

тору по экземпляру учебника, а также благодарственные письма В. С. Иконникову и Г. В. Вернадскому, приславшим мне книги. Вечер дома.

7 *сентября.* Четверг. Утро за биографией. Затем в Архиве МИД до 3 часов. Заходил оттуда в «Русское слово» переменить адрес. Только что пришел домой, как вызван был Д. Н. Егоровым, у которого и провел остальную часть дня. Мы с ним уплатили по 700 руб. каждый за вагон дров, который покупаем пополам через университетскую лавку. 1400 р. за 12 сажен, а в позапрошлом году я купил вагон за 250 р. Д. Н. [Егоров] дал мне в рукописи статью Тарановского для «Исторических известий», содержащую толкование статьи 86 Псковской судной грамоты и вызванную моей работой о Грамоте, напечатанной во 2-ой книжке[209]. Такой живой отклик произвел на меня самое приятное действие, и следует только пожалеть, что журнал, за неимением средств, должен приостановиться. Придя домой, я с большим удовольствием прочитал статью. Л[иза] и Миня уехали к Богоявленским, и я в одиночестве.

8 *сентября.* Пятница. Все утро в одиночестве, в полнейшей тишине и за работой. Для восстановления картины Англии во время посещения ее Петром Великим читал Маколея[210]. В 11/2 ко мне пришел обедать С. К. Богоявленский, и затем Д. Н. Егоров. Перед тем Холь привез на автомобиле два мешка картофеля сверх вчерашних двух, что создает для нас значительное благосостояние. С С. К. [Богоявленским] и Егоровым обед очень скромный, впрочем, с мясными котлетами, прошел отлично. Мы отправились проводить Д. Н. Егорова на Девичье поле на Курсы, куда он шел на собрание Академического союза[211] по поводу нелепого постановления Временного правительства о закрытии высших учебных заведений в Москве до Рождества. Хотя сегодня в газетах есть известие об отмене этого распоряжения, но союз все же собирается для выражения протеста. Действительно, если бы эта странная мера осуществилась, то, кроме праздношатающихся солдат, были бы в Москве еще праздношатающиеся студенты и профессора. Проводив Д. Н. [Егорова], мы с Сергеем Константиновичем [Богоявленским] дошли до Девичьего монастыря и любовались видом его окрестностей. День был ясный, солнечный, и воздух прозрачный. На обратном пути он заходил ко мне пить чай. Мы много говорили о событиях и о крупном событии нынешнего дня – увольнении генерала Алексеева от должности начальника штаба Верховного главнокомандующего, на которой, следовательно, он был недели полторы[212]. Такой кувырк-коллегии у нас со времени Павла Петровича не бывало. Вечером я был у Карцева, который наложил на меня 25 руб. за квартиру, и я не возражал, т. к. уже привык быть обдираемым. Приехала от Богоявленских из деревни Л [иза], но без Мини. Он остался там.

9 сентября. Суббота. Утро в приготовлении к лекции в Академии и к практическим занятиям, и немного удалось поработать над биографией Петра. Нам привезли большую часть заказанных дров, и это надо считать большим событием в нашем хозяйстве. Все же можно теперь надеяться, что не замерзнем зимою. После завтрака я пошел на факультетское заседание в Университет и заходил перед тем в библиотеку. На заседание пришли Грушка, С. И. Соболевский, Кизеветтер, Челпанов, Егоров, Мальмберг и я, и так как не оказалось кворума, то оно и не состоялось. Говорили о надвигающейся победе и власти большевиков и старались заглянуть в недалекое будущее. Возвращался домой с Д. Н. Егоровым моим любимым тихим путем по Александровскому саду и Пречистенскому бульвару. Я заходил к нему посмотреть атлас XVIII в. с планом Лондона. Вечер дома за чтением Маколея «Истории Англии». Как некоторые страницы, например об армии и дисциплине, подходят к нашему времени!

10 сентября. Воскресенье. В 10 ч. утра, в изобилии снабженный хлебом и котлетами на пропитание в Посаде в течение трех дней, я отправился в Академию. На трамвай едва удалось сесть, и он долго не двигался, потому что ругались две поссорившиеся женщины, и их ссору разбирал призванный милиционер. Разбирательство можно бы производить вне

вагона, и не задерживать публику, но милиционер, очевидно, был настолько умен, что не понимал этого, и мы простояли с четверть часа. От Лубянской площади до вокзала я шел пешком, т. к. из дому вышел за $1^1/_2$ ч. В поезде ехал с П. П. Соколовым, беседуя о текущих событиях. В предстоящем властительстве большевиков мы оба видим достижение волной русской революции ее последнего рубежа, ее крайнего левого берега, разбившись о который, она должна начать обратное движение. В газетах все более и более выясняется, что выступление Корнилова было им предпринято не произвольно, а по вызову самого же Временного правительства или, по крайней мере, его части, в чем меня окончательно убедили напечатанные сегодня в «Русском слове» объяснения Савинкова, бывшего военного министра. Посмотрим. Странную в таком случае роль сыграл Керенский[213]. В гостинице я не нашел уже места, все было занято, и служитель говорил мне об этом с каким-то противным тупым равнодушием. Эта неудача была мне крайне неприятна. Из-за захождения в гостиницу я немного опоздал на Совет Академии и вошел туда in medias res[52]. Однако застал вопрос о своем курсе и семинарии, и очень настаивал на зачете студентам рефератов по русской истории за семестровые сочинения, и просил от чтения курса меня на нынешний год освободить, так как студентам III курса, которые должны его слушать, он уже был прочитан. Скверное впечатление от неудачи в гостинице и перспектива испытывать ее каждую поездку особенно побуждали меня настаивать на изменении плана. Совет мои оба представления принял. Перешли к выборам ректора. Записками были заявлены два кандидата: неожиданно для меня А. П. Орлов, получивший в прошлый раз одну записку, и о. Иларион. Орлов, которого за неделю убедили и который согласился «принять сан», как в Академии выражаются, теперь получил большинство. При баллотировке шарами он получил 20 избирательных и 10 неизбирательных, а Иларион – 15 избирательных и 15 неизбирательных. Таким образом, был избран тихий, скромный и робкий А. П. Орлов. Трудно ему будет, это можно предвидеть, но, может быть, своей кротостью он преодолеет те затруднения, о которые разбилась бы сила. О. Илариона жаль. Я находил его очень хорошим кандидатом. Я попросился ночевать у Ив. Вас. Попова. К обеду у него пришел еще Н. Г. Городенский, с которым мы вспоминали о недавно умершем А. В. Маркове. После обеда мы все отправились к В. М. Смирновой, где и закончили вечер в обществе явившегося туда же Туницкого и в разговорах по большей части об Академии.

11 сентября. Понедельник. Ив. Вас. Попов гостеприимно меня устроил ночевать в своем кабинете, и я отлично выспался. Рано утром он уехал в Москву; его сборы я слышал сквозь сон. Встав в $71/_2$ часов и напившись чаю, я предался в остающиеся у меня до Академии свободные часы чтению Маколея и благодаря полнейшей тишине прочитал довольно много. Затем был в Академии и разъяснял темы для рефератов. Из Академии возвращался в Москву с о. Иларионом и с С. С. Глаголевым, с которыми беседовали на тему о нашем критическом финансовом положении. Они предупреждали, что скоро в Академии наступит финансовый кризис, т. к. из суммы, присланной на содержание личного состава, производятся всевозможные другие расходы, т. к. на эти также неотложные расходы денег пока еще не присылается. Поговорив с ними, я погрузился в чтение сочинения Чижа, окончившего ист[орико]-фил[ологический] ф[акультет] студента, о северной общине. Против меня на одной из станций сели железнодорожник и офицер. К удивлению моему, железнодорожник начал ругать современный беспорядок, разные комитеты, дороговизну их содержания. Офицер критиковал решительно все стороны жизни после переворота: финансовое разорение, отсутствие суда, отсутствие безопасности. Потом они вполголоса заговорили о Корнилове с большим сочувствием. К удивлению, мне удалось сесть на Каланчевской площади в

[52] В гущу событий, к самому главному *(лат.)*.

трамвай. Я доехал до Мясницких ворот, а оттуда, пользуясь хорошей ясной погодой, прошел домой по линии бульваров пешком. В нашем переулке я встретил Л [изу] и Надю. Л [иза] отправлялась встречать Миню на Курский вокзал. Ожидая их, я продолжал чтение Маколея, и мы обедали в 10-м часу вечера.

12 *сентября.* Вторник. В газетах – отставка обер-прокурора Синода Карташева, вызванная, как он сам пишет в прошении об увольнении, «невозможностью работать вследствие засилья социалистов». Его обязанности будет пока исполнять С. А. Котляревский. Я был в Архиве МИД и занимался там статейным списком майора Вейде. В Архиве – большое движение: архитектор и подрядчик заняты разными измерениями, вопросом об устройстве каких-то дверей и т. д. Это – приготовления для переезда в Москву Министерства иностранных дел, которое разместится в Архиве. Моей работе помешал появившийся в Архиве Гр. Гр. Писаревский с рассказами о разных делах в Варшавском университете. Вернувшись из архива, я был занят укладкой дров в сарай. Вечером у меня преосв. Сергий, Богословские, Готье. Оживленный разговор и всеобщее негодование по поводу текущих событий. Липа пришла со своим хлебом и сахаром. На блюде у нас было подано немного рыбы, далеко не столько, чтобы быть сытыми. Это стоило 14 рублей. Арбуз – 2 р. 50 к., и все так. На такой почве неизбежны взрывы.

13 *сентября.* Среда. Утром – биография, но сделать удалось немного. Совсем не то, что в деревне, постоянно мешают и отрывают. После завтрака с Шуриком занимались укладкой дров в сарай. Сытин прислал мне 4 тысячи рублей за учебники. Звонки по телефону отрывали меня и от укладки дров. К 5 час. я пошел в Университет на полукурсовой экзамен. Вечером у меня Флоровский и Д. Н. Егоров. Германия предлагает Франции и Англии все уступки, согласна удовлетворить все их требования с тем, чтобы ей предоставлена была свобода действий на Востоке – куда относит и нас[214]. Большего позора России переживать никогда не приходилось. Мы исключены из европейских держав и отнесены в группу Персии, Китая, Турции и т. п.

14 *сентября.* Четверг. Утро провел за чтением Маколея, которым наслаждался. После завтрака прорвалась плотина: пришел А. П. Басистов, Мусенька [Летник], двое Липушат, С. К. Богоявленский, Кизеветтер, посланный от Сытина, О. И. Летник, Пичета, принесший книгу, М. М. Егорова. Только что я расположился укладывать дрова в сарай, когда пришел Алексей Павл. [Басистов]. Я извинился перед ним и продолжал при нем эту работу. Немножко и он мне помогал. Мне хотелось закончить дело, что и удалось: все дрова были убраны. С Липушатами мы переносили вещи, хранившиеся летом в кладовой. Итак, было несколько часов физического труда.

15 *сентября.* Пятница. Был на Кузнецком мосту в банке Джамгаровых, куда отнес полученные от Сытина 4 000 руб. за 4-ое издание 1-ой части и 3-е изд. 2-ой части учебника[215]. Оттуда прошел в университетскую библиотеку, где, разыскивая литературу о Петре в Англии, пробыл до 3 ч. дня и не все нашел. Видел Кизеветтера и Ив. Вас. Попова. Вечером у нас продолжение вчерашнего потока гостей: Надя, Михайловский, Алексей Павлович [Басистов], Писаревский. Последний обращался ко мне за темой для медальных сочинений.

16 *сентября.* Суббота. Восстание в Финляндии. Незаконно собрался распущенный Сейм, и тальман сорвал печати, наложенные на двери Сейма генерал-губернатором Некрасовым[216]. Русские войска, стоящие в Гельсингфорсе, – все большевики не только отказались препятствовать собранию Сейма, но не допустили в Гельсингфорс посланные из Петрограда новые войска. Керенский на Демократическом совещании, вновь протанцевавший свой словесный танец, на этот раз «танец отчаяния»[217], объявил, что немецкий флот, зная о положении дел в Финляндии, плывет в Финский залив. Верно замечание А. П. [Басистова], что Россия теперь, как проститутка, привыкла к своему позору и не стыдится его. Восстание

Финляндии и поведение наших войск там – наш новый позор, еще плюс к сотне наших позоров. А на совещании – потоки словоизвержения, и потоки, очевидно, будут литься, пока их не заткнут немцы.

Утро за работой над биографией. Был в Румянцевском музее за книгами. Вечером упивался перечитыванием Маколея. Какая прелесть!

17 сентября. Воскресенье. Утро за работой над биографией. Куда медленнее и хуже идет в Москве работа сравнительно с деревней. В 2 часа пришел ко мне один математик, оставленный при кафедре математики, по поручению бывшего нашего студента Соловьева, желающего подготовляться к магистерскому экзамену. Соловьева этого я припомнил; он был не из особенно даровитых студентов. Живет он где-то около Брянска на заводе. Конечно, из его стремлений сдать экзамен ничего не выйдет. Но позаняться наукой в провинциальной глуши все же полезно; это предохранит его от провинциальной тины. Математик, фамилию которого, когда он переговаривался со мной по телефону, я не расслышал, исполнив поручение, вступил со мной в разговор на современные темы, по поводу того, что ученое сословие мало получает, когда все вокруг получают много, блистал передо мною своею начитанностью, постоянно бросал имена: Спенсер, Маркс, Каутский, Тойнби и т. д. и т. д., но, увлекаясь, забывал нить нашего разговора, которую я ему опять давал в руки. Пришел В. К. Мальмберг с ответным визитом и говорил о тяжелом финансовом положении музея[218], где истопник требует непомерного увеличения платы и грозит уйти, если его не удовлетворят. Мы проговорили до 4 часов, и я уже не мог пойти на заседание странного, вновь открывающегося общества «Русской культуры», куда меня звал сегодня Кизеветтер по поручению Струве. Впрочем, и не жалел, так как мне это общество показалось довольно фантастичным. Мы отправились с Миней к Карцевым поздравить именинниц: Веру Сергеевну и Веру и пили у них чай, разговаривая об учреждаемых в каждом доме домовых комитетах по продовольствию. Так как население нашего двора состоит всего из 14 человек, то решили, что Вера одна и будет составлять комитет, а прислуги четырех квартир будут ходить за хлебом по очереди. Это упрощает дело и облегчит их труд, а хвосты у булочных, конечно, сократятся. В больших домах комитеты нанимают особого человека, который ходит за хлебом, доставляя хлеб на весь дом. Заезжал к нам епископ Сергий [Сухумский], привез Мине конфет и посидел одну минуту. Лиза уехала к сестрам, и мы с Миней проводили вечер за чтением.

18 *сентября.* Понедельник. Поездка к Троице и возвращение оттуда. Совершенно потерянный день. В 8 ч. утра я двинулся в путь и в Академию прибыл к 12. Выехал из Посада в 4$1/_2$ и домой явился к 8 часам. Итак, я пробыл в пути почти 8 часов для того, чтобы заняться со студентами 1 1/2 часа! Но занятиями я остался очень доволен. Реферат священника Соколова о Котошихине был написан очень живо, хорошо прочтен и вызвал интересный разговор. Возвратясь домой, я уже ничего не мог делать от утомления и лег спать в 10 ч.

19 *сентября.* Вторник. Утром у Мини было большое горе, вызвавшее плач и рыдания. Накануне он приютил откудато пришедшего котенка. Ночью этого котенка выпустили в сени. Когда М[иня] проснулся, первым его вопросом было, где котенок; он бросился его искать на дворе, не находил и несколько раз возвращался домой с горьким плачем, причитая: «Ведь он маленькое живое существо, он изголодается и погибнет от холода» и т. д., и все громче и громче рыдал. Котенок, наконец, нашелся, он и был в сенях, и Миня, успокоенный, пошел в школу.

Заседание факультета в расширенном составе с приватдоцентами, к которым Грушка обратился с приветственной речью по этому поводу. От них отвечал Д. Н. Ушаков. Заседание было длинное и будничное с массой текущих, самых прозаических дел о разных суммах, которых по большей части нет, но которые надо изыскивать, и т. д. Приват-доценты стали разбегаться, и к середине заседания остались уже одни почти профессора, обязанные заседать, потому что получают жалованье, между прочим, и за это, – в сущности же терять

время попусту. Все эти дела, отнявшие добрых $31/_2$ часа, можно было бы единолично решить декану в какие-нибудь полчаса. Готье передвинут в ординарные профессора; Егоров получил содержание. Шли домой с ним. Вечер провел с Л [изой] у Богословских, которые завтра уезжают на Кавказ.

20 *сентября.* Среда. Утром, проводив Миню, работал над биографией Петра, и довольно удачно: разыскал известие о маркизе Кармартене, с которым Петр подружился в Лондоне. Был у меня часа в 3 Бочкарев побеседовать о своей диссертации. Вечером у меня: Савин, Егоров, С. К. Богоявленский, Готье с женой и М. К. Любавский. Разговор вертелся, конечно, вокруг происходящих событий. Матв. Кузьмич [Любавский] передавал свои впечатления о Государственном совещании[219]. Все мы не видим никакого просвета, никакого выхода из создавшегося тупика.

21 *сентября.* Четверг. Утро за разысканиями об английском друге Петра Кармартене, а кстати, и об его отце, первом носителе этой фамилии и титула. Вечер за чтением Маколея. Демократическое совещание кончилось полным крахом и банкротством, проявив только разногласие, готовое перейти в грызню[220]. Железнодорожники по поводу прибавок, которые будут стоить казне около 3 миллиардов в год, вступили в столкновение с правительством и грозят забастовкой. Верю, что все-таки этого бедствия не будет. Это что-то уже похоже на начало конца.

22 *сентября.* Пятница. Утром я пошел провожать Миню в школу, а оттуда в Университет в библиотеку, где занимался, наводя справки в Dictionary of national biographie[221] о Кармартенах и других англичанах, современниках Петра. Закончив справку, побывал у казначея за жалованьем и видел новые скоропалительно и неряшливо напечатанные деньги 40и 20-рублевого достоинства, составляющие ленты, которые надо ножницами разрезывать[222]. Заходил в Губернское казначейство получить по талону июльское жалованье и был там порядочно задержан. Оттуда прошел в Архив [МИД] вернуть долг С. К. Богоявленскому. Видел там Писаревского, списывающего рецензии на разные книги, представлявшиеся на Карповскую премию в ОИДР, в том числе и мой отзыв о книге Максимовича. Вернувшись домой и побыв немного, должен был пойти на Курсы вести семинарий, но оказалось, что семинарии начинаются только после 25-го, так что я прогулялся напрасно. Видел обычную компанию, которая собиралась на Женских курсах по пятницам и в прошлом году. Вернувшись домой, готовился к завтрашней лекции. Вечер у Карцевых для выбора «домового комитета», Л[иза] согласилась по настоянию Карцевых быть таким комитетом. Разговор о текущих или, вернее, бешено мчащихся событиях, главным из которых, конечно, является надвигающаяся железнодорожная забастовка. Есть железнодорожники, например машинисты, действительно обездоленные, и преступно виновато правительство Керенского, не умевшее их вовремя удовлетворить. Получалась такая несправедливость, что между тем как чернорабочие в мастерских, прослужившие всего год, получают до 500 руб. в месяц, машинисты, служащие 20–25 лет, должны довольствоваться всего 250 рублями. Эту несправедливость давно следовало устранить. Ответственность за нее падает всецело на правительство. Но есть ли в России правительство? Каждый день я беру в руки газету с этим вопросом: ну как, есть ли в России правительство? И по прочтении убеждаюсь, что его все нет.

23 сентября. Суббота. Встав очень рано, утро провел за подготовкой к лекции. В Университет отправился пешком и был застигнут на пути сильнейшим ливнем. По-прежнему встретился с Поржезинским, который жаловался на отсутствие студентов. Он обратился к швейцару Дмитрию с вопросом, есть ли кто из слушателей, на что Дмитрий отвечал: «Кажется, есть-с, немного; вот у М. М. [Богословского] – много». Но это «много» на теперешнем языке обозначает человек 30, каковые и были у меня в аудитории № 4. Я читал о

возвышении Москвы. После лекции беседовал с Л. К. Лахтиным о железнодорожной забастовке и вообще о положении вещей. Домой возвращался любимой своей дорогой: Александровским садом до Волхонки и затем Пречистенским бульваром. Сияло уже осеннее солнце, и я любовался желтой листвой сада, испытывая некоторое удовлетворение, что вот опять я читаю лекции в Университете, по субботам, в те же самые часы, и возвращаюсь после лекции в приподнятовозбужденном настроении. Дома читал Маколея. Вечером заходил ко мне экзаменоваться бывший наш студент Мануйлов. Приходил также воспитанник земледельческой школы за учебниками. Миня при этом с очень деловым видом играл роль продавца. В девятом часу пришли Липушата, и мы закончили вечер с ними. В газетах мелькнуло известие о призыве медиков 1 и 2 курсов, и Миша [Богословский], таким образом, под вопросом.

24 сентября. Воскресенье. Утром, после очень ранней прогулки по Девичьему полю, удалось порядочно заняться биографией, и работа продолжалась до 5-го часа дня. После чаю мы с Л[изой] отправились опустить избирательные бюллетени для выборов в «районную думу». Собственно, эти думы, по моему глубокому убеждению, вредная затея, так как сделать они ничего не будут в состоянии, а лягут большою тяжестью на карманы обывателей. Но надо было участвовать в выборах и отдать голос за кадетский список, как за меньшее зло, чтобы не дать роста большему злу – хозяйничанью большевиков. Заходили к А. Н. Савину занести книгу, но на минуту. Заходили также в церковь св. Ильи на Пречистенке ко всенощной. Вечер были дома, я за чтением Маколея. Железнодорожная забастовка началась. Правительство формируется. Судьба России, как оказывается, зависит от того, как поступит Кишкин, даст ли он согласие вступить в министерство на пост министра призрения, или не даст. Вот от чего зависит судьба России. А что такое Кишкин, как не самый посредственный из посредственных кадетов, если не попросту глупый человек? Вот до чего доходит человеческое затмение. Да и есть ли теперь Россия? Вот вопрос, о котором стоит подумать.

25 *сентября.* Понедельник. Что Россия теперь не государство, это для меня ясно, ибо государство есть человеческое общество, объединенное верховной властью, а где же у нас верховная власть. Ею не обладает Временное правительство – потому что оно «подотчетно» какому-то Демократическому совету, образовавшемуся из Демократического совещания[223]. Ею не обладает и этот самозваный Демократический совет. Итак, не будучи государством, Россия теперь – первобытное, естественное состояние людей. Есть разные союзы, которые борются между собой и бастуют, стремясь каждый урвать себе кусок из бывшего государственного достояния. Железнодорожная забастовка продолжается и развивается. Это создает для меня лично вопрос об акте в Академии, на котором мне говорить речь. День проведен не безрезультатно. Я достаточно поработал над биографией до 4 часов. У меня были два студента Духовной академии, один утром с повесткой на Совет 28-го, другой – вечером о кандидатском сочинении. Вечер за Маколеем.

26 *сентября.* Вторник. В газетах об образовании министерства, которого уже по счету? Все те же[224]. Но спасение России, несомненно, обеспечено: Кишкин согласился стать министром призрения. Ура! На выборах в районные думы, происходивших в воскресенье, победили в одних районах, в том числе и в нашем, – кадеты, в других, где целыми полками выбирали солдаты, – большевики. Социал-революционеры потерпели полный провал, никому не дав «земли», которую они обещали на выборах в общую городскую думу. Большевики свою победу обеспечили еще более наглым обманом: их агитаторы перед выборами ходили по дворам и обещали, если их выберут, выдавать по 1 1/2 ф. хлеба на человека в день вместо выдаваемых теперь $1/_2$ фГазета по-прежнему безотрадна: бунт, буйство, насилие, грабежи, погромы и все в том же роде. Все имения Козловского уезда Тамбовской губернии разграблены, в том числе и те, которые отданы были земству, школам и т. д. Пугачевщина в полном разгаре.

До 4-х часов я переписывал актовую речь. Затем прогулка. Вечером у нас Липуха.

27 *сентября.* Среда. Все утро до 3 ч. дня за работой над подготовкой к просеминарию и за речью для академического акта 1-го октября, на который, должно быть, возможно будет ехать, так как железнодорожная забастовка, кажется, прекращается. Был в Университете на просеминарии; нашел довольно много народа, в том числе несколько девиц-студенток. Делал предварительные разъяснения. Мы будем заниматься Котошихиным. Объяснял темы для рефератов. Белокуров, не получая ответа от Туницкого, который должен был выступить в сентябрьском заседании ОИДР, просил меня выручить Общество и прочесть что-либо о Петре. Я должен был согласиться и думаю прочесть о Петре в Голландии. Вечер дома за Маколеем.

28 *сентября.* Четверг. Проводив Миню в школу, отделывал актовую речь и готовился к семинарию в Университете, на который и отправился в 3$1/_2$ часа. Видел А. А. Кизеветтера, с которым мы неудобно совпадаем; он также ведет семинарии от 3 до 5, и есть 2 слушателя, принадлежащие к тому и другому. Сделал общее введение к занятиям. У меня разыгрался отчаянный насморк и кашель; вот сюрприз для реферата в ОИДР и для акта 1-го октября. Вечер дома за Маколеем.

В газетах письмо офицеров стоящей в Москве артиллерийской бригады. В письме приводятся случаи оскорблений и даже избиений офицеров солдатами и офицеры заявляют, что при таких условиях они считают свою службу лишенной смысла, и просят военного министра разжаловать их в рядовые; в этом положении они будут полезнее. Это крик наболевшей от безобразий последнего времени офицерской души. Нельзя читать письма без волнения.

29 *сентября.* Пятница. Утром просматривал материал для сообщения в сегодняшнем заседании ОИДР, а также позанялся и дальнейшей биографией, февральскими днями 1697 г. Насморк и кашель достигли у меня величайших размеров; тем не менее я отправился на Курсы, где сделал вступление к семинарию. Девиц было немного, человек 18. Но я предупредил, что семинарий будет крайне трудный, и материал для занятий – новгородские писцовые книги – очень сухой, и что желательно было бы иметь в составе семинария не более 10 человек. В профессорской видел Сторожева, Пичету, Покровского. Заходил в курсовую кооперативную лавку записаться в члены и сделать взнос. Вечер в ОИДР. Читал довольно долго. После чтения М. К. [Любавский] рассказывал о своих впечатлениях о Государственном совещании, на котором он был от ОИДР. Разошлись уже в 12-м часу. Мы шли с М. К. [Любавским] по темной Воздвиженке, а подходя к нашим краям, я встретил С. А. Котляревского, который меня несколько проводил. Он выражал желание приехать на акт в Академию в качестве товарища министра исповеданий и спрашивал, можно ли явиться в пиджаке. Я сказал, что нельзя. Он высказывал самые мрачные взгляды на положение вещей.

30 сентября. Суббота. До отъезда к Троице время было посвящено устройству дел Липухи, поступающего вольноопределяющимся в артиллерию. Утром я звонил к ректору М. А. Мензбиру с просьбой о распоряжении выдать мне бумаги Липухи, их надо непременно было получить сегодня, потому что артиллерийский командир, который его принимал, сказал ему, что примет только до 1-го октября, а уже 1-го будет поздно. Ректор любезно меня выслушал, обещал распорядиться и действительно исполнил обещание. В 121/2 Липуха зашел за мною, и мы, позавтракав, отправились в Университет, куда Мензбир обещал быть к 11/2Однако его еще там не было, и пришлось ждать. Я заглянул было в студенческую канцелярию, но испугался множества бывшего там и стоявшего, как везде теперь, в очереди народа. Увидев помощника ректора Д. Ф. Егорова, я было обратился к нему, но он сказал, что это дело ректора; но потом смягчился и спросил, не может ли он что-нибудь сделать. Был вызван секретарь студенческой канцелярии, и так как оказалось, что Мензбир уже отдал распоряжение о выдаче бумаг, то они нам и были сейчас же выданы. На беду оказалось, что нет самого главного документа: свидетельства об отсрочке, которого не прислали еще из воинского присутствия. Было уже начало 3-го часа, а воинское присутствие закры-

вается для справок в 2 часа. Мы бросились туда почти бегом, хорошо, что оно находится тут же на углу Тверской и Моховой. Мы были там в 2 ч. 20', и, вероятно, мой вид показался делопроизводителю довольно солидным, почему он, человек весьма свирепый с молодыми людьми, в присутствии находившимися, оказался снисходителен, выслушал нас и после двух часов разыскал дело и выдал нужный документ. Мы заходили еще к нотариусу за карточкой Липухи, которую нотариус должен был засвидетельствовать. С получением ее все документы были в руках, но время текло. Канцелярия полковника помещается где-то за вокзалами. Мы пытались было на Театральной площади нанять извозчика до вокзалов, но извозцы просили 8–7 рублей, и пришлось от их услуг отказаться. Я распростился с Липухой, велел ему лететь пешком во весь дух, и он моментально скрылся из вида. Я с трудом и большим промедлением влез в трамвай и выехал из Москвы в 4 час. с далеким поездом, найдя себе место в вагоне-ресторане, где чаепитие сократило дорогу. Вагон этот был полон железнодорожными служащими. В 5 с лишком я был у Троицы, медленно дошел до Академии, встретил Б. А. Тураева, с которым мы и беседовали до всенощной. Всенощную служил архиепископ Арсений Новгородский, и служил превосходно. После всенощной я провел некоторое время в ректорской квартире в обществе архиепископа Арсения, епископа Орловского [епископа Серафима], нескольких протоиереев, приехавших из Москвы, и некоторых из наших профессоров. В ректорской квартире были приготовлены постели для ожидавшихся к празднику членов собора. Для них же был приготовлен ужин и чай. Мы отлично закусили и напились чаю. Арсений оживлял всех своей бодростью и жизнерадостностью. Мне предлагали ночевать в ректорской квартире с гостями, но я остался верен Ивану Васильевичу [Попову].

1 октября. Воскресенье. Встали с Ив. Вас. [Поповым] рано, к началу обедни я отправился в Академию и опоздал немного. Служил митрополит Тихон, председатель Собора. Насморк и хрипота у меня продолжались, я очень боялся за голос и ради его чистоты попросил у эконома два сырых яйца, средство, оказавшееся очень полезным. После обедни был чай, затянувшийся слишком долго, так как дожидались обедавших студентов. Актовая зала была полна. К удивлению своему, я читал громким и звучным голосом и не заметил утомления в слушателях. После акта был обед; на столах вазы с красивыми фруктами, но по тепершним временам из-за стола встали с очень легким впечатлением. Обед был с дамами – женами профессоров и служащих в Академии. Были также офицеры – преподаватели гостящей в Академии Военной электрической школы. Было много профессоров других академий, приехавших с Собора. Разошлись около 6 часов. Меня, Тураева и еще несколько человек пригласил к себе Ф. М. Россейкин пить чай. Так как за обедом питья никакого не было, кроме содовой воды – по одной маленькой бутылочке на несколько человек, и мне страшно хотелось пить, то я у Россейкина выпил 7 стаканов чаю, чего со мной, кажется, никогда не бывало. От него заходил поговорить по телефону с Москвой. Меня беспокоила мысль о Липухе: из Университета он уволен, что если в вольноопределяющиеся не попадет? Но Галя к моему успокоению ответила, что он в артиллерию принят. Вернувшись к Ив. Вас. Попову, ждал его некоторое время в одиночестве, когда он вернулся, мы поужинали – а разве пришла бы об этом мысль после прежних актовых обедов. Мы все недоедаем, и я постоянно чувствую себя голодным и готов есть.

2 октября. Понедельник. Утро в квартире Ив. Вас. [Попова] в одиночестве, так как хозяин уехал рано на Собор. За чтением рефератов. Утро, как все эти дни, ясное, солнечное, с желтыми листьями на деревьях. В Академии случился курьез. Вчера еще Лавра, по приказу «товарищей», перевела часы на нормальное время. Академия продолжала считать часом вперед. Сегодня среди лекций швейцар, взглянув на колокольню, перевел часы на нормальное, доюильское время, и все перепуталось: вместо 11 ч. оказалось 10, лекции спутались, и мне с трудом удалось отстоять свой час от 12 до 2 по сентябрьскому времени. Алмазов передавал мне просьбу А. Н. Филиппова об оставлении его племянника студента Педашенко,

специалиста по истории русской церкви, по нашей кафедре, так как оставлять по истории церкви мы не имеем права. После лекции заходил к m-me Россейкиной, обещавшей мне купить 5 фунтов меда по 31/2 р. за фунт. В Москве он продается по 5 руб. за фунт. Домой я попал с медом в 8-м часу вечера. Ко мне звонил действительно А. Н. Филиппов. Я ужасно устал, лег спать в 10 часов.

3 октября. Вторник. Утром у меня был оканчивающий студент Педашенко, очень скромный юноша, бледный и исхудалый. Он еще должен сдать экзамен по истории славян. Он занимался у С. И. Смирнова на последнем семинарии его, посвященном житиям святых, и мне поэтому особенно приятно принять Педашенко, как наследие покойного С. И. [Смирнова]. Получив от него необходимые сведения, я составил представление о нем и набросал ему инструкцию. Только что кончил это дело, пришел наш дьякон с подпиской на устройство электрического освещения в нашей церкви и звал меня на выборы приходского совета. Я ответил, что охотно пришел бы, если бы он мне гарантировал, что меня не выберут. Дело в том, что как только на церковном собрании узнают, что я профессор Духовной академии, меня, как это видно из опыта прошлого года, тотчас же выбирают. После завтрака отправился за Миней, а затем в факультетское заседание. Было мало профессоров и совсем мало приватдоцентов. Жгучим вопросом был вопрос об аудиториях. Из 14 наших аудиторий 7 оказались захваченными солдатами и разного рода организациями, в том числе и моя семинарская № 13, которую устроить стоило мне немало хлопот. Мы просили декана [А. А. Грушку] употребить все усилия для отвоевания аудиторий. Петрушевский, разгорячившись, говорил, что надо захватчиков выгнать, а разные их вещи из захваченных аудиторий выкинуть вон. Все это прекрасно, но как это сделать? Мы шли из Университета с Егоровым и Готье Александровскими садами, в Гагаринском переулке встретили Герье, выходящего на прогулку. Вечер я дома, и у нас были Липушата. Миша [Богословский] уже в военной форме со шпорами.

4 октября. Среда. К 11 час. утра я отправился в Университет на государственный экзамен; заходил предварительно в библиотеку передать список книг для семинария с просьбой держать их в читальной зале. Экзаменующейся публики было немного. Я начал экзаменовать один; затем с большим опозданием пришли Кизеветтер и Матвей Кузьмич [Любавский]. Я спросил шестерых; Кизеветтер и М. К. [Любавский] каждый троих. К часу мы кончили. В профессорской много народа, и нового народа. Возвращаясь домой с Егоровым, также экзаменовавшим, мы на Моховой встретили М. А. Мензбира, который пригласил нас в экстренное заседание Совета в 9 часов вечера. На наши вопросы о причине он сказал, что служители клиник и Екатерининской больницы[225] предъявили политические и экономические требования, и недоверие коалиционному правительству, и требование о передаче всей власти советам рабочих и солдатских депутатов, о выдаче им прибавок и об удалении его, Мензбира, из ректоров. Мы были изрядно ошеломлены этим известием. Вернувшись домой, позавтракав и немного отдохнув, я должен был опять идти в Университет на просеминарий. Я застал там студентов мужского и женского пола значительно больше, чем в прошлую среду. Явилось много новых, и надо было все объяснения повторять сначала. В 6 часов мы кончили, и я пошел домой обедать, а затем в третий раз двинулся в Университет на Совет, на Моховой встретив П. П. Гензеля. Совет собрался довольно аккуратно. Ректор [М. А. Мензбир] сделал доклад о происшествиях. Оказалось, произошел инцидент еще в Екатерининской больнице, где служащие, что называется, вывезли ее директора почтенного профессора П. М. Попова на тачке, т. е. велели ему надеть шляпу и пальто и убираться из больницы. Все были возмущены этим и единогласно постановили выразить П. М-чу [Попову] сочувствие через особую депутацию. Затем заведующие клиниками излагали происшествия; говорили: Спижарный, Россолимо, Алексинский. Был в Совете и Мануйлов, выступивший сразу же с прямолинейным предложением: не разговаривать с «этими господами» и закрыть клиники. Заведующие клиниками предлагали более постепенные и мягкие меры, так как закрытие клиник дело не

такое простое, как это кажется на первый взгляд; но, конечно, придется прибегнуть в конце концов к этому средству, если ничто другое не подействует. Выступали, кроме людей сведущих в деле, и обычные советские болтуны, затянувшие заседание. Когда Мензбир произнес заключительную речь, где говорил, что, может быть, и его также завтра выгонят, как выгнали П. М. Попова сегодня, я ушел, предвидя, что немало еще времени уйдет на заявления «к постановке вопроса», «к порядку дня», «по мотивам голосования», «по личному вопросу», т. е. на всю эту словесную дребедень, столь любимую ненасытными болтунами. Было уже 12 час. ночи, и в речи Мензбира указывались самые практические меры. Л. М. Лопатин при встрече со мной, когда я шел в Университет, с тонким остроумием сказал: «Я и не думал, чтобы русский народ был до такой степени*монархичен.* Как только монарха не стало – всякий образ и подобие потеряли»!

5 октября. Четверг. Утро в тишине за чтением книги Иконникова «Максим Грек»[226] ради заседания сегодня Исторического общества, в котором назначен был доклад Ржиги о Максиме Греке. Был на семинарии в Университете от 4 до 6, а затем, т. к. мне оставался перерыв до заседания Исторического общества только в размере 1 часа от 6 до 7, то я зашел в ближайшую кофейню Филиппова слегка подкрепиться. Стакан кофе стоит 70 к. Хлеба никакого нет. По соседству со мной сидел молодой, высокий, статный офицер с необычайно голодным видом. Осведомившись по карточке о ценах блюд, он спросил самое дешевое – два бутерброда с телятиной. Цена микроскопического бутерброда, на маленьком-маленьком кусочке хлеба – 1 рубль. Он съел их два – т. е. проглотил их в два глотка моментально – и выпил два стакана бурды, называемой кофеем, заплатил за это 3 р. 40 к. и вышел, конечно, таким же голодным, как вошел.

Цены прочим блюдам – 4, 4 р. 50, 5 р. Порция ветчины – 6 руб. Вот и живи на офицерское жалованье.

К 7 я был уже в Университете. Членов собралось немного: М. К. Любавский, Егоров, Готье, Бахрушин, из молодежи Рыбаков, Лютш, Бартенев, Львов. Было человек 12 курсисток. Доклад Ржиги очень интересен и подал повод к оживленным прениям. Я открыл их, указав на трафаретность и шаблонность разобранных Ржигой обличительных посланий Максима. В них очень мало исторического и конкретного материала. Далее говорили Готье, Бахрушин, особенно подробно и хорошо Егоров, сделавший параллели с западной дидактической литературой. М. К. [Любавский] сделал резюме. Мы все очень оживились в возникшем споре, и заседание надо признать на редкость удачным. Возвращались домой Любавский, Егоров, Бахрушин и я вместе. Бахрушин поселился теперь в нашем переулке и сделался моим соседом. Вернувшись домой, я поужинал, но мог бы и не ужинать, хотя с утра ничего не ел. Мы совершенно отвыкаем есть. Попросту начинаем голодать.

6 *октября.* Пятница. Утро за подготовкой к завтрашней лекции. Семинарий на Курсах, где разъяснял текст новгородских писцовых [книг]. В профессорской жаркая схватка между Пичетой и Сторожевым. Вечер дома за чтением. Наступил вдруг мороз. Термометр ниже 0°. Мы теряем совсем Балтийское море и возвращаемся к границам Ивана Грозного[227].

7 *октября.* Суббота. Лекции в Университете. Из 4-й аудитории меня перевели в 10-ю, и служитель объяснял, что осталось 5 аудиторий, остальные все захвачены: три студентами, одна солдатами и т. д. Лекции читал неважно. Слишком много в каждый час вкладывал материала. После лекций беседовал с Ржигой о его реферате. Швейцар Дмитрий, одевая меня, сказал, что с понедельника и они начнут бастовать потому, что хотя они и получают прибавки за сентябрь, но не получают обещанных прибавок с апреля. Я возразил, что лучше добиваться этой прибавки просьбой в Министерстве, которое медлит ее высылкой. Он ответил, что это, конечно, так, но они подавлены большинством служащих в других учебных заведениях и не могут не бастовать. Я спросил, неужели и они требуют ухода коалиционного правительства, ректора и т. д. Он ответил, что, конечно, нет, что они будут протестовать про-

тив политических требований, насилия над проф. Поповым. Итак, вероятно, Университет придется закрыть на некоторое время.

Получив сегодня утром повестку на Совещание общественных деятелей, имеющее быть 12 октября[228], я отправился после лекции обменять эту повестку на билет, как об этом опубликовано в газетах, разыскал помещение «Совета совещания общественных деятелей» на Мясницкой, но, увы, билеты еще не готовы, и обмена мне не сделали. Я выразил неудовольствие по этому поводу, что протаскался напрасно, а про себя подумал, что отсутствие энергии и халатность общественных деятелей сказывается и в мелочах, как и в крупном. Все и всегда они проспят. Вечер мы провели с Л[изой] у Богословских.

8 *октября.* Воскресенье. Я выходил только на очень короткое время утром для прогулки; весь остальной день оставался дома и читал Маколея. Между 2 и пятым часом у меня был прием посетителей. Были девица Петрова, намеревающаяся сдавать магистерский экзамен, студент Голуховский, студент Муратов, оставленный Новосельский, а затем несколько позже Сережа Голубцов с женою и Маня Голубцова. Вечер также дома. С. Голубцов принес мне изданный курс покойного А. П. [Голубцова].

9 *октября.* Понедельник. Поездка к Троице рано утром. Я вышел из дому в 8 часов утра и вернулся в 8 час. вечера и, таким образом, 12 часов путешествовал, чтобы заняться со студентами 1 1/2 часа. Читал реферат священник Предтечевский «О служилых людях» в связи с поучением Котошихина. Реферат возбудил живые прения. Все же много так времени теряется даром. Перед лекцией я заходил к Ф. М. Россейкину отдать посуду из-под меда и застал дома его самого. Он мне передал, что вчера на Совете шла речь о том, чтобы я оставался в Посаде ночевать на вторник, чтобы присутствовать на диспуте Туберовского; иначе, как они подсчитывали, не будет кворума. То же передали мне Е. А. Воронцов и И. М. Смирнов в профессорской. Россейкин еще прибавлял, что диспут будет, вероятно, долгий, т. к. Флоренский, первый оппонент, говорил, что будет возражать в течение восьми часов, а второй оппонент – Тареев – в таком случае грозил возражать в течение пяти часов. Эти нравы начинают вводиться в Академии. Я совершенно не имел в виду ночевать в Посаде, совсем иначе представлял себе распорядок вторника, а предупреждение о длительности диспута подействовало на меня окончательно, и я вернулся в Москву, попросив передать новому ректору [А. П. Орлову], что в Университете для факультетских собраний, на которых происходят диспуты, никаких кворумов не нужно, а иногда бывают декан, секретарь, два оппонента и еще один или двое профессоров. Все же я опасаюсь, не вышло бы в Академии скандала при педантизме некоторых тамошних профессоров. Студенты сообщали мне в виде слуха, что есть какая-то бумага о занятии здания Академии каким-то штабом.

10 октября. Вторник. Утром я провожал Миню. Затем устраивал денежные дела: подписался на заем свободы[229] из части суммы, полученной от Сытина. Всю сумму боюсь обращать в бумаги, так как может статься, что нам не будут платить жалованья или цены дойдут до чудовищных размеров. С накопившимися в Сберегательной кассе % вышло займа на 3 800 руб. Прошел затем в канцелярию Совещания общественных деятелей обменять повестку на входной билет. В канцелярии работают аристократического вида девицы и такой же студент, а билеты подписывает «князь», который тут же и расхаживает в высоких сапогах и в куртке защитного цвета. Это князь Урусов, а какой именно, осталось мне неясно[230]. Со мной и на этот раз не обошлось без злоключения: в списке я не оказался, а значится только Богословский Сергей Михайлович]. Я выяснил разницу между нами. Вернулся домой к завтраку и затем все время был дома, погрузившись в чтение Маколея. Вечером у нас были Холь и Миша [Богословский], а также Егоровы, причем Д. Н. [Егоров], узнав, что у нас Миша в военной форме, вызвал по телефону Адочку [Егорову] для его созерцания. Мы много смеялись на ту тему, что ему скорее хочется быть дедушкой.

11 *октября.* Среда. Утром удалось несколько позаняться биографией Петра, хотя работу должен был прерывать лечением разболевшегося зуба и идти в амбулаторию, находящуюся у нас внизу. Был в Университете на просеминарии для разных объяснений. Вечер дома за чтением Маколея. Канатная танцовщица [А. Ф. Керенский] опять проплясала на канате в Совете Республики, вызывая аплодисменты. Пущены были идеализм и чувствительность, и успех был обеспечен. Трезвые и дельные указания в речи ген. Алексеева, по-видимому, прозвучали понапрасну[231]. Мечты о «добровольной» дисциплине солдат, сознательно идущих в бой, конечно, вздорные мечты. Может быть, это будет лет через сто, а теперь говорить об этом рано.

12 *октября.* Четверг. Утром немного работал над биографией. Затем спускался в зубную амбулаторию, находящуюся в квартире под нами, для лечения зубов, давших себя знать на 51-м году, и это надо считать особым счастьем. Заходил Липуха, и также лечить зубы – и это на 20-м году. Я напоил его кофеем, и мы отправились вместе. Он домой, а я в заседание Совещания общественных деятелей к 2-м часам. Заседание происходило в зале кинематографа «Кино-Аре» на Тверской. Я нашел там много знакомого народа: М. К. Любавского, Кизеветтера, Готье, М. Н. Розанова и др. Встретил также Холя, которому дал взаймы 1 000 рублей. Заседание открыл Родзянко, сказавший несколько слов об общем положении. С основным докладом выступал П. И. Новгородцев, характеризовавший современное безвластие. Власть, как он говорил, не имеет силы, а делает только реверансы то направо, то налево. Это сравнение мне очень было по душе, так как совпадало с моим представлением о Керенском как о канатном плясуне. Новгородцев оптимистически усматривал признаки поворота к лучшему в отпадении от левого крыла кооператоров, народных социалистов и еще какой-то группы. По поводу доклада и собственно без всякого соприкосновения с докладом говорило несколько ораторов, потрясавших руками, выкрикивавших и тому подобными выражениями проявлявших свой пафос. Говорилось о «товарищах», об их темноте и бессилии, о том, что их нечего бояться, что они мираж, наваждение и болотное испарение и т. д., словом, все то же, что пишется в каждом № «Русских ведомостей». Ничего нового никто не сказал; все было одно и то же, об одном и том же. Но каждый старался как-нибудь сострить или переострить других. Лучше всех сострил князь Евг[ений] Трубецкой, который как-то по-семейному, по-домашнему с большою теплотой утешал собравшихся и говорил, что все обернется к лучшему. Не то же ли было в Смутное время? Ведь кто осаждал Троицкую лавру? Из осаждавших только $^1/_3$ была поляков, а остальные $^2/_3$ была «сволочь», вроде теперешних большевиков. «Это по-княжески», – заметил Ю. В. Готье. Острота князя была встречена дружными аплодисментами. «А обратите внимание, – продолжал он, – среди нас кто: все умственные и культурные силы, архипастыри церкви, краса и гордость русской земли – генералы Брусилов и Рузский». При этом вся зала встала, и раздался гром аплодисментов, долго не смолкавший. Говорил еще – и очень тягуче и слишком кабинетно – Кизеветтер. После этого я ушел. Несколько раз упоминалось имя Корнилова, и каждый раз при этом раздавался взрыв аплодисментов. На мой взгляд, Совещание могло бы оказаться полезным, если бы оно послужило зародышем образования широкой либеральной партии в противовес партии социалистов. Мне думается, что наш государственный организм оздоровел бы, если бы такая, но именно очень широкая и большая партия с самыми общими и широкими либеральными принципами возникла. Для этого надо бы отказаться от подробных программ с частными вопросами и основаться на самых общих положениях: собственность, нация, государство и т. д. Существующие наши партии страдают узостью и слишком подробной разработанностью программ. Вечер провел дома за чтением.

13 октября. Пятница. Готовился к лекции. На собрание общественных деятелей попал только к часу дня, пропустив доклад Брусилова из-за зубов, а от речи Рузского должен был уйти, спеша на Высшие курсы на семинарий. Слышал только две речи офицеров, в самых

мрачных красках рисовавших развал и упадок нашей армии. Содержание брусиловского доклада мне передавал Холь, а также А. К. Мишин. Последний рассказал мне о происшествиях в Академии на диспуте Туберовского, который тянулся два дня – вторник 10 и среду 11-го – и кончился в среду в 8 ч. вечера. Тареев держал себя непозволительно и оскорбил Флоренского, который вышел с заседания, а за ним поднялись и ушли несколько профессоров. Пришлось прервать диспут и уговаривать поссорившихся, которые вернулись, примирились, и все устроилось к лучшему. Видно, что людям нечего делать, поэтому и устраивают такие диспуты. На Курсы я пришел, т. е. с большими препятствиями приехал на трамвае, под впечатлением развала в армии и потому на семинарии был несколько рассеян. Вечер дома за подготовкой к лекции. Лиза уходила в театр (это день ее рождения), и мы сидели в кабинете с Миней вдвоем.

14 октября. Суббота. Лекция в Университете о московской царской власти. Оттуда прошел к Ив. Вас. Попову в Милютинский переулок, где он квартирует в Москве, передать ему доверенность на свой голос для завтрашнего заседания Совета Академии, на котором должен избираться инспектор. Итак, за одну неделю 8—15 октября три совета в Академии, да один длящийся двое суток. О, автономия! Сколько времени и сил ты отнимаешь у научной производительности! Вернувшись домой на трамвае, т. к. ноги отказываются служить от чрезмерной пешей ходьбы за последнее время, нашел у себя разгром. Л [иза] с Миней занимались натиранием полов в кабинете за неимением полотеров. Я очень устаю от лекций в Университете, и было очень досадно, что не нашел дома спокойного угла для отдыха. Вечер провел у Д. Н. Егорова по случаю дня его рождения. Было большое собрание и прямо феерическое угощение: громадный пирог, икра, рыба, телятина! И это в наши-то времена. Както даже было неловко. Просидели долго, разговаривая о политике, о большевиках, об армии. Резко и производя крайне неприятное впечатление, говорил Д. П. Кончаловский, состоящий теперь при Московском штабе. Он защищал Грушевского – этого Мазепу. Но на армию и он смотрит крайне пессимистически и считает ее окончательно и безнадежно развалившейся. Говорили о предстоящей с завтрашнего дня забастовке московских городских рабочих, и в первую очередь трамвая.

15 *октября.* Воскресенье. Великолепная, солнечная, теплая погода, но выходил я только на короткое время утром. Чувствовал весь день какую-то усталость, до такой степени много приходится теперь двигаться пешком. Читал рефераты студентов Духовной академии, а затем присланную мне Ю. В. Готье книгу Вальденберга о власти русских государей[232]. С Миней случился эпизод: затеял ссору с мальчиком на соседнем дворе, неким Левой, который у нас прежде бывал и с которым он был приятелем, и стали перебрасываться камнями, и Миня разбил у них стекло. Оттуда пришли жаловаться. Он горько плакал, сознавая вину и будучи за нее лишен удовольствия – предполагавшейся поездки к Богоявленским.

16 *октября.* Понедельник. Мучительная поездка к Троице. Весь поезд (Ярославский) был битком набит «товарищами солдатами». Вагон II класса точно так же. Кроме «товарищей», в моем отделении ехали еще дама с грудным младенцем и с нянькой. Младенец всю дорогу неистово кричал. Дама очень смущалась, что он беспокоит пассажиров, но я ее успокаивал, говоря, что младенцу орать свойственно, что крик его самый здоровый и пр. Тем не менее, несмотря на крик, на солдат и на громкий разговор двух «товарищей» рабочих об их организациях, я читал сочинение одной из курсисток. Двери в вагоне были завалены багажом солдат, и выходить можно было только с трудом, на противоположную станции сторону.

17 *октября.* Вторник. Утро работал над биографией, но постоянно отвлекали. То звонки по телефону, то привезли капусту, то пришел студент, то Липа и Шурик [Богословские] зашли к нам из амбулатории. Сделал очень немного. Был на факультетском заседании, где Грушка был переизбран в деканы 17-ю голосами против 4-х. Успех блестящий. Рассматривалось прошение некоего Самуила Гершковича Лодзинского, лезущего к нам в

приват-доценты[233]. Из прошения неясно было, сдал он магистерский экзамен в Петроградском университете или нет, и оно было отклонено. Юра Готье хлопочет все о пересмотре магистерских программ и предполагал для этого собирать заседания из профессоров, приват-доцентов и оставленных. Я возражал против приглашения последних, ибо их мнение в данном вопросе не имеет никакого значения. Да притом магистерский экзамен держат и не оставленные при Университете. Слова мои показались убедительными, и потому решено собраться в составе профессоров и приват-доцентов только. Из Университета я прошел к Богоявленским и у них до 9 ч. (день рождения моего крестника Мини).

18 *октября.* Среда. Утром работа над биографией. Всетаки кое-что удалось сделать. Заходил ко мне студент Академии архитектор Баратов, принес реферат и жаловался, что у него в имении в Звенигородском уезде крестьяне спилили лесу тысяч на 80. Никаких властей нет; существующий уездный комиссар совершенно беспомощен. К 4-м я пошел в Университет на просеминарий. Просеминарий прошел довольно оживленно. Читал студент Крутицкий[234] весьма дельный реферат; были и возражатели. Мы кончили уже в 7-м часу. Так как в 7 должно было быть заседание Исторического общества, то я остался в Университете. В $71/_2$ назначено было также заседание Совета по поводу забастовки служителей, но я на него решил не идти, чтобы спасти заседание Общества, которое хотели было отложить до завтра. Публики и членов было немного. Фокин прочитал прекрасный доклад о помещичьих имениях в Дорогобужском уезде по данным церковных архивов, им обследованных. Доклад очень талантливый и яркий и с любовью составленный. По неопытности, конечно, он только не сумел его сократить и читал более $21/_2$ часов.

19 *октября.* Четверг. Утром, проводив Миню, занимался биографией, и удалось написать о церковности в английской жизни XVII в. и об интересе к этой ее стороне у Петра во время его пребывания в Англии. К 2 пошел в Университет на семинарий. Заходил в канцелярию взять себе удостоверение на право въезда в Москву (от Троицы)[235]. Вечер у А. П. Басистова с преосв. Сергием [Сухумским], который заезжал за мною и по возвращении от А. П. [Басистова] ночевал у меня в кабинете. Беседовали о событиях. Грустное и возмутительное зрелище: погромы помещичьих имений и фабрик, но ведь вы же сами, господа родзянки, трубецкие, Болконские, Коноваловы, рябушинские и пр., содействовали им, сведя с престола символ права и не сумев заменить его другим символом, необходимым для темного народа. Наш солдат и мужик поняли, очевидно, что с падением царя пала всякая власть и стало возможно делать что хочешь, между прочим, и грабить. Не пожинаете ли вы то, что сами же посеяли. С царем у нас исчезло и право собственности. В газетах опять о забастовке городских рабочих, которые устраивают ее, науськиваемые большевиками, как средство смуты, а вовсе не из экономических потребностей. В корне это, конечно, затея большевиков, и в самом глубоком корне – немецкие деньги, для нашего развала. В Петрограде со дня на день ожидается восстание большевиков, правительство живет под этим страхом и не принимает никаких мер против открыто производящихся приготовлений к восстанию!

20 октября. Пятница. Утро посвящено было подготовке к лекции в Университете. Семинарий на Женских курсах. Представленные работы отлично исполнены. Вечер дома за подготовкой к лекции. В ночь на завтра должна начаться забастовка городских рабочих. Им сделаны все уступки, но они, ясно совершенно из политических побуждений, хотят все же бастовать. Это одна рука вызывает планомерно выступление большевиков в Петрограде и забастовку городских рабочих в Москве. Господи, на каком безобразном интернациональном воляпюке[236] говорят эти товарищибольшевики. Совет рабочих и солдатских депутатов начинает издавать «декреты» и выражается так: «Принимая во внимание, что предприниматели, *саботируя* производство, *провоцируют* стачки, совет *декретирует»* и т. д. Что станется с русским языком после таких упражнений. Уже эта одна порча языка есть их вели-

кое преступление против России. Милюков, коего я вообще далеко не поклонник, произнес отличную речь по внешней политике, совершенно разбив наказ «товарищей» особому их делегату Скобелеву на Парижскую конференцию[237].

21 *октября.* Суббота. Забастовка городских «товарищей» не состоялась, очевидно, потому, что не состоялось и выступление в Петербурге. Дано несколько времени отсрочки. Утро за подготовкой к лекции. Читал ее, т. е. говорил, довольно плохо; как-то не удавалось вместить в 40 минут задуманный материал. Заходил в канцелярию взять разрешение на въезд в Москву, а потом за Миней. Вечер провел дома за чтением книги Вальденберга, в которой не нахожу чего-либо яркого нового. Итальянцы терпят большие неудачи[238]. Их армия развалилась так же, как и наша, и нет теперь Брусилова, чтобы им помочь, как это было сделано в 1916 г.[239] Наши все говорят о возрождении «боеспособности» армии, но дальше разговоров дело не идет.

22 *октября.* Воскресенье. Именины Л[изы]. Утром прогулка и дома за чтением академических рефератов, а затем за Маколеем. Это наслаждение можно позволять себе по воскресеньям. По случаю именин у нас гости: Богоявленские и Холи, т. е. самый тесный родственный круг. Был жареный гусь – увы, вероятно в последний раз! В Москве наступает голод; хлеба будем получать по $1/_2$ фна человека.

23 *октября.* Понедельник. Я встал в 6 ч. утра и в 7 еще при полном мраке вышел из дому, чтобы ехать к Троице с более ранним поездом в 8 ч. 30'. Я избегал дальнего поезда в 9 ч. 30', опасаясь, что он перегружен «товарищами-солдатами». Но этот местный поезд в 8 ч. 30' не отапливается, и находившиеся в вагоне пассажиры – нас было человек 5 – закоченели. У меня ноги совершенно застыли. Стужа была и в аудитории – градусов 5–6 тепла. Затем такое же приятное возвращение в нетопленом вагоне. С вокзала я, чтобы согреться, пришел домой пешком. Заходил на минуту Егоров.

24 октября. Вторник. Утро за работой над Петром, и удалось кое-что сделать. К часу дня – на факультетское заседание в Университете. Мне о нем сообщил вчера Егоров; оно мне показалось очень стоящим внимания, и, как не жаль было бросать работу над биографией, я поехал в Университет. Заседание чуть было не сорвалось за отсутствием кворума, очевидно, потому что было назначено двумя часами раньше обыкновенного. Мы все-таки решили начать разговор в порядке частного совещания, и действительно вскоре же собралось достаточное количество членов. Экстренное заседание было созвано по поводу двух бумаг министерства: 1) о том, чтобы приват-доцентом могло делаться лицо, не сдававшее магистерских экзаменов, а только защитившее сочинение pro venia legendi[53]; 2) о том, что лицо, пробывшее три года приват-доцентом может получать звание экстраординарного, а пробывшее пять лет – звание ординарного профессора. Все в один голос восстали против этих предложений. Сакулин говорил, что такое возведение может быть только в исключительных случаях, за действительные ученые труды. Розанов указал, что такой путь открывается действующим уставом и в данном случае нововведения ни к чему. Я говорил о том, что здесь имеются в виду не ученые труды, а, конечно, жиденькая брошюрка страничек в 50. Если допустить такой укороченный путь в приват-доценты, то кто же захочет сдавать тяжелые магистерские экзамены? Я в этом освобождении профессоров от научной подготовки вижу то же явление, что и в военной сфере, где подпоручик становится командующим войсками округа, а присяжный поверенный – верховным главнокомандующим. Кизеветтер доказывал пользу магистерских экзаменов. Выступали еще Поржезинский, Покровский, Петрушевский, Сперанский и приват-доцент Рубинштейн, последний, впрочем, с критикой магистерских экзаменов. Редко когда бывает такое единодушие в факультете, как в этом заседании.

---

[53] На право читать лекции *(лат.).*

Вечером мы с Д. Н. Егоровым, за которымя зашел, былина заседании Археологического общества, посвященном памяти М. В. Никольского, ассириолога. Говорили Н. П. Лихачев, Тураев, Н. М. Никольский. Зала заседаний в доме Общества на Берсеневке, маленькая, уютная, со сводами, на которых изображены «беги небесные», навеяла на меня воспоминания о былых днях, об Археографической комиссии. Вернулся домой рано, в 10-м часу, и читал Маколея.

В Петрограде явный мятеж гарнизона против правительства, поднимаемый «товарищем» Троцким, выпущенным из заключения под залог и безнаказанно ведущим свое дело. И нет у правительства силы пресечь это беззаконие! Канатный плясун [А. Ф. Керенский], ходивший все время на задних лапках перед товарищами, кажется, дотанцовывает свои последние дни. Ушел из военных министров шарлатан и негодяй Верховский, объявивший себя интернационалистом[240]. Это министр вроде Чернова в земледелии. Что же это делается с русскою землею? И неужели не явится избавитель?

25 октября. Среда. Утро за работой над Петром. Биография Петра получает для меня теперь новый смысл. В то время, когда мы так позорно отдаем все то, что при нем приобреталось с таким упорным трудом и с такими потерями, отрадно остановиться на этих славных страницах нашего прошлого, когда Россия проявляла в Петре свою бодрость, энергию и мощь. Это была не та дряблая, гнилая, пораженная неврастенией и разваливающаяся Россия, которую видим теперь. Может быть, если моя работа когда-либо увидит свет, она будет небесполезна в годину унижения и бед, показывая нашу славу в прошлом. Может быть, она посодействует нашему возрождению, внеся в него крупицу здорового национального чувства! Но это, конечно, мечты. События в Петрограде развертываются. Восстание началось открыто. Керенский же занят выработкой «юридической квалификации» движения большевиков, которую он развивал в Совете республики[241]. Итак, вместо энергичных, быстрых и решительных действий– все та же словесность. Опять словесные танцы на канате, опять жонглерство. Он оправдывается «свободами» и говорит, что правительство не спешило с большевиками, давая их замыслам принять определенные формы и надеясь, что они одумаются. Наивно! Если восстание и не удастся, сколько зла, смуты и прямого материального ущерба принесет одна его подготовка, на которую правительство смотрело сквозь пальцы, вместо того, чтобы ее в корне и зародыше пресечь. Я был в Университете, где сначала экзаменовал трех студентов, а потом занимался на просеминарии. Видел Грушку, Поржезинского и Дурново. На обратном пути видел покупку вечерней газеты нарасхват. Есть известия о захвате в Петрограде Государственного банка, но какие-то смутные. Вечер за Маколеем.

26 *октября.* Четверг. Газеты не вышли[242]; мы опять в полнейшей темноте, что делается в Петрограде. Самые противоположные слухи: по одним, берет верх Временное правительство, по другим – большевики; по одним, во главе войск, верных Временному правительству, стоит Кишкин – вот истинный спаситель России, по другим – Кишкин сидит под арестом[243]. Ко мне утром заходил один студент Духовной академии, сообщивший, что премьер-министром провозглашен товарищ Ленин, а Бронштейн-Троцкий – министром иностранных дел, а Верховский – военным министром[244]. Кизеветтер, которого я видел в Университете, куда отправился на семинарий, рассказал о причине невыхода газет: «Русские ведомости» получили от большевиков письменное распоряжение прекратиться впредь до новых распоряжений. Студентов на семинарии было меньше обыкновенного. Холод в Университете отчаянный: в профессорской 9°. Отличная сухая и ясная погода, державшаяся весь октябрь, сегодня изменилась к худшему, падает мокрый снег хлопьями. Кое-где на улицах караулы из юнкеров. Но Кизеветтер сообщал, что командующий войсками полковник Рябцев занят только внешней охраной порядка, не держит ни той, ни другой стороны, а выжидает, чья возьмет в Петрограде. Городской голова [В. В. Руднев] также. Вчера он в Думе сказал, что больше-

виками разогнан Совет республики[245]. Москва опять в этом переломе никакого активного участия не принимает и пойдет за Петербургом.

27 *октября.* Пятница. Продолжается полнейшая неизвестность; газеты не выходят. Утром я готовился к лекции.

Заходил ко мне Н. В. Лысогорский в тревоге о своем положении; оказывается, в новый временный устав Академии включена статья, что профессора, с 3 февраля 1909 г. вступившие в Академию без выборов, должны быть переизбраны. Я его успокаивал, находя, что, так как из доцентов в ординарные профессора его выбирали, стало быть, в его служебном движении выражение общественного доверия есть и ему бояться нечего. Я думаю, что переизбирать его было бы неправильно. Все же он испытывает неприятное состояние духа; это я знаю по собственному горькому опыту. Был на семинарии на Курсах. Там происходит забастовка служителей; двери заперты, надо было звонить, отпирают и дежурят в передней сами курсистки. С Д. Н. Ушаковым и П. Н. Сакулиным мы ходили в буфет за чаем. Множество разных слухов. Говорили, что крейсер «Аврора» палил по Зимнему дворцу, выпустил 1 000 снарядов и разрушил дворец, причем погиб женский батальон[246]. Занятия новгородскими писцовыми книгами шли в моей группе с таким вниманием, как будто ничего вокруг не происходило, много лучше, чем в Университете. Вечер дома за чтением. Ночью на 28-е (я пишу эти строки 28 утром) в 4 часа я услыхал сильную ружейную стрельбу, продолжавшуюся до половины пятого. Затем она несколько раз возобновлялась. Я не мог уже заснуть. Значит, началось и в Москве! Где палили, разобрать было невозможно. Выстрелы раздавались гулко среди ночной тишины.

28 октября. Суббота. Весь день до поздней ночи раздавалась перестрелка, трещали пулеметы, щелкали револьверные выстрелы. Иногда все это раздавалось очень близко от нас. К нам утром заходил Липуха, на обратном пути от нас он испытал столкновение с большевиками, хотевшими его разоружить, но он благородно оружия не отдал. Весь день мы сидели дома. Л[иза] и Миня занимались рубкой капусты на дворе. Я работал над биографией Петра и сделал для такого тревожного дня довольно много. Говорили по телефону с Богоявленскими и Богословскими. Вечер за чтением. От Карцевых достали вышедшие сегодня социалистические газеты с очень скудными известиями. Есть известие, что на

Петроград идут правительственные войска. Министры сидят под арестом. Ленин объявился в Петрограде и выступал с речью на каком-то собрании[247]. Ясно, следовательно, что его не арестовывали просто потому, что не хотели его брать, зная прекрасно, где он находится. Малянтович, выпуская большевиков перед самым восстанием, вел двусмысленную игру, да и Керенский, конечно, также.

29 *октября.* Воскресенье. Всю ночь и весь день стрельба из ружей, пулеметов, револьверов, а временами и орудийная. К нам на двор залетела шальная пуля, пробила окно в сторожке и застряла в раме. Так что и на дворе, где Миня бегал беспрепятственно, оказывается, небезопасно. Я целый день был за работой над Петром. Вечером к нам заходила В. А. Карцева, и, пока она сидела у нас, было два страшно сильных выстрела из орудия. У нас звенели стекла. Таких же несколько выстрелов было в 12 часу ночи, когда мы уже легли спать. Богоявленские сообщили по телефону известие, что Керенский «взял Петроград» и «крейсер «Аврора» сдался»[248]. В своей последней речи в Совете республики Керенский назвал Ленина «государственным преступником», а Ленин в своей первой речи в Совете съезда депутатов (?) назвал Керенского государственным преступником[249]. Курьезно! Идет война двух государственных преступников. В Смутное время второй самозванец появился, когда погиб первый. Теперь второй самозванец согнал первого с престола. В истории основное бывает сходно с различиями в частностях.

30 *октября.* Понедельник. День особенно жаркой перестрелки. Все утро пушечная пальба. Где-то около нас ружейный огонь, очень сильный, целое сражение. По нашему двору звенят пули. Два раза к нам прибегала В. А. Карцева говорить по телефону и во второй раз привела одного гимназистика, который, идя по нашему переулку и застигнутый перестрелкой, прижался к воротам. Он от нас говорил по телефону с сестрой, живущей в Денежном же переулке № 4. Но пробраться туда не было возможности. Звонил Д. Н. Егоров, сообщивший, что у них у Успения на Могильцах творится сущий ад. Очевидно, что наша местность сделалась ареной каких-то военных действий. Все так неясно, и неизвестно, что делается вокруг. Я работал над биографией, и мне удалось составить описание дней 1–3 марта 1698 г. На вечер мы из кабинета перешли в более спокойную комнату Л[изы], откуда менее слышно стрельбу. В 10-м часу вдруг повсюду погасло электричество; мы очутились в полнейшем мраке и в 10 легли спать под выстрелами.

31 октября. Вторник. Наша осада продолжается. Всю ночь на 31-ое и весь день пушечная, ружейная и револьверная стрельба продолжалась. Электричество вновь начало гореть. День опять за работой: составлял описание за 5-ое марта 1698 г. Начинает тяготить неподвижная жизнь. По утрам прислуга нашего двора проползает как-то в булочную за хлебом и приносит тягостные известия: убили на Сенной площади двух проходивших юнкеров, убили торговца в мелочной лавке, сказавшего зашедшим в лавку солдатам, что у него нет табаку. Вечером Карцевы каким-то образом достали газету «Вперед», социал-демократическую, но не одного толка с большевиками[250]. Оказывается, что вчерашняя сильная ружейная пальба раздавалась при атаке, произведенной большевиками на здание штаба округа на Пречистенке. Газета говорит о примирении, о назначении «согласительной комиссии»[251]. Дело рассматривается не как преступный мятеж против правительственной, даже против верховной власти, а как раздор двух сторон, двух партий, совершенно как на фабрике конфликт предпринимателя с рабочими. Где же государство с его абсолютными велениями? Всякое понятие о нем, очевидно, уже утрачено. Тяжкие мысли приходят о том, к чему, к какой жизни мы вернемся после прекращения этой московской войны, когда стихнут выстрелы. Разве к порядку? Опять почти голод, может быть, и совсем голод, опять эта городская Дума с иудеем во главе, митингующая вместо того, чтобы вести городское хозяйство, опять трамваи, переполненные разнузданной солдатчиной, солдаты, торгующие табаком и калошами, воровство, грабежи и убийства, «большевики» и «меньшевики» и т. д. и т. д.

1 ноября. Среда. Пятый день междоусобной войны. Опять пушки, ружья и пулеметы. Часу в третьем была усиленная канонада и настоящий рев пулеметов. Что это обозначало, неизвестно. Неизвестность, в которой мы живем, увеличилась еще тем, что прекратилось действие телефона, так что сношения с внешним миром, какие были, пресеклись. Заходил к нам ночной сторож, сказавший, что наш переулок обстреливает какой-то субъект в зеленой куртке. Но обстреливает необыкновенно усердно, иногда доходя до какого-то ожесточения. Я много работал.

2 *ноября.* Четверг. Шестой день сидим в осаде, и этот день под жесточайшим обстрелом. Никто, даже два равнодушнейшие ко всему окружающему плотника, которые работают у Карцевых в кладовой, не решались выходить за ворота и даже по двору проходили с опаской. Смысл этой пальбы для нас совершенно неясен. Все утро и до 4 часов я работал над биографией, занимаясь днем 7 марта 1698 – день оказался очень обилен перепиской, и потому над описанием пришлось много посидеть. Все время и пушечная канонада. Я поднялся из-за работы только тогда, когда пуля ударила в нашу стену или крышу, т. к. мне показалось, что она попала в окно и разбила его. Весь день и большую часть ночи таинственный незнакомец, находящийся в переулке, щелкает без устали из револьвера, то приближаясь, то несколько удаляясь, очевидно, ходит по переулку. Какую цель имеет в виду это занятие, неясно. Телефон, конечно, не работает, и мы опять совершенно отрезаны от всего мира и

ровно ничего не знаем. Только и отрады, что уйти в прошлое и жить в Лондоне весной 1698 года. Когда работу прекращаешь, смысл бытия теряется.

3 *ноября.* Пятница. Утром была еще редкая стрельба; но затем все стихло. Такая тишина была уже чем-то удивительным; уши за 6 дней привыкли к выстрелам. Стали доходить слухи со Смоленского рынка через ходивших туда прислуг, что юнкера сдались. Пришедший к Карцевым служащий при их магазине татарин Ях-я рассказал, что видел даже, как юнкера сдают оружие. Слухи эти подтвердились[252]. Пришел Д. Н. Егоров; встречен был нами очень радостно. Затем заходил к нам С. В. Бахрушин, рассказавший о вялых, неэнергичных и прямо предательских действиях командующего воисками Рябцева. Есть известие из Петрограда, что Керенский разбит под Петроградом и бежал, переодевшись в матросское платье, и теперь разыскивается[253]. Итак, разыскивается находящийся в бегах верховный главнокомандующий. Канатный плясун кончил свою карьеру, как и подобало канатному плясуну: свалился с каната и разбился. Чем же психологически объяснить такое наваждение, что он морочил русское общество восемь месяцев? Потом, конечно, объяснят эту непонятную нам, слишком близким очевидцам, загадку. Очевидно, что московские власти, прослышав о неудаче Керенского в Петрограде, решили и здесь сдаться. Тогда зачем же было оказывать сопротивление большевикам вооруженной рукой с горстью юнкеров, зная о настроении московского гарнизона? Жаль юнкеров; много молодых жизней погибло напрасно; а главное – как тяжело, должно быть, начинать военную карьеру сдачей оружия! Итак, Россия докатилась до крайнего левого берега; левее идти уже некуда. События идут своим неумолимым ходом. Удержать волну, предотвратить ее удар о левый берег оказалось невозможным. Надо, чтобы русский крайний социализм обнаружил все свои творческие силы и исчерпал себя до конца. Пресечь этот эксперимент могут, впрочем, немцы, которые, конечно, воспользуются нашими междоусобиями в своих целях. Носились слухи, что они прорвали наш минский фронт и захватили Минск, что взяли Ревель[254]. Все это очень тревожно. Я отвлекался от работы, которой, однако, не прерывал. Описывал дни 7—12 марта 1698 г.

4 ноября. Суббота. Утро над биографией. После завтрака мы с Миней гуляли по переулкам нашего района. Много следов от пуль, много разбитых стекол. Есть дома, где почти все стекла выбиты и повреждены снарядами стены. Какое варварство, какое дикое преступление! Глубина русского дикаря, кто изведает тебя! Встречались обыватели интеллигентного вида, унылые, испуганные, хмурого вида с поникшими головами. У всех на душе тяжелая дума. Е. В. Герье, которую мы встретили, сообщила о мужестве Влад. Ив. [Герье]. Еще в субботу, когда уже гремела стрельба, он с внучком отправился гулять на Пречистенский бульвар. Юнкер Александровского училища, стоявший на часах – училище подвергалось усиленному обстрелу – потребовал, чтобы он удалился. Влад. Ив. [Герье] стал спорить и заявил, что он более идти не может, что ему надо посидеть на скамейке и отдохнуть, что под охраной юнкера и сделал. Ради гимнастики я начал колоть дрова, что оказало самое благоприятное действие. Ко мне заходили два студента из Академии, занесли рефераты и расспрашивали меня о московских событиях. У них в Посаде все было тихо. Приехали было из Александрова большевики, очевидно с завоевательными целями. Все стали разбегаться и прятаться по домам. Но большевики, увидев, что нет никакого сопротивления, уехали восвояси. Вечер за чтением.

5 ноября. Воскресенье. Утром я пошел в церковь на углу Пречистенки и Царицынского переулка, которая мне очень по душе своим видом сельского храма, обстановкой и пением. Батюшка в конце обедни говорил проповедь, в заключение ее возвестил, что сейчас в Храме Спасителя идут выборы патриарха[255]. Он возвестил это как великую радость, и я действительно почувствовал радость. Будет лицо, вокруг которого может сплотиться православная Россия; будет духовный, по крайней мере, центр, к которому должны будут тяготеть рассы-

панные, растерзанные, разбитые и измученные. Церковь не изведала, таким образом, анархии, чашу которой пришлось испить государству. Когда во главе государства стали жиды и негодяи, отрадно иметь во главе церкви чистого и святого отца. Без патриаршества, может быть, и следовало обходиться при царе. Но теперь оно может оказать бесценные услуги для России. Кого выберут? Очевидно, собор поспешил с избранием ввиду происшедших событий.

У нас были Богословские. Мы радуемся теперь, встречая родных и знакомых, точно сто лет не видались. У них в Кудрине тоже были жаркие дела: на Кудринской площади стояла пушка, из которой обстреливались дома на Поварской, и несколько домов, в том числе великолепный дом графини Олсуфьевой – повреждены. Пострадала и церковь Бориса и Глеба на Поварской. Мы по-прежнему в полном неведении о том, что происходит в России и Европе. Наших газет нет; а в социалистических листках, кроме хамской пошлости и взаимной ругани, никаких известий нет. Узнали только, что командующим войсками Московского округа сделан «солдат» Муралов. Полкам московского гарнизона предписано «выбрать» себе ротных, батальонных и т. д. командиров, а существующие офицеры будут уволены в отставку. Юнкерские училища закрываются, а юнкера переводятся в рядовые. Вечером я заходил к Карцевым. В. А. [Карцева] сообщила, что немцами взяты Або[256] и Гельсингфорс[257]. Если это так, то решена и участь Петрограда. Кажется, сбываются мои горькие слова, что у нас будет республика под немецким сапогом. Мы едем по кругу справа налево: от царя к кадетам и октябристам (Родзянко, Львов, Гучков, Милюков), от кадетов к социал-революционерам (Керенский), от них еще левее: к социал-демократам – и что же, теперь пойдем обратно, или, что вероятнее, движение наше, сделав полный круг, от крайней левой точки перескочит к крайней правой, и неужели при содействии немцев?

6 *ноября.* Понедельник. Снег, начавший около полудня таять. Утро за Петром. После завтрака был в Архиве МИД, чтобы осведомиться о С. К. Богоявленском. Они живы и здоровы. В Архиве настроение угнетенное и подавленное. Даже С. А. Белокуров, нескоро теряющий бодрость, как-то потускнел. Вечер за чтением. Мысли о том, как гг. Родзянки, князья Пав [ел] Д. и Петр Д. Долгорукие, Базилевские, Сухотины, Коноваловы, Челноковы, Рябушинские etc., фрондируя против Николая и учиняя поход против «власти», рубили сучок, на котором сидели. Вот и расплачивайся теперь имениями и фабриками за свое легкомыслие. Два последние перед революцией года «власть» поносилась и проклиналась, и при том не именно Н[иколай] II, а «власть» вообще. Только и слышалось в думских речах: «позор власти», «безумие власти», Шингарев вопил: «Во имя борьбы с властью». Вот она и рухнула, эта ненавистная власть, а поди-ка, найди ее теперь. Будут не только руки, а сапоги целовать у Михаила[258] или другого кого-либо, чтобы только взял ее. И не то же ли самое дворянство в лице графа Льва Толстого так старалось о пропаганде идеи социализации земли, о распространении теории Генри Джорджа[259]? Что же плакать о том, что эти идеи, брошенные с таким талантом в народную массу, привились и дали ростки? Пожинайте, что посеяли сами. Если потеряли идею собственности, что же удивляться потере самой собственности.

1919 год

4 *октября.* Пятница. День в санатории[1]: встал в 7 ч., гулял до 9, упиваясь природой. В 12-м был у доктора, не приговорившего меня, однако, к смерти. Чистый свежий воздух, тишина, хорошо.

5 *октября.* Суббота. Тот же порядок. Жизнь размеренная и однообразная. Отдых.

6 *октября.* Воскресенье. Удар мягкого звучного колокола разбудил меня в 7-м часу. Был у заутрени и у обедни в сельской церкви. День по определенному порядку.

7 *октября.* Понедельник. Ясная солнечная погода. Долго сидел на балконе на солнце. Читал Тэна[2]. Вечером гулял с Е. Ф. Кондратьевой[54].

8 *октября.* Вторник. Идет жизнь исключительно растительная. Мысль у всех в санатории исключительно о питании; о нем только и разговоры. Утром мечтают об обеде, а пообедав, начинают мечтать об ужине. Я сегодня весь день провел на свежем воздухе. Встав в 7 ч. утра, гулял до 9. Затем с 10 сидел на балконе с книгой Тэна, которую кончил (III т.), а затем за Буасье La religion romaine[3]. После обеда гулял и опять сидел на балконе. И так до 7-го часа вечера. Соседи по столу говорили, что, когда я приехал, я был очень бледен, самый бледный из всего санатория, а что теперь цвет лица стал лучше. Да и самочувствие лучше.

9 *октября.* Среда. Встал в начале 8-го часа. Гулял по аллее, которая стала моей любимой, до 9. Время за утренним завтраком до 10 так долго потому, что к этому завтраку подается вареный картофель в коже, и ее надо чистить. Меня выслушивал старший доктор Гриневский в том же кабинете, где сидит и младший. Обратясь к младшему, Гриневский спросил: «Что в области cor?». «Delatatum[55], Фед[ор] Александрович, – ответил младший, – и справа, и слева». Вот чем, должно быть, и надо объяснять те приступы тоски, которые у меня за последнее время были. Читал с наслаждением Буасье, лежа на террасе на открытом воздухе. В 6-м часу опять гулял. Вечер в разговорах в зале. Вот порядок растительножвачной жизни. Долго ее не вытерпеть, а немного – можно, пожить так с удовольствием и отдохнуть, отдохнуть!

10 *октября.* Четверг. Великолепная ясная погода. Целый день на воздухе. Хочу изолироваться от газет, но не удается: их читают вслух, и все же невольно прислушиваешься. Читал Буасье, лежа на балконе.

11 *октября.* Пятница. Радостный день: получил 4 письма: 2 от Л[изы], одно от Мини и одно от С. К. Богоявленского с описанием заседания в ОИДР, пропустить которое мне так было жаль.

12 *октября.* Суббота. Стали топить в санатории, но очень немного.

13 *октября.* Воскресенье. Бархатный звучный колокол разбудил меня в 7-м часу. Был у заутрени и затем у обедни. Заутреня в полутемном храме; едва мерцают свечи и лампады. Совсем нет народа. За обедней, наоборот, много народа и поет хор. Дождь, туман, тоскливо.

14 *октября.* Понедельник. Опять дождь и туман, тяжелый, нависший. И на душе както тяжело. Точно крест на всем поставлен. Не знаю, продолжать ли эти однообразные унылые санаторные записи или бросить. То, что хотелось бы написать, не напишешь, а то, что записываешь – однообразно. Грустно было по своим. Неужели мне уже надоел отдых?

15 *октября.* Вторник. Туман продолжается. Весь день – полутьма. Гулял, читал Буасье. Письмо от Л [изы] и повестка в Ученый совет на обсуждение вопроса об учреждении Исто-

---

[54] Вероятно, описка М. М. Богословского. Скорее всего, речь идет о Елизавете Федоровне Корнеевой.

[55] Cor – сердце *(лат.)*; dilato, dilatatum – расширять *(лат.)*; dilatatio cordis – дилатация полостей сердца, обусловленная растяжением их стенок.

рического института. Дело очень желательное и полезное, и надо пожелать в этом успеха Д. Б. Рязанову[4].

16 *октября.* Среда. Морозный, а после обеда ясный день. Много гулял и много читал Буасье. Вечером в зале читали Чехова. Слушал с большим наслаждением.

17октября. Четверг. День, как и предыдущий. Мороз. Читал П-й том Буасье. Вечером опять читали Чехова.

18 *октября.* Пятница. Морозный мрачный день. Сильный северный ветер. За недостатком керосина перестала действовать машина, обслуживающая электричество, водопровод и отопление. С обеда прекратилась вода. Об отоплении и думать нечего. Вечером не зажигалось электричество. Мы ужинали в громадной зале при одной свечке, поставленной на стул, помещенный на столе. После ужина сидели в темноте и слушали пение одной из больных, очень недурно исполнявшей русские романсы. Ко всем бедам отнеслись философски. Никто не впадал в уныние и не капризничал.

19 *октября.* Суббота. Темнота и отсутствие воды, умывался снегом.

20 *октября.* Воскресенье. Встал рано по звону колокола и вышел, когда ворота еще были заперты, так что пришлось тревожить сторожа. Был у заутрени и обедни. Когда вернулся, одна из дам встретила меня с известием, что мне пришли два письма, и действительно, это были письма от Л [изы] и Мини, очень меня обрадовавшие, т. к. давно я от них ничего не получал. Не успел я прочесть их, как Е. Ф. Корнеева, войдя в столовую, объявила мне, что приехала Л [иза]. Это было совершенно неожиданное появление. Я был очень рад, кормил ее, делясь своим обедом и ужином. Гуляли с нею. Вечером сидели у камина в темной зале, греясь уютным огнем. Был также и доктор Ф. А. Гриневский, с которым беседовали.

21 *октября.* Понедельник. В 3 ч. вышли с Л[изой] пешком в Щелково, чтобы ехать в Москву. Поезд двигался за недостатком топлива крайне медленно. Мы ехали вместе с Гриневским и вели интересный разговор об Университете и прежних профессорах. В Москву прибыли в 9 ч. вместо $7 1/_2$, заходили к Наде [Фишер]. Домой пришли уже в 12-м часу. Миня еще не спал, ожидая нас.

22 *октября.* Вторник. В Москве. Жизнь сосредоточилась в комнате Мини, нагреваемой маленькой железной печкой, на которой готовят кушанья. В этой комнате бывает от 6 до 10°. В остальных, где 5°, где 3°, а в зале 0°. Тяжко. Был в Архиве и Румянцевском музее. Остальное время дома. У нас Богоявленские по случаю именин Л[изы]. Заходили также Д. Н. Егоров и О. О. Карпович. За самоваром в комнате уютно и тепло.

23 *октября.* Среда. Пробыл в Москве. Заходил в Университет. Видел Веру [Карцеву] у нас и навестил их. Жалобы на холод. Москва – мерзнет.

24 *октября.* Четверг. Встал в $5 1/_2$ час. утра. Вышел из дому в 6 ч. 20', было еще совсем темно, и напрасно вышел так рано, т. к. поезд отправился с опозданием на 1/2 ч. и шел крайне медленно и с большими остановками. В Щелково прибыли вместо 10 ч. в 11. Дорогу в Гребнево прошел пешком, любуюсь зимними видами.

25 *октября.* Пятница. Мирная санаторская жизнь с интересами отрезанного от мира острова. Падает обильный снег.

26 *октября.* Суббота. Ясный, морозный день. Зима. Читал Буасье.

27октября. Воскресенье. Встал очень рано. Был у заутрени и обедни. Письма домой. Вечером прогулка с Е. Ф. Корнеевой. Были в двух избах. Много денег, но та же грязь и отсутствие самых элементарных гигиенических условий.

28 октября. Понедельник. Зима. Тихая морозная прелестная погода. Только в Москве мерзнуть приходится, и эта мысль не дает покоя. Кончил книгу Буасье. По ассоциации мне очень ясно вспоминались занятия классическими языками в гимназии и вообще наша 5-я гимназия. Вот действительно была трудовая школа. Вечером ходил за молоком версты за 3 в деревню Камшиловку. Купил крынку – стаканов 6 за 150 руб. Долго сидел в избе дожидаясь.

Крестьяне теперь обладатели сотен тысяч (корова – 40 тыс., лошадь – 60 тыс., и все в таком же роде), а грязь, убожество и некультурность прежние.

29 *октября.* Вторник. Дивная тихая зимняя погода. Много гулял; читал Тэна «Histfoire] de la litterature anglaise» т. IV[5]. Вечером мы опять сидим без освещения и без воды.

30 *октября.* Среда. Вьюга, нельзя было выходить ни утром, ни днем. Читал Тэна. Вечером визит к диакону с девицами Е. Ф. Корнеевой и ее подругой. В уютном теплом домике сохранился быт доброго старого времени. Мы были приняты радушно и угощены кофе (чаю теперь нигде нет), пирогами и конфетами. К сожалению, самого хозяина не было; беседовали с диаконицей.

31 *октября.* Четверг. Дивная зимняя погода: -6°. Тихотихо, так что на далекое расстояние слышны голоса в деревнях. Много гулял, любуясь зимним пейзажем: темно-зеленые, почти черные ели, опушенные выпавшим вчера снегом. Белый покров снега, серые разных оттенков, клубятся облака. Что-то печальное, траурное в этом соединении белого савана снега и черной каймы леса на горизонте, но все же дивно хорошо. Читал Тэна о Попе.

1 *ноября.* Пятница. Такая же отличная погода. Опять много гулял по тем же местам. Эти записи я веду кое-как на тумбочке, стоящей у постели, и потому записываю кое-как и далеко не все, что бы хотелось занести.

2 *ноября.* Суббота. Сильнейший ветер при -10°. Выходил только рано утром до кофе. Брал затем ванну и сидел дома, читая Тэна. Очень беспокоит отсутствие писем из Москвы. Почта, очевидно, так же расстроена, как поезда и трамваи. Вчера я получил от Мини письмо его № 3, от субботы 25 октября, №№ 1 и 2 не получены, от Л [изы] ни одного письма. Без марок – но большая часть писем пропадает.

3 *ноября.* Воскресенье. Я встал в 61/2 ч. утра с ударами колокола к заутрене в соседней церкви и вышел, когда было еще совсем темно. Светил рог луны, сияла утренняя звезда, видны были и другие звезды. Но на востоке уже светлела полоска, возвещавшая восход солнца. В церкви темно, только мерцание немногих лампад и свечей. Какая дивная поэзия в этом предрассветном богослужении и в этом возгласе «Слава Тебе, показавшему нам свет», когда действительно свет показывается. Высокие сущности, вечные и незыблемые, человечество облекает в *различные,* меняющиеся, но всегда поэтические формы. Это и есть поэзия религии. В поэзии нашей религии меня привлекает ее красота и ее древность. Последняя связует поколения. То, что мы теперь видим и слышим в храме, видели и слышали наши предки XVII, XVI и еще более далекие предки.

Взошло солнце. День был ясный, морозный, но тихий. Я провел почти весь день на воздухе, которым, можно сказать, упивался. Получил письма: от Мини – от 7 ноября! – и от Липухи, последнее через приехавшую даму. Почта из рук вон действует плохо.

4 *ноября.* Понедельник. Сильнейшая вьюга. Моя попытка выйти утром гулять оказалась неудачной. Целый день дома за книгой Тэна пока было светло. Вечером у Е. Ф. [Корнеевой]. Читал по-английски под ее руководством.

5 *ноября.* Вторник. Ветер. Много снегу. Двигаться было трудно и потому пришлось меньше быть на воздухе. Кончил IV том Тэна. Начал V-й.

6 *ноября.* Среда. День весьма похожий на предыдущие. Читал Тэна о Диккенсе.

7 *ноября.* Четверг. Тихо. Деревья, опушенные инеем, – «деревья в синем серебре». Дивная картина. Гулял рано утром, испытывая большое наслаждение от этой красоты. В 1-м часу, когда я сидел в зале и читал, меня позвали вниз: там я к изумлению увидел Ю. В. Готье, который провожал Нину Николаевну [Готье], пришел из Щелкова раньше нее; она осталась там ждать лошадей. Я очень был ему рад, показывал ему здание, парк, и оба любовались красотой усадьбы и зимним пейзажем. Действительно, было дивно хорошо. Он сообщил о московских друзьях. В 2 ч. он ушел, я проводил его по деревне. Около 3 приехала Н. Н.

[Готье], очень усталая и слабая. Вечером я ее навестил дважды. Она несколько отдохнула и чувствовала себя уже лучше.

8 *ноября.* Пятница. Заходил в церковь. Здесь день Михаила Архангела – большой праздник. Было много народа. Вот и уничтожайте религии. Большая прогулка.

9 *ноября.* Суббота. Начался сильный ветер. Вечером выйти можно было с трудом. Много читал.

10 *ноября.* Воскресенье. Сильнейшая метель. Нельзя было совсем выйти. Дома за книгой Тэна. Беседы с Н. Н. [Готье]. Урок английского языка с Е. Ф. [Корнеевой].

11 *ноября.* Понедельник. Чистый белый снег после метели, очень озонированный воздух. Но гулять было трудно, т. к. нога утопала в снегу. Читал Тэна о Карлейле (в Истории английской литературы). Некоторые мои мысли о религии, появлявшиеся у меня за последнее время, удивительно совпадают со взглядами Карлейля, которого я, к стыду своему, совсем не читал. Надо восполнить этот пробел при первом же удобном случае. Вечером был у Н. Н. Готье, а затем урок английского языка с Е. Ф. [Корнеевой].

12 *ноября.* Вторник. Гулял утром с сожителем своим по комнате Томским, говорили о социализме и индивидуализме. Затем читал Тэна. Вечер у нас был без освещения, и сидели в темноте, проведя время в разговорах.

13 *ноября.* Среда. Сидим опять без отопления, без освещения и, что хуже всего, без воды. Но я отношусь к этому философски. Гулял, читал Тэна о Милле. Вечером частию с Н. Н. [Готье], частию с Е. Ф. [Корнеевой] и ее подругой. Немного упражнялся в английском разговоре.

14 *ноября.* Четверг. Без огня и без воды. В моем распоряжении для умыванья был всего стакан воды; нельзя сказать, чтобы это было особенно гигиенично. Санаторий отражает, конечно, общую разруху, ничего не поделаешь. Сегодня шесть недель, как я здесь. Довольно. Хочется домой. Утром беседа с коммунистом Томским, который излагал мне свои воззрения, а затем свою биографию. Последнюю я слушал с большим интересом: в ней был живой человек. Идеи же интересны только при том условии, чтобы они не были шаблонны. Долго был у Н. Н. [Готье], которая сильно страдает. Что наши невзгоды перед ее тяжким недугом! Жаль молодую женщину!

15 *ноября.* Пятница. Тихая теплая погода. Гулял утром до кофе, затем перед обедом и вечером, кажется – надышался свежим воздухом всласть. День темноватый, небо серое разных тонов от светло-серого почти до черноты – тона как на фотографических снимках пейзажей. Белый чистый снег и черная кайма леса – опять что-то траурное. Кончил V-й том Тэна. Все захваченные мною книги прочитаны. Пора домой за работу.

16 *ноября.* Суббота. Приехал Ю. В. Готье навестить жену. С ним гуляли и много говорили. Вечером слушали вновь прибывшего больного, оказавшегося поэтом. Он декламировал во мраке залы (мы опять без света) или, вернее, пел свои стихи, которые можно назвать политическими шансонетками. Готье расположился в моей комнате, что было мне очень приятно.

17 *ноября.* Воскресенье. «Утру глубоку» меня пробудил колокол. Я тихо собрался к заутрене. Оттепель. Бедный Ю. В. [Готье] принужден был идти отсюда пешком в валяных сапогах. Вечер в темноте. Навещал Н. Н. [Готье] и А. А. Ченцову.

18 *ноября.* Понедельник. Утро в прогулке. После обеда читал с Е. Ф. [Корнеевой] по-английски. Письма от Л[изы] и Мини.

19 *ноября.* Вторник. Тихая погода. Опять серебро на деревьях. Много гулял, любуясь и наслаждаясь природой. Вечером была лекция Ф. А. Гриневского о сыпном тифе. Новым для меня было, что распространяющие его вши нападают на людей, находящихся в угнетенном состоянии духа, тогда как не трогают людей бодро настроенных. Из распространения тифа

за прошлую и за нынешнюю зиму можно заметить, таким образом, насколько в подавленном состоянии находится население России.

20 *ноября.* Среда. Полнейшая тишина и ясно при -2°. Дивная погода. Иней продолжает лежать на деревьях. Опять много гулял и мало читал; только по-английски все эти дни занимался довольно усердно. Вечер ясный, лунный; не хотелось входить в дом. Был у всенощной, за которой раздалась песнь «Христос рождается». Говорили с Е. Ф. [Корнеевой] о поэзии, которою обвеяно у европейских народов Рождество Христово.

21 *ноября.* Четверг. У обедни, затем навещал Нину Николаевну [Готье], и во время моего визита вошла прибывшая из Москвы ее сестра Татьяна Николаевна [Дольник]. Она нашла Н. Н. [Готье] очень изменившеюся к худшему, чего я не находил. Я посидел с ними немного и ушел, уговоривши Татьяну Ник. [Дольник] не возвращаться домой с вечерним поездом сегодня же, как она хотела, а остаться ночевать. После кофе гулял. Вечером был опять у Н. Н. [Готье], которая угощала нас с Таней [Дольник] простоквашею.

22 *ноября.* Пятница. Таня [Дольник] хорошо сделала, послушавшись меня и не уехав вчера вечером. Н. Н. [Готье] не спала всю ночь от боли в ухе. На эту боль она очень жаловалась, когда я вошел к ней сегодня утром. Голова ее была закутана платком; она временами сильно стонала от боли. Жаль было на нее смотреть. До обеда я был у доктора Артура Рудольфовича на приеме. Посадив меня на весы, он увидал, что за последние 4 недели со времени возвращения из Москвы я прибавился в весе только на $1/_2$ фунта. Он предложил мне пробыть здесь еще неделю до двухмесячного срока, что и для меня было приятно, хотя я уже очень соскучился по своим. Мы поговорили о Н. Н. [Готье]. Он сказал, что случай из самых тяжелых, но что пока непосредственной опасности не предвидится. Перед самым обедом я вновь заходил к ней. На ухо ей был поставлен компресс, видимо, успокоивший боль. Фельдшерица не придала особого значения боли в ухе и на мой вопрос сказала: «Очень нервничает». Часа в 4 я снова был у Н. Н. [Готье] и застал ее тяжело дышащею. За отсутствием санаторского врача были позваны двое врачей из больных: некто молодой человек Самарский и женщинаврач (глазной) Антонина Андреевна Ченцова, очень симпатичная дама. Припадок успокоили холодными компрессами на сердце. Ничто не внушало еще тревоги. Однако Таня [Дольник] уже не могла уехать вечером и отложила отъезд до субботы утра.

Но Н. Н. [Готье] все слабела и слабела. Когда я входил, она говорила уже бессвязно отдельными фразами, среди которых я расслышал слова: «Володя[6], не стучи». Сестру и меня она узнавала. К вечеру она впала в глубокий сон, и доктор Поржезаер сказал, что надежды никакой нет. Ее перенесли в отдельную комнату на 3-й этаж. Когда я туда вошел, Таня [Дольник] со слезами подошла ко мне, оперлась мне на плечо и так пробыла некоторое время, плача. Н. Н. [Готье] тяжело дышала открытым ртом и была без сознания. У постели ее сидела заведующая санаторием Ксения Борисовна и мы с Таней [Дольник]. Я опасался, что она с часу на час скончается, и оставался у нее до 5 ч. утра. Убедившись, однако, что сердце хорошо работает, пошел к себе и лег, попросив поднять меня, если что случится. Я очень боялся, что Ю. В. [Готье], ожидавшийся в субботу утром, не застанет ее в живых. Это было бы ужасно. Все же ему будет легче приехать к живому еще человеку и принять его последний вздох, чем увидать уже похолодевший труп. Поднявшись под утро, я вновь заходил в комнату Н. Н. [Готье] – и все то же положение.

23 ноября. Суббота. Положение Н. Н. [Готье] все то же: лежит без сознания, тяжело дышит, руки иногда двигаются. У меня опять было опасение, что она скончается до приезда Юры [Готье]. Однако Ксения Борисовна и фельдшерица утверждали, что агония протянется еще несколько часов. Другое мое опасение было за Юр. Вл. [Готье]. Мне казалось необходимым его постепенно приготовить к ожидающему его удару. То же говорила мне и Ксения Борисовна: «А то, – добавила она выразительно, – какая-нибудь шалая (из больных) встретит его и бухнет ему все сразу». В 11 час. я пошел навстречу Юр. Вл. [Готье], который должен

был прибыть в 12-м. Я погулял по двору и по дороге с полчаса, как показались санаторские сани и в них Юр. Вл. [Готье] с одним из возвращавшихся в Москву больных. Я окликнул Юр. Вл. [Готье], он вышел из саней. Я сказал, что остановил его, чтобы предупредить, чтобы он входил к Н. Н. [Готье] как можно тише, потому что она спит. Он стал тотчас же задавать тревожные вопросы: «Что, разве дело плохо?» Я ответил, что она действительно очень слаба. «Ну как, надежда есть?» Я сказал, что положение очень серьезно и плохо. Когда мы поднялись на третий этаж, он заглянул в открытую в комнату Н. Н. [Готье] дверь и схватился за голову. У двери был доктор Гриневский. «Ну как, доктор? Есть надежда?» Гриневский осторожно объяснил ему, что положение безнадежно. Юра встретил эту весть твердо и мужественно. Он выслушал наш рассказ о событиях последних двух дней. Он остался сидеть в комнате с Н. Н. [Готье] и провел там весь день. Временами я заходил туда же, и мы тихо говорили. Под вечер он присел к постели, приникал головой к плечу или к руке жены и так оставался подолгу. Грустно было видеть. Снизу из залы раздавались печальные аккорды на рояли: играл какие-то заунывные мелодии гимназист Коля. Была полная тишина. Все вокруг как-то притихли. Сильное молодое сердце Н. Н. [Готье] упорно работало и не хотело останавливаться. В 10 ч. вечера она еще дышала по-прежнему, хотя пульс очень слабел. Я пошел лечь, попросив разбудить меня в случае кончины. Около 12 ч. ночи Ксения Борисовна постучала к нам и вызвала меня как можно скорее. Я быстро вскочил, и она мне сообщила, что Н. Н. [Готье] только что скончалась. Я крепко пожал руку Юры [Готье]. На площадке на лестнице при лунном освещении мы с Юр. Вл. [Готье], Таней [Дольник] и Ксенией Борисовной устроили совещание, как быть и что делать. Было уже около 2-х ночи, когда я вернулся к себе.

24 ноября. Воскресенье. Мы с Юрой [Готье] пошли в церковь к обедне, чтобы переговорить с батюшкой. Он выслушал участливо слова Юр. Вл. [Готье], и сказал, что главное затруднение будет с гробом, и указал на находившегося в церкви столяра. Столяр сказал, что уезжает в Богородск, но указал на другого столяра. Тот выразил готовность сделать, но заявил, что нет материала – тесу, причем как-то глупо улыбался и вообще держал себя как пещерный троглодит. Мы побывали еще у третьего столяра, но у того не оказалось ни материалу, ни инструментов. Мы были близки к отчаянию, когда возвращались домой. В передней мы нашли какого-то человека, пришедшего к Гриневскому с какою-то просьбой. Узнав, в чем дело, он сказал Гриневскому, что тес есть в Турбине у какого-то Ив[ана] Сергеевича, которого стал вызывать по телефону. После долгих усилий и звонков Ив[ан] Сергеевич] сообщил по телефону, чтобы присылали за тесом. Дело, казалось, было сделано. Гриневский послал туда лошадь. Но, увы, Ив[ан] Сергеевич, как и полагается, надул. Опять положение стало безвыходным. В конце концов отыскались какие-то доски в усадьбе, и свой столяр вызвался сделать гроб к завтрашнему дню. Мы провели день с Юрой [Готье]; я старался всячески его отвлечь. Иногда он кидался в комнату, где на постели лежала мертвая Н. Н. [Готье] и там сидел. В 5 ч. приходил причт отслужить панихиду.

25 ноября. Понедельник. В 12 ч. была панихида. Принесли гроб, и в присутствии духовенства Н. Н. [Готье] была в него положена, и после панихиды тело было процессией при пении «Святый Боже» вынесено в церковь. В 5 ч. была над гробом заупокойная всенощная. Храм был в полном сумраке: мерцали кой-где разноцветные лампады, горели свечи у гроба и у нас в руках. Кроме Юры [Готье] и меня, был сожитель мой по комнате Ф. Б. Дикгоф и одна старушка. После всенощной батюшка любезно пригласил нас зайти к себе выпить чаю, тем более что это был день его именин. Мы зашли. В маленьком домике было очень тепло, градусов 18. За столом с самоваром сидели члены семейства и несколько гостей. Мы были радушно угощены кофе с молоком, медом и разным печеньем из черной муки. Опять повеяло чем-то прошлым, древнерусским. Мы за этот час, что были у батюшки, отдохнули душой. Вечером прибыло 7 человек родственников Н. Н. и Юры [Готье] и помещены были в санатории.

26 *ноября.* Вторник. Утром обедня и отпевание Н. Н. [Готье], на которую положены были привезенные из Москвы цветы. Юра [Готье] плакал, но был молодцом. Гроб был перенесен в холодную церковь и там поставлен до похорон здесь или до перевезенья в Москву. Вернувшись из церкви, я посидел некоторое время с родными Н. Н. [Готье] В 2 ч. они пустились в путь. Как опустело и стало тоскливо у меня на душе. Я уже не ходил вечером вниз, а провел остаток дня в беседе с сожителями по комнате, очень участливо относившимися к горю Юр. Влад. [Готье]. Он ночевал эти последние две ночи в моей комнате и говорил, что общество, которое он в ней нашел, очень ему по душе: это Ф. Б. Дикгоф – внук знаменитого обер-пастора[7] – и В. Я. Морской – дирижер Саратовской оперы, очень образованный и интересный человек.

27 *ноября.* Среда. Утром прогулка. Затем читал статью о скопцах. Вечером мы были погружены во мрак. Гуляли с Е. Ф. [Корнеевой] по деревне, толкуя об отъезде.

28 *ноября.* Четверг. Обычные прогулки, чтение и беседы с сожителями по комнате. Вечером у А. А. Ченцовой.

29 *ноября.* Пятница. Утром ходили с Е. Ф. [Корнеевой] в Камшиловку за 4 версты. Лес в снежном уборе; на ветвях темных елей белеющие пушистые клоки снега – совсем как в рождественских книжках с рождественским сказками. Вернувшись, я нашел у себя Юру Готье в сопровождении Макс. Влад. Сергиевского: они приехали за гробом Н. Н. [Готье]. В 5-м часу дровни были поданы; мы отправились в церковь, вынесли гроб, поставили на дровни, и путешественники тронулись в путь. Я прошелся с доктором А[ртуром] Р [удольфовичем] и с Кс[енией] Борисовной; затем заходил проститься к отцу диакону. Вечер частию во мраке, но затем появился свет.

30 *ноября.* Суббота. У меня на ночь образовался фурункул, распространенная теперь болезнь, которою так долго страдал Миня. Я показал его студенту массажисту, а потом и врачу.

1 декабря. Воскресенье. Фурункул разросся. Мне сделана перевязка. Видимо во вторник, как я хотел бы, не уехать.

2 декабря. Понедельник. Из-за наложенного на ногу компресса принужден сидеть дома, а погода дивно-хорошая. Досадно. Разговор с В. Я. Морским о французской литературе.

Археографические примечания

Дневник академика Михаила Михайловича Богословского хранится в составе его личного архивного фонда в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея[56].

Дневник представляет собой отдельные листы из блокнотов (преимущественно в 8-ю долю листа), исписанные в большинстве своем с двух сторон черными чернилами, с незначительной авторской правкой. Ежедневные записи велись Богословским с 16 июля 1915 г. по 6 ноября 1917 г. Кроме того, сохранились отрывочные записи историка за несколько дней 1913 г. и записи за два месяца, проведенных Богословским в подмосковном санатории (бывшей усадьбе Гребнево) с 4 октября по 2 декабря 1919 г. Записи за 1919 г. сделаны карандашом[57].

Частично материалы дневника привлекались в очерке о Богословском Л. В. Черепнина, во вступительной статье Л. А. Черной к изданию его воспоминаний, статей и писем, в обзорной статье в Археографическом ежегоднике. Отрывки из дневника за 1915 г. были опубликованы в журнале «Вопросы истории»[58].

Дневник М. М. Богословского впервые публикуется полностью.

Правописание приведено в соответствие с нормами современной орфографии и пунктуации.

При пропуске букв и сокращении слов, за исключением имен, текст для удобства чтения восстанавливается по смыслу без оговорок. Зачеркнутые автором слова и фразы не приводятся. Явные описки исправляются без оговорок. В тех случаях, когда возможны разночтения, текст восстанавливается в квадратных скобках. Если в тексте указаны только инициалы, титулы или должность, фамилия упоминаемого лица приводится в квадратных скобках.

В тесте сохраняется авторское сокращение В. Ж. К. (Высшие женские курсы – ВЖК), Ж. М. Н. Пр. (Журнал министерства народного просвещения – ЖМНП).

Сохраняются сокращения: ген. (генерал); проф. (профессор); в. кн., вел. кн. (великий князь); о. (отец); преосв. (преосвященный); к., коп. (копейка, копейки); р., руб. (рубли); т. к. (так как); ч., час. (час, часов) и т. п.

Различные варианты сокращения Общества истории и древностей российских и Министерства иностранных дел передаются аббревиатурами ОИДР и МИД.

В тексте вводится единообразие в употребление заглавных букв при написании: Университет (то есть Московский университет), Академия (то есть Московская духовная академия), Курсы (то есть Московские высшие женские курсы), Государственная дума, Государственный совет и т. п., а также единообразное написание памятников древнерусского права: Судебник, Русская Правда и др.

Авторские подчеркивания передаются курсивом. В подстрочных примечаниях даются перевод иностранных слов и комментарии, касающиеся особенностей текста.

---

[56] ОПИ ГИМ. Ф. 442, 100 ед. хр. Другая часть архива М. М. Богословского находится в АРАН (ф. 636, 195 ед. хр.).

[57] ОПИ ГИМ. Ф. 442. Ед. хр. 3–4. Дневник за 1913 год – ед. хр. 3, л. 1–2. Дневник за 1915 год – ед. хр. 3, л. 3—99. Дневник за 1916 год – ед. хр. 4, л. 1—184. Дневник за 1917 год – ед. хр. 4, л. 185–369. Дневник за 1919 год – ед. хр. 3, л. 100–112.

[58] *Черепнин Л. В.* Отечественные историки XVIII–XX вв. М., 1984. С. 132–144; *Черная Л. А.* Введение // *Богословский М. М.* Историография, мемуаристика, эпистолярия. М., 1987. С. 3—12; *Неберекутина Е. В., Сафронова Т. В.* Дневник М. М. Богословского // Археографический ежегодник за 2000 год. М., 2001. С. 271–279; Из дневника академика М. М. Богословского / Подготовка текста, вступительная статья и комментарии Е. В. Неберекутиной и Т. В. Сафроновой // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 91—111.

Все даты даются по старому стилю. В отдельных случаях в скобках приводятся даты по новому стилю.

Иллюстрации предоставлены А. В. Мельниковым. Составители пользуются возможностью выразить глубокую признательность за помощь, оказанную в подготовке данного издания, И. В. Белозеровой, А. В. Мельникову, Ф. А. Петрову, Н. П. Соколову и А. Г. Юшко.

Комментарии

1913 год

1 Диссертация Е. Г. Кагарова была опубликована в 1913 г.: *Кагаров Е. Г.* Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. СПб., 1913.

2 Богословский вспоминает свои диспуты: 22 ноября 1902 г. состоялся диспут по его магистерской диссертации «Областная реформа Петра Великого. Провинция. 1719–1727 гг.»; 22 ноября 1909 г. – диспут по докторской диссертации «Земское самоуправление на русском Севере в XVII в.».

3 Имеется в виду Императорский Российский исторический музей. Исторический музей – первый в России музей национальной истории и культуры. Основан в 1872 г. в Москве. Здание музея на Красной площади построено в 1875–1881 гг. по проекту архитектора В. О. Шервуда и инженера А. А. Семенова. Открыт в 1883 г. как Музей имени Его Императорского Высочества Государя наследника Цесаревича в Москве (назван в честь великого князя Александра Александровича, будущего императора Александра III). Позже несколько раз менял названия: Императорский Российский исторический музей им. Императора Александра III в Москве (1895–1917), Государственный Российский исторический музей (1917–1925), с 1925 – Государственный Исторический музей.

4 Каплюшечкой, Миней Богословский называл своего сына, Богословского Михаила Михайловича (1908–1925).

5 Речь идет о Свято-Троицкой Сергиевой лавре, в которой располагалась Московская духовная академия.

6 Имеется в виду Московская духовная академия. С 1908 г. Богословский состоял доцентом Академии по кафедре русской гражданской истории, с декабря 1909 г. – экстраординарным, с января 1912 г. – ординарным профессором.

7 Вероятно, речь идет о работе Т. Шимана «История России в царствование Николая I»: *T. Schiemann.* Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus. Berlin, 1913.

8 П. Н. Сакулин в 1913 г. представил в качестве магистерской диссертации свою книгу «Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель» (т. 1, ч. 1–2, М., 1913), которая содержала всестороннее исследование русской общественной и литературной жизни 20—30-х гг. XIX в. За эту работу Сакулину была присуждена степень доктора, минуя степень магистра.

1915 год

1 См. примеч. 4 (1913).

2 Село и пристань на правом берегу Волги между Рыбинском и Романово-Борисоглебском (соврем. Тутаевым). На противоположном берегу Волги находится Шашково – селение, где Богословские на протяжении нескольких лет снимали дачу. Упоминаемые далее Глинино, Панино, Болоново, Кораново (соврем. Караново), Позделинское (соврем. Паздеринское), Сыровежино (соврем. Сыроежино) и др. – близлежащие к Шашкову селения.

3 Имеется в виду: *Богословский М. М.* Учебник русской истории. Курс IV класса гимназии. 2-е изд. М., 1915.

4 На протяжении многих лет Богословский составлял биографию Петра I, доведенную им до 1700 г. После его смерти Н. А. Баклановаподготовилаэтоттрудкизданию: *Ђогословский М. М.* Петр I. Материалы для биографии / Под ред. проф. В. И. Лебедева. М., 1940–1948. Т. 1–5. В настоящее время в Археографической комиссии РАН ведется переиздание труда Богословского в полном объеме, без купюр и редакторской правки, которые были сделаны в издании 1940-х годов, с богатым справочным аппаратом (Бо*гословский М. М.* Петр Великий: материалы для биографии: в 6 т. Т. 1: Детство. Юность. Азовские походы, 30 мая 1672 – 9 марта 1697 / Отв. ред. С. О. Шмидт; подгот. текста А. В. Мельникова. М., 2005).

5 Имеется в виду Первая мировая война 1914–1918 гг. 19июля (1 августа) 1914 г. Германия объявила войну России.

6 Богословская Елизавета Петровна (урожд. Толстова) (1886–1969), с 1907 г. жена Богословского.

7 Люблин и Холм (современный Хелм) – города в Восточной Польше. Весна – лето 1915 г. были неудачными для русских армий Северо-Западного (командующий – ген. Алексеев) и ЮгоЗападного (командующий – ген. Иванов) фронтов. В результате «Горлицкого прорыва» германо-австрийских войск (19 апреля – 9 июня 1915 г.) русские войска оказались в «польском мешке». Вскоре в междуречье Вислы и Буга началось новое успешное германское наступление группы армий Макензена. ЛюблинХолмское сражение завершилось поражением русских армий Северо-Западного фронта: 17 июля русские войска сдали Люблин (3-я армия ген. Леша), 19 июля – Холм (13-я армия ген. Горбатовского). Отступление русских войск продолжалось все лето.

8 Ивангород (соврем. Демблин, город в Польше на правом берегу Вислы, юго-восточнее Варшавы) русские войска Северо-Западного фронта оставили 22 июля (4-я армия ген. Эверта), Варшаву – в ночь с 22 на 23 июля (2-я армия ген. Смирнова).

9 О предоставлении Польше широкой автономии после воссоединения ее «под скипетром русского царя» говорилось в воззвании к полякам от 1 августа 1914 г. Верховного главнокомандующего русской армией великого князя Николая Николаевича (младшего).

10 Имеются в виду восстания в Польше, входившей в состав Российской империи. После подавления первого из них в 1831 г. Царство Польское потеряло самоуправление, было разделено на губернии и включено в состав Российской империи. В 1861 г. самоуправление там было восстановлено. В 1863 г. в Царстве Польском вновь вспыхнуло восстание, после подавления которого само название «Царство Польское» было уничтожено. Разделенное заново на 10 губерний, оно получило название «Привислинский край».

11 Эти события относятся к Риго-Шавельской операции (июль– август 1915 г.), составной части плана немецкого командования по окружению русских войск в «польском мешке». Германское наступление было остановлено, но вытеснить немцев из РигоШавельского района не удавалось. Эвакуация учреждений из Риги началась 19 июля. Захватить Ригу немцы, однако, не смогли.

12 См. примеч. 3 (1915).

13 См.: *Максимейко Н. А.* Опыт критического исследования Русской правды. Вып. 1. Харьков, 1914. Русская Правда – сборник норм древнерусского права. Дошла до нас в списках XIII–XVIII вв., составляющих три редакции.

14 Соврем. Каунас (Литва).

15 Так Богословский называл свою работу над биографией Петра I.

16 Имеется в виду семья Богоявленских: Сергей Константинович, его жена Мария Михайловна (сестра М. М. Богословского), их сыновья – Константин, Юрий, Михаил.

17 См.: *Богословский М. М.* Еще к вопросу о Судебнике 1589 г. (По поводу нового издания его профессором Владимирским-Будановым) // ЖМНП. 1915. № 12. Отд. 2. Критика и библиография. С. 353–379. Рец. на: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Христоматия по истории русского права. Вып. 2. 5-е изд. Киев, 1915.

18 Это утверждение прозвучало в речи кадета Ф. И. Родичева 3 июня 1915 года.

19 Богословский описывает отступление на только что образованном Западном фронте (4 августа 1915 г. Северо-Западный фронт был разделен на два: Северный и Западный). В Рижский залив германские суда вошли 6 августа. Бои за Новогеоргиевск (крепость северо-западнее Варшавы) начались 25 июля, после того как русские войска 22–23 июля оставили Варшаву. Новогеоргиевск, обеспечивавший отход русских войск, пал 6 августа. Сдаче немцам 5 августа крепости Ковно предшествовало бегство ее коменданта генерала В. Н. Григорьева.

20 Имеется в виду гибель в Рижском заливе 6–7 августа 1915 г. русских канонерских лодок «Сивуч» и «Кореец».

21 Этот слух оказался ложным. Дарданелльская операция союзников в 1915 г. окончилась неудачей.

22 Имеется в виду: *Богословский М. М.* Учебник русской истории. Курс IV класса гимназии. 2-е изд. М., 1915. Богословский подготовил учебник по русской истории, охватывающий курс IV–VI классов мужских гимназий. После того как этот учебник был утвержден в качестве учебного пособия и для женских гимназий, в название пришлось внести некоторые изменения: курс IV класса считался I частью, курс V класса – II частью, курс VI класса – III частью. Сделано это было для удобства учащихся, так как учебные планы мужских и женских гимназий не совпадали (см. ОПИ ГИМ. Ф. 442. Ед. хр. 48. Л. 81–82). Учебник выдержал в 1914–1919 гг. пять изданий.

23 Германский отряд прорыва вынужден был покинуть Рижский залив 8 августа, потеряв в ходе боев 2 эскадренных миноносца и 3 тральщика, серьезные повреждения получили еще четыре корабля. После этого крупные операции германского флота в Балтийском море прекратились на два года.

24 Обсуждение законопроекта о введении государственного подоходного налога началось в Думе 11 августа 1915 г. Закон был одобрен Государственным советом летом 1916 г., а введен в действие весной 1917 г. уже Временным правительством.

25 Вторая поездка Петра к Белому морю состоялась в апреле– сентябре 1694 г.

26 Богословский приводит слова Феофана Прокоповича из Духовного регламента (пункт 18).

27 Летопись по истории Поморья. Сохранилась в списках XVII–XVIII вв. В разных вариантах содержит записи с 1342 по 1701, 1705 или 1750 гг. Издавалась трижды: Г. Ф. Миллером в 1774 г., Н. И. Новиковым в 1791 г. и А. А. Титовым в 1889 г.

28 Современное Сыроежино, селение примерно в 20 км севернее Шашкова.

29 Русины – название украинцев западно-украинских земель Галиции, Буковины, Закарпатской Украины, входивших до 1918 г. в состав Австро-Венгрии.

30 В ночь на 13 августа 1915 г. русские войска Западного фронта (командующий – ген. Алексеев) начали общий отход на линию Неман – Гродно – Кобрин. Крепость Брест при этом была оставлена без боя.

31 См.: *Желябужский И. А.* Записки // Записки русских людей. События времен Петра Великого. Ч. 1. СПб., 1841. С. 1—116.

32 См.: *Корнилович А.* Известия о первых маневрах при Петре I и особенно о Кожуховском походе // Северный архив. 1824. Ч. 9. № 5. С. 237–267.

33 Имеется в виду изданный М. Ф. Поссельтом на немецком языке дневник Патрика Гордона: Tagebuch des Generals Patrick Gordon, wahrend seiner Kriegsdienste unter den Schweden und Polen vom Jahre 1655 bis 1661 und seines Aufenthaltes in Rufiland vom Jahre 1661 bis 1699. St.-Peterburg, 1849–1852.

34 См.: *Флоровский А. В.* Состав законодательной комиссии 1767–1774 гг. Одесса, 1915. Эту книгу Флоровский защитил в качестве магистерской диссертации, а в 1916 г. получил за нее Уваровскую премию.

35 Совещание под председательством А. И. Коновалова, посвященное вопросам военного и политического характера, состоялось 16 августа 1915 г. В нем участвовали депутаты от Москвы (названы Богословским) и от Московской губернии (В. А. Ржевский и др.), представители Всероссийского земского и городского союзов, военно-промышленного комитета, Биржевого и Купеческого обществ и некоторых других организаций.

36 Имеется в виду Маргарита Викторовна Флинт, владелица Шашкова.

37 На следующий день после принятия 18 августа Московской городской думой резолюции об ответственном министерстве Биржевой комитет и Московское купеческое общество своими постановлениями поддержали эту резолюцию. 20 августа за присоединение к этой резолюции единогласно проголосовала и Нижегородская дума.

38 23 августа 1915 г. вместо великого князя Николая Николаевича (младшего) Верховным главнокомандующим стал император Николай II.

39 Московская духовная академия начала свои занятия в стенах Троице-Сергиевой лавры 1 октября 1814 г. С тех пор эта дата ежегодно отмечалась торжественным актом, для которого и готовил речь Богословский. Однако в связи с войной в 1914 и 1915 гг. торжества не проводились.

40 Одна из крупнейших ежедневных общественно-политических газет. Выходила в Москве с 3 сентября 1863 г. по 14 (27) марта 1918 г. С 1870 г. – орган либеральной интеллигенции. С 1913 г. – орган правых кадетов. В апреле – мае 1918 г. выходила под названием «Свобода России».

41 Племянники М. М. Богословского, сыновья его брата С. М. Богословского.

42 Военно-промышленные комитеты и Комитет военно-технической помощи объединенных научных и технических организаций – общественные организации, созданью в 1915 г. с целью мобилизации промышленности для военных нужд.

43 Евангелие от Марка. 13:13.

44 Имеется в виду семья Сергея Михайловича Богословского, брата М. М. Богословского.

45 Речь идет о Свято-Троицкой Сергиевой лавре, в которой располагалась Московская духовная академия. С 1908 г. Богословский состоял доцентом Академии по кафедре русской гражданской истории, с декабря 1909 г. – экстраординарным, с января 1912 г. – ординарным профессором.

46 Полное Собрание Законов Российской империи (ПСЗРИ) – многотомный сборник законодательных актов Российской империи, расположенных в хронологическом порядке с 1649 по 1913. Первое издание 1830 г. охватывало период с 1649 по 1825 гг. – от Соборного уложения царя Алексея Михайловича до конца царствования Александра I, второе выпуска-

лось ежегодно в 1830–1884 гг. и охватывало царствования Николая I и Александра II, третье выходило ежегодно до 1916 г. и включало законодательные акты с 1 марта 1881 г. до конца 1913 г. Всего в 133 тома ПСЗ и указателей вошло порядка 140 000 актов.

47 Имеется в виду указ Николая II от 30 августа 1915 г. о перерыве занятий Государственной думы с 3 сентября до ноября 1915 г.

48 Новым зданием Московского университета в то время считался бывший главный дом усадьбы Д. И. и А. И. Пашковых, выходивший на Моховую и Б. Никитскую улицы. В 1833 г. он был приобретен для университета и перестроен в 1833–1837 гг. Е. Д. Тюриным в стиле позднего ампира. В 1905 г. здание реконструировано К. М. Быковским, который возвел левый боковой корпус библиотеки.

49 ресторан в Москве на ул. Арбат, 2.

50 Город в Волынской губернии на реке Иква (соврем, центр Дубновского р-на Ровенской обл., Украина).

51 Речь идет о Марии Серафимовне Богословской (4 сентября 1842 – 23 декабря 1914), матери М. М. Богословского.

52 Имеется в виду торговое товарищество «Мюр и Мерилиз», располагавшееся в собственном доме на Петровке (современный ЦУМ).

53 Государственный совет составлялся наполовину из членов по назначению, наполовину по выборам. От Синода избиралось 6 человек, от каждого губернского земского собрания по 1 человеку, от дворянских губернских и областных обществ 18 человек, от академиков и профессоров университетов 6 человек, от крупнейших организаций промышленников и торговцев 12 человек, от Финляндского сейма 2 человека. Члены Государственного совета избирались на 9 лет. Треть состава обновлялась каждые 3 года.

54 Так Богословский называл племянников Александра и Михаила, сыновей своего брата Сергея Михайловича и его жены Олимпиады Александровны, или Липы, как ее именовали домашние (отсюда и прозвище «Липушата»).

55 Здесь и далее имеется в виду Маргарита Петровна Новикова (урожд. Толстова), сестра Е. П. Богословской.

56 Имеется в виду политическая и литературная ежедневная газета «Столичная молва», выходившая в 1908–1916 гг.

57 Вильно (современный Вильнюс в Литве) защищала 10-я армия Западного фронта (ген. Радкевич). В ходе Виленской операции (9 августа – 19 сентября 1915 г.) 10-я германская армия ген. Эйхгорна, развивая успехи, достигнутые под Ковно, наступала между реками Вилия и Неман, стремясь обойти Вильно с севера и окружить главные силы 10-й русской армии. Чтобы избежать окружения, командующий Западным фронтом ген. Алексеев к 19 сентября вынужден был отодвинуть весь фронт от Вильно в район Молодечно (сам город был оставлен русскими войсками еще 3 сентября).

58 7 сентября в Москве открылись съезд представителей Всероссийского союза городов и собрание уполномоченных губернских земств, входящих в состав Всероссийского земского союза.

59 А. И. Гучков участвовал в съезде представителей Всероссийского союза городов в качестве председателя Центрального военно-промышленного комитета. 7 сентября он выступил с речью, в которой требовал ответственного правительства, в то же время отмечая, что в борьбе с властью нельзя идти на ее уничтожение.

60 Имеется в виду присяжный поверенный А. М. Никитин, один из инициаторов проведения 5 сентября совещания профсоюзных организаций рабочих и торговых служащих для обсуждения политического положения («роспуск» Государственной думы, забастовка в Москве). Совещание было проведено в здании Московской городской думы.

61 Имеется в виду: *Богословский М. М.* История России XVIII века (1725–1796 гг.): Курс, читанный в Московском университете. М., 1915. Литографированное издание.

62 Мобилизация в Болгарии началась 8 сентября 1915 г., вскоре после того, как были заключены Болгаро-германский договор о дружбе и союзе, Болгаро-турецкий договор об исправлении границы и Военная конвенция между Болгарией, Австро-Венгрией и Германией (24 августа 1915 г.).

63 Речь идет о Лечебно-воспитательном заведении доктора В. П. Кащенко, размещавшемся в доме № 8 по Погодинской улице. Г. И. Россолимо состоял там консультантом. Заведение было организовано по типу западноевропейских медико-педагогических институтов. Школьные занятия велись сообразно умственным способностям каждого ребенка. Существовало отделение подготовки в учебные заведения (или «мастерская Россолимо»), которое и посещал сын Богословского. Там с детьми занимались гимнастикой, рукоделием, лепкой, некоторыми ремеслами.

64 Реформа предполагала, в первую очередь, принятие нового устава университетов. Его проект был разработан под руководством министра народного просвещения гр. П. Н. Игнатьева. Проект во многом возвращался к уставу 1863 года. Он восстанавливал университетскую автономию и выборность профессоров и преподавателей; отменял гонорары; сокращал срок пребывания студентов в университете до трех лет (кроме медицинского факультета, где срок обучения оставался прежним – 5 лет); упразднял государственные экзамены в существовавшей форме. Предполагалось степень магистра упразднить, восстановить степень кандидата и сохранить степень доктора. Подробнее о проекте см.: *Линниченко И. А.* Проект нового университетского устава // Вестник Европы. 1916. № 2. С. 175–200; *Иванов А. Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX вв. М., 1991.

65 Имеется в виду Мария Михайловна Богоявленская (урожд. Богословская), жена С. К. Богоявленского, сестра М. М. Богословского

66 Холем Богословский называл своего младшего брата Сергея Михайловича.

67 Богословский перечисляет благотворительные стипендии для оставленных при Московском университете для приготовления к профессорскому и магистерскому званиям, обеспечивавшиеся процентами с пожертвованных капиталов: имени Володи Павлова, имени С. М. Соловьева и имени Сергея Иловайского. Стипендия имени Соловьева была учреждена в 1888 г. на проценты с суммы в 41 500 руб., собранной по всероссийской подписке. Из этой же суммы, кроме того, выплачивалась премия имени Соловьева в ОИДР. На учреждение стипендии имени Володи Павлова потомственным почетным гражданином П. А. Павловым был пожертвован капитал в сумме 18 700 рублей. В 1915 г. историк Д. И. Иловайский внес капитал в 10 000 руб. для обеспечения стипендии имени его сына Сергея, умершего в 1905 г. от туберкулеза. Всего по Московскому университету было около 400 благотворительных стипендий (см.: Указатель пожертвованных капиталов по Министерству Народного Просвещения. СПб., 1912).

68 Так называют маневры, проведенные Петром I в окрестностях Москвы (под деревней Кожухово) 27 сентября – 17 октября 1694 г., в которых были задействованы стрелецкая армия Бутурлина и армия новых полков Ромодановского. Бомбардиром Преображенского полка в ней был царь под именем Петра Алексеева. Опыт Кожуховского похода был использован в Азовских походах 1695–1696 гг. Статья Корниловича о Кожуховском походе – см. примеч. 32 (1915).

69 См.: *Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка адмирала Шишкова. Берлин, 1870.

70 Московские высшие женские курсы (В. Ж. К.) основаны в 1872 г. по частной инициативе профессора Московского университетаВ.И.Герье (возглавлялкурсыв 1872—1888и 1900–1905 гг.). Первоначально курс обучения был двухлетний, с 1879 г. – трехлетний. В 1888 г. курсы были закрыты. Возродились в 1900 г. уже как государственное учреждение с

назначаемым директором, утвержденными штатами и программой занятий. Подразделялись на 3 факультета (историко-философский, математический и естественный) с четырехлетним курсом. С 1906 г. образовано медицинское отделение, с 1907 г. – медицинский факультет. В 1918 г. преобразованы во 2-й Московский государственный университет. Богословский преподавал на курсах с 1907 г.

71 Слово написано неразборчиво, вероятно: «в очаге» – возможно, так Богословский называл родительский клуб, который посещала его жена Елизавета Петровна.

72 Здесь и далее имеется в виду Надежда Петровна Фишер (урожд. Толстова), сестра Е. П. Богословской.

73 Имеется в виду чудотворная икона Черниговско-Гефсиманской Богоматери, находившаяся в церкви архистратига Михаила при пещерах в Гефсиманском скиту близ Троице-Сергиевой лавры (в трех км к северо-востоку). Скит был основан при ТроицеСергиевой лавре наместником Лавры архимандритом Антонием (Медведевым) и митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым) в 1844 г. В 1851 г. в пещерную церковь архангела Михаила А. Г. Филипповой была пожертвована икона Черниговской Богоматери. С 1869 г. икона была прославлена как чудотворная с именем Черниговско-Гефсиманской (празднование 1(14) сентября). В 1893 г. в пещерном отделении Гефсиманского скита был освящен собор в честь этой иконы, тогда же с чудотворной иконы для вновь освященного собора был сделан список (в настоящее время находится в притворе Троицкого собора Лавры). После закрытия скита в 20-е гг. XX в. чудотворная икона была перенесена в Москву в храм преподобного Сергия в Рогожской Ямской елободе. В 1990 г. Гефсиманско-Черниговский скит был возвращен Троице-Сергиевой лавре.

74 См.: *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника И. И. Дмитриева. М., 1866. Ч. 1–3.

75 Имеется в виду Психологический институт им. Л. Г. Щукиной – научно-исследовательский институт экспериментальной психологии, основанный в 1911 г. (официально открыт в 1914 г.) профессором философии и психологии Г. И. Челпановым при историко-филологическом факультете Московского университета.

76 Русское военно-историческое общество основано в 1907 г. в Петербурге. Московский отдел этого общества возник в 1908 г. Председателем общества был В. Г. Глазов, вице-председателями – Д. П. Зуев и Д. В. Цветаев, секретарем – Н. Н. Жилкин.

77 Отставка греческого премьер-министра Венизелоса, пробывшего на своем посту всего месяц, была вызвана его давними разногласиями с королем Константином по вопросу сохранения Грецией нейтралитета. Прогермански настроенный король Константин был за сохранение Грецией нейтралитета даже при условии нападения на Сербию (с которой Греция была связана союзническим договором). Венизелос, напротив, считал необходимым сохранить оборонительный союз с Сербией и вступить в войну в случае нападения на нее Болгарии. После начала высадки англо-французских войск в Салониках король 23 сентября отправил Венизелоса в отставку, что расценивалось как «крупная победа германской интриги на Балканах». Разрыв дипломатических отношений между Россией и Болгарией произошел 22 сентября 1915 г.

78 Очевидно, имеются в виду «Хроники…» Фруассара, в которых описывались рыцарские турниры и подвиги. Издавались в Париже с 1869 г.: Chroniques de J. Froissart. Publ. pour la societe de l'histoire de France.

79 См.: *Щепкин Е. Н.* Варяжская вира. Одесса, 1915.

80 Подразумевается «Комиссия об уложении» 1767 г., созванная Екатериной II для выработки нового свода законов на основе Соборного уложения 1649 г. и правовых норм, вступивших в силу после его издания. Общее собрание Комиссии было распущено в 1769 г. Однако частные комиссии продолжали свою деятельность вплоть до 1774 г.

81 Имеется в виду М. Е. Беккер.

82 Речь идет о торжествах, связанных с открытием 18 июня 1880 г. в Москве памятника А. С. Пушкину работы А. М. Опекушина. Наибольший резонанс во время празднования вызвали речи Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева.

83 Богословский состоял председателем Историко-филологической испытательной комиссии при Казанском университете в 1912–1914 гг.

84 Сергей Андреевич Пионтковский – сын Андрея Антоновича Пионтковского (1862–1915), доктора уголовного права, профессора Казанского университета.

85 См. примеч. 52(1915).

86 А. Д. Самарин 26 сентября 1915 г. по его прошению был уволен от должности обер-прокурора Синода с оставлением членом Государственного совета, почетным опекуном совета учреждений Императрицы Марии и в должности егермейстера.

87 Князь Н. Б. Щербатов уволен согласно прошению от должности управляющего Министерством внутренних дел также 26 сентября 1915 г. На его место был назначен А. Н. Хвостов – первый русский министр из состава членов Государственной думы.

88 Имеется в виду Гефсиманско-Черниговский скит.

89 См.: *Дорн Б. А.* Каспий. О походах древних русских в Табаристан с дополнительными сведениями о других набегах их на прибрежья Каспийского моря // Записки Академии наук. 1875. Т. 25. Кн. 1. Приложение. С. I–LVI, 1—718.

9 °См.: *Кареев Н. И.* Жорж-Жак Дантон. Биографический очерк // Вестник Европы. 1915. № 9. С. 116–154.

91 Общество истории и древностей российских – первое научное общество в России, основанное в 1804 г. при Московском университете для изучения и издания документов по русской истории. Закрыто в 1929 г.

92 Имеется в виду реформа местного управления 1775 г., проведенная при Екатерине II. Основные положения реформы были зафиксированы в изданном тогда же «Учреждении для управления губерний Всероссийской империи», которое заложило основы всего последующего устройства местного управления империи.

93 Богословский ошибся, гласными Московской городской думы состояли трое Бахрушиных: почетный гражданин, мануфактурсоветник Алексей Александрович, почетный гражданин, мануфактур-советник Константин Петрович и почетный гражданин, приват-доцент Московского университета Сергей Владимирович.

94 Имеется в виду музей, основанный в 1894 г. купцом и меценатом А. А. Бахрушиным, собиравшим документы, связанные с творчеством русских писателей и театральных деятелей. С 1909 г. – Литературно-театральный музей, позднее, после передачи литературной части собрания в другие архивы – Театральный. В 1913 г. А. А. Бахрушин принес музей в дар Петербургской Академии наук. С 1919 г. музей находился в ведении Наркомпроса. А. А. Бахрушин до конца жизни оставался директором музея. В настоящее время – Центральный Театральный музей им. А. А. Бахрушина.

95 См.: *Posselt M.-C.* Der General und Admiral Franz Lefort. Sein Leben und seine Zeit. Frankfurt am Mein, 1866.

96 Подразумевается орден св. Станислава – польский орден, включенный в число российских орденов в 1831 г. Первоначально имел четыре степени, с 1839 г. – три. В петлице носили знак ордена (красный крест) 3-й степени.

97 Речь идет об «Истории Московского купеческого общества», изданной под редакцией В. И. Сторожева в 1914–1916 гг. (в пяти томах).

98 Возможно, имеется в виду Валентин Илиодорович Репин, преподаватель реального училища Н. Г. Бажанова и управляющий доходными домами ведомства учреждений Императрицы Марии.

99 А. Д. Самарин был избран почетным членом Московской духовной академии 30 сентября 1915 г.

10 °См.: *Массон Ш.* Мемуары о России / Пер. П. Степановой // Голос минувшего. 1916. № 4. С. 157–171; № 5/6. С. 157–180; № 7/8. С. 341–354; № 10. С. 23–44; № 12. С. 44–73.1917. № 1. С. 94—115.

101 В октябре 1915 г. в связи с недостатком металлической разменной монеты были выпущены новые бумажные денежные знаки копеечных номиналов. Для их изготовления были использованы клише почтовых марок юбилейной («Романовской») серии соответствующей стоимости, но отпечатаны они были на более плотной бумаге. На обороте такого знака печатался герб и текст: «Имеет хождение наравне с разменной монетой», а на мелких номиналах (1, 2 и 3 копейки) еще и достоинство. За время Первой мировой войны было сделано 4 выпуска таких денежных знаков: 1-й выпуск– октябрь 1915 г., 2-й – 1916 г., 3-й и 4-й – 1917 г.

102 Опека над имуществом великого князя Михаила Александровича была установлена в 1912 г., после того как он вступил в морганатический брак с уже дважды разведенной Н. С. Шереметьевской – Мамонтовой – Вульферт. Брак был заключен за границей (в Вене) без согласия императора Николая II, который в этой связи запретил брату вернуться в Россию, уволил с занимаемых должностей и передал его имущество в опеку. С началом Первой мировой войны Михаилу Александровичу было позволено вернуться на родину. Он участвовал в военных действиях, командовал Кавказской туземной конной («дикой») дивизией, был награжден Георгиевским крестом за храбрость. В 1915 г. брак был признан действительным, опека с его имущества снята, его супруга в 1916 г. получила титул графини Брасовой.

103 См.: Студенческий историко-этнографический кружок при Императорском университете св. Владимира под руководством М. В. Довнар-Запольского. Сб. статей. Киев, 1913–1914. Вып. 1, 3,7.

104 Опера М. П. Мусоргского (1839–1881), начатая им в 1872 г., но не законченная. После его смерти завершена Н. А. РимскимКорсаковым.

105 Болгария вступила в Первую мировую войну на стороне Центральных держав 1 октября 1915 г., напав без объявления войны на союзницу России Сербию. В ответ 5 октября 1915 г. в Ставке император Николай II подписал Манифест об объявлении Россией войны Болгарии. Опубликован в газетах 7 октября 1915 г.

106 Ежемесячный журнал, издавался в Петербурге с 1907 г. под редакцией П. Вейнера. Был посвящен памятникам старинной архитектуры, искусства и художественных ремесел. Особенно много внимания уделял русской художественной культуре и усадебному быту XVIII в.

107 Первый, неудачный поход русских войск против турецкой крепости Азов состоялся весной – осенью 1695 г. под командованием Ф. А. Головина, Ф. Лефорта и П. Гордона. В походе принимал участие и сам Петр I. Русские войска осадили Азов с суши, но взять его не смогли, так как морем в крепость поступали припасы и подкрепления, кроме того, сказывалось отсутствие согласованности в действиях русских войск. 20 октября 1695 г. осаду Азова пришлось снять.

108 Речь идет о Московском главном архиве Министерства иностранных дел, основанном в 1724 г. под названием Генерального архива старых государственных дел (при Коллегии иностранных дел). В 1832 г. после упразднения Коллегии иностранных дел архив получил название Московского главного архива Министерства иностранных дел. В 1918 г. был включен в Государственный архивный фонд и получил название «3-е Московское отделение 1-й секции ЕГАРФ». В 1925 г. материалы архива были переданы на хранение в бывший Московский архив Министерства юстиции. В настоящее время входит в состав РГАДА.

109 См.: *Голицын Н. Н.* Указатель имен личных, упоминаемых в Дворцовых разрядах. СПб., 1912.

11 °См.: Указатель к Актам историческим, изданным Археографическою комиссиею. (Именной и географический.) СПб., 1843.

111 Походные журналы Петра I вышли в 1853–1855 гг. и имели заглавие для 1695 г.: «Походный и путевой журнал императора Петра I 1695 г.»; для 1696 г.: «Походный журнал 1696 г.»; для 1697–1699 гг.: «Юрнал 205–208 гг.»; для 1700–1703 гг.: «Юрнал 1700–1703 гг.»; для 1704–1725 гг.: «Походный журнал 1704–1725 гг.»

112 Слух о взятии немцами Риги оказался ложным. Ригу сдали гораздо позднее: в ночь на 21 августа 1917 г.

113 Салоники (Фессалоники) – город и крупный порт на берегу залива Термаикос (Салоникский залив) Эгейского моря. Основан в 315 г. до н. э. С 1430 г. – в составе Османской империи. После Балканских войн 1912–1913 гг. Салоники отошли к Греции.

114 К середине сентября 1915 г. к северу и северо-востоку от сербской границы (по рекам Сава, Дунай и Дрина) было сосредоточено четырнадцать германских и австро-венгерских дивизий, а к востоку – шесть болгарских дивизий под общим руководством ген. Макензена. 23 сентября 1915 г. германские войска начали операцию против Сербии. 1 октября без объявления войны в боевые действия вступила и Болгария. Сербская армия насчитывала двенадцать дивизий. Вследствие англо-французских противоречий и нежелания ослаблять Западный фронт, объединенный экспедиционный корпус общей численностью до 150 тысяч человек под командованием ген. Саррайля начал высадку в Салониках с разрешения греческого правительства только 22 сентября 1915 г. Соотношение сил было, таким образом, в пользу германского блока. Основной удар на себя в этих боях приняла сербская армия. Экспедиционный корпус союзников не оказал существенной помощи Сербии. Россия из-за отказа Румынии пропустить ее войска через свою территорию не могла помочь Сербии.

115 См.: Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому, его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском Университете (5 декабря 1879 – 5 декабря 1909 года). М., 1909.

116 Имеется в виду: *Шамбинаго С. К.* Исторические песни времени царя Иоанна Грозного. Сергиев Посад, 1914.

117 Здесь и далее имеются в в виду Высшие женские курсы. См. примеч. 70 (1915).

118 16 октября 1915 г. на Московских высших женских курсах прошло заседание Исторической комиссии, посвященное памяти убитого 3 июля в Галиции преподавателя курсов и университета им. Шанявского В. С. Протопопова. Выступили: В. Н. Бочкарев (председатель комиссии), Д. Н. Егоров (друг детства В. С. Протопопова) и др. Д. П. Кончаловский прислал с фронта «Воспоминания о В. С. Протопопове», которые также были зачитаны. (Позже воспоминания Д. П. Кончаловского были опубликованы: *Кончаловский Д. П.* Памяти В. С. Протопопова // Богословский вестник. 1916. № 1. С. 183–190.)

119 Газета политическая и литературная, издававшаяся Д. И. Иловайским с 1897 по 1916 г. До 1908 г. имела заголовок «Кремль».

12 °См.: *Срезневский И. И.* Исследования о языческом богослужении древних славян. СПб., 1848.

121 Ежедневная общественно-политическая газета буржуазнолиберального направления. Выходила в Москве с 1895 г. по 26 ноября 1917 г. С января 1918 г. выходила под измененными названиями («Новое слово», «Наше слово»), В июле 1918 г. окончательно закрыта.

122 Имеется в виду Константин Сергеевич Богоявленский, старший сын С. К. и М. М. Богоявленских.

123 Маргарита Петровна Новикова и Надежда Петровна Фишер – урожд. Толстовы.

124 Имеются в виду дворянские наказы депутатам Уложенной комиссии 1767–1769 гг., в которых излагались нужды и пожелания выборщиков.

125 Крагуевац – город в Сербии на реке Лепеница, притоке Моравы, древняя столица Сербии. В нем находился арсенал, оружейные фабрики, в горах, в нескольких километрах от города – пороховые мельницы.

126 Имеются в виду речи премьер-министров Франции (Бриана) и Англии (Асквита), произнесенные соответственно в Палате депутатов и Палате общин 20–21 октября 1915 г. по военным вопросам. В речи Бриана значительное место отводилось проблеме согласованности действий союзников. Асквит в общем обзоре военного положения отметил, в частности, что «Сербия должна быть спасена».

127 Речь идет об отставке 22 октября 1915 г. кабинета Заимиса, который возглавлял греческое правительство всего месяц, как и его предшественник Венизелос. Основной причиной отставки кабинета Заимиса было выступление Венизелоса 21 октября в Палате депутатов с резкой критикой действий правительства, нарушившего союзнический договор с Сербией. В ходе разгоревшейся дискуссии кабинет Заимиса поставил вопрос о доверии. Палата депутатов проголосовала за недоверие, и Заимису пришлось уйти. Однако его сменил не англофил Венизелос, на что многие рассчитывали, а германофил Скулудис.

128 См.: *Покровский М. Н.* Очерк истории русской культуры. М., 1915. Ч. 1.

129 См.: *Соловьев С. М.* Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. Пг., 1915.

130 Пьеса-сказка М. Метерлинка.

131 Подразумевается Московский архив Министерства юстиции, где в 1911–1920 гг. Д. В. Цветаев состоял управляющим.

132 См.: *Лукьянов С. М.* О Вл. Соловьеве в его молодые годы // ЖМНП. 1915. № 3. С. 1—57; № 5. С. 65—129. В этих номерах вышли начальные главы работы С. М. Лукьянова, которые и читал Богословский. В 1916–1917 гг. публикация в журнале продолжилась (1916. № 1. С. 24–69; № 3. С. 34–79; № 5. С. 32–70; № 7. С. 38–80; № 9. С. 25–71;1917. № 1. С. 1^2). Кроме того, в 1916–1921 гг. работа С. М. Лукьянова вышла и отдельным изданием.

133 Богословский окончил 5-ю московскую мужскую гимназию в 1886 г. с золотой медалью. 50-летний юбилей гимназии должен был отмечаться 1 августа 1915 г., но празднование было отложено до окончания войны.

134 Имеется в виду книжный магазин товарищества А. С. Суворина «Новое время», располагавшийся на углу Неглинного проезда и Кузнецкого моста. После смерти А. С. Суворина в 1912 г. Товарищество возглавил его сын, журналист и издатель Алексей Алексеевич Суворин (1862–1937).

135 Речь идет о серии работ Б. И. Дунаева «Северо-русское гражданское и церковное зодчество», которая выходила в «Трудах Комиссии по сохранению древних памятников Императорского Московского археологического общества». Том 5-й имел подзаголовок «Город Вологда» (М., 1914), том 6-й – «Город Великий Устюг» (М., 1915).

136 См. рассказ А. П. Чехова «Драма».

137 Д. Н. Егоров, состоявший приват-доцентом Московского университета с 1904 г., покинул его вместе с другими профессорами и преподавателями в 1911 г. в знак протеста против политики министра народного просвещения Л. А. Кассо.

138 «Журнал Министерства народного просвещения» (1834–1917 гг.) – официальное ежемесячное издание Министерства народного просвещения, учреждено по инициативе министра народного просвещения графа С. С. Уварова. О статье Богословского см. примеч. 17 (1915).

139 Речь идет о Соборном уложении 1649 г. Богословский имеет в виду издание: Уложение государя царя и великого князя Алексея Михайловича. [М.], Государственная типография, 1913.

Предшествующее издание Уложения, подготовленное историко-филологическим факультетом Московского университета под редакцией М. К. Любавского в 1907 г., было специально приурочено к практическим занятиям по русской истории (см.: *Бороздин И.* Список трудов Матвея Кузьмича Любавского // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917. С. VII).

140 Этот слух оказался ложным, Румыния не пропустила русские войска для помощи Сербии.

141 См.: *Егоров Д. Н.* Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в. Т. 2: Процесс колонизации. М., 1915.

142 См.: *Миллер В. Ф.* Песни и памфлеты XVI в.: по поводу книги С. Шамбинаго // Вестник Европы. 1913. № 5. С. 370–380.

143 См.: *Соколов Б. М.* Шурин Грозного, удалой борец Мамстрюк Темгрюкович: по поводу книги С. К. Шамбинаго «Песни и памфлеты XVI в.» // ЖМНП. 1913. № 7. С. 20–40.

144 Ежемесячный историко-политический и литературный журнал. Выходил в Петербурге с 1866 по март 1918 г.

145 См.: Вестник Европы. 1915. № 10. С. 5—70.

146 Речь идет о возрождении Исторического общества при Московском университете, основанного в 1893 г. Первое заседание, однако, состоялось только 23 января 1895 г. Общество просуществовало до 1904 г. Возобновлено в январе 1916 г. по инициативе М. М. Богословского. Подробнее см.: *Бухерт В. Г.* Основание Исторического общества при Московском университете // АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 195–206.

147 Подразумевается Историческая комиссия при Московских высших женских курсах.

148 Имеется в виду Общество им. А. И. Чупрова для разработки общественных наук при Московском университете, основанное в 1911 г. Общество имело 4 отделения: теоретической экономии, социальной политики, статистики и социальной истории (под председательством Д. М. Петрушевского), которое и имел в виду Богословский.

149 Финляндия была присоединена к России в результате русскошведской войны 1808–1809 гг. в качестве Великого княжества Финляндского.

150 П. И. Новгородцев состоял уполномоченным Московской городской думы по снабжению Москвы топливом.

151 На совещании у попечителя Московского учебного округа

А. А. Тихомирова доктор зоологии Н. А. Иванцов выступил против непродуманных реквизиций школьных помещений для военных нужд.

152 Первый курс – см. примеч. 61 (1915). Второй курс – имеется в виду: *Богословский М. М.* История России в XIX в.: Курс 1915–1916 ак. г. М., б. г. Литографированное издание. Третью часть учебника – см. примеч. 22 (1915).

153 См.: Выходы государей царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексия Михаиловича и Феодора Алексиевича всея Руси самодержцев (с 1632 по 1682 год). М., 1844.

154 См.: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878.

155 К середине октября 1915 г. сербские войска были отрезаны от экспедиционного корпуса ген. Саррайля болгарами. И хотя под натиском австро-германских и болгарских армий сербы вынуждены были отступать в юго-западном направлении на Черногорию и Албанию, 9 ноября они нанесли успешный контрудар по 2-й болгарской армии Тодорова в районе Ферижовича, сорвавший попытки отрезать пути отхода главных сил сербской армии.

156 Ежемесячный исторический журнал. Выходил в Петербурге в 1870–1918 гг.

157 Дворцовые разряды – издание текста разрядных книг, содержащих записи за 1612–1700 гг. Спб., 1850–1855. Т. 1–4.

158 См.: К истории раскола-старообрядчества 2 половины XIX столетия. Переписка профессора Н. И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для истории раскола и отношений к нему правительства (1865–1904 гг.) / Подготовил

В. С. Марков // ЧОИДР. 1915. Кн. 1. С. 1—943. Эту публикацию В. С. Марков представлял в качестве выпускного сочинения при окончании МДА.

159 Юридическое общество при Московском университете основано в 1865 г. Просуществовало до 1899 г., когда по распоряжению министра народного просвещения было закрыто. Возобновило свою деятельность в 1910 г.

160 Доклад П. И. Беляева назывался: «Древне-русская сеньория и крестьянское закрепощение».

161 С 16 ноября 1915 г. проходила подписка на государственный 5,5-процентный военный краткосрочный заем 1915 г. в 1 миллиард рублей. По условиям займа проценты выплачивались 2 раза в год – 1 мая и 1 ноября. Облигации предполагалось погасить к 1 ноября 1925 г.

162 М. М. Богословский приводит слова Петра I из именного указа, данного Сенату 2 марта 1711 г. перед Прутским походом. См.: ПСЗ. СПб., 1830. Т. 4. № 2330.

163 В сентябре 1915 г. В. И. Герье пожертвовал в фонд поощрения высшего женского образования в Москве капитал в размере 94 134 руб. 91 коп. Проценты с капитала должны были идти для научных целей и для помощи курсисткам.

164 Румянцевский музей – это собрание книг, рукописей, монет, этнографических и других коллекций, составленное Н. П. Румянцевым и переданное после его смерти (1826 г.) государству. Открыто для обозрения в 1831 г. в Петербурге. В 1861 г. перевезено в Москву и слито с основанным Московским публичным музеем. С 1862 г. музеи существовали как единое целое под названием «Московский публичный музеум и Румянцевский музеум». С 1913 г. – под названием «Императорский Московский публичный и Румянцевский музей». Помещался музей в доме Пашкова. В 1921–1927 гг. музей был расформирован, библиотека в 1925 г. преобразована в Государственную библиотеку им. В. И. Ленина (в настоящее время – Российская Государственная библиотека).

165 22 ноября 1902 г. состоялся диспут по магистерской диссертации М. М. Богословского «Областная реформа Петра Великого. Провинция. 1719–1727 гг.»; 22 ноября 1909 г. – диспут по докторской диссертации «Земское самоуправление на русском Севере в XVII в.».

166 Московский Коммерческий институт учрежден Московским обществом распространения коммерческого образования в 1907 г. В 1918 г. преобразован в Московский институт народного хозяйства.

167 См.: *Ковалевский М. М.* Шеллингианство и гегельянство в России. К истории немецких культурных влияний // Вестник Европы. 1915. № 11. С. 133–170.

168 Митрополит Владимир (Богоявленский) был митрополитом Московским и Коломенским в 1898–1912 гг., с ноября 1912 г. стал митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским, в 1915 г. переведен митрополитом в Киевскую епархию, что фактически являлось «понижением в должности».

169 В связи с военными действиями Варшавский университет был эвакуирован в Ростов-на-Дону.

170 Позже работа Штрауха была опубликована. См.: *Штраух А. Н.* Стрелецкий бунт 1682 г. М., 1928.

171 Имеется в виду комиссия при Совете Московских высших женских курсов.

172 Богословский вспоминает известную «университетскую историю 1911 г.», когда новый министр народного просвещения Л. А. Кассо допустил вмешательство полиции для

пресечения студенческих митингов и сходок в Московском университете. В ответ ректор университета А. А. Мануйлов и два его помощника – профессора М. А. Мензбир и П. А. Минаков – подали в отставку. На занимаемые должности они были избраны Советом университета, Совету же надлежало и переизбрать их. Однако Л. А. Кассо принял отставку ректора и его помощников, нарушив таким образом автономию университета. В знак протеста университет покинула большая группа профессоров и преподавателей. В их числе были К. А. Тимирязев, П. Н. Лебедев, Н. А. Умов, Н. Д. Зелинский, С. А. Чаплыгин, В. И. Вернадский, В. П. Сербский, А. А. Кизеветтер, П. Н. Сакулин и др.

173 Для большей объективности работы, представляемые на премию, поступали под девизами. Автором работы о крестьянской общине был В. К. Яцунский, получивший за нее в 1915 г. премию им. Володи Павлова.

174 В конце ноября 1915 г. Сербия была полностью оккупирована. Отступающая сербская армия численностью до 150 тысяч человек перешла границу с Албанией, вышла к Адриатическому побережью и в начале января 1916 г. была эвакуирована союзниками на остров Корфу и в Бизерту.

175 Речь идет о действиях англо-французского экспедиционного корпуса под командованием ген. Саррайля. В середине октября 1915 г. корпус продвинулся на территорию Сербии, но через месяц под давлением четырех болгарских дивизий вынужден был вновь отступить к Салоникам, не оказав практически никакой помощи Сербии.

176 После оккупации Сербии образовался сплошной фронт Центральных держав от Балтийского до Средиземного моря, и Германия смогла установить прямое железнодорожное сообщение с Турцией.

177 Имеется в виду Московское археологическое общество (1864–1923), основанное графом А. С. Уваровым. После его смерти (1884 г.) председателем общества стала его жена, графиня П. С. Уварова.

178 См.: *Лебедев И. А.* Николай Александрович Найденов, 1834–1905: Очерк жизни и деятельности. М., 1915. Вып. 1.

179 См.: *Аскенази Ш.* Царство Польское. 1815–1830 гг. С предисл. А. А. Кизеветтера / Пер. с польск. В. Высоцкого. М., 1915.

18 °См. примеч. 17 (1915).

181 См.: *Покровский А. И.* Соборы древней церкви эпохи первых трех веков. Историко-каноническое исследование. Сергиев Посад, 1914.

182 g 1915 г. на историко-филологическом факультете учились два студента с фамилией Абрамов: Борис Иванович (род. в 1893 г.) и Сергей Николаевич (род. в 1892 г.). Кто из них писал реферат о Петре I, установить не удалось.

183 В. И. Герье имел в виду: 1) закрытие Высших женских курсов в 1888 г. и 2) увольнение его с должности директора (в 1905 г.) после возрождения курсов в 1900 г.

184 Математическое понятие. Название образовано от латинских «trans» – сквозь, через, за и «finitus» – ограниченный. Трансфинитными называются порядковые типы бесконечных вполне упорядоченных множеств. Простейшим примером такого множества является множество всех натуральных чисел, расположенных в порядке возрастания (то же самое множество, расположенное в порядке убывания, уже не будет вполне упорядоченным).

185 XVI археологический съезд, который предполагалось провести в 1914 г. в Пскове, не состоялся в связи с началом Первой мировой войны.

186 Премия была учреждена в Московской духовной академии в 1895 г. Выплачивалась в виде процентов на капитал, завещанный П. А. Мухановой. Предназначалась для выплаты дополнительных пособий членам академической корпорации. В 1915 г. Мухановская премия в 1 тысячу рублей была распределена поровну, по 200 рублей каждая между профессорами А. А. Спасским, М. М. Тареевым, И. В. Поповым, доцентом Н. В. Лысогорским, а также

секретарем совета и правления Академии Н. Д. Всехсвятским. См.: Богословский вестник. 1915. № 9—12. С. 29–30.

187 В соответствии с Уставом ученых учреждений и учебных заведений (статья 529) студенты вносили особую плату (гонорары) в пользу отдельных преподавателей, лекциями и руководством которых они пользовались. Размер «гонораров» зависел от количества обучающихся.

188 Имеется в виду вновь сформированная 7-я армия Юго-Западного фронта (командир ген. Щербачев), дислоцировавшаяся в ноябре 1915 г. в Одесском округе. Первоначально предполагалось использовать ее как десант в Болгарию для помощи Сербии, но это намерение не было осуществлено ввиду того, что Румыния не пропустила русские войска через свою территорию. Затем, чтобы оттянуть из Сербии австро-германские войска, решено было наступать на Юго-Западном фронте. 7-й армии в этом наступлении отводилась главная роль, и в конце ноября началась переброска войск на Гусятин и Волочинск. Подготовка к операции велась в строжайшей тайне, что и породило волну слухов.

189 В этот период Румыния еще колебалась, на чьей стороне вступать в войну: на стороне Антанты или Центральных держав.

190 Ген. Макензен летом 1915 г. провел успешную операцию по вытеснению русских войск из Галиции. Однако с сентября 1915 г. Макензен командовал германскими, австрийскими и болгарскими войсками в операциях против Сербии, поэтому готовить удар против русских в Галиции не мог.

191 Имеется в виду: *Егоров Д. Н.* Славяно-германские отношения в Средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в. Т. 1: Материал и метод. М., 1915.

192 См.*: Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии. В 2 т. Т. 1. Ч. 2: Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии. М., 1915.

193 Имеются в виду Сборники Русского исторического общества, созданного в 1866 г. в Петербурге. С 1867 г. Общество издавало сборники, включавшие в себя различные документы по истории России XV–XIX вв. К 1916 г. было издано 148 томов.

194 Богословский сделал доклад на тему «Петр Великий в 1690 г.».

195 В 1916 г. вышло две брошюры Линниченко о Г. И. Перетятковиче: 1*) Линниченко И. А.* Г. И. Перетяткович. Одесса, 1916 и 2) *Он же.* Батенька Георгий Иванович. Одесса, 1916. Какую из этих брошюр получил М. М. Богословский, установить не удалось.

196 В ноябре 1915 г. П. И. Беляев выступил с докладом на эту тему в Юридическом обществе. Позже работа была опубликована: *Беляев П. И.* Древне-русская сеньория и крестьянское закрепощение // Журнал Министерства Юстиции. 1916. Т. 8. С. 139–179; Т. 9. С. 129–166.

197 Речь идет о наступлении 7-й армии на Юго-Западном фронте на реке Стрыпе в декабре 1915 г., предпринятом с целью отвлечения австро-германских войск из Сербии. Операция развивалась неудачно, русские понесли тяжелые потери и вынуждены были прекратить наступление.

198 На кладбище Донского монастыря похоронены отец и мать М. М. Богословского, Михаил Михайлович (8 мая 1826 – 11 февраля 1893) и Мария Серафимовна (4 сентября 1842 – 23 декабря 1914).

199 Имеется в виду жена С. М. Богословского – Олимпиада Александровна.

20 °См. примеч. 71 (1915).

201 27 декабря 1915 г. английский броненосец «Король Эдуард VII» затонул, подорвавшись на мине.

202 На Галлиполийский полуостров на побережье Эгейского моря в Турции в апреле 1915 г. был высажен англо-французский десант с целью захвата укреплений Дарданелл с

суши. Однако Дарданелльская операция была неудачной, и к концу 1915 г. (27 декабря) десант, понесший существенные потери, начал эвакуацию, завершившуюся 9 января 1916 г.

203 Ежедневная политико-литературная и общественная газета. Выходила в Москве с 1881 по 1918 г. Н. И. Пастухов был ее редактором в 1902–1911 гг.

204 Производство искусственных и минеральных вод в Москве начал в 1852 г. Н. П. Ланин, основавший товарищество «Н. П. Ланин». Торговля осуществлялась в собственном магазине на Софийской набережной «Ланинские воды». В начале XX в. директором товарищества состоял его сын Леонид Николаевич Ланин.

1916 год

1 См. примеч. 34 (1915).

2 Речи А. И. Гучкова во время Первой мировой войны ходили в многочисленных списках. Какая из них имеется в виду, установить не удалось.

3 Австрийские войска овладели горой Ловчен 31 декабря 1915 г. после ее трехдневной непрерывной бомбардировки и атак. Силы черногорцев были слишком незначительны (3 тысячи человек), чтобы противостоять такому натиску. Богословский был, безусловно, прав в оценке значимости этой потери. С захватом горы Ловчен, важнейшего стратегического пункта, дальнейшее сопротивление Черногории становилось невозможным.

4 См. примеч. 22 (1915).

5 Имеется в виду научно-популярный журнал «Вестник воспитания», выходивший в Москве с 1890 по 1917 г. Рецензию К. В. Сивкова см.: *Сивков К.* Рецензия на: *М. Богословский.* Учебник русской истории // Вестник воспитания. 1915. № 8. П-й отд. С. 13–18.

6 См.: *Лысогорский Н. В.* Единоверие на Дону. [Сергиев Посад], 1916.

7 Премия митрополита Макария (Булгакова) была учреждена на основе капитала в 120 тысяч рублей, поступивших по его завещанию в 1882 г. в распоряжение Синода и Академии наук. Из сумм Синода в Московской духовной академии с 1885 г. существовало несколько ежегодных премий митрополита Московского

Макария: 1) размером в 482 рубля – за лучшую печатную работу наставников Академии; 2) размером в 289 рублей – за лучшее магистерское сочинение воспитанников Академии; 3) две премии по 96 рублей 50 копеек каждая – за лучшие семестровые сочинения студентов Академии, написанные ими в течение первых трех курсов. Н. В. Лысогорский как доцент Академии претендовал на первую из названных премий.

8 Вероятно, речь идет о Л. Н. Коржевиной – надзирательнице Московской 1-й женской гимназии, в которой до 1908 г. преподавал Богословский.

9 Имеются в виду «Дела Посольского приказа и Коллегии иностранных дел по сношению России с Турцией (1486–1800 гг.)», в настоящее время – РГАДА. Ф. 89.

10 Точнее, в Коллегии иностранных дел – центральном государственном учреждении России, ведавшем внешней политикой государства. Коллегия заменила собой Посольский приказ. Учреждена Петром I в 1717 г. Подчинялась царю, минуя Сенат. С учреждением в 1802 г. должности министра иностранных дел Коллегию подчинили ему без реорганизации. Упразднена в 1832 г. после реорганизации Министерства иностранных дел.

11 Премия им. профессора А. А. Котляревского была учреждена в 1883 г. при Отделении русского языка и словесности Академии наук на средства вдовы А. А. Котляревского. На премии назначались проценты с капитала в 8 тысяч рублей один раз в три года.

12 Имеются в виду Всероссийский городской и Всероссийский земский союзы – общественные организации, созданные летом 1914 г. для помощи русской армии в организации тыла. Объединяли местные органы земского и городского самоуправления. Занимались оборудованием госпиталей и санитарных поездов, размещали заказы интендантства на предметы обмундирования, оказывали помощь инвалидам и беженцам. Упразднены в январе 1918 г.

13 См. примеч. 33 (1915).

14 См. работы Богословского: Учебник русской истории. Курс VI класса гимназии. М., 1915; Еще к вопросу о Судебнике 1589 г. // ЖМНП. 1915. № 12. С. 353–379. См. также примеч. 17 и 22 (1915).

15 Вероятно, речь идет о делопроизводителе Главного Архива Министерства иностранных дел Алексее Викторовиче Лопухине.

16 После оккупации значительной части Черногории АвстроВенгрия предложила ей подписать унизительные условия мира, от чего черногорский король Николай I отказался. Он прервал переговоры и уехал в Италию вместе с правительством и Скупщиной, передав всю полноту власти министру иностранных дел Я. Вукотичу, назначенному одновременно и начальником штаба Верховного командования Черногории. Возглавил черногорскую армию, некоторое время продолжавшую оборонять южную часть страны, второй сын короля Николая I Мирко. Условия капитуляции были подписаны 21 января 1916 г. Часть армии при этом отступила в Албанию.

17 Эрзерум (современный Эрзурум) – крупнейшая крепость в 100 км от бывшей русско-турецкой границы на северо-востоке Турции. 28 декабря 1915 г. началось успешное наступление войск русской Кавказской армии (ген. Юденич), так называемая Эрзурумская операция (28 декабря 1915 г. – 16 февраля 1916 г.).

18 Богословский вспоминает о Кеприкейской операции русской Кавказской армии. Перейдя 18 октября 1914 г. границу с Турцией, Сарыкамышский отряд (ген. – лейтенант Берхман) 25 октября захватил Кеприкейскую позицию в 50-ти км от Эрзурума, где вступил в бой с основными силами турецкой армии. После упорных боев 30 октября 1914 г. вынужден был отступить в направлении Сарыкамыша. 5 января 1916 г. русские войска вновь овладели Кепри-Кеем.

19 В 1911 г. в Общество истории литературы при Московском университете оформился студенческий кружок, существовавший с 1908 г. Председателем общества стал профессор М. Н. Сперанский. Е. Н. Елеонская состояла в обществе в качестве помощника секретаря и казначея.

20 Вероятно, имеется в виду Артур Августович Грунау.

21 Вероятно, Николай Григорьевич Тарасов.

22 См.: Культурно-исторические чтения. Вып. 1—11.

23 Имеется в виду библиографический журнал «Исторические известия». Издавался Историческим обществом при Московском университете. Редактор – Д. Н. Егоров. Вышли в свет: 1916. № 1–4; 1917. № 1–2.

24 Ежемесячный литературный и политический журнал. Выходил в Москве в 1880–1918 гг. В 1913–1915 гг. в приложении к нему под редакцией Д. Н. Егорова вышли три выпуска библиографии по всеобщей истории: Русская литература по всеобщей истории. Библиографический обзор. М. – Пг., 1913–1915.

25 Любавский ошибся: в первом Комитете было 12 членов. В 1894–1895 гг. в Комитет вошли: В. И. Герье, В. О. Ключевский, П. Г. Виноградов, М. С. Корелин, Р. Ю. Виппер, В. А. Михайловский, С. Н. Трубецкой, В. Н. Беркут, М. С. Соловьев, В. Е. Якушкин. (Об этом см.: *Бухерт В. Г.* Основание Исторического общества при Московском университете // АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 195–206). Таким образом, в живых к 1916 г. из членов первого Комитета осталось пять человек (Любавский забыл упомянуть В. А. Михайловского).

26 ректором Академии в этот период был Феодор (в миру Поздеевский Александр Васильевич), епископ Волоколамский, второй викарий Московской епархии. Инспектором – архимандрит Иларион (Троицкий), экстраординарный профессор, магистр богословия.

27 «Старым» в то время считалось здание университета, построенное в 1782–1793 гг. по проекту М. Ф. Казакова в стиле классицизма, с парадным актовым залом. После пожара 1812 г. было восстановлено в 1817 г. по проекту Д. И. Жилярди.

28 Речь идет о работах Богословского: История России XVIII века (1725–1796 гг.): Курс, читанный в Московском университете. М., 1915. Литографированное издание; Учебник русской истории. Курс VI класса гимназии. М., 1915; Еще к вопросу о Судебнике 1589 г. // ЖМНП. 1915. № 12. С. 353–379. См. также примеч. 17 и 22 (1915), 14 (1916).

29 Статья Богословского «Детство Петра Великого» вышла в 1917 г. См.: Русская старина. 1917. Т. 169. С. 5—29.

30 Речь идет о студентах, окончивших Московский университет и оставленных для подготовки магистерской диссертации. В1915– 1916 гг. у Богословского было пять «оставленных»: С. А. Голубцов, Л. И. Львов, А. А. Новосельский, И. Ф. Рыбаков, А. М. Фокин.

31 Имеется в виду роман Ж. Верна «20 000 лье под водой».

32 Под статьей об Устьянском кодексе Платонов подразумевал статью Богословского о Судебнике 1589 г., правовом сборнике, возникшем в Устьянских волостях и отразившем нормы права всего Северного Поморья. Судебник не был официально утвержден правительством, но в конце XVI – первой половине XVII в. был действующей «судебной книгой» для земских судов указанного района и в таком качестве признавался московскими приказами. Открытку Платонова Богословскому см. ОПИ ГИМ. Ф. 442. Ед. хр. 54. Л. 13.

33 На этом посту 20 января 1916 г. И. Л. Горемыкин был заменен Б. В. Штюрмером.

34 Нижегородский городской народный университет открылся 17 января 1916 г. Д. Н. Егоров был избран председателем Совета этого университета.

35 Подразумевается Московский городской народный университет им. А. Л. Шанявского – муниципальное учебное заведение (1908–1918). Университет был основан по инициативе либеральной московской интеллигенции на средства ген. – майора в отставке А. Л. Шанявского. Имел два отделения: научно-популярное (4 года обучения по программам общего среднего образования) и академическое (3 года по университетским программам естественно-исторического, общественно-юридического и историко-филологического профилей). Окончившие курс не получали дипломов и служебных прав.

36 См. примеч. 137 (1915).

37 Вероятно, имеется в виду циркуляр министра народного просвещения гр. П. Н. Игнатьева (получен в московских гимназиях 20 января 1916 г.), касающийся гимназий и реальных училищ. Этот циркуляр отменял выпускные (и переводные) экзамены и вводил преподавание военного строя в двух последних классах мужских гимназий и реальных училищ.

38 См.: *Островская М. А.* Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI–XVIII вв. Пб., 1913.

39 М. М. Богословский ошибся, статья о Шварце была напечатана не в ЖМНП, а в «Гермесе»: *Соболевский С. И.* А. Н. Шварц // Гермес. 1915. № 4. С. 83–90.

40 Empire – империя, ампир *(франц.).* Речь идет о ресторане «Ампир» на ул. Петровские линии, 2 в Москве.

41 Вероятно, речь идет об Археографической комиссии при Московском Археологическом обществе, основанной в 1896 г. с целью разработки проблем архивоведения, археографии и палеографии. О недостаточно активной работе этой комиссии см.: *Уварова П. С.* Былое. Давно прошедшие счастливые дни // Труды ГИМ. М., 2005. Вып. 144. С. 172.

42 Московская городская художественная галерея П. и С. Третьяковых была основана в 1856 г. П. М. Третьяковым как его личное собрание картин русских художников. В 1892 г. передана в дар городу Москве. Вянваре 1916 г. в печати горячо обсуждались проблемы Третьяковской галереи. Споры вызывали в основном три вопроса. Во-первых, перевеска И. Э Грабарем картин в соответствии с исторической систематизацией, которой, по мнению некоторых, нарушалась воля П. М. Третьякова. Сторонниками произведенной перевески были И. Е. Репин, В. И. Суриков, М. В. Добужинский, А. Н. Бенуа и др. Им возражали М. В. Нестеров, С. И. Мамонтов, А. М. и В. М. Васнецовы, П. Д. Корин и др. Во-вторых, не меньше разногласий вызывал и вопрос о приобретении Третьяковской галереей новых картин, что также «нарушало» коллекцию, собранную П. М. Третьяковым. Кроме того, в повестке дня стоял вопрос и о переводе Третьяковской галереи в более вместительное здание, которое

предлагали построить в сквере Девичьего поля. Позиции сторон были настолько непримиримы, что князь С. А. Щербатов даже вышел из Совета Третьяковской галереи.

43 Имеются в виду наказы депутатам от Малороссии в Уложенную комиссию 1767 г.

44 Лубны – город в Полтавской губернии на реке Сула (приток Днепра). Соврем. – Полтавская обл. Украина.

45 Имеется в виду: Походный журнал 1709 г. СПб., 1854.

46 В1915 г. в журнале «Русская иллюстрация» была опубликована документальная повесть А. С. Пругавина «Около старца». В 1916 г. вышло отдельное издание под заглавием: «Леонтий Егорович и его поклонницы», которое, видимо, и читал Богословский.

47 Е. Ф. Татаринова в 1817 г. основала в Москве секту (или кружок). Собрания ее кружка состояли из чтения Писания, пения хлыстовских песен, а также «кружений», «радений» и «пророчеств». Император Александр I и его супруга Елизавета Алексеевна относились к Татариновой благосклонно. Секта была закрыта только в 1837 г. при Николае I, а сама Е. Ф. Татаринова отправлена на жительство в Кашинский Сретенский монастырь. Вернуться в Москву ей было позволено только через десять лет.

48 См.: *Поржезинский В. К.* Введение в языкознание. Пособие к лекциям. Изд. 3-е. М., 1913.

49 Возможно, имеется в виду математик, преподаватель Московского института инженеров путей сообщения, 3-го Московского реального училища им. А. Шелапутина, а с 1917 г. приват-доцент Московского университета Александр Александрович Волков.

50 В начале XX в. в России назрела необходимость реформы образования. Эта проблема неоднократно поднималась в печати, Государственной думе и правительстве. Весной 1915 г. разработкой реформы школы занялось особое совещание под председательством нового министра просвещения (с конца 1914 г.) гр. Игнатьева. По идее реформаторов, средняя школа должна была стать: 1) национальной; 2) «самодовлеющей», т. е. дающей общее образование и не имеющей главной целью подготовку к высшему образованию; 3) семилетней; 4) состоящей из двух ступеней: с трехлетним и четырехлетним курсом обучения. Основная часть проекта была издана, см.: Материалы по реформе средней школы: Примерные программы и объяснительные записки. Пг., 1915. По всей видимости, Богословский и Волков обсуждали именно эти материалы. Подробнее о реформе средней школы см.: *Константинов Н. А.* Очерки по истории средней школы. Гимназии и реальные училища с конца XIX в. до Февральской революции 1917 г. М., 1956; *Балашов Е. М.* Школа в Российском обществе 1917–1927 гг. СПб., 2003 и др.

51 См. примеч. 54 и 123 (1915).

52 В ходе Эрзурумской операции Кавказская армия (ген. Юденич) 30 января начала штурм Эрзурума, 3 февраля 1916 г. город был взят русскими войсками.

53 «Стакан воды, или Следствия и причины» – пьеса французского драматурга Эжена Скриба (1791–1861).

54 По сообщениям газет, при взятии Эрзурума было захвачено в плен свыше 8 тысяч турок. Однако значительной части турецких войск удалось уйти. Преследование их Кавказской армией продолжалось до 18 февраля 1916 г., когда линия фронта стабилизировалась в 70—100 км западнее Эрзурума.

55 См.: *ЗайончковскийА. М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. СПб., 1908–1913. Т. 1–2.

56 См.: *Сыромятников Б. И.* Высшая «вольная» школа // Вестник воспитания. 1916. № 1. С. 37–53.

57 См.: *Сыромятников Б. И.* Очерк истории суда в древней и новой России // Судебная реформа. М., 1915. Т. 1. С. 16—180.

58 Имеется в виду Московский литературно-художественный кружок (1898–1920) под председательством В. Я. Брюсова (с 1908 г.). Заседания кружка проходили на Б. Дмитровке, 15 в доме Вострякова. Там же располагался ресторан.

59 Император Николай II, прибывший из Ставки в Царское село 8 февраля 1916 г., посетил Государственную думу 9 февраля, в день открытия ее очередной сессии. На заседании он не был, а присутствовал только на торжественном молебне по случаю взятия Эрзурума и, обменявшись приветственными речами с председателем Думы М. В. Родзянко, отбыл из Таврического дворца.

60 Имеется в виду отделение социальной истории в Обществе им. А. И. Чупрова. См. примеч. 148 (1915).

61 См.: *Кизеветтер А. А.* Исторические отклики. М., 1915.

62 Верден (Верден-сюр-Мёз) – город на северо-востоке Франции, в департаменте Мёз. Во время Первой мировой войны так называемый «Верденский выступ», общей протяженностью 112 км, являлся опорой правого крыла французского фронта. В кампанию 1916 г. сражение французских и германских войск под Верденом продолжалось с 8 (21) февраля по 5(18) декабря. В ходе затяжных кровопролитных боев обе стороны понесли огромные потери: Германия ввела в действие до 50-ти дивизий и потеряла до 600 тысяч человек, Франция противопоставила около 70 дивизий и потеряла 358 тысяч человек. За полгода боев германские войска смогли вклиниться в оборону всего лишь на глубину 7—10 км. К окончанию Верденской операции 1916 г. французы вышли на рубеж, который они занимали 25 февраля. Под Верденом потерпел крушение германский стратегический план кампании 1916 г. – вывести из войны Францию.

63 Совет министров еще в 1914 г. предоставил право военному министру привлекать в войска молодых людей, пользующихся отсрочкой для окончания курса высших учебных заведений. Реально применять это право стали только в 1916 г.

64 Имеется в виду Уложенная комиссия 1767 г., разбору состава которой и посвящена работа Флоровского.

65 Речь идет о: 1) рецензии Ф. Е. Корша на два издания «Слова о полку Игореве», подготовленные Н. С. Тихомировым: Московские университетские известия. 1866–1867. № 2. С. 165–169 и Московские университетские известия. 1868. № 8. С. 605–613; 2) *Корш Ф. Е.* Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» (Заметки к исследованию П. М. Мелиоранского) // ИОРЯС АН. 1904. Т. 8. Кн. 4. С. 1—58; 3) *Корш Ф. Е.* По поводу второй статьи профессора П. М. Мелиоранского о турецких элементах в языке «Слова о полку Игореве» // ИОРЯС АН. 1906. Т. 11. Кн. 1. С. 259–315; 4) «Слово о полку Игореве». СПб., 1909. (Исследования по русскому языку. Т. 2. Вып. 6.)

66 Орест Головнин – псевдоним Р. Ф. Брандта.

67 П. Г. Виноградов преподавал в Московском университете в 1884–1901 гг. В 1902 г. он уехал в Англию, где стал профессором Оксфордского университета (с 1903 г.). С 1908 г. Виноградов одновременно с преподаванием в Оксфорде читал по одному семестру и в Московском университете, откуда окончательно ушел в 1911 г. в знак протеста против политики Кассо.

68 Дайси Альберт Вэнн – профессор Оксфордского университета, один из крупнейших английских правоведов того времени. Его книга «Основы государственного права Англии» (М., 1905) была настольной книгой С. Ф. Фортунатова.

69 См.: *Байер Г. З.* Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова, от создания сего города до возвращения онаго под российскую державу. С немецкого чрез И. К. Тауберта. П., изд. 1-е, 1738; изд. 2-е, 1763; изд. 3-е, 1782.

70 Река во Франции, Бельгии и Нидерландах, на которой стоит и г. Верден.

71 Имеется в виду: *Богословский М. М.* История России в XIX в.: Курс 1915–1916 ак. г. М., б. г. Литографированное издание.

72 Прогрессивный блок – объединение буржуазно-помещичьих фракций IV Государственной думы и Государственного совета, образовавшееся в августе 1915 г. В Думе в состав блока вошли шесть фракций: «прогрессивные» националисты, группа центра, земцы октябристы, фракция «Союза 17 октября», кадеты, прогрессисты – 236 из 422 депутатов. В Государственном совете – три фракции: центристы, академическая группа и внепартийные члены. Всего в блок входило более 300 человек. Ведущее место в нем занимали кадеты.

73 25 февраля 1916 г. «Русские ведомости» в материале «Около Думы» с подзаголовком «Слухи» напечатали известие о том, что после поездки 23 февраля председателя Думы М. В. Родзянко в Царское Село на аудиенцию к Николаю II в Думе царит большое оживление. Депутаты уверяют, что поднят вопрос о серьезной перемене общего направления внутренней политики. Есть известия о том, что ночью у Родзянко состоялось совещание с наиболее видными представителями почти всех входящих в Прогрессивный блок фракций. В этой связи у многих депутатов появились надежды на обновление власти. С другой стороны, отмечалось, что правые будто бы высказываются за прекращение законодательной сессии Думы и провели по этому поводу два совещания: у И. Г. Щегловитова и С. В. Левашова.

74 Имеется в виду ресторан «Мартьяныч», располагавшийся в Верхних торговых рядах.

75 Локаторская доля – т. е. земельные владения локаторов. В средневековой Германии «локатор» (от лат. loko – помещаю) – лицо, часто рыцарского или бюргерского происхождения, получавшее от князя или какого-либо крупного феодала (духовного или светского) право на основание поселения в районах колонизации, освобождавшееся от повинностей. Локатор обычно становился наследственным управителем поселения, ему принадлежало право низшей юрисдикции, в его пользу шла часть собираемых им для верховного феодала поборов.

76 В средневековой Германии – земельные владения, пожалованные какому-либо лицу на условиях выполнения военной или административной службы.

77 Точнее, Ратцебургский Десятинный список – основной источник, на изучении которого построено исследование Д. Н. Егорова. Представлял собой список мекленбургского дворянства и запись ленных раздач и пожалований Ратцебургской церкви.

78 Цитата из второй сцены 2-го акта трагедии Шекспира «Гамлет», диалог Гамлета и Полония.

79 29 февраля в речи члена прогрессивно-национальной группы А. И. Савенко, опубликованной 1 марта 1916 г., прозвучало утверждение (со ссылкой на «сообщение газет»), что в конце 1914 г. Щегловитов, Маклаков и барон Таубе представили в «высшие сферы» записку о необходимости мира с Германией. 2 марта 1916 г. в «Русских ведомостях» были опубликованы письма И. Г. Щегловитова, Н. А. Маклакова и барона М. А. Таубе к председателю Государственной думы М. В. Родзянко с опровержением этих утверждений.

80 Явная описка Богословского: должно быть «в 1925 г.». В 1833 г. граф А. А. Аракчеев составил завещание, согласно которому Академии наук было предоставлено 50 тысяч рублей для присуждения в 1925 г. премии автору лучшего сочинения по истории царствования императора Александра I. На первую премию предполагалось истратить три четверти этой суммы с накопившимися процентами. Остальной капитал должен был пойти на издание этого сочинения и на выдачу двух вознаграждений: 1) автору второго по достоинству конкурсного труда, 2) двум переводчикам, которые переведут на немецкий и французский языки работу, удостоенную первой награды. По буквальному тексту завещания, содержание его следовало опубликовать в 1915 г. *во всех* газетах Российской империи и за границей. Выполнить это условие в 1915 г. оказалось невозможным, во-первых, потому, что пришлось

бы публиковать в неимоверном количестве газет, а во-вторых, в виду прекращения дипломатических отношений с Центральными державами. Поэтому Академия наук сочла возможным опубликовать завещание графа Аракчеева только в 25 русских газетах и двух заграничных (английской и французской). Расходы на публикации, за отсутствием другого источника, пришлось оплатить из завещанного капитала, который к 1-му января 1916 г. достиг 572 496 рублей, а к моменту выдачи премии в 1925 г. должен был возрасти до 800 000 рублей.

81 См.: *Лукомский Г. К.* Памятники старинной архитектуры России. Ч. 1. Наша провинция. СПб., 1916.

82 См. примеч. 30 (1916).

83 См.: *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Приложения. Т. 1. СПб., 1908; Т. 2. СПб., 1912.

84 Жена А. Н. Савина – Евгения Фабиановна Савина-Гнесина (1871–1940), пианистка, педагог, музыкально-общественный деятель, заслуженная артистка Республики (1925), заслуженный деятель искусств РСФСР (1935). В 1895 г. основала вместе с сестрами Еленой и Марией «Музыкальное училище сестер Е. и М. Гнесиных».

85 Буквальный перевод на немецкий фамилии «Чайковский», от немецкого «Teemann (Theemann)» – любитель чая.

86 Имеются в виду конфеты кондитерского фабрично-торгового товарищества «А. И. Абрикосова Сыновей». Кондитерскую фабрику в Москве основал Алексей Иванович Абрикосов в 1847 г. В 1874 г. передал ее двум старшим сыновьям, Николаю и Ивану, в 1880 г. к ним присоединились еще трое братьев – Владимир, Георгий и Алексей и было учреждено фабрично-торговое товарищество на паях «А. И. Абрикосова Сыновей». В 1919 г. предприятия товарищества были национализированы и получили название «Фабрика им. рабочего П. А. Бабаева» (ныне концерн «Бабаевский». В январе 1993 г. потомки А. И. Абрикосова Илья Хрисанфович Абрикосов, Петр Борисович Абрикосов, Андрей Ильич Абрикосов и Дмитрий Петрович Абрикосов зарегистрировали фирму с историческим названием – «Товарищество А. И. Абрикосова Сыновей», в 1997 г. была запатентована одноименная торговая марка, с августа 2009 г. товарищество приступило к производству шоколадной продукции под своей торговой маркой.

87 Вероятно, речь идет о книге: *Арсеньев И. В.* От Карла Великого до реформации. Историческое исследование о важнейших реформационных движениях в западной церкви в течение восьми столетий. Т. 1–2. М., 1909–1910. Изд. 2-е. М., 1913.

88 Так называются соборы 253, 255 и 257 гг. под председательством епископа Карфагенского Киприана.

89 Речь идет о книге П. А. Флоренского «Столп и утверждение Истины» (М., 1914).

90 Имеется в виду дневник Иоганна Корба, секретаря австрийского посольства, отправленного императором Леопольдом I в Москву к Петру I в 1698 г. Корб вел свой дневник с 11 января 1698 г. по 27 сентября 1699 г. и оставил интереснейшие записки за все время пребывания посольства в Москве (с 29 апреля 1698 г. по 23 июля 1699 г.), в том числе о розыске по стрелецкому бунту. Дневник Корба, озаглавленный: «Diarium itineris in Moscoviam», был издан в Вене без обозначения года и вскоре после выхода своего в свет уничтожен по требованию русского правительства, так что уцелевшие экземпляры его сделались библиографической редкостью. По-русски дневник Корба впервые был издан в «Чтениях Общества Истории и Древностей Российских» (1866, VI; 1867,1 и III, и отдельно). Богословский, вероятно, пользовался вторым изданием дневника: *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб., 1906.

91 11 марта 1916 г. было опубликовано сообщение министра народного просвещения гр. Игнатьева «О распоряжении императора Николая II об увеличении содержания ординар-

ным профессорам университетов до 5 тысяч рублей, экстраординарным – до 4 тысяч и приват-доцентам – до 2400 рублей».

92 См.: *Шпет Г. Г.* История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Ч. 1. Материалы. М., 1916.

93 Богословский был избран членом Императорского Русского исторического общества 12 марта 1912 г.

94 Имеется в виду: *Покровский М. Н.* Русская история с древнейших времен. Т. 1–5. М., 1910–1913. Ряд разделов в этом издании принадлежал другим авторам; например, главу «Великая российская равнина в прошлом» написал В. К. Агафоров; главы по истории религии и церкви – Н. М. Никольский. В. Н. Сторожев сделал для этого издания подборку документальных приложений и иллюстраций и дал их описание. После Октябрьской революции книга выходила в четырех томах, главы соавторов М. Н. Покровского опускались.

95 Генерал от инфантерии А. А. Поливанов 15 марта 1916 г. был уволен от должности военного министра по его прошению. Вместо него был назначен генерал от инфантерии главный полевой интендант Д. С. Шуваев.

96 Путиловский завод, основанный в 1801 г. как казенный чугунолитейный завод, являлся одним из главнейших заводов по снабжению армии боеприпасами. Постоянно возрастающие потребности армии вызывали значительное расширение завода, что, в свою очередь, потребовало существенных государственных инвестиций. В силу этих причин Путиловский завод решением от 28 февраля 1916 г. был разделен на две части: старый завод и судостроительную верфь. Обе части были секвестрованы (а не реквизированы). Прежнее правление, в состав которого входили Путилов, Дрейер, Соколовский, генерал Бринг, Игнатьев и два представителя от французского банка и от фирмы «ШнейдерДарси-Перрони», было отстранено. Был уволен также и директор завода генерал Меллер. Военное ведомство директором завода назначило ген. – майора Дроздова, начальника III отделения технических артиллерийских заведений Главного Артиллерийского управления. В состав нового правления военный министр назначил: председателем – профессора судостроения ген. – лейтенанта Крылова, членами – военного инженера ген. – майора Кривошеина, профессора Политехнического института князя Гагарина, флота ген. – лейтенанта Оглобинского; представителем от министерства финансов – Жандра. Из прежнего состава высшей администрации Путиловского завода был оставлен только строитель дредноутов корабельный инженер полковник Кутейников в должности директора судостроительной верфи.

97 См. примеч. 23 (1916).

98 Речь идет о «Русском историческом журнале» (1917–1922 гг., Петроград). Основателем его был В. Н. Бенешевич, редакторами – В. Н. Бенешевич, М. А. Дьяконов, М. Д. Приселков, С. В. Рождественский.

99 Под «Городовым положением» подразумевается «Жалованная грамота на права и выгоды городам Российской империи» (сокращенно «Жалованная грамота городам»), законодательный акт Екатерины II, принятый в 1785 г. одновременно с Жалованной грамотой дворянству. Жалованная грамота городам состояла из 14 глав, регулирующих положение отдельных категорий городского населения и работу органов городского самоуправления. Глава «Д» имела заголовок: «О личных выгодах городовых обывателей, среднего рода людей, или мещан вообще».

10 °См.: *Кизеветтер А. А.* Городовое положение Екатерины II: Опыт исторического комментария. М., 1909.

101 17 марта 1916 г. черноморское госпитальное судно «Португалия» в 8 часов 30 минут утра было атаковано немецкой подводной лодкой и затонуло. Из 273 человек совместного русскофранцузского экипажа спасти удалось 158 человек. Раненых на судне в этот момент не было. По заявлению представителей Красного Креста, судно имело отчетливо

видимые знаки Красного Креста и соответствующий флаг. По существовавшим международным нормам, госпитальное судно не могло защищаться само или быть защищаемым, так как в противном случае оно теряло свои права на неприкосновенность. Подводная лодка имела право только остановить госпитальное судно для досмотра.

102 Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта ген. Н. И. Иванов 17 марта 1916 г. был назначен членом Государственного совета и состоящим при особе императора. Главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта стал командующий 8-й армией ген. А. А. Брусилов.

103 Подписка на новый военный заем 1916 г. на общую сумму 2 триллиона рублей была открыта 15 марта 1916 г. По условиям займа с 1 февраля 1917 г. по облигациям его выплачивались 5,5 процентов годовых. Все облигации предполагалось погасить к 1 февраля 1926 г.

104 Эта сумма была выплачена Богословскому Московской духовной академией за рецензирование книги Лысогорского, получившей премию им. митрополита Макария.

105 Имеется в виду Лаврентьевская летопись, написанная в 1377 г. монахом Лаврентием для суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича. Текст летописи начинается с Повести временных лет и доводится до 1305 г.

106 Курс лекций, прочитанных М. М. Богословским в Московском университете в 1915/1916 г., вышел все-таки литографированным изданием. См. примеч. 71 (1916).

107 См.: *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902.

108 Имеется в виду Государственная историко-филологическая испытательная комиссия при Московских высших женских курсах, экзаменатором которой состоял Богословский.

109 См.: *Грабарь И.* История русского искусства. Т. VI. Вып. 23. Московское зодчество в эпоху барокко и классицизма. М., 1916.

110 М. М. Ковалевский в 1887 г. был уволен из Московского университета за «отрицательное отношение к русскому государственному строю» и в том же году уехал за границу, где читал лекции в различных европейских университетах. В 1901 г., совместно с Е. В. де Роберти и Ю. С. Гамбаровым он основал в Париже Русскую высшую школу общественных наук. Директором школы стал сам Ковалевский, почетным председателем И. И. Мечников. Обеспечить в школе чтение обобщающих систематических курсов не удалось, т. к. преподавательский состав был очень подвижен. В разное время среди преподавателей школы были: М. М. Ковалевский, Е. В. де Роберти, Ю. С. Гамбаров, И. И. Мечников, М. М. Винавер, П. Г. Виноградов, Н. И. Кареев, В. И. Ленин, К. А. Тимирязев и др. Занятия в школе прекратились в декабре 1905 г., тогда же Ковалевский вернулся в Россию.

111 «Старина и новизна» – непериодический исторический сборник, издававшийся Обществом ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. Выходил в Петербурге (1897–1904), в Петербурге и Москве (1904–1917). Всего было издано 22 книги. Во главе издания стоял председатель Общества граф С. Д. Шереметев.

112 См.: *Писаревский Г. Г.* Хозяйство и форма землевладения в колониях Поволжья в XVIII и первой четверти XIX в. Ростов-н/Д., 1916.

113 См. примеч. 17 (1915).

114 См.: *Туницкий Н. Л.* Св. Климент, епископ Словенский. Сергиев Посад, 1913.

115 Дом в Денежном переулке (№ 15), где жил М. М. Богословский, в конце XIX – начале XX вв. принадлежал семье Богословских, но в 1904 г. М. М. Богословский продал его А. А. Карцеву, а сам с тех пор снимал в этом доме квартиру.

116 Современная гостиница «Националь».

117 Церковь Николы Явленного стояла на углу Арбата и Серебряного переулка. Построена в 1593 г., снесена в 1846 г., тогда же заложена новая церковь, освященная в 1860 г.

В 1689 г. при церкви была построена шатровая колокольня, представлявшая собой ажурный восьмерик на двухъярусном четверике с рядами богато декорированных слухов. И церковь, и колокольня снесены в начале 1930-х гг.

118 С началом Первой мировой войны в августе 1914 г. были запрещены производство и продажа спиртных напитков. «Сухой закон» действовал до 1925 г.

119 Трапезунд – город в Турции (современный Трабзон), важнейший пункт на Черноморском побережье. Речь идет о Трапезундской операции (23 января – 5 апреля 1916 г.) Наступление осуществлял Приморский отряд (ген. – майор Ляхов) Кавказской армии против 3-й турецкой армии. После кровопролитного боя 1 апреля на реке Кара-Дараси русские войска безостановочно наступали. Трапезунд был взят 5 апреля при поддержке Черноморского флота.

120 Церковь Успения Богородицы на Могильцах расположена в начале (д. 2) Б. Власьевского переулка. Впервые упоминается в 1560 г. Существующая церковь построена архитектором Н. Н. Леграном в 1791—1806гт.

121 См.: *Веселовский С. Б.* Сошное письмо. Исследования по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т. 2. М., 1916.

122 Церковь Николая Чудотворца на Старом Ваганькове (Ваганьковский пер., 14) построена в 1-й половине XVII в. Перестраивалась в середине XVIII в., окончательный ансамбль сформировался в 1895–1903 гг.

123 Имеется в виду хор певчих под руководством И. И. Юхова, образованный в 1900 г. Относился к ведомству Синода. С 1919 до конца 1930-х гг. выступал как «1-й государственный хор под управлением Юхова».

124 Церковь Живоначальной Троицы находилась на углу Арбата и Денежного переулка. Впервые упоминается в 1639 г. В 1739 г. старая церковь была разобрана. Вновь отстроенная церковь освящена в 1741 г. Троицкая церковь сильно пострадала во время пожара 1812 г. и была восстановлена только в 1818 г. Снесена в 1931 г.

125 Имеется в виду кондитерская «Флей» на Арбате.

126 Женский Зачатьевский монастырь основан в XVI в. царем Федором Иоанновичем между ул. Остоженкой и берегом р. Москвы. В 1924 г. монастырь был упразднен. В 1930-х гг. многие постройки монастыря были снесены. В 1990-х гг. на территории Зачатьевского монастыря открыта богадельня.

127 Храм Христа Спасителя – мемориальный храм-памятник в честь изгнания из России войск Наполеона. Строился по проекту архитектора К. А. Тона с 1839 по 1883 г. Взорван 5 декабря 1931 г. Воссоздан в 1995 г.

128 Имеется в виду Великая французская революция 1789 г. и роль, которую сыграло в ней так называемое «третье сословие», т. е. все податное население (в отличие от двух привилегированных сословий – духовенства и дворянства).

129 Обсуждалась нота американского президента Вильсона от 5 апреля 1916 г., направленная германскому правительству вскоре после торпедирования французского пассажирского парохода «Сассекс», среди пассажиров которого находились и американцы. Нота носила ультимативный характер и содержала требование прекратить противоречащие международному праву нападения германских подводных лодок на торговые суда, перевозящие американских граждан. В противном случае Америка грозила разрывом дипломатических отношений с Германией. Подробнее см.: *Шацилло В. К.* «Чудо-оружие» и борьба за моря в годы Первой мировой войны // Первая Мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 183–201.

130 Марфо-Мариинская обитель милосердия – небольшой женский монастырь, созданный в 1908 г. великой княгиней Елизаветой Федоровной для помощи больным, ране-

ным и увечным воинам, располагался на ул. Б. Ордынка, 34а. Храмы обители в 1926 г. были закрыты. С 1992 г. в церкви Марфы и Марии возобновлены богослужения.

131 Имеются в виду войны Рима с Карфагеном (Пунические войны) за господство в Средиземноморье (первая – 264–241; вторая – 218–201; третья – 149–146 гг. до н. э.), завершившиеся победой Рима.

132 Юридически Ирландия была составной частью Соединенного королевства Великобритании и Ирландии. В действительности же она была полностью зависима от Лондона. Воспользовавшись войной, английское правительство отложило на неопределенное время осуществление принятого закона о предоставлении Ирландии самоуправления («гомруля»). Это наряду с недовольством введенными ограничениями (цензурой, запретом оппозиционной прессы и др.) привело к национально-освободительному восстанию, которое началось в ночь на 11 апреля 1916 г. Повстанцы захватили в Дублине главные здания, стратегические пункты и провозгласили независимую Ирландскую республику. Руководил восстанием лорд Роджер Кезмент, бывший британский генеральный консул в бельгийском Конго. Непосредственно командовал повстанцами Джемс Конноли, поэт и публицист. План восставших – поднять одновременно на борьбу всю страну – не осуществился, выступления в провинции были очень слабыми. Через неделю восстание было подавлено правительственными войсками. 16 руководителей восстания, в том числе лорд Р. Кезмент и Д. Конноли, были казнены.

133 12 апреля 1916 г. отряд германских броненосных крейсеров в сопровождении легких крейсеров и миноносцев появился рано утром у восточного побережья Англии под Лоустофтом и Ярмутом (современный Грейт-Ярмут). После 20-минутной перестрелки германские суда повернули к своим берегам, преследуемые английскими легкими крейсерами и миноносцами. «Тайме» по этому поводу писала: «Германцы, по-видимому, надеялись, что волнения в Ирландии и одновременное нападение на восточное побережье посеют панику в Англии и удержат в стране войска, предназначенные к отправке за границу».

134 См.: *Бартенев С. П.* Московский Кремль в старину и теперь. Т. 1–2. М., 1912–1916.

135 См.: примеч. 198 (1915).

136 Английский ген. – лейтенант Таунсгенд в апреле 1915 г. был назначен командующим 6-й индусской дивизией в Месопотамии. 28 сентября того же года наголову разбил турецкие войска у Кутэль-Амары и продвинулся в глубь территории. Однако уже в конце ноября был вынужден вновь отступить к Кут-эль-Амаре, где был прочно блокирован турками. После многомесячной осады, истощив все запасы продовольствия и уничтожив свою артиллерию, 16 апреля 1916 г. с 3 тысячами англичан и 6 тысячами индусов сдался в плен. До октября 1918 г. в качестве военнопленного жил близ Константинополя. В 1920 г. вышел в отставку, позже избирался членом Парламента.

137 Московское кооперативное издательство. Выпускало книги преимущественно по истории русской литературы и общественной мысли. Основано в 1906 г. В 1934 г. влилось в Гослитиздат.

138 Имеется в виду журнал «Исторические известия», который печатался в типографии «Тов-ва скоропечатни А. А. Левенсон» – одной из крупнейших фирм в России, специализировавшейся на производстве литографской продукции. Фирма была основана в 1881 в Москве, в 1917 типография была приобретена Земгором, после Октября 1917 – национализирована.

139 См.: *Савин А. Н.* История двух маноров (East Derehan и East Hendred) //ЖМНП. 1916. № 4. С. 193–240.

140 Речь идет о Николае Александровиче Рожкове (1868–1927), историке, социологе, социал-демократе. Он избирался депутатом I–III Государственных дум. После разгона 1-й Думы был арестован. С 1906 г. вышел на нелегальное положение. В 1908 г. – сослан на поселение в Сибирь, откуда вернулся в 1911 г. Состоял членом лекторской группы Московского

комитета РСДРП(б), во Временном правительстве занимал пост товарища министра печати и телеграфа (17 мая – 4 августа 1917 г.). В марте 1921 г. был арестован, выслан в Псков. Вернулся в Москву летом 1924 г. Преподавал в Институте Красной профессуры, Академии Коммунистического воспитания, 1-м МГУ. В 1926 г. был директором Исторического музея.

141 В 1916 г. на историко-филологическом факультете Московского университета числились семь студентов с фамилией Лебедев, одним из них был Владимир Иванович Лебедев (1894–1966), позже – зав. кафедрой истории СССР (1935–1942) исторического факультета МГУ. Под редакцией В. И. Лебедева в 1940–1948 гг. вышло первое издание труда М. М. Богословского о Петре I.

142 Литературно-научное общество при Московском университете, основанное в 1811 г. Существовало до 1930 г.

143 Несколько перефразированные слова Гамлета из второй сцены 3 акта одноименной трагедии Шекспира: «Умер назад два месяца, и все еще не забыт! Тогда есть надежда, что память великого человека переживет его на полгода».

144 Приводятся заключительные слова последнего монолога Филиппа Незаконнорожденного из седьмой сцены 5 акта драмы Шекспира «Король Джон».

145 Волумния – героиня драмы Шекспира «Кориолан».

146 См. третью сцену 1 акта одноименной трагедии Шекспира.

147 Борачио и Конрад – персонажи комедии Шекспира «Много шума из ничего».

148 Премия имени Геннадия Федоровича Карпова (1848–1890), историка, профессора Харьковского университета, была учреждена его вдовой Анной Тимофеевной Карповой (урожденной Морозовой) в 1892 г. Присуждалась ОИДР ежегодно за лучшее сочинение по истории, в особенности по истории Украины.

149 См.: *ГлубоковскийН. Н.* Высокопреосвященный Смарагд Крыжановский, архиепископ Рязанский (t 1863): его жизнь и деятельность. СПб., 1914.

150 Позже этот реферат был опубликован: *Веселовский С. Б.* К вопросу о составе и источниках XXV главы Уложения царя Алексея Михайловича // Русский исторический журнал. 1917. № 1–2. С. 27–45.

151 Бакланова писала кандидатское сочинение у Богословского по теме «Служилые люди Оскольского уезда в первой половине XVII века», работу над которым она завершила в апреле 1918 г. В октябре того же года она сдала и государственные экзамены. См. автобиографию Н. А. Баклановой – ОПИ ГИМ, Ф. 442. Ед. хр. 42. Л. 13–14.

152 На рассвете 24 апреля 1916 г. крейсер «Бреслау», подняв русский флаг, подошел к Евпатории и обстрелял беззащитный курорт и портовые сооружения. В результате было четверо погибших и 11 раненых, кроме того, пострадали здания гимназии и земского училища.

153 22 апреля 1916 г. в Вашингтоне была получена германская нота в ответ на ноту президента Вильсона (см. примеч. 129 (1916)). Германия шла на существенные уступки американским требованиям. Нота содержала текст нового германского приказа флоту, запрещающего пускать ко дну суда, даже в пределах военной зоны, без предупреждения и без принятия мер для спасения человеческих жизней. Уступка ослаблялась, однако, тем, что Германия оставляла за собой полную свободу действий, если Америка не добьется от Англии соблюдения всех правил морской блокады. Через три дня (25 апреля) последовал ответ Вашингтона. С одной стороны, в нем принимались германские уступки, в то же время решительно отвергалась возможность ставить исполнение Германией обязанностей в отношении нейтральных стран (в частности Америки) от действий какого-либо третьего правительства (имелась в виду Англия). Богословский очень верно оценил значение этой ноты. Позже даже Тирпиц признал, что «Нота по поводу «Сассекса» явилась поворотным пунктом в ходе войны… Весь мир увидел, что Америка сломила нас». Цит. по: *Шацилло В. К.* «Чудо-оружие» и борьба за

моря в годы Первой мировой войны // Первая Мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 195. О развитии подводной войны см. ниже примеч. 21 (1917).

154 Кандидатское сочинение Б. И. Иванова «Землевладение и хозяйство Кирилло-Белозерского монастыря в XVI–XVII вв.» было признано лучшим, с присуждением ему премии протоиерея А. И. Невоструева в 157 рублей. См.: Отчет о состоянии Московской духовной академии в 1916-17 учебном году// Богословский вестник. 1917. № 2. С. 32.

155 Имеется в виду «годовой час», т. е. годовая норма лекционных часов.

156 Воспитательный дом основан Екатериной II в 1764 г. в Москве для приема и воспитания незаконнорожденных детей. Это учреждение должно было претворить в жизнь идею И. И. Бецкого о воспитании «нового человека». Здание Воспитательного дома было построено (по проекту Ю. М. Фельтена) на обширном Васильевском лугу. Строительство продолжалось несколько десятилетий. В разное время строительством руководили К. И. Бланк, Я. А. Ананьин, И. М. Ситников, И. Д. Жилярди, М. Ф. Казаков и др.

157 Имеется в виду контора Банкирского дома «Братья Джамгаровы». Главная контора располагалась в собственном доме Джамгаровых на Кузнецком мосту, отделение – в Старом Гостином дворе на Ильинке.

158 Имеется в виду широко отмечавшееся во многих городах России 300-летие со дня кончины Кузьмы Минина. Особенно торжественное чествование его памяти происходило 7 и 8 мая в Нижнем Новгороде. В Москве 8 мая состоялось торжественное богослужение в Чудовом монастыре, а затем крестный ход из монастыря на Красную площадь к памятнику Минину и Пожарскому, где после молебна о даровании победы русскому воинству были возложены венки. С речами на торжестве в Москве выступили городской голова Челноков и член Купеческой управы Иванов.

159 Подразумевается Петербургский Женский педагогический институт, директором которого Платонов был в 1903–1916 гг.

16 °См.: *Рубан В. Г.* Поход боярина и Большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову, взятие его и Лютика города и торжественное оттуда с победоносным воинством возвращение в Москву. Издал в свет В. Рубан. СПб., 1773.

161 См.: *Елагин С. И.* История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864. Приложения. Ч. 1–2. СПб., 1864.

162 Ежедневная общественно-политическая газета. Издавалась в Москве в 1907–1918 гг. (с апреля 1917 г. – «Заря России»), Субсидировалась банком братьев Рябушинских.

163 Имеются в виду Мария Александровна и Сергей Александрович Голубцовы.

164 Восточная или Крымская война 1853–1856 гг., проигранная Россией коалиции Англии, Франции, Турции и Сардинии.

165 Имеется в виду великий князь Николай Михайлович, председатель Императорского Русского исторического общества с 1910 г. 23 мая 1916 г. Общество отмечало свой полувековой юбилей.

166 Современная Силистра (древнеримское поселение Дуросторум, затем с X до конца XIV в. – Доростол, в 1388–1878 гг. – Силистрия, в составе Турции) – город и порт на северо-востоке Болгарии, на правом берегу Дуная. Русские войска безуспешно осаждали ее в мае – июне 1854 г.

167 Второй Азовский поход, принесший удачу русским войскам, состоялся летом 1696 г. Сухопутными войсками командовал генералиссимус А. С. Шеин, флотом – Ф. Лефорт. Сам Петр I также участвовал в походе. На этот раз Азов был осажден и с суши, и с моря. Осада окончилась 19 июля 1696 г. полной капитуляцией турецкого гарнизона.

168 См.: Песни и сказки Белозерского края. Записали Борис и Юрий Соколовы. М., 1915.

169 Имеется в виду речь депутата от социал-демократической фракции А. И. Чхенкели, произнесенная в заседании Думы 16 мая при рассмотрении законопроекта об отмене административной гарантии по делам о взяточничестве. Первоначально председатель Думы задержал стенограмму его речи, но через 2 дня всетаки допустил ее к печати с некоторыми сокращениями. Раздражение Богословского, безусловно, вызвало требование Чхенкели «ответственного министерства», без которого, по его мнению, невозможно искоренить взяточничество.

170 Деревянная церковь Ржевской Богоматери на Пречистенском (ныне Гоголевском) бульваре была построена в 1540 г. в честь принесения из Ржева в Москву чудотворных икон Пречистой Одигитрии и Честного Креста. Каменная церковь впервые построена в 1657 г., затем неоднократно перестраивалась на протяжении XVII–XIX вв. В 1929 г. разрушена.

171 23 мая – день памяти преподобного Михаила исповедника и преподобномученика Михаила черноризца – именины М. М. Богословского и его сына Михаила.

172 Государственный архив Российской империи был создан в Санкт-Петербурге для хранения наиболее важных в политическом отношении документов. Складываться он начал вскоре после восшествия на престол Николая I и получил свое окончательное оформление в 1834 г. Основой его послужили материалы С.-Петербургского государственного архива старых дел, архивов Правительствующего Сената и Коллегии иностранных дел. Здесь же были собраны фонды кабинетов (личных канцелярий) российских императоров, начиная с Петра I. В 1864 г. Государственный архив был объединен в административном отношении с Санкт-Петербургским архивом Министерства иностранных дел. В 1917 г. материалы Государственного архива были эвакуированы из Петрограда в Кирилло-Белозерский монастырь и Москву. В 1921–1922 гг. все они были сосредоточены в Москве, в бывшем Московском Главном архиве МИД, а в 1924 г. переданы на хранение в бывший Московский архив Министерства юстиции. В настоящее время находятся в РГАДА. Кабинет Петра I (РГАДА. Ф. 9) возник в 1704 г. как личная походная канцелярия Петра. В материалах этого фонда нашли отражение все преобразования царя в области экономики, военного дела, строительства флота, культуры, просвещения, науки. Как явствует из «Воспоминаний об академике М. М. Богословском» Н. М. Дружинина, в 1919 г. Богословский с помощниками разбирал этот фонд // Архив РАН. Ф. 636, Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 10 («Воспоминания» Дружинина – в его письме Е. П. Богословской).

173 Речь идет о широком наступлении генерала Брусилова на Юго-Западном фронте от р. Припяти до румынской границы, начатом 22 мая 1916 г. В газетах от 24 мая сообщалось о 13 тысячах пленных (например, в «Русских ведомостях»), через несколько дней число пленных действительно достигло 40 тысяч. Австро-венгерские войска в Галиции и Буковине потерпели крупное поражение, потеряв убитыми, ранеными и пленными почти 1,5 миллиона человек; потери русских были меньше, но тоже очень значительны – 500 тысяч человек (см.: Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. М., 1923. Ч. 5. С. 73, 108). Чтобы ликвидировать прорыв, военное командование Центральных держав вынуждено было перебросить войска с Западного и Итальянского фронтов. Это облегчило положение французов под Верденом и итальянцев под Трентино.

174 См. примеч. 96 (1915). Награжденный орденом 1-ой степени носил звезду ордена и крест на ленте красного цвета.

175 Ежедневная политическая и литературная газета, центральный орган партии кадетов. Выходила в Петербурге с 1906 г. под редакцией П. Н. Милюкова. После октября 1917 г. выходила под разными названиями: «Наша речь», «Свободная речь», «Век», «Новая речь», «Наш век». Закрыта в августе 1918 г.

176 Орден святого равноапостольного князя Владимира был учрежден Екатериной II в 1782 г. Им награждались как военные, так и гражданские лица. Орден имел 4 степени.

Награжденный 4-ой степенью ордена носил знак ордена – малый красный эмалевый крест с расширяющимися концами, с черной эмалевой каймой на узкой орденской ленте в петлице.

177 Ежедневная газета. Официальный орган Министерства внутренних дел. Выходила в Петербурге с 1 января 1869 по 26 февраля 1917 г.

178 Марсово поле – площадь в центральной части С.-Петербурга, отделенная от Летнего сада Лебяжьей канавкой. Названа в честь древнеримского бога войны Марса. Под разными названиями существовала со времен Петра I. Законченный облик и свое наименование Марсово поле получило в 1818 г.

179 Мемуары Милютина впервые были опубликованы в 1919 г. в Томске под редакцией Г. Г. Христиани: Воспоминания генералфельдмаршала графа Д. А. Милютина. Томск. 1919. Т. 1, Кн. 1–3. Исправленное издание под редакцией и с предисловием Л. Г. Захаровой вышло в 1997 г.: *Д. А. Милютин.* Воспоминания. 1816–1843. Т. 1.

180 Подразумеваются сборники Русского Исторического общества (сборники РИО).

181 Английский военный министр лорд Китченер вместе со своим штабом выехал 23 мая с визитом в Россию на броненосном крейсере «Хэмпшир». Около Оркнейских островов корабль подорвался на мине, и вся английская миссия погибла. Официальное сообщение об этом было опубликовано 25 мая.

182 Имеется в виду издание: Письма и бумаги императора Петра Великого, выходившее в Петербурге с 1887 г. К 1916 г. было опубликовано 6 томов. В настоящее время издание доведено до 13 тома (в 2-х выпусках).

183 Предполагалось выпустить четыре тома истории России на английском языке. В подготовке издания должны были участвовать А. А. Шахматов, М. А. Дьяконов, А. Е. Пресняков, П. Н. Милюков и др. Издание не состоялось. Подготовленный Богословским раздел о Петровской эпохе позже был опубликован в несколько сокращенном виде: *Богословский М. М.* Петр Великий и его реформа. М., 1920 (об этом см.: *А. В. Мельников.* К истории рукописи труда академика М. М. Богословского «Петр Великий: Материалы для биографии» (Предварительные археографические наблюдения) // М. М. *Богословский.* Петр Великий: Материалы для биографии. М., 2005. Т. 1. С. 469).

184 См.: *Богословский М. М.* Император Петр I Алексеевич Великий // Государи из дома Романовых. 1613–1913. М., 1913. Т. 1. С. 148–300.

185 Имеется в виду Акционерное пароходное общество «Самолет», основанное в 1854 г. В. А. Глазенапом и М. Г. Бехагель фон Адлерскроном. Первоначально осуществляло перевозки пассажиров и легкого груза от Твери до Ярославля, с 1870-х гг. до Астрахани. Суда компании строились на бельгийском заводе Коккериля и выгодно отличались от конкурентов быстротой хода. К моменту национализации речного флота в 1918 году «Самолет» владел 42 комфортабельно устроенными легко-пассажирскими пароходами американского типа, которые совершали ежедневные рейсы по всей Волге от Твери до Астрахани. Многие из них плавали и в советскую пору до их массового списания в 1950– 1960-х гг.

186 См.: *Пыпин А. Н.* Исторические очерки. Т. 1: Религиозные движения при Александре I. Пг., 1916.

187 Черновцы (совр. Черновицы, Украина) – город в предгорьях Карпат, на реке Прут. 5 июня 1916 г. Черновцы были взяты штурмом 9-й армией ген. Лечицкого.

188 Законопроект «О крестьянском равноправии» начал обсуждаться в Думе 31 мая. Действительно, основные положения законопроекта были введены в чрезвычайно-указном порядке еще Столыпиным 5 октября 1906 г. Закон десять лет пролежал в Думе без обсуждения и был поставлен в повестку дня только в 1916 г. Перед пленарным заседанием он обсуждался в судебной комиссии Думы, докладчиком от которой выступал В. А. Маклаков (отсюда и выражение Богословского – «Маклаковская шумиха»), И хотя в законопроекте речь шла об отмене только некоторых ограничений крестьянских прав при сохранении

сословного неравенства, ценность его заключалась в том, что он поставил вопрос о необходимости проводить изменения в крестьянском законодательстве. В прениях поднимался вопрос о полном равноправии крестьян, но ни в законопроекте, представленном судебной комиссией Думы, ни в планах правительства не содержалось намерений уничтожить сословный строй в России в данный момент (что подчеркивалось в ответной речи товарища министра внутренних дел гр. Бобринского 3 июня).

189 Первые известия о попытках контратак неприятеля на ЮгоЗападном фронте стали поступать 3 июня 1916 г. В газетах от 9 июня сообщалось уже об ожесточенных боях на реках Стыри и Стоходе. На отдельных участках фронта русские войска вынуждены были отходить с захваченных позиций.

190 В. И. Востоков славился как проповедник, в связи с чем в 1903 г. он был переведен из сельского прихода в Москву. Однако с течением времени духовные власти изменили отношение к нему. Так, в 1913 г. за одну совершенно лояльную статью в издаваемом им журнале «Отклики на жизнь» он внезапно был переведен в Коломну в женский монастырь, но затем лишен звания его настоятеля, обвинен как еретик, хулитель церкви и епископства. Эти обвинения, впрочем, отпали тогда же за недоказанностью. На следующий виток разногласия Востокова с духовными властями вышли летом 1915 г., когда в «Откликах на жизнь» было напечатано прошение министру внутренних дел, поданное священником Востоковым и прихожанами Христорождественской церкви г. Коломны. В обращении содержалась просьба к министру принять все зависящие от него меры, чтобы «соблазн от безнаказанности» старца Распутина «был рассеян» в судебном порядке. За этим последовал перевод В. И. Востокова в отдаленный приход Ильинское-Стребухово в 60-ти верстах от Москвы и существенное уменьшение его оклада (90 рублей в год). Однако и здесь он продолжал издание своего журнала. В июне 1916 г. Востоков был вызван в Московскую духовную консисторию для дачи объяснений по делу, возбужденному против него миссионерским советом в составе протоиереев И. Восторгова и Х. Максимова и архимандрита Григория, которых В. И. Востоков небезосновательно причислял наряду с епископом Верейским Модестом и протоиереем Мансветовым к своим открытым недоброжелателям. Основные обвинения против Востокова сводились к тому, что священник читал свои проповеди на злобу дня устно, без предварительной цензуры и даже обходился без последней при издании своего журнала. Разбирательство дела Востокова настолько колоритно, что считаем уместным привести пространные выдержки из него, которые показывают, насколько верна оценка этого дела Богословским.

В Московской духовной консистории Востокову предложили семь вопросов, на которые он давал письменные ответы. «Вопрос 1-й: Обязуется ли о. В. И. Востоков принести письменное покаяние перед владыкой Макарием и письменное обещание послушания ему?

Ответ (приводится с сокращениями. – Е. К, Т. С): Как православный священник, я всегда признавал, признаю и буду признавать законную власть… и буду слушаться всех ее распоряжений, согласных с Евангелием, с законами церковными и гражданскими… Решение же вопроса о письменном покаянии перед владыкой я прошу покорнейше предоставить моей совести. Покаяние по предложению начальства, по моему убеждению, не имеет нравственной ценности. Оно ценно, когда исходит из совести лица кающегося.

Вопрос 2-й: Обязуется ли о. В. И. Востоков проповедовать только по печатным, одобренным духовной цензурой проповедническим сборникам, с указанием всякий раз в богослужебном журнале, какую именно проповедь он читал?

Ответ: (приводится с сокращениями. —Е. К, Т. С): Обязаться проповедовать по чужим сборникам отказываюсь. Проповедь жива и действенна тогда только, когда исходит из ума и сердца проповедника… [Но] я могу представить епархиальному начальству обильный материал моих печатных проповедей…, с просьбой указать, какие из них непригодны к произ-

несению, только при этом прошу не назначать моими цензорами епископа Модеста Верейского, архимандрита Григория, протоиереев Восторгова, Мансветова и Максимова. Если же на цензуру пойдет слишком много времени, то я буду произносить в церкви слова и беседы святых отцов Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, которые, надеюсь, цензуре современных цензоров не подлежат. В богослужебных же журналах обязуюсь отмечать, какие проповеди я читал». (См.: «Русские ведомости» от 9.06.

1916 г.) Духовной консистории пришлось на первых порах удовольствоваться этими и подобными ответами В. И. Востокова. В сентябре того же года Востоков уехал в Уфу. После Февральской революции он вернулся в Москву и был назначен настоятелем церкви св. Иоанна Предтечи что в Кречетниках. После октября 1917 г. примкнул к белому движению, эмигрировал, умер в Югославии.

191 8 июня 1916 г. посланники России, Франции и Англии предъявили ноту Греции, которая в начале Первой мировой войны объявляла о своем дружественном нейтралитете. В ноте отмечались грубейшие нарушения Грецией взятых на себя обязательств, в числе которых было разрешение на вступление в Грецию болгарских войск и занятие ими некоторых стратегически важных пунктов. Страны Согласия выразили протест по этому поводу и ультимативно потребовали проведения новых выборов в Палату депутатов, замены некоторых политических деятелей и полицейских чинов, действовавших откровенно прогермански. Вечером того же дня новый премьер-министр Греции Заимис заявил о готовности принять все пункты ноты.

192 Вероятно, речь идет о селе Красном, расположенном на левом берегу Волги, ниже Рыбинска, по пути из Рыбинска в Шашково.

193 Речь идет о крупнейшей наступательной операции англофранцузских армий на реке Сомме. Она длилась с 18 июня по 5 ноября 1916 г. Главный удар наносился на фронте протяженностью 45 км от моря до Вердена в районе реки Соммы. Операция на Сомме, продолжавшаяся около 4 месяцев, была одной из крупнейших операций кампании 1916 г. и всей войны. Операция втянула в орбиту 150 дивизий, до 10 тысяч орудий, 1 тысячи самолетов и другой техники. Однако наступление не принесло успеха. Позиции германцев, укреплявшиеся ими на протяжении почти двух лет, союзники так и не преодолели. Произошло лишь вдавливание войск в германскую оборону на фронте в 35 км и в глубину до 10 км, что ни в какое сравнение не шло с результатами, которых добились русские армии Юго-Западного фронта в Галиции.

194 Имеется в виду «Закон о мерах к сокращению потребления населением мяса». По нему в городских поселениях прекращалась продажа мяса и мясных продуктов 2 дня в неделю («мясопустные дни» – *Е. К, Т.* С.). См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем сенате. 16 июля 1916 г. № 193. Отдел 1. Ст. 1621.

195 Имеется в виду одобренный Государственным советом и Государственной думой и утвержденный 3 июля 1916 г. императором Николаем II закон «О временном улучшении материального положения профессоров Императорских Российских университетов и Демидовского юридического лицея, а также доцентов Императорских Варшавского и Юрьевского университетов и названного лицея и об изменении некоторых постановлений устава Императорских Российских университетов». Закон вступал в силу с 1 января 1917 г. По этому закону содержание ординарного профессора увеличивалось до 6 тысяч рублей в год. Этот же закон отменял установленную статьей 529 уставов ученых учреждений и учебных заведений особую плату (гонорары) со студентов и посторонних слушателей университетов в пользу отдельных преподавателей, лекциями и руководством которых студенты или слушатели пользовались. Размер «гонораров» зависел от количества студентов, а поскольку

наибольшее их количество было на юридическом факультете, преподаватели именно этого факультета и получали столь высокие гонорары.

196 Речь идет о бывших германских крейсерах «Гебен» и «Бреслау», с августа 1914 г. вошедших в состав турецкого флота и действовавших в Черном море. 21 июня 1916 г. в 4 часа дня «Гебен» обстрелял город и порт Туапсе, потопив при этом пассажирский пароход «Князь Оболенский», который стоял в порту и не имел, к счастью, на своем борту пассажиров. В тот же день около 5-ти часов дня к Сочи подошел крейсер «Бреслау» под Андреевским флагом, сменив его на боевой турецкий флаг только вблизи берега. «Бреслау» взорвал транспорт с продовольствием и парусное судно. По самому городу бомбардировок не производилось.

197 Река Стоход – правый приток Припяти в Волынской губернии (соврем. Волынская область, Украина). «Заминка у Стохода» – такой заголовок имело сообщение с Юго-Западного фронта, где 3-я (ген. Леш) и 8-я (ген. Каледин) армии безуспешно пытались форсировать реку Стоход на плечах отступающего противника. Получив подкрепление и выдвинув сильную артиллерию, германские войска оказывали упорное сопротивление. На рубеже реки Стоход боевые действия приняли затяжной характер.

198 Имеются в виду нападения германских подводных лодок на русские госпитальные судна и транспорты в Черном море. 25 июня 1916 г. германская подводная лодка потопила русский госпитальный корабль «Вперед», шедший под флагом Красного Креста из Батума в Трапезунд за ранеными. Нарушив международные нормы (см. примеч. 101 (1916)), подводная лодка без всяких предупреждений выпустила в судно мину. Только умелые действия командования судна позволили избежать значительных жертв (в результате нападения погибло семь человек, в том числе командир судна отставной контр-адмирал Вильгельм). 28 июня 1916 г. у кавказских берегов германской подводной лодкой был потоплен русский транспорт, шедший пустым.

199 27 июня в порту Балтимора появилась немецкая подводная лодка «Германия» с гражданским грузом. Первоначально Государственный департамент Северо-Американских Соединенных Штатов предполагал заявить протест по поводу пребывания германской подводной лодки в американских территориальных водах, но позже (3 июля) формально признал подводную лодку «Германия» коммерческим судном.

200 g 1916 г. в Московской духовной академии на последнем (IV) курсе учились два студента с фамилией Соколов: Борис Васильевич и Николай Иванович. О ком из них идет речь, установить не удалось.

201 Войска Кавказской армии (ген. Юденич) взяли турецкий город Байбурт в ночь на 3 июля 1916 г.

202 Статья Д. Н. Анучина «К биографии И. И. Мечникова» опубликована в «Русских ведомостях» 5 июля 1916 г.

203 См.: *ПыпинА. Н.* Госпожа Крюднер // *ПыпинА. Н.* Исторические очерки. Т. 1. Религиозные движения при Александре I. Пг., 1916. С. 295–395.

204 Богословский ошибся, короткая заметка о похоронах С. И. Смирнова появилась в «Русских ведомостях» 6 июля.

205 Имеются в виду перемены в министерствах иностранных дел, внутренних дел и юстиции 7 июля 1916 г.: министр иностранных дел С. Д. Сазонов ушел в отставку, в тот же день на его место назначен бывший министр внутренних дел Б. В. Штюрмер, оставшийся одновременно председателем Совета министров. В Министерстве внутренних дел: на место Штюрмера назначен бывший министр юстиции А. А. Хвостов. В Министерстве юстиции: на место ушедшего А. А. Хвостова назначен А. А. Макаров.

206 Племянник А. А. Хвостова, А. Н. Хвостов, занимал пост министра внутренних дел с сентября 1915 г. по март 1916 г.

207 1 3 июля в «Русских ведомостях» появилась заметка «Польский вопрос», в которой сообщалось о готовящемся в Совете министров обсуждении вопроса о новом устройстве Царства Польского. В частности, по проекту бывшего министра иностранных дел С. Д. Сазонова предполагалось предоставить Царству Польскому политическую автономию с государственными элементами, то есть Царство Польское получило бы свое особое правительство и двухпалатную систему законодательных учреждений. Местному управлению не подлежали бы в таком случае только армия, внешняя политика, таможенные пошлины, монетная система и железные дороги, имеющие стратегическое значение.

208 В октябре 1696 г. после взятия Азова встал вопрос о необходимости постройки флота. На его создание отводилось два года. Постройка кораблей возлагалась на крупных землевладельцев, духовных и светских, по одному кораблю с каждых 8 тысяч (для духовных) и 10 тысяч (для светских) числящихся за ними крестьянских дворов. При этом землевладельцы добровольно объединялись в группы или компании («кумпанства») для набора необходимого количества дворов. См. подробнее: *Богословский М. М.* Петр Великий: материалы для биографии: в 6 т. Т. 1: Детство. Юность. Азовские походы, 30 мая 1672 – 9 марта 1697. М., 2005. Главы XLIII и XLIV. С. 353–364.

209 Правильнее: Эрзинджан, город в северо-восточной Турции в 140 км к юго-западу от Эрзурума на правом берегу Кара-су или Западного Евфрата. Войска Кавказской армии (ген. Юденич) взяли Эрзинджан 12 июля 1916 г., чем завершили изгнание турок из Армении.

210 Законопроект министра народного просвещения А. Н. Шварца «О гимназиях и подготовительных училищах» был внесен на рассмотрение в Государственную думу 12 июня 1910 г. Однако он даже не обсуждался, потому что новый министр просвещения (с февраля 1911 г.) Л. А. Кассо отозвал этот проект для пересмотра. См. также примеч. 50 (1916).

211 Описываются эпизоды летнего наступления русских войск на Юго-Западном фронте. 15 июля 1916 г. возобновилось общее наступление армий фронта западнее Луцка (город в Волынской губ., соврем, центр Волынской обл. на Украине). Русским войскам удалось прорвать весь фронт противника. В тот же день были заняты Броды (город в Галиции, соврем. Львовская обл. на Украине). Кроме того, были освобождены города Галич и Станислав.

212 Великое посольство 1697–1698 гг. возглавили генерал-адмирал Ф. Я. Лефорт, руководитель Посольского приказа генерал Ф. А. Головин, думный дьяк П. Б. Возницын. Всего в посольстве числилось более 250 человек. Среди 35 волонтеров ехал и Петр I под именем урядника Преображенского полка Петра Михайлова. Официальной целью посольства было объявлено подтверждение союза, направленного против Турции и Крыма, ее вассала. Реальной же целью было знакомство с политической жизнью Европы. Кроме того, предполагалось, что за время путешествия волонтеры будут учиться различным ремеслам. Посольство посетило различные европейские города: Ригу, Митаву, Кенигсберг, Саардам, Амстердам, Гаагу, Лондон, Лейпциг, Дрезден, Прагу, Вену, Раву Русскую и др.

213 См.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 7. СПб., 1864.

214 Имеется в виду военно-политический союз России и Франции, оформленный соглашениями 1891–1893 гг. Этот союз явился ответом на образование Тройственного союза во главе с Германией (1882 г.). Просуществовал до 1917 г.

215 Письмо исполняющего должность председателя Дмитровской земской управы Грузинова было опубликовано в «Русских ведомостях» 22 июля 1916 г. В нем отмечалось, что В. А. Маклаков получил для своего имения 10 пленных в обход существующего порядка предоставления пленных.

216 «Дело капитана Фрайэта» (так в газетах. – *Е. К, Т. С.)* обсуждалось в прессе с 18 по 22 июля 1916 г. Английский капитан Фрайэт, командуя торговым судном «Брюссель», сумел потопить германскую подводную лодку. Вскоре он был захвачен в плен и 14 (27) июля 1916 г. расстрелян немцами в нарушение всех международных норм, по которым его должны были содержать как военнопленного (немцы, однако, расценили его действия как партизанские). Расстрел Фрайэта вызвал бурю возмущения не только в странах Антанты, но и в нейтральных государствах. По тяжести вины он ставился в один ряд с потоплением <Лузитании».

217 См. примеч. 121 (1916).

218 См.: Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве / Под ред. С. Б. Веселовского. Т. 1. М., 1913; Т. 2. Вып. 1. М., 1917. Третий том был опубликован посмертно: Акты писцового дела (1644–1661). М., 1977.

219 Станиславов (Станислав) – город в западной части Галиции (соврем. Ивано-Франковск на Украине). Имеется в виду успешное наступление 9-й армии ген. Лечицкого на левом фланге ЮгоЗападного фронта в Заднестровской Галиции, которое позволило русским войскам занять Буковину.

220 Речь идет о временном отступлении русских войск на Кавказском фронте западнее озера Ван, в районе турецких городов Муш и Битлис.

221 25 июня 1916 г. был объявлен указ о мобилизации мужского «инородческого» населения для оборонительных работ. Предполагалось призвать на военно-тыловые работы из Туркестанского края 250 тысяч человек, из Степного (Казахского) края —140 тысяч человек из местных коренных национальностей. Этот указ послужил одной из серьезных причин и непосредственным поводом к Среднеазиатскому восстанию, охватившему значительную территорию с более чем десятимиллионным населением. 17 июля 1916 г. в Туркестанском военном округе было введено военное положение с одновременным подчинением всего гражданского управления в этом округе командующему войсками. Туркестанским генерал-губернатором, командующим войсками Туркестанского военного округа и войсковым наказным атаманом Семиреченского казачьего войска был назначен ген. Куропаткин, до этого бывший главнокомандующим Северного фронта. Восстание было подавлено. Однако в полном объеме мобилизацию так и не удалось провести. К марту 1917 г. из Туркестана на тыловые работы было отправлено 123 тысячи человек, т. е. менее половины намеченного.

222 Нодендали (соврем. Нантали, Финляндия) – город на берегу Ботнического залива. В 1913 г. М. М. Богословский отдыхал там вместе с семьей своего брата С. М. Богословского. Об этом позже вспоминал его племянник Александр Сергеевич Богословский (один из «Липушат»): «У нас была зафрахтована четырехвесельная килевая лодка, и мы часто вчетвером, папа, д[ядя] Миша, Миша и я, совершали на ней поездки. Д [ядя] Миша любил и умел обставлять наши поездки некоторой таинственностью, будто мы путешествуем по неизведанным местам, где никто не бывал…» (См.: Архив РАН. Ф. 636. Оп. 2. Ед. хр. 9-а. Л. 6).

223 Золотая Липа – левый приток Днестра. Описываемые события относятся к периоду наступления Юго-Западного фронта.

224 См.: *Богословский М. М.* Рецензия на: *Веселовский С. Б.* Сошное письмо: Исследования по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915. Т. 1; М., 1916. Т. 2. // Исторические известия. 1916. № 2. С. 68–85.

225 Имеется в виду наступление турецких войск против 1-го Кавказского кавалерийского корпуса ген. Баратова. С октября 1915 г. корпус (до июня 1916 г. именовался русским Экспедиционным корпусом в Персии) успешно продвигался вперед, имея задачей соединиться с англичанами. Однако после капитуляции ген. Таунсгендена в Кут-эль-Амаре (см. прим. 136 (1916)) соотношение сил изменилось. Баратов вынужден был оставить занятые ранее города Ханекин, Керманшах и Хамадан, после чего наступление турок было оста-

новлено. Позднее русские войска вновь перешли в наступление и к марту 1917 г. вернули города Керманшах и Ханекин.

226 Великий князь Николай Николаевич (младший) с 23 августа 1915 г. – наместник Кавказа и главнокомандующий Кавказской армией.

227 Богословский несколько опередил события: в августе 1916 г. наступление армий Брусилова еще продолжалось. Но оно уже выдыхалось и не принесло желаемых результатов. См. также примеч. 265 (1916).

228 Отставка обер-прокурора А. Н. Волжина произошла 7 августа 1916 г.

229 К 13 августа 1916 г. русские войска заняли город Муш (Турция) и вышли к хребту Куртик-Даг (в нескольких километрах от Муша). Продолжалось также преследование остатков 4-й турецкой армии, отступающей в южном направлении от района озера Ван к городу Мосулу (соврем. Ирак).

230 Богословский вспоминает именной указ Петра I от 2 октября 1718 г., данный царем президентам Коллегий. В нем, в частности, говорилось, чтобы во время присутственных дней «лишних слов и болтанья не было, но то время ни о чем ином, только о настоящем говорить; также кто станет говорить речи, другому не перебивать, но дать окончить и потом другому говорить, как честным людям надлежит, а не как бабам-торговкам».

231 Магистерской диссертацией С. И. Смирнова была работа «Духовный отец в древней восточной церкви. 4.1. Период вселенских соборов». Докторской – «Древне-русский духовник: Исследования по истории церковного быта». В качестве приложения к ней С. И. Смирнов издал «Материалы для истории древне-русской покаянной дисциплины».

232 После долгих колебаний Румыния выступила все-таки на стороне Антанты и 14 августа 1916 г. объявила войну АвстроВенгрии. 15 августа Германия и Турция объявили войну Румынии, 19 августа к ним присоединилась Болгария. Русское командование считало вступление Румынии в войну бесполезным.

233 См.: *Богословский М. М.* Памяти профессора С. И. Смирнова // Богословский вестник. 1916. № 9. С. 24–42.

234 См.: *Скворцов Н. А.* Археология и топография Москвы: Курс лекций. М., 1913.

235 Румынские войска начали военные действия 14 августа 1916 г. наступлением в Венгрии. К 20 августа они продвинулись по всему фронту на 15–25 км, взяли г. Брашов, заняли горные перевалы Карпат. Но это были кратковременные успехи. Русские войска перешли Дунай 19 августа. Добруджа – историческая область в Европе, расположенная между нижним течением Дуная и побережьем Черного моря. В XV в. была захвачена Османской империей. После Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Южная Добруджа отошла к Болгарии, Северная – к Румынии. По Бухарестскому мирному договору 1913 г. Южная Добруджа была передана Румынии, в составе которой находилась до 1940 г., когда вновь отошла к Болгарии.

236 После вступления в войну Румынии Восточная армия генерала Саррайля, образованная на базе экспедиционного корпуса (см. примеч. 114 (1915)), предприняла наступление, однако успехи ее были незначительны. Серьезные победы были одержаны только в 1918 г. после значительного усиления Восточной армии.

237 2 0 августа союзные державы направили Греции ноту с требованием немедленно принять меры к прекращению действий германских и австрийских агентов, наносящих вред союзным войскам. Державы Согласия потребовали от Греции оказания вооруженного сопротивления наступлению германо-болгарских войск, угрожая в случае невыполнения этих требований послать соединенную эскадру в Пирей и высадить десант для занятия Афин.

238 Единица счета писчей бумаги. Русская десть составляла 24 листа, метрическая – 50 листов.

239 Имеются в виду бои англо-французских войск на реке Сомме. См. примеч. 193 (1916).

24 °См.: *Клочков М. В.* Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916.

241 См.: *Яковлев А. И.* Засечная черта Московского государства в XVII в. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916; *Яковлев А. И.* Приказ сбора ратных людей. 146–161 (1637–1653 гг.) // Ученые записки историко-филологического факультета Московского университета. Вып. 46. М., 1917.

242 См.: *Богословский М. М.* Яков Иванович Ростовцев // Освобождение крестьян. Деятели реформы. М., 1911. С. 200–232.

243 Имеется в виду докторская диссертация А. И. Яковлева «Приказ сбора ратных людей…». См. примеч. 241 (1916).

244 Имеется в виду учебник русской истории. Курс IV класса гимназии.

245 Речь идет о прогимназии для детей обоего пола с правами казенных училищ Евгении Альбертовны Репман. Гимназия располагалась по адресу: Новинский бульвар, д. 9.

246 Перед вступлением Румынии в войну на ее южной границе вдоль Дуная и в Добрудже Центральные державы располагали незначительными силами, но с началом румынского наступления в Трансильвании здесь была сформирована Дунайская армия Макензена (включала немецкие, болгарские и турецкие войска), на стороне которой было двойное превосходство в силах. Добруджа оборонялась 19-й румынской дивизией, располагавшейся в Базарджике, и 47-м армейским корпусом русских (ген. Зайончковский), сосредоточенным в районе Меджидие. 22 августа 19-я румынская дивизия сдала Базарджик болгарским войскам. Через несколько дней пал Туртукай, 27 августа без боя оставили Силистрию. Румыны приостановили наступление в Трансильвании и начали переброску войск на юг. В то же время 19-я румынская дивизия в ночь на 25 августа самовольно ушла на север, обнажив фланг 47-го корпуса русских. В этих условиях в целях упорядочения управления войсками 26 августа была создана Добруджанская армия во главе с генералом Зайончковским, за которым осталось и командование 47-м корпусом. Хотя превосходство в силах было по-прежнему на стороне Макензена, все же на некоторое время его наступление в Добрудже удалось остановить.

247 То есть мать М. М. Богословского, Марию Серафимовну Богословскую (4 сентября 1842 – 23 декабря 1914).

248 Имеется в виду редакционный комитет журнала «Исторические известия».

249 Бородинский мост через реку Москву соединяет Смоленскую улицу с Б. Дорогомиловской. Построен в 1912 г. по проекту инженера Н. И. Осколова архитектором Р. И. Клейном к столетию Отечественной войны 1812 г.

250 Первое здание Брянского (с 1934 г. – Киевского) вокзала было деревянным (построено в 1897–1900 гг.). В 1912–1917 гг. на его месте по проекту архитектора И. И. Рерберга (при участии В. К. Олтаржевского) было сооружено новое здание в стиле неоклассицизма.

251 Богословский имеет в виду отрицательный отзыв, данный А. И. Алмазовым на диссертацию А. И. Покровского (см. запись в дневнике от 7 марта 1916 г.). Богословского возмутило то обстоятельство, что отрицательный отзыв был написан под давлением ректора Академии епископа Феодора (Поздеевского). Несмотря на это, совет Академии проголосовал за присуждение Покровскому степени доктора богословия, но Синод, по настоянию ректора, не утвердил данное решение. Степень доктора богословия Покровскому была восстановлена советом Академии только в августе 1917 г. Восстановлен он был и на сверхштатной должности в Академии (уволен оттуда Синодом в 1909 г. без объяснения причин, но, вполне возможно, не без «стараний» ректора). Об этом подробнее см.: *Голубцов С.* Москов-

ская Духовная Академия в начале XX в. Профессура и сотрудники: Основные биографические сведения. М., 1999. С. 99 и др.

252 Имеется в виду Гефсиманско-Черниговский скит.

253 Статья с в, Бахрушина «Духовенство и политика» («Русские ведомости» от 6 сентября 1916 г., с. 2) появилась в связи с проектом Совета министров привлечь духовенство к городским выборам. Предполагалось, что в своих обращениях к прихожанам священники будут противодействовать предвыборной агитации кадетов. Этот проект вызвал оживленную дискуссию в прессе. Сам Бахрушин был активным противником вмешательства духовенства в светскую жизнь.

254 См. запись Богословского от 30 сентября 1915 г.

255 Имеется в виду закон «О временном улучшении материального положения профессоров Императорских Российских университетов… и об изменении некоторых постановлений устава Императорских Российских университетов». См. примеч. 195 (1916).

256 Имеется в виду книжный магазин (Кузнецкий мост, 14), долгое время принадлежавший предкам Ю. В. Готье, а в 1895 г. перешедший к Ф. И. Тастевену. Основателем дела стал в последние годы XVIII в. прадед Ю. В. Готье, Иван Иванович Готье, последним владельцем книжного магазина из семьи Готье был Владимир Владимирович (1843–1896), отец Ю. В. Готье.

257 См.: *Надеждин Н. И.* Опыт исторической географии русского мира // Библиотека для чтения. 1837. Т. 22. Раздел III. С. 28–79; *Голубовский П. В.* Болгары и хазары, восточные соседи Руси при Владимире Святом. Киев, 1888.

258 См.: *Корсаков Д. А.* Меря и Ростовское княжество. Очерк по истории Ростовско-Суздальской земли. Казань, 1879.

259 Александровское военное училище – среднее военно-учебное заведение для подготовки офицеров пехоты. Основано в 1863 г., закрыто после октября 1917 г.

26 °См.: *Михайлов П. Е.* Юридическая природа землепользования по Псковской Судной грамоте. СПб., 1914. Псковская судная грамота – это свод законов Псковской феодальной республики, составленный на основании отдельных постановлений псковского веча, господы, княжеских грамот, норм Русской правды и обычного права. Памятник отражает важнейшие черты социальноэкономической политической жизни Псковской земли XIV–XV вв. Псковская судная грамота дошла до нас в единственном списке.

261 Имеется в виду Русский биографический словарь – биобиблиографический справочник общего типа, издававшийся Русским историческим обществом под ред. А. А. Половцова.

262 См.: *AlexanderBergengrun.* Die grosse moskowitische Ambassade von 1697 in Livland. Riga, 1892.

263 *Lamberty.* Memoires pour servir a l'histoire du XVIII siecle. Amsterdam, 1735–1740. T. 1—15.

264 См.: *Шереметев П. С.* Вяземы. М., б. г.

265 В ходе наступления Юго-Западного фронта, успешно начатого в мае 1916 г. (см. примеч. 173 (1916)), русские войска в середине августа подошли к Карпатским перевалам, полностью освободив Буковину и Южную Галицию. Однако, не получив необходимых пополнений и боеприпасов, а также поддержки других фронтов и союзников, встретив нарастающее сопротивление свежих германских дивизий, армии Юго-Западного фронта не смогли дальше развивать наступление и в начале сентября остановились на линии река Стоход – Киселин – Золочев – Бережаны – Галич – Станислав – Ворохта. И хотя это наступление не принесло решающих стратегических результатов, оно имело огромное военно-политическое значение: австро-венгерская армия понесла тяжелейшие потери, германское командование вынуждено было прекратить наступление на Верден и перебросить с Западного и

Итальянского фронтов более 30 дивизий, что чрезвычайно облегчило положение Франции. Италия была спасена от поражения. Румыния перестала колебаться и в августе вступила в войну на стороне Антанты.

266 В Греции продолжалась острая борьба между сторонниками нейтралитета во главе с королем Константином, тяготевшим к Германии, и Венизелосом, лидером антантофильской партии. После вступления Румынии в войну надежды короля Константина и штаба на скорое приближение германо-болгарских войск рухнули. Зато этой ситуацией воспользовались их противники. В ночь на 19 августа 1916 г. часть греческого гарнизона Салоник при содействии генерала Саррайля объявила о независимости греческой Македонии от афинского правительства. Сторонники Венизелоса с помощью англо-французских отрядов организовали антиправительственные мятежи на греческих островах Лесбосе, Самосе, Икари, Кандии. 29 августа А. Заимис (вступивший в должность в июне) ушел в отставку, и 3 сентября был сформирован новый кабинет министров во главе с Н. Калогеропулосом. Новый кабинет оказался нежизнеспособным: просуществовав всего 18 дней, 21 сентября он подал в отставку.

267 См.: *Богословский М. М.* Профессор С. И. Смирнов: (Некролог) // Исторические известия. 1916. № 2. С. 190–192.

268 Возможно, имеется в виду член Московской городской управы Дмитрий Дмитриевич Дувакин.

269 См.: *Погодин М. П.* Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. 1672–1689. М., 1875; *Его же.* Петр Первый. Первые годы единодержавия. 1689–1694 // Русский архив. 1879. Кн. l.№ 1. С. 5—57.

270 Имеется в виду «Братское кладбище для воинов, павших в войну 1914 года, и для сестер милосердия Московских общин», созданное во время Первой мировой войны при с. Всехсвятском, недалеко от Петроградского шоссе (ныне Ленинградский проспект, район станции метро «Сокол»), Идея создания Братского кладбища принадлежала великой княгине Елизавете Федоровне, С. В. Пучков воплотил эту идею в жизнь. Открытие кладбища состоялось 15 февраля 1915 г. Закрыто для захоронений в середине 1920-х гг., ликвидировано в конце 1940-х гг.

271 См. примеч. 252 (1916).

272 Алексеевское училище – среднее военно-учебное заведение для подготовки офицеров пехоты. Основано в 1864 г. После 1917 г. упразднено.

273 Имеются в виду Высшие женские юридические и историко-филологические курсы, учрежденные В. А. Полторацкой (первые в 1907, вторые – в 1910 г.).

274 См.: *Соколов Б. М.* Былины о Идолище Поганом // ЖМНП. 1916. № 5. С. 1—31.

275 1 6 сентября 1916 г. А. Д. Протопопов занял пост управляющего министерством внутренних дел, министром внутренних дел он был назначен 20 декабря того же года.

276 Подразумевается И. Н. Бороздин.

277 Имеется в виду Совет попечителя Московского учебного округа.

278 Возможно, имеется в виду член Совета попечителя Московского округа Сергей Александрович Щербаков.

279 Имеется в виду учебное заведение в Москве, основанное в 1815 г. на средства богатой армянской семьи Лазаревых (Лазарян). В 1827 г. преобразовано в Лазаревский институт восточных языков. С 1919 г. – Армянский институт, с 1921 г. – Московский институт востоковедения (существовал до 1954 г.). В настоящее время в здании Лазаревского института восточных языков располагается Институт народов Азии.

28 °См.: *Дорн Б. А.* Известия о хазарах восточного историка Табари / Пер. с нем. П. Я. Тяжелова // ЖМНП. 1844. Ч. XLIII. № 7. Отдел II. С. 1—25; № 8. Отдел II. С. 67–98.

281 См.: *Виппер Р. Ю.* История Греции в классическую эпоху IX–IV вв. до Р. Хр. М., 1916.

282 См.: *Бартенев С. П.* Московский Кремль в старину и теперь. В 2 т. М., 1916. Т. 2: Государев Двор в Московском Кремле. Дом Рюриковичей.

283 См. примеч. 39 (1915).

284 Подразумевается Псковская судная грамота – см. примеч. 260 (1916).

285 «Богословский вестник» – научный журнал Московской духовной академии. Издавался в 1892–1918 гг. О статье М. М. Богословского о С. И. Смирнове см. примеч. 233 (1916).

286 Имеются в виду братья Иван и Сергей Александровичи и их сестра Мария Александровна Голубцовы.

287 «Дневные записки 1824 года в течение марта Московской Духовной Академии студента Василья Зарина» были опубликованы Н. Троицким в подборке материалов: «Из внутреннего быта студентов Московской Духовной Академии чрез 100 лет ее пребывания в Троице-Сергиевой Лавре» // Богословский вестник. 1914. № 10–11. С. 323–352.

288 Триумфальная арка (Триумфальные ворота), первоначально деревянная, была воздвигнута в 1814 г. у Тверской заставы для торжественной встречи войск, возвращавшихся после Заграничных походов 1813–1814 гг. На ее месте летом 1829 г. была заложена каменная Триумфальная арка (архитектор О. И. Бове, скульпторы И. П. Витали и И. Т. Тимофеев). Одновременно со строительством арки осуществлена перепланировка прилегающей к ней местности, создана площадь Тверской заставы. Торжественное открытие Триумфальной арки состоялось 20 сентября 1834 г. Предполагалось, что освящать ее будет митрополит Филарет (Дроздов), однако он отказался от этого на том основании, что пришлось бы освящать мифологических богов, украшавших монумент. В 1936 г. арка была разобрана. В 1966–1968 гг. воссоздана на Кутузовском проспекте.

289 См.: *Егоров Д. Н.* Средневековая религиозность и труд Л. П. Карсавина. Рец. на кн.: *Карсавин Л. П.* Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках, преимущественно в Италии. Пг., 1915 // Исторические известия. 1916. № 2. С. 85—106.

290 После вступления в войну Румынии образовалось два фронта: в Добрудже и Трансильвании, общей протяженностью более 1 000 км, которые Румыния своими силами не в состоянии была защитить, и поэтому просила союзников фронт в Добрудже взять в свои руки. Для сравнения можно привести такие цифры: русский Западный фронт имел протяженность около 1 200 км, а фронт союзников от Северного моря до Швейцарии – около 700 км. Оборону Румынского фронта пришлось взять на себя русской армии. Салоникская союзная армия ничего не сделала для оказания реальной помощи Румынии. Французы ограничились обещанием перебросить 1,5 дивизии, англичане никак не отреагировали на обращение румынского правительства и русского командования. Опасаясь краха всего фронта, румынская главная квартира в сентябре сняла значительную часть войск с юга. Это предопределило быстрое поражение русско-румынских войск в Добрудже. 10 октября сдали Констанцу с запасами нефти, all – Черноводы и Меджидие.

291 Речь идет о церкви св. Ильи Пророка, именуемого Обыденным, во 2-м Ильинском переулке (ныне 2-й Обыденский пер., 6). Первая деревянная церковь на этом месте построена в 1592 г. за один день («обыдень»). Сожжена поляками в 1611 г., восстановлена в 1612 г. Каменная церковь с приделами возведена в 1702–1706 гг. на средства думного дьяка Гаврилы Деревнина. Церковь, приделы, трапезная и колокольня строились и перестраивались в 1818–1819 и 1865–1868 гг.

292 См. примеч. 67(1915).

293 Имеются в виду князья Трубецкие: П. Н. – Петр Николаевич (1858–1911), предводитель дворянства Московской губернии (1893–1906); С. Н. – Сергей Николаевич (1862–1905), философ, профессор, ректор (1905) Московского университета. Дети кн. Петра Нико-

лаевича: Владимир Петрович (1885–1954), Николай Петрович (1890–1961). Дети кн. Сергея Николаевича: Николай Сергеевич (1890–1938), филолог и лингвист, приват-доцент Московского университета (с 1915 г.), после революции – в эмиграции, один из лидеров евразийства; его жена – Вера Петровна, урожденная Базилевская (1894–1968); Владимир Сергеевич (1891–1937), писатель, автор незаконченных воспоминаний «Записки кирасира» (М., 1991), принимал участие в попытке освобождения царской семьи из заключения в Тобольске. В 1920-е гг. зарабатывал на жизнь многочисленной семьи (8 детей) как музыкант ресторанных оркестров и кино, публиковал охотничьи рассказы (под псевдонимом В. Ветов), подвергался репрессиям, в 1937 г. расстрелян.

294 Речь идет о скандале, связанном с военным министром (1909–1915), генерал-адъютантом, генералом от кавалерии В. А. Сухомлиновым (1848–1926), обвинявшемся во взяточничестве и шпионаже в пользу Германии. В 1916 г. он был арестован, но по настоянию Распутина выпущен. После Февральской революции 1917 г. приговорен к пожизненной каторге за неподготовленность русской армии к Первой мировой войне. Освобожден в 1918 г. по старости, вскоре эмигрировал.

295 Высшие женские богословско-педагогические курсы официально были учреждены в 1913 г. Занятия должны были начаться в 1914/1915 учебном году (об этом см.: *Иванов А. Е.* Высшая школа в России в конце XIX – начале XX в. М., 1991. С. 57). Однако реально преподавание началось только в 1916 г. Курсы ставили целью подготовку начальниц, воспитательниц и учительниц для средних женских духовно-учебных заведений.

296 См. Frahn. Die altesten arabischen Nachrichten tiber die WolgaBulgaren aus Jbn-Foszlan's Reiseberichte. СПб., 1823.

297 Имеется в виду первый из «Русских исторических Съездов имени Императора Николая II», который предполагалось провести в декабре 1919 г., приурочив его к 25-летию царствования

Николая II. Такие съезды должны были проходить раз в 5 лет в каждом из университетских городов. (Подробнее см.: *Ермолаев Ю. Н.* Ректор Московского университета М. К. Любавский // Академик М. К. Любавский и Московский университет. М., 2005. С. 179–182.)

298 Имеется в виду уход Д. Н. Егорова из университета в 1911 г.

299 А. И. Гучков в 1916 г. вел регулярную переписку с М. В. Алексеевым от имени оппозиции. В этих письмах содержалась резкая критика действий правительства, создающих угрозу для фронта. Письма А. И. Гучкова в списках расходились по всей стране. Подробнее см.: *СенинА. С.* Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 93–97.

30 °См.: *Леонтович Ф. И.* Задружно-общинный характер политического быта Древней Руси // ЖМНП. 1874. № 6. Отдел II. С. 201–224, № 7. Отдел II. С. 120–151, № 8. Отдел II. С. 194–233. *Он же.* О значении верви по Русской Правде и Полицкому Статуту, сравнительно с задругою юго-западных славян. ЖМНП. 1867. № 4. Отдел II. С. 1—19.

301 См. примеч. 290 (1916).

302 Общежительный женский монастырь Всех скорбящих радости на Долгоруковской улице открыт в 1890 г. Назван «Всех скорбящих радости» по имени домашней церкви княжны А. В. Голицыной, основательницы монастыря. Храмы монастыря строились с 1891 по 1910 г. К настоящему времени сохранился только главный собор монастыря – Спасский.

303 См. примеч. 49 (1915).

304 Флагман Черноморского флота линкор «Императрица Мария» утром 7 октября 1916 г. затонул в течение 48 минут на Севастопольском рейде после серии взрывов на его борту. Причиной взрывов стал пожар, возникший в 6 часов 20 минут утра под первой башней в зарядном погребе. Достоверно причина пожара так и не была установлена. Команда линкора состояла из 1260 человек, 260 из них погибли. Слухи о гибели вице-адмирала Колчака возникли в связи с тем, что он как командующий Черноморским флотом распола-

гался именно на флагманском корабле. Очередной выход в море планировался на 7 октября. Однако командующий и его походный штаб в ночь перед выходом находились на берегу. Колчак прибыл на борт «Императрицы Марии» через несколько минут после первого взрыва и руководил операцией по спасению корабля и команды. В газетах сообщение о гибели корабля было опубликовано только 25 октября.

305 русско-румынские войска продолжали отступление в Добрудже. 12 октября 1916 г. они отошли от линии Черноводы– Констанца, разрушив за собой единственный мост через Дунай у Черновод. 13 октября разбитая Добруджанская армия была преобразована в Дунайскую во главе с генералом Сахаровым. Для ее пополнения русское командование перебросило 2 корпуса. На помощь румынам выступила и русская 9-я армия. С 12 октября 1916 г. отступление румынской армии началось и в Трансильвании, где против Румынии действовали австро-германские войска под командованием генерала Фалькенгайна.

306 *ГеръеВ. И.* Философия истории от Августина до Гегеля. М., 1915.

307 Так по-славянски назывались Салоники.

308 См. примеч. 236 (1916).

309 Подразумевается князь Ярослав Всеволодович (1139–1198).

31 °См.: *Чернявский Н.* Император Феодосий Великий и его царствование в церковно-историческом отношении. Опытцерковноисторического исследования. Сергиев Посад, 1913.

311 Гомилетика (от греч. – «искусство беседы») – учебная дисциплина о христианском церковном проповедничестве.

312 5 октября – день тезоименитства наследника цесаревича Алексея. 21 октября – день восшествия на престол императора Николая II.

313 Имеется в виду митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков) (1816–1882).

314 Подворье Саввино-Сторожевского монастыря располагалось в Камергерском переулке. На этом месте в XV – середине XVII в. существовал Воскресенский «За золотой решеткой» мужской монастырь. В 1651 г. он был отдан Саввино-Сторожевскому монастырю и стал его московским подворьем. Новое здание подворья, сохранившееся до наших дней, было построено в 1907 г. по проекту архитектора И. С. Кузнецова. В начале XX в. часть подворья была отдана под меблированные комнаты, одно из помещений которого занимала кинематографическая фирма Ханжонкова.

В 1938 г. подворье было передвинуто на 50 м вглубь, ныне находится во дворе д. № 6 по Тверской улице.

315 См.: О высочайших пришествиях великаго государя, царя и великаго князя, Петра Алексеевича… из царствующаго града Москвы на Двину, к Архангельскому городу, троекратно бывших; о нахождении шведских неприятельских кораблей, на ту же Двину, к Архангельскому городу; о зачатии Новодвинской крепости и освящении нового храма в сей крепости. М., 1783.

316 Подразумевается Московский литературно-художественный кружок.

317 См.: Бузескул В. П. Древнейшая цивилизация в Европе. Эгейская или критско-микенская культура // Вестник Европы. 1916. № 8. С. 67—103.

318 Имяславцы – последователи имяславия, разновидности «катакомбного» христианства XX в., которое преследовалось церковными и светскими властями. Возникло в 1912 г. в русском Пантелеймоновом монастыре на Афоне под руководством иеросхимонаха Антония Булатовича, духовного сына Иоанна Кронштадтского. Представители этого учения развивали давнюю православную традицию обожествления Имени Божия, связывая с ним проявление в мире божественной энергии. Им противостояли имяборцы, не признававшие божественности Имени. Имяславцы были разгромлены с применением вооруженной силы и

выселены с Афона. Часть их обосновалась на Кавказе, часть – в Воронежской и Тамбовской губерниях. Имяславцев поддерживали С. Н. Булгаков, А. Ф. Лосев, П. А. Флоренский, В. Ф. Эрн и др. Статьи Антония Булатовича, посвященные перипетиям этой борьбы, выходили во многих периодических изданиях, например, см.: *ИеросхимонахАнтоний [Булатович].* Моя борьба с имяборцами на Святой Горе // Исторический Вестник. 1916. № 9. С. 648–682.

319 Петр Дмитриевич Самарин скончался 12 октября 1916 г.

320 23 октября 1916 г. германский генерал-губернатор Варшавы генерал фон-Безеллер объявил от имени германского и австрийского императоров Акт, которым русские привисленские губернии, занятые немцами, признавались государством с наследственным монархическим управлением. Об австрийской Польше и Польше прусской не говорилось ни слова. Содержалось только расплывчатое обещание более точное определение границ королевства провести в будущем. В этом же Акте объявлялось о мобилизации и включении набранных войск в состав армий Центральных держав. 25 октября русское правительство объявило, что считает этот Акт недействительным, и, в свою очередь, еще раз подтвердило свое намерение «образовать целокупную Польшу из всех польских земель под державным скипетром государей российских».

321 Первоначально предполагалось, что Богословский напишет биографию Петра I для Русского биографического словаря. Модзалевский состоял редактором, отвечающим за издание Словаря на буквы «П» и «Р». Об этом см. подробнее: *Мельников А. В.* К истории рукописи труда академика М. М. Богословского «Петр Великий: материалы для биографии» (Предварительные археографические наблюдения) // *Богословский М. М.* Петр Великий: материалы для биографии: в 6 т. Т. 1: Детство. Юность. Азовские походы. 30 мая 1672 – 9 марта 1697. М., 2005. С. 432–436.

322 См.: *Рождественский А. А.* Юридическая природа манифеста 17-го октября 1905 г. Критико-систематический очерк. Ярославль, 1916.

323 См. примеч. 269 (1916).

324 См.: *Гневушев А. М.* Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Т. 1: Сельское население Новгородской области по писцовым книгам 1495–1505 гг. Киев, 1915.

325 Г. М. Походяшин – сын миллионера горнозаводчика и откупщика. Служил в гвардии, но рано вышел в отставку. Во время голода 1787 г. передал Новикову, скрывая свое имя, 300 тысяч рублей для покупки хлеба и даровой раздачи его беднейшим жителям Москвы и подмосковных сел. Вступив в товарищество «Типографской компании», основанной Новиковым, Походяшин продал казне свои Благодатские заводы и на эти средства содержал товарищество. Он потерял на этом за 2 года около 300 тысяч рублей. Но и впоследствии занимался благотворительностью. Умер в бедности.

326 Премия им. Д. И. Иловайского была учреждена при Обществе истории и древностей российских в 1916 г. за работы по истории России и начальной славянской истории. Премии подразделялись на полные (в 1 500 руб.), большие (в 1 000 руб.) и малые (в 500 руб.). О премии им. Карпова см. примеч. 148 (1916).

327 В 1916 г. Московский университет окончили два студента с фамилией Федоров: Василий Васильевич (род. в 1891 г.) и Михаил Николаевич (род. в 1892 г.). О ком из них идет речь, установить не удалось.

328 26 октября 1916 г. в Архангельске взорвался пароход «Барон Дризен» с грузом боеприпасов. От взрыва рухнули соседние жилые бараки и начались пожары построек и грузов, находящихся на берегу. Было разрушено пожарное депо, где погибла вся команда. Число раненых и обожженных достигало 650 человек, погибло около 150 человек.

329 См.: *Голубовский П. В.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей 9—14 вв. Киев, 1884.

33 °С 1 ноября 1916 г. объявлялась подписка на 5,5-процентный военный краткосрочный заем второго выпуска 1916 г. на нарицательный капитал в 3 миллиарда рублей. Облигации займа предполагалось полностью погасить 1 октября 1926 г.

331 Подразумевается Прогрессивный блок, см. примеч. 72 (1916).

332 Имеется в виду знаменитая речь Милюкова на открытии 5-й сессии Государственной думы (1 ноября 1916 г.), не пропущенная в печать военной цензурой. В ней Милюков остро критиковал правительство и свои выпады заканчивал вопросами: «Что это? Глупость или измена?».

333 4 ноября 1916 г. на заседании Государственной думы выступили военный министр Шуваев и морской министр Григорович с речами о продолжении войны. Шуваев при этом привел цифры, свидетельствующие о значительном улучшении снабжения армии вооружением.

334 Вероятно, речь идет о встрече управляющего Министерством внутренних дел Протопопова с членами Прогрессивного блока, состоявшейся по его просьбе на квартире Родзянко 19 октября 1916 г. На встрече члены Прогрессивного блока остро критиковали Протопопова. Уже на следующий день запись этой беседы, сделанная Милюковым, стала расходиться в многочисленных копиях. Подробнее см.: *Глинка Я. В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 148–150, 285.

335 См. примеч. 262 (1916).

336 Богословский не ошибся в своих прогнозах. В начале ноября в Союзный совет Германии был внесен законопроект о принудительной военной повинности. В декабре 1916 г. он был принят как закон «О вспомогательной службе отечеству». Этот закон вводил обязательную трудовую повинность для мужчин в возрасте от 17 до 60 лет и разрешал властям осуществлять мобилизацию рабочих на любую работу, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

337 Обвинения против Штюрмера прозвучали в думских сенсационных речах Милюкова (см. примеч. 332 (1916)), Шульгина и Маклакова, выступавших на заседаниях 1 и 3 ноября 1916 г. Первоначально цензура не пропустила их речи в печать, поэтому они ходили в списках, опубликованы 29 ноября 1916 г.

338 В 1812 г. Сперанского обвиняли в предательстве интересов России, на него возлагали вину за невыгодный для России Тильзитский мир с Францией, за расстройство финансов и т. п. 18 марта 1812 г. он был отправлен в ссылку в Н. Новгород (с 15 сентября того же года переведен в Пермь).

339 Австрийский император Франц Иосиф I умер 8 ноября 1916 г. в возрасте 86 лет.

340 Отставка председателя Совета министров и министра иностранных дел Б. В. Штюрмера была подписана императором Николаем II 10 ноября 1916 г. Председателем Совета министров назначался А. Ф. Трепов, с оставлением его министром путей сообщения. Министром иностранных дел был назначен Н. Н. Покровский. Очередное (6-е) заседание пятой сессии Государственной думыдолжно было состояться 11 ноября 1916 г. (5-е заседание открылось 1 ноября), однако 10 ноября последовал указ о перерыве заседаний до 19 ноября 1916 г.

341 Имеются в виду Историческое общество при Московском университете и издававшийся им журнал «Исторические известия».

342 «Московские ведомости» – старейшая после «Санкт-Петербургских ведомостей» газета в России. До 30-х гг. XIX в. – единственная в Москве. Основана Московским университетом и до 1909 г. принадлежала ему. Издавалась в 1756–1917 гг.

343 Валахия – историческая область на юге Румынии между Карпатами и Дунаем. Река Олт делит Валахию на две неравные части: восточную – Мунтению, или Великую Вала-

хию (главный город Бухарест) и западную – Олтению, или Малую Валахию (главный город Крайова).

344 22 октября 1916 г. Совет министров утвердил новые процентные надбавки к содержанию правительственных служащих «по случаю вызванного войною вздорожания жизни». Надбавки по Москве составляли от 30 % (для получающих более 3 600 рублей в год) до 90 % (для получающих до 600 рублей включительно). См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства. 27 октября 1916 г. № 297. Отдел первый. Ст. 2330.

345 Сибирский приказ выделился в 1637 г. из приказа Казанского дворца, в его ведение была передана территория всей Сибири. С различными изменениями своей компетенции просуществовал до 1763 г., когда управление Сибири было приведено в соответствие с управлением другими губерниями России. Архив Сибирского приказа в настоящее время хранится в РГАДА.

346 Цитата из баллады А. К. Толстого «Змей Тугарин». «К обдорам» – т. е. на восток, к Обдорскому краю в Сибири.

347 В декларации правительства, представленной Думе новым председателем Совета министров Треповым 19 ноября 1916 г., провозглашалась война до победного конца, необходимость вернуть временно захваченные области, в том числе Царство Польское. Кроме того, подчеркивалась необходимость воссоздания Польши в ее этнографических границах «в неразрывном единении с Россией». В этой речи впервые было открыто объявлено о заключенном еще в 1915 г. соглашении с Англией и Францией, к которому несколько позднее присоединилась и Италия, о праве России на проливы и Константинополь. По замыслу правительства, это заявление должно было произвести особое впечатление на армию, Думу и страну в целом.

348 Имеется в виду обструкция, устроенная депутатами-трудовиками и социал-демократами на заседании Думы 19 ноября 1916 г. во время выступления Трепова. За это Чхеидзе, Керенский, Скобелев, Хаустов, Чхенкели, Дзюбинский и Кейнис были исключены из Думы на 8 заседаний, Суханов – на 10. Остальные социал-демократы и трудовики сами покинули зал в виде протеста.

349 Пуришкевич в своей речи указал, что в рядах власти царит хаос, который надолго отдаляет победу, порождает дезорганизацию в тылу. Причину бездеятельности власти Пуришкевич видел в германофильских настроениях правительства и неспособности многих министров выполнять свои функции, прямо указав на Протопопова и подвергнув его деятельность резкой критике.

35 °См.: *Deratani Nicolaus.* Artis rhetoricae in Ovidi carminibus praecipue amatoriis perspicuae carita quaedam. M., 1916.

351 руССКИе войска действительно появились под Бухарестом, это давало надежду на то, что армии Макензена будут остановлены и отброшены. Надежды эти не оправдались, 23 ноября Бухарест был оставлен румынскими войсками без боя.

352 Вероятно, имеется в виду поездка Родзянко в Ставку 16–19 ноября 1916 г. для представления императору Николаю II доклада о работе Думы.

353 Митава – современная Елгава (Латвия) – основана в 1226 г. Наименование Митава город получил по названию замка, построенного Ливонским орденом в 1265 г. Петр I посетил Митаву в составе Великого посольства в апреле 1697 г.

354 На заседании Думы 22 ноября 1916 г. Марков 2-й назвал прохвостами сотрудников газеты «Русская воля», а в ответ на замечание Родзянко о недопустимости подобных выражений обозвал председателя Думы «болваном и мерзавцем». За свою выходку Марков 2-й был исключен из Думы на 15 заседаний (высшее наказание в Думе). В связи с этим из фракции правых вышли пять крестьян во главе с Тарасовым, к ним присоединились Радкевич и

князь Волконский. Большинством голосов фракция правых вынесла порицание Маркову, в ответ на это он заявил о своем выходе из фракции.

355 П. В. Верховской издал две книги о Духовном регламенте: «К вопросу о фальсификации Духовного регламента». Пг., 1914 и «Учреждение Духовной Коллегии и Духовный Регламент. К вопросу об отношении церкви и государства в России. Исследование в области истории русского церковного права. Т. 1: Исследование. Т. 2: Материалы». Ростов-н/Д., 1916. Вероятнее, что речь идет о второй книге.

356 Серьезные экономические трудности, переживаемые Англией в конце 1916 г., огромные людские потери англичан в битве на Сомме (около 420 тысяч убитых), провал наступления в Месопотамии и капитуляция британских войск в Кут-эль-Амаре ставили под сомнение способность либерального правительства Асквита вести войну. В самой либеральной партии также назревал раскол: противником Асквита активно выступал Ллойд Джордж. В такой ситуации правительство Асквита было вынуждено уйти в отставку. Новое правительство было сформировано Ллойд Джорджем. Также как и правительство Асквита, оно было коалиционным, однако ведущую роль в нем получили консерваторы (15 мест из 27, причем за ними закрепились ключевые посты). Ллойд Джордж реформировал и военный совет. В рамках правительства он образовал военный кабинет из четырех человек, во главе которого стоял сам премьер. Фактически все важнейшие решения принимались именно в этом узком кабинете. Подробнее см.: *Виноградов К. Б.* Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970. С. 204–226; Мировые войны XX века. Кн. 1: Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 307.

357 В России ежегодно праздновался кавалерский день ордена святого великомученика Георгия Победоносца, учрежденного Екатериной II 26 ноября 1769 г. Все кавалеры Георгиевского креста и Георгиевского оружия приглашались в этот день на торжественный молебен и обед в присутствии императора.

358 Заседания Общества истории литературы проходили в помещении Исторического музея. См. примеч. 3 (1913).

359 Имеется в виду: *Богословский М. М.* Рец. на кн.: *Веселовский С. Б.* Сошное письмо: исследования по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915. Т. 1; М., 1916. Т. 2 // Исторические известия. 1916. № 2. С. 68–85. Ответ С. Б. Веселовского см.: *Веселовский С. Б.* Ответ профессору М. М. Богословскому // Исторические известия. 1916. № 3–4. С. 158–175.

360 Ответ Богословского был опубликован в том же номере журнала: По поводу ответа С. Б. Веселовского // Исторические известия. 1916. № 3–4. С. 175–181.

361 Имеются в виду Высшие женские богословско-педагогические курсы.

362 См.: *Попов И. В.* Личность и учение блаженного Августина. В 2 т. Т. 1. Ч. 1: Личность блаженного Августина. Ч. 2: Гносеология и онтология блаженного Августина. Сергиев Посад, 1916.

363 Подразумевается конкуренция петроградского исторического библиографического журнала «Русский исторический журнал» (см. примеч. 98 (1916)) и «Исторических известий», издававшихся Историческим обществом при Московском университете.

364 См.: Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Чарльза Г. Уильямса 1756 и 1757 гг. М., 1909. Генерал-фельдмаршал Апраксин с 1756 г. был главнокомандующим русской армией во время Семилетней войны. Под его началом русские войска в августе 1757 г. одержали победу при ГросЕгерсдорфе. Ввиду ожидавшейся смерти императрицы Елизаветы Петровны, ориентируясь на наследника престола Петра Федоровича (будущего Петра III), противника войны с Пруссией, Апраксин отошел с армией к Тильзиту под предлогом плохого обеспечения войск (по другим сведениям – по приказа-

нию канцлера Бестужева-Рюмина). Апраксин был отстранен от командования и арестован по обвинению в государственной измене. Умер во время следствия. Факт его измены не доказан.

365 Вернее, «Кремля Иловайского». См. примеч. 119 (1915).

366 В этом заявлении, доведенном до сведения держав Антанты через представительства нейтральных государств, Центральные державы сделали попытку добиться мирных переговоров на базе достигнутых к этому моменту побед. Никаких конкретных предложений при этом не выдвигалось, кроме заявления, что Германия и ее союзники «не имеют целью разгромить и уничтожить своих противников». В случае неприятия мирного предложения Центральные державы выражали готовность вести войну до победного конца, «торжественно сняв с себя всякую ответственность в этом перед человечеством и историей». Союзные государства увидели в этом предложении, в первую очередь, слабость

Германии, которая чувствует свою неспособность победить, а также пропагандистский трюк, дающий возможность переложить ответственность за продолжение войны на страны Антанты и внести раскол в их ряды. Предложение было резко отвергнуто нотой от 17 декабря 1916 г., подписанной представителями всех десяти участников антигерманской коалиции.

367 См.: *Герье В. И.* Лейбниц и его век. М., 1868.

368 См.: *Мельгунов С. П.* «Исторические известия» (Новый исторический журнал в Москве) // Голос минувшего. 1916. № 11. С. 257–265.

369 Нотой от 5 декабря 1916 г. президент Северо-Американских Соединенных штатов Вильсон (опубликована в «Русских ведомостях» от 11 декабря 1916 г.) внес предложение немедленно произвести сопоставление условий противоборствующих держав, на которых война могла бы быть закончена. Реакция союзников на ноту Вильсона была такая же, как и на предложение о мире Центральных держав. Союзники не сочли возможным вести какие-либо переговоры о мире до тех пор, «пока Германия считает себя победительницей и желает диктовать условия мира».

370 Имеется в виду завершившаяся поражением Франции Франко-прусская война 1870–1871 гг., в результате которой Франция лишилась Эльзаса и Восточной Лотарингии. Кроме того, ей пришлось уплатить огромную контрибуцию в 5 миллиардов франков золотом.

371 Подразумевается Музей изящных искусств им. императора Александра III при Московском университете, открытый в 1912 г. С 1937 г. – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

372 Эти слова прозвучали в выступлении Шингарева на заседании Государственной думы 9 декабря 1916 г.

373 В 1688–1701 гг. курфюрстом Бранденбургским был Фридрих III Гогенцоллерн, в 1701 г. короновавшийся в Кенигсберге как король Пруссии (1701–1713).

374 См.: *Минцлов Р. И.* Петр Великий в иностранной литературе. Подробный каталог иностранных сочинений о России. СПб., 1872.

375 Старейшая общедоступная библиотека в России. Основана в С.-Петербурге в 1795 г., открыта как публичная в 1814 г.

До 1918 г. – Императорская Публичная библиотека. В 1937–1992 гг. – Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, с марта 1992 г. – Российская Национальная библиотека.

376 Имеются в виду съезды Земского и Городского союзов, а также Военно-промышленного комитета, которые были запрещены командующим Московского военного округа Мрозовским. Одно заседание съезда Земского союза, тем не менее, состоялось, была принята резолюция, после чего съезд был распущен полицией. 13 декабря 1916 г. трудовик Вершинин пытался огласить резолюцию Земского съезда на заседании Государственной думы, однако председатель Родзянко не позволил ему этого сделать. Тогда социал-демократы и

трудовики внесли в Думу запрос о закрытии московских съездов и предложили обсудить его в тот же день. По настоянию министра внутренних дел заседание прошло за закрытыми дверями. Авторы запроса, изложив резолюцию Земского съезда, сняли запрос с очереди. Полемики не состоялось. Но Милюков потребовал внести в повестку следующего заседания Думы обсуждение разъяснений правительства по поднимавшейся еще летом проблеме обеспечения свободы деятельности Всероссийских земского и городского союзов. Предполагалось, что выступить от правительства должны будут министры внутренних дел и военный, однако ни военный министр Шуваев, ни временно управляющий Министерством внутренних дел КукольЯснопольский «не сочли возможным в данный момент дать разъяснения Думе по этому вопросу». В конце концов, обсуждение закрытия московских съездов было оттеснено разгоревшейся полемикой об исключении из состава Думы депутата Лэмпицкого (см. ниже).

377 Речь идет о депутате от Петроковской губернии Лэмпицком, с началом Первой мировой войны оставшемся в Польше. Помещая в немецких газетах статьи против России, он подписывался при этом как «член Государственной думы». Думская комиссия личного состава (председатель Маклаков) предложила исключить его из членов Думы на том основании, что он в течение года не посещал заседаний. В выводах комиссии указывалось, что польское Коло единогласно исключило Лэмпицкого из своих рядов еще 15 сентября 1915 г. Противниками Маклакова выступили Чхенкели (социал-демократ), Керенский и Янушкевич (трудовики), для которых вопрос о Лэмпицком послужил поводом поставить национальный вопрос. Слова о «последующем суде народа» прозвучали в заключительной части выступления Керенского. В обсуждении вопроса о Лэмпицком принимал участие и представитель польского Коло Гарусевич, присоединившейся к выводам комиссии Маклакова. После дебатов предложение комиссии личного состава было принято большинством голосов.

378 В первых сообщениях об убийстве Григория Распутина издатели, действительно, прибегали к «эзопову» языку. Например, в «Русских ведомостях» в большой статье «Сенсационное убийство» ни фамилия Распутина, ни фамилии предполагаемых убийц названы не были, указывалось только, что убитое «лицо» проживало на Гороховой улице в Петрограде, а убийцы – «представители великосветской молодежи» и член Государственной думы. Однако в соседних газетных заметках отмечалось, что князь Ф. Ф. Юсупов граф Сумароков-Эльстон 18 декабря посетил министра юстиции Макарова и отбыл из Петрограда. Приводилась его краткая биография, и указывалось на факт его женитьбы на великой княжне Ирине Александровне (дочери великого князя Александра Михайловича и великой княгини Ксении Александровны, сестры императора Николая II). В другой заметке сообщалось, что член Думы Пуришкевич выехал на фронт со своим санитарным поездом. Еще одна заметка напоминала о недавнем пожаловании ордена св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом великому князю Дмитрию Павловичу. В такой завуалированной форме газеты давали понять, кто именно убит и кто к этому причастен. Большая статья «Убийство Григория Распутина» появилась в «Русских ведомостях» через день, 20 декабря 1916 г.

379 Имеется в виду книга Поссельта о Лефорте (см. примеч. 95 (1915)).

380 Главнокомандующий французской армией в 1914–1916 гг. маршал Жоффр вышел в отставку 12 декабря 1916 г. и был назначен «техническим военным советником правительства». На его место был назначен ставленник Пуанкаре и Бриана генерал Нивель.

381 Макаров был уволен в отставку с поста министра юстиции 20 декабря 1916 г. с оставлением членом Государственного совета и сенатором. Его преемником стал Добровольский, назначенный того же числа управляющим министерством юстиции.

382 То есть матери М. М. Богословского Марии Серафимовны.

383 Эта работа Богословского вышла в Москве в 1906 г.

384 См.: *DroysenI. G.* Geschichte der preussischen Politik. T. 4. Leipzig, 1880.

385 4 декабря 1916 г. в «Русских ведомостях» был помещен отрывок из романа А. Белого «Котик Летаев». Редакция получила несколько писем, в том числе и В. А. Михайловского, протестующих против такого рода литературы (сами письма не публиковались). 22 декабря 1916 г. в газете появился редакционный ответ с анализом новаторской манеры А. Белого. В ответе редакции отстаивалось право писателя искать нетрадиционные пути изображения «душевных глубин» человека.

386 Все эти отставки и назначения произошли 27 декабря 1916 г. Трепов был уволен, согласно прошению от должностей председателя Совета министров (назначен 10 ноября 1916 г.) и министра путей сообщения с оставлением статс-секретарем, членом Государственного совета, сенатором и егермейстером. Председателем Совета министров был назначен князь Н. Д. Голицын, бывший до этого председателем Комитета помощи русским военнопленным во вражеских странах. Управляющим министерством путей сообщения стал товарищ министра путей сообщения Э. Б. Кригер-Войновский. Граф Игнатьев вышел в отставку с поста министра народного просвещения с оставлением в должности шталмейстера. Его сменил гистолог, заслуженный профессор Харьковского университета Кульчицкий.

387 См. примеч. 64(1915).

388 Научно-технический музей, созданный в 1872 г. на основе первой в России политехнической выставки, организованной по инициативе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Строительство первой части здания на площади у Ильинских ворот, предназначенного специально для музея, окончено в 1877 г.

389 Это был «Вечер изящного репертуара», устроенный А. А. Яблочкиной, В. В. Максимовым и А. А. Бахрушиным в пользу военных инвалидов – сценических деятелей. В числе исполнителей были Гзовская, Блюменталь-Тамарина, Добровольская, Лабинский, В. Дуров.

39 °См. запись от 28 октября 1916 г.

1917 год

1 См.: Стремнины. Вып. 1. М., 1916.

2 На место военного министра Д. С. Шуваева 3 января 1917 г. был назначен М. А. Беляев. В связи с уходом в длительный отпуск министра финансов П. Л. Барка временное управление министерством было возложено на государственного контролера С. Г. Федосеева.

3 См. примеч. 355 (1916).

4 См. примеч. 324(1916).

5 Имеются в виду буржуазные революции 1688–1689 гг. в Англии и 1830 г. во Франции. В ходе революции 1688–1689 гг. (или «Славной революции») в Англии окончательно утвердилась конституционная монархия. Новый король Вильгельм Оранский вступил на престол «мирным путем». Свергнутый король Яков II смог беспрепятственно выехать во Францию. Революция 1830 г. во Франции («июльская революция») привела к установлению буржуазной монархии Луи-Филиппа.

6 Великий князь Николай Михайлович 1 января 1917 г. выехал из Петрограда в свое имение Грушевку Херсонской губернии на продолжительный срок. Богословский вполне справедливо увидел в этом «недобровольное удаление». Фактическая ссылка великого князя Николая Михайловича была вызвана его заступничеством за одного из участников убийства Распутина великого князя Дмитрия Павловича.

7 Очередные сессии обеих законодательных палат, Государственной думы и Государственного совета, были отсрочены на месяц, до 14 февраля 1917 г. Указ об этом император Николай II подписал 5 января (опубликован в газетах 6 января 1917 г.).

8 См.: *Besser.* Ausftihrlicher Bericht von alien dem, was bey Einholung und Aufnehmung der Moscowitischen Gross-Gesandschaft vorgegangen, welche die jetztregierende Czarische Majestat Peter

Alexiewitz an Seine Churftirstl. Durchl. zu Brandenburg Friederich den dritten abgeschicket. Konjgsberg, 1697.

9 В рескрипте на имя нового председателя Совета министров, подписанном 6 января 1917 г. и опубликованном 8 января, подчеркивалась необходимость борьбы <до окончательной победы», чему в значительной степени способствовали бы перечисленные меры.

10 Речь идет о 13-й выставке «Союза русских художников», проходившей в выставочном зале на Покровском бульваре, д. 8 с 20 декабря 1916 г. по 12 января 1917 г., и представленных на ней картинах С. Ю. Жуковского «Большая гостиная» и «Библиотека» и А. В. Средина «Анфилада».

11 10 января 1917 г. был последний день работы 45-й передвижной выставки картин Товарищества передвижных художественных выставок (действовало в 1870–1923 гг.), проходившей по адресу: Б. Никитская, д. 5, курсы Приорова.

12 Имеется в виду речь президента Северо-Американских Соединенных Штатов Вильсона «О мире без победы», произнесенная им 9 января 1917 г. в Сенате. Вильсон призвал к установлению такого мира, который обеспечивал бы народам Европы равные права и был бы гарантирован реальной силой (определенной частью этой силы должна была бы стать и Америка). По мысли Вильсона, следствием унижения побежденного будут поиски реванша, что сделает новую войну неизбежной. Однако тезис «мира без победы» продержался очень недолго, дальнейшие события заставили Вильсона отказаться от него и привели к вступлению Америки в войну на стороне стран Антанты.

13 Богословский имел ордена св. Анны 3-й (1911 г.) и 2-й (1914 г.) степеней, а также св. Владимира 4-й степени. См.: Памятная книжка Императорской Московской Духовной

Академии на 1914–1915 учебный год. Сергиев Посад, 1914. С. 14–15; запись Богословского от 24 мая 1916 г.

14 См. примеч. 326 (1916).

15 См.: *Греков Б. Д.* Новгородские бобыльские порядные // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 1—35; *он же.* Новгородские бобыли в XVI и XVII вв. // ЖМНП. 1912. № 7. С. 43–79; *он же.* Новгородский дом святой Софии. (Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины.) СПб., 1914. Ч. 1. *Андрияшев А. М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. М., 1914. О какой работе [Б. Г.] Курца по истории Новгорода идет речь, установить не удалось, выявленные работы Б. Г. Курца посвящены другим проблемам. Богословский ошибался, предполагая, что Гневушеву не известны работы Грекова и Андрияшева. Гневушев написал рецензию на указанную книгу Андрияшева и работу Грекова о доме святой Софии. См.: *Гневушев А. М.* Новые исследования по истории Великого Новгорода // ЖМНП. 1916. № 5. Критика и библиография. С. 118–139.

16 Имеются в виду нота президента Северо-Американских Соединенных Штатов Вильсона от 5 декабря 1916 г. (см. примеч. 369 (1916)) и заявление Вильсона от 9 января 1917 г. (см. примеч. 12 (1917)).

17 Вероятно, речь идет об Александре Александровиче Сергееве.

18 Упоминаемые «среды» проходили на квартире друга юности Богословского П. А. Воздвиженского, жившего на Тверской улице в доме Олсуфьева. Об этом см. в воспоминаниях племянника Богословского, А. С. Богословского (АРАН. Ф. 636. Оп. 2. Д. 9-а).

19 А. Э. Вормс, покинувший Московский университет в 1911 г. вместе с большой группой профессоров и преподавателей, вернулся на юридический факультет университета в январе 1917 г. в качестве приват-доцента.

2 °См. примеч. 64(1915).

21 18 января 1917 г. Германия и Австро-Венгрия заявили нейтральным государствам, что они будут вести беспощадную подводную войну начиная с 6 часов вечера 19 января. С этого момента все суда, оказавшиеся в зоне, окружающей берега Англии, Франции и Италии, а также в восточной части Средиземного моря, будут топиться без предупреждения германскими подводными лодками. Это заявление повлекло за собой 21 января 1917 г. разрыв дипломатических отношений Америки с Германией. См. также примеч. 129 и 153 (1916).

22 См. магистерскую диссертацию Б. Д. Грекова «Новгородский дом святой Софии».

23 Имеется в виду дело экстраординарного профессора русской истории Киевского университета и Киевского Коммерческого института Е. Д. Сташевского, который еще в 1912 г. был уличен в краже документов (понадобившихся ему для работы над диссертацией) из московских архивов, в том числе из МГАМИД. После обнаружения пропажи и запроса МИД в Министерство народного просвещения Сташевский вернул все документы, поэтому МИД не настаивало на существенных репрессиях. Сташевский получил выговор, и этим на первых порах дело ограничилось. Однако в 1916 г. вся история всплыла вновь и даже попала на страницы печати. Косвенно это дело коснулось и Богословского, который, собственно, и обнаружил пропажу. Когда Богословскому понадобилось сверить текст Сольвычегодской заседки 147 г. [1639 г.], он пришел в Архив МИД с корректурой и в присутствии служащих Архива пытался найти оригинал, но его на месте не оказалось. При разбирательстве выяснилось, что последним с этим архивным делом работал Сташевский, о чем имелась соответствующая запись в листе использования. Первоначально Сташевский отрицал свою вину, ссылаясь на то, что документ, возможно, попал в другое архивное дело. Однако позднее под грузом неопровержимых доказательств вынужден был признаться и вернуть документы в архивы. Подробнее об этой истории см.: *Михальченко С. И.* «Дело Сташевского» (начало XX в.) // Российские университеты XVIII–XX вв. в системе исторической науки и историче-

ского образования. Материалы межвузовской научной конференции. Воронеж, 1994. С. 46–48; *Дубинский А. М.* Ученый и его наука в письмах // Переписка С. Б. Веселовского с отечественными историками. М., 2001. С. 17. Письма С. Б. Веселовского Е. Д. Сташевскому (№ 6, с. 349–350), Е. Д. Сташевского С. Б. Веселовскому (№ 7, с. 351–353), П. П. Смирнова С. Б. Веселовскому (№ 6, 7, 22, с. 305–307, 308, 336–337), Л. Н. Яснопольского С. Б. Веселовскому (№ 3, с. 498–499), примечание С. Б. Веселовского к письму В. Е. Данилевича к нему (№ 5, с. 365) // Переписка С. Б. Веселовского с отечественными историками. М., 1998.

24 Имеется в виду «Русский исторический журнал», первый номер которого намечался к выходу в феврале 1917 г. В 1917 г. вышло два сдвоенных номера (№ 1–2 и № 3–4).

25 См. примеч. 321 (1916).

26 См. примеч. 29 (1916).

27 См.: *Яницкий Н. Ф.* Экономический кризис в Новгородской области XVI века (по писцовым книгам). Киев, 1915.

28 См.: *Архимандрит Сергий (Тихомиров).* Новгородский уезд Вотской пятины по писцовой книге 1500 года. Историко-экономический очерк. М., 1900.

29 Статья Кизеветтера «Дело Сташевского» была опубликована под псевдонимом «Утис».

30 Речь идет о редакционной статье, помещенной в «Русском слове» от 1 февраля 1917 г. под заголовком «Бюджетная комиссия».

31 См.: *Загорский В. Ф.* История землевладения Шелонской пятины в конце XV-го и XVI-м веках. СПб., 1909.

32 «Земгор» – сокращенное название Главного по снабжению армии комитета Всероссийского земского и городского союзов, объединенного центрального органа Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов. Образован в июле 1915 г. Упразднен в январе 1918 г.

33 Свидание А. Д. Протопопова (в бытность его членом парламентской делегации) с советником германского посольства в Стокгольме Варбургом вызвало большую озабоченность парламентских кругов России и союзников. Этой встрече отводили роль «первой ласточки» в переговорах о сепаратном мире с Германией, хотя, вероятнее всего, речь там шла об условиях заключения общего мира (см. подробнее: *Васюков В. С.* Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 – февраль 1917 г. М., 1989. С. 232–295; *Мельгунов С. П.* Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М., 2006. С. 283–300). Ситуация вызвала необходимость объяснений со стороны А. Д. Протопопова, что последний и сделал в августе 1916 г. на совещании губернских предводителей дворянства. В газетах подробное изложение доклада Протопопова появилось только 19 января 1917 г. и сопровождалось публикацией письма присутствовавшего при беседе в Стокгольме графа Д. А. Олсуфьева предводителю московского дворянства П. А. Базилевскому. Протопопов уверял, что беседа происходила по инициативе германского посланника в Швеции

Луциуса и с ведома русского посланника Неклюдова и носила полуофициальный характер. По версии графа Олсуфьева, инициатором встречи был А. Д. Протопопов, но сама встреча носила сугубо частный характер, Варбург был им представлен как простой банкир из Гамбурга.

34 Богословский подразумевает бракоразводный процесс почетного лейб-медика Безродного, тянувшийся несколько лет. Первый иск Безродного был отклонен Петроградской консисторией за недостаточностью улик. Повторное ходатайство было возбуждено Безродным в сентябре 1916 г., уже в бытность Раева обер-прокурором Синода, и решено в сжатые сроки в пользу истца по прямому указанию Раева. Жена лейб-медика Безродного подала жалобу на обер-прокурора, обвиняя последнего в превышении власти и неправосудии. Пери-

петии этого дела горячо обсуждались в газетах в начале февраля 1917 г. в связи с упорными слухами о близкой отставке Раева.

35 Имеется в виду «годовой час», т. е. годовая норма лекционных часов.

36 См.: *Кауфман А. А.* Отзыв о сочинении Нордмана «Статистика в Русской истории. Опыт статистической обработки писцовых новгородских оброчных книг около 1498 г.». СПб., 1912.

37 См.: *Помяловский М. И.* Очерки из истории Новгорода в первый век московского владычества//ЖМНП. 1904. Июль. С. 95—135.

38 «Историческое обозрение» – непериодический сборник. Издавался при Петербургском университете в 1890–1916 гг. Всего за эти годы вышел 21 том. Редактор сборника – Н. И. Кареев.

39 См.: *ИльинскийА. Г.* Городское население Новгородской области в XVI в. // Историческое обозрение. 1897. Т. 9. С. 119–123.

4 °См. примеч. 172 (1915); 19 (1917).

41 Речь идет о смерти отца М. М. Богословского, также Михаила Михайловича Богословского (8 мая 1826 – 11 февраля 1893).

42 См.: *Фирсов Н. Н.* Петр I Великий, московский царь и император всероссийский. Личная характеристика. М., 1916.

43 Имеется в виду Московский литературно-художественный кружок. См. примеч. 58 (1916).

44 См.: *Глаголев С.* О В. О. Ключевском // Богословский вестник. 1916. № 10–12. С. 510–534.

45 См.: *Тарановский Ф. В.* Учебник энциклопедии права. М., 1916.

46 Имеется в виду издание Археографической комиссии: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедициею императорской Академии наук. В 4 т. СПб., 1836–1838.

47 14 февраля 1917 г. Государственная дума возобновила свои заседания, прерванные 5 января. На заседании с пространным объяснением проводимой продовольственной политики выступил министр земледелия А. А. Риттих, назначенный на этот пост 12 января 1917 г. Он объяснял отсутствие хлеба тем, что установленные твердые (ниже рыночных) цены на хлеб были приняты с большим опозданием: только в конце сентября 1916 г., а не в августе, к началу сбора и обмолота хлеба. Риттих видел выход в разверстке, т. е. переводе доставки крестьянского хлеба из области торговой сделки в область исполнения гражданского и патриотического долга, обязательного для каждого держателя хлеба. Доклад Риттиха был «холодно встречен» (по отчету в «Русских ведомостях») депутатами Государственной думы, отложившими обсуждение его доклада «до одного из следующих заседаний» и перешедших «с большим воодушевлением» к обсуждению общей правительственной политики.

48 После выхода в отставку графа П. Н. Игнатьева с поста министра народного просвещения (27 декабря 1916 г.) на его имя стали поступать телеграммы с выражением сочувствия и признанием его заслуг. Такие телеграммы во множестве печатались в газетах на протяжении всего января 1917 г.

49 То есть группа профессоров и преподавателей Московского университета, подавших в отставку в 1911 г. См. также примеч. 137 (1915), 172 (1915); 298 (1916); 40 (1917).

50 Речь идет о выступлениях Милюкова и Керенского в заседании Государственной думы 15 февраля 1917 г. по общему политическому положению. Обвинение Керенского в пособничестве Вильгельму прозвучало в реплике депутата Новицкого.

51 19 февраля 1917 г. отмечалось 50-летие издательской деятельности И. Д. Сытина. К этому дню был издан сборник «Полвека для книги», посвященный личности юбиляра, истории развития созданного им книгоиздательства и книжному делу в России. Сборник был

преподнесен И. Д. Сытину на торжественном заседании, прошедшем в этот день в Политехническом музее.

52 В своем выступлении в Государственной думе 17 февраля 1917 г. Риттих критиковал Милюкова, доказывавшего, что твердые цены на хлеб способствовали притоку хлеба на рынок.

53 См. примеч. 297(1916).

54 Имеется в виду роман М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города».

55 Вероятно, речь идет об ученике Богословского, Владимире Алексеевиче Черепнине, отце историка Л. В. Черепнина.

56 См.: *Зеленин Д. Н.* Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных в связи с течением позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1914.

57 Вероятно, имеется в виду Елизавета Алексеевна Маклакова, сестра А. А., В. А. и Н. А. Маклаковых.

58 Заседание Государственной думы 25 февраля 1917 г. было посвящено продовольственному вопросу. Министр земледелия Риттих признал ухудшение снабжения Петрограда хлебом, объясняя это сложной обстановкой на железных дорогах, однако он утверждал, что правительство предпринимает меры и к Петрограду уже направляются поезда с хлебом в количестве 450–500 вагонов, обеспечивающих двухнедельный запас для хлебопекарен.

59 27 февраля 1917 г. был получен указ о перерыве в работе Думы, как предполагалось, до апреля. В тот же день прошло заседание Совета старейшин Думы, которое приняло постановление не расходиться, и частное совещание Государственной думы, создавшее «Временный комитет Государственной думы для водворения порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями и лицами» под председательством М. В. Родзянко. В состав Временного комитета вошли: И. И. Дмитрюков, М. А. Караулов,

А. Ф. Керенский, А. И. Коновалов, В. Н. Львов, П. Н. Милюков, Н. В. Некрасов, В. А. Ржевский, Н. С. Чхеидзе, С. В. Шидловский,

В. В. Шульгин, Б. А. Энгельгардт. Частное совещание Думы предоставило думскому Комитету право принять на себя всю исполнительную власть. 2 марта 1917 г. Временный комитет по согласованию с руководством исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов сформировал Временное правительство и после этого стал представительным органом. Упразднен Временным правительством 6 октября 1917 г. в связи с официальным роспуском Государственной думы. 9 октября 1917 г. состоялось его последнее заседание.

60 Последние выпуски московских газет вышли 27 февраля 1917 г. 28 февраля и 1 марта газеты не выходили.

61 Большая часть этих известий оказалась верной. 27 февраля

1917 г. на сторону революционного народа перешли Волынский, Кексгольмский, Литовский, Преображенский полки и Саперный батальон. В тот же день восставшими были взяты Арсенал и Главное артиллерийское управление, Петропавловская крепость, Выборгская одиночная тюрьма (Кресты), женская тюрьма (Литовский замок), все заключенные при этом были освобождены. Также было захвачено, разгромлено и подожжено охранное отделение, все архивы и дела политических заключенных, находившиеся там, – уничтожены.

62 Учредительное собрание – представительное учреждение, которое должно было установить форму правления в России после победы Февральской революции и выработать конституцию. Созыв Учредительного собрания считался главной задачей Временного правительства. Выборы в него на основе всеобщего избирательного права проходили с 12 ноября 1917 г. до начала

1918 г. Единственное заседание состоялось 5 января 1918 г. в Петрограде. В ночь с 5 на 6 января 1918 г. разогнано, так как отказалось признать ультимативное требование большевиков о признании декретов съездов Советов.

63 С 1 марта 1917 г. в Москве вводились хлебные карточки с нормой отпуска по 1 фунту белого или черного хлеба на человека (или $^{3}/_{4}$ фунта муки).

64 Решающую роль в свержении старой власти в Москве сыграла Московская городская дума. Вечером 27 февраля состоялось совместное заседание группы гласных Московской городской думы с представителями общественных организаций и рабочих. 1 марта участники этого совещания сформировали Комитет московских общественных организаций во главе с Н. М. Кишкиным, который должен был управлять Москвой. Тогда же был образован и Совет рабочих депутатов. Руководство войсками Московского гарнизона принял на себя отставной подполковник, председатель Московской губернской земской управы А. Е. Грузинов. (Подробнее см.: *Писаръкова Л. Ф.* Московская дума в период революций. 1905–1917 // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. М., 2000. Вып. 2. С. 583–588.

65 1 марта 1917 г. великий князь Кирилл Владимирович, контрадмирал российского флота, пришел во главе Гвардейского экипажа в Таврический дворец присягать на верность Временному комитету Государственной думы.

66 Вероятно, имеется в виду Владимир Михайлович Гордон.

67 Имеются в виду бывшие ректор Московского университета А. А. Мануйлов и два его помощника – профессора М. А. Мензбир и П. А. Минаков, первыми подавшие в отставку в 1911 г. См. также примеч. 172 (1915).

68 См. примеч. 279 (1916).

69 Петроградский Совет рабочих депутатов был учрежден 27 февраля 1917 г. (с 1 марта – рабочих и солдатских депутатов). Тогда же был избран Исполком совета. Председателем стал меньшевик Н. С. Чхеидзе, товарищами председателя – трудовик А. Ф. Керенский (с марта – эсер) и меньшевик М. И. Скобелев. В Москве, в отличие от Петрограда, образовались два отдельных Совета: Совет рабочих депутатов (1 марта, председатель – меньшевик А. М. Никитин) и Совет солдатских депутатов (4 марта). Объединение их произошло только после Октябрьской революции.

70 То есть на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

71 См.: *Богословский М. М.* Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. Ч. I–II. М., 1909–1912.

72 Манифест об отречении от престола императора Николая II за себя и за наследника в пользу великого князя Михаила Александровича был подписан 2 марта 1917 г. 3 марта великий князь Михаил Александрович отрекся от престола в пользу Временного правительства впредь до решения Учредительного собрания о форме власти в России.

73 Временное правительство – центральный орган государственной власти, образовавшийся после Февральской революции. Сформировано 2 марта 1917 г. по соглашению Временного комитета Государственной думы и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов на условиях объявления: 1) полной и немедленной амнистии; 2) политических свобод (с оговоркой о предоставлении политических свобод военнослужащим «в пределах, допускаемых военно-техническими условиями»); 3) отмены всех вероисповедных, сословных и национальных ограничений; 4) замены полиции милицией; 5) проведения демократических выборов в органы местного управления; 6) не вывода и не разоружения воинских частей, принимавших участие в перевороте; 7) распространения гражданских прав на солдат. При формировании правительства предполагалось, что оно будет существовать до Учредительного собрания, которое должно было установить постоянную форму правления. В состав 1-го Временного правительства вошли: министр-председатель и министр внутренних дел – князь Г. Е. Львов (до Февральской революции примыкал к кадетам), министры:

иностранных дел – П. Н. Милюков (кадет), военный и морской – А. И. Гучков (октябрист), путей сообщения – Н. В. Некрасов (кадет), торговли и промышленности – А. И. Коновалов (прогрессист), финансов – М. И. Терещенко (внепартийный), просвещения – А. А. Мануйлов (кадет), земледелия – А. И. Шингарев (кадет), юстиции – А. Ф. Керенский (трудовик, с марта – эсер), обер-прокурор Синода – В. Н.Львов (центрист), государственный контролер – И. В. Годнев (октябрист).

74 См.: Евангелие от Матфея, 16: 18.

75 Газета «Голос железнодорожника» – профессиональный орган железнодорожных организаций Московского уезда. Издавалась в Москве в марте – октябре 1917 г.

76 Комиссары (губернские, уездные, городские) являлись местными органами власти Временного правительства. Н. М. Кишкин был назначен на должность комиссара Временного правительства по Москве 6 марта 1917 г. Занимал эту должность до 25 сентября 1917 г.

77 Студенческий дом – легальная студенческая организация, существовавшая с апреля 1915 г. Была создана для оказания матермальной помощи нуждающимся студентам, но имела и скрытую цель – объединение демократического студенчества. Совет студенческих депутатов – общественная организация студентов г. Москвы, образованная 9 марта 1917 г.

78 Профессора медицинского факультета доктора медицины П. Г. Статкевич и Р. И. Венгловский сотрудничали с полицией.

79 См. примеч. 137 (1915), 172 (1915), 298 (1916), 49 (1917).

80 Имеется в виду В. Н. Львов.

81 См. записи Богословского от 12 мая и 18 октября 1916 г.

82 После защиты А. И. Покровским диссертации в Московской духовной академии (см. запись от 7 марта 1916 г. и примеч. 251 (1916)) Совет Академии в марте 1916 г. присудил ему степень доктора богословия. Однако Синод под давлением ректора Академии епископа Феодора (Поздеевского) не утвердил степени (в сентябре 1916 г.). Совет Академии восстановил степень доктора богословия А. И. Покровскому только в августе 1917 г. Подробнее об этом см.: *Голубцов С.* Московская Духовная академия в начале XX в. Профессура и сотрудники. Основные биографические сведения. М., 1999. С. 99.

83 И. М. Громогласов, преподававший в Московской духовной академии с 1894 г. (с 1909 г. – профессор), был уволен из Академии ректором Феодором (Поздеевским) в 1910 г. за прогрессивные взгляды. Подробнее см.: *Голубцов С.* Московская Духовная академия в начале XX в. Профессура и сотрудники. Основные биографические сведения. М., 1999. С. 35–38, 99.

84 В результате предпринятого немцами 21 марта 1917 г. наступления на реке Стоход с применением химических снарядов был разгромлен 3-й армейский корпус генерала Янушевского. Из 19,5 тысяч личного состава он потерял 12 тысяч, в том числе 9 тысяч пленными. Наши войска оставили Червищенский плацдарм и отступили на правый берег реки Стоход.

85 См.: *Заозерский А. И.* Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Пг., 1917.

86 Имеется в виду семья А. И. Угримова, известного агронома, президента Московского общества сельского хозяйства.

87 Комиссия по изданию сочинений, бумаг и писем графа М. М. Сперанского была учреждена отделением русской истории Исторического общества при Петроградском университете 30 марта 1916 г. под председательством А. С. Лаппо-Данилевского. В ее состав вошли 27 человек, в том числе В. И. Семевский, Н. В. Голицын, С. В. Рождественский, И. А. Бычков. Над изучением бумаг М. М. Сперанского, помогая Комиссии, работали также несколько человек, официально не входившие в состав Комиссии. Среди них были С. Н. Валк, С. В. Вознесенский, А. С. Шацких. Подробнее о работе Комиссии см.: *Валк С. Н.* Предисловие // *СперанскийМ. М.* Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 9—10; *Александров А. А.*

Комиссия по изданию сочинений графа М. М. Сперанского //АЕ за 1993 г. М., 1995. С. 172–188.

88 Генерал от кавалерии В. И. Гурко с 31 марта по 27 мая 1917 г. был главнокомандующим армиями Западного фронта, сменив на этом посту генерала Эверта.

89 Речь идет о состоявшемся в Киеве 6–8 апреля конгрессе ряда буржуазных и мелкобуржуазных партий, принципиально высказавшемся за автономию Украины. Конгресс принял решение о создании органов местного самоуправления – Краевых советов – и выдвинул требование, чтобы в мирной конференции, кроме представителей воюющих держав, участвовали и представители «тех народов, на чьих территориях ведутся военные действия», имея в виду и Украину, что явно выходило за рамки понятия автономии. (См.: *Соколова М.* Центр и периферия: Россия и Украина в 1917 году // Россия и Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 221). Тем не менее конгресс направил своих представителей в Центральную раду, образованную 4 марта 1917 г., хотя на этом этапе Рада еще поддерживала Временное правительство и выступала только за автономию Украины в составе Российской федерации.

9 °См.: *Богословский М. М.* Крестьянская аренда по Псковской судной грамоте // Исторические известия. 1917. № 2. С. 3—46.

91 Киль – город и порт в Германии (земля Шлезвиг-Гольштейн). Расположен у входа в Кильский канал со стороны Балтийского моря, по обе стороны залива Килер-Фёрде.

92 Либава (соврем. Лиепая, Латвия) – город и порт на Балтийском море. Расположен на перешейке, отделяющем Лиепайское озеро от моря.

93 Воззвание военного и морского министра А. И. Гучкова «К солдатам действующей армии» от 7 апреля 1917 г. было опубликовано в газетах 9 апреля.

94 Имеется в виду глава I работы А. И. Яковлева «Приказ сбора ратных людей. 146–161 (1637–1653 гг.)», озаглавленная «Характер развития прямого обложения в Московском государстве в XVI в. и в первую треть XVII в.», с изложением системы сошного письма и книга С. Б. Веселовского «Сошное письмо».

95 Эта сумма фигурировала в смете, представленной комиссаром Москвы Н. М. Кишкиным Временному правительству.

96 Церковь Бориса и Глеба на Воздвиженке была построена в 1763–1767 гг. архитектором К. И. Бланком на средства графа А. П. Бестужева-Рюмина в районе современной площади Арбатские ворота в стиле московского барокко. Деревянная церковь на этом месте известна с 1483 г., первая каменная церковь построена в 1527 г. В 1930 г. разрушена. В 1997 г. на Арбатской площади, перед зданием Министерства обороны построена церковь-часовня Бориса и Глеба, отчасти напоминающая несохранившуюся церковь.

97 Имеется в виду ситуация, которая возникла после того, как 20 марта 1917 г. митрополит Московский Макарий (Невский) удалился «на покой» в Николо-Угрешский монастырь. Он написал воззвание о том, что «ушел» из Москвы не добровольно, а был низложен. Воззвание это было отпечатано в типографии ТроицеСергиевой лавры с разрешения ректора Московской духовной академии епископа Феодора (Поздеевского).

98 В связи с участившимися случаями самовольной экспроприации земель крестьянами 16 апреля 1917 г. министр-председатель и министр внутренних дел князь Г. Е. Львов разослал циркулярное распоряжение губернским комиссарам не допускать «самочинных захватов» земель, а в случае неповиновения применять все меры, «вплоть до вызова воинских команд».

99 Речь идет об известной ноте министра иностранных дел П. Н. Милюкова союзным правительствам от 18 апреля 1917 г., ставшей причиной апрельского кризиса. Основные положения ноты сводились к опровержению слухов о возможности заключения сепаратного мира, подтверждению Временным правительством намерения довести войну до решитель-

ной победы и вполне соблюдать обязательства, принятые Россией в отношении ее союзников.

100 Мариинский дворец был построен на Исаакиевской площади в Петербурге в 1839–1844 гг. по проекту архитектора А. И. Штакеншнейдера для великой княгини Марии Николаевны, дочери императора Николая I. В 1894 г. наследники продали дворец в казну, предоставившую его для заседаний Государственного совета.

101 20 апреля 1917 г. по инициативе Временного правительства для урегулирования кризиса состоялось его первое совместное заседание с Исполнительным комитетом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, доившееся с 21 часа 20 апреля до 4 часов утра 21 апреля. Заседание выявило существенные разногласия между Временным правительством и Исполкомом, однако компромисс все же был достигнут: правительство обещало рассмотреть возможность опубликовать разъяснение к ноте П. Н. Милюкова, а Исполком Совета, в свою очередь, вынес решение «успокоить» массы. На следующий день было опубликовано постановление Совета о запрещении на два дня уличных митингов и демонстраций.

102 22 апреля 1917 г. состоялось совещание послов Англии, Франции, Италии и Соединенных Штатов с министром иностранных дел П. Н. Милюковым. Предварительно прошло отдельное совещание послов перечисленных стран, которые выработали точку зрения на происходящие в Петрограде события. Послы признали, что осложнения, возникшие на почве опубликования Временным правительством ноты союзным державам, относятся всецело к внутренним делам России.

103 Вероятно, речь идет об одной из двух книг П. Г. Клепатского: 1) Очерки по истории Киевской земли. Т. I. Одесса, 1912; 2) Русская история. Опыт научного построения гимназического учебника. Ч. 1. Одесса, 1916.

104 Имеется в виду совещание у председателя Судебной палаты В. Н. Челищева по вопросу реорганизации бывшего сыскного отделения.

105 То есть жесткий дирижабль системы Цеппелина, по имени его разработчика Ф. Цеппелина (1838–1917). 25 апреля 1917 г. последовало опровержение этого сообщения.

106 Зимой и весной 1917 г. Кавказская армия испытывала большие трудности, только за период с 1 по 18 апреля 1917 г. от цинги и тифа вышли из строя 34 017 человек (см.: *Арутюнян А. О.* Кавказский фронт 1914–1917. Ереван, 1971. С. 260). Здесь, как и на других фронтах, активно шло разложение армии. В таких условиях Н. Н. Юденич, назначенный 3 марта 1917 г. исполняющим обязанности главнокомандующего отдельной Кавказской армией, а 3 апреля (после образования Кавказского фронта) его главнокомандующим, вынужден был прекратить наступление на Багдадском и Пенджабском направлениях и перейти к позиционной обороне. Некоторые части отводились в районы с лучшим базированием. Именно этими обстоятельствами объясняется оставление русскими войсками городов Муш и Огнот в западной Турции (восточнее озера Ван).

107 Комитеты общественных организаций были созданы для поддержки Временного правительства. Возникли во многих городах России. Московский комитет общественных организаций образован 1 марта 1917 г. по инициативе городского головы М. В. Челнокова.

108 Имеется в виду законопроект, разработанный Комиссией по сохранению древних памятников при Московском Археологическом обществе (членом которого состоял Богоявленский) еще в 1911 г. и с некоторыми исправлениями и дополнениями вносимый вновь на обсуждение. Печатный экземпляр «Проекта закона об охранении древних памятников в России» с правкой, в том числе с исправлением даты опубликования 1911 на 1917, см.: ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 669. Л. 46–50.

109 С идеей учреждения Переднеазиатского общества для раскопок, собирания и исследования памятников Палестины, Сирии, Малой Азии, Месопотамии, Турецкой Арме-

нии и Персии еще в 1915 г. выступил известный ассириолог М. В. Никольский. В начале 1917 г. Московское Археологическое общество горячо поддержало эту идею. Однако Переднеазиатское общество так и не было создано.

110 Имеются в виду установленные Временным правительством «Временные правила о производстве выборов гласных городских дум в городах, в коих действует городовое положение 11 июня 1892 г., а также в Петрограде и Ташкенте» и «Временные правила об участковых городских управлениях», согласно которым городские управы должны были немедленно приступить к составлению избирательных списков для выборов новых гласных, не дожидаясь истечения срока полномочий прежних гласных. Выборы должны были состояться на основе всеобщего, равного и тайного голосования, возрастной ценз понижался до 20 лет.

111 Богословский описывает события 20 апреля 1917 г. в Петрограде после опубликования ноты П. Н. Милюкова: командующий войсками Петроградского округа Л. Г. Корнилов отдал приказ некоторым частям занять Дворцовую площадь. Но Исполком Совета рабочих и солдатских депутатов призвал рабочих не брать оружие на демонстрации и митинги, а солдат не выходить из казарм без письменного уведомления Исполкома. Это решение было немедленно доведено до сведения Л. Г. Корнилова, который признал вышеуказанные меры целесообразными и отменил свой приказ. Через несколько дней (29 апреля) Л. Г. Корнилов ушел с поста командующего войсками Петроградского округа.

112 Генерал от инфантерии Н. В. Рузский был отчислен от должности главнокомандующего армиями Северного фронта с оставлением членом Государственного и Военного советов. Его сменил генерал от кавалерии А. М. Драгомиров.

113 Богословский описывает инцидент, произошедший 24 апреля 1917 г. на заседании Варнавинского общества трезвости во время чтения Кузнецовым лекции «О задачах церкви в переживаемый момент». Кузнецов, действительно, был арестован, но быстро отпущен. Профессором Московской духовной академии присяжный поверенный при Московской судебной палате Кузнецов никогда не был, но в течение двух лет (1911–1913) состоял там доцентом.

114 Слова о разложении армии и о гибельности положения России прозвучали в речи Гучкова на торжественном заседании Государственной думы, посвященном памяти первой Думы и ее первого председателя С. А. Муромцева, состоявшемся 27 апреля 1917 г. Отчет о заседании был опубликован 28 апреля.

115 Имеется в виду речь А. И. Гучкова на съезде делегатов фронта.

116 Главнокомандующие Юго-Западного и Западного фронтов генералы от кавалерии Брусилов и Гурко, действительно, возбуждали ходатайства об отставке. Однако на совещании в Петрограде правительства с главнокомандующими, прошедшем 4 мая 1917 г., недоразумения на некоторое время разъяснились, и отставки не последовало. Брусилов оставался на своем посту до 22 мая 1917 г., когда он был назначен Верховным главнокомандующим, а В. И. Гурко – до 27 мая 1917 г.

117 Отставка Милюкова с поста министра иностранных дел последовала 2 мая 1917 г.

118 Апрельский кризис Временного правительства завершился составлением 1-го коалиционного правительства. По соглашению Временного правительства и Исполкома Петроградского Совета из правительства ушли А. И. Гучков и П. Н. Милюков, и в то же время в правительство вошли 6 министров-«социалистов». Состав правительства, таким образом, расширился, вместо 11 стало 15 членов. Министерские портфели распределились следующим образом: министр-председатель и министр внутренних дел – кн. Г. Е. Львов, министры: военный и морской – А. Ф. Керенский (эсер), юстиции – П. Н. Переверзев (трудовик), иностранных дел – М. И. Терещенко, народного просвещения – А. А. Мануйлов, финансов – А. И. Шингарев, путей сообщения – Н. В. Некрасов, торговли и промышленности – А. И. Коно-

валов, земледелия – В. М. Чернов (эсер), почт и телеграфов – И. Г. Церетели (меньшевик), труда – М. И. Скобелев (меньшевик), продовольствия – А. В. Пешехонов (народный социалист), государственного призрения – кн. Д. И. Шаховской (кадет), обер-прокурор Синода – В. Н. Львов и государственный контролер – И. В. Годнев.

119 «Правда» – ежедневная газета, орган большевиков. Выходила в Москве с 22 апреля 1912 г. Запрещена 8 июля 1914 г. Возобновлена 5 марта 1917 г. как орган ЦК и Петроградского комитета РСДРП(б). В июле-октябре 1917 г. выходила под названиями «Листок правды», «Рабочий и солдат», «Пролетарий», «Рабочий», «Рабочий путь». С 27 октября 1917 г. вновь стала выходить под названием «Правда» как центральный орган ЦК РСДРП (б).

12 °См. примеч. 224, 359, 360 (1916).

121 См.: *Веселовский С. Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908.

122 Богословский описывает ситуацию, сложившуюся в начале мая 1917 г. в войсках московского гарнизона, которые предполагалось вывести в летние лагеря для подготовки рот пополнения. Исполком Советов солдатских депутатов признал необходимым вывод войск, чтобы очистить казармы для прибывающих с фронта больных, для ремонта казарм и подготовки рот пополнения. Но полковые, бригадные и ротные комитеты высказались против этого, мотивируя свою позицию отсутствием в лагерях матрацев и одеял и невозможностью вести культурно-просветительскую работу. Однако вскоре общее собрание Совета солдатских депутатов приняло все же резолюцию, в которой вывод войск в лагеря признавался необходимым.

123 Имеется в виду речь Верховного главнокомандующего (в марте-мае 1917 г. генерала от инфантерии М. В. Алексеева) на открытии съезда офицеров армии и флота 7 мая 1917 г. (съезд проходил в Ставке Верховного главнокомандующего). В своей речи М. В. Алексеев говорил об отсутствии власти, об упадке воинского духа русской армии, о тяжелейшем положении России, 1/8 территории которой занята противником. Прозвучали в речи и такие слова: «Россия погибает; она стоит на краю пропасти; еще несколько толчков вперед – и она всей тяжестью рухнет в эту пропасть». См.: «Русские ведомости» от 10 мая 1917 г. С. 4.

124 Подразумевается дворцовый переворот 1762 г., когда вместо императора Петра III на русский престол взошла его жена Екатерина Алексеевна (Екатерина II).

125 То есть Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине, основанного в 1875 г.

126 Видимо, описка. Среди членов ОИДР Григорием Петровичем звали Георгиевского, Петровского звали Сергеем Александровичем.

127 Вмае 1917 г. Советрабочихи солдатских депутатов Севастополя потребовал уволить помощника командира севастопольского порта Петрова, Колчак отказался выполнить это требование. Тогда Совет рабочих и солдатских депутатов самовольно арестовал Петрова и не подчинился приказу Колчака о его освобождении.

Сообщив о событиях Временному правительству, вице-адмирал Колчак просил освободить его от занимаемой должности. Но отставка его принята не была, конфликт на какое-то время удалось уладить, Петров был освобожден. Однако вскоре (6 июня 1917 г.) Колчак все-таки вышел в отставку.

128 Церковь Спаса Преображения на Песках в Спасопесковском переулке построена около 1711 г. на месте деревянной церкви. Именно эта церковь изображена на известной картине В. Д. Поленова «Московский дворик».

129 Имеется в виду создание так называемой «Кронштадтской республики». 16 мая 1917 г. Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов принял резолюцию о переходе к нему всей полноты власти в Кронштадте и упразднении должности назначенного

сверху правительственного комиссара (в то время В. Н. Пепеляев). Однако вскоре между Временным правительством и Кронштадтским Советом был достигнут компромисс на условиях, с одной стороны, признания Советом Временного правительства, а с другой стороны, выборности комиссара Советом с последующим утверждением Временным правительством. Подробнее об этом см.: *Раскольников Ф. Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 г. М., 1990. С. 81–92.

130 Богословский вспоминает о совещании у Коновалова, проведенном 16 августа 1915 г. – см. примеч. 35 (1915).

131 См. запись М. М. Богословского за 6 мая 1917.

132 Епархиальный дом в Лиховом переулке был построен по инициативе митрополита Владимира (Богоявленского). Фасад дома в русском стиле был выполнен архитектором П. А. Виноградовым, стены расписаны В. П. Гурьяновым. Освящен Епархиальный дом в конце декабря 1902 г.

133 Вероятно, имеется в виду Николай Георгиевич Варжанский, московский епархиальный миссионер-проповедник.

134 Отставка Верховного главнокомандующего ген. Алексеева последовала 22 мая 1917 г. Его сменил ген. Брусилов. Тогда же «возбудил ходатайство об освобождении его от должности» главнокомандующий армиями Западного фронта Гурко. 27 мая 1917 г. его отставка была принята, и он перемещен на должность начальника дивизии. См. также примеч. 116 (1917).

135 Имеется в виду Февральская буржуазно-демократическая революция 1848 г. во Франции, проходившая, в значительной мере, под социалистическими лозунгами.

136 Речь идет об официальных ответах союзников на ноту нового министра иностранных дел М. И. Терещенко отЗ мая 1917 г., возвещавшую новый курс русской внешней политики. Смысл этих нот заключался в том, что союзники признали лозунг «мир без аннексий и контрибуций» по отношению к России, т. е. фактический отказ России от Константинополя и проливов. Французская нота при этом выражала надежду на воссоединение с Францией Эльзаса и Лотарингии, захваченных в 1871 г. Германией.

137 Как сообщал военному министру помощник командующего Румынским фронтом (формально командующим Румынским фронтом числился король Румынии Фердинанд I, реально руководство войсками осуществляли помощники главнокомандующего, сначала ген. Сахаров, затем ген. Щербачев) ген. Щербачев в телеграмме от 27 мая 1917 г., три полка предназначенной к расформированию дивизии не подчинились приказу. Для приведения в повиновение этих полков были задействованы 2 дивизии кавалерии, 2 батальона пехоты, одна легкая батарея. Дело, однако, кончилось без кровопролития. Возглавлял бунт подпоручик Филиппов.

138 Савелово – конечный пункт Московско-Савеловской железной дороги, где Богословские делали пересадку на пароход при поездках на дачу в Шашково.

139 Речь идет об отставках главнокомандующего Кавказским фронтом ген. Юденича и главнокомандующего армиями Северного фронта ген. Драгомирова. Отставка первого (31 мая) была вызвана его отказом вести наступление (см. примеч. 106 (1917)). Отставка второго (вступил в должность 29 апреля, отставка – 1 июня 1917 г.) связана с его резким выступлением на совещании главнокомандующих фронтами 4 мая по поводу Декларации прав военнослужащих.

14 °См.: *Веневитинов М. А.* Русские в Голландии, великое посольство 1697–1698 гг. М., 1897.

141 На 10 июня 1917 г. большевиками планировалась демонстрация в Петрограде под лозунгами передачи власти Советам.

Однако 1-й Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, а также все социалистические партии высказались в поддержку Временного правительства, поэтому демонстрацию отменили, и, кроме 2-го флотского экипажа, никто на улицы не вышел.

142 Всероссийский казачий учредительный съезд открылся 8 июня 1917 г.

143 А. А. Биценко, амнистированная с каторги, и П. Н. Фабричный, амнистированный с вечной каторги, значились в списке кандидатов в гласные Московской городской думы от партии социалистов-революционеров.

144 Тенденции к полной автономии Украины, наметившиеся после Февральской революции, становились все более очевидными. В июне 1917 г. начал функционировать постоянно действующий орган Центральной украинской рады – Малая рада в составе 30 человек под председательством М. С. Грушевского. 10 июня 1917 г. появился известный «1-й универсал», который, хотя формально и не порывал с центральной властью Временного правительства, фактически был очередным шагом к суверенитету. В этом смысле особенно показательны два положения универсала: о созыве Всенародного украинского собрания (сейма), решения которого были бы приоритетны для Украины, и о введении на Украине особого налога «на родное дело». В ответ последовало воззвание министра-председателя и министра внутренних дел князя Г. Е. Львова «Украинскому народу» от 16 июня 1917 г., основной мыслью которого было отложить решение вопроса об отделении Украины до Учредительного собрания. Тогда же началось формирование украинских воинских частей. Временному правительству удалось на этом этапе достичь компромисса: оно признало с некоторыми оговорками Центральную украинскую раду высшим краевым органом. В ответ Рада согласилась отсрочить проведение в жизнь «универсала», если Временное правительство незамедлительно приступит к подготовке проекта об автономных правах Украины, с включением в состав Украины Киева и тех губерний, где украинцы составляют большинство населения. Временное правительство решительно отклонило притязания на особую украинскую армию, но согласилось на образование на Украине до Учредительного собрания особого органа краевого управления, Генерального секретариата, признав, таким образом, как предрешенный факт автономию Украины. В июле этот исполнительный орган был утвержден Временным правительством как высший временный орган управления для пяти губерний (Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской и большей части Черниговской).

145 18 июня 1917 г. русскими армиями было предпринято крупное наступление на Юго-Западном фронте (командующий – ген. Гутор) силами Особой, 7-й, 8-й и 11-й армий. Кратковременный успех был достигнут только на участке, где наступала 8-я армия (ген. Корнилов).

146 В голландском городе Саардаме Петр I провел неделю в августе 1697 г. во время своего первого заграничного путешествия в составе Великого посольства. Здесь он работал на корабельной верфи под именем Петра Михайлова.

147 19 июня 1917 г. анархисты осадили петроградскую одиночную тюрьму «Кресты» и освободили часть заключенных, среди которых были арестованные по обвинению в шпионаже в пользу Германии. Освобожденные были отвезены на дачу Дурново, где располагалась штаб-квартира анархистов. Для подавления этого выступления были вызваны войска, которые произвели арест бывших заключенных «Крестов» и охранявших их анархистов.

148 Слух этот вскоре подтвердился. Министр народного просвещения Мануйлов и товарищ министра народного просвещения Герасимов подали в отставку 2 июля 1917 г.

149 В мае 1917 г. министр народного просвещения Мануйлов предложил провести с нового учебного года (с сентября) реформу правописания, по которой, в частности, из русского алфавита исключались буквы «В», «4», «i»; буква «ъ» исключалась в конце слов. По департаменту народного просвещения вся переписка должна была вестись в новой транс-

крипции уже с 1 июля 1917 г. Окончательно эта реформа была закреплена после Октябрьской революции декретом Совета народных комиссаров от 23 декабря 1917 г.

150 Ассери (соврем. Асери) – поселок в Эстонии, на берегу Финского залива. Нодендали (соврем. Нантали, Финляндия) – город на берегу Ботнического залива. В этих местах Богословские отдыхали в 1913 г.

151 Галич ненадолго был взят силами 8-й армии под командованием ген. Корнилова 27 июня 1917 г., уже 10 июля город вновь был оставлен.

152 Временное правительство постановило перевести на час вперед часовую стрелку на период с 1 июля по 1 сентября.

153 В июне 1917 г. финляндский генерал-губернатор М. А. Стахович и Сейм пришли к соглашению о необходимости выработки основ временного (до созыва Учредительного собрания) устройства Финляндии. Однако вскоре Сейм принял «закон о верховной власти», т. е. о суверенных правах Финляндии. Согласно этому закону, вся законодательная и исполнительная власть в Финляндии, за исключением руководства внешней политикой и военного управления, переходила к Сейму.

154 Слова русских князей, собравшихся на Любеческий съезд (1097 г.): «Почто губим землю Русскую, сами на ся котору деюще? А Половци землю нашу несут раздно, и ради суть яже межи нами рать» (Известие о Любеческом съезде см., напр., ПСРЛ. Т. IX. М., 1965. С. 129).

155 «Права благоудобства» были изложены Пестелем в § 1 «Право Народности и Права Благоудобства» главы 1-й «Русской правды». Пестель признавал, с одной стороны, право народов, подвластных большому государству, на независимость, а с другой стороны, право большого государства включать в свой состав малые народы, его окружающие, чтобы они «умножали силы собственные его, а не силы какого-либо другого соседственного большого государства». Возникающие при этом противоречия должны разрешаться, по мнению Пестеля, следующим образом: «…для правильного и положительного установления границ надлежит непременно руководствоваться тем соображением, что Право Народности должно брать верх для тех Народов, которые могут самостоятельною политическою независимостью пользоваться; а что право Благоудобства должно брать верх над теми Народами, которые сею самостоятельною политическою независимостью пользоваться не могут и непременно должны состоять под властью какого-либо сильнейшего Государства».

156 Список гласных Московской городской думы был опубликован 29 июня 1917 г. В «Русских ведомостях» за тот же день в заметке «К городским выборам» (с. 5) сообщалось, что три лица, избранные в гласные, подали заявления об отказе от своих кандидатур перед самыми выборами. Это были двое кандидатов от партии социалистов-революционеров: Г. М. Бочкин и Т. М. Лопуц и один от партии большевиков – Ф. В. Залейский. Причем Бочкин действительно числился в опубликованном накануне выборов списке провокаторов (под № 98 – см. «Русские ведомости» от 24 июня 1917 г.). Места выбывших гласных от партии социалистов-революционеров были замещены В. Ф. Радцигом и Б. Г. Пантелеймоновым, а место большевика Ф. В. Залейского занял А. А. Знаменский.

157 Описываемые события относятся к так называемому июльскому политическому кризису 1917 г. После неудачного июньского наступления русских армий на Юго-Западном фронте общее тяжелое положение в стране резко обострилось в связи с уходом из правительства кадетов, протестовавших против заключенного соглашения с Центральной радой об учреждении на Украине в качестве высшего органа управления Генерального секретариата. Кадеты вполне справедливо расценили это соглашение как реальный шаг к отделению Украины. 3 июля 1917 г. из правительства вышли министры финансов (Шингарев), народного просвещения (Мануйлов) и государственного призрения (князь Шаховской). Министр путей сообщения Н. В. Некрасов подал в отставку, но позже заявил о своем выходе из партии

кадетов и вошел в новое правительство, сформированное Керенским. Через несколько дней к ушедшим присоединились министр юстиции Переверзев и исправляющий должность министра торговли Степанов. Июльский правительственный кризис завершился уходом главы правительства князя Г. Е. Львова (7 июля). Министром-председателем Временного правительства был назначен Керенский с сохранением за ним постов военного и морского министров. 24 июля Керенский сформировал 2-е коалиционное правительство, признанное Советами «правительством спасения революции» и получившее неограниченные права.

158 3–4 июля 1917 г. по инициативе солдат 1-го пулеметного полка в Петрограде состоялись вооруженные демонстрации с требованиями отставки Временного правительства и передачи всей полноты власти Советам рабочих и солдатских депутатов. В демонстрациях участвовали солдаты Московского, Гренадерского, Павловского, 180-го, 1-го запасного полков и 6-го саперного батальона. Произошли столкновения с правительственными войсками, прекратившиеся только 6 июля. Правительство приняло ряд репрессивных мер: расформировало части, участвовавшие в демонстрациях, арестовало некоторых лиц, постановило (7 июля) арестовать Ленина, Каменева, Зиновьева, Троцкого, привлечь к судебной ответственности всех лиц, участвовавших в организации и руководстве вооруженными выступлениями, предоставило военным властям обширные полномочия «для очищения города от вооруженных демонстраций», отдало распоряжение об отключении телефонов во всех большевистских организациях, типографиях, занятых большевиками, и частных квартирах большевиков.

159 В 8 часов вечера 3 июля солдаты, действительно, намеревались арестовать Керенского, однако выяснилось, что он выехал на фронт, и его поезд отошел за 20 минут до того, как солдаты появились на вокзале. Арест князя Львова больше походил на недоразумение. Описание этого события в «Русском слове» от 4 июля 1917 г. выглядело так: «К квартире князя Г. Е. Львова подъехал вооруженный автомобиль. Солдаты потребовали выдачи им всех правительственных автомобилей и объявили министра арестованным, оставив у дверей караул из трех человек. Через некоторое время вооруженный грузовик снова подъехал к квартире князя Львова, угнал с собой автомобиль Церетели и уехал вместе с караулом».

160 Имеется в виду Временный комитет Государственной думы (см. прим. 59 (1917)). 3 июля вооруженные манифестанты предложили Временному комитету Государственной думы разойтись. Комитет подчинился этому требованию и прервал свое заседание, но после завершения июльского кризиса продолжал свою деятельность в качестве представительного органа Государственной думы до 6 октября 1917 г.

161 Текст «Декларации Временного правительства» был опубликован 9 июля 1917 г. уже после прорыва фронта под Тарнополем, он начинался словами: «Граждане! Настал грозный час. Войска германского императора прорвали фронт русской… армии». В Декларации указывалось, что своей основной задачей Временное правительство считает «напряжение всех сил для борьбы с внутренним врагом и для охраны… порядка от всяких анархических и контрреволюционных покушений, не останавливаясь перед самыми решительными мерами». Декларация определила дату выборов в Учредительное собрание – 17 сентября 1917 г., обещала «в скором времени» установить 8-часовой рабочий день, принять законы об охране труда и социальном страховании. В области земельной реформы в декларации высказывалась мысль о переходе (в будущем) земли в руки трудящихся.

162 Речь идет о члене Федерального собрания Швейцарии социал-демократе Роберте Гримме, при содействии которого в запломбированном вагоне в Россию через Германию вернулась группа эмигрантов во главе с Лениным. Милюков заявлял, что у него имеются сведения о том, что германское правительство использует Гримма в качестве своего агента, поэтому разрешение на въезд в Россию Гримм получил только после ухода Милюкова с поста министра иностранных дел (2 мая 1917 г.) Гримм пробыл в Петрограде около трех

недель, часто выступая на митингах с социалистическими лозунгами. В этот же период он зондировал почву о возможности заключения мира и в этих целях обменивался телеграммами со швейцарским министром Гофманом. 2 июня 1917 г. Временное правительство предложило Гримму в 24 часа покинуть Россию как человеку, проводящему агитацию за заключение сепаратного мира между Россией и Германией.

163 6 июля 1917 г. в «Русском слове» было опубликовано письмо бывшего члена II-й Государственной думы Алексинского (депутата от рабочих) и шлиссельбуржца Панкратова (эсера), в котором приводилось свидетельство арестованного прапорщика 16-го Сибирского стрелкового полка Ермоленко. Последний в ходе следствия дал показания о том, что 25 апреля 1917 г. он был переброшен в тыл 6-й русской армии для агитации в пользу скорейшего заключения сепаратного мира с Германией. Перед его переброской офицеры германского Генерального штаба Шигицкий и Люберс сообщили ему, что такого же рода деятельность ведут в России агент германского Генерального штаба и председатель украинской секции «Союза освобождения Украины» СкорописьИолтуховский и Ленин. Деньги на агитацию они получают через доверенных лиц: в Стокгольме – через большевика Фюрстенберга (Ганецкого) и Парвуса (Гельфанда), в Петрограде – через большевика Козловского и родственницу Ганецкого Суменсон. Здесь же сообщалось, что на счету Козловского находится 2 миллиона рублей. Козловский и Суменсон были арестованы. Вопрос о степени влияния «немецкого золота» на ход русской революции до сих пор вызывает горячие дискуссии. Среди важнейших исследований по этому поводу можно указать на следующие работы: *Мельгунов С. П.* Золотой немецкий ключ к большевистской революции. Париж, 1940; *Катков Г. М.* Февральская революция. Париж, 1984; *Мальков В. Л.* Большевики и «германское золото». Находки в архивах США // Новая и новейшая история. 1993. № 5; *Тютюкин С. В.* Первая мировая война и революционный процесс в России (Роль национально-патриотического фактора) // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 236–249.

164 Имеется в виду вооруженное выступление против Центральной рады украинских солдат, отказавшихся идти на фронт и самочинно образовавших «полк имени гетмана Полуботка». Солдаты полка арестовали начальника милиции Лепарского, коменданта Киева генерала Цитовича и заняли помещение штаба округа. В Нижнем Новгороде также прошло вооруженное выступление солдат, не желающих отправляться на фронт. На подавление выступления были отправлены войска из Московского военного округа во главе с командующим Верховским. 6 июля порядок в Нижнем Новгороде был восстановлен.

165 6 июля 1917 г. австро-германские войска предприняли контрнаступление на Юго-Западном фронте ударом по позициям 11-й армии, в тот же день отступившей на значительное расстояние. Замена главнокомандующего фронтом Гутора на Корнилова не принесла желаемого результата. Отступление русских войск продолжалось. Тарнополь (город на реке Серет, современ. Тернополь, Украина) был оставлен 12 июля, после чего начался общий отход фронта. При этом русские войска почти не оказывали противнику сопротивления, они массами снимались с позиций и уходили в тыл. Таким образом, австро-германское контрнаступление не только ликвидировало успехи июньского наступления русских войск на Юго-Западном фронте, но и отодвинуло линию фронта на восток. Были оставлены вся Галиция и Буковина. Фронт стабилизировался 15 июля на линии Броды – Збараж – Гржималов – Кимполунг.

166 Министр-председатель и министр внутренних дел князь Г. Е. Львов вышел в отставку 7 июля 1917 г. На посту министрапредседателя его сменил А. Ф. Керенский с сохранением за собой постов военного и морского министра. Министром внутренних дел стал И. Г. Церетели.

167 Имеется в виду «Декларация прав военнослужащих» (Приказ по армии и флоту), опубликованная 11 мая 1917 г. Декларация распространила на всех военнослужащих все

права граждан, с оговоркой, что военнослужащий «обязан строго согласовывать свое поведение с требованиями военной службы и воинской дисциплины»; отменила наказания, оскорбительные для чести и достоинства военнослужащих, обязательное отдание чести; предоставила военнослужащим право быть членом любой политической, национальной, религиозной и другой организации, получать любые печатные издания. В Декларации оговаривалось, что право назначения на должности принадлежит исключительно начальникам. Право же внутреннего самоуправления, наложения наказаний и контроля Декларация отдавала выборным войсковым организациям, комитетам и судам. По оценке большинства генералов, Декларация, наряду с приказом № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, сыграла решающую роль в снижении боеспособности русской армии.

168 См. редакционную статью «Неуместная безнаказанность» в «Русских ведомостях» за 7 июля 1917 г., в которой авторы ссылаются на публикацию этого соглашения в «Известиях Московского Совета рабочих депутатов».

169 См. примеч. 23 (1917).

170 Председателем Московской городской думы на первом ее заседании 7 июля 1917 г. был избран О. С. Минор.

171 Телеграмма ген. Корнилова Верховному главнокомандующему ген. Брусилову от 9 июля 1917 г. была опубликована в «Русском слове» за 11 июля. В телеграмме, в частности, говорилось: «Принял фронт в исключительно тяжелых условиях прорыва противником наших позиций, обусловленного разложением и развалом, вызванными в армиях падением дисциплины, следствием чего явились самовольные уходы полков с позиций и отказы от немедленного оказания поддержки. Соотношение сил приблизительно 1 противник на 5 наших… Нахожу безусловно необходимым обращение Временного правительства и Совета с вполне откровенным и прямым заявлением о применении исключительных мер, включительно до введения смертной казни на театре военных действий, иначе вся ответственность падет на тех, которые словами думают править на тех полях, где царят смерть и позор, предательство, малодушие и себялюбие». Ген. Брусилов в тот же день направил телеграмму Временному правительству, в которой поддержал требования Корнилова. Через несколько дней, 18 июля, Корнилов направил повторные телеграммы Брусилову и Керенскому еще более решительные по содержанию: «…Армия…бежит… Я, генерал Корнилов…заявляю, что отечество гибнет, и потому требую немедленного прекращения наступления на всех фронтах в целях сохранения и спасения армии для ее реорганизации на началах строгой дисциплины… Смертная казнь спасет многие невинные жизни ценою гибели немногих изменников, предателей и трусов. Я заявляю, что, занимая высокоответственный пост, я никогда в жизни не соглашусь быть одним из орудий гибели родины. Довольно. Я заявляю, что если правительство не утвердит предлагаемых мною мер… то я, генерал Корнилов, самовольно слагаю с себя полномочия главнокомандующего (Юго-Западным фронтом. – *Е. К, Т.* С.).

172 10 июля 1917 г. Корнилов получил телеграмму Временного правительства о предоставлении ему права «применять какие угодно средства для ликвидации катастрофического прорыва». В газетах от 11 июля был опубликован «Приказ армии и флоту» министра-председателя и военного и морского министра Временного правительства Керенского: «Приказываю восстановить в войсках дисциплину…не останавливаясь… перед применением вооруженной силы. Разложение армии недопустимо… Всех виновных в призыве во время войны к неисполнению действующих… законов… и распоряжений военной власти предавать суду и наказывать как за государственную измену». Кроме того, 11 июля было опубликовано распоряжение Керенского, чтобы газеты «Правда», «Солдатская правда» и «Окопная правда», т. е. издания большевиков, впредь не допускались для распространения в войсках действующей армии.

173 Смертная казнь, отмененная императрицей Елизаветой Петровной и введенная позднее для виновных в некоторых государственных и воинских преступлениях, была отменена Временным правительством 12 марта 1917 г. С 12 июля 1917 г. она была восстановлена в действующей армии.

174 Право закрывать повременные издания, призывающие к неповиновению распоряжениям военных властей и к неисполнению воинского долга, с одновременным привлечением ответственных редакторов к судебной ответственности было предоставлено в качестве временной меры военному министру и управляющему министерством внутренних дел.

175 16 июля 1917 г. было опубликовано письмо видных кадетских деятелей Н. И. Астрова и Н. М. Кишкина, в котором излагались условия, на которых кадеты согласны были войти в правительство: «1. Война до победного конца в единении с союзниками; 2. Определение курса внешней политики, подтверждение союзных отношений с воюющими против Германии государствами, т. е. подтверждение декларации первого Временного правительства по вопросам иностранной политики; 3. Определение курса внутренней политики; 4. Разрешение социальных вопросов должно быть отложено до Учредительного собрания; 5. Организация власти на местах, борьба с анархией и с другими крайними течениями; 6. Разрешение финансовых вопросов; 7. Организация выборов в Учредительное собрание и нормальное прохождение выборной кампании в Учредительное собрание». Керенский принял эти условия, после чего Астров заявил еще отвод министру земледелия В. М. Чернову. Это условие кадетов не было включено в письмо по тактическим соображениям. На смещение Чернова Керенский не согласился. Тогда же велись переговоры о вступлении в правительство и с представителями торгово-промышленных кругов, условия которых были идентичны условиям кадетов.

Предполагалось, что от партии кадетов в правительство могут войти В. Д. Набоков в качестве министра юстиции, Н. М. Кишкин – министра внутренних дел, П. И. Новгородцев – министра народного просвещения, Ф. Ф. Кокошкин – обер-прокурора Синода, Н. И. Астров – государственного контролера. От торговопромышленных кругов выдвигались С. Н. Третьяков на пост министра торговли и Н. Н. Кутлер на пост министра финансов. Однако к 20 июля переговоры зашли в тупик.

176 Имеются в виду 7-я и 11 – я армии Юго-Западного фронта. 11-я армия в ходе немецкого контрнаступления практически перестала существовать, наполовину сдавшись в плен, наполовину разбежавшись. 7-я армия также находилась в катастрофическом положении, однако сдерживала наступление противника, а временами переходила в контратаки.

177 Министр почт и телеграфов И. Г. Церетели издал циркуляр по почтово-телеграфному ведомству, первый пункт которого гласил: «Открывать учреждения точно в указанный час, без опоздания» (см. «Русское слово» от 16 июля 1917 г.).

178 Этот слух со ссылкой на «Биржевые ведомости» сообщило «Русское слово». По мнению этих газет, Ленин переправился сначала в Финляндию, а оттуда через Стокгольм в Германию.

179 Не вполне точная цитата из баллады А. К. Толстого «Порой веселой мая…». Строфа 22, начинающаяся «Им имена суть многи…», заканчивается у А. К. Толстого: «они ж и демагоги, они ж и анархисты».

180 Богословский ведет отсчет сменам верховных главнокомандующих с марта 1917 г. После отречения императора Николая II, бывшего Верховным главнокомандующим с 23 августа 1915 г., на этот пост 2 марта 1917 г. был назначен великий князь Николай Николаевич (младший), который, правда, не успел даже вступить в эту должность, т. к. уже 11 марта был отправлен в отставку. Затем верховными главнокомандующими были: М. В. Алексеев с 12 марта по 21 мая; А. А. Брусилов с 22 мая по 18 июля; с 19 июля 1917 г. – Л. Г. Корнилов.

181 16 июля 1917 г. открылся съезд исполнительных комитетов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Мысль о насильственном привлечении буржуазии к власти прозвучала в первой резолюции, предложенной съезду меньшевиками и эсерами, от имени которых выступал Либер.

182 Богословский приводит заголовки из «Русского слова» от 22 июля 1917 г. Генерал Корнилов, назначенный Верховным главнокомандующим 19 июля 1917 г., выдвинул несколько условий, главными из которых были: полное невмешательство в его оперативные распоряжения и назначения высшего командного состава и принятие его предложений, изложенных в телеграммах от 18 июля (см. прим. 171 (1917)). Вступив в новую должность, Корнилов назначил главнокомандующим Юго-Западным фронтом генерала Балуева, который 20 июля прибыл в штаб фронта, откуда еще не выехал Корнилов. Неожиданно для всех из Петрограда пришла телеграмма с извещением, что преемником генерала Корнилова назначается генерал Черемисов. Это назначение явилось нарушением основных прерогатив власти Верховного главнокомандующего. Корнилов отправил телеграмму Временному правительству с отказом от поста Верховного главнокомандующего, если назначение Черемисова не будет отменено. Конфликт разрешился 23 июля. Для переговоров с Корниловым выезжал военный комиссар Филоненко, объяснивший, что Временное правительство ни в коем случае не желало покушаться на права Корнилова как Верховного главнокомандующего, а назначение генерала Черемисова главнокомандующим Юго-Западным фронтом было сделано одновременно с назначением Корнилова. Только после этого в ночь с 23 на 24 июля Корнилов выехал в Ставку.

183 Бывший главнокомандующий Западным фронтом генерал Гурко был арестован 22 июля 1917 г. по обвинению в том, что он состоит в переписке с Николаем II. Содержался в Петропавловской крепости. И хотя уже 30 июля было принято постановление Временного правительства об освобождении генерала из-под стражи, он пробыл в заключении до 26 августа. 21 августа Временное правительство приняло постановление о высылке его из России. В сентябре 1917 г. Гурко выехал за границу.

184 Керенский подал в отставку 21 июля 1917 г., ссылаясь на свою неспособность создать правительство с достаточно широкой политической базой. Вечером того же дня по приглашению Временного правительства в Зимнем дворце состоялось совещание представителей различных партий (эсеров, социал-демократов, народных социалистов, кадетов и радикальных демократов), присутствовали также председатель Государственной думы Родзянко и председатели Исполкомов Советов Авксентьев и Чхеидзе. Совещание, длившееся всю ночь, высказалось за доверие Керенскому, которому было предложено сформировать правительство по своему усмотрению. Отставка Керенского, таким образом, не состоялась.

185 22 июля 1917 г. Троцкий и Луначарский выступали на заседании ЦИК Советов рабочих и солдатских и Совета крестьянских депутатов, проходившем в Таврическом дворце. 22 июля их действительно не смогли обнаружить, однако 23 июля они были арестованы. Луначарский был освобожден 5 августа под залог в 5 тысяч рублей, Троцкий – 4 сентября под залог в 2 тысячи рублей.

186 24 июля было сформировано 2-е коалиционное правительство. Оставили свои посты министр почт и телеграфов и управляющий министерством внутренних дел И. Г. Церетели, государственный контролер И. В. Годнев, обер-прокурор Синода В. Н. Львов. В состав нового кабинета вошли: А. Ф. Керенский – министр-председатель и военный и морской министр, Б. В. Савинков – управляющий военным министерством,

В. И. Лебедев – управляющий морским министерством, Н. В. Некрасов – заместитель министра-председателя и министр финансов, М. В. Бернацкий – управляющий министерством финансов. Министерские портфели получили: внутренних дел – Н. Д. Авксентьев, иностранных дел – М. И. Терещенко, торговли и промышленности – С. Н. Прокопович,

земледелия – В. М. Чернов, труда – М. И. Скобелев, продовольствия – А. В. Пешехонов, почт и телеграфов – А. М. Никитин, народного просвещения —

С. Ф. Ольденбург, юстиции – А. С. Зарудный, государственного призрения – И. Н. Ефремов, путей сообщения – П. Н. Юренев. Государственным контролером стал Ф. Ф. Кокошкин, оберпрокурором Синода – А. В. Карташев.

187 В июле – августе 1917 г. австро-германские войска под командованием ген. Макензена и эрцгерцога Иосифа-Августа предприняли попытку прорвать расположения русских и румынских армий на Румынском фронте (командующий ген. Щербачев). Однако 9 августа наступление было остановлено, при этом противник не добился значительных успехов. Прогноз Богословского в отношении Румынии не оправдался. В мае 1918 г. румынское правительство пошло на очень невыгодный сепаратный договор с Центральными державами, в июне одобренный парламентом. Однако румынский король Фердинанд I не торопился подписывать его, затягивая время и выжидая развития событий. В конце войны (за два дня до капитуляции Германии) Румыния денонсировала Бухарестский мир и потребовала вывода германских войск или их капитуляции. Таким образом, Румыния вошла в число стран-победительниц и смогла значительно увеличить свою территорию.

188 8 марта 1917 г. император Николай II и его семья были арестованы и содержались в Александровском дворце в Царском Селе. В ночь с 31 июля на 1 августа они были вывезены оттуда в Тобольск.

189 Отец министра юстиции А. С. Зарудного, Сергей Иванович Зарудный, был одним из творцов и главных деятелей судебной реформы 1864 г. – самой демократической из всех «великих реформ» Александра II.

190 Такое постановление Временного правительства было принято 2 августа 1917 г. Предполагалось, что оно будет действовать вплоть до Учредительного собрания.

191 Этот слух не подтвердился. Генерал Васильковский ушел в отставку несколько позже – 27 августа 1917 г.

192 5 августа был освобожден и Л. Б. Каменев по постановлению прокурора Судебной палаты «ввиду отсутствия против него каких-либо обвинений». См. также прим. 183,185 (1917).

193 Имеется в виду Московское государственное совещание (12–15 августа 1917 г.), проведенное по инициативе Временного правительства для ознакомления общественности с его взглядами и планами на будущее.

194 Корнилов и Каледин выступали 14 августа. Корнилов говорил о развале в армии, приводил примеры оставления полками своих позиций и примеры убийства офицеров солдатами. Первоочередными задачами называл борьбу с анархией и восстановление дисциплины. Отмечал, что в сложившейся обстановке демобилизация армии невозможна: недисциплинированная толпа разгромит беспорядочным потоком всю страну. Не возражал против существования комитетов солдатских депутатов, но только не в областях оперативной, боевой и выборе начальников. По его мнению, комитеты должны заниматься хозяйственными вопросами и внутренним бытом армии. Каледин от имени объединенного казачества приветствовал решимость Временного правительства освободиться в деле государственного управления от давления партийных и классовых организаций, вместе с другими причинами приведшего страну на край гибели. Отметил, что среди казаков не было дезертиров, т. к. казачество, не знавшее крепостного права, искони свободное и независимое, не опьянело от свободы. Для спасения страны предлагал ряд мер, среди которых были: недопущение вовлечения армии в политику, запрещение митингов и собраний, упразднение советов и комитетов, дополнение «Декларации прав солдата» «Декларацией» его обязанностей и др. Речь Каледина вызвала бурю протеста слева и овации справа.

195 Это фраза из постановления Исполкомов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в котором правительство Керенского было объявлено «правительством спасения революции, а кстати, и страны» (см. «Русские ведомости» от 12 июля 1917 г.).

196 Керенский в заседании Государственного совещания 15 августа представил как «трех представителей русской истории» Е. К. Брешко-Брешковскую («бабушку русской революции») и П. А. Кропоткина и Г. В. Плеханова («двух дедушек русской революции»),

197 Имеется в виду поездка Петра I в Англию, предпринятая им во время своего путешествия с Великим посольством в январе – апреле 1698 г.

198 Современный Московский вокзал в Санкт-Петербурге.

199 Это песнопение исполняется на вечерней службе, на малом входе – обряде, символизирующем явление в мир Христа для спасения людей.

200 Псалтирь. Псалмы Давида. Псалом 102; 9: «Не до конца гневается, и не вовек негодует».

201 Современный г. Тутаев Ярославской обл.

202 Имеется в виду пятиглавый Крестовоздвиженский собор с шатровой колокольней и двумя шатровыми приделами (1658 г.).

203 Речь идет о Корниловском мятеже (25–31 августа 1917 г.).

204 Москва и Московский округ были объявлены на военном положении с 29 августа, тогда же была введена военная цензура, однако уже 31 августа цензура была отменена.

205 Поместный собор Русской Православной церкви открылся в Москве в храме Христа Спасителя 15 августа 1917 г. (работал до 7 (20) сентября 1918 г.). 31 августа собор отправил Временному правительству телеграмму примирительного характера, в которой, в частности, призывал «победителей щадить жизнь побежденных, ибо никакой кровавой мести не должно быть в настоящей тяжкой междоусобице».

206 м$_{ес}$х$_{}$о под Москвой недалеко от современного г. Одинцово, где прошло детство Богословского.

207 Шведское название г. Хельсинки. С 1809 по 1917 г. – в составе России.

208 См.: *Нечаев П. И.* Теизм, как проблема разума. Герман Ульрици. К вопросу о методологии научно-философского обоснования теизма. Сергиев Посад, 1916.

209 Статью Богословского см. примеч. 90 (1917). Статья Тарановского напечатана не была, т. к. издание «Исторических известий» оборвалось на 2-м номере.

21 °См.: *Маколей Т.-Б.* История Англии от восшествия на престол Иакова II. Ч. VII // *Маколей.* Полное собрание сочинений. СПб., 1865. Т. 12.

211 Всероссийский Академический союз – профессионально-политический союз, объединявший деятелей науки, профессоров и преподавателей высших учебных заведений. Учрежден в марте 1905 г. в Петербурге. С 1906 г. деятельность союза замерла. Возродился после Февральской революции 1917 г. В 1918 г. распущен.

212 Генерал Алексеев был назначен на должность начальника Штаба Верховного главнокомандующего 30 августа, уволен в отставку 7 сентября 1917 г.

213 3 сентября 1917 г. В. Л. Бурцев опубликовал в «Русском слове» объяснительную записку Корнилова по поводу его конфликта с Временным правительством. 10 сентября то же «Русское слово» привело подборку материалов под заглавием: «Поход против А. Ф. Керенского», где среди прочего был и рассказ Б. В. Савинкова. Из этих материалов следовало, что первоначально Керенский, не надеясь на Петроградский гарнизон, сам просил о передвижении 3-го конного корпуса ген. Крымова к столице.

214 13 сентября в «Русских ведомостях» в статье «К слухам о мире» сообщалось, что некоторое время тому назад Германия через своих представителей в Швейцарии обратилась к Франции и Англии с предложением о сепаратном мире. Германия соглашалась возвратить Франции Эльзас и Лотарингию, дать независимость Бельгии, оставить в руках Англии часть

германских колоний. В этих предложениях о России не упоминалось, из чего вытекало, что этот мир Германия предполагала заключить за счет России. В связи с упорно циркулировавшими слухами корреспондент другой газеты («Русского слова») обратился за разъяснениями к французскому послу Нулансу, который, обвинив Германию в стремлении посеять рознь среди стран Антанты, заявил, что «Ни Франция, ни Англия никогда не заключат мира, тяготы которого легли бы на Россию». Подробно возможность заключения мира за счет России рассмотрена в работе В. С. Васюкова «Внешняя политика Временного правительства». М., 1966. С. 391–463.

215 См. примеч. 22 (1915).

216 18 июля 1917 г. Временное правительство распустило Сейм Финляндии, большинство в котором составляли социал-демократы. Поводом к роспуску послужил принятый Сеймом 5 июля «закон о верховной власти». 16 августа генерал-губернатор оцепил здание Сейма войсками и не допустил туда депутатов. Однако на частном совещании депутатов было принято решение собраться по первому зову тальмана (председателя Сейма), что и было сделано 15 сентября 1917 г. Заседание Сейма, основным вопросом повестки дня которого стояло обсуждение законопроекта о верховных правах Финляндии, было приурочено к открытию в Петрограде Всероссийского демократического совещания, т. к. большевики дали формальное обязательство в случае перехода на Демократическом совещании власти в их руки немедленно объявить полную независимость Великого княжества Финляндского. 23 ноября 1917 г. Сейм утвердил декларацию об объявлении Финляндии независимым государством. 18 декабря независимость Финляндии была признана Советским правительством. 22 декабря 1917 г. ВЦИК утвердил это постановление.

217 Имеется в виду Всероссийское демократическое совещание, проходившее в Петрограде с 14 по 22 сентября. Керенский выступал на первом его заседании с изложением своей версии «корниловщины» и рассуждениями о сложившейся ситуации. Богословского, безусловно, не могли не покоробить слова Керенского: «…не думайте, что если меня отравят большевики, то на моей стороне нет сил демократии, не думайте, что я вишу в воздухе. Имейте в виду, что если вы только устроите что-либо подобное, то остановится вся жизнь, не пойдут войска…»

218 Подразумевается Музей изящных искусств (современный Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина), директором которого был Мальмберг.

219 Речь идет о Московском государственном совещании.

220 Всероссийское демократическое совещание (Петроград, 14–22 сентября 1917 г.), которое, по мысли его организаторов, должно было явиться демонстрацией силы и сплоченности так называемой революционной демократии, в действительности вскрыло глубочайший кризис в ее рядах. Даже внутри партий не было единства по вопросам об отношении к власти и к формированию нового правительства, способного довести страну до Учредительного собрания.

221 См.: Dictionary of national biography. London, 1890–1897. V. 1—50.

222 Речь идет о так называемых «керенках» – казначейских знаках номиналом 20 и 40 рублей. Оформление их было предельно скромным, они не имели даже подписи и номера. В обращение они поступали неразрезанными листами по 40 единиц в каждом. Их приходилось самостоятельно разрезать ножницами или использовать многократно сложенные листы.

223 22 сентября 1917 г. на последнем заседании Всероссийского демократического совещания был образован Демократический совет в количестве 305 человек от различных групп, участвовавших в совещании. Немного позже в него было дополнительно введено около 100 человек от «цензовых» классов, т. е. буржуазии, и, таким образом, создан Предпарламент, получивший официальное название «Временный совет Российской республики». В результате долгих прений пункт об ответственности Временного правительства перед Пред-

парламентом был все-таки снят. Однако фактическое отсутствие устойчивого большинства, поддерживающего правительство, существенно ослабляло власть Предпарламента.

224 2 5 сентября было сформировано 3-е коалиционное правительство. Вего состав вошли: министр-председатель и Верховный главнокомандующий – А. Ф. Керенский, зам. министра-председателя и министр торговли и промышленности – А. И. Коновалов, министры: иностранных дел – М. И. Терещенко, военный – генерал А. И. Верховский, морской – адмирал Д. Н. Вердеревский, труда – К. А. Гвоздев, юстиции – П. Н. Малянтович, продовольствия – С. Н. Прокопович, финансов – М. В. Бернацкий, просвещения – С. С. Салазкин, призрения – Н. М. Кишкин, почт и телеграфов – А. М. Никитин, исповеданий – А. В. Карташев, путей сообщения – А. В. Ливеровский, земледелия – С. Л. Маслов, председатель Экономического совета при правительстве – С. Н. Третьяков, государственный контролер – С. А. Смирнов.

225 Больница была учреждена в 1775 г. указом императрицы Екатерины II вместе с Екатерининским богадельным домом. Открыта в 1776 г. в здании бывшего Карантинного двора на 3-й Мещанской улице (совр. ул. Щепкина). Екатерининская больница была клинической базой медицинского факультета Московского университета. В 1923 г. преобразована в Московский научноисследовательский клинический институт (МОНИКИ).

226 См.: *Иконников В. С.* Максим Грек и его время. Киев, 1915.

227 Богословский имеет в виду итоги Моонзундской операции германского флота, проведенной 29 сентября – 6 октября 1917 г. с целью захвата островов Моонзундского архипелага (у западных берегов Эстонии) и прорыва в Финский залив. С германской стороны в операции было задействовано более 300 боевых кораблей и 100 самолетов и дирижаблей, а также 25-тысячный десант. Русские морские силы в Рижском заливе имели 116 кораблей, 30 самолетов и 12-тысячный гарнизон островов. В результате ожесточенных боев немцы овладели архипелагом и вошли в Рижский залив. Однако серьезные потери (26 кораблей и еще 25 получивших повреждения), а также затопление русскими моряками нескольких кораблей у входа в Моонзундский канал и минирование подходов заставили германское командование отказаться от планов по прорыву в Финский залив.

228 Совещание общественных деятелей проходило в Москве с 12 по 14 октября 1917 г. К участию в совещании было привлечено около 1 300 общественных деятелей и представителей различных общественных организаций.

229 2 7 марта 1917 г. Временное правительство выпустило внутренний долгосрочный заем – так называемый «заем свободы» – для финансирования военных расходов. Погасить облигации займа предполагалось в течение 49 лет, начиная с 1922 г.

230 Вероятно, князь Сергей Дмитриевич Урусов.

231 Имеются в виду заседания Временного совета Российской республики или Предпарламента. Керенский выступал дважды, 7-го (на первом заседании нового органа) и 10 октября. Богословский точно передает суть речи Керенского. Однако аплодисментами его речь встретили только правые и центристы. Генерал Алексеев охарактеризовал положение страны после неудач в Рижском заливе как очень тяжелое, но не безнадежное. Причины неудач он видел в разложении армии. В частности, в своем выступлении 10 октября он сказал: «…армия наша тяжело больна… Массы, вкусившие сладость неповиновения и неисполнения оперативных приказов, вкусившие сладость полной праздности, погрязшие в стремлении к скорейшему заключению мира, который, якобы, придет сам собой…представляютявную опасность».

232 См.: *Вальденберг В.* Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916.

233 Возможно, речь идет о Семене Горациевиче (Самуиле Гершковиче) Лозинском.

234 В 1917 г. на историко-филологическом факультете Московского университета учились два студента по фамилии Крутицкий:

Алексей Иванович (род. 1893 г.) и Павел Иванович (род. 1890 г.). О ком из них идет речь, установить не удалось.

235 С 14 октября 1917 г. въезд в Москву без специального разрешения был запрещен. Проживающим в Москве постоянно разрешения выдавались беспрепятственно.

236 Один из искусственных международных языков, изобретенный в 1880-х гг. пастором И. М. Шлейером в герцогстве Баденском.

237 Имеется в виду выступление Милюкова на заседании Временного совета Российской республики (Предпарламента) 18 октября 1917 г. в прениях по докладу министра иностранных дел Терещенко. Милюков высказывал мысли, находившие отклик у Богословского. В частности, он говорил о том, что видеть кратчайший путь к миру не в победе, а в восстании рабочих масс и разложении армии, значит заниматься самогипнозом. Кроме того, Милюков едко высмеял саму идею посылки Скобелева как отдельного депутата на Парижскую конференцию (т. е. очередную конференцию союзников), т. к. последний должен был выступать с предложениями, прямо противоположными предложениям правительства: Скобелев как представитель Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов был сторонником мира без аннексий и контрибуций, права наций на самоопределение и т. п. Парижскую конференцию первоначально планировалось провести в августе 1917 г. Временное правительство рассчитывало, заручившись доверием союзников, договориться о продлении кредитов и военных поставок, обменяться мнениями о кампании 1918 г., а также продемонстрировать общественности свою активность во внешней политике. С этой целью и планировалась поездка представителя «революционной демократии» Скобелева. Однако военные неудачи вынуждали Временное правительство неоднократно откладывать проведение Парижской конференции, и в результате она состоялась в ноябре 1917 г. уже без участия России. Подробнее об этом см.: *Милюков П. Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 556–577; *Васюков В. С.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1966. С. 433–444.

238 Имеется в виду наступление австро-германских войск против Италии, начавшееся 11 октября 1917 г. сражением при Капоретто на реке Изонцо. Сражение завершилось тяжелейшим поражением и беспорядочным отступлением итальянской армии. Стабилизировать фронт удалось только к 9 ноября с помощью переброшенных сюда 11 англо-французских дивизий.

239 Богословский вспоминает об успешном летнем наступлении (1916 г.) войск Юго-Западного фронта (командующий ген. Брусилов). Наступление по просьбе союзников началось ранее намечавшихся сроков и значительно облегчило критическое положение итальянцев под Трентино.

240 Военный министр Верховский объявил себя интернационалистом на заседании комиссии по обороне в Совете республики (Предпарламенте) 20 октября. В том же заседании он заявил о необходимости для России немедленно выйти из войны и демобилизовать армию. Временное правительство отвергло эти предложения. В связи с заявлением Верховского представители союзных держав делали запрос министру-председателю. 23 октября последовала отставка военного министра. Временное управление военным министерством было возложено на товарища министра ген. Маниковского.

241 Имеется в виду выступление Керенского на заседании Временного совета Российской республики (Предпарламента) 24 октября 1917 г. К этому моменту в частях Петрограда происходила самовольная раздача оружия и патронов, Временный революционный комитет (созданный при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов 20 октября) 23 октября разослал в воинские части предписания не подчиняться распоряжениям военного начальства, не санкционированным комитетом, и назначил во все части своих комиссаров.

Именно эти действия Керенский в своем выступлении назвал «состоянием восстания с точки зрения юридической квалификации» и предложил произвести аресты и начать следствие.

242 С 26 октября по 8 ноября 1917 г. газеты (за исключением большевистских и социал-демократических) не выходили.

243 Кишкин был арестован вместе с другими членами Временного правительства 25 октября 1917 г.

244 В ночь с 25 на 26 ноября 1917 г. на 2-м Всероссийском съезде Советов был образован Совет народных комиссаров. Председателем избран В. И. Ленин. Комиссарами: внутренних дел – А. И. Рыков, земледелия – В. П. Милютин, труда – А. Г. Шляпников, торговли и промышленности – В. П. Ногин, народного просвещения – А. В. Луначарский, финансов – И. И. Скворцов (Скворцов-Степанов), иностранных дел – Л. Д. Троцкий, юстиции – Г. И. Оппоков (Ломов), продовольствия – И. А. Теодорович, почт и телеграфов – Н. П. Авилов, по делам национальностей – И. В. Джугашвили (Сталин). Военные и морские дела были поручены комитету в составе: В. А. Овсеенко (АнтоновОвсеенко), Н. В. Крыленко и П. Е. Дыбенко. Комиссаром по железнодорожным делам позднее был назначен Д. Б. Рязанов.

245 Действительно, 25 октября 1917 г. матросы и солдаты заняли Мариинский дворец, где было назначено заседание Временного совета Российской республики (Предпарламента), разогнали собравшихся членов совета, а некоторых арестовали.

246 Слухи эти были сильно преувеличены. По свидетельству очевидца событий 25–26 октября 1917 г. адъютанта Штаба Верховного главнокомандующего Я. М. Миллера, «со стоявшего на Неве крейсера «Аврора» раздалось несколько выстрелов, причем один снаряд попал в кабинет Керенского. Жертв никаких не было» (см. «Русское слово» от 18 ноября 1917 г.). О «штурме» Зимнего дворца и залпах с «Авроры» до сих пор ведутся дискуссии.

247 Ленин выступал на 2-м Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в ночь с 25 на 26 октября 1917 г.

248 Это были необоснованные слухи.

249 Речь идет о выступлениях Керенского на заседании Временного совета Российской республики (Предпарламента) 24 октября и Ленина на 2-м Всероссийском съезде Советов в ночь с 25 на 26 октября 1917 г.

250 Ежедневная газета, выходила в Москве с марта 1917 г. по апрель 1918 г., орган меньшевиков.

251 Действительно, 29 октября 1917 г. начались переговоры между органом восставших, Военно-революционным комитетом, избранным 25 октября, и образованным в тот же день Московской городской думой Комитетом общественной безопасности во главе с городским головой Рудневым. Официально перемирие было заключено с 12 часов ночи 29-го по 12 часов ночи 30-го. Но фактически военные действия продолжались и во время перемирия.

252 Основными защитниками правительства в Москве были юнкера, 28 октября 1917 г. занявшие Кремль. После продолжавшихся несколько дней боев с применением (большевиками) артиллерии 3 ноября производилась сдача оружия и вывод из Кремля и Александровского училища сил, сражавшихся на стороне Комитета общественного спасения.

253 Речь идет о неудачном выступлении Керенского и генерала Краснова из Гатчины на Петроград 26–31 октября 1917 г. По условиям перемирия, выработанного 31 октября, Керенского должны были выдать революционным войскам. Однако ему удалось скрыться, что обнаружили только днем 1 ноября.

254 Эти слухи оказались ложными. Минск и Ревель (соврем. Таллин) были взяты немцами только в феврале 1918 г.

255 Поместный собор Русской Православной церкви, открывшийся 15 августа 1917 г., восстановил на Руси патриаршество. Кандидатами на пост патриарха Собор избрал архиепископов Антония Харьковского и Арсения Новгородского и митрополита Московского

Тихона. Из трех кандидатов жребий пал на митрополита Московского Тихона. Жребий вынимал во время торжественного богослужения 5 ноября в храме Христа Спасителя старец-затворник Зосимовой пустыни, член Собора иеросхимонах Алексий. Интронизация патриарха Тихона состоялась 21 ноября 1917 г. в Большом Успенском соборе Кремля.

256 Шведское название г. Турку в Финляндии. Название Або город носил и в период вхождения Финляндии в состав Российской империи (с 1809 по 1917 г.).

257 Этот слух также был ложным. В Финляндию немецкие войска вступили в феврале 1918 г.

258 Имеется в виду великий князь Михаил Александрович, брат Николая II, отрекшийся от престола 3 марта 1917 г.

259 В своих работах («Прогресс и бедность», 1879 г., русский перевод 1896 г., и др.) Г. Джордж пропагандировал идею введения прогрессивного налога на землю как средства для достижения национализации земли буржуазным государством.

1919 год

1 Санаторий, в котором отдыхал Богословский, находился в бывшей усадьбе Гребнево, расположенной на северо-востоке от Москвы, в 8 км от станции Щелково Ярославской железной дороги. История Гребнева прослеживается с 1402 г., первое упоминание о Четрековском (древнее название села Гребнево) встречается в завещании Владимира Андреевича Храброго сыну Андрею. Среди владельцев Гребнева были бояре Василий Федорович Воронцов (именно при нем село переименовано в Гребнево, по имени чудотворной иконы Гребневской Божией Матери) и Богдан Яковлевич Вельский, один из руководителей 1-го и 2-го Земских ополчений и временного земского правительства периода Смуты, претендент на русский престол в 1613 г., князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, княгиня А. Д. Трубецкая (в первом браке Хераскова) – мать известного поэта М. М. Хераскова. С 1781 г. владельцем усадьбы стал генерал-майор Г. И. Бибиков, а вскоре после войны 1812 г. Гребнево перешло к Голицыным. Усадебный ансамбль в стиле раннего классицизма, сохранявшийся с некоторыми переделками XIX в. до последнего времени, был в основном построен Г. И. Бибиковым. В XIX – начале XX вв. владельцами Гребнева после Голицыных были промышленники Пантелеевы, купцы и фабриканты Кондрашевы и фабриканты Федотовы. В 1913 г. усадьбу Гребнево купил троюродный брат писателя Александра Грина, врач Федор Александрович Гриневский, основавший еще в 1904 г. в Москве санаторий для больных внутренними и нервными болезнями. В Гребнево Ф. А. Гриневский устроил загородный филиал санатория и состоял в нем заведующим до 1920 г. В 1918 г. имение и санаторий были национализированы, и на его базе был создан противотуберкулезный санаторий им. Н. А. Семашко. В годы Великой Отечественной войны в Гребневе располагался санаторий для раненых солдат и офицеров, а в 1946 г. там был учрежден первый в СССР электровакуумный техникум. К настоящему времени архитектурный ансамбль усадьбы пришел в полный упадок, чему способствовали два сильных пожара 1991 и 2007 гг.

2 См.: Histoire de la litterature anglaise, 4 vols., Paris, 1863–1864; Полное издание на франц. – в 5 томах – вышло на франц. в 1872. Русск. пер.: *Тэн И.* Новейшая английская литература в современных ее представителях, СПБ., 1876, и *Тэн И.* История английской литературы, т. V– Современники, М., 1904.

3 См.: *Boissier, G.* La religion romaine d'Auguste aux Antonins. 2 vols. Paris, 1874. Рус. пер.: *Буасье Г.* Римская религия от времен Августа до Антонинов. М., 1914.

4 Речь идет об учреждении Института истории при Факультете общественных наук (ФОН) 1-го МГУ. Открытие ФОН состоялось 12 мая 1919 г., а уже 21 мая на заседании исторического отделения ФОН профессора факультета предложили создать специальный институт с учебными и научными целями. В ноябре 1920 г. Совет исторического отделения ФОН утвердил устав Института истории, однако Наркомпрос не дал своего согласия на это. Институт истории в составе научной ассоциации при ФОН 1-го МГУ был образован только в 1921 г. По «Положению об историческом институте» в него вошли пять секций: 1) древней истории, 2) средневековой истории, 3) новой истории, 4) русской истории, 5) истории внеевропейских обществ и колониальной политики. Штат Института истории состоял из 15 действительных членов и 25 научных сотрудников. Действительными членами по русской истории Наркомпрос утвердил М. М. Богословского, А. А. Кизеветтера, В. И. Пичету и В. Н. Сторожева. Институт просуществовал в системе Московского университета до 1926 г., а затем получил всероссийский статус и стал именоваться Институт истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Д. Б. Рязанов принимал деятельное участие в организации института, с 1924 г. преподавал в нем и был самым горячим его защитником (что стало одним из пунктов обвинения при исключении его из партии в

1931 г.). Подробнее об этом см.: *Калистратова Т. И.* Институт истории ФОН МГУ – РАНИОН (1921–1929). Н. Новгород, 1992.

5 См. примеч. 2 (1919).

6 Имеется в виду сын Ю. В. и Н. Н. Готье Владимир, которому в 1919 г. было 8 лет.

7 Речь идет о Фридрихе Вильгельме Людвиге Дикгофе (1794–1839), пасторе в Нарве.

Именной указатель[59]

[59] Указатель отражает только текст дневников.

Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918), военный деятель, ген. от инфантерии (1914). В годы Первой мировой войны начальник штаба Юго-Западного фронта (1914–1915), с 17.03.1915 главнокомандующий армиями Северо-Западного (с 4.08.1915 – Западного) фронта, с 18.08.1915 начальник штаба Верховного главнокомандующего, после Февральской революции Верховный главнокомандующий (март-май 1917), военный советник Временного прав-ва, начальник штаба Верховного главнокомандующего (30.08—7.09.1917). Один из организаторов Добровольческой армии, член «триумвирата» Донского гражданского совета (с декабря 1917), верховный руководитель Добровольческой армии (с 18.08.1918). Умер 8.10.1918 в Екатеринодаре – *70, 252, 335, 357, 364, 402, 403, 418, 439*

Алексей Михайлович (1629–1676), русский царь с 1645 —*333*

Алексий (в миру Анемподий Яковлевич Дородницын) (1859–1919), епископ Сумский (с 1904), Елизаветградский (с 1905), архиепископ Владимирский и Суздальский (1914–1917), почетный член МДА (1912) – *133*

Алексинский Иван Павлович (1871–1945), хирург, доктор медицины. Работал хирургом в Греции в период греко-турецкой войны (1897), в 1900 – лазаретах Красного Креста в Благовещенске и Хабаровске (в связи с военными действиями русских войскв Китае). Приват-доцент (с 1900), профессор (1907–1911, 1917–1919) медицинского ф-та М. у., зав. амбулаторным отделением (1901–1903), руководитель (1917–1919) Госпитальной хирургической клиники М. у., зав. кафедрой хирургической патологии (1907–1911), главный врач лечебных учреждений Иверской Общины сестер милосердия (с декабря 1907), преподаватель МВЖК (с 1906), депутат I Государственной думы (от «Партии Народной свободы», затем кадет). Во время Первой мировой войны заведовал медицинской частью Красного Креста Юго-Западного фронта. В период Гражданской войны работал хирургом в военных госпиталях при Добровольческой армии. С 1920 в эмиграции (в Константинополе, затем в Париже) возглавлял Об-во русских врачей им. И. И. Мечникова, был вице-председателем совета Русско-французского госпиталя, умер в Касабланке (Марокко) – *435*

Алмазов Александр Иванович (1859–1920), историк, богослов, магистр богословия (1885), доктор церковного права (1896). Помощник инспектора (1885–1887), профессор (1896) Казанской ДА, профессор (1897), декан юридического ф-та (1901–1910), проректор (1910–1912) Новороссийского ун-та; профессор (1912), заслуженный профессор (1912) юридического ф-та М. у. (1912–1917); профессор МДА (с 1913); член особого присутствия при Синоде (с 1906) – *81, 90, 137, 157–160, 232, 233, 249, 253, 255, 314, 433*

Алферов Александр Данилович (1862–1919), педагог и общественный деятель. Председатель училищной комиссии Московской городской думы, преподаватель русского языка частной женской гимназии А. С. и А. Д. Алферовых, Народного ун-та им. А. Л. Шанявского, один из основателей Всероссийского союза городов и член его ЦК, член партии кадетов, после Февральской революции член К-та общественных организаций. Арестован в конце августа 1919 по делу антисоветской организации «Национальный центр», в сентябре расстрелян – *241*

Алферова Ольга Александровна (1875—?), библиотекарь МВЖК, во 2-й пол. 1920-х—1930-е зав. педагогическим отделом Фундаментальной б-ки 2-го МГУ – *83, 87*

Аммон Николай Иванович (ок. 1870–1920), историк, издатель, член ОИДР (с 1891 – член-соревнователь, с 1904 – действ, член) – *299, 355*

Анатолий (в миру Андрей Григорьевич Грисюк) (1880–1938), церковный деятель, историк церкви, магистр богословия (1911). И. д. доцента (1905–1911), профессор Киевской ДА (1912). Архимандрит (1911), инспектор и профессор МДА (1912–1913). Профессор и ректор Казанской ДА (1913–1921), викарный епископ Чистопольский (с 1913), управляющий Казанской епархией (с 1918). Епископ Самарский и Ставропольский (1922–1923, с 1923 – архиепископ), постоянный член Временного Синода (с 1928), архиепископ Одесский

(1928–1932), митрополит (1932), временно управляющий Харьковской епархией (1934–1935). Неоднократно подвергался арестам и высылкам, последний раз арестован в 1936, умер в лагерной больнице. В 1997 причислен клику местночтимых священномучеников – *61*

Андреев Константин Алексеевич (1848–1921), математик, доктор чистой математики (1879), член-корр. Петербургской АН (1884). Один из основателей (1879), председатель (1883–1898) Харьковского математического об-ва; профессор (1895), заслуженный профессор (1898), декан (1905–1911) физико-математического ф-та М. у., член университетского профессорского дисциплинарного суда (1902–1921) *—308, 324*

Андреев Федор Константинович (1887–1929), кандидат богословия, доцент МДА (1913–1919). С 1919 в Петрограде: преподаватель Михайловского уч-ща (1919–1921), Богословского ин-та и Высших богословских курсов. Рукоположен во священника в 1922, с 1927 протоиерей. Служил в Казанском соборе до 1923, в Сергиевском соборе – до 1927, затем в храме Спаса на Крови. В 1927–1928 находился под арестом. Скончался от скоротечной чахотки *—165, 167, 170*

Андрей Юрьевич Боголюбский (ок. 1111–1174), князь владимиро-суздальский (с 1157) *—298 Андрияшев Александр Михайлович* (1863–1933), историк, государственный деятель, член Совета Главного упр-ния по делам печати. С 1920 – сотрудник Комиссии порайонного исследования Украины – *292*

Аносов Алексей Александрович (1891—?), студент историко-фило-логического ф-та М. у. – *306*

Анучин Дмитрий Николаевич (1843–1923), географ, антрополог, этнограф, археолог, магистр зоологии (1880), почетный доктор географии honoris causa (1889), академик (1896), почетный член (1898) Петербургской АН. Приват-доцент (с 1881), профессор (с 1884), зав. кафедрой физики и физической географии (1887), первый зав. кафедрой географии (1895–1923), основатель и зав. кафедрой антропологии (1919–1923), заслуженный профессор (1906), декан физико-математического ф-та (1911–1912), почетный член (1916) М. у. Директор ин-та географии при МГУ (с 1922), основатель Антропологического (1879), основатель (1892) и зав. Географическим (1908–1923) музеями М. у. Действ, член (1874), секретарь (1875), вице-президент, основатель Географического отделения (1890), президент ОЛЕАЭ (1890–1923). Действ, член (1875), товарищ секретаря (1884–1885), секретарь (1885), товарищ председателя (с 1888) МАО. Председатель географического отделения Коммунального музея Москвы, председатель Центрального бюро краеведения – *79, 214, 310*

Анцыферов (Анциферов) Сергей Иванович (1858–1918), преподаватель истории в 5-й московской мужской гимназии (1881–1893), инспектор народных уч-щ Московской губ. (1893–1901), инспектор уч-щ г. Москвы и преподаватель в Московском учительском ин-те (с 1898). Окружной инспектор С.-Петербургского учебного округа (1905–1906). Зав. разрядом низших учебных заведений (1906–1908), директор департамента (1908–1910) Мин-ва нар. проев., товарищ министра народного просвещения (1917) *—223*

Апраксин Степан Федорович (1702–1758), военачальник, ген, фельдмаршал (1756), вице-президент Военной коллегии, с 1756 главнокомандующий русской армией в Семилетней войне *—276*

Апфельбаум (Зиновьев Григорий Евсеевич, настоящие фамилия и имя Радомысльский Евсей – Гершен Аронович) (1883–1936), советский государственный и политический деятель, публицист. Член РСДРП (с 1901), член ЦК в 1912–1927 (кандидат с 1907, в ноябре 1917 выходил из состава ЦК), член Политбюро ЦК в октябре 1917 и в 1921–1926, председатель Петроградского (Ленинградского) совета рабочих и солдатских депутатов (1917–1926), председатель Исполкома Коминтерна (1919–1926). С 1928 ректор Казанского ун-та. С 1931 член коллегии Наркомпроса РСФСР. В 1932–1933 в ссылке в Кустанае, затем член правления Центросоюза и редколлегии журнала «Большевик». Член ВЦИК и ЦИК СССР. Как оппози-

ционер трижды (1927, 1932, 1934) исключался из партии. В декабре 1934 арестован, приговорен к 10 годам тюремного заключения, 24.08.1936 приговорен к расстрелу, 25.08.1936 расстрелян. Реабилитирован в 1988 – *380*

Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834), граф (1799), ген. от артиллерии (1807), государственный деятель, ближайший советник императора Александра I. Инспектор гатчинской артиллерии (1794), гатчинский губернатор (1796), инспектор всей артиллерии (1799, с 1803). В 1799–1803 в отставке. Министр военно-сухопутных сил (1808–1810), ген. – инспектор всей пехоты и артиллерии (1808–1819), председатель военного департамента Государственного совета (1810–1812, 1816–1826), член К-та министров и сенатор (с 1810), главный начальник военных поселений (с 1819), главный начальник Отдельного корпуса военных поселений (1821–1826) – *154*

Аралов Григорий Григорьевич, владелец магазина писчебумажных товаров в Москве на углу Тверской ул. и Леонтьевского пер. – *102, 105, 193, 361*

Ардашев Николай Николаевич (1862–1923), историк. Сотрудник МАМЮ (с 1887), секретарь Тургайского статистического к-та и советник Оренбургского губернского правления, с 1902 вернулся в МАМЮ, архивариус, затем начальник отделения, профессор, член Совета Московского археологического ин-та (с 1907), редактор издания «Акты Московского государства» —*244* *Аркадий (Вознесенский),* священник. Сосед Богословских по даче в Шашково, месте отдыха Богословских – *375, 376, 385, 407–410, 417*

Арсений (в миру Авксентий Георгиевич Стадницкий) (1862–1936), магистр (1895), доктор (1904) богословия, в 1895 пострижен в монашество. Инспектор (1897–1898), ректор (1898–1903) МДА, епископ (с 1907 – архиепископ) Псковский и Порховский (1903–1910), Новгородский и Старорусский (1910–1932, с 1917 в сане митрополита), митрополит Ташкентский (1933–1936). Член Государственного совета (с 1907). Один из трех кандидатов на патриарший престол. В 1918–1933 подвергался арестам и ссылкам. Репрессирован – *431*

Арсеньев Иоанн Васильевич (1862–1936), протоиерей, магистр богословия (1898), доктор церковной истории (1914). Рукоположен во священника в 1891, протоиерей (1892). Преподаватель Вифанской семинарии (1889–1891), преподаватель МДА (1891), законоучитель московских Учительского (1892–1894) и Екатерининского (1894) ин-тов, настоятель Храма Христа Спасителя (с 1918). В 1922 арестован по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей, осужден сначала на 5 лет, но по амнистии срок был понижен до 2 лет. В 1923 вновь арестован, в 1924 выслан в Тверь и лишен избирательных прав. Последние годы жизни провел, видимо, в Москве – *159*

Арцыбашев Михаил Петрович (1878–1927), прозаик, драматург, публицист. С 1923 в эмиграции, редактор (совместно с Д. Философовым) газеты «За свободу» (Варшава) —*327*

Асквит Герберт Генри, лорд Оксфорд и Асквит (1852–1928), английский государственный деятель, один из лидеров Либеральной партии, премьер-министр Великобритании (1908–1916) – *94, 273*

Аскенази Шимон (Симон) (1866–1935), польский историк, ведущий представитель львовской исторической школы, член Краковской АН (1910). Профессор Львовского ун-та (1902–1914), представитель Польши в Лиге наций (1920–1923), профессор Варшавского ун-та (1927–1935) – *113*

Баженов Василий Иванович (1737–1799), архитектор, один из основоположников классицизма в России —*107*

Базилевский Петр Александрович (1855–1920), крупный землевладелец, общественный деятель. Начинал службу в лейб-гвардии Гусарском полку (1878–1888), вышел в отставку в чине ротмистра. Сверхштатный чиновник по особым поручениям при московском ген. – губернаторе великом князе Сергее Александровиче (1902–1905), директор Московского филармонического об-ва (1903–1905), предводитель дворянства Московского

уезда (1905–1914), Московской губ. (1915–1917), почётный опекун и член правления нескольких московских благотворительных учреждений – *118, 455*

Байер Готлиб Зигфрид (в нем. литературе Теофиль Зигфрид) (1694–1738), ориенталист и филолог, магистр философии (1717), первый академик-историк, профессор по кафедре греческих и римских древностей Петербургской АН (с 1725) —*148*

Бакланова Наталья Аполлинариевна (1891–1977), историк. Слушательница историко-философского ф-та МВЖК (1911–1918). Сотрудница Информационного бюро Совета Всероссийских кооперативных съездов, помощник хранителя ГИМ, научный сотрудник Ин-та истории ФОН МГУ – РАНИОН, секретарь комиссии по истории быта Московского отделения ГАИМК. Арестована 3.02.1930 по «академическому делу» осуждена на 3 года лагерей, позже сотрудница ИМЛИ (со 2-й пол. 1930-х) —*182*

Баллод Франц Владимирович (Франц Александр Вольдемар) (1882–1947), египтолог, археолог, историк искусства, магистр теории и истории искусств Мюнхенского ун-та (1913), доктор исторических наук (1926). Приват-доцент историко-филологического ф-та М.у. (1915–1917), приват-доцент (1912–1918), профессор (1918–1924) Московского археологического ин-та, редактор журнала «Древний мир», профессор Саратовского ун-та (в нач. 1920-х). Действ, член НИИ археологии и искусствознания РАНИОН (1923–1924). В 1924–1940 в эмиграции в Риге, профессор, декан философско-филологического ф-та (1929–1931, 1933–1937), проректор (1931–1933) Латвийского ун-та, зав. кафедрой археологии Кенигсбергского ун-та, вице-директор Ин-та истории Латвии (с 1936). С 1940 в эмиграции в Швеции, профессор Стокгольмского ун-та – *275 Боратов*, студент МДА, архитектор, вице-директор одного из провинциальных банков —*179, 186, 443 Баркова Зинаида Андреевна* (1886—?), историк, педагог, выпускница (1911) Женского педагогического ин-та в Петрограде, ученица С.Ф. Платонова. Преподаватель истории в Константиновской гимназии при Женском педагогическом ин-те и Александровской гимназии ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны —*188, 189, 191*

Барсков Яков Лазаревич (1863–1937), историк, архивист, редактор журналов «Искусство и наука» и «Детский отдых». С 1888 преподаватель истории в московских гимназиях и на вечерних и воскресных курсах для рабочих, с 1902 в Петербурге: преподаватель Женского педагогического ин-та, Николаевского Кадетского корпуса, ВЖК, член испытательных комиссий при Петербургском ун-те и Николаевской академиии Генерального штаба. Делопроизводитель Государственного и С.-Петербургского Главного архива МИД (1912–1917), член Комиссии по изданию русских классиков при Петербургской АН, член Ученого совета Мин-ва нар. проев, и Петербургской АК (с 1916). Член совета Союза архивных деятелей (с 1917), после Октябрьской революции зав. отделом в 3-м отделении Государственного архивного фонда, преподаватель Инженерного военного техникума РККА, в 1922–1925 зав. музейным подотделом Петроградского ун-та (ЛГУ), действ, член Государственного ин-та научной педагогики —*194, 195*

Барсов Елпидифор Васильевич (1836–1917), историк литературы, фольклорист, археограф, собиратель древних актов и рукописей. Преподаватель Петрозаводской духовной семинарии (1861–1870), сотрудник Румянцевского (с 1870) и Дашковского этнографического (1883–1890) музеев, секретарь ОИДР – *347, 360*

Барсуков Николай Платонович (1838–1906), историк, археограф, библиограф, издатель. Помощник начальника б-ки и архива Синода (1868–1883), начальник Архива Мин-ва нар. проев. (1883–1906), служащий (с 1863), член (с 1870) Петербургской АК —*101*

Бартенев Владимир Сергеевич (1891—?), выпускник историко-филологического ф-та М. у., в 1915 призван на военную службу, учился в Петроградском артиллерийском уч-ще, прапорщик. В 1916 оставлен при М. у. для приготовления к профессорскому званию. В 1920

арестован с обвинением: «по политическим мотивам», приговор неизвестен. Реабилитирован в 2004. Сын С. П. Бартенева —*119, 175, 187, 200, 266, 436*

Бартенев Сергей Петрович (1863–1930), историк, переводчик, пианист, профессор музыки, чиновник по особым поручениям Московского Дворцового упр-ния, после Октябрьской революции служащий в советских учреждениях. Сын Петра Ивановича Бартенева, историка, литературоведа, издателя журнала «Русский архив» *– 177, 242, 287*

Басистов Алексей Павлович (1867 – после 1930), директор Французского реального уч-ща св. Филиппа Нерийского (с 1908), после Октябрьской революции сотрудник отдела статистики народного здравия ЦСУ, товарищ М. М. Богословского с гимназических лет – 74, *83, 101, 112, 125–127, 141, 175, 176, 228, 258, 289, 294, 301, 304, 305, 311, 313, 316, 318, 321, 333, 336, 337, 339, 352, 414, 416, 422, 423, 444*

Басов Василий Петрович (1842–1887), педагог, писатель. Учитель древних языков, а затем инспектор 1-й московской классической гимназии (1863–1870), преподаватель латинского языка в М. у. (1868–1870), директор смоленской классической гимназии (1870–1876), директор 5-й московской мужской гимназии (1876–1887) *—99*

Бахрушин Алексей Александрович (1865–1929), предприниматель, историк театра, коллекционер, меценат, почетный член ГАХН (1928). Основатель (1894) частного литературно-театрального музея (в настоящее время Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина). В 1913 передал его Петербургской АН (с условием оставить в Москве), стал его пожизненным директором и почетным попечителем. Член совета Русского театрального об-ва, гласный Московской городской думы, зав. Введенским народным домом (1906–1917), зав. всеми народными домами Москвы (с 1915). Председатель музейно-архивной секции при Театральном отделе Наркомпроса, там же сотрудник Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины (1918–1921). В 1921–1927 возглавлял подсекцию истории театра в ГАХН – *86, 235*

Бахрушин Сергей Владимирович (1882–1950), историк, источниковед, общественный деятель, член-корр. АН СССР (1939), доктор исторических наук honoris causa (1943), академик АПН РСФСР (1945), заслуженный деятель науки Узбекской ССР (1943). Гласный Московской городской думы, Московского губернского собрания (1908–1918), член Московского к-та партии кадетов. Член (с 1914), председатель (1917) Союза городов. Приват-доцент (с 1909), профессор (1918–1930, 1933–1950) историко-филологического ф-та, ФОН, исторического ф-та М.у. (МГУ). Действ, член Ин-та истории ФОН МГУ – РАНИОН (1923–1929). Зав. отделом оружия и Северо-Восточной Руси ГИМ (1921–1929). В 1920-е один из руководителей краеведческого движения, сотрудник б-ки Румянцевского музея (ГБЛ). В 1930 арестован по «академическому делу», до 1933 в ссылке в Семипалатинске, преподавал там в Педагогическом и Геологическом ин-тах. Научный сотрудник (с 1936), зав. сектором истории до XIX в. (1940–1950) Ин-та истории АН СССР. Действ, член кафедры истории СССР Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) (1946). Реабилитирован посмертно (1967) – *86, 155, 233, 249, 270, 271, 298, 309, 350, 436, 452*

Беккер Мария Егоровна, помощница инспектрисы МВЖК – *83*

Белокуров Сергей Алексеевич (1862–1918), историк, архивист, археограф, библиограф, магистр богословия (1891), доктор церковной истории honoris causa (1904), член-корр. Петербургской АН (1903). Младший (с 1886), старший (с 1899) делопроизводитель МГАМИД. Сотрудник и казначей (с 1890), секретарь (с 1917), редактор Чтений (с 1891) ОИДР. После Октябрьской революции управляющий III Московским отделением ЕГАФ и заместитель заведующего Московским областным упр-нием архивным делом– *85, 96, 107, 112, 132, 191, 261, 299, 303, 339, 347, 429, 455*

Белый Андрей (наст, фамилия и имя Бугаев Борис Николаевич) (1880–1934), писатель, поэт, теоретик символизма, критик—*282*

Беляев Петр Иванович (?—1919), юрист, историк права, член Московского окружного суда – *90, 103, 118, 120*

Бенешевич Владимир Николаевич (1874–1938), историк права, источниковед, археограф, издатель, магистр (1906), доктор (1914) церковного права, член-корр. АН СССР (1924, исключен в 1938, восстановлен в 1958), Страсбургской (1914), Баварской в Мюнхене (1927) и Прусской в Берлине (1929) АН. Преподаватель церковного права в Александровском лицее (1903–1904). Приват-доцент (1905–1911), профессор (1911–1922) кафедры церковного права юридического ф-та и кафедры средних веков исторического ф-та (1934–1937) Петербургского ун-та (ЛГУ). Профессор Петербургской ДА (1906–1909), профессор Военно-юридической академии (1909–1912), Петербургских ВЖК (1909–1916). С 1918 – профессор Богословского ин-та, сотрудник ГПБ (1925–1937), ученый секретарь русско-византийской словарной комиссии АН СССР. В 1922, 1924, 1928 подвергался арестам, в 1929 сослан в Кемь, где арестован по «академическому делу» как один из главных обвиняемых, доставлен в Ленинград (1930), осужден на 5 лет, отбывал наказание в Ухтпечлагере, освобожден в 1933. Вновь арестован в 1937, в январе 1938 расстрелян (в 1958 реабилитирован) —*275*

Бергенгрюн (Bergengriin) Александер Карл (1859–1927), историк, автор книги о Великом посольстве в Лифляндии в 1697 *– 237, 266*

Бережков Николай Георгиевич (1886–1956), историк, архивист, доктор исторических наук (1946). Сотрудник МАМЮ (1910–1919), ассистент Московского археологического ин-та (1918–1919), в 1920-е преподаватель ряда высших учебных заведений Москвы, Н. Новгорода и Рязани, сотрудник Музея революции СССР (1924–1934), сотрудник Ин-та истории АН СССР (1936–1951) – *134*

Бернацкий Михаил Владимирович (1876–1943), экономист, финансист, педагог, публицист, политический и государственный деятель, доктор политической экономии и статистики. Преподаватель (с 1904), профессор Петербургских Политехнического и Технологического ин-тов, Тенишевского уч-ща, гласный Петроградской городской думы, управляющий Мин-вом финансов (с июля 1917), министр финансов (25.09–25.10.1917). 25.10.1917 арестован, но вскоре освобожден. С мая 1918 входил в нелегальную антисоветскую организацию «Национальный центр», затем министр финансов в прав-вах А. И. Деникина и П. Н. Врангеля. С 1920 в эмиграции, профессор русского отделения юридического ф-та Парижского ун-та, Русского коммерческого ин-та, Русского высшего технологического ин-та. Один из организаторов и член правления Русской академической группы в Париже (с 1943 председатель), руководитель Финансового к-та в Париже, основанного Земгором и Совещанием бывших послов – *394*

Бессер (Besser) Иоганн (1654–1729), церемониймейстер и тайный советник при дворе курфюрста Бранденбургского Фридриха III– *289*

Бетховен Людвиг ван (1770–1827), немецкий композитор, пианист и дирижер – *90*

Боборыкин Петр Дмитриевич (1836–1921), прозаик, драматург, литературный и театральный критик, почетный академик Петербургской АН (1900). В 1865 уехал в Париж, в Россию приезжал на короткое время – *97, 110*

Бобринский Алексей Александрович (1852–1927), граф, общественный и политический деятель, археолог, иностранный член-корр. Шведской королевской академии литературы, истории и древностей. Петербургский уездный (1875–1878) и губернский (1876–1899) предводитель дворянства (до 1878 и.); председатель Совета объединенного дворянства (1906–1912). Действ

и почетный (1894) член, управляющий Русским отделением (1885–1894) Русского археологического об-ва, председатель Археологической комиссии (1886–1918), вице-президент АХ (1889–1890). Депутат III Государственной думы, товарищ министра внутренних дел (март-июль 1916), министр земледелия (июль-ноябрь 1916), член Государственного совета

Браун Евгений Густавович (1866–1918), филолог, литературовед, переводчик. Преподаватель древних и немецкого языков в 7-й московской мужской гимназии, преподаватель итальянского языка на историко-филологическом ф-те М. у. – *82, 88*

Бриан Аристид (1862–1932), французский государственный деятель и дипломат. Министр просвещения (1906–1908), министр культов (1906–1911), министр юстиции (1908–1909, 1912–1913, 1914–1915), министр внутренних дел (1909–1911); премьер-министр Франции в 11 кабинетах (1909–1911, 1913, 1915–1917,1921—1922,1927–1929); министр иностранных дел в 17 кабинетах (1915–1917,1921—1922,1925–1931) *—94*

Бринкман Карл, приват-доцент Фрейбургского ун-та – *318*

Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926), военный деятель, ген. от кавалерии (1912), ген. – адъютант (1915). В годы Первой мировой войны – командующий 8-й армией (июль 1914 – март 1916), главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта (март 1916 – май 1917), Верховный главнокомандующий (22.05–18.07.1917), затем военный советник Временного прав-ва. С мая 1920 служил в Красной армии, председатель Особого совещания при главнокомандующем всеми Вооруженными Силами республики, член Военно-законодательного совещания при Реввоенсовете республики (1920), главный военный инспектор коннозаводства и коневодства (1922), инспектор кавалерии РККА (1923–1924) – *204–206, 217, 335, 353, 389, 392, 402, 440, 441, 445*

Буасье (Boissier) Гастон (1823–1908), французский историк античности, член Французской академии (1876) и Академии надписей и изящной словесности (1886), член-корр. Петербургской АН (1894) *—459–463*

Бубнов Николай Михайлович (1858–1943), историк, доктор всеобщей истории (1891, минуя магистерскую степень). Преподаватель ВЖК в Петербурге (1890–1891), профессор (с 1891), декан (с 1905) историко-филологического ф-та ун-та Св. Владимира в Киеве, профессор ВЖК и Коммерческого ин-та в Киеве (с 1906). Гласный Киевской городской думы (1894–1902), зав. городской публичной б-кой. Профессор Саратовского (с 1916) и Таврического в Симферополе (1918–1920) ун-тов. С 1920 в эмиграции, профессор ун-та в Любляне (Словения) – *383*

Бугров Николай Александрович (1837–1911), предприниматель и благотворитель, видный деятель старообрядцев беглопоповского согласия, гласный городской думы Нижнего Новгорода (1879–1911)—360

Бузескул Владислав Петрович (1858–1931), историк, источниковед, историограф, магистр (1889), доктор (1895) всеобщей истории, член-корр. Петербургской АН (1910), академик РАН (1922), академик АН УССР (1925). Преподаватель в частных гимназиях в Харькове (1880–1896). Приват-доцент (1885–1890), профессор (1890–1921), заслуженный профессор, декан (1901–1905) историко-филологического ф-та Харьковского ун-та. После Октябрьской революции зав. кафедрой всеобщей истории, затем кафедрой европейской культуры Харьковского ин-та народного образования (1921–1924), председатель научного об-ва при нем, с 1926 почетный председатель историко-этнологического отдела Всеукраинской научной ассоциации востоковедения*—259*

Булатович Александр Ксаверьевич (1870–1919), путешественник, географ, этнограф, религиозный публицист. С 1891 на военной службе, вольноопределяющийся лейб-гвардии Гусарского полка, с 1892 корнет, в 1893–1894 в фехтовальной команде при лейб-гвардии Конно-гренадерском полку, в 1894–1895 помощник начальника, затем начальник полковой учебной команды. В 1896 по личной просьбе включен в санитарный отряд Российского об-ва Красного Креста, направленный в Эфиопию во время итало-эфиопской войны 1895–1896. В Эфиопии посетил Каффу, исследовал гидрографическую сеть юго-западной части Эфиопского нагорья (1896). В 1897 включен в состав первой российской дипломатической миссии в Эфиопии для установления официальных дипломатических отношений. В 1897–1899

при содействии эфиопского негуса Менелика II совершил экспедиции по неисследованным р-нам страны. В 1901 возвратился в свой полк, ротмистр (1902), с 1903 в запасе, с 1906 в отставке. Под влиянием Иоанна Кронштадтского в 1907 уехал на Афон, где принял схиму с именем Антоний, с 1910 иеромонах. На Афоне был вовлечен в спор по вопросу о божественности имени Иисус, стоял во главе «имяславцев». В 1913 вынужден был покинуть Афон, указом Синода назначен на жительство в Покровский мон-рь в Москве. В годы Первой мировой войны священник в 16-м передовом отряде Красного Креста, с 1918 в Покровском м-ре без права священнослужений. Вскоре уехал к своей матери в с. Луциковка, где был убит грабителями – *259*

Буткевич Маргарита Николаевна, зубной врач – *93, 118*

Быковская Э. К., слушательница историко-философского ф-та МВЖК – *80*

Бьюкенен Джордж (1854–1924), английский политический деятель и дипломат, посол Англии в России (1910–1918) – *185, 197, 262, 265, 346*

ВагинаМ. М., знакомая Богословских – *237*

Вагнер Конрад Эдуардович (1862 – после 1930), терапевт, доктор медицины (1888). Профессор ун-та Св. Владимира в Киеве (1897–1913). Профессор (1913–1917), заслуженный профессор (1916) медицинского ф-та М. у, директор терапевтической факультетской клиники Московского женского медицинского ин-та П. Г. Статкевича и А. Б. Изачика. После Октябрьской революции профессор терапевтической клиники Таврического ун-та в Симферополе, с 1920 в эмиграции (в Каире). Директор поликлиники русских врачей (1920–1922), член правления (1922–1927), вице-председатель (1928–1930) Королевского медицинского об-ва – *292, 313*

Вальденберг Владимир Евграфович (1871–1940), историк философии и права, византинист, литературовед, переводчик, магистр государственного права (1900). Приват-доцент (1900–1902, 1904–1907, 1918–1919), профессор (1919–1921), зав. архивом (1918–1924), зав. б-кой юридического ф-та Петербургского ун-та. Преподаватель политэкономии, затем директор частных курсов коммерческих знаний (с 1895), преподаватель законоведения (с 1897) и политэкономии (с 1898) Петровского коммерческого уч-ща, Уч-ща правоведения (1906–1909). Преподаватель кафедры законоведения и политэкономии (1901–1917), зав. учебной частью (1905–1913), член Ученого к-та (1905–1917), зав. профессиональными курсами в Ксениинском ин-те. Научный сотрудник Правового НИИ (1921–1923), ученый секретарь (1924–1925), старший библиотекарь (с 1925), зав. отделением периодических изданий II иностранного отделения (до 1928), сотрудник (с 1935) БАН, организатор Византийского кабинета. Член Русско-византийской историко-словарной комиссии АН СССР, в 1930-е преподаватель рабфака Технологического ин-та, сотрудник Геологического к-та, сотрудник архива Ин-та литературы АН СССР (1937–1939) *—442, 445*

Варжанский Николай Георгиевич (1881–1918), церковный деятель. Преподаватель словесности в Московской духовной семинарии (с 1907), помощник противосектантского миссионера Московской епархии (1908–1911), московский епархиальный миссионер-проповедник (с 1911), делопроизводитель Отделов о внешней и внутренней миссии и о церковной дисциплине Всероссийского поместного собора РПЦ (1917–1918). Арестован 2 июня 1918, 5 сентября 1918 расстрелян. Причислен клику новомучеников и исповедников Российских (2000) —363 *Варнава* (в миру Василий Александрович Накропин) (1859–1924), епископ Каргопольский (1911–1913), Тобольский (1913–1916), архиепископ Тобольский и Сибирский (1916–1917), в сан архиепископа возведен по настоянию Г. Е. Распутина. После Февральской революции перемещен управляющим на правах настоятеля Высокогорским Воскресенским м-рем в Нижегородской епархии. В 1918 подвергался аресту. С июня 1919 настоятель Калязинского Троицкого м-ря. В 1920 назначен архиепископом Архангельским, но к месту назначения не поехал. Скончался в Москве – *84, 107 Варфоломей* (в миру Николай Федорович

Ремов) (1888–1935), магистр богословия (1913). Доцент (1912), профессор (1916) МДА, благочинный академического Покровского храма (с 1913), его настоятель в сане архимандрита (с 1919), епископ (с 1921), архиепископ (1934) Сергиевский, викарий Московской епархии. Настоятель Высокопетровского м-ря в Москве (1923–1929), организатор богословских курсов (при монастыре), затем настоятель ряда московских церквей. В 1919 (за свои выступления в защиту мощей Сергия Радонежского), а также 1921, 1928 и 1935 подвергался арестам. Расстрелян —*133*

Васенко Платон Григорьевич (1874–1934, по другим сведениям 1941), историк, археограф, магистр русской истории (1904). Преподаватель истории на Педагогических курсах Мариинской женской гимназии в Петербурге (1898–1903). И. д. экстраординарного профессора Уч-ща правоведения (с 1913), Петербургского женского педагогического ин-та (1910–1922), член АК (с 1906). После Октябрьской революции профессор Петроградского 1-го педагогического ин-та (1918–1920), сотрудник экономической секции Петроградского отделения Центрархива (до мая 1923), сотрудник БАН (до декабря 1929). В 1930 арестован по «академическому делу», в 1931 выслан на Урал, позже на Соловках. Освобожден в 1933, жил во Владимире —*199, 308, 309*

Василенко, знакомый М. М. Богословского – *303*

Васильев Александр Александрович (1867–1953), историк-византинист, арабист, магистр (1898), доктор (1902) всеобщей истории, член-корр. РАН (1923, исключен в 1935, восстановлен в 1990). Профессор Юрьевского (Дерптского) ун-та (1904–1912). Профессор ВЖК в Петербурге (1913–1916) и декан славяно-исторического ф-та Петербургского женского педагогического ин-та (1912–1922), приват-доцент (1901–1904, 1912–1917), профессор (1917–1925) кафедры всеобщей истории Петроградского ун-та (ЛГУ). Профессор и действ, член (1919), зав. разрядом археологии и искусства раннехристианского и византийского Археологического отделения, председатель (1920–1921) РАИМК. С 1924 в эмиграции в Германии и Франции, с 1925 в США, профессор Висконсинского ун-та (1925–1939), научный сотрудник Византийского исследовательского ин-та Гарвардского ун-та (с 1944), член Американской средневековой академии в Кембридже —*282*

Васильковский Олег Петрович (1879–1944), военный деятель, полковник (1915), ген. – майор (1917). Участник русско-японской войны 1904–1905, во время Первой мировой войны командир 19-го Донского казачьего полка (с августа 1915), командир бригады 7-й Донской казачьей дивизии (с мая 1917), командующий Петроградским военным округом (19.07–27.08.1917), затем в распоряжении военного министра, участник выступления ген. Л. Г. Корнилова, с 16.10.1917 в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа. С 1919 в эмиграции в Финляндии, затем в Эстонии. Председатель правления Союза русских инвалидов в Эстонии. 01.07.1940 после присоединения Эстонии к СССР арестован, в 1941 приговорен к расстрелу, замененному на 10 лет лагерей по причине психического расстройства. Погиб в заключении в Томске (по другим данным расстрелян в Ленинграде) – *401*

Введенский Алексей Иванович (1861–1913), богослов, историк философии, магистр (1891), доктор (1902) богословия. И. д. доцента (1887), доцент (1891), профессор (1896), заслуженный профессор (1912), член правления (1906–1913) МДА. Редактор журнала «Душеполезное чтение» (1902–1907) —*359*

Введенский Дмитрий Иванович (1873–1954), богослов, историк церкви, магистр (1901), доктор (1914) богословия. Преподаватель библейской и церковной истории (1899–1905) и еврейского языка (1905–1906) в Вифанской духовной семинарии, преподаватель словесности и истории русской литературы в Московской духовной семинарии (1906–1909). Доцент (1909), профессор (1909–1919), член правления (1916–1919) МДА. Преподаватель и зав. Ин-та народного образования в Сергиевом Посаде, преобразованного в городское уч-ще, затем в 5-ю среднюю школу (1919–1922). Подвергался репрессиям (1919, 1928). В 1928

выслан в Нижний Новгород. Научный сотрудник Горьковского Краевого НИИ промышленности (с 1933), зам. директора по учебной части Ветлужского педагогического техникума (1935) – *89, 253, 256, 314, 329, 359, 363, 364*

Вейде Адам Адамович (1667–1720), военный деятель, ген. – аншеф (1719), из семьи немецкого полковника, находившегося с 1661 на русской службе. Участник Азовских походов 1695–1696, Северной войны (1700–1721), один из создателей регулярной армии, составитель Воинского устава (1698) и один из составителей Устава воинского (1716), вице-президент Военной коллегии (1718), сенатор (1717) *—421*

Венгловский Ромуальд Иосифович (1876—?), врач, хирург, доктор медицины, профессор медицинского ф-та М. у. (с 1911), директор хирургической клиники в Московском женском медицинском ин-те П.Г. Статкевича и А.Б. Изачика – 324 Веневитинов Михаил Алексеевич (1844–1901), писатель, археолог, археограф, почетный член Петербургской АН (1897). Директор Московского Публичного и Румянцевского музеев (1896–1900)– *371*

Венизелос Элефтериос Кириакос (1864–1936), греческий государственный и политический деятель. Член Национального собрания Крита (с 1888), один из руководителей восстания (1897), в результате которого турецкие войска были выведены с острова. Основатель (1910) и лидер буржуазной Либеральной партии Греции, премьер-министр Греции (1910–1915, 1917–1920,1924,1928–1932,1933) *—82*

Вергилий Марон Публий (70–19 до н. э.), римский поэт – *87*

Веретенников Василий Иванович (1880–1942), историк, деятель архивного и музейного дела, магистр (1910), доктор (1916) русской истории. Сотрудник МГАМИД (1905–1908). Преподаватель ВЖК в Харькове (1908–1910), приват-доцент Харьковского (1910–1914), Московского (1914–1915), Петроградского (1915–1916) ун-тов. Профессор Саратовского ун-та (1917–1920), зав. губернским архивом Саратовской губ. Профессор Харьковского ун-та (1920–1930), зав. отделом архивоведения, ученый архивист отдела архивоведения Центрального архивного упр-ния УССР (1923–1933) *—112*

Верн Жюль Габриель (1828–1905), французский писатель – *134, 135, 149, 226, 235*

Вернадский Владимир Иванович (1863–1945), естествоиспытатель, геолог, минералог, основатель геохимии, биогеохимии, радиогеологии, историк науки, философ, общественный и политический деятель, один из создателей и член ЦК партии кадетов (1905–1917). Магистр минералогии и геогнозии (1891), доктор минералогии и кристаллографии (1897), адъюнкт (1906), экстраординарный (1908), ординарный (1912) академик Петербургской АН, лауреат Государственной премии СССР (1943). Приват-доцент (1891–1898), профессор (1898–1911, 1917) зав. кафедрой минералогии физико-математического ф-та М. у. Директор Геологического и Минералогического музеев АН (1914–1917,1921—1923). Член Государственного совета (1906,1908–1911,1915—1917). Отец Г. В. Вернадского – *97*

Вернадский Георгий Владимирович (1887–1973), историк, юрист, магистр русской истории (1917). Приват-доцентисторико-филологического ф-та Петербургского ун-та (1913–1917), преподаватель нескольких женских гимназий Петрограда, Психоневрологического ин-та. И. д. профессора Пермского ун-та (1917–1918), профессор Таврического ун-та в Симферополе (1918–1920). Начальник отдела печати при Гражданском упр-нии Крыма в прав-ве П.Н. Врангеля (1920). С 1920 в эмиграции, сотрудник б-ки Греческой археологической ассоциации (1920–1922), профессор Русского юридического ф-та Карлова ун-та в Праге (1922–1927). С 1927 в США, где до 1956 преподавал в Йельском, Гарвардском, Колумбийском и Чикагском ун-тах. Заслуженный профессор (1956) Йельского ун-та, почетный доктор гуманитарных наук Колумбийского ун-та (1959). Почетный президент Американской ассоциации содействия славянским исследованиям (1965). Сын В. И. Вернадского – *417*

Верховский Александр Иванович (1886–1938), военный деятель, историк, подполковник (1916), полковник (1917), ген. – майор (30.08.1917). Во время Первой мировой войны

Винавер Александр Маркович (1883–1947), юрист, преподаватель ун-та им. А. Л. Шанявского. Профессор, председатель временного Президиума (1919–1921), декан отделения юридико-политических наук ФОН МГУ (1919–1923), директор НИИ теории и истории права при ФОН МГУ (с 1921). В 1939 репрессирован – *272*

Виноградов Василий Петрович (1885–1968), магистр богословия (1914). Доцент (1910—30.12.1916, 27.05–20.08.1917), профессор (с 21.08.1917), проректор МДА, преподаватель Московской духовной семинарии (1917), преподаватель МВЖК, член (с 1918), председатель (1923–1924) Московского епархиального совета (1918–1922), сотрудник ГИМ. Сотрудник, ответственный редактор (с 1914) журнала «Христианин». В 1920—1930-е подвергался репрессиям, в течение 16 лет провел в общей сложности около 6 лет в концлагерях в Пермской обл., в Вишерских лагерях, на Дальнем Востоке. После освобождения настоятель ряда церквей Москвы и Калужской епархии. В 1942 эмигрировал в Латвию, был ректором Виленской семинарии (до 1944), затем переехал в Австрию и Германию —*138, 155, 157, 180, 188, 189, 255, 256, 327, 329, 354, 363*

Виноградов Николай Дмитриевич (1868—?), философ, психолог, педагог, магистр (1906), доктор (1912) философии. Приватдоцент, профессор (с мая 1917) историко-филологического ф-та М.у., заведующий и преподаватель Высших женских юридических и историко-филологических курсов В. А. Полторацкой, Педагогического ин-та им П. Г. Шелапутина, Городского народного ун-та им. А. Л. Шанявского – *366*

Виноградов Павел Гаврилович (1854–1925), историк-медиевист, магистр (1881), доктор (1887) всеобщей истории, член-корр. (1892), академик (1914) Петербургской АН, иностранный член Королевской Датской академии в Копенгагене (1909), член Британской Академии (1906), член-корр. Берлинской АН (1911). Преподаватель МВЖК (1876–1888), преподаватель (с 1878), доцент (1880–1883), профессор (1884–1901, в 1908–1911 – сверхштатный), почетный профессор (1916) историко-филологического ф-та М.у. В 1901 покинул Россию, с 1902 – профессор, с 1903 по приглашению Оксфордского ун-та занял кафедру сравнительного правоведения в Корпус Кристи Колледже, с 1907 директор Селдоновского об-ва, доктор Даремского, Кембриджского, Гарвардского, Ливерпульского ун-тов. В 1917 ему было пожаловано рыцарское звание, в 1918 принял британское подданство – 130, *148, 172–174, 185*

Виппер Борис Робертович (1888–1967), историк, искусствовед, магистр (1918), доктор искусствоведения (1943), член-корр. АХ СССР (1962), заслуженный деятель искусств РСФСР. Преподаватель (с 1915), профессор (с 1918) историко-филологического ф-та М.у., сотрудник Ин-та искусствознания и археологии при ФОН МГУ (1921–1924). С 1924 по 1941 в эмиграции в Риге, преподаватель Латвийского ун-та (1924–1941). В 1941 вернулся в Москву. Профессор Ташкентского ун-та (1942–1943). Профессор (1943–1954), зав. кафедрой общего искусствознания филологического, затем зав. кафедрой западноевропейского искусства исторического ф-та МГУ; зам. директора по научной части и председатель экспертного совета ГМИИ им. А. С. Пушкина (1944–1967). Сын Р. Ю. Виппера – *82*

Виппер Роберт Юрьевич (1859–1954), историк, доктор всеобщей истории (1894, минуя степень магистра), академик АН СССР (1943). Преподаватель женской гимназии (1880–1885) и Московского уч-ща живописи, ваяния и зодчества (1881–1891). Профессор Новороссийского ун-та (1894–1897). Приват-доцент (1891–1894,1897—1899), профессор (1899–1923,1941—1954) историко-филологического, затем исторического ф-та М. у. Директор Ин-та социологии при ФОН МГУ (1921–1924). С 1924 по 1941 в эмиграции в Латвии, профессор Латвийского ун-та в Риге (1924–1940). В 1941 вернулся в Москву, профессор МИФЛИ (с 1941), Среднеазиатского ун-та в Ташкенте (1941–1943), старший научный сотрудник Ин-та истории АН СССР (с 1943). Отец Б. Р. Виппера – *63, 88, 130, 151, 168, 169, 174, 187, 200, 242, 249, 250, 262, 270, 278, 313, 339, 340–342, 345, 347, 349, 355, 366*

Воробьев Виктор Александрович (1864–1951), фтизиатр, доктор медицины (1892), заслуженный деятель науки РСФСР (1935). Приват-доцент (1898–1901, с 1911), профессор (1902–1911) медицинского ф-та М. у., зав. госпитальной терапевтической клиникой (1910–1914), зав. туберкулезными санаториями в Крюкове и Захарьине (Подмосковье). Организатор и зав. первой в стране кафедрой туберкулеза медицинского ф-та 1-го МГУ (1921–1926). Директор (1921–1933), консультант (1933–1950) Государственного туберкулезного ин-та – *366*

Воронов Павел Николаевич (1851–1922), военный деятель, военный историк, ген. – лейтенант (1904), с 1908 в отставке. Службу начал в 1871 в лейб-гвардии Павловском полку. Сотрудник Военно-исторической комиссии Главного штаба (1879–1889), составитель ряда статей для «Энциклопедии военных и морских наук» Г. А. Леера, сотрудничал в «Военном Сборнике» и «Русском Инвалиде». Начальник штаба 1-й Гвардейской пехотной дивизии (1889–1895), командир 145-го пехотного Новочеркасского полка (1895–1898), с 1898 ген. – майор, состоял при штабе войск гвардии и Петербургского военного округа, с декабря 1905 зачислен в запас Генерального штаба. Временно и. о. ген, губернатора г. Ревеля и Ревельского уезда. Редактор-издатель журнала «Русская старина» (1907–1918). После Октябрьской революции преподаватель 1-й Петроградской пехотной школы и старший архивариус I отделения III секции ЕГАФ —*134, 136*

Воронцов Евгений Александрович (1867–1925), магистр богословия (1910), протоиерей (1917). Преподаватель (1900–1910), профессор (с 1910) МДА. Настоятель академической Введенской церкви в Сергиевом Посаде (1921–1923), преподаватель Московской богословской академии (1923–1924) – *113, 438*

Востоков Владимир Игнатьевич (1868–1957), протоиерей, настоятель ряда церквей Московской епархии, издатель журнала «Отклики на жизнь» (1911–1917). Участник Белого движения, позже в эмиграции в Сербии, затем в США, член Высшего Зарубежного церковного упр-ния – *206*

Всеволод III Юрьевич Большое Гнездо (1154–1212), князь киевский (1173), переяславский (1175–1176), великий князь владимирский (с 1176) —*298*

Всехсвятский Николай Дмитриевич (1865–1922), кандидат богословия (1899). Помощник секретаря (1889–1896), секретарь совета и правления МДА (1896–1919) – *71, 326*

Высоцкий Николай Гаврилович (1877—?), историк, архивист, экзекутор МАМЮ, член ОИДР —*299*

Вышеславцев Борис Петрович (1877–1954), философ, юрист, магистр философии (1914). Приват-доцент (с 1908), профессор (с 1917) юридического ф-та М.у. Преподаватель Народного ун-та им. А. Л. Шанявского, Московского коммерческого ин-та, Вольной Академии духовной культуры. В 1922 выслан из России, жил в Берлине, читал лекции в воссозданной Н. Бердяевым Религиозно-Философской академии, в 1924 переехал в Париж, редактор русского отдела издательства «YMCA-Press», профессор Православного Богословского ин-та в Париже (1927–1943), с 1943 жил в Женеве – *317*

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831), немецкий философ —*106*

Гензель Павел (Павел Юлий Альфонс Христофор) *Петрович* (1878–1949), экономист, магистр (1907), доктор (1910) финансового права. Профессор юридического ф-та М.у. (1911–1918), затем ФОН МГУ, действ, член Ин-та экономики РАНИОН (1919–1928). Декан экономического отделения Московского коммерческого ин-та, член правления Государственного банка, консультант Наркоматов внешней торговли и финансов, Ин-та народного хозяйства. С 1928 в эмиграции, преподавал в ряде колледжей в США, почетный доктор Мюнхенского ун-та —*100, 144, 173, 174, 241, 252, 321, 434*

Георгиевский Григорий Петрович (1866–1948), археограф, историк литературы, профессор книговедения (1936). Дежурный при читальном зале б-ки Румянцевского музея

(1890–1891), в 1892–1937 – помощник хранителя, хранитель, зав. ОР Румянцевского музея (ГБЛ) —*261*

Герасимов Иосиф (Осип) *Петрович* (1862–1920), педагог, общественный и политический деятель. Директор Дворянского пансиона в Москве, товарищ министра народного просвещения (1905–1906, и в составе Временного прав-ва 2.03—2.07.1917). Во время Первой мировой войны уполномоченный Всероссийского земского союза в Смоленской губ., зав. контрольным отделом комитета Всероссийского земского союза Северо-Западного фронта, член правления артиллерийского завода в Подольске «Земгаубица». После Октябрьской революции арестован как член антисоветской организации «Национальный центр», умер в тюрьме – *375*

Гермоген (в миру Георгий Ефремович Долганов) (1858–1918), церковный деятель, епископ Вольский, викарий Саратовской епархии (с 1901). В 1912 выслан на покой в Жировицкий-Успенский м-рь, в 1915 переведен в Николо-Угрешский м-рь Московской епархии. Епископ Тобольский и Сибирский (с 1917). Арестован в апреле 1918 по обвинению в подготовке побега царской семьи из Тобольска, 16.06.1918 убит (брошен в р. Туру с камнем на шее) – *281*

Гершензон Михаил Осипович (1869–1925), историк литературы и общественной мысли, публицист, философ, переводчик, издатель, редактор литературного отдела журнала «Научное елово» (1904–1905), зав. литературным отделом журналов «Критическое обозрение» (1907–1909, с 1908 – член редакции), «Вестник Европы» (1907–1908), сотрудник газет «Русские ведомости», «Русская молва» и «Биржевые ведомости». После Февральской революции один из организаторов и председатель Всероссийского союза писателей, член бюро ЛИТО Наркомпроса (1920–1921), член коллегии 4-й секции Главархива (с 1920), с 1921 зав. литературной секцией Российской академии художественных наук (с 1923 член ее правления). Преподаватель Высшего литературно-художественного ин-та – *77, 173, 177*

Герье Владимир Иванович (1837–1919), историк, общественный и политический деятель, магистр (1862), доктор (1868) всеобщей истории, член-корр. Петербургской АН (1902). Приватдоцент (1865–1868), профессор (с 1868), заслуженный профессор (1889) историко-филологического ф-та, почетный член (1913) М.у., основатель и руководитель Исторического об-ва при М.у. (1893–1904, 1916–1919). Организатор и первый директор МВЖК (1872–1888, 1900–1905), гласный Московской городской думы (1876–1912). Член Государственного совета (с 1907). Отец Е. В. Герье – *56, 99, 105, 107, 109, 111, 115, 116, 118, 129–131, 140, 167, 254, 260, 262, 264, 270, 276, 278, 280, 290, 291, 355, 360, 434, 453, 454*

Герье Елена Владимировна (1868–1943), переводчица, общественная деятельница, попечительница городских начальных школ, рукодельных школ и школ для умственно-отсталых детей. С 1920-х старший помощник библиографа научно-справочного отдела ГБЛ. Дочь В. И. Герье – *453*

Гидулянов Павел Васильевич (1874–1937), юрист, историк церковного права, магистр (1905), доктор (1907) церковного права. Приват-доцент (1905–1906), профессор (1906–1908) Ярославского Демидовского юридического лицея. Профессор (1909–1912), декан (1913–1917) юридического ф-та М.у. Директор Лазаревского ин-та восточных языков (1911–1917), профессор Лицея в память цесаревича Николая (с 1912). После Октябрьской революции сотрудничал в издательстве «Атеист», профессор Ин-та востоковедения (1923), научный сотрудник Госплана РСФСР (с 1928). В 1933 осужден по делу «Партии Возрождения России», отбывал наказание на Сковородинской мерзлотной научно-исследовательской станции – *95, 241, 268, 289, 317*

Глаголев Сергей Сергеевич (1865–1937), богослов, историк религии, религиозный философ, доктор богословия (1901). Преподаватель Вологодской духовной семинарии (1890–1892). Преподаватель (1892–1896), профессор (с 1896), заслуженный профессор (1917), член правления (с 1910) МДА. Профессор МВЖК (с 1901). Вице-президент Всемир-

ного конгресса религий в Париже (1900). В 1920-е преподавал в различных учебных заведениях Сергиева Посада и на Богословских академических курсах в Москве. С 1928 подвергался арестам и высылкам. С 1929 проживал в Вологде. В 1937 расстрелян. Реабилитирован посмертно (1991) *—33, 159, 253, 255, 256, 306, 420*

Глазов Владимир Гаврилович (1848–1918, по другим сведениям 1920), военный, государственный и общественный деятель, историк, ген. от инфантерии (1907). Участник русско-турецкой войны 1877–1878, начальник штаба Финляндского военного округа (1899–1901), начальник Николаевской академии Генерального штаба (1901–1904). Управляющий Мин-вом нар. проев, (с 10.04.1904), министр нар. проев. (1.08.1904– 18.10.1905), помощник командующего войсками Московского военного округа (1905–1908), член Военного совета (с 1909), председатель ОИДР (1906–1918), один из организаторов и попечитель (с 1907) Московского археологического ин-та *—299*

Глубоковский Николай Никанорович (1863–1937), богослов, историк церкви, магистр (1891), доктор (1898) богословия, член-корр. Петербургской (1909) и Болгарской (1929) АН. Преподаватель Воронежской духовной семинарии (1890–1891). Доцент (1891–1894), профессор Петербургской ДА (1894–1918), профессор Петроградского ун-та (1918), профессор Петроградского Богословского ин-та (1919). Редактор «Православной богословской энциклопедии» (1904–1911), член Особого совещания при Синоде по вопросу о реформе духовных школ и церковного упр-ния (1907–1908). Архивариус бывшего Синодального архива (1919–1921). С 1921—в эмиграции, профессор Карлова ун-та в Праге (1922), Белградского (1922–1923) и Софийского (с 1923) ун-тов *—181*

Гневушев Андрей Михайлович (1882–1920), историк, преподаватель в гимназиях Киева и Москвы, директор 2-й красноярской женской гимназии (с 1914), преподаватель Красноярского учительского ин-та (1914–1919) и Дальневосточного ун-та во Владивостоке (1919–1920) *– 261, 288–290, 292–294, 296, 299, 306, 316, 318, 330, 332–334, 336, 337, 339, 344*

Гобза Иосиф Освальдович (1848–1927), директор смоленской (с 1878), затем 1-й (с 1887) и 11-й (с 1907) московских мужских гимназий *– 99*

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), писатель, публицист, историк *—118, 296*

Голицын Николай Владимирович (1874–1942), князь, архивист. С 1897 служащий в МГАМИД, в 1903 был причислен к архивам мин-ва в Петербурге. Во время Русско-японской войны работал в учреждениях Красного Креста (1904–1905). Служащий в канцелярии (с 1906), старший делопроизводитель Отдела Общего собрания и общих дел Государственной думы (с 1908). Директор Государственного и Петроградского Главного архивов МИД, товарищ председателя «Союза российских архивных деятелей» (1917–1918). После Октябрьской революции был одним из организаторов бойкота чиновниками советской власти; неоднократно арестовывался, в 1923–1926 отбывал 3-летний срок заключения в Бутырской тюрьме. Затем служил переводчиком в Ин-те Маркса и Энгельса (уволен в период чистки 1928–1929) и французской газете «Journal de Moscou» *– 195, 197*

Голицын Николай Дмитриевич (1850–1925), князь, государственный деятель, вице-губернатор (1879–1884), губернатор (1885–1893) Архангельской губ., губернатор Калужской (1893–1897) и Тверской (1897–1903) губерний. Сенатор (с 1903), член Государственного совета (с 1915), председатель К-та помощи русским военнопленным во вражеских странах (до 27.12.1916), председатель Совета министров (27.12.1916– 27.02.1917). Арестован 27.02.1917, освобожден в апреле того же года, остался в Петрограде, занимался сапожным ремеслом. В 1920–1924 дважды арестовывался, в феврале 1925 расстрелян*– 283, 289*

Головнин Орест, см. *Брандт Р. Ф.*

Голубинский (наст, фамилия Песков) *Евгений Евстигнеевич* (1834–1912), историк русской церкви, магистр (1859), доктор (1881) богословия, член-корр. (1882), академик (1903) Петербургской АН *– 213 Голубое Николай Федорович* (1856–1943), терапевт, доктор меди-

цины (1890), заслуженный деятель науки РСФСР. Профессор медицинского ф-та (с 1893), профессор терапевтической клиники (1912–1917) медицинского ф-та М. *у, – 212, 312*

Голубовский Петр Васильевич (1857–1907), историк, магистр (1884), доктор (1895) русской истории. Преподаватель истории в гимназиях Н. Новгорода, г. Ромны Полтавской губ., Киева (1884–1896). Приват-доцент (1886–1896), профессор (с 1896) ун-та Св. Владимира в Киеве *—235, 263, 267*

Голубцов Александр Петрович (1860–1911), историк церкви, магистр (1891), доктор (1907) богословия. Преподаватель (с 1887), доцент (с 1891), профессор (с 1907), зав. церковно-археологическим музеем (с 1891) МДА. Профессор церковного искусства Уч-ща живописи, ваяния и зодчества (1898–1911). Отец И. А., М. А. и С. А. Голубцовых *– 212, 213, 437*

Голубцов Иван Александрович (1887–1966), историк, археограф, картограф, доктор исторических наук honoris causa (1963). Преподаватель Высших женских юридических курсов В. А. Полторацкой (1912–1920, в 1916–1918 служил в армии, в марте 1918 возобновил преподавание), сотрудник МГАМИД (1914–1925, с 1917– Древлехранилище РСФСР), преподаватель ФОН 1-го МГУ (1922–1923), сотрудник архивов Красной Армии (1925–1926) и Народного хозяйства, культуры и быта (1926–1927), Упр-ния Центрархива РСФСР (1927–1930). В 1930 арестован по «академическому делу», сослан в Кудымкар (до 1933). Сотрудник бюро транскрипции НКВД в Кашире (1933–1937), выполнял договорные работы по историческим картам (1937–1946), научный сотрудник Ин-та истории АН СССР (1956 1946–1965), сын А. П. и О. С. Голубцовых *– 245*

Голубцов Сергей Александрович (1893–1930), историк, сын А. П. и О. С. Голубцовых *– 92–94, 97, 117, 166, 188, 189, 245, 261, 277, 334, 437*

Голубцова Марш Александровна (1888–1925), историк, архивист, сотрудница РИМ (с 1911). Дочь А. П. и О. С. Голубцовых *– 80, 105, 188, 245, 274, 313, 437 Голубцова* (урожд. Смирнова) *Ольга Сергеевна* (1867–1920), жена

А. П. Голубцова, мать И. А., С. А. и М. А. Голубцовых *– 93 Голуховский,* студент историко-филологического ф-та М. у. *– 437*

Горбов Николай Михайлович, почетный мировой судья, попечитель Яузского 4-го и Долгоруковского ремесленного городских уч-щ, женского дома трудолюбия им. С. Н. и М. А. Горбовых, казначей Исторического об-ва при М. у. (с 1916) *– 130, 355*

Гордон Владимир Михайлович (1871–1926), юрист, магистр (1902), доктор (1907) гражданского права, академик АН УССР (1925). Регистратор III Департамента Сената (с 1897), приват-доцент Петербургского ун-та (1900). Приват-доцент (с 1901), профессор (1903–1906) Ярославского Демидовского юридического лицея. Профессор юридического ф-та Харьковского ун-та (с 1907). В 1912 избран профессором кафедры торгового права Петербургского ун-та, но не был утвержден министром. Профессор Таврического ун-та в Симферополе (нач. 1920-х) *– 317*

Гордон Патрик (Петр Иванович) (1635–1699), военный деятель, полный ген. (1687) и контр-адмирал. По происхождению шотландец, на русской службе с 1661. Участник Чигиринских, Крымских и Азовских походов *– 67, 121, 126, 128*

Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917), государственный деятель, сенатор (1894), член Государственного совета (1899), товарищ министра юстиции (1891–1894), министр внутренних дел (1895–1899), председатель Совета министров (апрель-июль 1906, январь 1914 – январь 1916). 28.02.1917 арестован, освобожден летом того же года, уехал в свое имение в Крым, во время разгрома которого 11.12.1917 был убит *– 76, 77, 374*

Городенский Николай Гаврилович (1871–1936), филолог, преподаватель (с 1896), профессор (1905–1908) МДА. В 1907–1922 (с перерывами) приват-доцент историко-филологи-

плин (1921–1930) Петербургского ун-та (ЛГУ). Приват-доцент, секретарь историко-филологического ф-та Пермского ун-та (1916–1918), профессор, декан историко-филологического ф-та Таврического ун-та в Симферополе (1919–1921). Сотрудник (1913), член (1921), ученый секретарь (1929–1931) АК. В 1930 арестован по «академическому делу», вскоре освобожден. Зав. сектором феодализма ГАИМК (1930–1934). Ученый секретарь Историко-археографического ин-та (1931–1936). Зам. директора, директор (1936–1937) Ленинградского отделения Ин-та истории АН СССР. Директор Ин-та истории АН СССР (1937–1953), Ин-та истории материальной культуры (1944–1946) (ныне Ин-т археологии), Ин-та славяноведения (1946–1951), профессор исторического ф-та МГУ (1940–1948). Академик-секретарь Отделения истории и философии АН СССР (1946–1953) *– 261, 292, 296–300*

Грен Николай Аркадьевич (1867–1923), поэт, литератор, одноклассник М.М. Богословского по 5-й гимназии, служил в МГАМИД. Публиковать стихи начал с 1885 под псевдонимом «Монтес» в газетах «Русское слово», «Новое время»; журналах «Кормчий», «Нива», «Русская мысль» и др. В 1906 поселился в имении при с. Русские Найманы Карсунского уезда Симбирской губ., исполнял обязанности почетного блюстителя народных уч-щ этого уезда (1906–1908). После Октябрьской революции служил в советских учреждениях Тазинской волости Карсунского уезда *– 67*

Григорович Иван Константинович (1853–1930), государственный и военный деятель, адмирал (1911), ген. – адъютант (1912). Участник русско-японской войны 1904–1905, товарищ морского министра (1909–1911), морской министр (1911–1917), член Государственного совета (1913–1917). С 1920 эксперт Военно-морской комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 на море, преподаватель в Высшей школе водного транспорта в Петрограде, сотрудник Петроглавархива (с 1921). С 1924 в эмиграции во Франции *– 76*

Гримм Роберт (1881–1958), швейцарский государственный и политический деятель, член Швейцарского Федерального собрания, один из лидеров и председатель (до 1919) Швейцарской социал-демократической партии и 2-го Интернационала *– 380*

Гринев Николай Васильевич, преподаватель русского и латинского языков в гимназии С. И. Ростовцева *– 416*

Гриневский Федор Александрович (польск. Teodor Franciszek Hryniewski) (1860–1932), русский и польский врач, специалист по внутренним болезням, доктор медицины, общественный деятель. Троюродный брат писателя Александра Грина. Окончил естественное отделение физико-математического ф-та, затем медицинский ф-т М. у. Работал врачом в Москве, выезжал на борьбу с эпидемиями холеры, участвовал в работе Об-ва Скорой помощи. В 1904 организовал в Москве на Поварской улице санаторий для больных внутренними и нервными болезнями, с 1913 действовал загородный филиал санатория, размещавшийся в приобретенном Гриневским подмосковном имении Гребнево. Работал заведующим санатория до 1920, после чего вместе с семьей выехал в Польшу. Жил и работал в Варшаве, участвовал в создании системы здравоохранения Польши, в организации лагерей отдыха, санаториев, пансионатов. В 1929 переехал в родовое имение Якубенки в Дисненском повете. Там вступил в должность районного врача; почти до самой смерти работал в амбулатории, расположенной в селе Плиса, занимался научной и общественной деятельностью *– 460, 462, 466, 469, 470*

Громогласов Илья Михайлович (1869–1937), историк, магистр богословия (1909), диакон (1921), священник (1922). Преподаватель (1894–1909), профессор (1909–1910, 1917–1919), лектор английского языка (1900–1910) МДА. Преподаватель московской женской гимназии Л. Н. Громогласовой (1911–1916), Мариинского женского уч-ща. Приват-доцент юридического ф-та М. у., преподаватель МВЖК (1916–1917). С 1922 неоднократно подвергался арестам и ссылкам, с 1928 жил в Твери. В 1937 расстрелян. В 1999 причислен к лику местночтимых священномучеников Тверской епархии *– 102, 188, 245, 328, 354, 359, 360, 414*

Грот Николай Яковлевич (1852–1899), философ, психолог, магистр (1880), доктор (1882) философии. Профессор, ученый секретарь, член правления и библиотечного совета, редактор «Известий» Историко-филологического ин-та кн. Безбородко в Нежине (1876–1883), профессор историко-филологических ф-тов Новороссийского (1883–1886) и Московского (1886–1899) ун-тов. Председатель Московского психологического об-ва (с 1888), основатель и редактор журнала «Вопросы философии и психологии» (1889–1899) *—145*

Грузинов Александр Евграфович (1873—?), военный и земский деятель, октябрист. Подполковник в отставке, член Московского губернского земского собрания, член, председатель (до 1.03.1917 и с июля 1917) Московской губернской земской управы, и. д. председателя Дмитровской земской управы. Полковник (апрель 1917), командующий войсками Московского гарнизона, командующий Московским военным округом (март-май 1917), комиссар Временного прав-ва по Московской губ., начальник народной милиции *—218*

Грунау Артур Августович (1861—?), директор 1-го Московского реального уч-ща (до 1906), директор 1-й московской мужской гимназии (с 1907), член Исторического об-ва при М.у., после Октябрьской революции сотрудник Московского отделения VII секции ЕГАФ *—129*

Грушевский Михаил Сергеевич (1866–1934), украинский историк и политический деятель, один из главных лидеров украинского националистического движения, магистр (1894), доктор русской истории honoris causa (1907), академик АН УССР (1924), АН СССР (1929). С 1894 профессор Львовского ун-та (Австро-Венгрия), основатель Украинско-русского издательского союза (1899), возглавлял Украинское научное тов-во (Киев, 1907–1914; с 1908 редактировал его «Записки»), В начале Первой мировой войны выехал из района боевых действий в Карпатах (где проживал в собственном доме) в Венгрию, затем в Вену, вернулся в Россию (в Киев) в ноябре 1914. Вскоре арестован и сослан (в марте 1915) в Симбирск за связи с Союзом освобождения Украины, созданного в Вене. С осени 1916 – в Москве. После Февральской революции уехал на Украину, вошел в партию украинских эсеров, член ее ЦК, возглавил Центральную раду (март 1917—апрель 1918). С 1919 в эмиграции (Чехия, Франция, Австрия), вернулся в Киев в 1924, возглавлял историко-филологический отдел Всеукраинской АН. В 1930 переселен в Москву, что для него было формой ссылки, в марте– апреле 1931 подвергался кратковременному аресту *– 373, 374, 379, 442*

Грушка Аполлон Аполлона вич (1869–1929), филолог-классик, магистр (1900), доктор (1906) римской словесности, член-корр. АН СССР (1928). Профессор МВЖК (с 1900), профессор (1907–1921), секретарь (1909–1911), декан (1911–1918) историко-филологического ф-та М.у., директор Ин-та языковедения и истории литературы при ФОН МГУ (с 1921). В 1925 подвергался аресту *– 55, 70, 71, 78, 82, 87, 90, 92, 96, 98, 112, 115, 138, 146, 150, 153, 155, 170, 180, 181, 185, 200, 232, 243–245, 251, 253, 259, 261, 262, 270, 278, 292, 297, 310, 312, 323–325, 344–346, 352, 356, 365, 367, 418, 424, 433, 442, 448*

Грушка Ульяна Михайловна (урожд. Боголепова), жена А. А. Грушки *—171, 181, 310, 356*

Гулевич Владимир Сергеевич (1867–1933), биохимик, доктор медицины (1896), член-корр. (1927), академик (1929) АН СССР, член Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина». Профессор Харьковского ун-та (1899–1901). Профессор (1900–1918), зав. кафедрой медицинской химии (с 1904), декан (1918) медицинского ф-та, проректор (1906–1908), ректор (январь-март 1919) М.у. Профессор МВЖК (с 1907), в 1910–1933 профессор Московского коммерческого ин-та (с 1918 Ин-т народного хозяйства; позднее название менялось; ныне Академия народного хозяйства им. Г. В. Плеханова). С 1933 возглавлял сектор биохимии Всесоюзного ин-та экспериментальной медицины и Лабораторию физиологии и биохимии животных АН СССР (Ленинград). Председатель химического отделения (1910–

1930), почетный член (1917) ОЛЕАЭ, один из создателей ИРЕА, член правления (с 1917) —*321*

Гумилевский Илья Васильевич (1881–1963), магистр богословия (1913). Преподаватель Московской духовной семинарии (1907–1912), доцент (1913), профессор (1913–1919) МДА, священник Московского кафедрального собора Христа Спасителя (1914–1922). В 1922–1928 протоиерей ряда московских церквей. В декабре 1928 арестован, приговорен к ссылке в Сибирь на три года, освобожден в 1931. Вернувшись из ссылки, на несколько лет уехал на родину (в станицу Новониколаевскую Черкасской обл.), затем жил в Москве – 157,160, 327

Гурко (Ромейко-Гурко) Василий Иосифович (1864–1937), военный деятель, ген. от кавалерии (1916). В годы Первой мировой войны командующий 6-м армейским корпусом (1914–1916), 5-й армией (февраль-август 1916), Особой армией (август 1916 – март 1917), и. д. начальника штаба Верховного главнокомандующего (октябрь 1916 – февраль 1917), главнокомандующий армиями Западного фронта (март-май 1917). С 21 июля по сентябрь 1917 находился под арестом в Петропавловской крепости, в сентябре 1917 уволен со службы, выслан за границу. В эмиграции участвовал в деятельности РОВСа *– 337, 348, 353, 364, 390, 392, 402*

Гучков Александр Иванович (1862–1936), политический и общественный деятель, крупный промышленник. Один из основателей и лидер (с 1906) партии октябристов, депутат и председатель (1910–1911) III Государственной думы, председатель Центрального ВПК, член Особого совещания по обороне государства (1915–1917), товарищ главноуполномоченного Всероссийского городского союза. После Февральской революции военный и морской министр (2.03–30.04.1917). После Октябрьской революции оказывал содействие в формировании Добровольческой армии, с 1919 в эмиграции *– 75, 125, 252, 339, 345, 346, 352, 353, 355, 362, 363, 365, 455*

Давыдов Николай Васильевич (1848–1920), юрист, писатель. Председатель Московского окружного суда (1896–1908), приват-доцент (1901–1909), профессор (1909–1911, 1917–1920) М. у., товарищ председателя историко-филологического об-ва при М. у., председатель правления Народного ун-та им. А. Л. Шанявского *—283, 304*

Давыдовский Василий Федорович, декан физико-математического ф-та МВЖК *—108*

Дайси Альберт Венн (1835–1922), английский правовед, профессор английского права Оксфордского ун-та (с 1882), член-корр. Петербургской АН (1916) *—148*

Дан (наст, фамилия Гурвич) *Федор Ильич* (1871–1947), политический деятель, врач, публицист, один из лидеров меньшевиков. Неоднократно подвергался арестам и ссылкам. В начале Первой мировой войны сослан в Сибирь, в мае 1916 мобилизован в армию, служил военврачом в Иркутске. После Февральской революции член Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, член ВЦИК и Президиума ВЦИК, Предпарламента (сентябрь – октябрь 1917). После Октябрьской революции депутат Моссовета (1920), санитарный врач в Красной Армии (1919–1920). Весной 1921 арестован по обвинению в подготовке Кронштадтского мятежа, в 1922 выслан за границу, жил в Берлине, Париже, Нью-Йорке. Редактор журналов «Социалистический вестник» (1923–1940), «Новый путь» (с 1940), один из организаторов Социалистического Интернационала *– 389, 392*

Дантон Жорж Жак (1759–1794), деятель Великой французской революции *– 85*

Дератани Николай Федорович (1884–1958), филолог-классик, историк литературы, магистр (1916). Приват-доцент М. у. (с 1916), позже профессор, зав. кафедрой классической филологии филологического ф-та МГУ (1949–1958), профессор МГПИ им. В. И. Ленина, член секции народного просвещения Моссовета *– 271*

Джамгаровы, братья Агаджан, Афанасий, Иван и Николай Исааковичи, графы, банкиры, владельцы банкирского дома «Братья Джамгаровы» (глава дома Иван Исаакович), одного из наиболее крупных частных банкирских заведений России (основано в 1874) *—186,*

192, 199, 244, 422 Джордж Генри (1839–1897), американский экономист, публицист, государственный и общественный деятель – *456*

Диесперов (Диэсперов) Александр Федорович (1883 – не ранее 1931), поэт, переводчик, критик. В 1903 поступил на физико-математический ф-т М. у., в 1906 перевёлся на историко-филологический ф-т того же ун-та (окончил в 1913), зарабатывал на жизнь уроками. Печататься начал с 1904, занимался исследованием творчества Эразма Роттердамского, переводил его труды. После 1917 писал литературно-критические и исторические работы, в большинстве своём оставшиеся неопубликованными —*167*

Дикгоф Федор Борисович, внук нарвского пастора Фридриха Вильгельма Людвига Дикгофа (1794–1839) —*470*

Диккенс Чарлз (1812–1870), английский писатель – *400, 464*

Диоклетиан Гай Аврелий Валерий (243—между 313 и 316), римский император (284–305) —*280*

Дмитриев Иван Иванович (1760–1837), поэт, государственный деятель, действ, член Российской академии (1797). Служил в лейб-гвардии Семеновском полку (1774–1796), товарищ министра уделов (1797–1799), обер-прокурор 3-го департамента Сената (1797–1799), министр юстиции (1810–1814), член Государственного совета (1810), председатель «Комиссии для рассмотрения просьб, подаваемых на высочайшее имя от жителей, разоренных неприятелем» (1816–1819). Почетный член ОЛРС (1812), ОИДР (1817) – *81*

Дмитрий (в миру Иоанн Добросердов) (1865–1937), епископ Можайский, викарий Московской епархии (1914–1923,1934– 1937), епископ Ставропольский (1923–1925), архиепископ Донской (1925–1932), Пятигорский (1932), Калужский (1933–1934) —*250, 253, 257, 292, 293, 338*

Добролюбов, магистрант Варшавского ун-та – *261, 359, 360, 368*

Добронравов Николай Павлович (1861–1937), священник, магистр богословия (1886). Преподаватель Вифанской семинарии (1885–1890), профессор богословия Московского Александровского военного уч-ща (с 1890), законоучитель в нескольких московских гимназиях, настоятель ряда московских церквей, кандидат в ректоры МДА (в 1917). Пострижен в монашество в 1921, епископ Звенигородский, викарий Московской епархии (с 1921), архиепископ Владимирский и Суздальский (с 1923). После Октябрьской революции неоднократно подвергался арестам и ссылкам (в Туруханский край, в Вологодскую обл.) После ссылки проживал в Москве, пребывал на покое (с 1929). В 1937 вновь арестован, расстрелян и погребен на Бутовском полигоне. Причислен к лику новомучеников и исповедников Российских (2000) —*414*

Довнар-Запольский Митрофан Викторович (1867–1934), историк, этнограф, фольклорист, общественный деятель, магистр (1901), доктор (1905) русской истории. Сотрудник МАМЮ (1895–1899), приват-доцент историко-филологического ф-та М. у. (1899–1901). Приват-доцент (с 1901), профессор (1902–1920) историко-филологического ф-та ун-та Св. Владимира в Киеве, руководитель Студенческого историко-этнографического кружка (с 1903). Профессор ВЖК в Киеве (с 1906). И. о. директора (1907–1916), директор (1916–1917) Киевского коммерческого ин-та. Основатель и первый директор Киевского археологического ин-та (1918–1920). В 1919–1925 преподаватель и профессор высших учебных заведений в Харькове, Баку, Минске. С 1926—в Москве, сотрудник Московской губернской плановой комиссии при Президиуме Моссовета, профессор Ин-та народного хозяйства, Тимирязевской сельскохозяйственной академии (с 1927), действ, член Ин-та истории РАНИ ОН (1928–1929) – *88, 325*

Долгов Семен Осипович (1857–1925), археограф, историк литературы, помощник хранителя (1883–1892), затем старший хранитель отделения рукописей и старопечатных славянских книг Московского Публичного и Румянцевского музеев – *107, 299, 348*

Долгоруков Владимир Андреевич (1810–1891), князь, военный и государственный деятель, ген. от кавалерии (1867), адъютант военного министра А. И. Чернышева (с 1833), вице-директор Провиантского департамента Военного мин-ва (1847–1848), ген. – провиантмейстер (1848–1865), член Военного совета (с 1856), член Государственного совета (с 1881), московский ген. – губернатор (1865–1891) —*132, 218*

Долгоруков Павел Дмитриевич (1866–1927), князь, общественный и политический деятель, камергер, крупный землевладелец, один из основателей партии кадетов, член ее ЦК (в 1906–1909 председатель ЦК), депутат II Государственной думы, председатель пацифистского Об-ва Мира (с 1909). Предводитель дворянства Рузского уезда Московской губ. (1893–1906), гласный Московского губернского земского собрания. Во время Первой мировой войны начальник передового санитарного отряда Союза городов (декабрь 1914—апрель 1915). В конце ноября 1917 арестован, в феврале 1918 освобожден, уехал в Москву, товарищ председателя антисоветской организации «Национальный центр». В октябре 1918 выехал в Киев, с 1920 в эмиграции в Константинополе, затем в Париже. В 1924 и 1926 предпринял две нелегальные поездки на родину, во время последней арестован, расстрелян в числе заложников в ответ на убийство в Варшаве советского посла П. Л. Войкова. Реабилитирован в 1991. Брат Петра Дмитриевича Долгорукова – *455*

Долгоруков Петр Дмитриевич (1866–1951), князь, общественный и политический деятель, крупный землевладелец, один из основателей партии кадетов, член ее ЦК, товарищ председателя I Государственной думы (1906). Член Курской губернской земской управы (1892–1902), председатель Суджанской (Курской губ.) уездной земской управы (1892–1902 и с 1909). В начале Первой мировой войны мобилизован, воевал в Галиции, в 1916 уволен в запас по болезни. После Октябрьской революции уехал на Северный Кавказ, затем в Крым, с 1920 в эмиграции в Константинополе, затем в Праге, в 1927–1939 председатель Совещания представителей русских организаций в Чехословакии (оставил должность по распоряжению германских властей). В июне 1945 задержан «Смерш» 1-го Украинского фронта, депортирован в СССР, в 1946 осужден на 5 лет лишения свободы. Умер в тюремной больнице. Реабилитирован в 1992. Брат Павла Дмитриевича Долгорукова – 455

Дольник Л. Е. (Александрова-Дольник), владелица пансиона в Симеизе (Крым) – *407*

Дольник (Александрова-Дольник) Татьяна Николаевна (1892 – после 1934), по образованию художник по прикладному искусству, специалист в области реставрации тканей и древнерусского шитья. С октября 1918 сотрудник Отдела по делам музеев, охране памятников искусства и старины, член Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры (с 1919), научный руководитель Мастерской по реставрации древнерусского шитья в Троице-Сергиевой лавре, научный сотрудник Лаборатории по изучению способов хранения и реставрации древних тканей и шитья при Московской секции ГАИМК (со 2-й половины 1920-х), зав. Секцией декоративного искусства ЦГРМ (1925– до января 1934). Сестра Н. Н. Готье, свояченица Ю. В. Готье – *467*—469

Дорн Борис Андреевич (Иоганн Альбрехт Бернгард) (1805–1881), востоковед, специалист в области иранской и семитской филологии, член-корр. (1835), адъюнкт (1839), академик Петербургской АН (1842). В1825—1827 преподавал восточные языки в Лейпцигском ун-те. С 1829 в России: профессор Харьковского ун-та (1829–1835), Ин-та восточных языков при МИД в Петербурге (1835–1842), директор Азиатского музея (с 1842), преподаватель санскрита (1838–1842), афганского языка (пушту) и литературы (1855–1857) Петербургского ун-та, сотрудник Императорской публичной б-ки (1844–1869) —*85, 91, 242*

Драгомиров Абрам Михайлович (1868–1955), военный деятель, ген. от кавалерии (1916). В годы Первой мировой войны начальник 16-й кавалерийской дивизии (с декабря 1914), командир 9-го армейского корпуса (апрель 1915 – август 1916), командующий 5-й армией (август 1916 – апрель 1917), главнокомандующий армиями Северного фронта

(апрель-май 1917), затем состоял в распоряжении военного министра. Участник Белого движения, командующий войсками Киевской области (сентябрь-декабрь 1919), в 1920 ген. для поручений в Русской армии ген. П. Н. Врангеля, затем в эмиграции, в Сербии, с 1931 во Франции, активный деятель РОВСа, председатель об-ва офицеров Генерального штаба – *368*

Дройзен Иоганн-Густав (1808–1884), немецкий историк, член Королевской Прусской АН (1867), приват-доцент (с 1833), профессор Кильского (с 1840), Йенского (с 1851) и Берлинского (с 1859) ун-тов —*282, 283, 287*

Дубовский Николай Никанорович (1859–1918), живописец-пейзажист, график, академик Петербургской АХ (1900), член Тов-ва передвижных выставок (с 1886) —*290*

Дувакин Дмитрий Дмитриевич (1854–1935), санитарный врач, член Московской городской управы, товарищ городского головы (15.10.1905—13.02.1907, 1911–1912, 1914–1917). Председатель Комиссии по приему, охране и заведыванию дворцовым имуществом (март 1917 —январь 1918), научный сотрудник Музея коммунального хозяйства (1922–1929) —*238*

Дунаев Борис Иванович (1870–1942), историк литературы и архитектуры, преподаватель женской гимназии кн. Е. В. Енгалычевой, гимназии им. И. и А. Медведниковых, мужской гимназии А. Н. Попова – *95 Дурново Николай Николаевич* (1876–1937), филолог-славист, лингвист, диалектолог, магистр (1916), доктор (1918) русской словесности, член-корр. АН СССР (1924), академик АН БССР (1928, исключен в 1929). Организатор (1901), секретарь, зам. председателя (1915–1918,1923—1924) Кружка по истории и диалектологии русского языка (с 1903 – Московской диалектологической комиссии, существовавшей до 1931). Приват-доцент (1904–1910, 1915–1918) историко-филологического ф-та

М. у., профессор ФОН МГУ (с 1921). Приват-доцент историко-филологического ф-та Харьковского ун-та (1910–1915), преподаватель ВЖК в Харькове. Профессор Саратовского ун-та (1918–1921), сотрудник К-та по составлению общедоступного словаря русского языка (1921–1923). В 1924–1927 в заграничной командировке, читал лекции в ун-тах в Брно и Праге. Профессор Белорусского государственного ун-та (1928–1930). С 1930 в Москве, работал по договорам с издательствами. Арестован 28.12.1933, осужден на 10 лет лагерей, находился в Соловецких лагерях. 9.10.1937 осужден повторно, 27.10.1937 расстрелян. Реабилитирован посмертно (1964) —*448*

Егин Владимир Никифорович (1895—?), студент историко-филологического ф-та М.у. – *164*

Егоров Андрей Дмитриевич, сын Д. Н. Егорова —*148, 150*

Егоров Дмитрий Николаевич (1878–1931), историк, библиограф, магистр (1915), доктор (1916) всеобщей истории, членкорр. АН СССР (1928). Приват-доцент (1904–1911), профессор (1917–1918) историко-филологического ф-та М.у., с 1921 действ, член Ин-та истории ФОН МГУ – РАНИОН. Преподаватель МВЖК, Народного ун-та им. А. Л. Шанявского (1911–1918), председатель университетского Совета и заведующий Нижегородским городским народным ун-том (1916). Редакториздатель журнала «Исторические известия» (1916–1917). Зав. отделом всеобщей истории (1919–1921,1924—1925), зам. директора (1921–1924, 1925–1930) б-ки Румянцевского музея (ГБЛ), председатель Московской секции ГАИМК (1924–1929), член коллегии Главархива, член ГУС Наркомпроса РСФСР. Арестован в 1930 по «академическому делу», после года тюрьмы был выслан в Ташкент, где начал работать в Государственной публичной б-ке Узбекской ССР. Скончался 24.11.1931 от сердечного приступа – *80, 96, 97, 99, 104, 107, 110, 111, 115–120, 126, 127, 130, 131, 135, 136, 140, 143, 148–154, 156, 172–174, 177–179, 182, 183, 187, 190, 193, 206, 221, 222, 224, 228, 232, 235–237, 239, 240, 242, 245–247, 250–254, 257, 258, 262, 270–272, 275–280, 282, 284, 290, 291, 293, 295, 298, 299, 301, 307, 308, 322, 325, 331, 334, 336, 342–345, 347–349, 352, 355–357, 360,* 363, *366, 367, 377, 402, 412, 414, 417–419, 422, 425, 433, 434, 436, 438, 441, 445, 446, 450, 452, 462*

Швейцарии. С 1925 жил в Париже, читал лекции по вопросам международных отношений на юридическом ф-те Сорбонны, в Гаагской академии международного права и во Франко-русском ин-те социальных и политических наук. Организатор Союза Возрождения России. Один из учредителей Международной дипломатической академии в Париже. Председатель К-та помощи русским писателям и ученым во Франции (с 1925)– *387*

Желябужский Иван Афанасьевич (1638 – после 1709), государственный деятель, дипломат, писатель, окольничий (1683) – *67*

Живаго (урожд. Гальцева) *Любовь Семеновна,* жена П. И. Живаго —*102, 106, 110, 145, 177, 187, 192*

Живаго Петр Иванович (1883–1948), биолог, один из основателей советской цитологии, доктор биологических наук honoris causa (1936). Учился на медицинском ф-те (1907), затем перешел на естественное отделение физико-математического ф-та М. у. Преподаватель естествознания и физики в частной гимназии В. П. Гельбиг, ассистент зоологической и физической лабораторий Народного ун-та им. А.Л. Шанявского (1912–1914). С началом Первой мировой войны мобилизован, служил санитаром подвижного госпиталя (1914), рентгенофизиком, зав. рентгеновским кабинетом при госпиталях Земского союза и Союза городов (с осени 1915). Одновременно работал помощником прозектора кафедры гистологии и преподавателем медицинского ф-та Киевского ун-та (1917–1920). С осени 1920 в Москве: помощник прозектора на кафедре гистологии Высшей медицинской школы, открывшейся на базе частных медицинских курсов Статкевича и Изачека, ассистент медицинского ф-та 1-го МГУ (1920–1922), преподаватель педагогического ф-та 2-го МГУ (1922–1926). Приват-доцент (1926–1928), зав. цитологическим отделением (1928–1935), организатор и зав. кариологической лабораторией (1939–1941, 1943–1948) Ин-та экспериментальной биологии (с 1940 – Ин-т цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР). Консультант на правах заведующего (с 1933), действ, член, зав. цитологическим отделением (с 1934) Ин-та экспериментального морфогенеза —*106, 110, 145, 192*

Живаго Татьяна Петровна (1909—?), дочь П. И. и Л. С. Живаго – *102, 187*

Жоффр Жозеф Жак Сезер (1852–1931), французский военный деятель, маршал (1916), член Французской академии (1918). Начальник Генерального штаба и вице-председатель Высшего военного совета (1911–1914), с июля 1914 главнокомандующий армиями Севера и Северо-Востока Франции. С декабря 1915 верховный главнокомандующий всеми французскими армиями. В декабре 1916 по требованию парламента уволен с поста главнокомандующего, военный советник прав-ва, глава французской военной миссии в США (1917–1918), затем в Японии. В 1922 возглавлял правительственную комиссию по обороне —*280*

Жуковский Станислав Юлианович (1873–1944), российский и польский живописец, академик Петербургской АХ (1907), член Тов-ва передвижных художественных выставок (с 1904), Союза русских художников (с 1907), московского объединения «Изограф» (1917–1919). После Октябрьской революции член Комиссии по охране памятников искусства и старины. Жил в Москве, Вятке (1919–1921), Варшаве (с 1923). Умер в августе 1944 в концлагере Прушков, близ Варшавы – *290*

Журавель Иван Дементъевич, историк, преподаватель в гимназии С. И. Ростовцева – *416*

Забелин Иван Егорович (1820–1908), историк, археограф, археолог, коллекционер, музейный деятель, доктор русской истории (1871), почетный доктор русской истории Петербургского (1885), Московского (1884), Казанского (1892) ун-тов, член-корр. (1884), почетный член (1907) Петербургской АН, МДА (1907), действ, член АХ (1892). Канцелярский служащий Оружейной палаты Московского Кремля (1837–1848), помощник архивариуса (1848–1855), архивариус (с 1856) Московской Дворцовой конторы, преподаватель истории и археологии в Константиновском межевом ин-те. Сотрудник Петербургской Археологиче-

ской комиссии (1859–1876), в 1859–1873 руководил археологическими исследованиями на юге России (кургана Чертомлык, 1862–1863; городов Фанагория, 1869–1872 и Ольвия, 1873). Председатель ОИДР (1879–1888), один из главных организаторов и товарищ председателя РИМ (с 1885) —*117, 125*

Загорский Василий Федорович (? – после 1926), служащий Мин-ва юстиции по Новоладожскому участку С.-Петрбургской губ. *– 301, 302*

Зайончковский Андрей Медардович (1862–1926), военный деятель, военный теоретик и историк, ген. от инфантерии (1916). На военной службе с 1883. В годы Первой миров ой войны командир 37-й пехотной дивизии, 30-го армейского корпуса (с 1915), 47-го и 18-го армейских корпусов (с 1916), затем командующий Добруджанской армией. В апреле 1917 зачислен в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа, с мая – в отставке по болезни. С 1918 – в Красной Армии, начальник штаба 13-й армии (июль 1919 – февраль 1920), с 1920 член Особого совещания при Главнокомандующем всеми Вооруженными силами Республики, помощник председателя Военно-исторической комиссии и руководитель работ по исследованию опыта Первой мировой войны, профессор Военной академии РККА (1922–1926) —*142, 143, 145, 147, 149, 150, 156, 171, 172, 174, 176, 178, 179, 182, 187, 189, 191*

Заозерский Александр Иванович (1874–1941), историк, профессор Петроградского ун-та (1917–1923), ученый хранитель ОР БАН – *333, 335*

Зарудный Александр Сергеевич (1863–1934), юрист, общественный и политический деятель. Присяжный поверенный, один из инициаторов создания и руководитель Союза адвокатов (1903) и Союза Союзов (1905), товарищ министра юстиции (март – июль 1917), министр юстиции (24.07—3.09.1917). После Октябрьской революции читал лекции по правоведению в кооперативной школе им. Головчанского, Народном ун-те, Тенишевском уч-ще и других учебных заведениях Петрограда (1917–1922), член Ленинградской коллегии адвокатов, юрисконсульт Ленинградского отделения Всесоюзного об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев *– 400*

Захаров Алексей Алексеевич (1884–1937), археолог, член-корр. Германского археологического ин-та. В 1915 магистрант, с 1917 приват-доцентисторико-филологического ф-та М.у. И. о. зав. отделом (1914–1922), зав. отделом (1922–1929) греко-римской и скифо-сарматской археологии ГИМ. Со 2-й пол. 1920-х профессор этнологического ф-та 1-го МГУ, действ, член НИИ археологии и искусствознания РАНИОН, зав. археологической секцией Московского отделения ГАИМК, действ, член Научной ассоциации востоковедения, зав. б-кой Музея антропологии МГУ (1929–1934). В 1934 арестован, провел в заключении два месяца, в 1935 арестован и сослан в Алма-Ату, в 1937 в третий раз арестован, 1 декабря осужден и в тот же день расстрелян. Реабилитирован в 1989 – *89*

Зеленев Иван Федорович (1860–1918), дерматолог, сифилидолог, доктор медицины (1892). Профессор медицинского ф-та Харьковского ун-та (1897–1910), профессор, зав. кафедрой кожных и венерологических заболеваний медицинского ф-та М. у. (1911–1916), директор Кожной клиники М.у. (1911–1918). Один из учредителей и основателей Дермато-венерологического научного об-ва в Харькове (1900), Всероссийской лиги по борьбе с венерическими болезнями (1914) —*269, 272*

Зеленин Дмитрий Константинович (1878–1954), этнограф, фольклорист, диалектолог, доктор русского языка и словесности (1917), член-корр. АН СССР (1925). Приват-доцент (1915), профессор Петроградского (1916–1917) и Харьковского (1916–1925) ун-тов, организатор и зав. кабинетом славяно-русской филологии и научно-исследовательской кафедры языкознания им. А.А. Потебни Харьковского ун-та, участвовал в создании этнографического отдела Музея Слободской Украины им. Г. С. Сковороды в Харькове. Профессор этнографического отделения, зав. кафедрой этнографии (с 1925) географического ф-та, профессор

и земледелия (1909–1911), товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием (1912–1915), министр народного просвещения (1915–1916). После Февральской революции выехал в Кисловодск для лечения, в октябре 1918 в числе других заложников арестован, но вскоре освобожден. С марта 1919 в эмиграции в Болгарии, Франции, Англии, Канаде. Возглавлял Российское Главное упр-ние Красного Креста за границей – *76, 185, 189, 190, 193, 196, 199, 283, 292, 297, 307*

Иконников Владимир Степанович (1841–1923), историк, историограф, магистр (1866), доктор (1869) русской истории, член-корр. (1893), академик (1914) Петербургской АН, академик Всеукраинской АН (1920), почетный член Юрьевского (1902), Харьковского (1906), Петербургского (1913), Московского (1915) ун-тов и др. Приват-доцент Харьковского ун-та (1866–1867), преподаватель гимназий в Одессе (1867–1868). Доцент (1868–1870), профессор (с 1870), заслуженный профессор (1892), декан историко-филологического ф-та (1877–1880, 1883–1887, 1906), почетный член (1910) ун-та Св. Владимира в Киеве, редактор «Университетских известий» (1873–1914). Заведующий ВЖК в Киеве (1878–1889). Председатель Киевской временной комиссии для разбора древних актов. Член-учредитель (1872), председатель (1874–1877, 1893–1895) Исторического об-ва Нестора-летописца – *70, 417, 435*

Икскуль фон Гильденбандт Юлий Александрович (Юлий Карл) (1853–1918), барон, государственный деятель. Делопроизводитель отделения законов Государственной канцелярии (1882–1885), помощник статс-секретаря (1885), и. о. статс-секретаря (1893), статс-секретарь Департамента законов (1895) Государственного совета. Товарищ министра земледелия и государственных имуществ (1899), товарищ государственного секретаря (1899–1904), государственный секретарь (1904–1909), сенатор (с 1903), член Государственного совета (с 1909), действ, член (с 1910), товарищ председателя (с 1914) РИО —*198*

Иларион (в миру Владимир Алексеевич Троицкий) (1886–1929), архимандрит (1913), архиепископ (1923), магистр богословия (1913). Доцент (1911–1913), профессор (с 1913), инспектор (1913–1920), и. о. ректора (апрель – сентябрь 1917), помощник ректора (октябрь 1917 – апрель 1920) МДА. Епископ Верейский, викарий Московской епархии (1920), настоятель Сретенского м-ря (1923). В1918—1922 подвергался арестам, в 1922 выслан в Архангельск, в 1923 вернулся в Москву. В ноябре 1923 осужден на 3 года, наказание отбывал на Соловках. В 1926 повторно осужден на 3 года. Накануне освобождения из заключения вновь приговорен к 3 годам (октябрь 1929) и отправлен на поселение в Среднюю Азию. Скончался на этапе в тюремной больнице Ленинграда. Причислен к лику новомучеников и исповедников Российских (2000) —*160, 256, 337, 414, 420*

Иловайский Дмитрий Иванович (1832–1920), историк, публицист, магистр (1858), доктор (1870) русской истории. Преподаватель истории Рязанской (1854–1858) и 3-й московской гимназий (1858–1860), адъюнкт юридического ф-та М.у. (1860–1862), с 1862 в отставке. Гласный Московской городской думы, член К-та по устройству Музея изящных искусств им. имп. Александра III при М.у. В 1897–1916 – редактор-издатель литературно-политической газеты «Кремль» (с 1908 – «Кремль Иловайского»), После Октябрьской революции подвергался арестам – *93, 95, 170, 261, 275, 276, 292, 330, 347*

Ильин Николай Иванович (1777–1823), драматург, издатель. Управляющий хозяйственной частью московских театров (1806–1810), секретарь канцелярии московского ген. – губернатора Ф. В. Ростопчина, издатель журнала «Друг Детей» (1809) – *140*

Ильинский Александр Григорьевич (1847–1877), историк, магистрант историко-филологического ф-та Харьковского ун-та – *303, 304*

Иоанн Кронштадтский (в миру Иван Ильич Сергиев) (1829–1908), проповедник, духовный писатель, иерей (1855), протоиерей (1875), митрофорный протоиерей (1898). Законоучитель в городском уч-ще (1855–1862) и классической гимназии (1862–1889) в Кронштадте. Священник (1855), ключарь (с 1876), настоятель (с 1894) Андреевского собора в

Кронштадте, член к-та по устройству в России домов трудолюбия (с 1895). Основатель Иоанно-Предтечевского братства трезвости в С.-Петербурге (1899), Иоанно-Богословского женского м-ря в с. Сура (1899), женского м-ря св. Иоанна Рыльского в С.-Петербурге (1900), член Синода (1907). Канонизирован РПЦЗ (1964), РПЦ (1990) —*139*

Иоахим (1890–1920), принц прусский, сын германского императора и прусского короля Вильгельма II Гогенцоллерна, ротмистр при штабе командующего фронтом ген. Людендорфа – *72*

Иовлев Георгий Федорович (1894–1964), студент историко-филологического ф-та М.у. Поступил в 1917 в школу мичманов военного времени в Петрограде. Мичман (октябрь 1917). С 1918 в Добровольческой армии. После ранения потерял ногу. Затем в эмиграции. Председатель Лиги русских тяжелых инвалидов в Бельгии (создана в 1935) —*205*

Иосиф Волоцкий (в миру Иван Иванович Санин) (1439/1440– 1515), видный церковный деятель и публицист, глава течения иосифлян, игумен основанного им Волоколамского м-ря – *331*

Кабанов В. А., ревизор акционерного пароходного общества «Самолет» – *394, 395, 398, 402, 407*

Кабановы, семья В. А. Кабанова – *395, 399, 401, 407*

Каблуков Иван Алексеевич (1857–1942), физикохимик, магистр (1887), доктор (1891) химии, член-корр. (1928), почетный член (1932) АН СССР, заслуженный деятель науки РСФСР (1929). Преподаватель МВЖК (1882–1884), Московского инженерного уч-ща (1896–1903). Работал в Лейпцигском ун-те в лаборатории В. Оствальда (1889). Приват-доцент (с 1885), профессор (с 1903), заслуженный профессор (1910), зав. лабораторией неорганической и физической химии (1918–1920), зав. термохимической лабораторией кафедры химии (1915–1933) физико-математического ф-та М.у. (МГУ). С 1917 член правления созданного тогда же ИРЕА, с 1922 директор Ин-та химии Ассоциации НИИ при физико-математическом ф-те М. у. Преподаватель Московского сельскохозяйственного ин-та (1899–1942)– *414*

Кагоров Евгений Георгиевич (1882–1942), историк, филологклассик, этнограф, фольклорист, магистр (1913), доктор (1920) греческой словесности, доктор истории honoris causa (1934) – 55

Каледин Алексей Максимович (1861–1918), военный деятель, ген. от кавалерии (1916). Во время Первой мировой войны начальник 12-й кавалерийской дивизии (с сентября 1912), командир 41-го (с 18.06.1915) и 12-го (с 05.07.1915) армейских корпусов. Командующий 8-й армией Юго-Западного фронта (20.03.1916—29.04.1917), член Военного совета (с 29.04.1917), 19 июня 1917 на Большом войсковом круге избран атаманом войска Донского. После Октябрьской революции сформировал Донскую армию для борьбы с советской властью. 29.01.1918, признав положение безнадежным, сложил с себя полномочия и в тот же день застрелился – *404*

Камерницкий Владимир Иосифович (1895–1943), в 1915–1917 студент историко-филологического ф-та М.у., позже секретарь Комиссии по реорганизации РИМ (1921), затем профессор, доктор экономических наук. В 1918 был арестован ВЧК как член студенческой фракции партии кадетов. Через несколько месяцев отпущен под обязательство покинуть Москву. Вторично арестован в 1937, приговорен к 5 годам лагерей (отбывал наказание в Кировской обл.) В 1941 «за антисоветскую агитацию» приговорен к 10 годам лишения свободы с поражением в избирательных правах на 5 лет. В мае 1943 этапирован в Москву и помещен в больницу Бутырской тюрьмы, где скончался от истощения 2.06.1943. Реабилитирован посмертно – *331*

Каплюшечка, см. *Богословский Михаил Михайлович Каптерев Сергей Николаевич* (1895–1969), в 1915–1917 студент историко-филологического ф-та М. у., младший сын доктора церковной истории, профессора МДА Н. Ф. Каптерева. После Октябрьской революции

проев. (25.09.1910– 26.02.1911), министр народного просвещения (1911–1914) *– 214, 304, 323*

Кастерин Николай Петрович (1869–1947), доктор физики (1905, минуя степень магистра). Лаборант физической лаборатории (1892–1896), приват-доцент физико-математического ф-та М.у., профессор, зав. кафедрой физики Новороссийского ун-та (1906–1922), директор Физического ин-та, зав. Астрономической (временно) и Магнито-метеорологической обсерваториями, профессор ВЖК в Одессе. С 1919 профессор Ин-та народного образования, Химико-фармацевтического ин-та и Ин-та прикладной химии в Одессе. С 1922 в Москве, сотрудник Ин-та биофизики и Ин-та физики и кристаллографии Ассоциации НИИ при физико-математическом ф-те М.у. С 1930 – консультант в ряде НИИ и учреждений (ЦАГИ, Ангарстрой, Всесоюзный ин-т стройматериалов и др.), профессор физического ф-та МГУ (с 1941)—265

Катаев Николай Евсеевич (1898—?), студент историко-филологи-ческого ф-та М.у. – *154*

Каутский Карл (1854–1938), немецкий экономист, историк, публицист, один из лидеров и теоретиков германской социалдемократии и 2-го Интернационала, идеолог центризма *– 423*

Кауфман Александр Аркадьевич (1864–1919), экономист, статистик, историк, публицист, политический деятель, один из организаторов и лидеров партии кадетов *– 302, 303*

Керенский Александр Федорович (1881–1970), адвокат, политический деятель. Депутат IV Государственных думы, лидер фракции трудовиков, с марта 1917 эсер. В дни Февральской революции член Временного к-та Государственной думы, товарищ председателя Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Во Временном прав-ве: министр юстиции (мартмай), военный и морской министр (май-август), министр-председатель (с 8.07), одновременно Верховный главнокомандующий (с 30.08) и глава Директории (01–25.09.1917). С 1918 в эмиграции, жил во Франции, США (с 1940) *– 307, 318, 379, 381, 382, 384, 386–388, 391, 392, 403, 404, 406, 419, 423, 426, 439, 447, 450, 453, 455*

Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933), историк, публицист, политический деятель, член ЦК партии кадетов, депутат II Государственной думы, магистр (1903), доктор (1909) русской истории, член-корр. РАН (1917). Преподаватель истории в московских гимназиях, в Лазаревском ин-те восточных языков (1884–1887). Преподаватель Народного ун-та им. А.Л. Шанявского, МВЖК и Коммерческого ин-та (с 1907). Приват-доцент (1898–1909), профессор (1909–1911, 1917–1922) историко-филологического ф-та М.у., действ, член Ин-та истории при ФОН МГУ (1921). В сентябре 1918 арестован, освобожден в январе 1919. В 1922 выслан из России, профессор Русского юридического ин-та, преподаватель Карлова ун-та в Праге, один из учредителей и председатель (с 1930) Русского исторического об-ва – *63, 106, 113, 121, 128, 139, 144, 164, 165, 176, 177, 181, 188, 283, 295, 300, 309, 325, 330, 335, 344, 345, 347, 350–352, 355, 358, 359, 366, 418, 422, 423, 429, 434, 439, 440, 446, 448*

Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872), граф, государственный деятель, ген. – адъютант (1823), ген. от инфантерии (1834). Участник Отечественной войны 1812, заграничных походов русской армии 1813–1814, русско-турецкой войны 1828–1829. С 1835 постоянный член всех секретных к-тов по крестьянскому делу, министр государственных имутцеств (1837–1856), посол России во Франции (1856–1862), член Государственного совета (1834) *—162*

Китченер Горацио Герберт (1850–1916), граф Хартумский (1914), английский военный деятель, фельдмаршал, военный министр (1914–1916) *—197, 259*

Кишкин Николай Михайлович (1864–1930), врач-физиотерапевт, политический деятель. Один из лидеров партии кадетов, член ее ЦК (с 1905). Совладелец и директор клиники в Москве, затем санатория. В годы Первой мировой войны товарищ главноуполно-

мии законодательства в Тулузе, Societa de historia patria в Риме, член Британской ассоциации наук. Доцент (1877–1880), профессор (1880–1887) юридического ф-та М.у., в 1887 решением министра народного просвещения И. Д. Делянова был отстранен от преподавания. Профессор Стокгольмского (1887), Оксфордского (1888), Нового Брюссельского (1889–1893) ун-тов; член, вице-председатель (1895), председатель (1907) Международного ин-та социологии. Основатель и преподаватель Русской высшей школы общественных наук в Париже (1901–1905). В 1905 вернулся в Россию (в Петербург), возглавил первую кафедру социологии в Психоневрологическом ин-те, профессор юридического ф-та Петербургского ун-та (1906–1916), Политехнического ин-та и Петербургских ВЖК (с 1906). Депутат I Государственной думы, член Государственного совета (1907), один из основателей конституционно-монархической Партии демократических реформ (1906). Президент Педагогической академии в С.-Петербурге, председатель Петербургского юридического об-ва, Вольного экономического об-ва (с 1909) *—106, 168, 169, 181, 183, 185, 277*

Козловский Иван Павлович (1869—не ранее 1940), историк, магистр русской истории, профессор, секретарь историко-филологического ф-та Варшавского ун-та (1912–1916), директор Историко-филологического ин-та князя Безбородко в Нежине (с 1917). После Октябрьской революции профессор Северо-Кавказского государственного ун-та, консультант Донского об-ва археологии и истории искусств в Ростове-на-Дону—360

Кокошкин Федор Федорович (1871–1918), юрист, публицист, государственный деятель, один из основателей партии кадетов, член ее ЦК, депутат I Государственной думы, магистр государственного права (1899). Приват-доцент, профессор юридического ф-та М.у. (1897–1911). Гласный Московского губернского земского собрания, член Московской губернской земской управы (с 1905). С марта 1917 председатель Юридического совещания при Временном прав-ве и Особого совещания по изготовлению проекта положения о выборах в Учредительное собрание, государственный контролер (24.07–26.08.1917). После Октябрьской революции арестован, содержался в Петропавловской крепости, затем Мариинской больнице, убит матросами-анархистами *– 394*

Колли Андрей Робертович (1874–1918), доктор физики (минуя степень магистра). Приват-доцент Новороссийского ун-та (1907–1909), профессор Варшавского ун-та (1909–1918). Убит толпой «как представитель буржуазии» в Ростове-на-Дону 11.02.1918 после занятия города войсками Красной Армии *– 265*

Колчак Александр Васильевич (1874–1920), военный и государственный деятель, ученый-географ, полярный исследователь, вице-адмирал (1916), адмирал (1918). Участник полярной экспедиции 1900–1902, в годы Первой мировой войны начальник оперативного отдела, командир минной дивизии Балтийского флота, командующий морскими силами в Рижском заливе, командующий Черноморским флотом (с июля 1916). В июне 1917 вышел в отставку, в августе 1917 отбыл в США в качестве начальника российской военно-морской миссии. Военный и морской министр Уфимской директории (октябрь – ноябрь 1918), Верховный правитель России (18.11.1918 – январь 1920), в январе 1920 арестован белочехами, передан большевикам, 7.02.1920 расстрелян по постановлению Иркутского ВРК *– 254, 360, 371*

Кони Анатолий Федорович (1844—1927), юрист, писатель, общественный деятель, доктор уголовного права (1890), почетный член (1896), почетный академик (1900) Петербургской АН. Товарищ прокурора Сумского и Харьковского (с 1867), Петербургского (с 1870) окружных судов, вице-директор (1875) и директор Департамента Мин-ва юстиции (1877), председатель Петербургского окружного суда (1877), председатель Гражданского департамента Петербургской судебной палаты (1881), обер-прокурор Уголовного кассационного департамента Сената (1885–1896), сенатор (1891), член Государственного совета (1907–1917). Профессор юридического ф-та Петроградского ун-та (1918–1922) *—196*

Коновалов Александр Иванович (1875–1949), промышленник, политический деятель, депутат IV Государственной думы. Председатель Костромского к-та торговли и мануфактур (1905–1908), товарищ председателя Московского биржевого к-та, товарищ председателя Центрального ВПК (с июля 1915), член ЦК партии прогрессистов (с 1912), один из инициаторов создания Всероссийского союза торговли и промышленности (1917–1918). В дни Февральской революции член Временного к-та Государственной думы, затем министр торговли и промышленности (2.03–18.05; 25.09–25.10. 1917). 25.10.1917 арестован вместе с другими членами Временного прав-ва, но вскоре освобожден, затем в эмиграции. Председатель Российского музыкального об-ва в Париже. Выступал с концертами как пианист-виртуоз – *68, 361, 362, 455*

Коновалов Дмитрий Григорьевич (1876–1947), историк религии, магистр богословия (1909). Доцент (1902–1909; 1917), профессор (с 1917) МДА по кафедре греческого языка и преподаватель французского языка (1907), преподаватель древних языков 1-й московской мужской гимназии, профессор МВЖК (1909–1917). В 1920-е научный сотрудник Ин-та истории РАНИОН —*188, 245, 354, 358, 359, 414*

Константин! (1868–1923), король Греции в 1913–1917 и 1920–1922, из династии Глюксбургов —*109, 231, 399*

Кончаловский Дмитрий Петрович (1878–1952), историк-антиковед, доктор honoris causa Оксфордского ун-та. Преподаватель МВЖК, приват-доцент историко-филологического ф-та М. у. (1907–1914; 1918–1921). В годы Первой мировой войны был на фронте, во 2-й пол. 1920-х научный сотрудник Ин-та истории РАНИОН, позже занимался преподаванием немецкого языка и латыни и переводами. В 1941 был в Белоруссии на оккупированной территории, преподавал в церковно-приходской школе, затем содержался в немецком концлагере, а после Второй мировой войны в лагере для перемещенных лиц в Германии (1945–1947). В октябре 1947 переехал к сестре в Париж, где и скончался. Брат П. П. Кончаловского —*172, 360, 442*

Кончаловский Петр Петрович (1876–1956), живописец, народный художник РСФСР (1946), академик АХ СССР (1947). Один из основателей «Бубнового валета» (1910), организатор (совместно с И. И. Машковым) «Студии рисования и живописи Петра Кончаловского и Ильи Машкова». Преподаватель Государственных свободных художественных мастерских (1918–1921) и Вхутеина (1926–1929), член группы «Бытие» (с 1922) и об-ва «Московские живописцы» (с середины 1920-х). В период Первой мировой войны служил прапорщиком в действующей армии. Брат Д.П. Кончаловского —*172*

Корб Иоганн Георг (ок. 1670 – ок. 1741), секретарь австрийского посольства, отправленного императором Леопольдом I в Москву к Петру I в 1698 —*161*

Корелин Михаил Сергеевич (1855–1899), историк, публицист, доктор всеобщей истории (1892, минуя степень магистра). Преподаватель истории Лазаревского ин-та восточных языков, МВЖК, женской гимназии С. Н. Фишер в Москве. Приват-доцент (1889–1892), профессор (1892–1899) историко-филологического ф-та М.у. – *129*

Коржевина Любовь Николаевна, надзирательница 1-й московской женской гимназии —*127*

Корнеева Елизавета Федоровна (1896—?), научный сотрудник Ин-та языка и истории литературы РАНИОН, преподаватель Индустриально-педагогического ин-та, специалист по истории западноевропейской литературы – *459, 461–467, 471*

Корнилов Александр Григорьевич (1895—?), студент историко-филологического ф-та М.у. – *144*

Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918), военный деятель, ген. от инфантерии (1917). В годы Первой мировой войны командующий 48-й пехотной дивизией, попал в плен к австрийцам (апрель 1915 – июль 1916), после побега командир 25-го армейского корпуса. Коман-

дующий войсками Петроградского военного округа (март-апрель 1917), командующий 8-й армией (май-июль 1917), главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта (7—18 июля 1917), Верховный главнокомандующий (19.07–27.08.1917). 25–31 августа 1917 возглавил движение по подавлению революции (Корниловский мятеж), 2 сентября арестован, содержался в г. Быхове, 19 ноября 1917 бежал в Новочеркасск, где вместе с ген. М. В. Алексеевым возглавил Добровольческую армию. Убит в бою под Екатеринодаром (13.04.1918) — *384, 389, 404, 406, 412, 413, 419, 421, 440*

Корнилович Александр Осипович (1800–1834), литератор, историк, декабрист. С 1815 прапорщик свиты по квартирмейстерской части, в апреле 1816 был откомандирован в распоряжение Д. П. Бутурлина для занятий в архивах Коллегии иностранных дел, затем служил в канцелярии ген. – квартирмейстера Главного штаба, поручик (с 1821), штабс-капитан (с 1822) Гвардейского генерального штаба. Сотрудник журналов «Полярная звезда», «Сын отечества» и «Соревнователь просвещения и благотворения». Преподаватель статистики и географии в школе топографов и в уч-ще для колонновожатых. Действ, член Вольного об-ва любителей российской словесности (с 19.12.1821), член цензурного к-та об-ва (с 30.12.1822), цензор библиографии (с 29.12.1823). Участвовал в подготовке восстания декабристов, член Южного об-ва. Приговорен к 12-летней каторге, срок сокращен до 8 лет. Наказание отбывал в Читинском остроге. В 1832 переведен рядовым в Ширванский пехотный полк на Кавказ. Умер от желчной горячки – *67, 79*

Корсаков Дмитрий Александрович (1843–1919), историк, магистр (1872), доктор (1880) русской истории, член-корр. Петербургской АН (1905). Хранитель кабинета этнографии, древностей и изящных искусств (1871), приват-доцент (1872), доцент (1872–1881), профессор (с 1881), заслуженный профессор (1897), декан (1900–1905) историко-филологического ф-та Казанского ун-та. С 1896 зав. университетским Музеем отечествоведения, редактор «Ученых записок» Казанского ун-та по историко-филологическому ф-ту – 236, *239, 255*

Корсаков Николай Сергеевич (1852–1925), врач, педиатр, доктор медицины (1884). Профессор (1902–1922), заслуженный профессор (1911) медицинского ф-та М. у., главный врач и директор Детской больницы им. Хлудова (Детской клиники М. у.) – 357

Корсакова (урожд. Благово) Варвара Дмитриевна (1875—?), жена Д. А. Корсакова, автор некоторых статей в РБС —237

Корш Федор Евгеньевич (1843–1915), филолог, востоковед, переводчик, историк литературы, магистр (1868), доктор (1877) римской словесности, доктор сравнительного языкознания (1897), член-корр. (1892), академик (1900) Петербургской АН. Доцент (1870–1877), профессор (с 1877), заслуженный профессор (1882) историко-филологического ф-та, почетный член (1903) М.у., профессор историко-филологического ф-та Новороссийского ун-та (1890–1892), Лазаревского ин-та восточных языков (1892–1915). Председатель Славянской (1887–1915) и Восточной (1888–1900) комиссий МАО, председатель Московской диалектологической комиссии (1904–1915), председатель Об-ва славянской культуры (1908–1915), член Орфографической и орфоэпической комиссии, председатель Комиссии по изданию сочинений А.С. Пушкина (1899–1914) *—142, 146*

Котик, см. *Богоявленский Константин Сергеевич*

Котляревский Александр Александрович (1837–1881), филолог-славист, историк литературы, археолог, этнограф, представитель мифологической школы в русской историографии, магистр (1868), доктор (1874) славянской филологии, член-корр. Петербургской АН (1875). Преподаватель в Александринском сиротском кадетском корпусе (с 1857), в 1862 полгода провел в заключении в Петропавловской крепости (за встречу с сотрудником Вольной русской типографии в Лондоне В. И. Кельсиевым), освобожден без права преподавать, жил частными уроками, сотрудничал в журнале «Филологические записки» (1862–1864, 1870). Один из членов-учредителей МАО (с 1864 товарищ секретаря об-ва, с 1867 редактор

1871), помощник председателя (с 1906) РИО. После Октябрьской революции в эмиграции *– 196–198*

Кульчицкий Николай Константинович (1856–1925), гистолог, доктор медицины (1883). Сверхштатный ассистент (февраль 1883), приват-доцент (ноябрь 1883), профессор (1889–1911), декан (1897–1901), заслуженный профессор (1908) медицинского ф-та Харьковского ун-та. Попечитель Казанского (с 1912) и Петроградского (с 1914) учебных округов, сенатор (1916), министр народного просвещения (27.12.1916—28.02.1917). После Февральской революции арестован, но вскоре освобожден. В 1919 бежал в Крым, с 1920 в эмиграции (Константинополь, Бизерта, Лондон). Преподаватель Оксфордского ун-та *– 283*

Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925), военный деятель, военный историк, почетный член Николаевской академии Генштаба (1898), Артиллерийской, Инженерной (1898), Военно-юридической и Военно-медицинской (1898) академий. Ген. от инфантерии (1900), ген. – адъютант (1902), участник русско-турецкой войны 1877–1878, участвовал в завоевании Средней Азии (1867–1871, 1875–1877 и 1879–1883), военный министр (1898–1904), командующий Маньчжурской армией (1904–1905), главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке (октябрь 1904 – март 1905), член Государственного совета (с 1906). В годы Первой мировой войны командовал Гренадерским корпусом, затем 5-й армией (1915), главнокомандующий армиями Северного фронта (февраль-июль 1916), ген. – губернатор Туркестана (июль 1916 – февраль 1917). В апреле 1917 арестован, в мае освобожден, жил в своем имении Шешурино в Псковской губ., один из организаторов и научный консультант народного музея в г. Холм Псковской губ. (с 1918), преподаватель экономической географии в основанной на его средства сельскохозяйственной школе (с 1921) *– 220*

Курц Борис Григорьевич (1885–1937), историк, магистр истории (1918). Выпускник ун-та Св. Владимира в Киеве (1910). После Октябрьской революции работал в административных и государственных органах Украины, со 2-й половины 1920-х профессор Киевского ин-та народного хозяйства *– 292*

Ламбер Жозеф Гаспар де Герен (Joseph-Gaspard Lambert de Guerin), инженер-генерал, по происхождению француз, на русской службе с 1701, принимал участие в осаде Нотебурга (Шлиссельбурга), в 1703 руководил осадой Ниеншанца, принимал участие в выборе места для Петербурга, составил план Петропавловской крепости. В 1706, поехав за границу для набора на русскую службу иностранных инженеров, отказался вернуться в Россию *—237*

Ланин Николай Петрович (1830–1895), московский купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин, гласный Московской городской думы, владелец завода фруктовых и минеральных вод и шампанского, в 1880-е издатель газеты «Русский курьер» *—122*

ЛаннБернард-Фердинанд Бернардович (1862—?), лектор французского языка на историко-филологическом ф-те М.у. и МВЖК *– 88*

Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919), историк, археограф, источниковед, философ, магистр русской истории (1890), адъюнкт (1899), экстраординарный (1902), ординарный (1905) академик Петербургской АН, почетный доктор права Кембриджского ун-та (Великобритания). Преподаватель истории в женской гимназии Таганцевой (1889) и в Еленинском женском ин-те (1890) в Петербурге. Приват-доцент (1890–1891), профессор (1891–1919) историко-филологического ф-та, член-учредитель и секретарь Исторического об-ва Петербургского ун-та. Преподаватель Тенешевского уч-ща, профессор Петербургского Историко-филологического ин-та (1891–1899), член АК (с 1894). Член Государственного совета (с 1906), член Комиссии по выработке избирательного закона в Учредительное собрание (1917) *—196, 198, 341*

Лахтин Леонид Кузьмич (1863–1927), математик, магистр (1893), доктор (1897) чистой математики. Профессор (с 1896), заслуженный профессор (1914), секретарь (1897–1903), декан (1912–1918) физико-математического ф-та, помощник ректора (1903), ректор (1904–

том. По постановлению Государственной думы 15.12.1916 лишен звания депутата. После Октябрьской революции вернулся в Польшу, член Государственного совета Царства Польского (1918), после провозглашения независимости Польши – сотрудник Мин-ва промышленности и торговли —*279*

Любавская Наталья Валериановна, урожд. Зызыкина, женаМ. К. Любавского (с 1871) —*310*

Любавский Матвей Кузьмич (1860–1936), историк, магистр (1894), доктор (1900) русской истории, член-корр. РАН (1917), академик АН СССР (1929, исключен в 1931, восстановлен в 1967). Преподаватель истории в нескольких московских гимназиях и Мариинском учще (1886–1894). Профессор МВЖК (с 1902). Приват-доцент (1894–1901), профессор (1901–1918), заслуженный профессор (1919), секретарь (1902–1904, 1906–1908), декан (1909–1911) историко-филологического ф-та, помощник ректора (1904–1906), ректор (1911—апрель 1917) М. у., профессор исторического отделения ФОН (с 1919), затем этнологического ф-та МГУ (1925–1930). Действ, член Ин-та истории ФОН МГУ – РАНИОН (с 1921). Эксперт Народного комиссариата иностранных дел (1918), член коллегии Московского отделения Главного упр-ния архивным делом (1918–1920), инициатор создания и руководитель Высших архивных курсов (1918–1930), директор Древлехранилища (1920–1930). Постоянный заместитель председателя (1917–1919), председатель (1919–1929) ОИДР. В 1930 арестован по «академическому делу», сослан в Уфу, работал в Башкирском НИИ национальной культуры (1931–1935). Скончался в Уфе. Реабилитирован в 1967 *– 70–74, 76, 85, 90, 93, 96, 98, 100, 104, 106, 107, 109, 111, 115, 116, 118, 128–131, 140, 143, 144, 149, 152, 155,156,165,169,177,181, 185, 187,190, 193–199, 201, 232, 233, 243, 249–254, 257, 261, 262, 265, 268–271, 277, 282, 283, 292, 293, 295, 296, 299, 301, 305, 308, 309, 312, 315, 316, 320, 323, 325, 332, 333, 338, 340, 344, 345, 347, 349–352, 357, 360, 363, 365, 366, 414, 425, 430, 434, 436, 439*

Любименко Инна Ивановна (1878–1959), историк, архивист, археограф, доктор философии Парижского ун-та (1908), доктор исторических наук. Архивист Главархиваи Центрархива(1921–1926), научный сотрудник Историко-археографического ин-та АН СССР, старший научный сотрудник Комиссии по историии Академии наук при Архиве АН СССР в Ленинграде (1939–1942, 1945–1946), научный сотрудник Ленинградского отделения Ин-та истории АН СССР – *279 Любомудров Константин Павлович* (1879–1937), диакон, затем священник нескольких церквей г. Ростова и Пошехонского уезда Ярославской губ. (1903–1915). Вольнослушатель (1915–1917), студент (1917–1919) МДА, и. о. эконома, затем эконом МДА (1916–1919), одновременно учился в Московском археологическом ин-те, окончил его в 1917 с серебряной медалью. Эконом Военной электротехнической академии в Сергиевом Посаде (1919–1921). С 1924 настоятель московских храмов: иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» и св. Климента, папы Римского. В 1932 арестован, выслан в Казахстан на 3 года, по возвращении из ссылки проживал в г. Можайске. В 1937 вновь арестован, расстрелян 19.11.1937 на полигоне в Бутово. Причислен клику новомучеников и исповедников Российских (2005). Реабилитирован в 1989 по делу 1937 г. и в 1990 – по делу 1932 *г. – 206*

Людовик Филипп, см. *Луи Филипп*

Лютш Александр Яковлевич (1893–1918), магистрант историко-филологического ф-та М.у. *– 253, 290, 334, 436*

Мазепа Иван Степанович (1644–1709), гетман малороссийский (1687–1708)—442

Майков Аполлон Николаевич (1821–1897), поэт, переводчик, член-корр. Петербургской АН (1853). Окончил юридический ф-т Петербургского ун-та (1841). Начал печататься в 1835. Служил в б-ке при Румянцевском музее, с 1852 – в К-те иностранной цензуры —*181*

Макарий (в миру Михаил Петрович Булгаков) (1816–1882), историк, богослов, публицист, бакалавр (1842), доктор (1847) богословия, академик Петербургской АН (1854). В

1841 пострижен в монашество, преподаватель Киевской ДА (1841), профессор (с 1843), ректор (1850–1857) Петербургской ДА, редактор журнала «Христианское чтение» (1850–1857), основатель харьковского журнала «Духовный вестник» (1861). Епископ Тамбовский (1857), Харьковский (1859), Винницкий, архиепископ Литовский и Виленский (1862–1879), митрополит Московский и Коломенский и Свято-Троице-Сергиевой Лавры священноархимандрит (1879–1882), одновременно член Синода —*126, 157, 256*

Макарий (в миру Михаил Андреевич Парвицкий – «Невский») (1835–1926), епископ-Бийский (1884–1891), Томский (1891–1912), митрополит Московский и Коломенский (1912–1917), Алтайский (с 1920) —*134, 188, 246, 255, 342*

Макаров Александр Александрович (1857–1919), государственный деятель. Помощник секретаря канцелярии председателя (1880), секретарь 1-го отделения (1882), член (1885–1889) Петербургского окружного суда, прокурор Ревельского (1889–1894), Нижегородского (1894–1897), Московского (1897–1899) окружных судов. Председатель Киевского окружного суда (1899–1901), прокурор Саратовской судебной палаты (1901–1906). Товарищ министра (1906–1909), министр (1911–1912) внутренних дел, государственный секретарь (1909–1911), сенатор (1907), член Государственного совета (1912), министр юстиции (июль-декабрь 1916). После Февральской революции арестован, в ноябре освобожден по болезни, в 1919 вновь арестован и расстрелян —*215, 281*

Макензен Август (1849–1945), германский военный деятель, ген. – фельдмаршал (1915). Во время Первой мировой войны командующий 9-й армией на Восточном фронте (с ноября 1914), 11-й австро-германской армией в Польше (с апреля 1915), с сентября 1915 группой армий при разгроме Сербии и Румынии. После перемирия в ноябре 1918 был интернирован французами, у которых находился до декабря 1919. С 1920 в отставке —*117, 252*

Маклаков Алексей Алексеевич (1872–1918), врач-офтальмолог, доктор медицины (1903), профессор и директор Глазной клиники М. у. (1910–1917), консультант Ведомства учреждений императрицы Марии. Брат В.А., Е. А. и Н. А. Максаковых – *312*

Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957), юрист, публицист, общественный и политический деятель, один из лидеров кадетской партии. Учился на естественном отделении физико-математического ф-та М.у. (в 1890 арестован и исключен за неблагонадежность), затем на историко-филологическом ф-те, оставлен при ун-те для подготовки к профессорскому званию, но из-за «политической неблагонадежности» устранен от научно-педагогической карьеры, сдал экстерном экзамен за курс юридического ф-та (1896). Помощник присяжного поверенного у Ф. Н. Плевако (с 1896), затем присяжный поверенный округа Московской судебной палаты, член союза адвокатов. Депутат II–IV Государственных дум, член ЦК партии кадетов (с 1906), член Юридического совета при Временном прав-ве (22.04 – июль 1917), посол России во Франции (с июля 1917), с августа 1917 член постоянного Совета общественных деятелей, член Предпарламента. Остался в эмиграции. Глава Центрального бюро по делам беженцев (1918–1957) и председатель Русского эмигрантского к-та при Лиге наций (с 1924). Во время немецкой оккупации Франции пять месяцев находился в тюрьме. Брат А. А., Е. А. и Н. А. Маклаковых – *68, 206, 218, 283*

Маклаков Николай Алексеевич (1871–1918), государственный деятель. Начальник отделения Тамбовской казенной палаты (1900–1902), директор Тамбовского губернского попечительского о тюрьмах к-та (1902–1906), управляющий Полтавской казенной палатой (1906–1909), и. д. (1909), губернатор (1910–1912) Черниговской губ. Управляющий (1912), министр внутренних дел (16.12.1912—5.06.1915), член Государственного совета (1915). После Февральской революции арестован, после Октябрьской революции расстрелян. Брат А. А., В. А. и Е. А. Маклаковых – *154*

Маклакова Елизавета Алексеевна (1868—?), сестра А. А., В. А. и Н. А. Маклаковых – *311*

Маковский Владимир Егорович (1846–1920), живописец, действ, член Петербургской АХ (1893), преподаватель Московского уч-ща живописи, ваяния и зодчества (1882–1894) и Петербургской АХ (1894–1918), с 1895 ее ректор, член Тов-ва передвижных выставок (с 1872) *—290*

Маколей Томас Бабингтон (1800–1859), английский историк, публицист и политический деятель, иностранный член-корр. Петербургской АН (1858) *– 417–423, 425, 427–429, 437–439, 445, 447, 448 Максим Грек* (в миру Михаил Триволис) (ок. 1470–1555), писатель, публицист, переводчик. С 1516 жил в России *– 435, 436*

Максимейко Николай Алексеевич (1870–1941), историк, юрист, магистр (1902), доктор (1914) государственного права, членкорр. АНУССР (1925). Приват-доцент (1897–1902), профессор (1902–1920) юридического ф-та Харьковского ун-та. Профессор Харьковского ин-та народного образования и других вузов Харькова (1920–1926), руководитель секции истории украинского права НИИ украинской культуры (1926–1934), член Комиссии по изучению истории западно-русского и украинского права АН УССР (1926–1940), научн. сотрудник Ин-та истории Украинской АН (с 1940) *– 62, 63*

Максимович Георгий Андреевич (1877—?), историк, магистр русской истории (1913). Наставник-руководитель по истории и географии гимназии при Историко-филологическом ин-те кн. Безбородко в Нежине (с 1909), преподаватель ун-та Св. Владимира в Киеве (с 1917), после Октябрьской революции преподаватель Таврического ун-та, профессор Крымского педагогического ин-та (в Симферополе) *– 426*

Мальмберг Владимир Константинович (1860–1921), историк искусства, археолог, магистр (1892), доктор (1905) теории и истории искусств, член-корр. Германского археологического ин-та. Приват-доцент Казанского ун-та (1888–1890), профессор историко-филологического ф-та Юрьевского (Дерптского) ун-та (1890–1907), МВЖК (с 1907). Профессор (с 1907), заслуженный профессор историко-филологического ф-та М.у. Старший хранитель, директор Музея изящных искусств им. императора Александра III (ГМИИ) (1911–1921) *– 63, 132, 138, 245, 363, 365, 418, 423*

Малянтович Павел Николаевич (1870–1940), юрист. Присяжный поверенный, министр юстиции (25.09–25.10.1917). После Октябрьской революции работал в различных советских учреждениях, несколько раз подвергался арестам, в последний раз в ноябре 1937, в январе 1940 расстрелян *– 450*

Мансуров Павел Борисович (1860–1932), дипломат, церковный деятель, участник монархического движения, секретарь посольства России в Константинополе (1898–1903), чиновник особых поручений МИДа (1905–1912), директор МГАМИД (1915–1917). Участвовал в создании Тамбовского Серафимовского Союза Русских Людей, в котором впоследствии состоял почетным членом, один из учредителей и участников «Кружка ищущих христианского просвещения» М.А. Новоселова. Член Поместного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918, секретарь общины Троице-Сергиевой лавры, член Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. В 1919 в Сергиевом Посаде публично выступал против закрытия Лавры. В 1926 арестован, выслан в Новгород, затем проживал в Москве *—132*

Мануйлов Александр Аполлонович (1861–1929), экономист, юрист, общественный и политический деятель, магистр (1895), доктор (1901) политической экономии. Народник (в 1890-х), затем кадет, член ЦК (с 1905). Профессор (1901–1911,1917—1918), зав. кафедрой политической экономии и статистики юридического ф-та, ректор (1905–1911) М. у. Причисленный к Мин-ву нар. проев, (с 1911), преподаватель Народного ун-та им. А. Л. Шанявского, Московского коммерческого ин-та (с 1907) и МВЖК (с 1903). Член Государственного совета (1907–1911). Министр народного просвещения (2.03—2.07. 1917). После Октябрьской революции эмигрировал, но вскоре вернулся, профессор кафедры теоретической эко-

номики ФОН МГУ (до 1923), член правления Государственного банка, преподаватель ряда вузов *—199, 317, 319, 320, 324, 336, 342, 375, 385, 435*

Мануйлов Симеон (Семен) Александрович (1887—?), выпускник историко-филологического ф-та М.у. (1916) *—427*

Маня, см. *Богоявленская Марш Михайловна Маргарита,* см. *Новикова (урожд. Толстова) Маргарита Петровна*

Мария Федоровна (1847–1928), российская императрица, урожденная Мария-София-Фредерика-Дагмара, дочь короля Дании Кристиана IX. Супруга (с 1866) великого князя Александра Александровича (будущего императора Александра III), мать императора Николая II, великих княгинь Ксении и Ольги, великих князей Георгия и Михаила. С 1918 в эмиграции *—196*

Марков Алексей Владимирович (1877–1917), фольклорист, окончил историко-филологический ф-т М.у. в 1900, с 1911 преподаватель, затем декан историко-филологического ф-та Тифлисских ВЖК. Сын В. С. Маркова, двоюродный племянник М. М. Богословского *– 420*

Марков Владимир Сергеевич (1887—?), выпускник Московской духовной семинарии (1908) и МДА (1912), издатель переписки К. П. Победоносцева с Н. И. Субботиным *—102*
Марков Николай Евгеньевич (Марков 2-й) (1866–1945), инженер, архитектор, общественный и политический деятель, депутат III и IV Государственных дум, один из руководителей Союзов Русского народа и Михаила Архангела, член Особого совещания по обороне государства (с 1915). Участник Белого движения, с 1920 в эмиграции, председатель Высшего монархического совета (1921–1931) *—154, 273*

Маркова (урожд. Богословская) Мария Ипполитовна (1853 – нач. 1920-х), дочь И. М. Богословского-Платонова, жена (с 1870) протоиерея Владимира Семеновича Маркова (?—1917), церковного деятеля, магистра богословия, почетного члена МДА, настоятеля Троицкой церкви на Арбате, затем Большого Успенского Собора в Кремле и Храма Христа Спасителя, двоюродная сестра М.М. Богословского *—143*

Марковы, родственники Богословских, семья двоюродной сестры М. М. Богословского Марии Ипполитовны (урожденной Богословской) и протоиерея Владимира Семеновича Маркова *– 173, 311*

Маркс Карл Генрих (1818–1883), немецкий экономист и философ, основоположник научного социализма *– 423*

Мартов Л. (наст, фамилия и имя Цедербаум Юлий Осипович) (1873–1923), политический и общественный деятель, публицист, историк, действ, член Социалистической академии общественных наук (1895). Неоднократно подвергался арестам и ссылкам, один из организаторов Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», с 1903 один из лидеров меньшевизма, с 1917 руководитель его «левого» крыла, член ВЦИК (1918–1920), депутат Моссовета (1919–1920), с сентября 1920 в эмиграции *– 380, 388*

Мартынов Алексей Васильевич (1868–1934), хирург, доктор медицины (1897), заслуженный деятель науки РСФСР (1933). Приват-доцент медицинского ф-та М. у. (1898–1904). Профессор Харьковского ун-та (1904–1905), директор хирургической клиники Ново-Екатерининской больницы в Москве (с 1905). Директор (с 1910) Госпитальной хирургической клиники (в настоящее время клиника им. А. В. Мартынова Медицинской академии им. И. М. Сеченова), профессор, секретарь, декан (1919–1921) медицинского ф-та М.у. Профессор Московского травматологического ин-та (1917–1921), член-учредитель, член правления, председатель (1925) и почетный член (1927) Об-ва российских хирургов, Пироговского хирургического об-ва в Ленинграде (1927), член Ученого медицинского совета Наркомздрава РСФСР (1918) *—312, 317*

Масленников Александр Михайлович (1858 – до 17.12.1950), юрист, общественный деятель, член партии кадетов, член ЦК партии прогрессистов, депутат III и IV Государственных

дум. Комиссар Временного прав-ва на Северном фронте (6—10 марта 1917), в Саратовской губ. (20–25 марта 1917), на Юго-Западном фронте (с 6.04.1917). После Октябрьской революции в эмиграции в Германии – *390*

Массон Шарль Франсуа Филибер (1762–1807), по национальности швейцарец, на русской службе с 1786, преподаватель Артиллерийского и инженерного шляхетского кадетского корпуса, гувернер сыновей Н. И. Салтыкова (1789), воспитатель и учитель математики великих князей, с 1795 секретарь великого князя Александра Павловича, зачислен в Екатеринославский гренадерский полк, в 1796 выслан из России Павлом I – *88*

Мельгунов Сергей Петрович (1879–1956), историк, публицист, политический деятель, лидер партии народных социалистов. Один из основателей (1911), председатель правления (1913–1922) кооперативного издательского Тов-ва «Задруга». Сотрудник и редактор нескольких периодических изданий, в том числе, основанного совместно с П. Н. Сакулиным и В. И. Семевским журнала «Голос минувшего» (1913–1923), издательства «Свободная Россия» (1905–1906). Весной 1917 возглавил Комиссию по разработке политических дел Москвы (Архива политических дел), в апреле 1918 Комиссия ликвидирована. После Октябрьской революции был одним из руководителей Союза возрождения России и Тактического центра, несколько раз подвергался арестам. Арестованный 17.02.1920 по делу Тактического центра, приговорен в августе к расстрелу, замененному 10 годами заключения, освобожден 13.02.1921, но в мае вновь арестован; осенью выслан за границу. Жил в Берлине, с 1926 в Париже —*117, 277, 278*

Мензбир Михаил Александрович (1855–1935), анатом, зоолог, зоогеограф, орнитолог, магистр (1882), доктор (1886) зоологии, член-корр. Петербургской АН (1896), академик АН СССР (1929). Профессор (1886–1911), заслуженный профессор физико-математического ф-та, помощник ректора (1902–1911), ректор (1917–1919) создатель и зав. лабораторией зоогеографии и сравнительной анатомии (1917–1930) М.у. Организатор и директор Ин-та и музея сравнительной анатомии (1901–1911), профессор МВЖК (1911–1917), вице-президент (1913–1915), президент (1915–1935) МОИП – *317, 430, 434, 435*

Менцель, выпускница историко-философского ф-та МВЖК – *360, 361*

Мерилиз (Мерелиз) Арчибалд (1797–1877), по происхождению шотландец, переехал в Россию в первой половине XIX в., учредитель торговой фирмы под своим именем в С.-Петербурге (1843), преобразованной в 1857 в торговый дом «Мюр и Мерилиз» (1857–1922, с 1880-х – в Москве) – *96, 178, 258*

Мечников Илья Ильич (1845–1916), биолог и патолог, один из основоположников сравнительной патологии, эволюционной эмбриологии и иммунологии, магистр (1867), доктор (1868) зоологии, член-корр. (1883), почетный член (1902) Петербургской АН, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине (1908, совместно с П. Эрлихом). Доцент (1867–1868), профессор (1870–1883) кафедры зоологии Новороссийского ун-та, доцент кафедры зоологии Петербургского ун-та (1868). С 1883 в отставке, земский энтомолог в Полтавской губ., в 1886 совместно с Н.Ф. Гамалеей создал в Одессе первую в России бактериологическую станцию. С 1887 жил в Париже. Сотрудник (с 1889), зам. директора (с 1905) Пастеровского ин-та в Париже – *212, 214*

Мигулин Петр Петрович (1870–1948), экономист, публицист, издатель, доктор финансового права. Профессор юридических ф-тов Харьковского, затем Петербургского ун-тов, член Совета Главного упр-ния землеустройством и земледелием (с 1907), Совета министра финансов (с 1914), редактор-издатель еженедельного научного и политического журнала «Экономист России» (1909–1917, с 1913 – «Новый экономист») —*188*

Миллер Всеволод Федорович (1848–1913), фольклорист, лингвист, этнограф, археолог, магистр (1877), доктор (1883) сравнительного языковедения, доктор русского языка и словесности honoris causa (1892), член-корр. (1898), академик (1911) Петербургской АН. Хра-

нитель Дашковского этнографического музея (1884–1897), доцент (1877–1884), профессор (1884–1911), заслуженный профессор (1903) историко-филологического ф-та М. у., профессор и директор Лазаревского ин-та восточных языков (1897–1911), профессор МВЖК (1900–1911), председатель этнографического отдела ОЛЕАЭ (1881–1913). Один из основателей и редактор журнала «Критическое обозрение» (1877,1880, вместе с М. М. Ковалевским) и «Этнографическое обозрение» (1889–1916). С 1911 жил в Петербурге, преподавал в Женском педагогическом ин-те – *97, 104*

Милль Джон Стюарт (1806–1873), английский философ, экономист и социолог – *465*

Милюков Павел Николаевич (1859–1943), историк, публицист, общественный и политический деятель, магистр русской истории (1892), почетный доктор Кембриджского ун-та (1916). Депутат III и IV Государственных дум, один из основателей и лидер партии кадетов, председатель ее ЦК (1907–1918). Приват-доцент М.у. (1886–1895), уволен по политическим мотивам, выслан на 2 года в Рязань (1895–1897), в 1897–1905 читал лекции за границей: в Софийском ун-те, в Бостоне, Гарварде, Чикаго, в 1905 вернулся в Россию. В 1915 инициатор создания Прогрессивного блока. Во время Февральской революции член Временного к-та Государственной думы, затем министр иностранных дел (2.03—2.05.1917). После Октябрьской революции товарищ председателя антисоветской организации «Национальный центр», затем член Донского гражданского совета, с Дона уехал в Киев (1918), с конца того же года в эмиграции в Румынии, затем в Лондоне и Париже (с 1921). Учредитель и председатель Об-ва русских писателей и журналистов, Клуба русских писателей и ученых, К-та помощи голодающим в России, один из организаторов Русского народного ун-та. Читал лекции в Сорбонне, во Франко-Русском ин-те и др. *– 76, 239, 264, 266, 279, 307, 308, 318, 345, 346, 353, 355, 371, 445, 455*

Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912), граф (1878), военный и государственный деятель, ген. – адъютант (1859), ген. – фельдмаршал (1898), доктор русской истории (1866), член-корр. (1853), почетный член (1866) Петербургской АН, почетный президент Военно-юридической академии (1881) и Николаевской академии Генерального штаба (1883). Профессор Военной академии (1845–1856), и. д. начальника главного штаба на Кавказе (1856), начальник главного штаба Кавказской армии (1857). Товарищ военного министра (1860), управляющий военным мин-вом (май – ноябрь 1861), военный министр (ноябрь 1861–1881), член Государственного совета (1881)—*197*

Минаков Петр Андреевич (1865–1931), антрополог, патологоанатом, доктор медицины (1894), доктор медицинских наук (1930). Профессор, зав. кафедрой и Ин-том судебной медицины медицинского ф-та (1900–1911, 1917–1931), проректор (1909–1911) М.у., сотрудник Ин-та антропологии Ассоциации НИИ при физико-математическом ф-те (с 1922), профессор кафедры судебной медицины ф-та советского права МГУ (1930), председатель Антропологического об-ва при МГУ (с 1923).

Причисленный к Мин-ву нар. проев. (1911–1917), организатор и зав. кафедрой судебной медицины МВЖК. Председатель антропологического отделения ОЛЕАЭ, член Интернационального НИИ в Париже —*199, 317 Минор Осип (Иосиф) Соломонович* (1861–1934), деятель революционного движения. Народоволец, затем эсер (с 1902), подвергался арестам и ссылкам, в 1910 приговорен к 8 годам каторги, после Февральской революции вернулся в Москву, председатель Московской городской думы (с июля 1917). С 1918 в эмиграции в Париже, председатель Об-ва содействия эмигрантам и политзаключенным России – *384*

Минцлов Рудольф Иванович (1811–1883), библиограф, библиотекарь Императорской Публичной б-ки в Петербурге —*278*

Миня, см. *Богословский Михаил Михайлович*

Миня [Богоявленский], см. *Богоявленский Михаил Сергеевич*

низациях, в ходе Октябрьской революции член Московского ВРК и член Революционного штаба, затем командующий войсками Московского военного округа. Позже (1919) член Реввоенсовета Восточного фронта, с 1925 член ЦКК ВКП(б), начальник военно-морской инспекции Наркомата РКИ, ректор сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева. В 1927 выведен из ЦКК, исключен из партии, с 1928 в Сибири на хозяйственной работе, в 1937 расстрелян – *455*

Муратов Михаил Васильевич (1892–1957), историк, книговед, писатель. В 1917 студент историко-филологического ф-та М. у. В 1920–1931 преподавал историю книжного дела на Высших библиотечных курсах при Ин-те библиотековедения в Москве и в вузах Иркутска, сотрудник Центрального бюро краеведения– *437*

Муретов Митрофан Дмитриевич (1851–1917), доктор богословия (1893). Доцент (с 1878), профессор (1893), заслуженный профессор (1903), почетный член (1911), член правления (с 1906), инспектор (1906–1907) МДА – *243, 246, 325, 328*

Мурзин Николай Иванович, надзиратель и письмоводитель 5-й московской мужской гимназии (с 1878) —*361*

Мюллер Владимир Карлович (1880–1941?), историк литературы, лингвист, переводчик. Лектор английского языка, приват-доцент по кафедре истории западно-еаропейских литератур (с 1917) историко-филологического ф-та М. у., член Испытательного к-та при Упр-нии Московского учебного округа, преподаватель МВЖК. Составитель англо-русского словаря, переводчик Шекспира. Профессор ЛГУ (с конца 1920-х) – *88*

Мюр Эндрю (Андрей) (1817–1899), по происхождению шотландец, переехал в Россию в первой половине XIX в., московский купец 1-й гильдии (1867), преемник А. Мерилиза (см.), в 1857–1874 руководитель торгового дома «Мюр и Мерилиз» – *72, 239, 258*

Надеждин Николай Иванович (1804–1856), критик, журналист, историк, этнограф, археолог, один из первых представителей исторической географии в России, магистр богословия (1824), доктор этико-филологических наук (1830). Профессор словесности и немецкого (позднее и латинского) языка Рязанской духовной семинарии (1824–1826), в 1826 выбыл из духовного звания. Преподаватель логики, российской словесности и мифологии в Московской театральной школе (с 1831). Профессор теории изящных искусств и археологии отделения нравственно-политических наук М. у. (1831–1835), член училищного к-та, член К-та для испытания гражданских чиновников (1832–1834). Издатель журнала «Телескоп». За публикацию первого «Философического письма» П. Я. Чаадаева (1836) журнал закрыт, Надеждин сослан в Усть-Сысольск, в 1838 переведен в Вологду, в апреле того же года прощен царем. Жил в Одессе (1838–1842), редактировал «Одесский альманах», в 1842 переселился в Петербург, служил в МВД, с 1845 чиновник по особым поручениям при министре Л. А. Перовском. С 1848 член Совета и председатель Отделения этнографии Русского географического об-ва, редактор «Географических известий» (1848–1851), «Этнографического сборника» и «Журнала МВД» (1842–1856) —*235*

Надя, см. *Фишер (урожд. Толстова) Надежда Петровна*

Назаревский Александр Владимирович (1876 – после 1919), историк искусства. Приват-доцент историко-филологического ф-та М. у., в 1910–1916 хранитель Музея изящных искусств им. императора Александра III при М. у. (ГМИИ) —277

Найденов Николай Александрович (1834–1905), потомственный почетный гражданин, предприниматель, общественный деятель, меценат-издатель – *112*

Наполеон I (Наполеон Бонапарт) (1769–1821), французский государственный деятель и полководец, первый консул Французской республики (1799–1804), император Франции (1804–1814,1815)– *412*

Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940), инженер-технолог, политический деятель. Профессор Томского технологического ин-та (1902–1907), депутат III и IV Государ-

ственной обороны (1905–1908), в годы Первой мировой войны Верховный главнокомандующий (20.07.1914– 23.08.1915, 2—11.03.1917), наместник Кавказа и главнокомандующий Кавказской армией (23.08.1915—2.03.1917). С 1919 в эмиграции, проживал под фамилией Борисов в Шуаньи под Парижем и в Антибе на юге Франции. Местоблюститель престола *– 70, 77, 222*

Никольский Александр Михайлович (1858–1942), зоолог и физиолог, магистр (1887), доктор (1889) зоологии, член АН Украины (1919). Приват-доцент (с 1887), штатный хранитель зоологического кабинета (1882–1895) Петербургского ун-та, зав. отделением пресмыкающихся, земноводных и рыб Зоологического музея Петербургской АН (с 1895). Исследователь фауны дельты Волги, Сахалина, оз. Балхаш, Алтайских гор и др. Профессор Харьковских ВЖК, профессор (с 1903), заслуженный профессор (1912) по кафедре зоологии, сравнительной анатомии и физиологии физико-математического ф-та Харьковского ун-та, зав. научно-исследовательской кафедрой зоологии того же ун-та (с 1921)*– 312*

Никольский Владимир Капитонович (1894–1953), историк, этнограф, доктор исторических наук (1944). Окончил историко-филологический ф-т М. у. в 1916, оставлен на 2 года для приготовления к магистерским экзаменам, преподавал в высших учебных заведениях Москвы, приват-доцент ФОН, профессор этнологического ф-та (1930–1934), затем исторического ф-та (1934–1946) МГУ. Зав. кафедрой древней истории Московского областного педагогического ин-та им. Н. К. Крупской (1943–1953) *—253, 298, 334*

Никольский Михаил Васильевич (1848–1917), историк, основоположник русской ассириологии, семитолог, шумеролог и урартолог, доктор всеобщей истории (1908). Преподаватель классических языков в средних учебных заведениях Москвы, преподаватель еврейского языка и ассириологии на историко-филологическом ф-те М. у. Организатор (1887) и первый секретарь (1887–1896) Восточной комиссии при МАО, цензор Московского цензурного комитета, член Совета Главного упр-ния по делам печати, редактор серии «Древности восточные» (1889–1915, 5 томов). Отец Н. М. Никольского —447

Никольский Николай Михайлович (1877–1959), историк религии, востоковед, этнограф, академик АН БССР (1931), член-корр. АН СССР (1946), заслуженный деятель науки БССР (1938). Преподаватель истории в частной женской гимназии О. Ф. Протопоповой в Москве (1900–1918). После Октябрьской революции преподаватель Социалистической академии общественных наук, профессор (1918–1932), ректор (1919–1921) Смоленского ун-та, профессор и декан педагогического ф-та Белорусского ун-та (с 1921). Сотрудник (с 1929), руководитель сектора этнографии и фольклора (1931–1937) АН БССР, директор Ин-та истории Белорусской АН (1937–1953), в период Великой Отечественной войны – в партизанском отряде им. С. Лазо. Сын М. В. Никольского —447

Новгородцев Павел Иванович (1866–1924), юрист, философ, публицист, общественный и политический деятель, магистр (1897), доктор (1902) государственного права. Один из основателей партии кадетов (1905), член ее ЦК (1905, 1917), депутат I Государственной думы. Приват-доцент (1896–1903, 1907–1911; лишенный в 1907 избирательных прав за участие в составлении выборгского воззвания, отказался от профессуры в М. у., оставшись приват-доцентом), профессор (1903–1906, 1917–1918) юридического ф-та М.у. С 1906 профессор и директор Московских высших коммерческих курсов (с 1907 Московский коммерческий ин-т), профессор Народного ун-та им. А.Л. Шанявского и МВЖК. В годы Первой мировой войны сотрудник Всероссийского союза городов, уполномоченный Московской городской думы по снабжению Москвы топливом (1915–1917), член-учредитель «Лигирусской культуры» (1917). В 1918 один из инициаторов создания и руководитель ряда антисоветских подпольных организаций (с мая на нелегальном положении, с осени на Юге России). С 1920 в эмиграции (Берлин, Прага). Весной 1922 основал и возглавил как декан (1922–1924) Русский юридический ф-т при Карловом ун-те в Праге, стал инициатором создания

ват-доцент (1894–1897), профессор (1906–1911, с 1917), заслуженный профессор (1925) историко-филологического ф-та М.у. Профессор Варшавского ун-та (1897–1906), профессор МВЖК и Народного ун-та им. А.Л. Шанявского. В 1919 ненадолго арестован в связи с делом антисоветской организации «Национальный центр». Читал лекции в Политехническом и Педагогическом ин-тах в Иваново-Вознесенске. В 1920-е директор Ин-та истории ФОН МГУ – РАНИОН. В последние годы жизни работал в Ин-те истории АН СССР. Умер в эвакуации в Казани – 87, 96, 136, 164, 185, 344, 345, 347, 355, 366, 433, 446

Пионтковский Сергей Андреевич (1891–1937), историк, членкорр. Коммунистической академии и АН БССР. Выпускник (1914), магистрант историко-филологического ф-та Казанского ун-та. После Октябрьской революции комиссар труда Казанской губ., преподаватель Высшего ин-та народного образования в Казани (1919–1920), профессор Коммунистического ун-та им. Я.М. Свердлова (с 1921), зам. редактора журнала «Пролетарская революция», член Истпарта. Научный сотрудник, преподаватель, ученый секретарь (1930) Ин-та истории ФОН МГУ – РАНИОН. Зав. кафедрой истории ф-та литературы и искусства (1930–1934), профессор исторического ф-та (1934–1936) МГУ. Профессор, зав. кафедрой истории СССР МИФЛИ (с 1931) и Ин-та Красной профессуры, член ГАИМК. Арестован в 1936, в 1937 расстрелян – *83*

Писарев Николай Николаевич (1876–1921), духовный писатель, магистр (1904), приват-доцент, профессор Казанской ДА – *61*

Писаревский Григорий Григорьевич (1868—?), историк, магистр русской истории. Приват-доцент М. у., профессор Варшавского ун-та (с 1910), со 2-й пол. 1920-х профессор Смоленского государственного ун-та – *85, 96, 107, 147, 169, 179, 421, 422, 426*

Пичета Владимир Иванович (1878–1947), историк-славист, магистр (18.02./3.03.1918за 1 том монографии об аграрной реформе Сигизмунда Августа), доктор русской истории (8/21.04.1918 за 2 том монографии), доктор исторических наук (1940), академик АН БССР (1928, исключен в 1930), член-корр. (1939), академик (1946) АН СССР, заслуженный деятель науки УССР (1943), Узбекской ССР (1943). Преподаватель учительской семинарии в Корыстышеве близ Житомира на Украине (1901–1903), в средних учебных заведениях Екатеринослава (1903–1905) иМосквы (с 1905). Преподаватель МВЖК (1906–1918), Народного ун-та им. А. Л. Шанявского. Приват-доцент (1910–1911), профессор (1918) историко-филологического ф-та М.у., профессор ФОН МГУ (1921–1922). Преподаватель Военно-педагогического ин-та (1918), главный инспектор и член коллегии Центрархива. Профессор (1921–1930), заслуженный профессор (1926), ректор (1921–1929) Белорусского ун-та. В 1930 арестован по обвинению в национализме, в ссылке в Вятке (1931–1934), служил нормировщиком, зав. техническим нормировочным бюро в кооперативе общественного питания (1931–1934). С 1934 в Воронеже, профессор Воронежского педагогического ин-та (1934–1935). Преподаватель рабфака МГПИ, Ин-та хлебопекарной промышленности (1935–1940). Организатор и зав. кафедрой истории южных и западных славян исторического ф-та МГУ (1939–1947), зав. сектором славяноведения Ин-та истории АН СССР (1939–1946), зам. директора Ин-та славяноведения АН СССР (1946–1947) *– 134, 264, 274, 282, 295, 325, 339, 422, 430, 436*

Платонов Сергей Федорович (1860–1933), историк, магистр (1888), доктор (1899) русской истории, член-корр. Петербургской АН (1909), академик РАН (1920, исключен в 1931, восстановлен в 1968). Приват-доцент (1888–1890), профессор (1890–1912), заслуженный профессор (1910), секретарь (с 1893), декан (1900–1905) историко-филологического ф-та Петербургского ун-та, профессор и директор Женского педагогического ин-та в Петербурге (1903–1916), профессор (1889–1916) и декан историко-филологического отделения Петербургских ВЖК, преподаватель Археологического ин-та в Петербурге (с 1910). Действ. (1890), почетный (1909) член, управляющий Русским отделением (1894–1898), председатель (1922–1924) РАО. Почетный член Ученого к-та Постоянной комиссии народных чтений

Мин-ва нар. проев, (с 1903). Преподаватель в Николаевской академии Генерального штаба, Александровской военно-юридической академии. Член Межведомственной комиссии по охране и устройству архивов упраздненных учреждений (с весны 1918), зам. председателя Главного упр-ния архивным делом (1918–1923), председатель АК (31.12.1918–1929, член с 1894), одновременно преподаватель Петербургского ун-та, Педагогического и Археологического ин-тов (1918–1923), директор Пушкинского дома (1925–1929), БАН СССР (1925–1928), академик – секретарь отделения гуманитарных наук АН СССР. Арестован 12.01.1930, с 1931 в ссылке в Самаре. Умер в ссылке. Реабилитирован посмертно (1967) *– 135, 185–188, 190, 191, 196, 198, 199, 208, 218, 219, 225, 227, 251, 308, 309, 340, 342*

Плотников Иван Степанович (1878–1955), физикохимик, доктор философии (1905), магистр химии (1908), доктор химии и физики (1915). Приват-доцент (1909–1912), профессор физико-математического ф-та М.у. (1912–1918), создатель первой в России фотохимической лаборатории (1913), зав. объединенной лабораторией неорганической, физической химии и фотохимии (1914–1917). С 1919 в эмиграции, в 1919–1920 руководил научной фотохимической лабораторией в Берлине, с 1920 профессор и директор Ин-та физики и физической химии Загребского ун-та *– 292*

Победоносцев Константин Петрович (1827–1907), правовед, государственный деятель, магистр судопроизводства (1859), почетный член Петербургской АН (1880), почетный член Французской академии (1883). Профессор юридического ф-та М. у. (1860–1865). Сенатор (с 1868), член Государственного совета (с 1872), обер-прокурор Синода (1880–1905), член К-та министров (1880–1905) *– 84, 102*

Погодин Михаил Петрович (1800–1875), историк-славист, археограф, писатель, публицист, издатель, коллекционер, общественный деятель, видный деятель правого крыла славянофильства, магистр русской истории (1824), доктор философии Пражского ун-та (1848), член-корр. (1826), академик Петербургской АН (1841). Преподаватель географии в Московском Благородном пансионе (1821–1825), преподаватель всеобщей истории словесного отделения (1825–1828), адъюнкт этико-политического отделения (1828–1833), профессор русской истории (1835–1844), почетный член (1845) М. у. Секретарь (1836–1845, член с 1825), председатель (1875) ОИДР, секретарь (1834), председатель (1860–1866) ОЛРС, один из организаторов и председатель (1861) Славянского благотворительного к-та. Создатель частного «Древлехранилища», проданного государству в 1853, материалы коллекции поступили в Императорскую Публичную б-ку, Эрмитаж, Московский Кремль. Издатель журналов «Московский вестник» (1827–1830) и «Москвитянин» (1841–1856) *—238–240, 260, 264*

Позньшев (Поздньшев) Сергей Викторович (1870 – после 1930), юрист, криминалист, магистр международного права (1901), доктор уголовного права (1906). Профессор юридического ф-та (1909–1917), проректор (1915–1917), председатель особой Комиссии для содействия делу обороны страны и помощи жертвам войны (1915–1917) М. у. Профессор Лицея в память цесаревича Николая (с 1912). После Октябрьской революции зав. отделением общественных наук ГБЛ им. В. И. Ленина, профессор Международной АН (Тулуза, 1930) *– 76*

Покровский Александр Иванович (1873–1928), доктор богословия (1916), в 1920-е обновленец. Помощник инспектора (1898–1902), доцент (1906–1907), профессор (1907–1909, 1917) МДА, приват-доцент историко-филологического ф-та М. у. (1907–1916). Преподаватель Высших женских юридических курсов В.А. Полторацкой (1909–1916), профессор Новороссийского ун-та (1916–1919), Ин-та гуманитарно-общественных наук (1920–1922) и юридического ф-та Ин-та народного хозяйства *– 102, 114, 116, 135, 137, 155, 156, 158–161, 232, 245, 328, 354, 414*

Покровский Василий Иванович, литературовед, член к-та Русского библиографического об-ва при Московском ун-те, член ОИДР с 1901*– 96, 107, 118*

Попов Николай Петрович (1864–1938), историк, археограф. Заведующий Синодальной б-кой (1900–1917), делопроизводитель и секретарь Наблюдательного совета (1898–1904), преподаватель Синодального уч-ща (1901–1907), сотрудник АК (с 1913), сотрудник ОР (с 1920), консультант (с 1933) ГИМ – *331, 348*

Попов Петр Михайлович (1862–1920), терапевт, доктор медицины (1892), почетный лейб-медик Высочайшего двора. Главный врач Ново-Екатерининской больницы в Москве, профессор медицинского ф-та (с 1894), директор факультетской терапевтической клиники (1896–1899) М. у. *– 434, 435, 437*

Поржезаер, врач в санатории в Гребневе —*468*

Поржезинский Виктор Карлович (1870–1929), русский и польский языковед, доктор сравнительного языковедения (1901), академик Польской АН (1925). Профессор историко-филологического ф-та М.у. (1901–1921), МВЖК (с 1902), член и основатель Московского лингвистического об-ва (1918). Впоследствии профессор Варшавского ун-та *– 78, 87, 88, 140, 144, 149, 153, 162, 164, 169, 194, 201, 244, 250, 253, 259, 263, 310, 342, 352, 353, 358, 426, 446, 448*

Поспелов Алексей Иванович (1846–1916), врач, дерматолог, венеролог, доктор медицины (1874). Профессор (с 1887), заслуженный профессор (1909) медицинского ф-та М.у., директор Клиники кожных и венерических болезней (с 1895). Инициатор создания и председатель Московского дерматологического и венерологического об-ва (1891–1910), основоположник московской дермато-венерологической школы *– 281, 311*

Поссельт (Posselt) Мориц Конрад (Мориц Федорович) (1805–1875), историк, преподаватель философии в Дерптском ун-те (с 1834), затем преподаватель немецкого языка в московских и петербургских учебных заведениях, библиотекарь Императорской Публичной б-ки (с 1851) *—87–89, 117–119, 280, 371*

Походяшин Григорий Максимович (1760—?), мартинист и филантроп, друг Н. И. Новикова *– 261*

Правдин Осип Андреевич (настоящие фамилия и имя Трейлебен Оскар Августович) (1846–1921), артист Малого театра *—180,181*

Предтечевский, священник, в 1917 студент МДА *– 437 Преображенский Петр Федорович* (1894–1941), историк, с 1916 магистрант историко-филологического ф-та М. у., магистр всеобщей истории (1917). Профессор Самарского Государственного ун-та (1919–1921). Профессор, зав. кафедрой общей этнологии, зав. историко-этнологическим кабинетом, председатель президиума этнографического отделения этнологического ф-та, зав. кафедрой истории древнего мира (с 1934) исторического ф-та МГУ (1921–1937). Профессор НИИ Социологии при ФОН МГУ (с 1921), действ, член, председатель секции этнологии Ин-та истории ФОН МГУ – РАНИОН. Редактор 1-го издания БСЭ. В 1933 подвергался аресту, в 1937 репрессирован *– 200*

Пресняков Александр Евгеньевич (1870–1929), историк, источниковед, магистр (1909), доктор (1918) русской истории, член-корр. РАН (1920). Преподаватель ряда частных гимназий Петербурга (с 1893), Екатерининского сиротского ин-та, Педагогических курсов при петербургских женских гимназиях, профессор Петербургского женского педагогического ин-та (с 1896), Петербургских ВЖК (1908–1917). Приват-доцент (с 1907), профессор (с 1918) Петербургского (Петроградского) ун-та, член АК (с 1910), декан археографического ф-та Петроградского археологического ин-та (с 1918), преподаватель Ин-та Красной профессуры (со 2-й пол. 1920-х) *—199*

Пригоровский Георгий Михайлович (1884–1937), историк-антиковед, эпиграфист, переводчик. Приват-доцент историко-филологического ф-та М.у., сотрудник Ин-та истории ФОН МГУ– РАНИОН (1925–1929), в 1930-х проживал в Томске. В мае 1937 арестован по обвинению в принадлежности к «Союзу спасения России», расстрелян 5 декабря 1937. Реабилити-

Розанов Матвей Никанорович (1858–1936), литературовед, магистр (1901), доктор (1910) всеобщей истории литературы, академик РАН (1921). Преподаватель в различных учебных заведениях Москвы (1885–1887). Приват-доцент (1900–1911), профессор, зав. кафедрой истории западноевропейских литератур (1911–1929), основатель и руководитель германо-романского отделения историко-филологического ф-та М. у., профессор МВЖК (с 1902), Народного ун-та им. А. Л. Шанявского, один из организаторов Ин-та новых языков в Москве – *87, 100, 102, 103, 109, 113, 115, 118, 138, 150, 162, 172, 180, 181, 232, 241, 243, 245, 321, 339, 352, 365, 439, 446*

Романов Николай Ильич (1867–1948), искусствовед, доктор искусствоведения, заслуженный деятель науки РСФСР. Приват-доцент (1900–1911), профессор (1918) историко-филологического ф-та М. у. Преподаватель Археологического ин-та, МВЖК, Народного ун-та им. А.Л. Шанявского. Хранитель отделения изящных искусств и классических древностей (1910–1923), директор (1923–1928) Музея изящных искусств (ГМИИ), преподаватель МИФЛИ (1938–1941) *—96, 106, 138, 283*

Россейкин Федор Михайлович (1879–1951), магистр богословия (1915). И. д. доцента (с 1906), доцент (с 1915), профессор (1916) МДА. В 1920-е – 1930-е работал в средних школах, позже научный сотрудник в группе Византологии при Ин-те истории АН СССР – *135, 217, 270, 328, 329, 432, 437, 438*

Россейкина Зинаида Александровна (? – не ранее 1963), жена Ф. М. Россейкина – *433*

Россолимо Григорий Иванович (1860–1928), невропатолог и психоневролог, доктор медицины (1887). Ординатор в Клинике нервных болезней профессора А. Я. Кожевникова (1885–1888), приват-доцент медицинского ф-та М. у. (1889–1911). На собственные средства основал и содержал (1911–1917) первую в России Клинику нервных болезней детского возраста (позже Ин-т детской неврологии и психологии), которую принес в дар университету. Преподаватель Педагогических курсов им. Д. И. Тихомирова (1911–1917), профессор, зав. кафедрой и директор Клиники нервных болезней М.у. и Неврологического ин-та им. А.Я. Кожевникова (1917–1928). Член Ученого медицинского совета и консультант Центрального ин-та по изучению профессиональных заболеваний, член Центральной комиссии по психофизиологическому обследованию армии и флота при Главном санитарном упр-нии. Один из организаторов, председатель и почетный член Московского об-ва невропатологов и психиатров (1890), член правления Международной психотехнической ассоциации, основатель «Журнала невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова» – *76, 89, 90, 102, 104, 116, 435*

Ростовцев Сергей Иванович, директор частной гимназии в Москве – *416*

Ростовцев Яков Иванович (1803–1860), государственный деятель, ген. от инфантерии (1859), ген. – адъютант (1849), почетный член Петербургской АН (1855). Начальник штаба военно-учебных заведений (с 1835), один из руководителей подготовки крестьянской реформы 1861. С 1857 член Особого, затем Главного к-та по крестьянскому делу, председатель Редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости (1859–1860), член Государственного совета (с 1855). В 1861 вдова Ростовцева с нисходящим потомством была возведена в графское достоинство *—229*

Ростовцев Яков Николаевич (1865–1931), граф, зав. канцелярией императрицы Александры Федоровны, управляющий делами августейших детей, товарищ председателя совета Всероссийского аэроклуба, председатель совета Об-ва телесного воспитания «Богатырь». После Октябрьской революции работал в учреждениях Академии наук (к 1930 – уволен). В ноябре 1930 арестован за «контрреволюционную деятельность» и выслан на 5 лет в Восточносибирский край. Умер в тюремной больнице. Внук Я. И. Ростовцева *—230 Рот Владимир Карлович* (1848–1916), врач, невропатолог, психиатр, доктор медицины honoris causa (1895). Сотрудник лаборатории А. И. Бабухина и Клиники нервных болезней профессора А. Я. Кожевникова (с 1873). Профессор (1895–1911), заслуженный профессор (1911) меди-

цинского ф-та М. у., один из учредителей Московского об-ва невропатологов и психиатров (1890), Неврологического ин-та им. А. Я. Кожевникова, Народного ун-та им. А. Л. Шанявского. Инициатор создания в России общественных санаториев, редактор «Журнала невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова» —*272*

Рубан Василий Григорьевич (1742–1795), писатель, переводчик, издатель —*188*

Рубинштейн Моисей Матвеевич (1878–1953), психолог, педагог, доктор педагогических наук. Приват-доцент (1912–1917), профессор (1918) историко-филологического ф-та М. у., преподаватель МВЖК (с 1909), Народного ун-та им. А. Л. Шанявского (с 1908). Организатор и первый ректор Восточно-Сибирского ун-та в Иркутске (1918–1920), с 1923 преподаватель в различных вузах Москвы, профессор МГПИ (1943–1951) —*446*

Рудаков Александр Петрович (1886–1940), историк-византинист, магистр всеобщей истории (1917). Приват-доцент историко-филологического ф-та М. у. (1914–1918), редактор отдела западноевропейской истории в «Русском энциклопедическом словаре А. С. Суворина». Профессор Тульского учительского ин-та (с 1918), уполномоченный Главархива по делам охраны и разборки архивов Тульской губ. (1918–1922). Член русско-византийской историко-словарной комиссии РАН – *252*

Руднев Вадим Викторович (1874–1940), земский врач, публицист, общественный и политический деятель, член ЦК партии эсеров (с сер. 1907), несколько раз подвергался арестам и высылке, затем жил в Швейцарии. В 1914 поступил добровольно врачом на госпитальное судно. С 1917 в Москве, председатель Московского к-та партии эсеров (с 22.03.1917), член президиума Московского Совета рабочих депутатов (с апреля), Московский городской голова (июль – ноябрь), член Предпарламента. В дни Октябрьской революции возглавил московский К-т общественной безопасности, участвовал в работе Союза возрождения России, с ноября 1918 жил в Одессе, где возглавил бюро земств и городов Союза городов. С апреля 1919 в эмиграции (в Париже) – *448*

Руднев Николай Иванович (1885—?), помощник библиотекаря М. у., помощник библиотекаря (с 1912), зав. читальным залом (с 1915), зав. отделом повременной печати б-ки РИМ (1918–1923)—365

Рузский Николай Владимирович (1854–1918), военный деятель, ген. от инфантерии (1909), ген. – адъютант (1914). Член Военного совета (1909–1912 и с 20.05.1915). В годы Первой мировой войны командующий 3-й армией (июль – август 1914), главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта (с сентября 1914, в марте 1915 покинул театр военных действий по болезни), командующий отдельной 6-й армией (июль – август 1915), главнокомандующий армиями Северного фронта с августа 1915, в декабре 1915 заболел и был назначен в Государственный совет, вернулся на должность главнокомандующего армиями Северного фронта в августе 1916, вышел в отставку в апреле 1917. В сентябре 1918 в числе заложников, взятых Красной Армией, расстрелян в Пятигорске – *350, 440, 441*

Рыбаков Иван Федотович (1890–1963), историк, экономист. Выпускник историко-филологического ф-та М.у. (1915), был оставлен для приготовления к профессорскому званию, преподаватель московских средних учебных заведений, позже доцент ЛГУ – *77, 78, 97, 117, 188, 191, 236, 280, 334, 358, 436*

Рябушинский Павел Павлович (1871–1924), крупный промышленник и банкир, политический деятель. Член партии октябристов (с 1905), в 1906 перешел в партию мирного обновления, один из инициаторов создания партии прогрессистов (1912), председатель ее Московского к-та и член ЦК. Председатель Московского Биржевого к-та (с 1915), председатель Московского ВПК (с июля 1915), член Государственного совета (с 1915), инициатор создания всероссийской предпринимательской организации – Союза торговли и промышленности. Издатель газеты «Утро России» (1907–1917). Товарищ председателя Совета съездов старообрядцев. После Февральской революции инициатор создания К-та обще-

ственных организаций в Москве. В сентябре 1917 арестован в Симферополе как «соучастник заговора Корнилова», освобожден по личному распоряжению Керенского. После Октябрьской революции находился в Крыму, осенью 1918 вошел в образованный в Киеве Союз государственного объединения России, затем в эмиграции во Франции – *455*

Рябцев Константин Иванович (1879–1919), полковник (1917), начальник штаба (с 27.07.1917), командующий войсками (со 2.09.1917) Московского военного округа. Расстрелян деникинцами за то, что сдал Москву большевикам – *448, 453*

Рязанов (наст, фамилия Гольдендах) *Давид Борисович* (1870–1938), политический деятель, историк, архивист, публицист, действ, член Социалистической (с 1924 – Коммунистической) академии, академик АН СССР (1929, исключен в 1931, восстановлен в 1990). С 1889 – марксист, социал-демократ, неоднократно подвергался арестам и ссылкам, в 1900–1905, 1907–1917 в эмиграции, лектор пропагандистской школы «впередовцев» на Капри (1909) и партийной школы в Лонжюмо (1911). Меньшевик, после Февральской революции – большевик (выходил из партии в 1918 из-за несогласия с заключением Брестского мира). После Октябрьской революции возглавлял Главархив (1918–1920), Главнауку, член Коллегии Наркомпроса и ГУС. Один из создателей Ин-та К. Маркса и Ф. Энгельса, его директор (1921–1931), преподаватель Ин-та истории ФОН МГУ – РАНИОН (1924–1929), организатор Социалистической (Коммунистической) академии. Исключен из партии в 1931 (восстановлен в 1989), выслан в Саратов, научный консультант б-ки Саратовского ун-та (1934–1937). В 1937 вновь арестован, в 1938 расстрелян. Реабилитирован посмертно (1958) —*461*

Саарбекянц Рубен Петросович (1896—?), в 1915–1917 студент физико-математического ф-та М. у. – 77

Савва Владимир Иванович (1865–1920), историк, магистр (1902), доктор (1907) русской истории. Преподаватель истории в Харьковской женской гимназии Оболенской, в Харьковском ин-те благородных девиц (с 1900). Приват-доцент (1895–1905,1909– 1911), профессор (1911–1920) историко-филологического ф-та Харьковского ун-та, профессор Историко-филологического ин-та кн. Безбородко в Нежине (1905–1909). Покончил с собой в феврале 1920 – *335*

Савенко Анатолий Иванович (1874—после 1920), юрист, журналист, общественный деятель. Ведущий постоянной рубрики черносотенной газеты «Киевлянин» (с 1899), один из инициаторов создания (1908), затем руководитель Киевского клуба русских националистов, гласный Киевской городской думы (с 1910), депутат IV Государственной думы, входил во фракцию прогрессивных националистов (с 1915), член Прогрессивного блока. После Октябрьской революции участник Белого движения, один из главных сотрудников Осведомительного агентства Добровольческой армии (ОсвАг), после разгрома армии Деникина в эмиграции —*154*

Савин Александр Николаевич (1873–1923), историк-медиевист, магистр (1904), доктор (1907) всеобщей истории. Профессор МВЖК (с 1903), приват-доцент (1903–1907), профессор (с 1908) историко-филологического ф-та М.у., Ин-та истории ФОН МГУ (1919–1923), преподаватель Ин-та Красной профессуры (1921–1922). В заграничных научных командировках в Англии (1900–1902, 1904–1905 1906, 1908, декабрь 1922—январь 1923). Скончался в Англии от «испанки» *– 71, 72, 78, 89, 105, 115, 118, 130, 137, 143, 144, 148, 149, 151, 152, 156, 162, 173, 177, 178, 179, 183–185, 194, 245, 246, 249, 270, 274, 277, 282, 308, 320, 325, 341, 344, 345, 347, 349, 352, 365, 366, 425, 427*

Савинков Борис Викторович (псевдоним В. Ропшин) (1879–1925), политический деятель, писатель. Один из лидеров партии эсеров, член и руководитель ее боевой организации. Подвергался арестам и высылкам, затем в эмиграции. Во время Первой мировой войны – доброволец во французской армии, после Февральской революции вернулся в Россию, занимал посты комиссара Временного прав-ва в 8-й армии, затем ЮгоЗападного фронта (с 28.06.

1917). С 18.07.1917 управляющий Военным мин-вом, с 27.08 также военный губернатор Петрограда, уволен с обоих постов 30.08.1917, в сентябре исключен из ЦК партии эсеров за причастность к Корниловскому мятежу. После Октябрьской революции один из организаторов Добровольческой армии, в конце 1918 представитель адмирала Колчака за границей, затем в эмиграции. В 1924 после нелегального перехода границы арестован, приговорен к смертной казни, замененной 10-ю годами заключения, погиб при невыясненных обстоятельствах 7.05.1925 (по официальной версии покончил жизнь самоубийством) *– 419*

Садовская (урожденная Лазарева) Ольга Осиповна (1846–1919), актриса Малого театра *—136*

Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927), государственный деятель, дипломат. Третий (1886), второй (1889) секретарь канцелярии МИД, 2-й секретарь (1890–1894), советник (1904–1906) посольства в Лондоне, секретарь (1894–1904), министр-резидент (1906–1907), чрезвычайный посланник и полномочный министр (1907) русской миссии в Ватикане. Товарищ министра иностранных дел (1909–1910), управляющий МИД (с сентября 1910), министр иностранных дел (ноябрь 1910 – июль 1916). Член Государственного совета (1913). 12.01.1917 назначен чрезвычайным и полномочным послом в Лондоне, но к месту службы не выехал, после Февральской революции уволен с должности. После Октябрьской революции член Особого совещания у А. И. Деникина, министр иностранных дел в прав-ве А. В. Колчака, их представитель на Парижской мирной конференции (1919–1920), остался в эмиграции *– 76, 197, 215 Сайтов Владимир Иванович* (1849–1938), библиограф, историк русской литературы, член-корр. Петербургской АН (1906). Библиотекарь, сотрудник, заведующий (с 1909) Русским отделением Императорской Публичной б-ки (1883–1893, 1899–1928; в 1928 отделению было присвоено имя В. И. Саитова). Секретарь РИО (с 1914) *—190*

Сакулин Павел Никитич (1868–1930), филолог, литературовед, доктор русского языка и словесности (1913, минуя степень магистра), член-корр. (1923), академик АН СССР (1929), почетный член ГАХН (1927). Преподаватель русского языка и литературы в Реформатском реальном уч-ще И. И. Фидлера (с 1892), лектор в педагогических классах Екатерининского ин-та, на Лубянских торговых курсах в Москве (1901–1906). Приват-доцент (1902–1911), профессор (с 1917) историко-филологического ф-та М.у. В 1913 избран профессором кафедры русского языка Александровского ун-та в Гельсингфорсе, но не утвержден в этой должности. Профессор Петербургского женского педагогического ин-та (с 1914), с 1916 в Москве: преподаватель МВЖК (с 1924 профессор 2-го МГУ), Народного ун-та им. А.Л. Шанявского, драматических курсов Малого театра. Сотрудник НИИ языковедения и литературы, начальник отдела Госиздата РСФСР, ЛИТО Наркомпроса. Член (с 1925 председатель, с 1927 почетный член) литературной секции ГАХН. Председатель ОЛРС (1914–1917,1918—1921). Директор ИРЛИ (1929–1930) *– 56, 177, 446, 449*

Самарин Александр Дмитриевич (1868–1932), общественный и государственный деятель, почетный член МДА (1915). Предводитель дворянства Богородского уезда Московской губ. (1899–1908), создал «Об-во взаимопомощи крестьян Богородского уезда», возглавлял Богородский к-т Елизаветинского благотворительного об-ва. Предводитель дворянства Московской губ. (1908–1915), член Государственного совета (с 1912). Главноуполномоченный Российского Красного Креста (1914–1917). И. д. обер-прокурора Синода (5.07–26.09.1915). С ноября 1917 председатель Совета Союза объединенных приходов православной церкви. Член Всероссийского поместного собора 1917–1918, один из кандидатов в патриархи. В 1918–1919 дважды подвергался арестам, в январе 1920 приговорен к расстрелу, замененному тюремным заключением, освобожден в марте 1922, вновь арестован осенью 1925, сослан в Якутск, работал внештатным сотрудником Национальной б-ки, давал уроки немецкого языка, освобожден в 1929. Не получив разрешения жить в Москве, последние

Сергиевский Георгий (Юрий) Владимирович (1886—?), историк, архивист. Преподаватель в московских гимназиях: 1-й мужской иженской классической С.Н. Фишер, приват-доцент, профессор, декан (январь-май 1919) историко-филологического ф-та М. у. Смотритель зданий III отделения I секции МГАМИД, зав. хозяйственным отделом, член коллегии Главархива (1919–1920). В 1920 подвергался аресту. Со 2-й пол. 1920-х ученый секретарь Музея изящных искусств (с 1937—ГМИИ им. А.С. Пушкина), председатель Комиссии полевых исследований, член Комиссии по истории быта Московской секции РАИМК – *361, 385*

Сергиевский Максим Владимирович (1892–1946), филолог, доктор филологических наук (1936), член-корр. АН СССР (1946), заслуженный деятель науки РСФСР (1945). Выпускник (1915), затем магистрант историко-филологического ф-та М.у., сотрудник (1919–1925), профессор, зав. кафедрой романо-германского языкознания, зам. декана этнологического ф-та (с 1925), зам. ректора по учебной части (1930–1931) 1-го МГУ, зав. кафедрой древней истории исторического ф-та МГПИ, зав. кафедрой романо-германского языковедения и декан ф-та литературы, искусства и языка МИФЛИ. Член специального К-та по транскрибированию иностранных имен и названий для издания географических карт, атласов и словарей, член Societe de linguistique romane (Франция, 1925), Gypsy Lore Society (Англия, 1931) *—471*

Сергий (в миру Степан Алексеевич Петров) (1864–1935), епископ (с 1899). Выпускники историко-филологического ф-та М.у. (1890), в 1892 пострижен в монашество. Епископ Бийский (1899–1901), Омский и Семипалатинский (1901–1903), Ковенский (1903–1907), Новомиргородский (1907–1913), Сухумский (с 1913), с 1920 временно управлял Новороссийской епархией, затем в эмиграции *—217, 220, 367, 378, 413, 414, 421, 424, 444*

Сергий (в миру Георгий Алексеевич Тихомиров) (1871–1945), епископ (с 1905). Ректор Петербургской духовной семинарии (с 1899), ректор Петербургской ДА (с 1905), с ноября того же года епископ Ямбургский, викарий С.-Петербургской епархии. Епископ Киотский и помощник начальника Русской духовной миссии в Японии (с 1908), епископ Японский и Токийский, начальник Русской духовной миссии в Японии (с 1912). Архиепископ (1921), митрополит (1931). 4.09.1940 был вынужден уйти на покой, передав временное упр-ние делами церкви мирянину Арсению Ивасава, пользовавшемуся доверием военных кругов Японии. Выселен из резиденции при токийском соборе, жил в пригороде Токио, где продолжал совершать службы для русских и японских верующих. В мае 1945 арестован по подозрению в шпионаже в пользу СССР, вскоре отпущен, но заболел и скончался – *300, 303*

Сергий Радонежский (в миру Варфоломей Кириллович) (ок. 1321–1391), основатель и 2-й игумен Троицкого м-ря (позже Троице-Сергиева лавра), инициатор введения общежитийного устава в русских монастырях. Канонизирован в 1452 —236, *246*

Серебрянский Николай Ильич (1872–1940), богослов, магистр богословия (1909), доктор церковной истории (1916). Помощник инспектора Смоленской духовной семинарии (1898), преподаватель Псковской духовной семинарии (1903–1909), правщик Московской типографии (с 1910), преподаватель Костромской семинарии (1914–1916). Доцент (с 1916), профессор (с 1917) МДА. Профессор Православной народной академии (с 1918), библиотекарь и библиограф Славянского отдела БАН (1923–1930), член Славянской научной комиссии ОРЯС АН (1923–1929). В 1930 арестован по «академическому делу», приговорен к 10-ти годам заключения на Соловках, замененным через год ссылкой в г. Судиславль Костромской обл., где он преподавал немецкий язык в средней школе. В 1936 вновь арестован, отправлен в Сиблаг, умер в заключении – *329, 332*

Середонин Сергей Михайлович (1860–1914), историк, магистр русской истории (1892). Приват-доцент (с 1892) Петербургского ун-та, профессор Петербургских ВЖК (с 1892), пре-

подаватель Археологического ин-та в Петербурге (с 1900). Инспектор (с 1907) и профессор (с 1912) Историко-филологического ин-та в Петербурге —*170*

Сивков Константин Васильевич (1882–1959), историк, доктор исторических наук. Преподаватель в школах Тифлиса и Москвы (с 1906), один из учредителей и член правления московского Кооперативного тов-ва издательского и печатного дела «Задруга» (с 1911). Профессор Иваново-Вознесенского ин-та народного образования, Тверского педагогического ин-та (с 1919), ученый секретарь Упр-ния музеями-усадьбами Наркомпроса (1925–1928), сотрудник РИМ (ГИМ) (1921–1930). Позже профессор Московского Историко-архивного ин-та, старший научный сотрудник Ин-та истории АН СССР (с 1936), зам. председателя Комиссии по истории сельского хозяйства. Зав. кафедрой в МГПИ (в 1950-е) —*125*

Сидоров Алексей Алексеевич (1891–1978), искусствовед, книговед, библиофил, магистр (1921), доктор искусствоведения honoris causa (1936), член-корр. АН СССР (1946), академик ГАХН, заслуженный деятель искусств РСФСР (1947). Выпускник (1913), затем магистрант, приват-доцент (с 1916) историко-филологического ф-та, младший хранитель (1916–1921), зав. граверным кабинетом (1927–1936) Музея изящных искусств при М.у. (с 1937 – ГМИИ). Профессор этнологического (1925–1931) и исторического (1942–1950) ф-тов МГУ. Действ, член Ин-та археологии и искусствознания РАНИОН (1921–1930). С 1918 сотрудник Наркомпроса, один из инициаторов создания РАНИОН. Ученый секретарь ГАХН и Научно-художественной секции ГУСа (с 1924). Профессор МИФЛИ (1933–1938), московских Архитектурного (1936–1944), и Полиграфического (1938–1964) ин-тов. С 1944 старший научный сотрудник Ин-та истории искусств АН СССР (ВНИИ искусствознания Минкультуры СССР). Председатель (1956–1959), член Экспертной комиссии ВАК по искусству и искусствоведению (1956–1969) – *138*

Силин Василий Федорович (1867—?), директор Ломжинской гимназии– *377, 386, 408, 409*

Силина Татьяна Васильевна, дочь В. Ф. Силина – *406*

Скворцов (Скворцов-Степанов) Иван Иванович (1870–1928), государственный и партийный деятель, публицист, историк и экономист. После Февральской революции член Московской городской думы, редактор «Известий Моссовета», в период Октябрьской революции член ВРК. Нарком финансов (октябрь 1917—январь 1918). В 1919–1921 на работе в кооперации, один из главных инициаторов агрессивной атеистической пропагандистской кампании, с 1925 редактор ряда газет. С 1926 директор Ин-та В. И. Ленина при ЦК ВКП (б) – *384*

Скворцов Николай Алексеевич (1861–1917), протоиерей, историк, автор работ по церковной археологии, истории Москвы, редактор газеты «Московские церковные ведомости», преподаватель Московского археологического ин-та, председатель Церковно-Археологического отдела ОЛДП, священник церкви Сошествия св. Духа Лазаревского кладбища. 15.06.1917 убит налетчиками – 226, *373*

Скобелев Матвей Иванович (1885–1939), государственный и политический деятель. Меньшевик (с 1903), депутат IV Государственной думы, один из лидеров социал-демократической фракции. После Февральской революции член Исполкома и зам. председателя Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, министр труда (5.05–26.08.1917), член Предпарламента. После Октябрьской революции эмигрировал, в 1922 вернулся на родину, вступил в РКП (б), работал в системе кооперации и Наркомвнешторга, работал во Франции и в Англии. Председатель секции внешней торговли Госплана СССР (1925–1926), член Главного концессионного к-та, председатель концессионной комиссии РСФСР (с июня 1926). В 1936–1937 работал во Всесоюзном радиокомитете. В 1939 арестован, умер в заключении. Реабилитирован посмертно – *318, 445*

Смарагд (в миру Александр Петрович Крыжановский) (1796–1863), магистр богословия (1819). Пострижен в монашество в 1819, преподаватель С.-Петербургской (1819–1821) и Киевской (1823–1826, с 1824 – профессор) ДА, ректор Киевской (1826–1828) и Вифанской (1828) семинарий, ректор и профессор богословия С.-Петербургской ДА (1830–1831), епископ Ревельский, викарий С.-Петербургской епархии (1831–1833), епископ Полоцкий (1833–1837, с 1836 – архиепископ), архиепископ Могилевский (1837–1840), Харьковский (1840–1841), Астраханский (1841–1844), Орловский (1844–1858), Рязанский (1858–1863) *—181*

Смирнов Иоанн Михайлович (1879–1937), магистр богословия (1918). И. д. доцента (с 1912), доцент (с 1916), профессор (с 1918) МДА. Священник в г. Бутурлиновка Воронежской губ. (1919–1923), позже подвергался репрессиям, в 1937 расстрелян– *247, 438*

Смирнов Сергей Иванович (1870–1916), историк церкви, магистр богословия (1906), доктор (1914) церковной истории. И. д. доцента (1896–1906), доцент (1906), профессор (1906–1916), лектор французского языка (1906–1907), член правления (1916) МДА. Приват-доцент историко-филологического ф-та М.у. (1907–1916), преподаватель Высших историко-филологических курсов В. А. Полторацкой (1912–1916) *—134, 138, 155, 157–159, 165, 167, 188, 192, 209, 212–214, 217–219, 225–231, 233, 236, 238, 239, 244, 245, 274, 378, 433*

Смирнова (урожд. Молоденская) Вера Михайловна, жена С. И. Смирнова– *214, 233, 378, 420*

Смольянинов Владимир Николаевич (1861–1917), историк, генеалог. Инспектор Московского учебного округа (1905–1909), чиновник особых поручений при Финляндском ген. – губернаторе (1910–1913), попечитель Одесского (1913) и Петербургского (1914) учебных округов *—197 Снегирев Владимир Федорович* (1847–1916), врач, гинеколог, доктор медицины (1873). Профессор (с 1884), заслуженный профессор (1899) медицинского ф-та, почетный член М. у., директор Гинекологической клиники М. у. Директор Гинекологического Ин-та для врачей им. Шелапутиной – *71, 73, 281*

Соболевский Алексей Иванович (1856–1929), филолог-славист, диалектолог, палеограф, этнограф, магистр (1882), доктор (1884) русского языка и словесности, член-корр. (1893), академик (1900) Петербургской АН, почетный член МДА (1914). Приват-доцент (1882–1884), профессор (1884–1888) историко-филологического ф-та ун-та Св. Владимира в Киеве, профессор (1889–1908), заслуженный профессор (1907) историко-филологического ф-та Петербургского ун-та. Профессор Петербургского (1892–1902) и Московского археологических ин-тов, член Попечительского совета последнего, член Государственного совета. Профессор 1-го МГУ (с 1919), преподаватель на Архивных курсах при Московском областном упр-нии архивного дела (в 1920-е). Председатель Орфографической комиссии при Петербургской АН (1904), Петербургского Славянского благотворительного об-ва (1914–1920), Комиссии ОРЯС АН СССР по подготовке Словаря древнерусского языка (с 1925). Несколько раз подвергался арестам (1918, 1929). Брат С.И. Соболевского *—181, 332*

Соболевский Сергей Иванович (1864–1963), филолог, магистр (1890), доктор (1892) греческой словесности, доктор филологических наук (1938), член-корр. АН СССР (1928), заслуженный деятель науки РСФСР (1959). Преподаватель (1887–1890), приват-доцент (1890–1892), профессор (1896–1922), заслуженный профессор (1915), секретарь (1911–1917) историко-филологического ф-та М. у., профессор исторического (1934–1941) и филологического (1942–1957) ф-тов МГУ. Доцент (1909), профессор (1909–1919) МДА. Член Попечительского совета, профессор (1907–1922), почетный член Московского археологического ин-та. Действ, член НИИ языка и литературы РАНИОН (1922–1931); действ, член (1937), старший научный сотрудник (1948–1956), зав. сектором античной литературы (1956–1963) ИМЛИ АН СССР, профессор МИФЛИ (1934–1941), Городского педагогического ин-та им. В. П. Потемкина (1941–1951); старший научный сотрудник сектора классической филологии Ин-

зина в Москве, на Моисеевской пл., д. 1, ныне часть Охотного ряда между гостиницей «Москва» и Госдумой РФ – *95*

Средин Александр Валентинович (1872–1934), художник, член «Союза русских художников» (с 1910). После Октябрьской революции член Московского Совета рабочих и солдатских депутатов, профессионального Союза художников «Изограф», общественного совета Румянцевского музея, сотрудник Музейного отдела Наркомпроса (1918). После 1923 в эмиграции во Франции, сотрудник газеты «Возрождение» —*290*

Срезневский Измаил Иванович (1812–1880), филолог-славист, этнограф, магистр политической экономии и статистики (1837), доктор славяно-русской филологии (1847), адъюнкт (1849), экстраординарный (1851), ординарный (1854) академик Петербургской АН, действ. (1850), почетный (1879) член, управляющий Русским отделением (1851–1855, 1859–1874) РАО. Адъюнкт по первому отделению философского ф-та (1837–1839), и. д. профессора по кафедре истории и литературы славянских наречий (1843–1847), профессор той же кафедры (1847) историко-филологического ф-та, почетный член (1869) Харьковского ун-та. Профессор по кафедре славянских наречий (1847–1880), заслуженный профессор (1862), декан (1859–1880) историко-филологического ф-та, ректор (май – октябрь 1861) Петербургского ун-та, профессор Петербургского главного педагогического ин-та (до 1859). Заведовал делами ОРЯС Петербургской АН (с 1865), редактировал его «Известия» (1852–1863) – *93*

Статкевич Павел Григорьевич (1870—?), физиолог, доктор медицины (1904). Ассистент Физиологического ин-та при М. у. (с 1894), приват-доцент (1904–1912), профессор (с 1912) медицинского ф-та М. у. Один из руководителей Московского женского медицинского ин-та П. Г. Статкевича и А. Б. Изачика – *324*

Стахеевы, владельцы дачи на берегу Волги, недалеко от селения Шашково, места отдыха Богословских – *69*

Сташевский Евгений Дмитриевич (1884–1938), историк, экономист. Преподаватель Киевского коммерческого ин-та и Киевских ВЖК, приват-доцент (1911–1915), профессор (1915–1917) ун-та Св. Владимира в Киеве. После Октябрьской революции преподавал в Одессе и Каменце-Подольском, в Киевском землеустроительном техникуме (с 1924), директор Киевского краевого сельскохозяйственного музея, в 1930-е научный сотрудник и консультант Ин-та истории АН УССР. В 1938 арестован по обвинению в измене, умер в тюрьме —*297, 300, 301, 383*

Сторожев Василий Николаевич (1866–1924), историк, археограф. Преподаватель МВЖК и нескольких московских гимназий, сотрудник, секретарь канцелярии (с 1895) МАМЮ. Депутат (с июля 1917) Московской городской думы, руководитель сметного отдела Моссовета (с декабря 1917), зав. финансовым отделом Наркомпроса (с 1918), член коллегии Главного упр-ния архивным делом РСФСР (1918–1922), действ, член Ин-та истории ФОН МГУ (1922–1924) – *87, 109, 117, 138, 142, 163, 181, 238, 299, 430, 436*

Стратонов Е. И. (1872—?), выпускник историко-филологическо-го ф-та М. у, – *228*

Строев Павел Михайлович (1796–1876), историк, археограф, член-корр. (1826), адъюнкт (1841), экстраординарный (1847), ординарный (1849) академик Петербургской АН. Чиновник Комиссии снабжения государства солью. Издатель журнала «Современный наблюдатель российской словесности» (с 1815). Один из активных членов Румянцевского кружка (1816–1826). Организатор первых в России Археографических экспедиций (1817–1818 и 1829–1834), инициатор создания Петербургской АК при Мин-ве нар. проев. (1834). Действ, член (1823), библиотекарь (1841–1847) ОИДР – *101*

Струве Петр Бернгардович (1870–1944), философ, экономист, историк, публицист, издатель, общественный и политический деятель, магистр (1913), доктор (1917) экономии, академик РАН (1917, исключен в 1928). В 1890-х теоретик «легального марксизма», автор манифеста РСДРП (1898), один из создателей «Союза Освобождения» (1904) и лидеров

партии кадетов, член ее ЦК (1905–1915), депутат II Государственной думы. Преподаватель (1906–1916), профессор (1917) Петербургского политехнического ин-та, Петербургских ВЖК (1909–1916), приват-доцент (с 1910), профессор (с 1913) Петербургского ун-та. Редактор журналов «Полярная звезда», «Русская мысль» (1907–1918) и «Русская свобода» (1917). Один из организаторов и авторов сборников «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918). В период Первой мировой войны один из руководителей Всероссийского Земского союза, председатель к-та по борьбе против торговли с неприятелем, директор экономического департамента МИД (апрель-май 1917), член Предпарламента. После Октябрьской революции вошел в состав «Донского гражданского совета» для организации Добровольческой армии, с февраля 1918 в Москве, участник ряда подпольных организаций, член Особого совещания при ген. А. И. Деникине, затем возглавлял Упр-ние внешних сношений в прав-ве П. Н. Врангеля. С 1920 в эмиграции в Софии, затем в Париже, редактор ряда газет и журналов, член Парижской и Брюссельской академических групп, член правления Союза русских академических организаций за границей, профессор Русского юридического ф-та при Карловом ун-те в Праге (1922–1925), Русского Научного ин-та в Белграде (с 1928), затем ун-та в Субботице. В мае 1941 арестован гестапо, до июля находился в заключении, с 1942 в Париже —*424*

Субботин Николай Иванович (1827–1905), историк церкви, магистр (1854), доктор (1874) богословия. Преподаватель Вифанской семинарии (1852–1855), бакалавр (1855), профессор (1859) МДА. Учредитель братства святого Петра Митрополита. Редактор-издатель миссионерского журнала «Братское слово» (1875–1877,1883—1899) —*102*

Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912), публицист, издатель, беллетрист, театральный критик и драматург. Журналист столичных газет (с 1863), в 1876 стал владельцем газеты «Новое время», превратившейся под его руководством в ведущее периодическое издание империи, учредитель издательства «Новое время» (1911). Создатель «Контрагентства печати» – монополистической организации, занимавшейся сбором информации и распространением периодических и других печатных изданий по всей России. Издатель многочисленных справочников «Весь Петербург» (с 1894), «Вся Москва» (с 1895), «Вся Россия» (с 1895) и др. Основатель так называемого «Театра Суворина» (Петербургского Малого театра) *– 95, 149*

Сухотин Лев Михайлович (1879–1948), историк, земский деятель. Гласный Новосильского уездного и Тульского губернского земств (с 1904), позже причислен к МГАМИД, уполномоченный Земгора (1915–1917). После Октябрьской революции уехал на Юг России, работал в земском самоуправлении. С 1920 в эмиграции в Сербии, преподаватель истории в Русской гимназии в Белграде, директор Русско-сербской женской гимназии там же (с 1931), с 1947 в Бельгии *– 85, 116, 118, 142, 301, 455*

Сухотина (урожд. Базилевская) Елена Петровна (1886—?), жена Л. М. Сухотина *—142, 301, 302*

Счастнев Александр Всеволодович (1894—?), в 1915–1917 студент историко-филологического ф-та М. у. *– 331*

Сыромятников Борис Иванович (1874–1947), историк права, магистр права (1905), доктор исторических наук (1933), доктор юридических наук (1938). Приват-доцент юридического ф-та М. у. (1905–1911), профессор правового отделения ФОН МГУ и ф-та советского права (1919–1930), профессор юридического ф-та МГУ (1943–1947). Член (1906–1914), председатель правления (1914–1918) Московского об-ва народных ун-тов, преподаватель Константиновского межевого ин-та (с 1906), Московского коммерческого ин-та (с 1908) и Народного ун-та им. А. Л. Шанявского. Член Академического союза (с 1905). После Октябрьской революции преподавал в Казанском ун-те, Государственном юридическом ин-

те, Ин-те внешней торговли. Зав. сектором истории государства и права Ин-та права АН СССР (1937–1946) —*136, 143, 214*

Сытин Василий Иванович (1880–1931), редактор в «Тов-ве печатания, издательства и книжной торговли И. Д. Сытина и К°», сын И. Д. Сытина – *378*

Сытин Иван Дмитриевич (1851–1934), издатель-просветитель, книгопродавец, основатель «Тов-ва печатания, издательства и книжной торговли И.Д. Сытина и К°». После Октябрьской революции работал консультантом Госиздата РСФСР – *126, 149, 166, 199, 229, 244, 247, 268, 308, 422, 438,*

Табари, ат-Табари Абу Джафар Мухаммед ибн Джарир (838 или 839–923), арабский историк и богослов —*242*

Тарановский Федор Васильевич (1875–1936), историк, юрист, магистр (1905), доктор (1911) государственного права, академик Всеукраинской АН (1918). Приват-доцент, профессор юридических ф-тов Варшавского (1897–1909) и Юрьевского (с 1911) ун-тов, приват-доцент юридического ф-та Петербургского ун-та (1912–1913), преподаватель Императорского Александровского лицея и Петербургских ВЖК (с 1910). После Октябрьской революции жил на Украине (1918–1920), работал в Социально-экономическом отделе АН, руководил кафедрой сравнительной истории права, основатель и член Постоянной комиссии по изучению обычного права Украины, член АК. С 1920 в эмиграции, профессор Русского народного ун-та в Белграде – *306, 417*

Тарасов Иван Трофимович (1849—[1929]), юрист, магистр (1875), доктор (1880) полицейского права. Профессор Ярославского Демидовского юридического лицея (с 1878), профессор (с 1889), заслуженный профессор (1903), секретарь (1897), декан (1917–1919) юридического ф-та М. у., декан университетского курса Лицея в память цесаревича Николая – *241*

Тарасов Николай Григорьевич (1866–1942), историк. Преподаватель Педагогического ин-та им. П. Г. Шелапутина, 5-й московской мужской гимназии и 3-го реального уч-ща, инспектор Московского Театрального уч-ща. В нач. 1920-х преподаватель общественно-педагогического отделения ФОН МГУ, позже профессор, зав. кафедрой исторического ф-та МГПИ —*129*

Тареев Михаил Михайлович (1867–1934), доктор богословия (1904). Преподаватель Псковской (1892–1899) и Рижской (1899–1902) духовных семинарий. Профессор (1902–1919), член правления (с 1915) МДА, редактор «Богословского вестника» (1917). Преподаватель Военно-электротехнической академии в Сергиевом Посаде (1919–1923), затем Педагогического техникума (до 1927) —256, *438, 441*

Татаринова Екатерина Филипповна (урожд. Буксгевден) (1783–1856), основательница секты —*139*

Таубе Михаил Александрович (1869–1962), барон, юрист, историк, дипломат, государственный деятель, доктор международного права. Приват-доцент юридического ф-та Харьковского ун-та, профессор Уч-ща Правоведения (1909–1917), юридический консультант МИД (1906–1911), товарищ министра народного просвещения (1911–1914), управляющий Мин-вом нар. проев. (1915). Сенатор, член Государственного совета (с января 1917). После Октябрьской революции в эмиграции, жил в Финляндии, затем в Париже. Член Международного трибунала в Гааге, один из крупнейших специалистов по международному праву Европы —*154, 197*

Таунсгенд Чарльз (1861–1924), английский военный деятель, генерал, командующий 6-й (индусской) дивизией в Мессопотамии (с апреля 1915). В апреле 1916 вынужден был сдаться в плен туркам после продолжительной блокады в Кут-эль-Амаре. До октября 1918 жил близ Константинополя в качестве военнопленного. С 1920 в отставке, позже член парламента —*178*

Теляковский Владимир Аркадьевич (1860–1924), театральный деятель. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба, полковник конной гвардии. Управляющий Московской конторой Императорских театров (1898–1901), директор Императорских театров (1901—май 1917). После Февральской революции арестован, но вскоре отпущен, с мая 1917 – в отставке. После Октябрьской революции служил инспектором банка при Николаевской железной дороге (до 1923) – *63, 64, 207, 374–376, 399, 405*

Теребинский Владимир Ипполитович (1878—?), врач, сифилидолог, доктор медицины. Приват-доцент Петербургской военномедицинской академии (до 1912), профессор, зав. кафедрой кожных и венерических болезней Николаевского ун-та в Саратове (1912–1917). С 1919 в эмиграции, преподавал в Белградском ун-те, затем жил в Париже – *312, 313*

Терешкович (Стоклицкая-Терешкович) Вера Вениаминовна (1885–1962), историк-медиевист, доктор исторических наук, основоположник отечественной средневековой урбанистики. Выпускница историко-филологического ф-та М.у. (1912). Преподаватель Пречистенских рабочих курсов (с 1912). Научный сотрудник Ин-та истории ФОН МГУ – РАНИОН (с 1922), старший научный сотрудник Ин-та истории АН СССР (1938–1940). Преподаватель в Академии коммунистического воспитания (1930), МИФЛИ (1933). Профессор исторического ф-та МГУ (1934–1951) —*136, 174*

Терещенко Михаил Иванович (1886–1956), крупный землевладелец, сахарозаводчик, финансист, политический деятель. Депутат IV Государственной думы, во время Первой мировой войны участвовал в создании госпиталей Красного Креста, председатель Киевского ВПК и товарищ председателя Центрального ВПК. Министр финансов (с 2.03.1917) и министр иностранных дел (с 3.05.1917) Временного прав-ва. В ночь на 26.10.1917 был арестован. Бежал за границу. Один из организаторов Белого движения – *379*

Тесленко Николай Васильевич (1870–1943, по другим сведениям 1942), юрист, публицист, общественный и политический деятель. Присяжный поверенный (с 1899), председатель I Всероссийского съезда адвокатов (1905), организатор кружка безвозмездной защиты по политическим делам, гласный Московской городской думы и Московского губернского земского собрания, депутат II–III Государственных дум, член ЦК партии кадетов. С 1920 в эмиграции – 326

Тиличеев, выпускник историко-филологического ф-та М.у. – *241*

Титплинов Борис Васильевич (1879–1941, по другим сведениям 1945), историк церкви, магистр (1905), доктор (1916) богословия, позже обновленец. Преподаватель Литовской духовной семинарии (1905–1908), доцент (1908–1911), профессор (1911–1918) Петроградской ДА. Редактор «Церковного вестника» (1910–1911), газет «Всероссийский церковно-общественный вестник» (1917) и «Мир Божий» (1918). Преподаватель историко-филологического ф-та Петроградского ун-та (1919), Вологодского пролетарского ун-та (1920). Старший архивист 2-го отделения IV секции (бывш. архив Синода) Петроградского отделения Главархива (1920–1922). Преподаватель (с 1924), профессор (1926–1929), проректор и ректор Высшего богословского ин-та в Ленинграде, сотрудник Публичной б-ки (1926–1928). В 1930 арестован, осужден на 3 года лагерей, в 1932 досрочно освобожден. С 1937 проживал в Луге – 327

Тихомиров Александр Андреевич (1850–1931), зоолог, магистр (1883), доктор (1888) зоологии. Приват-доцент (с 1886), профессор (с 1888) физико-математического ф-та, ректор (1899–1904) М. у., директор Зоологического музея М. у. (1896–1904). Директор департамента народного просвещения (с 1904), член Совета Лицея в память цесаревича Николая, попечитель Московского учебного округа (1911–1917) —*241, 277, 291 Тихон* (в миру Василий Иванович Белавин) (1865–1925), церковный деятель. Епископ Люблинский (с 1897), епископ (1900) и архиепископ (1905) Алеутский и Североамериканский, архиепископ Ярославский и Ростовский (с 1907), Виленский и Литовский (с 1913). Архиепископ (23.06.1917) и

ного совета (1907–1908), один из лидеров партии кадетов, затем партии мирного обновления. Инициатор создания и участник книгоиздательства «Путь» (1910–1917). В 1917–1918 принимал участие в работе Всероссийского поместного церковного собора в качестве товарища Председателя (от мирян). В 1918 один из организаторов «Правого центра» в Москве, член Совета государственного объединения России (в Киеве), затем в рядах Добровольческой армии. Умер от сыпного тифа в Новороссийске. Брат П. Н. и С. Н. Трубецких – *76, 440*

Трубецкой Петр Николаевич (1858–1911), князь, общественный и политический деятель. Служебную карьеру начал по ведомству МВД, московский уездный (1887–1892), губернский (1893–1906) предводитель дворянства, один из учредителей Союза русских людей (1905), член Государственного совета (1906–1911). БратЕ. Н. и С. Н. Трубецких – *249*

Трубецкой Сергей Николаевич (1862–1905), князь, философ, публицист, общественный деятель, магистр (1890), доктор (1900) философии. Доцент (1888–1900), профессор (1900–1905) историко-филологического ф-та, первый выборный ректор (2.09–27.09.1905) М.у., основатель Историко-филологического студенческого об-ва при ун-те, один из редакторов журнала «Вопросы философии и психологии» (1902–1905). Брат Е. Н. и П. Н. Трубецких —*129, 249*

Трутовский Владимир Константинович (1862–1932), искусствовед, археолог. Секретарь МАО (с 1888), делопроизводитель и смотритель МГАМИД (с 1898), ученый хранитель Оружейной палаты и Дома бояр Романовых (до 1918), действ, член РИМ (с 1889), преподаватель Московского археологического ин-та (1907–1922). Сотрудник Отдела по делам музеев и охраны памятников старины Наркомпроса РСФСР (с 1918), профессор археологического отделения 1-го МГУ (1922–1931), проректор Ин-та востоковедения (1921–1924) —*146*

Туберовский Александр Михайлович (1881–1937), магистр богословия (1917). И. д. доцента (1911–1917), доцент (с 11.10.1917), профессор (с 16.11.1917) МДА. В 1919 уехал на родину в с. Маккавеево Касимовского уезда Рязанской губ., в 1922 принял священство, служил в местном храме до ареста в 1937. Расстрелян —*193, 438, 441*

Туницкий Николай Леонидович (1878–1934), историк литературы, языковед, магистр богословия (1913). И. д. доцента (1905–1913), доцент (1913), профессор (1913–1919) МДА, приват-доцент историко-филологического ф-та М. у. (1916–1918). Председатель городской думы Сергиева Посада (август 1917– март 1918). В 1920-е преподаватель в вузах Киева и Москвы, профессор языкознания МГПИ (нач. 1930-х). В феврале 1934 арестован по «делу славистов», в марте отпущен под подписку о невыезде, покончил жизнь самоубийством – *137, 138, 155, 157, 165, 170, 171, 173, 182, 190, 191, 210, 212, 213, 219, 245, 256, 267, 328, 329, 420, 429*

Тураев Борис Александрович (1868–1920), востоковед-египтолог, ассириолог, эфиопист, коптолог, основоположник отечественной школы истории и филологии Древнего Востока и эфиопистики, магистр (1898), доктор (1902) всеобщей истории, член-корр. Петербургской АН (1913), академик РАН (1918). Приват-доцент (1896–1908), профессор (1908–1920) историко-филологического ф-та – ФОН Петербургского (Петроградского) ун-та, член АК (1901), почетный член Ученого к-та Постоянной комиссии народных чтений (с 1912). Хранитель собрания египетских древностей Музея изящных искусств (ГМИИ) (1912–1920). Преподаватель Петроградского богословского ин-та и Богословских курсов (1919–1920), член РАИМК (с 1919), председатель Об-ва по изучению древних культур в Москве (1920) —*340, 431, 432, 447*

Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883), писатель, член-корр. Петербургской АН (1860) —*153*

Тэн Ипполит Адольф (1828–1893), французский философ, эстетик, историк, искусствовед, литературовед, публицист, основатель культурно-исторической школы, родоначальник эстетической теории натурализма, член Французской академии (1878) —*459, 463–466*

Уварова (урожд. кн. Щербатова) Прасковья Сергеевна (1840–1924), графиня, археолог, коллекционер, общественный деятель, почетный член Петербургской АН (1894). Почетный член и председатель (с 1885), пожизненный председатель (с 1910) МАО, председатель Комиссий МАО по сохранению древних памятников (с 1890) и по изучению старой Москвы (с 1909), товарищ председателя Восточной комиссии. Редактор «Трудов» археологических съездов и повременных изданий МАО: «Древностей», «Археологических известий и заметок», «Материалов по археологии Кавказа», «Материалов по археологии восточных губерний», один из инициаторов создания Музея старой Москвы. С 1919 в эмиграции в Сербии *– 112, 116, 138, 276*

Угримов Александр Александрович (1906–1981), агроном, общественный деятель, мемуарист. Сын А. И. Угримова. Друг сына М. М. Богословского. В 1922 вместе с семьей выслан из России. Жил и работал в Германии, Франции, получил образование в области сельского хозяйства. Активный участник движения младороссов (1929–1937). Научный сотрудник (с 1937), «адъюнкт-профессор» (1938–1940) Высшей Французской мукомольной школы в Париже. В годы оккупации Франции участник Сопротивления, командир отряда «Дурданской группы» на правах лейтенанта (1944). В 1947 выслан из Франции в группе членов Союза Советских граждан во Франции. В 1947–1948 находился в советской зоне оккупации в Германии. В 1948 вернулся в Москву, направлен на работу в Саратов, где был арестован по обвинению в антисоветской деятельности, находился в заключении в Воркутинских лагерях (1948–1954). В 1954 освобожден и реабилитирован, вернулся в Москву. Работал по договорам, занимался переводами. С 1957 сотрудник Всесоюзного ин-та легкого и текстильного машиностроения. Хранитель архива А. И. Солженицына, переправлял на запад «Архипелаг ГУЛАГ». В тексте упоминается как Шушу *– 313*

Угримов Александр Иванович (1874–1974), агроном, профессор, доктор биологических наук (1905, Лейпцигский ун-т). Помощник ученого секретаря, вице-президент, затем президент Московского об-ва сельского хозяйства (1906–1922), Об-ва взаимопощи русских агрономов, член Съезда представителей льняного дела России, Вольного Экономического об-ва. После Октябрьской революции принимал участие в Комиссии СТО по электрификации сельского хозяйства (1920), член редакции «Вестника сельского хозяйства», член «Помгола» (1921). В 1922 А. И. Угримов с семьей был выслан из России на «корабле философов». Работал консультантом по сельскому хозяйству в представительстве советской потребкооперации в Германии (1923–1924). Читал лекции по истории сельского хозяйства и географии растениеводства в Берлинском ун-те (1927–1936). В 1938 году переехал из Германии во Францию, преподавал в Высшей Французской мукомольной школе в Париже. После войны принял советское гражданство, с 1948 – в СССР, работал агрономом на опытных сельско-хозяйственных станциях в Ульяновской и Калужской областях. Реабилитирован по поводу высылки 1922-го в 1957, с 1959 жил в Москве. Отец А. А. Угримова *– 334*

Угримов Шушу, см. *Угримов А.А.*

Угримовы, семья Л. *И. Угримова – 334*

Уильяме Чарльз Гэнбюри (1709–1759), дипломат, посол Англии в России (1755–1757) *– 276*

Ульрици Герман (1806–1884), немецкий философ, профессор в Галле *– 415*

Урусов Сергей Дмитриевич (1862–1937), князь, общественный и государственный деятель, член Партии демократических реформ. Председатель Калужской губернской земской управы (1890–1895), почетный мировой судья в Москве (1900–1901), тамбовский вице-губернатор (1902), бессарабский (1903) и тверской (1904–1905) губернатор, товарищ министра внутренних дел (1905–1906), депутат I Государственной думы. Как депутат, подписавший Выборгское воззвание, был приговорен к тюремному заключению, которое отбывал в Таганской тюрьме (1908). Был лишен прав государственной и общественной службы. В

Феррейн Владимир Карлович (1834–1918), фармацевт, московский купец 1-й гильдии, действ, статский советник, магистр фармации (1869). Гласный Московской городской думы, председатель Московского фармацевтического об-ва и Пенсионно-вспомогательной кассы на пособие инвалидам, вдовам и сиротам фармацевтов. Продолжив дело отца, Карла Ивановича Феррейна, создал одну из крупнейших в России фармацевтическую фирму, с 1902 преобразованную в «Товарищество на паях Феррейн В.К.», стал председателем правления и директором-распорядителем всего бизнеса. Товарищество владело собственным фармацевтическим заводом (ныне – головное предприятие ЗАО «Брынцалов А.»), химико-бактериологической лабораторией и сетью аптек в Москве, в том числе крупнейшей в Европе Старо-Никольской аптекой. После Октябрьской революции переехал в Германию —266

Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов) (1783–1867), церковный деятель, проповедник, профессор философии, почетный член (1827), академик (1841) Петербургской АН. Инспектор и профессор философских наук (1808–1812), ректор и профессор богословских наук (1812–1817) Санкт-Петербургской духовной академии, епископ Ревельский, викарий Петербургской епархии (1817–1819), архиепископ Тверской (1819), член Синода (1819–1849), митрополит Московский (1826–1867), составитель Манифеста 1861 об отмене крепостного права. Канонизирован РПЦ в 1994 – *244, 246 Филипп* (в миру боярин Федор Степанович Колычев) (1507–1569), церковный деятель. Игумен Соловецкого м-ря (1547–1566), митрополит Московский и всея Руси (с 1566), низложен в ноябре 1568, заточен сначала в Богоявленском (или Староникольском) м-ре, затем в Тверском Отрочем м-ре, где был задушен Малютой Скуратовым. Канонизирован в 1652 —*107*

Филиппов Александр Никитич (1853–1927), юрист, историк права, магистр (1891), доктор (1895) государственного права, членкорр. Петербургской АН (1914). Приват-доцент (1885–1892), профессор (с 1903), заслуженный профессор (1910) юридического ф-та М.у. И. д. профессора (с 1892), профессор (с 1895), проректор (1893–1895), ректор (1901–1905) Дерптского (Юрьевского) ун-та. Член Попечительского совета, профессор Московского археологического ин-та. Почетный член Московского об-ва по исследованию памятников древности *– 73, 130–132, 140, 141, 155, 165, 169, 176, 181, 185, 195, 202, 229, 230, 232, 233, 240, 241, 243, 244, 251, 252, 271, 308, 344, 355, 362, 366, 433*

Филиппов Дмитрий Иванович (1855–1908), потомственный почетный гражданин, московский купец 1-й гильдии, владелец булочных и пекарен в Москве, Петербурге, Ростове-на-Дону, Саратове и Туле. В Москве, кроме того, имел кофейню, ресторан и гостиницу «Люкс» (ныне гостиница «Центральная») *– 435*

Фирсов Николай Николаевич (1864–1934), историк, магистр (1897), доктор (1903) русской истории. Приват-доцент (с 1891), профессор (1903–1914, с апреля 1916) историко-филологического ф-та Казанского ун-та, в 1914–1916 по политическим мотивам был отстранен от преподавания. Приват-доцент историко-филологического ф-та М.у. (1914–1916), профессор Московского археологического ин-та (1914–1919), Восточно-педагогического ин-та в Казани (1923–1930), председатель Научного об-ва татароведения в Казани (1923–1929) *—170, 305, 375, 378, 385*

Фишер (урожд. Толстова) Надежда Петровна, слушательница историко-философского ф-та МВЖК (1910–1913), курс не окончила, работала учительницей, сестра Елизаветы Петровны Богословской, жены М.М. Богословского. В тексте упоминается, как Надя *– 80, 84, 176, 258, 421, 422, 462*

Флавиан (в миру Николай Николаевич Городецкий) (1840–1915), церковный деятель. Епископ Люблинский, викарий Варшавский (с 1885), архиепископ Холмский и Варшавский (1891–1898), архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии (1898–1901), архиепископ Харьковский и Ахтырский (1901–1903), митрополит Киевский и Галицкий (1903–1915 *)—101*

Флинт Маргарита Викторовна, владелица имения Шашково Рыбинского уезда Ярославской губ., дочь В. Н. Пастухова, внучка Н. И. Пастухова – *121, 227, 289*

Флоренский Павел Александрович (1882–1937), религиозный философ, теолог, искусствовед, магистр богословия (1914), священник (с 1911). И. д. доцента (1908–1914), профессор (1914–1918) МДА. После Октябрьской революции председатель Комиссии по научному описанию художественных ценностей Троице-Сергиевой лавры (с 1919), эксперт Сергиевского историко-художественного музея, сотрудник Византийской секции Московского Ин-та историко-художественных изысканий и музееведения (МИХИМ) (с 1920), преподаватель Сергиевского ин-та народного образования (1919–1921), сотрудник завода «Карболит» (1920–1924), профессор ВХУТЕМАСа (с 1921). Сотрудник, зав. лабораторией испытания материалов Государственного экспериментального электротехнического ин-та (ГЭЭИ) (с 1921), соредактор и сотрудник «Технической энциклопедии», помощник директора по научной части Всесоюзного электротехнического ин-та (с 1930). Подвергался арестам и ссылкам в 1928 и 1933, в 1933 осужден по делу так называемой «Партии Возрождения России», отправлен на СкоБородинскую мерзлотную научно-исследовательскую станцию, в 1934 на Соловки, занимался там вопросами добычи йода на заводе йодной промышленности. Расстрелян 8.12.1937 – *160, 354, 415, 438, 441*

Флоровский Антоний Васильевич (1884–1968), историк, магистр (1916), доктор (1936) русской истории, доктор исторических наук Чехословакии (1957). Приват-доцент (1911), профессор (1916) Новороссийского ун-та, преподаватель ВЖК в Одессе (с 1915), Одесского педагогического ин-та (1917–1918). Преподаватель Археологического ин-та (с 1920), помощник заведующего Одесским областным архивным упр-нием (1920), директор Одесской публичной б-ки и главной б-ки Одесской высшей школы (1922). В 1922 выслан из России, профессор Русского юридического ф-та при Карловом ун-те в Праге (с 1923). Преподаватель (с 1933), профессор (1948–1957) кафедры русской истории Карлова ун-та, член Славянского ин-та в Праге (с 1929), руководитель историко-филологического отделения Русской учебной коллегии (1923–1930). В 1946 получил советское гражданство, но остался жить в Чехословакии. Член (с 1924), председатель (1938–1940) Русского исторического об-ва, член Семинара (Ин-та) им. Н. Кондакова (с 1925, в 1947–1952 —руководитель Ин-та), Русского заграничного исторического архива (с 1925, в 1933–1945—председатель Ученого совета) – *67–69, 75, 89, 118, 125, 126, 128, 129, 132–135, 137, 138, 144, 145, 268, 422*

Фокин Анатолий Михайлович (1892–1979), историк, геолог. Выпускник (1915), магистрант историко-филологического ф-та М.у. Преподаватель ряда московских вузов, инспектор Главархива и Центрархива (1915–1924). Подвергался арестам и ссылкам в 1924–1926,1930—1933, с 1926 работал в Московском отделении Геологического к-та, с 1930 – в горно-геологическом отделе Ин-та по удобрениям, затем (в период ссылки в Архангельск) буровым мастером в «Северолесе», после освобождения – начальником геологоразведочной партии под Мурманском, в 1942–1979 жил в Тбилиси, с 1979 – в Москве – *79, 97, 117, 267, 333, 334, 364, 443*

Фомина, выпускница МВЖК, ученица М. М. Богословского – *84, 138*

Фортунатов Александр Алексеевич (1884–1949), историк, доктор всеобщей истории (1926, при Азербайджанском ун-те. При переаттестации в 1945 ВАК не признал ученых степеней Азербайджанского ун-та, поэтому Фортунатов наряду с некоторыми другими учеными не получил подтверждения докторской степени, но в звании профессора был переутвержден). Выпускник (1908), магистрант, приват-доцент (с 1917) историко-филологического ф-та М. у., профессор общественно-педагогического отделения ФОН МГУ (1919–1923), научный сотрудник Ин-та истории ФОН МГУ – РАНИОН (1923–1929). Преподаватель Народного ун-та им. А. Л. Шанявского (до 1920, с осени 1918 – зав. научнопопулярным отделением). Преподаватель ряда средних и средних специальных учебных заведений

(1926–1939), профессор (1939), зав. кафедрой истории средних веков (1940), декан исторического ф-та (1947) Городского педагогического ин-та им. В. П. Потемкина – 76, *101, 143, 236, 253*

Фортунатов Степан Федорович (1850–1918), историк-новист. Преподаватель женских гимназий: 4-й московской, гимназии С. А. Арсеньевой и классической гимназии С.Н. Фишер, приватдоцент историко-филологического ф-та М.у. (1886–1911), преподаватель МВЖК (с 1872), Народного ун-та им. А.Л. Шанявского – 74, *147, 148, 176, 188, 189, 272*

Фохт Борис Александрович (1875–1946), философ, член-корр. ГАХН (1930). Преподаватель ряда московских гимназий, МВЖК, Московских женских педагогических курсов им. Д.И. Тихомирова. Во 2-й пол. 1920-х председатель предметной комиссии по преподаванию древних и новых языков РАНИОН, позже профессор МГУ и МГПИ – *115*

Фрайет (Фрайэт), Чарльз (1872–1916), капитан английского торгового судна «Брюссель», 14 (27).07.1916 расстрелян немцами– *219*

Франц Иосиф I (1830–1916), император Австрии и король Венгрии (с 1848), из династии Габсбургов; в 1867 преобразовал австрийскую империю в двуединую монархию Австро-Венгрию —*267*

Френ Христиан Данилович (Христиан Мартин) (1782–1851), историк-востоковед, создатель русской школы востоковедения и восточной нумизматики, академик Петербургской АН (1817).

По происхождению немец, профессор восточных языков (1807–1817), декан историко-филологического ф-та (1815–1817) Казанского ун-та, директор Азиатского музея АН (1818–1842) —*250*

Фридрих III (1657–1713), из династии Гогенцоллернов, курфюрст Бранденбургский (1688–1701), в 1701 короновался в Кенигсберге в качестве короля Пруссии под именем Фридриха I – *282, 289*

Фруассар Жан (ок. 1337 – после 1404), французский хронист и поэт – *83*

Хвостов Александр Алексеевич (1857–1922), государственный деятель. И. д. юрисконсульта (1890–1892), юрисконсульт (1892–1895) Консультации при Мин-ве юстиции, правитель канцелярии министра внутренних дел (1895–1899), директор Хозяйственного департамента МВД (1900–1901), 1-го департамента Мин-ва юстиции (1901–1905). Товарищ министра юстиции (1905–1906), управляющий Мин-вом юстиции (6.07–30.09.1915), министр юстиции (30.09.1915—7.07.1916), министр внутренних дел (7.07–16.09.1916). Сенатор (1905), член Государственного совета (1912). После Октябрьской революции проживал в г. Ельце, занимался хозяйством – *215*

Хвостов Алексей Николаевич (1872–1918), политический и государственный деятель. Товарищ прокурора Тверского (1898–1900) и Московского (1900–1904) окружных судов. Минский (1904) и тульский (1904–1906) вице-губернатор, и. д. губернатора (1906–1908), вологодский губернатор (1908–1910), нижегородский губернатор (1910–1912). Депутат IV Государственной думы, лидер фракции правых. Управляющий МВД (сентябрь-ноябрь 1915), министр внутренних дел (ноябрь 1915 – март 1916). После Февральской революции арестован, 5.09.1918 расстрелян – *85*

Хвостов Вениамин Михайлович (1867–1920), юрист, правовед, магистр (1895), доктор (1898) римского права. Приват-доцент (1895–1899), профессор (1899–1911, 1917–1920), заслуженный профессор, секретарь (1905) юридического ф-та М.у., затем ФОН МГУ. Декан историко-философского ф-та МВЖК, преподаватель Народного ун-та им. А. Л. Шанявского, Высших женских юридических курсов В.А. Полторацкой, женской гимназии Н.П. Хвостовой. Покончил жизнь самоубийством – *77, 108, 111, 115, 129, 183, 234, 249, 269, 272, 342, 348, 353*

(1907–1923). Основатель (1912) и директор (до ноября 1923) Психологического ин-та им. Л.Г. Щукиной при М.у. (позднее Ин-т психологии Академии педагогических наук РСФСР). Профессор МВЖК (с 1907). Член ГАХН (1921–1930) *– 71, 73, 82, 102, 174, 187, 292, 296, 299, 338, 363, 365, 418*

Ченцова Антонина Андреевна, врач-офтальмолог *– 466, 468, 471*

Черепнин Владимир Алексеевич (1880–1945), историк, библиограф. Выпускник историко-филологического ф-та М. у. (1903 по другим данным 1904), затем Петербургского археологического ин-та и юридического ф-та Петербургского ун-та. Член-сотрудник Рязанской Учёной архивной комиссии (1905–1917). В годы советской власти работал библиотекарем, отец историка Л. В. Черепнина *– 56, 309*

Чернов Виктор Михайлович (1873–1952), политический деятель, публицист, один из основателей партии эсеров, член ЦК, главный теоретик партии. Подвергался арестам и высылкам, в 1899–1905,1908—1917 – в эмиграции, вернулся в Россию после Февральской революции. Член Исполкома и товарищ председателя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, член ВЦИК (с июня 1917). Министр земледелия (5.05–28.08.1917). После Октябрьской революции один из руководителей К-та спасения родины и революции, в январе 1918 председатель Учредительного собрания, после разгона которого жил в Самаре, Екатеринбурге, Уфе, Москве. С 1920 в эмиграции, жил в Таллине, Берлине, Праге, Париже, Нью-Йорке – 386, *447*

Чернявский Николай, историк и краевед, магистр богословия (1916), инспектор Тобольской духовной семинарии *– 255*

Чехов Антон Павлович (1860–1904), писатель и драматург *– 96, 461*

Чиж Николай Сигизмундович (1893—?), выпускник историко-филологического ф-та М.у. (1916). Сотрудник Московской секции РАИМК (1920-е), в 1921 подвергался аресту *– 420*

Чижов Сергей Иванович (1870–1921), нумизмат, секретарь (с 1903), почетный член (1913) Московского Нумизматического об-ва, действ, член МАО, почетный сотрудник Румянцевского музея. С декабря 1919 работал научным сотрудником РАИМК. В конце 1920 арестован, умер еще до суда в Бутырской тюрьме (14.02.1921)*—106*

Чичагов Константин Дмитриевич (1866–1920), историк искусства, библиограф, заведующий художественными библиотеками при Дирекции императорских театров, профессор Высшего художественного уч-ща в Петрограде *—290*

Членов Михаил Александрович (1871–1941), врач-дерматолог, сифилидолог, доктор медицины (1900). Земский врач (1896–1898), ординатор Мясницкой городской больницы в Москве (1899–1915). Приват-доцент (1902–1912), профессор (1912–1917) медицинского ф-та М.у. по кафедре систематического и клинического учения о накожных и сифилитических болезнях. Научный консультант Наркомпроса (с 1917), зав. Московской военной кожно-венерологической амбулаторией № 11 (1919–1921). Зав. кафедрой кожных и венерических болезней Азербайджанского ун-та (с 1922), инициатор создания и директор Азербайджанского научно-исследовательского кожно-венерологического ин-та (с 1924). Основатель Азербайджанского дермато-венерологического об-ва (1925) и его первый председатель. Член редакции журнала «Вестник дерматологии и венерологии» *– 312*

Чулков Николай Петрович (1870–1940), историк, архивист, генеалог. Сотрудник, начальник отделения МАМЮ (1893–1933), сотрудник К-та по охране могил выдающихся деятелей Об-ва изучения Московской губ. (1927–1929). Зав. рукописным отделом Центрального государственного литературного музея (с 1933), редактор каталогов «И.С. Тургенев. Рукописи, переписка и документы» (1935), «Декабристы. Письма и материалы» (1938), составитель картотеки московских домов, в которых жили литераторы, учёные, политиче-

Шеин Алексей Семенович (1662–1700), боярин (1682), ближний боярин (1695), полководец, государственный деятель, генералиссимус (1696) *—188, 191* *Шекспир Уильям* (1564–1616), английский драматург и поэт *– 180, 181*

Шеллинг Фридрих Вильгельм Йозеф (1775–1854), немецкий философ, представитель немецкого классического идеализма *– 94*

Шепелев, знакомый М. М. Богословского, родственник профессора МДА Ф. М. Россейкина *– 135*

Щербинский Василий Дмитриевич (1850–1941), терапевт, патолог, доктор медицины (1879), заслуженный деятель науки РСФСР (1928). Профессор (1884–1911), заслуженный профессор (1905) медицинского ф-та М. у., директор факультетской терапевтической клиники М. у., председатель Московского об-ва народных университетов (1905–1915). Позже член Ученого медицинского совета при Наркомздраве, организатор и директор Ин-та экспериментальной эндокринологии (1925–1929), основоположник клинической эндокринологии в России. Председатель Московского об-ва терапевтов, председатель Московского медицинского об-ва (1899–1924), один из организаторов Всесоюзного эндокринологического об-ва (1924), член Комиссии по реформе врачебного образования (1917) *—192, 307*

Шереметев Павел Сергеевич (1871–1943), граф, историк, художник. Член Государственного совета (с 1916), звенигородский уездный предводитель дворянства. После Октябрьской революции хранитель художественно-исторических ценностей (с мая 1918), заведующий (1921–1927), научный сотрудник (1927–1928) Музея дворянского быта, созданного в бывшем родовом имении Шереметевых в Остафьеве. В 1927 лишен гражданских прав, выселен с семьей из Остафьева. Член Пушкинской комиссии (с 1927). Сын С. Д. Шереметева *– 237*

Шереметев Сергей Дмитриевич (1844–1918), граф, историк, искусствовед, общественный и государственный деятель, коллекционер, почетный член Петербургской АН (1890), член-корр. (1900), почетный член (1903) Национальной академии в Реймсе. Предводитель дворянства Московской губ. (1885–1890). Основатель (1877) и председатель (1888–1917) Об-ва любителей древней письменности, председатель АК (с 1900), Обаревнителей русского исторического просвещения (с 1895), К-та о русской иконописи (с 1901), редактор и издатель сборников «Старина и новизна» (Кн. 1—22), инициатор открытия в своем имении в Остафьеве первого в России музея-заповедника дворянского быта и культуры (1903, дом имения был открыт для бесплатного посещения с 1899), член Государственного совета (с 1900), попечитель Странноприимного в Москве дома гр. Шереметева (1871–1917). Почетный член ОИДР (1883), МДА (1903), Петербургского ун-та (1913) и др. Отец П.С. Шереметева *—169, 237*

Шестаков Сергей Петрович (1864–1940), филолог-классик, историк античности, византинист, магистр (1893), доктор (1898) греческой словесности, член-корр. Петербургской АН (1916). Приват-доцент (1890–1900), профессор (1902–1933), декан (1906, 1907, 1909, 1911–1917), заслуженный профессор (1915) историко-филологического ф-та, старший научный сотрудник Научной б-ки (1934–1938) Казанского ун-та. Член Попечительского совета Казанского учебного округа (1904–1910), преподаватель (с 1906), директор (с 1911) ВЖК в Казани. Профессор Восточного археологического ин-та, преподаватель Восточно-педагогического ин-та (с 1928), сотрудник Казанского ин-та советского права и советского строительства (1933–1934) *—170*

Шестаков Сергей Сергеевич (1862—?), инженер-механик. Участковый инженер Московской Городской управы, позже зав. планировочно-земельным подотделом Московского Коммунального хозяйства, профессор Московского Высшего технического уч-ща и Московского межевого ин-та. Расстрелян *—126*

Шестаковы, семья С. С. Шестакова *—106, 126, 141*

Шидловский Сергей Иллиодорович (1861–1922), политический деятель, крупный землевладелец. Член правления Крестьянского поземельного банка (с 1900), директор Департамента земледелия (1905). Октябрист, депутат III (товарищ председателя) и IV Государственных дум, в IV думе возглавлял левое крыло партии октябристов, председатель бюро Прогрессивного блока. В дни Февральской революции член Временного к-та Государственной думы, затем член Главного земельного к-та, Предпарламента. С 1920 в эмиграции в Эстонии – *318*

Шиман Теодор (1847–1921), немецкий историк, архивариус, профессор Берлинского ун-та, специалист по восточно-европейской истории – *56*

Шингарев Андрей Иванович (1869–1918), врач, публицист, земский и политический деятель. Заведующий Гнездиловской больницей губернского Воронежского земства (1899–1903), зав. санитарным отделом Воронежской губернской земской управы (1903–1907). Один из лидеров партии кадетов, член ее ЦК, депутат II–IV Государственных дум, председатель Военноморской комиссии Государственной думы. После Февральской революции министр земледелия (2.03—2.05.1917), министр финансов (5.05—2.07.1917), лидер фракции кадетов в Петроградской городской думе (с июля 1917), член Предпарламента. 28.11.1917 арестован, 5.01.1918 убит матросами-анархистами в Мариинской больнице —*278, 314, 455*

Шифрин, в 1917 студент историко-филологического ф-та М.у. – *340*

Шишков Александр Семенович (1754–1841), военный и государственный деятель, филолог, писатель, адмирал (1824), ген, адъютант (1797), член (с 1796), президент (с 1813) Российской академии. Министр народного просвещения и главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий (1824–1828), один из основателей литературно-политического об-ва «Беседа любителей русского слова» (1810) —*79, 80, 84, 90*

Шор Давид Соломонович (1867–1942), пианист, педагог, музыкально-общественный деятель. В 1892 вместе со скрипачом Д. С. Крейном и виолончелистом М. И. Альтшулером основал «Московское трио» (с 1897 выступало в составе: Шор, Крейн, Эрлих). Один из инициаторов и учредителей об-ва «Музыкально-теоретическая библиотека» (1908). Выступал в Москве и провинции как лектор по истории музыки, иллюстрируя лекции фортепьянным исполнением. Преподаватель, профессор (с 1919) Московской консерватории. Один из инициаторов воссоздания, член правления, руководитель хора Об-ва еврейской народной музыки, в 1926–1927 его председатель. В 1925–1926 был командирован советским прав-вом в Палестину для укрепления культурных связей. В 1926 основал в Тель-Авиве «Институт для распространения музыки в народе», был организатором и председателем Союза музыкантов Палестины. В 1927 окончательно переехал в Палестину. В 1929–1936 руководил созданным им музыкальным ф-том при Еврейском ун-те в Тель-Авиве. В 1936 создал Ин-т музыкального образования и воспитания с музыкальной школой при нем, которой руководил до конца жизни – *90, 93*

Шостьин Александр Павлович (1862–1916), магистр богословия (1890), и. д. доцента (1886), доцент (1890), профессор (1895), заслуженный профессор (1911), инспектор (1907–1912), член правления МДА (с 1913). Отец Н. А. Шостьина – 77 *131–133, 137, 192*

Шостьин Николай Александрович (1896–1971), в 1915–1917 студент историко-филологического ф-та М.у., впоследствии крупный специалист по исторической метрологии, сын А. П. Шостьина– *81, 132, 143, 239*

Шостьины, семья А. П. Шостьина – *133, 134, 239*

Шпет Густав Густавович (1879–1937), философ, магистр философии (1916). Приват-доцент (с 1910), профессор (1918–1921) историко-филологического ф-та М.у., преподаватель МВЖК, вице-президент Российской (затем Государственной) академии художественных наук (1927–1932), проректор Академии высшего актерского мастерства (1932–1935) —*162, 184, 186, 187*

Штраух Анатолий Николаевич (1893–1935), в 1915–1917 студент историко-филологического ф-та М.у., во 2-й половине 1920-х научный сотрудник секции методологии истории Коммунистической академии, доцент Индустриально-педагогического ин-та —*107, 179, 331*

Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917), государственный деятель. Старший столоначальник (1876–1882), чиновник особых поручений IV класса (1882–1892) при Департаменте Мин-ва юстиции, председатель Тверской губернской земской управы (1892–1894), губернатор Новгородской (1894–1896) и Ярославской (1896–1902) губерний, директор департамента общих дел МВД (1902–1916), член Государственного совета (1904). Председатель Совета министров (20.01–10.11.1916), одновременно министр внутренних дел (3.03—7.07.1916) и министр иностранных дел (7.07–10.11.1916). После Февральской революции арестован, умер в Петропавловской крепости – *215, 268, 274*

Шуваев Дмитрий Савельевич (1854–1937), военный деятель, ген. от инфантерии (1912). Главный полевой интендант (декабрь 1915 – март 1916), военный министр (март 1916—январь 1917), член Государственного совета (1917). С мая 1917 в отставке. С 1920 служил в РККА, начальник штаба и командующий 4-й армией, с 1922 – начальник штаба Петроградского военного округа, затем преподаватель на курсах «Выстрел». С конца 1920-х в отставке. В 1937 арестован и расстрелян, реабилитирован посмертно —*288*

Шувалов Петр Иванович (1711–1762), граф (с 1746), государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал (1761), сенатор. Участник дворцового переворота 1741, командующий дивизией, затем корпусом, конферец-министр, управляющий оружейной и артиллерийской канцеляриями. Фактический руководитель правительства при Елизавете Петровне, автор и инициатор ряда проектов экономических и финансовых преобразований – *280*

Шуман Роберт Александер (1810–1856), немецкий композитор —*156*

Шурик, см. *Богословский Александр Сергеевич*

Щеглов Василий Васильевич (1851–1917), заведующий б-кой Зимнего дворца (с 1903) *– 198*

Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918), государственный деятель. Зав. уголовным отделом законодательного отделения департамента Мин-ва юстиции (1890–1893), юрисконсульт Мин-ва юстиции (1893–1894), прокурор Петербургского окружного суда (1894), помощник прокурора Петербургской судебной палаты (с 1895). И. д. директора (с 1900), директор (с 1905) 1-го департамента Мин-ва юстиции, товарищ министра юстиции (февраль 1906), министр юстиции (апрель 1906—июль 1915), член (с 1907), председатель (1.01–28.02.1917) Государственного совета, сенатор (с 1911). Член (с 1889), секретарь (1892) Юридического об-ва при Петербургском ун-те. После Февральской революции арестован, расстрелян 5.09.1918 —*150, 154*

Щепкин Вячеслав Николаевич (1863–1920), историк-славист, палеограф, лингвист, историк древнерусского искусства, магистр (1899), доктор славянской филологии (1906), член-корр. Петербургской АН (1913). Помощник хранителя (с 1887), старший хранитель, заведующий созданного им ОР РИМ (с 1912). Приват-доцент (1900–1907), профессор (1907–1920) историко-филологического ф-та М.у. и ФОН МГУ, профессор МВЖК (с 1906). Брат Е.Н. Щепкина – *78, 146, 167, 171, 302*

Щепкин Евгений Николаевич (1860–1920), историк, педагог, общественный деятель, магистр всеобщей истории (1903). Приватдоцент историко-филологического ф-та М.у. (1892–1897), и. д. профессора Историко-филологического ин-та кн. Безбородко в Нежине (1897–1898), и. д. профессора (1898–1906), профессор историко-филологического ф-та (1898–1906), действ, член (1898) и секретарь (1899–1905) Историко-филологического об-ва Новороссийского ун-та, в 1906 уволен со службы за подписание Выборгского воззвания, в 1917–1920 зав. кафедрой всеобщей истории того же ун-та. Профессор частных вузов Одессы (с 1906), член правления (с 1905) и председатель (1908–1910) Одесского об-ва помощи лите-

раторам и ученым. Член (1905–1907) и член ЦК (1906) партии кадетов, депутат I Государственной думы, член партии социалистов-революционеров (1917) и украинской партии левых социалистов-революционеров (фракция боротьбистов, 1918). С 1920 член ВКП(б), зав. отделом вузов Комиссариата (отдела) народного образования при Одесском губисполкоме (1919–1920). Брат В.Н. Щепкина – *83, 84*

Щепкин Николай Николаевич (1854–1919), земский и политический деятель. Один из основателей и член ЦК партии кадетов. Гласный Московской городской думы и губернского земского собрания, товарищ городского головы, депутат III и IV Государственных дум, в годы Первой мировой войны член Главного к-та Союза городов. После Февральской революции член московского К-та общественных организаций, председатель Туркестанского к-та Временного прав-ва (с апреля 1917). После Октябрьской революции член ряда контрреволюционных организаций: один из учредителей и зам. председателя «Союза возрождения» в Москве (1918–1919), товарищ председателя (с начала 1919 – председатель) «Национального центра», глава «Тактического центра». В августе 1919 арестован и расстрелян– *68*

Щербаков Сергей Александрович, член Совета попечителя Московского округа, член Попечительства об учениках реального уч-ща Н.А. Иванцова – *241*

Щербатов Николай Борисович (1868–1943), князь, общественный и политический деятель, один из учредителей Всероссийского союза земских деятелей. Почетный попечитель Лубенской (Харьковской губ.) мужской гимназии (1903–1910), предводитель дворянства Полтавской губ. (1907–1913), член Государственного совета (с 1912), управляющий государственным коннозаводством (1913–1915), управляющий МВД (5.06–26.09.1915). Во время Гражданской войны находился на Юге России, сначала у А. И. Деникина, затем у П. Н. Врангеля. С 1920 в эмиграции в Германии – *76, 84*

Щукин А. В., близкий друг родителей М. М. Богословского – *67, 214, 386*

Щукина Т.В., жена А.В. Щукина – *210, 215, 381, 383, 397*

Щукины, семья А.В. и Т.В. Щукиных – *214, 386*

Экземплярский Владимир Михайлович (1889–1957), психолог и педагог, доктор педагогических наук (по психологии), отличник народного просвещения. Приват-доцент историко-филологического ф-та М.у. (1916), лектор Народного ун-та Московского об-ва народных ун-тов, преподаватель нескольких московских гимназий. Действ, член (1924) и зав. лабораторией экспериментальной эстетики, искусствовед ГАХН, преподаватель Военно-педагогического ин-та, Ин-та физической культуры (до 1927), действ, член Психологического ин-та при МГУ. Профессор Педагогического ин-та в Н.-Новгороде (до 1931), сотрудник научно-методического кабинета Всесоюзного заочного ин-та народного образования (до 1935). В 1937 выслан в Челябинскую область как член семьи осужденного. Первое время работал в с. Шатровском, с 1938 – в Челябинском государственном педагогическом ин-те и Ин-те усовершенствования учителей. Инициатор создания и руководитель аспирантуры на кафедре педагогики и психологии Челябинского государственного педагогического ин-та (с кон. 1940-х) —296

Эразм Роттердамский (литературный псевдоним Гергарда Гергардса, другой литературный псевдоним Дезидерий) (1469–1536), нидерландский философ-гуманист, виднейший представитель северного Возрождения, филолог, писатель, богослов —*167*

Эрлих Рудольф Иванович (1866–1924), виолончелист, педагог, с 1897 участник «Московского трио» (см. *Шор Д.С.) – 90, 93*

Эрн Владимир Францевич (1881–1917), религиозный философ и публицист, неославянофил, приват-доцент историко-филологического ф-та М.у., один из организаторов и участников Религиозно-философского об-ва памяти Вл. Соловьева (1906)– *250*

Юденич Николай Николаевич (1862–1933), военный деятель, ген. от инфантерии (1915). В годы Первой мировой войны начальник штаба (с декабря 1914), затем коман-

Краткая биографическая справка

Михаил Михайлович Богословский родился в Москве 13 марта 1867 г.

Его отец, также Михаил Михайлович (1826–1893), окончил Московскую духовную семинарию, но священником не стал, поступил на службу в ведомство Московского опекунского совета, затем был бухгалтером Московской сохранной казны и закончил службу в чине действительного статского советника, что давало право на потомственное дворянство. После выхода в отставку стал управляющим домами Д. А. Олсуфьева в Москве.

Мать М. М. Богословского, Мария Серафимовна (1842–1914), не могла вступить в официальный брак с его отцом в связи с тем, что первый муж оставил ее, не оформив развода. Поэтому отцу пришлось усыновить собственных детей: сыновей, Михаила и Сергея, и дочь Марию[60].

Учился Богословский в 5-й московской мужской гимназии, которую окончил в 1886 г. с золотой медалью, и в том же году поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где его учителями стали три наиболее крупных представителя исторической науки конца XIX – начала XX в. – П. Г. Виноградов, В. И. Герье и В. О. Ключевский.

В 1890 г. Богословский окончил университет с дипломом 1-й степени. Его конкурсное сочинение «Писцовые книги, их происхождение, состав и значение в ряду исторических источников истории Московского государства XV, XVI и XVII вв.» было высоко оценено Ключевским и получило золотую медаль факультета.

В 1891–1894 гг. он был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию (без содержания). В этот же период материальные затруднения семьи вынудили его занять место отца по управлению домами Д. А. Олсуфьева (1892–1899 гг.).

В 1894–1895 гг. Богословский сдал магистерские экзамены и приступил к подготовке диссертации. С мая 1898 г. он был зачислен приват-доцентом по кафедре русской истории историко-филологического факультета Московского университета. Помимо преподавания в университете, Богословский в 1898/1899 учебном году читал ряд лекций на коллективных уроках бывших слушательниц Московских высших женских курсов (закрытых в 1888–1900 гг.). Кроме того, в 1901–1908 гг. он преподавал историю в 1-й московской женской гимназии[61].

22 ноября 1902 г. состоялся диспут по защите его магистерской диссертации по теме «Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719–1727 гг.». Официальными оппонентами были профессор М. К. Любавский и приват-доцент А. А. Кизеветтер. На диспуте с высокой оценкой труда Богословского выступил и В. О. Ключевский. 2 декабря того же года Богословскому была присуждена степень магистра русской истории. В 1904 г. Академия наук отметила его диссертацию Уваровской премией.

---

[60] См. воспоминания брата М. М. Богословского Сергея Михайловича: *Богословский С. М.* Воспоминания о детстве. Машинопись. (Архив РАН. Ф. 636. Оп. 2. Ед. хр. 9 б. Л. 7.) Эта подробность биографии М. М. Богословского была впервые приведена А. В. Мельниковым в его статье «М. М. Богословский в воспоминаниях современников (Археографический ежегодник за 2000 год. М., 2001. С. 290). Он же указал на место хранения документа об усыновлении М. М. Богословского (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 67. Д. 164. Л. 3 об.). Рассмотрение документа об усыновлении в отрыве от „Воспоминаний“ С.М. Богословского может привести к неверным выводам, что и произошло у авторов одной из биографических статей о М. М. Богословском, которые посчитали, что его „настоящие родители неизвестны“ (см.: *Волков В. А., Куликова М. В., Логинов В. С.* Московские профессора XVIII – начала XX вв. Гуманитарные и общественные науки. М., 2006. С. 31).

[61] См. письмо Л. Н. Коржевиной от 26 августа 1908 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 442. Ед. хр. 63. Л. 39–40), в котором она выражает сожаление по поводу ухода Богословского из гимназии, и справочники «Вся Москва» за 1901–1908 гг. Здесь и далее ссылки на источники приводятся только в том случае, если упоминаемые сведения отсутствуют в уже изданных работах о М. М. Богословском или нуждаются в уточнении.

С 1903/1904 учебного года Богословский начал преподавать русскую историю на Московских высших женских курсах[62], с сентября 1908 г. стал доцентом Московской духовной академии по кафедре русской гражданской истории.

В 1907 г. М. М. Богословский женился на Елизавете Петровне Толстовой, а в 1908 г. у них родился сын Михаил.

В качестве докторской диссертации Богословский успешно защитил 22 ноября 1909 г. первую часть своего большого труда «Земское самоуправление на русском Севере в XVII в.» (1909–1912. Т. 1–2). Оппонентами выступили те же Любавский и Кизеветтер. В 1910 г. Общество истории и древностей российских присудило ему за эту монографию премию им. Г. Ф. Карпова. Защита докторской диссертации дала Богословскому возможность получить в декабре 1909 г. звание экстраординарного профессора Московской духовной академии.

Экстраординарным профессором Московского университета он был утвержден в сентябре 1911 г. и тогда же занял кафедру русской истории, став преемником В. О. Ключевского. Ключевский, правда, предполагал, что его сменит А. А. Кизеветтер, но последний покинул университет вместе с большой группой профессоров и преподавателей, протестовавших против реакционной политики министра народного просвещения Л. А. Кассо, и кафедру занял Богословский.

1910-е гг. – наиболее плодотворные в жизни М. М. Богословского: он приступает к созданию главного труда своей жизни – написанию подробнейшей биографии Петра I, выходят его основные работы, лекционные курсы, учебники по русской истории, возрастает его научный авторитет. В 1912 г. Богословский становится ординарным профессором Московской духовной академии, а в 1915 г. – Московского университета. К 1917 г. он имел чин статского советника.

В предреволюционные годы его избирают в члены многих научных обществ: с 1904 г. он – член Общества истории и древностей российских (с 1919 – его секретарь); с 1912 г. – член Русского исторического общества; с 1915 г. – член Московского археологического общества; с 1916 г. – член Псковской археографической комиссии; в 1915 г. он выступил инициатором возрождения Исторического общества при Московском университете; общество возобновило свою деятельность с января 1916 г. (с 1921 г. Богословский – его председатель).

В октябре 1916 г. историк начинает преподавать на открывшихся в Москве Высших женских богословско-педагогических курсах.

После Октябрьской революции 1917 г. Богословский продолжал некоторое время преподавать в Московской духовной академии (до 1919 г.) и в Московском университете. При реорганизации университета М. М. Богословский был переведен в штат профессоров исторического отделения факультета общественных наук (ФОН), образованного на базе бывшего юридического и историко-филологического факультетов, и проработал в этом качестве до новой реорганизации ФОН в декабре 1924 г.

Когда в 1921 г. в составе научной ассоциации при ФОН МГУ был образован Институт истории (с 1926 г. – Институт истории РАНИОН), Богословский возглавил в нем секцию русской истории.

4 декабря 1920 г. Богословский был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук, а 2 апреля 1921 г. – ее действительным членом.

В 1919–1923 гг. Богословский заведовал отделом XVIII в. 3-го Московского отделения I секции Единого Государственного архивного фонда; в 1921 г. состоял сначала чле-

[62] Считается, что Богословский начал преподавать на Высших женских курсах в 1907 г., однако в «Списке лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1913 год» (СПб., 1912. С. 331) указана другая дата начала его преподавательской деятельности на ВЖК– 1903 г. Подтверждается эта информация и справочниками «Вся Москва»: начиная с издания «Вся Москва на 1904 г.» имя Богословского регулярно указывается среди преподавателей ВЖК.

ном Комиссии по реорганизации Государственного Исторического музея, а затем стал заведующим отделом Московской Руси и председателем Общего исторического разряда музея (1921–1929); был действительным членом Московской секции Государственной Академии истории материальной культуры, председателем ее Комиссии по истории быта (1924–1928); с 1922 г. состоял членом Центрального Бюро Краеведения по Московскому отделению и членом Экспертной комиссии (от Академии наук) при Центральной комиссии по улучшению быта ученых. В марте 1928 г. избран почетным членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете[63].

В апреле 1927 г. Богословский был командирован в Париж для участия в Историческом конгрессе и для получения коллекций музея А. Ф. Онегина, завещанного Академии наук. В работе конгресса М. М. Богословский не участвовал, опоздав на него из-за отсутствия визы, но провел большую работу по подготовке к отправке в СССР материалов музея известного коллекционера, собирателя рукописей А. С. Пушкина и автографов русских и иностранных писателей Александра Федоровича Онегина (Отто). Завершить эту работу Богословскому не позволил ограниченный срок командировки. Позднее Онегинский музей поступил на хранение в Институт русской литературы (Пушкинский дом).

В советское время Богословский несколько раз подвергался краткосрочным арестам. В 1919 г. он был арестован по делу Национального центра в тот момент, когда находился в гостях у Д. М. Петрушевского. Арестованы были и хозяева, и гости: М. М. Богословский с женой, А. А. Кизеветтер с женой, С. Б. Веселовский с сыном и другие. Что послужило причиной двух последующих арестов, 20 февраля 1923 г. и 11 декабря 1924 г., для Богословского так и осталось загадкой[64]. В 1928 г. его вновь арестовали, на это раз «по ошибке»: приняв за совершившего на Кавказе побег генерала, оказавшегося однофамильцем.

Аресты и в особенности смерть по трагической случайности единственного сына Михаила в августе 1925 г. подорвали здоровье ученого. М. М. Богословский умер 20 апреля 1929 г. от приступа стенокардии на 63-м году жизни. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

[63] См. письмо Н. Н. Фирсова М. М. Богословскому от 1 апреля 1928 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 442. Ед. хр. 60. Л. 128–129).

[64] Со слов Богословского это записал (23 февраля 1923 г. и 16 декабря 1924 г.) в своем дневнике заведующий отделом нумизматики ГИМ А. В. Орешников. См. *Орешников А. В.* Дневник. 1915–1933 гг. Кн. 1. М., 2010. С. 370, 472.

Библиография

Список печатных трудов академика М. М. Богословского / Сост. А. В. Мельников // Археографический ежегодник за 1999 год. М., 2000. С. 320–335. Здесь же приведена основная литература о М. М. Богословском. Работы, вышедшие после 2000 г., учтены в статье С. О. Шмидта (*Шмидт С. О.* Подвижник науки // *Богословский М. М.* Российский XVIII век. Кн. 1 / Отв. ред. С. О. Шмидт; сост., подгот. текста, примеч. А. В. Мельникова. М., 2008. С. 5—20).

Справочные издания, не вошедшие в указанные перечни работ о Богословском: Большая Российская энциклопедия. М., 2005. Т. 3. (автор А. В. Мельников). С. 661; Профессора Московского университета, 1755–2004. Биографический словарь / Сост. А. Г. Рябухин, Г. В. Брянцева. М., 2005. Т. 1. С. 145–146; Чернобаев А. А. Историки России XX века: Биобиблиографический словарь. Саратов, 2005. С. 113–114; *Волков В. А., Куликова М. В., Логинов В. С.* Московские профессора XVIII – начала XX вв. Гуманитарные и общественные науки. М., 2006. С. 31–32; Московская энциклопедия. М., 2007. Т. 1. Кн. 1. (автор А. В. Мельников). С. 198–199; *Тункина И. В.* Биографический словарь-указатель // *Бузескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. М., 2008. С. 507–508.

Список сокращений

АЕ – Археографический ежегодник
АК – Археографическая комиссия
АН – Академия наук
АРАН – Архив Российской Академии наук
АХ – Академия художеств
БАН – Библиотека Академии наук б-ка – библиотека
БСЭ – Большая Советская Энциклопедия
ВАК – Высшая аттестационная комиссия
ВЖК – Высшие женские курсы
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВПК – Военно-промышленный комитет
ВРК – Военно-революционный комитет
ВСНХ – Высший совет народного хозяйства
ВХУТЕИН – Высший государственный художественно-технический институт
ВХУТЕМАС – Высшие государственные художественно-технические мастерские
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
ГАУ – Главное архивное управление при Совете Министров СССР
ГАХН – Государственная академия художественных наук
ГБЛ – Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина ген. – генерал
ГИМ – Государственный Исторический музей
Главархив – Главное управление архивным делом при Народном комиссариате просвещения РСФСР
Главнаука – Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями в составе Академического центра Народного комиссариата просвещения РСФСР
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина Госиздат – Государственное издательство
ГПБ – Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина
ГТГ – Государственная Третьяковская галерея губ. – губерния
ГУС – Государственный ученый совет
ДА – Духовная академия действ. – действительный
ЕГАФ – Единый государственный архивный фонд
Е.И.В. – Его Императорского Величества
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
зав. – заведующий
и. д. – исправляющий должность
ИМЛИ – Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН
СССР – РАН ин-т – институт
и. о. – исправляющий обязанности
ИОРЯС АН – Известия Отделения русского языка и словесности
Академии наук ИРЕА – Институт чистых химических реактивов
ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН
СССР – РАН Исполком – Исполнительный комитет
ИФЛИ – Институт философии, литературы и истории к-т – комитет
Коминтерн – Коммунистический интернационал

ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛИТО – Литературный отдел Народного комиссариата просвещения РСФСР
м-рь – монастырь
МАМЮ – Московский архив Министерства юстиции
МАО – Московское археологическое общество МВД – Министерство внутренних дел
МВЖК – Московские высшие женские курсы профессора В.И. Герье
МВТУ – Московское высшее техническое училище им. Н. Э. Баумана
МГАМИД – Московский Главный архив Министерства иностранных дел
МГПИ – Московский государственный педагогический институт. В 1930–1941 – им. А.С. Бубнова; в 1941–1990 – им. В.И. Ленина; ныне Педагогический государственный университет им. В.И. Ленина
МГУ – Московский государственный университет
МДА – Московская духовная академия
МИД – Министерство иностранных дел мин-во – министерство
Мин-во нар. проев. – Министерство народного просвещения
МИФЛИ – Московский институт философии, литературы и истории
МОПИ – Московское общество испытателей природы
М.у. – Московский университет
МУЗО – Музыкальный отдел Народного комиссариата просвещения РСФСР
Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения
Наркомфин – Народный комиссариат финансов
НИИ – Научно-исследовательский институт
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел об-во – общество
ОИДР – Общество истории и древностей российских
ОЛДП – Общество любителей древней письменности
ОЛЕАЭ – Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
ОЛРС – Общество любителей российской словесности
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного Исторического музея
ОР – Отдел рукописей
ОРЯС АН – Отделение русского языка и словесности АН
Политбюро – Политическое бюро Центрального Комитета Коммунистической партии СССР
прав-во – правительство
примеч. – примечание
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей Рабфак – рабочий факультет
РАИМК – Российская академия истории материальной культуры
РАН – Российская академия наук
РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РАО – Русское археологическое общество
РБС – Русский биографический словарь / Изд. под наблюдением председателя Имп. Русского исторического общества А. А. Половцева. В 25 т. СПб., М., 1896–1918.
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
Реввоенсовет– Революционный военный совет
РИО – Русское историческое общество
РИМ – Российский исторический музей
РКИ – Рабоче-крестьянская инспекция
РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия

РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
РОВС – Русский общевоинский союз
РПЗЦ – Русская православная церковь за рубежом
РПЦ – Русская православная церковь
РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия
св. – святой
СТО – Совет Труда и Обороны
тов-во – товарищество
ун-т – университет
упр-ние – управление
урожд. – урожденная
уч-ще – училище
ф-т – факультет
ФОН – Факультет общественных наук
ЦАГИ – Центральный аэрогидродинамический институт им. Н. Е. Жуковского
ЦГРМ – Центральные государственные реставрационные мастерские
Центрархив – Управление Центральным архивом при ВЦИК РСФСР
ЦИК – Центральный исполнительный комитет
ЦК – Центральный комитет
ЦКК – Центральная контрольная комиссия
ЦСУ – Центральное статистическое управление
ЦУМ – Центральный универсальный магазин
член-корр. – член-корреспондент
ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских